

ЗОЛОТОЙ ФОНД
МИРОВОЙ КЛАССИКИ

Никколо
МАКЪЯВЕЛЛИ

СОЧИНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИЕ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ

•

СОЧИНЕНИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ

•

ПИСЬМА

НФ «Пушкинская библиотека»

МОСКВА

2004

ЗОЛОТОЙ ФОНД
МИРОВОЙ КЛАССИКИ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

*АВЕРИНЦЕВ СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ
БАКЛАНОВ ГРИГОРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ
ГЕНИЕВА ЕКАТЕРИНА ЮРЬЕВНА
ГРАНИН ДАНИИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
ИВАНОВ ВЯЧЕСЛАВ ВСЕВОЛОДОВИЧ
КОМЕЧ АЛЕКСЕЙ ИЛЬИЧ
ПИОТРОВСКИЙ МИХАИЛ БОРИСОВИЧ
ЧХАРТИШВИЛИ ГРИГОРИЙ ШАЛВОВИЧ
ШВЫДКОЙ МИХАИЛ ЕФИМОВИЧ*

УДК 821.131.1-1
ББК 84 (4Ита)
М15

Серия «Золотой фонд мировой классики»
основана в 2002 году

Составители серии К.Н. Атарова, А.Я. Ливергант

*Составление тома,
вступительная статья и примечания М.Л. Андреева*

Перевод с итальянского

Оформление А.А. Кудрявцева

Издание осуществлено при поддержке
Института «Открытое общество»
(Фонд Сороса) — Россия

Макьявелли Н.

М15 Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные. Письма: Сб.: Пер. с итал. / Н. Макьявелли. — М.: НФ «Пушкинская библиотека», ООО «Издательство АСТ», 2004. — 819 [5] с. — (Золотой фонд мировой классики).

ISBN 5-94643-088-2 (НФ «Пушкинская библиотека»)

ISBN 5-17-021264-X (ООО «Издательство АСТ»)

В томе представлены наиболее известные произведения итальянского писателя и историка Никколо Макьявелли.

УДК 821.131.1-1
ББК 84 (4Ита)

© Составление серии «Золотой фонд мировой классики». НФ «Пушкинская библиотека», 2002

© Составление тома, вступительная статья, примечания. М.Л. Андреев, 2004

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2002

Слово и дело Никколо Макьявелли

Слава Макьявелли — особая. Его и превозносили, и проклинали. Превозносили как великого патриота и пророка национального возрождения, проклинали как наставника тиранов и разрушителя всех и всяческих моральных устоев. Имя его очень скоро сделалось почти нарицательным. Шекспир, например, может сказать «злодей на троне», а может сказать «макиавель» — последнее понятно большинству зрителей «Глобуса» и означает то же самое. Фридрих Великий написал в опровержение Макьявелли специальный трактат; когда писал, не был еще ни Великим, ни даже королем, но все равно не уберегся от очевидного обвинения, что опровергает Макьявелли, с тем чтобы свободнее следовать его рецептам. В прямые ученики Макьявелли зачисляли всех властителей, отличавшихся особенным злодейством, и лучше всего, если с видимым оттенком коварства. Началось это с Екатерины Медичи и продолжилось вплоть до Гитлера и Сталина. Всегда находятся читатели, которые с удивлением обнаруживают, что Макьявелли не исчерпывается его сложившейся в обыденном сознании репутацией, но призывы не браниться его именем остаются столь же тщетными, сколь и уверения медиевистов, что Средние века не были такими уж беспросветно темными.

Демонизация Макьявелли проявляется не только в ореоле зла, которым оказалось окружено его имя, но и в ореоле своего рода тайноведения. Макьявелли, как представляется, было известно

нечто такое о природе одного из главных человеческих инстинктов — воле к власти, что можно узнать, только заключив пакт с дьяволом. Иначе трудно объяснить постоянство, с которым к «загадкам и урокам» Макьявелли обращаются действующие и оставшиеся политики. И понятно, что в качестве оружия для борьбы с таким inferнальным противником лучше подходит заклинание, чем силлогизм. Основное же чувство, которое проступает в трудах прошлых и нынешних критиков Макьявелли, — это, как ни странно, обида. Сколько было моралистов, бросавших в лицо человечеству самые горькие упреки и самые тяжкие обвинения, но ни на кого человечество так не обижалось, как на Макьявелли. Так глубоко, так смертельно можно обидеться только на правду.

Никколо Макьявелли родился 3 мая 1469 года во Флоренции в семье доктора прав Бернардо Макьявелли и Бартоломеи Нелли. По отцу род был из мелкого дворянства, но давно смешавшегося с пополанской средой. Мать писала духовные и моралистические стихи, еще в XVIII веке образчики ее творчества хранились в семье. От отца осталась книга памятных заметок — все, что мы знаем о детстве Никколо, мы знаем из нее. Знаем, в частности, имена трех его учителей и можем представить характер образования, им полученного. Оно было довольно скромным: в основном то, что тогда называлось грамматикой, то есть навыки чтения латинских текстов. Навыки Никколо получил, но не более: совершенным его владение латынью назвать никак нельзя, это был принципиально другой уровень языковой культуры и по сравнению с блестящими латинистами из гуманистической среды, и даже по сравнению с любым выпускником университета, получившим традиционное, но полноформатное образование. Греческого Никколо не знал вовсе.

Очень важно для понимания Макьявелли верно оценить его место в культуре, верно его «позиционировать». Здесь играет свою роль образование, его недостаточность, но потом начинает играть роль сознательный выбор. В годы детства и ранней юности Макьявелли Флоренция переживала один из самых блестящих моментов своей истории. При первых Медичи, Козимо Старшем и

Лоренцо Великолепном, она стала центром гуманистического движения, существовали еще небольшие гуманистические кружки в Риме и Неаполе, но лидерство Флоренции оставалось бесспорным. Столь же непреложным было ее лидерство в искусстве. Флорентийское Кватроченто — это Брунеллески, Донателло, Гибберти, Верроккьо, отец и сын Липпи, Учелло, Боттичелли, фра Анджелико, Гирландайо, молодой Леонардо, молодой Микеланджело. Никогда ни ранее, ни позднее Флоренция не породила такой плеяды гениев искусства. Макьявелли к этой парадной стороне флорентийской культуры относился, судя по всему, с полным равнодушием. Об искусствах он молчит, даже рассказывая в «Истории Флоренции» о временах их наивысшего расцвета. О гуманистах он тоже молчит. Историями, написанными гуманистами, он пользовался, составляя свою историю, но больше и охотнее пользовался историями, написанными на итальянском языке и отнюдь не гуманистами. Именно к гуманистической историографии следует отнести презрительную фразу, оброненную в начале «Государя» — о внешних украшениях и затеях, которыми иные любят расцвечивать свои сочинения. Следов знакомства с другой гуманистической литературой — поэзией, моралистикой, философией — у Макьявелли нет.

В античной литературе, которой гуманисты, начиная с Петрарки, поклонялись, Макьявелли ценил тех, кто писал и рассуждал о делах конкретных, — историков. Упоминание о поэтах промелькнуло чуть ли не единственный раз в знаменитом письме к Веттори: «со мной Данте, Петрарка или кто-нибудь из *minori*, второстепенных поэтов, Тибулл, Овидий и им подобные». То, что Овидий «второстепенен» по сравнению с Петраркой, не очевидно даже сейчас, а уж во времена гуманистического обожествления античности и только начинавшегося складываться культа «трех венцов» было не очевидно вдвойне и втройне. В той муниципальной среде, литературные вкусы которой разделял Макьявелли, Данте, Петраркой и Боккаччо по давней привычке восторгались, но следовать за ними не пробовали. Следовали за более близкими и понятными, к примеру, за флорентийским глашатаем и звонарем Антонио Пуччи, писавшим обо всем, что видел и что про-

чел. Прочел, предположим, хронику Джованни Виллани, и вот, пожалуйста, эта хроника, но уже в терцинах, купил на рынке жесткого, как камень, петуха и сложил об этой своей неудаче сонет... В русле именно этой традиции располагается и поэзия матушки Макьявелли, и поэтическое творчество самого Макьявелли, о котором никто бы не вспомнил, не носи оно его имени. У этой муниципальной поэзии были свои маленькие классики, тот же Пуччи, Буркьелло, иногда к ней нисходили из своих парнасских куш великие — Лоренцо Медичи, Полициано. У великих была другая поэзия, и Макьявелли знал о ее существовании — по крайней мере он читал Ариосто, если обиделся на него за то, что тот не включил его в список знаменитых современных поэтов. Эта поэзия как раз и шла вслед за Петраркой и Боккаччо, не пренебрегая и «второстепенными» авторами, вроде Овидия, но Макьявелли было с ней явно не по пути.

Кроме того, весьма показателен и контекст, в который помещено чтение поэтов — между ловлей дроздов и посещением придорожной харчевни, среди дел материальных и даже унижительных. Для дел высоких наступает время ближе к вечеру, когда, облачившись в царственные одежды, Макьявелли вступает в торжественный круг великих мужей древности и в беседе с ними вкушает ту духовную пищу, единственно ради которой живет. Среди этих мужей нет, надо полагать, места ни для Овидия, ни даже для Данте с Петраркой, и пища, которую они способны подать, идет чуть ли не наравне с трактирной снедью. В таком отношении к поэзии нет ничего необычного, но великие поэты к своему делу относятся иначе. Ариосто, конечно, был прав.

Впервые нам удастся приглядеться к Макьявелли в канун Великого поста 1498 года, когда он с нескрываемой иронией наблюдает за проповедующим Савонаролой. Меньше чем за месяц до этого Макьявелли пытался баллотироваться на пост секретаря второй флорентийской канцелярии, которая ведала внутренней политикой, и был сторонниками Савонаролы провален. Но вряд ли дело в личной обиде: иронию вызывает политический инструментарий «брата», в котором Библия служит универсальным объяснительным ключом. Между тем время Савонаролы

подходило к концу, его совсем уже почти не осталось. 23 мая Савонаролу казнили, а 19 июня Макьявелли был утвержден на тот пост, на который он тщетно претендовал в феврале. Еще через месяц его назначили секретарем комиссии Десяти, пожалуй, самой важной флорентийской магистратуры, — в ее ведении находилась внешняя и военная политика республики.

А в республике к тому времени, когда Макьявелли стал заниматься ее делами, было неспокойно. Период относительной политической стабильности, когда Флоренцией на протяжении шестидесяти лет правили Медичи, правили, не разрушая традиционных республиканских институтов, но видоизменив их таким образом, что они стали инструментом единоличной власти, правили, имея дело и с внутренней оппозицией и с внешними угрозами, но успешно справляясь и с теми и с другими, — этот период завершился в 1494 году. В Италию явились французы: Карл VIII решил предъявить права на Неаполитанское королевство, которым с 1442 года владел Арагонский дом. Собственно, ничего особенно нового в этом не было: давно, еще в середине XIII века, Неаполь и Сицилию отобрал у Империи Карл Анжуйский; в начале XIV века через Флоренцию прошел ищущий для себя короны Карл Валуа (мимоходом сменив в ней режим — с этим эпизодом связано изгнание Данте); в тридцатые годы XV века за Неаполь бился с анжуйцами Альфонс Арагонский. Иностранная войска в Италии не были редкостью, часто они являлись туда по приглашению самих итальянцев, да и Карла VIII настойчиво призывал к походу на Неаполь Лудовико Моро, герцог Миланский. Новой, пожалуй, была только легкость, с которой французы прошли всю Италию, и какой-то невероятный, парализующий испуг итальянских государств и государей: в облике юного, беспечного и не очень умного французского короля перед ними словно предстала сама Немезида истории, и вдруг оказалось бессильным их традиционное оружие, которым они так виртуозно владели, — политическая интрига и огромные деньги.

Испугались все, но чуть ли не больше всех Пьеро Медичи: сдал Карлу без боя и без всякой необходимости крепости, державшие под надежной охраной всю Тоскану, и уступил Пизу и Ливорно

(Пизу потом пришлось пятнадцать лет отвоевывать). Флоренция, узнав об этом, восстала, Пьеро бежал, к власти пришла народная партия во главе с Савонаролой. Три с половиной года во Флоренции ставился невиданный политический эксперимент — народоправство под знаменем религиозного обновления. Форумом стал собор, а политическая линия вырабатывалась в келье монастыря Св. Марка. Наконец монах, раздраженный своими обличениями Рим, а реформами и налогами — крупнейших денежных тузов, пал, и Флоренция на время вернулась к домедицейской форме государственного устройства, к правлению немногих — олигархии. В 1502 году «немногие» доверили власть одному, пожизненному гонфалоньеру Пьеро Содерини, но на сущность власти это мало повлияло.

Зато повлияло на положение Макьявелли. Формально оно не изменилось: за четырнадцать лет, до 1512 года, когда реставрация Медичи оставила его без работы, он не сделал ни одного шага вверх по служебной лестнице. В олигархической республике, где действовали жесткие имущественные цензы, человеку с таким скромным состоянием, как у Макьявелли, сделать карьеру было невозможно. Сделать карьеру — то есть быть выбранным в ту же самую комиссию Десяти, где Никколо секретарствовал, или хотя бы получить полномочия официального посла («оратора», как они тогда назывались). Ораторами, как правило, отправлялись другие — например, Никколо Валори, которого Макьявелли сопровождал во Францию в 1504 году, или Франческо Веттори, с которым в 1508 году ездил ко двору императора Максимилиана. Макьявелли в таких случаях доставалась роль второго плана: он не вручал верительных грамот, не вел официальных переговоров, не обладал правом подписи — он собирал информацию и оценивал положение дел. Эти его экспертизы чем дальше, тем больше ценились, хотя и не всеми — многих членов комиссии «умствования» Макьявелли раздражали. Но не раздражали Содерини: гонфалоньер к мнениям Макьявелли прислушивался и давал ему все более ответственные поручения. Всего за время службы Макьявелли совершил около двадцати дипломатических поездок, среди которых надо отметить пять к французскому королю (впер-

вые в 1500 году, последний раз в 1511-м), две к императору (в 1508 и 1509-м), а также к Чезаре Борджа (1502), на конклав, избравший Юлия II (1503), и к самому Юлию II (1506).

Макьявелли повидал многих главных действующих лиц итальянской политики, вник в ее тайные пружины и с полным правом мог сказать о себе, что «не проспал и не проиграл в бирюльки те пятнадцать лет, которые были посвящены изучению государственного искусства». На его глазах все в Италии изменилось. Поход Карла VIII словно выбил какую-то подпорку из-под здания итальянской политической стабильности, и оно тут же зашаталось и рассыпалось в прах. Самые сильные итальянские государства, Неаполитанское королевство и Миланское герцогство, оказались и самой легкой добычей. У Венеции в два счета отобрали все ее материковые владения. Удержаться можно было, только сделав ставку на иностранную военную силу и не ошибившись в выборе. Флоренция ставила на Францию и в 1512-м, а потом в 1527 году горько об этом пожалела. Франция проиграла в Италии все: сначала Неаполь, а за ним и Милан.

Макьявелли вынес из политической картины первого десятилетия XVI века следующий основной урок: договориться между собой итальянские государства не могут в принципе, а по отдельности ни одно из них не способно противостоять внешнему врагу, и не столько из-за слабости, сколько из-за давно укоренившегося недоверия к своим собственным гражданам. Вооруженный и обученный военному ремеслу народ казался им источником постоянной опасности, питательной средой для внутренних смут и переворотов. Милан, Венеция, Флоренция уже давно, весь прошлый век, воевали чужими руками и против иностранного войска могли выставить только другое такое же. А наемные войска воевать не за страх, а за совесть не будут никогда: в этом Макьявелли убеждало множество примеров и ближайший из них — безуспешные многолетние попытки Флоренции вернуть Пизу либо руками французов, либо руками кондотьеров. Значит, нужно было забыть о страхах и набирать войско из своих граждан — об этом Макьявелли не уставал твердить и нашел наконец человека, готового его слушать, в лице Пьеро Содерини. После оче-

редного позорного провала под Пизой в сентябре 1505 года, когда наемники отказались входить в город через уже сделанный пролом, Содерини в обход всех комиссий и коллегий поручил Макьявелли набирать первые милицейские роты.

Именно тогда о Макьявелли — задолго до «Государя» — впервые, пожалуй, заговорили, вернее, зашептались как о наставнике тиранов: готовит, дескать, для будущего переворота гвардию. Содерини его противники, соперники и даже сторонники все время подозревали в намерении установить режим единоличной власти. После того как он настоял в декабре 1506 года на формировании новой магистратуры, комиссии Девяти по делам флорентийского ополчения, и провел туда секретарем Макьявелли, они в своем подозрении еще более утвердились, а Макьявелли заработал себе репутацию человека, опасно и тайно близкого Содерини, — этого ему не простили и Медичи после своего возвращения, и республиканцы в пока еще далеком 1527 году. А с новым поручением Макьявелли справился более чем удовлетворительно: именно набранное им из сограждан, не наемное, не иностранное, войско взяло наконец в июне 1509 года Пизу. Правда, его милиция позорно провалилась в Прато в 1512 году, не выдержав удара регулярных испанских войск, но это не значит, что сама военная реформа, им выдвинутая, была нежизнеспособна — просто во Флоренции было еще слишком мало людей, готовых драться не только за свой малый дом, но и за большой, за отечество. Их было мало везде, когда же они начали появляться, а в Италии это случилось не скоро, ближе к XIX веку, то именно в Макьявелли они увидели своего пророка и духовного вождя, и именно тогда ему стали ставить памятники.

Сразу после падения Прато Пьеро Содерини бежал, еще через две недели (14 сентября) во Флоренцию въехал кардинал Джованни Медичи, будущий папа Лев X — Медичи вернулись спустя восемнадцать лет. Макьявелли еще некоторое время ходил на службу, но ни одного дела ему уже не поручали. 7 ноября он был отстранен от всех должностей — и во второй канцелярии, и в комиссии Десяти. В следующем году его имя оказалось среди участников антимедицейского заговора, его бросили в тюрьму,

подвергли пытке, и от более серьезных неприятностей он избавился лишь благодаря амнистии, объявленной в связи с вступлением Джованни Медичи на папский престол. Его выслали из Флоренции, но запретили выезжать за территорию республики. Ссылку он отбывал в маленьком своем имении Сант Андреа, в Перкуссине, и этот период вынужденного бездействия стал самым для него плодотворным: в эти годы, с 1513-го до 1518-го, обдумывались и писались и «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия»; и «Государь», и «Мандрагора».

До опалы Макьявелли тоже писал много, но в основном деловые бумаги и отчеты о посольствах. Из огромного массива его служебной переписки выделяются несколько небольших сочинений («Описание того, как избавился герцог Валентино от Вителлоццо Вителли, Оливеротто да Фермо, синьора Паоло и герцога Гравина Орсини», «О том, как надлежит поступать с восставшими жителями Вальдикьяны», «Положение дел в Германии», «Положение дел во Франции»), в которых уже угадывается будущий автор «Рассуждений» и «Государя». Угадывается, разумеется, только в том случае, если мы с этим автором хорошо знакомы и догадываемся, во что разрастется внимательное чтение Тита Ливия (в меморандуме о восстании в Ареццо) и пристальный интерес к Цезаре Борджа (в «Описании»). Пробовал свои силы Макьявелли в это время и в стихах, но о его стихах мы уже говорили. В общем, до опалы и ссылки нам остается лишь вылавливать в сочинениях Макьявелли те «излишне смелые» умозаключения, за пристрастие к которым его корили начальники и товарищи по службе.

Макьявелли по традиции считается первым настоящим политическим мыслителем в послеантичный период европейской истории. Первым и настоящим, потому что до него всякий, кто рассматривал жизнедеятельность государства, делал это, в обязательном порядке опираясь на посторонние этой жизнедеятельности цели и ценности — прежде всего религиозные и моральные. Многие и до Макьявелли выводили возникновение государства из необходимости обслуживать некие первичные и элементарные человеческие потребности (например, в безопасности), но

Макьявелли делает следующий и очень важный шаг — этими потребностями задачи государства и ограничивает. Государство сдерживает и окультуривает дикие и первобытные инстинкты и аффекты, но само при этом является их своего рода равнодействующей. Оно противопоставляет стихии закон и порядок, т.е. тот же произвол, но в организованной форме.

Чего хочет обычный, среднестатистический гражданин? Хочет, чтобы никто не покушался на его жизнь и не грабил его имущество, чтобы его надежно оберегали и от равного по положению, и от более сильного и знатного, и от правителя, ставшего тираном, и от внешнего врага. Уговаривать грабителя бесполезно, его силе можно противопоставить только равную силу, причем надо это сделать таким образом, чтобы эти две силы не уничтожали друг друга, а своим противоборством делали сильнее государство. Это удалось в Риме: возникшее после изгнания царей государственное устройство продержалось почти пятьсот лет лишь потому, что одновременно и сдерживало и давало выход двум главным человеческим инстинктам — стремлению властвовать и стремлению быть свободным. Это никак не удастся в Италии: мешает папский Рим — слишком слабый, чтобы подчинить всех себе, достаточно сильный, чтобы не дать вырасти в Италии какой-то новой силе; мешают итальянские государства, которые боятся и ненавидят друг друга; мешают иноземцы, которым выгоден итальянский разброд и шатание. Но с другой стороны, положение отнюдь не безнадежно — не приходится, как римлянам, начинать с пустого места. За Медичи, кому посвящен и к кому обращен «Государь», — Рим с его необъятными денежными ресурсами, оставленное Юлием II неплохое наследство в Романье, Урбино, уже прибранное к рукам Львом X, и, конечно, Флоренция. Вся Средняя Италия — куда больше, чем было у Чезаре Борджа даже на пике его могущества. Нужна лишь воля, то есть человек — новый Моисей, Кир, Тезей, Ромул, на худой конец тот же Борджа.

Среди Медичи такого человека не нашлось, да и вряд ли политический проект Макьявелли мог осуществиться. Дело не в том, что он неверно оценил ситуацию в Италии — в самом его методе

произошел некоторый, весьма существенный сбой. Всякое общее положение Макьявелли всегда проверял двумя рядами фактов — опытом древности и опытом современности. В том, что касается учреждения нового государства, а именно такое требовалось Италии, чтобы преодолеть и внешнюю угрозу и внутреннюю неустроенность, древность предлагала рассказы о легендарных законодателях — о Ликурге, Солоне, Нуме Помпилии, которые, располагая прочной властью, вводили в своих царствах и республиках добрые и мудрые порядки. Предлагала она и рассказы об авантюристах и политических интриганах, которые захватывали власть после большой или малой резни. Надежность своей личной власти они могли — так представлялось Макьявелли — обеспечить решительностью действий на первом этапе, и тут, конечно, без резни не обойтись. Но, обезопасив себя от внешних и внутренних врагов, новый государь, если он не заурядный хищник и честолюбец, начинает затем перестраивать государство и прививать в нем здоровые политические нравы. Рано или поздно это приводит к тому, что народ, пробужденный или возвращенный государем к гражданскому бытию, вновь может взять на себя роль главного политического агента. Именно такую политическую эволюцию Макьявелли увидел в Древнем Риме (Ромул расправляется с внутренней оппозицией и с внешней угрозой; Нума дает законы; после изгнания царей начинается полноценная гражданская жизнь; сохраняемое на протяжении столетий гражданское здоровье позволяет Риму стать властелином Италии и мира), и именно такой программы он ждал от нового государя, от Медичи, от черта или дьявола. «Рассуждения» в таком случае предстают как теоретическая база для «Государя».

Но есть здесь одна неувязка. Что касается первой, кровавой фазы политического цикла, то тут современность была щедра на примеры. Хуже дело обстояло со следующими фазами: ни за Франческо Сфорца, ни за Оливеротто из Фермо, ни за Чезаре Борджа новых Ликургов и Солонов не просматривалось. Новый государь, как правило, сам захлебывался в пролитой им крови. Макьявелли вынужден нарушить главный свой принцип — исходить из «действительной правды вещей». Если такого госуда-

ря нет, его надо выдумать. И Макьявелли выдумывает своего герцога Валентино, которого хорошо знал на вершине его могущества, когда он казался ему опасным и умным врагом, но образцовым государем стал казаться только теперь, когда во что бы то ни стало понадобился образец.

Тех, кто возмущался Макьявелли, более всего возмущала как раз седьмая глава «Государя», где рассказано о преступлениях Чезаре Борджа и где эти преступления представлены как самое наглядное и неопровержимое доказательство его доблести. Как правило, это были те же самые лица, которых крайне шокировало и то обстоятельство, что некоторые художники Возрождения в качестве моделей для своих мадонн брали дам весьма вольного поведения. Вообще ренессансная красота часто вырастала из грязи: первым шагом к созданию пластически совершенного образа было расчленение трупа. И у Макьявелли мы встречаемся с аналогичным примером предельной эстетической сублимации: его новый государь строит свое государство как художник, и точно так же строит своего государя Макьявелли. «Рассуждения» в таком ракурсе — это тот анатомический театр, в котором будущий художник изучает «натуру».

Метод Макьявелли научен, в современном понимании, только до определенного предела. Макьявелли сравнивает, сопоставляет, анализирует — это наука. Он формулирует некое общее положение — это тоже наука. Дальше наука не идет, а Макьявелли этого мало. Мало сказать нечто новое о том, как живут, растут и приходят в упадок государства. Если бы он этим ограничился, то мы бы знали его как политического и социального мыслителя, и только. Макьявелли не просто идет дальше, он полностью меняет правила игры. Мертвая и препарированная материя снова оживает. Вместо государства как овеществленной суммы волей, умов и интересов на историческую арену выводится индивид с его собственной волей, разумом и интересом. Ему ставится задача овладеть государством и через него овладеть историей, повернуть ее на другой путь. Италия «разгромлена, разорена, истерзана, растоптана, повержена в прах». Так, значит, все пропало? Нет, это

значит всего лишь, что Италия превратилась в материал, которому можно придать любую форму.

У «нового государя» Макьявелли, призванного обработать аморфную материю государства, много врагов — люди, обстоятельства, фортуна. Но главное препятствие в нем самом, в его неуниверсальности. Он связан и ограничен своей природой, привычками, характером. Когда «особенности времени» и «природные склонности» совпадают, он торжествует; когда между ними раздор, его ждет катастрофа. Идеальный государь должен меняться сам вслед за изменениями времени, должен быть художником не только по отношению к государству, но и по отношению к самому себе. Он должен вырваться из себя, преодолеть преграду своей индивидуальности, вместить в себя все. Макьявелли, однако, сомневается в том, что такое возможно: «нет людей, которые умели бы к этому (переменам времени и обстоятельствам) приспособиться, как бы они ни были благоразумны». То единство идеального и реального, которое было достигнуто искусством высокого Возрождения, ему представляется уже чем-то химерическим — точно так же, как пустой стилистической акробатикой представлялась ему блестящая риторика гуманистов.

Макьявелли и в политике, и в культуре ощущал себя посторонним. Та позиция, в которой мы впервые его застали, во время великопостной проповеди Савонаролы, для него вообще в высшей степени характерна — позиция чуть отстраненного, трезвого и ироничного наблюдателя. Нельзя сказать, что она его устраивала. Он пытался из нее вырваться, но и «природные склонности», и «обстоятельства времени» неизменно его к ней возвращали. В качестве наблюдателя, чуть в стороне от событий и действий, он был нужен флорентийской синьории и Пьеро Содерини. Лучшие качества его ума и таланта проявились, когда медицейская реставрация сделала его посторонним в полном смысле этого слова — посторонним тому, что он считал делом своей жизни, и даже родному городу. Историкографом, то есть наблюдателем в чистом виде, его согласились принять смягчившиеся Медичи, дав возможность родиться его последнему шедевру, «Истории Флоренции». И наконец, самым решительным образом ему указали на

его чужеродность в мае 1527 года, когда после взятия Рима испано-германскими войсками из Флоренции в очередной раз были изгнаны Медичи и вернувшиеся к власти олигархи спешно формировали новое правительство: кандидатура Макьявелли на все ту же, хорошо знакомую ему должность секретаря коллегии Десяти была с треском провалена в Большом Совете. Редко кто из писавших о Макьявелли не указывал на символичность смерти, последовавшей почти сразу, чуть более чем через месяц после этого последнего постигшего его разочарования, — 21 июня.

Посторонним Макьявелли оставался и в своем литературном творчестве. Лучшее его литературное произведение, «Мандрагора», является злой сатирой не только на духовенство (в лице фра Тимотео), не только на респектабельных флорентийских горожан (в лице мессера Нича), но и на саму комедию, с легкой руки Аристо начинавшую в это время активно и успешно осваивать сюжеты и формы комедии древнеримской. И действие «Мандрагоры», и особенно ее псевдоконструктивная развязка пародируют центральный для комедии мотив родового обновления. Не случайно «Мандрагора», прошумев поначалу на виднейших итальянских сценах, затем оказалась вытесненной из литературной памяти (более понятной и близкой представлялась «Клиция», вторая и не столь далеко отклоняющаяся от стереотипа комедия Макьявелли), и о ней вспомнили по-настоящему лишь в XVIII веке. Такова судьба всех, кто стоит в стороне, не полностью вписывается в течение, направление, группу. Зато им дано больше других увидеть. Вслед за ними больше видим и мы. Лишь взглядевшись в Макьявелли, мы можем понять, каков был ренессансный индивидуализм, но и в том, каков был ренессансный эстетизм, без Макьявелли разобраться трудно. И вообще, даже пробовать не стоит говорить о Возрождении, об эпохе, изменившей весь язык европейской культуры, исключая из нее этого человека, презиравшего гуманистов и равнодушного к искусству.

М.Л. Андреев

**СОЧИНЕНИЯ
ИСТОРИЧЕСКИЕ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ**

О том, как надлежит поступать с восставшими жителями Вальдикьяны

Когда Луций Фурий Камилл вернулся в Рим после победы над жителями Лациума, много раз восстававшими против римлян, он пришел в Сенат и сказал речь, в которой рассуждал, как поступить с землями и городами латинов. Вот как передает Ливий его слова и решение Сената: «Отцы сенаторы, то, что должно было свершить в Лациуме войной и мечом, милостью богов и доблестью воинов наших ныне окончено. Воинство врагов полегло у Педа и Астуры, земли и города латинов и Анциум, город вольсков, взяты силой или сдались вам на известных условиях. Мы знаем, однако, что племена эти часто восстают, подвергая отечество опасности, и теперь нам остается подумать, как обеспечить себя на будущее время: воздать ли им жестокостью или великодушно их простить. Боги дали вам полную власть решить, должен ли Лациум остаться независимым, или вы подчините его на вечные времена. Итак, подумайте, хотите ли вы сурово проучить тех, кто вам покорился, хотите ли вы разорить дотла весь Лациум и превратить в пустыню край, откуда не раз приводили вы в опасное время на помощь себе войска, или вы хотите, по примеру предков ваших, расширить республику Римскую, переселив в Рим тех, кого еще они победили, и этим дается вам случай со славой расширить пределы города. Я же хочу сказать лишь следующее: то государство стоит несокрушимо, которое обладает подданными верными и привязанными к своему властителю; однако дело, ко-

торое надо решить, должно быть решено быстро, ибо перед вами множество людей, трепещущих между надеждой и страхом, которых надо вывести из этой неизвестности и обратить их умы к мыслям о каре или о награждении. Долгом моим было действовать так, чтобы и то и другое было в вашей власти; это исполнено. Вам же теперь предстоит принять решение на благо и пользу республики».

Сенаторы хвалили речь консула, но сказали, что дела в восставших городах и землях обстоят различно, так что они не могут говорить обо всех, а лишь о каждом отдельно, и когда консул доложил о делах каждой земли, сенаторы решили, что ланувийцы должны быть гражданами римскими и получить обратно священные предметы, отнятые у них во время войны; точно так же дали они гражданство римское арицинам, номентанам и педанам, сохранили преимущества тускуланцев, а вину за их восстание возложили на немногих, наиболее подозрительных. Зато велитерны были наказаны жестоко, потому что, будучи уже давно римскими гражданами, они много раз восставали; город их был разрушен, и всех его граждан переселили в Рим. В Анциум, дабы прочно укрепить его за собой, поселили новых жителей, отняли все корабли и запретили строить новые. Можно видеть по этому приговору, как решили римляне судьбу восставших земель; они думали, что надо или приобрести их верность благодеяниями, или поступить с ними так, чтобы впредь никогда не приходилось их бояться; всякий средний путь казался им вредным. Когда надо было решать, римляне прибегали то к одному, то к другому средству, милуя тех, с кем можно было надеяться на мир; с другими же, на кого надеяться не приходилось, они поступали так, что те уже никак и никогда не могли им повредить. Чтобы достигнуть этой последней цели, у римлян было два средства: одно — это разрушить город и переселить жителей в Рим, другое — изгнать из города его старых жителей и прислать сюда новых или, оставив в городе старых жителей, поселить туда так много новых, чтобы старые уже никогда не могли злоумышлять и затеять что-либо против Сената. К этим двум средствам и прибегли римляне, когда разрушили Велитернум и заселили новыми жителями Анци-

ум. Говорят, что история — наставница наших поступков, а более всего поступков князей, что мир всегда населен был людьми, подвластными одним и тем же страстям, что всегда были слуги и повелители, а среди слуг такие, кто служит поневоле и кто служит охотно, кто восстает на господина и терпит за это кару. Кто этому не верит, пусть посмотрит на Ареццо и на всю Вальдикьяну, где в прошлом году творились дела, очень схожие с историей латинских племен. Как там, так и здесь было восстание, впоследствии подавленное, и хотя в средствах восстания и подавления есть довольно заметная разница, но самое восстание и подавление его схожи. Поэтому, если верно, что история — наставница наших поступков, не мешает тем, кто будет карать и судить Вальдикьяну, брать пример и подражать народу, который стал владыкой мира, особенно в деле, где вам точно показано, как надо управлять, ибо как римляне осудили различно, смотря по разности вины, так должны поступить и вы, усмотрев различие вины и среди ваших мятежников. Если вы скажете: мы это сделаем, я отвечу, что не сделано главное и лучшее. Я считаю хорошим решением, что вы оставили правящие органы в Кортоне, Кастильоне, Борго, Фойано, обошлись с ними ласково и сумели благодеяниями вернуть их приязнь, ибо нахожу в них сходство с ланувийцами, арицинами, номентанами и тускуланцами, насчет которых римляне решили почти так же. Но я не одобряю, что аретинцы, похожие на велитернов и анциан, не подверглись такой же участи, как и те. И если решение римлян заслуживает хвалы, то ваше в той же мере заслуживает осуждения. Римляне находили, что надо либо облагодетельствовать восставшие народы, либо вовсе их истребить и что всякий иной путь грозит величайшими опасностями. Как мне кажется, вы не сделали с аретинцами ни того ни другого: вы переселили их во Флоренцию, лишили их почестей, продали их имения, открыто их срамили, держали их солдат в плену — все это нельзя назвать благодеянием. Точно так же нельзя сказать, что вы себя обезопасили, ибо оставили в целости городские стены, позволили пяти шестым жителей остаться по-прежнему в городе, не смешали их с новыми жителями, которые держали бы их в узде, и вообще не сумели так поставить дело,

чтобы при новых затруднениях и войнах нам не пришлось тратить больше сил на Ареццо, чем на врага, который вздумает на нас напасть. Вспомните опыт 1498 года, когда еще не было ни восстания, ни жестокого усмирения этого города; все же, когда венецианцы подошли к Биббиене, вам пришлось, чтобы отстоять Ареццо, отдать его войскам герцога Миланского, и если бы не ваши колебания, то граф Рануччо с своим отрядом мог бы воевать против врагов в Казентино и не понадобилось бы отзывать из-под Пизы Паоло Вителли, чтобы послать его в Казентино. Однако ненадежность аретинцев заставила вас на это решиться, и вам пришлось встретиться с очень большими опасностями, помимо огромных расходов, которых вы бы избежали, если бы аретинцы остались верными. Сближая, таким образом, то, что было тогда, с тем, что мы видели позже, и с условиями, в которых вы находитесь, можно заключить наверняка, что если на вас, упаси Боже, кто-нибудь нападет, то Ареццо восстанет или вам будет так трудно удержать его в повиновении, что расходы окажутся для города непосильными. Не хочу обойти молчанием и вопрос, можете ли вы подвергнуться нападению или нет и есть ли человек, который рассчитывает на аретинцев.

Не будем говорить о том, насколько вам могут быть страшны иноземные государи, а побеседуем об опасности гораздо более близкой. Кто наблюдал Чезаре Борджа, которого называют герцогом Валентино, тот знает, что, оберегая свои владения, он никогда не думал опираться на своих итальянских друзей, так как венецианцев он ценил низко, а вас еще ниже. Поэтому он, конечно, должен думать о том, чтобы создать себе в Италии такую власть, которая дала бы ему безопасность и заставила бы всякого другого правителя желать его дружбы. Что таково его намерение, что он стремится захватить Тоскану, страну, близко лежащую и пригодную, чтобы образовать вместе с другими его владениями единое королевство, — это вытекает необходимо из причин, о которых сказано выше, из властолюбия герцога и даже из того, что он заставлял вас терять время на переговоры и никогда не хотел заключить с вами договор. Дело теперь только в том, удобное ли сейчас время для его замыслов. Я вспоминаю, как кардинал Со-

дерини говорил, что у папы и у герцога, помимо других качеств, за которые можно было назвать их великими людьми, было еще следующее: оба они большие мастера выбирать удобный случай и, как никто, умеют им пользоваться. Мнение это подтверждено опытом дел, проведенных ими с успехом. Если бы спор шел о том, настала ли сейчас удобная минута, чтобы вас прижать, я бы ответил, что нет, но знайте, что герцог не может выжидать, кто победит, ибо, при краткости жизни папы, времени у него останется мало; ему необходимо воспользоваться первым представившимся случаем и положиться во многом на счастье.

Описание того, как избавился герцог Валентино от Вителлоццо Вителли, Оливеротто да Фермо, синьора Паоло и герцога Гравина Орсини

Герцог Валентино только что вернулся из Ломбардии, куда он ездил, чтобы оправдаться перед Людовиком, королем Франции, от клевет, взведенных на него флорентийцами из-за мятежа в Ареццо и в других местностях Вальдикьяны; он находился в Имоле, оттуда намеревался выступить с своими отрядами против Джованни Бентивольо, тирана Болоньи, так как хотел подчинить себе этот город и сделать его столицей своего герцогства Романьи. Когда весть об этом дошла до Вителли, Орсини и других их сторонников, они решили, что герцог становится слишком могуч и теперь надо бояться за себя, ибо, завладев Болоньей, он, конечно, постарается их истребить, дабы вооруженным в Италии остался один только он. Они собрались в Маджоне около Перуджи и пригласили туда кардинала, Паоло и герцога Гравина Орсини, Вителлоццо Вителли, Оливеротто да Фермо, Джампаоло Бальони, тирана Перуджи, и мессера Антонио да Венафро, посланного Пандольфо Петруччи, властителем Сиены; на собрании речь шла о мощи герцога, о его замыслах, о том, что его необходимо обуздать, иначе всем им грозит гибель. Кроме того, решили не покидать Бентивольо, постараться привлечь на свою сторону флорентийцев и в оба города послать своих людей, обещая помощь первому и убеждая второй объединиться против общего врага. Об этом съезде стало тотчас же известно во всей Италии, и у всех недовольных властью герцога, между прочим у жителей Урбино, появилась надежда на перемены. Умы волновались, и несколько

жителей Урбино решили захватить дружественный герцогу замок Сан Лео. Владелец замка в это время его укреплял, и туда свозили лес для построек; заговорщики дождались, пока бревна, доставлявшиеся в замок, были уже на мосту, и загромоздили его настолько, что защитники замка не могли на него взойти, вскочили на мост и оттуда ворвались в замок. Как только об этом захвате стало известно, взбунтовалось все государство и потребовало обратно своего старого герцога, понадеявшись не столько даже на захват крепости, сколько на съезд в Маджоне и на его поддержку. Участники съезда, узнав о бунте в Урбино, решили, что упускать этот случай нельзя, собрали своих людей и двинулись на завоевание всех земель, которые в этом государстве оставались еще в руках герцога, причем снова отправили во Флоренцию послов, поручив им убедить республику соединиться с ними, чтобы потушить страшный для всех пожар, указывая, что враг разбит и другого такого случая уже не дожидаться. Однако флорентийцы, ненавидевшие по разным причинам Вителли и Орсини, не только к ним не присоединились, но послали к герцогу своего секретаря, Никколо Макьявелли, предлагая ему убежище и помощь против его новых врагов; герцог же находился в Имоле в великом страхе, потому что солдаты его совсем для него неожиданно стали его врагами, война была близка, а он оказывался безоружным. Однако, получив предложения флорентийцев, он воспрянул духом и решил тянуть войну с небольшими отрядами, какие у него оставались, заключать с кем можно соглашения и искать помощи, которую готовил двойко: он просил помощи у короля Франции, а с своей стороны, нанимал где мог солдат и всяких конных людей, всем раздавая деньги. Враги его все же, продвигаясь вперед, подошли к Фоссомброне, где стояли некоторые отряды герцога, которые и были разбиты Вителли и Орсини. После этого герцог все свои помыслы сосредоточил на одном: попробовать, нельзя ли остановить беду, заключив с врагами сделку; будучи величайшим мастером в притворстве, он не упустил ничего, чтобы втолковать им, что они подняли оружие против человека, который хотел все свои приобретения отдать им, что с него довольно одного титула князя, а самое княжество он хотел

им уступить. Герцог так их в этом убедил, что они отправили к нему синьора Паоло для переговоров и прекратили войну. Герцог же своих приготовлений не прекратил и всячески старался набрать как можно больше всадников и пехотинцев; а чтобы приготовления его не обнаружались, он рассылал своих людей отдельными отрядами по всей Романье. Тем временем к нему прибыли пятьсот французских копейщиков, и хотя он был уже настолько силен, что мог отмстить врагам оружием, он все же решил, что вернее и полезнее их обмануть и не прекращать переговоров. Он так усердно вел дело, что заключил с ними мир, которым подтвердил свои прежние договоры с ними о командовании, подарил им четыре тысячи дукатов, обещал не притеснять Бентивольо, даже породнился с Джованни; все это было тем труднее, что он не мог заставить врагов лично к себе явиться. С другой стороны, Орсини и Вителли обязались вернуть ему герцогство Урбино и другие занятые владения, служить ему во всех его походах, без разрешения его ни с кем не вести войны и не заключать союза. После этой сделки Гвидо Убальдо, герцог Урбино, снова бежал в Венецию, разрушив сперва все крепости государства, ибо, доверяя народу и не веря, что он сможет эти крепости защитить, он не хотел отдать их врагу, который, владея замками, держал бы в руках его друзей. Сам герцог Валентино, заключив этот мир и разослав своих людей по всей Романье вместе с французскими солдатами, уехал в конце ноября из Имолы и направился в Чезену, где провел немало времени в переговорах с Вителли и Орсини, находившимися со своими людьми в герцогстве Урбино, завоевание которого приходилось вести с начала; так как дело не двигалось, они послали к герцогу Оливеротто да Фермо, чтобы предложить ему свои услуги, если герцог захочет идти на Тоскану. В противном случае они двинутся на Синигалию. Герцог ответил, что не желает поднимать войну в Тоскане, так как флорентийцы — его друзья, но будет очень рад, если Орсини и Вителли отправятся в Синигалию. Вскоре пришло известие, что город им покорился, но замок сдать не хочет, так как владелец хотел передать его только самому герцогу и никому иному, а потому герцога просят прибыть скорее. Случай показался герцогу

удобным и не возбуждающим подозрения, так как не он собирался ехать в Синигалию, а сами Орсини его туда вызвали. Чтобы вернее усыпить противников, герцог отпустил всех французских солдат, которые вернулись в Ломбардию, и оставил при себе только сто копейщиков под командой своего родственника монсеньора ди Кандалес; около половины декабря он выехал из Чезены и отправился в Фано; там он со всем коварством и ловкостью, на какую только был способен, убедил Вителли и Орсини подождать его в Синигалии, доказав им, что при такой грубости владельца замка мир их не может быть ни прочным, ни продолжительным, а он такой человек, который хочет опереться на оружие и совет своих друзей. Правда, Вителлоццо держался очень осторожно, так как смерть брата научила его, что нельзя сперва оскорбить князя, а потом ему доверяться, но, поддавшись убеждениям Паоло Орсини, соблазненного подарками и обещаниями герцога, он согласился его подождать. Перед отъездом из Фано (это было 30 декабря 1502 года) герцог сообщил свои замыслы восьми самым верным своим приближенным, между прочим дону Микеле и монсеньору д'Эуна, который впоследствии был кардиналом, и приказал им, как только они встретят Вителлоццо, Паоло Орсини, герцога Гравина и Оливеротто, сейчас же поставить около каждого из них двух своих, поручить каждого точно известным людям и двигаться в таком порядке до Синигалии, никого не отпуская, пока не доведут их до дома герцога и не схватят. Затем герцог распорядился, чтобы все его воины, конные и пешие (а их было больше двух тысяч всадников и десять тысяч пехотинцев), находились с раннего утра на берегу реки Метавра, в пяти милях от Фано, и там его дожидались. Когда все это войско в последний день декабря собралось на берегу Метавра, он выслал вперед около двухсот всадников, затем послал пехоту и, наконец, выступил сам с остальными солдатами. Фано и Синигалия — это два города в Анконской Марке, лежащие на берегу Адриатического моря и в пятнадцати милях друг от друга; если идти по направлению к Синигалии, то с правой стороны будут горы, подножие которых иногда так приближается к морю, что между горами и водой остается только очень

узкое пространство, и даже там, где горы расступаются, оно не достигает двух миль. Расстояние от подножия этих гор до Синигалии немного больше выстрела из лука, а от Синигалии до моря оно меньше мили. Недалеко протекает небольшая речка, омывающая часть стен, которые выходят на дорогу и обращены к городу Фано. Таким образом, если направляться в Синигалию из окрестностей, то большую часть пути надо идти вдоль гор; у самой реки, пересекающей Синигалию, дорога отклоняется влево и, на расстоянии выстрела из лука, идет берегом, а затем поворачивает на мост, перекинутый через реку, и почти подходит к воротам Синигалии, но не прямо, а сбоку. Перед воротами лежит предместье из нескольких домов и площади, которая одной стороной выходит на речную плотину. Вителли и Орсини, приказав дожидаться герцога и желая сами торжественно его встретить, разместили своих людей в замке в шести милях от Синигалии и оставили в Синигалии только Оливеротто с его отрядом в тысячу пехотинцев и сто пятьдесят всадников, расположившихся в предместье, о котором сказано выше.

Отдав, таким образом, необходимые распоряжения, герцог Валентино направился к Синигалии, и когда головной отряд всадников подъехал к мосту, он не перешел его, а остановился и затем повернул частью к реке, частью в поле, оставив в середине проход, через который, не останавливаясь, прошли пехотинцы. Навстречу герцогу выехали на мулах Вителлоццо, Паоло Орсини и герцог Гравина, сопровождаемые всего несколькими всадниками. Вителлоццо, безоружный, в зеленой шапочке, был в глубокой печали, точно сознавая свою близкую смерть (храбрость этого человека и его прошлое были хорошо известны), и на него смотрели с любопытством. Говорили, что, уезжая от своих солдат, чтобы отправиться навстречу герцогу в Синигалию, он прощался с ними как бы в последний раз. Дом и имущество он поручил начальникам отряда, а племянников своих увещевал помнить не о богатстве их дома, а о доблести отцов. Когда все трое подъехали к герцогу и сердечно его приветствовали, он их принял любезно, и они тотчас же были окружены людьми герцога, которым прика-

зано было за ними следить. Увидав, что не хватает Оливеротто, который остался с своим отрядом в Синигалии и, дожидаясь у места своей стоянки, выше реки, держал своих людей в строю и обучал их, герцог показал глазами дону Микеле, которому поручен был Оливеротто, чтобы тот не допустил Оливеротто ускользнуть. Тогда дон Микеле поскакал вперед и, подъехав к Оливеротто, сказал ему, что нельзя уводить солдат из помещений, так как люди герцога их отнимут; поэтому он предложил ему их разместить и вместе ехать навстречу герцогу. Оливеротто исполнил это распоряжение, и в это время неожиданно подъехал герцог, который, увидев Оливеротто, позвал его, а Оливеротто, поклонившись, присоединился к остальным. Они въехали в Синигалию, спешили у дома герцога и, как только вошли с ним в потайную комнату, были схвачены людьми герцога, который сейчас же вскочил на коня и велел окружить солдат Оливеротто и Орсини. Люди Оливеротто были истреблены, так как были ближе, но отряды Орсини и Вителли, которые стояли дальше и почуяли гибель своих господ, успели соединиться и, вспомнив доблесть и дисциплину Орсини и Вителли, пробились вместе и спаслись, несмотря на усилия местных жителей и врагов. Однако солдаты герцога, не довольствуясь тем, что ограбили людей Оливеротто, начали грабить Синигалию, и если бы герцог не обуздал их, приказав перебить многих, они разграбили бы весь город. Когда подошла ночь и кончилось волнение, герцог решил, что настало удобное время убить Вителлоццо и Оливеротто, приказал отвести их обоих в указанное место и велел их удавить. При этом не обратили никакого внимания на их слова, достойные их прежней жизни: Вителлоццо просил позволить ему вымолить у папы полное отпущение грехов, а Оливеротто, с плачем, сваливал на Вителлоццо вину за все козни против герцога. Паоло и герцог Гравина Орсини были оставлены в живых, пока герцог не узнал, что папа в Риме захватил кардинала Орсини, архиепископа Флорентийского, и мессера Джакомо ди Санта Кроче. Когда известие об этом пришло, они были таким же образом удавлены в Кастельдель Пиэве восемнадцатого января 1502 года.

Легация к Римскому двору

Великолепные синьоры.

Последнее письмо мое к вам написано 30 октября, отправлено через дель Бене; я сообщал в нем между прочим, что думают здесь о выборах папы и об открытии конклава. Мнение, что должен быть выбран Сан Пьетро ин Винкула, так укрепилось, что, еще раньше чем кардиналы заперлись в конклаве, можно было поставить за него девяносто очков против ста, так как два врага, которые могли отнять у него голоса, теперь смирились. Этими врагами были кардинал д'Амбуаз, архиепископ Руанский, и испанские кардиналы — друзья герцога, которые теперь целиком перешли на сторону Сан Пьетро. Архиепископу Руанскому внушили подозрение против Асканио и убедили его, что, кроме Винкула, не может быть папы, способного отнять у Асканио всякое значение, так как они всегда были врагами. Что касается испанских кардиналов и герцога, легко угадать, почему они успокоились: герцогу надо вновь стать на ноги, а кардиналам надо разбогатеть. Время яснее покажет, в чем здесь было дело, но Ровере, видно, лучше других сумел убедить герцога, кому надо быть папой, так как можно уже сказать наверное, что избран будет именно он. Сейчас, т.е. в восемь часов вечера на 1 ноября, ко мне на квартиру пришел из дворца слуга Винкула и сказал мне, что конклавист Сан Пьетро ин Винкула получил от него одну за другой пять записок, где тот сообщает ему, что кардиналы дружно проводят его в папы, хотя вначале против него были голоса семи кардиналов, которые во главе с Асканио стояли за Санта Прасседе. Он сказал мне еще, что в последней записке ему предписывается

дать знать в Савону и Синигалию об избрании и о том, что новый папа принял имя Юлия II; сейчас гонцы уже разосланы. Все это дела настолько важные, что стоило бы послать к вам нарочного, но у меня нет на то вашего приказа, а решиться на такой расход без приказа я не могу. Здесь по ночам так беспокойно, что мне нельзя ни пойти самому, ни послать другого узнать, не отправляет ли еще кто-нибудь гонца во Флоренцию. Слугу, пришедшего ко мне из дворца, провожало двадцать человек с оружием. Подожду до утра и постараюсь отправить с кем-нибудь это письмо; к тому времени буду знать больше. В оправдание свое скажу заранее, что, как вы сами увидите, я буду писать вашим светлостям каждый день по письму, но для отправки воспользуюсь чьим-либо гонцом. *Vene valete**.

Ваш слуга
Nicolaus Machiavellus Secr**.

Рим, восемь часов в ночь с последнего дня
октября на первый день ноября 1503.

V

Великолепные синьоры.

Извещаю ваши светлости, что сегодня утром кардинал ди Сан Пьетро ин Винкула провозглашен новым верховным первосвященником. Дай ему Боже быть пастырем, полезным для христианского мира.

Ваш слуга
Никколо Макьявелли.

1 ноября 1503 г., Рим.

VII

Великолепные синьоры.

Пишу вашим светлостям четвертое письмо о восшествии Сан Пьетро ин Винкула на престол верховного первосвященника под именем Юлия II; я не написал бы вам этого письма,

* Будьте здоровы (*лат.*).

** Николай Макьявелли, секретарь (*лат.*).

если бы его высокопреосвященство кардинал Содерини, беседуя со мной сегодня по окончании обычных церемоний, не сказал мне, что этой ночью, после выборов папы, были распределены все крепости, подвластные св. престолу, и назначено по жребию, кто будет ими управлять. Сан Джорджо досталась Читерна, кардиналу Содерини — несколько других крепостей, и кардинал считает, что если вы ничего не предпримете, вам Читерну сохранить не удастся. Поэтому я советовал ему, если вы это одобрите, постараться произвести с Сан Джордже обмен, т.е. сохранить Читерну за собой, а отдать Сан Джорджо какую-нибудь другую крепость. Думаю, что таким образом все понемногу может уладиться, и не придется снова к этому возвращаться. Кардинал настойчиво просил меня написать вам об этом деле и убедить вас ответить сейчас же.

Не могу сообщить вашим светлостям ничего нового о здешних делах, так как подробно писал вам сегодня утром о вступлении на престол нового папы; ему предстоит немало хлопот, если он захочет выполнить все, что он наобещал, потому что многие его обещания друг другу противоречат. Так или иначе, он теперь папа, и мы скоро увидим, какой дорогой он пойдет и кому он обещал по-настоящему. У него нашлось, во всяком случае, много хороших друзей, помогавших ему в коллегии; объясняют это тем, что сам он был всегда верным другом и потому в нужную минуту тоже нашел себе верных друзей. Наши соотечественники все рады его избранию, так как многие флорентийцы очень с ним близки, и кардинал Содерини сказал мне сегодня, что уже много лет не было папы, на которого наш город мог бы так надеяться, как на этого; надо только уметь не спешить. Многие наши граждане просили меня написать вам, что когда вы прислали для приветствия папы Пия пять ораторов, все здесь решили, что наш город не очень доволен его избранием; поэтому они почтительно просят ваши светлости, по случаю теперешних выборов, исправить это впечатление и прислать шесть ораторов, как было при выборах Александра и Сикста.

VIII

Последние мои письма помечены 1 ноября, когда я написал вашим светлостям четыре письма и послал их через Мартелли, почему и полагаю, что они дойдут в целости; ничего важного с тех пор не произошло, но Карло Мартелли поспешно отправляется во Флоренцию, и я не хотел, чтобы он приехал без моего письма. После избрания нового папы все в городе довольно спокойно, так как отряды Орсини отсюда удалились; неизвестно, однако, прошли ли они Монте Ритондо, где они стояли в прошлый раз; вообще, отряды эти немногочисленны; точно так же ушел отсюда и Джампаоло, т.е. все, кто на деле грабил Рим.

Как я уже сообщал вашим светлостям в других письмах, новый папа избран при необычайном согласии; ему помогали все, кроме трех или четырех кардиналов, которые сами мечтали о папстве, а д'Амбуаз поддерживал его всеми средствами.

Я вам уже писал в прошлый раз, в чем причина этого расположения к нему: именно — он обещал все, что у него просили, и дело, понятно, в том, как он будет эти обещания соблюдать. Герцогу Валентино, на помощи которого он выиграл больше всего, папа, говорят, обещал возратить всю Романью, уступил ему для безопасности его Остию, где герцог держит Моттино с двумя снаряженными кораблями. Герцог живет во дворце, в так называемых новых комнатах, и при нем состоит около сорока самых преданных его слуг; неизвестно, собирается ли он уехать или остаться; одни говорят, что он отправится в Геную, где хранит большую часть своих денег, оттуда пойдет в Ломбардию, наберет там людей и снова вернется в Романью; по-видимому, он может это сделать, так как у него осталось деньгами еще тысяч двести дукатов или даже больше, и почти все деньги находятся у генуэзских купцов.

Другие говорят, что герцог не думает уезжать из Рима и будет дожидаться коронавания папы, надеясь, что папа сделает его, как он обещал, гонфалоньером св. церкви, и тогда, опираясь на силу этого сана, он сможет вернуть свое государство. Третьи, не лишённые благоразумия, считают, что раз папа при выборах нуж-

дался в помощи герцога и надавал ему великих обещаний, ему поневоле приходится теперь с ним заигрывать, но думают, что герцог легко может попасться, если он ни на что не решится, а будет только сидеть в Риме, так как ему известна та естественная ненависть, которую всегда питал к нему его святейшество, который не может так скоро забыть десять лет своего изгнания. Герцог увлечен самоуверенностью: он думает, что слово другого должно быть прочнее, чем было его собственное, и верит, что обещание брачного союза должно быть исполнено, так как, по слухам, подтверждается брак между Фабио Орсини и сестрой Борджа, а кроме того, говорят, что дочь герцога выходит за префеттино. Не могу больше ничего сказать о его делах или остановиться на каком-нибудь определенном мнении, — надо выждать, пока пройдет время, которое и есть отец истины.

Не буду рассказывать вам о прочих сделках и об обещаниях, данных баронам и кардиналам, ибо давались они всякому, кто просил. Так, Рамолино обещано управление высшим судом, кардинал Борджа назначается главным исповедником, но пока еще неизвестно, вступят ли они в должность. Как я уже говорил, папа сейчас еще вынужден охаживать каждого, но скоро ему придется заговорить, и тогда он покажет, кому он хочет и должен быть другом.

Ваш слуга
Nicolaus Machiavellus.

Рим, 4 ноября 1503 г.

IX

Великолепные синьоры.

Последнее письмо 4 ноября я послал вашим светлостям через Карло Мартелли и не писал обычным путем, считая, что Карло доставил письма в целости. Я уже сообщил о договоре Джампаоло, а д'Амбуаз писал вам об уплате остальных денег; сейчас я об этом говорить не буду, так как нового ничего нет; надо подождать, пока со мной заговорят, а тогда я отвечу согласно указаниям ваших светлостей. Сообщаю теперь вашим светлостям, что вчера

утром я предстал перед верховным первосвященником и от имени вашего приветствовал его с восшествием на папский престол; изложив причины нашей радости его избранию, я сказал, что республика предлагает поставить все свои силы на служение славе и процветанию его понтификата. Предложение это его святейшество принял, очень благодарил меня за все мои слова и сказал, что всегда твердо надеялся на нашу республику, а теперь, когда власть и могущество его возросли, он хочет при всяком случае показать свою любовь к ней, тем более что он особенно обязан своим саном его высокопреосвященству кардиналу Содерини, который так много сделал для его возвеличения. После этих обычных торжественных слов я удалился. С тех пор пришли ваши письма от 2-го этого месяца, в которых вы пишете, что знаете об избрании нового папы, и удивляетесь, что от меня нет писем. Думаю, что вы уже получили четыре письма, но не моя вина, что они запаздывают, так как дель Бене отправили ночью гонца и ничего мне об этом не сказали; я их все же не виню: они думали, как уверяли меня на другое утро, что в письмах, которые я им вручил раньше, уже сообщается об избрании папы. Как бы то ни было, надеюсь, что, когда мои письма до вас дойдут, вы будете ими довольны. Так как в ваших письмах от 2 ноября сообщалось о разорении Романьи, о замыслах венецианцев и вообще о том, как обстоят дела с этой стороны, то монсеньор Содерини и д'Амбуаз нашли, что я должен сейчас же идти с этими известиями к папе. Я отправился к его святейшеству и прочел ему письмо; папа сказал мне, что, по его мнению, Диониджо ди Нальдо будет поддерживать герцога Валентино, а не венецианцев, герцог Урбинский поступит по-своему, а не по указу венецианцев, что дела должны будут принять иной оборот, когда в Венеции узнают о его избрании, что до сих пор они шли плохо, так как о его избрании еще не знали, и что он будет говорить с д'Амбуазом. Откланявшись его святейшеству, я говорил с монсеньорами Асканио, Сан Джордже и Сан Северино и указал им, что дело идет не о свободе Тосканы, а о свободе церкви; венецианцы будут сильнее, чем сейчас, папа превратится в их капеллана, и дело кардиналов — позаботиться о защите престола, наследниками которого они

могут быть; мы же со своей стороны напоминаем им об этом вовремя и, по малым средствам нашим, предлагаем что можем. Кардиналы сказали мне, что они это понимают, и обещали все сделать. Затем я говорил с герцогом, которому нарочно сообщил эти известия, чтобы лучше узнать, как обстоят его собственные дела, в чем надо его бояться и на что можно надеяться; когда герцог услышал о восстании в Имоле и о нападении венецианцев на Фанцу, он заволновался свыше всякой меры и стал горько упрекать ваши светлости; он говорил, что вы всегда были его врагами, и ему надо жаловаться на вас, а не на венецианцев, ибо вам стоило послать сто солдат, чтобы спасти его владения, но вы этого не захотели, и теперь он постарается сделать все, чтобы вы первые в этом раскаялись; если Имола потеряна, он не намерен больше ни набирать людей, ни лишаться остатка своих владений, чтобы вернуть потерянное, не хочет быть больше вашим посмешищем, а хочет все, что у него осталось, сам передать венецианцам; он надеется скоро, на радость и веселье себе, видеть гибель вашего государства, потому что французы или сами пропадут в Неаполитанском королевстве, или у них будет там столько дела, что они не смогут вам помочь; все это было сказано словами, исполненными яда и страсти. У меня было что ему ответить, затрудняться в выборе слов мне бы тоже не пришлось, но я решил попытаться его смягчить, а затем, чувствуя, что теряю терпение, я постарался как можно проворнее ускользнуть и вернуться к монсьёру Содерини и д'Амбуазу, которых застал за столом: они ждали меня с ответом, и я им подробно передал весь разговор. Д'Амбуаз возмутился словами герцога и сказал: «Бог еще никогда не допускал, чтобы грех оставался безнаказанным, и не допустит безнаказанности грехов этого человека». Я писал вашим светлостям в письме от 4 ноября, где находится сейчас этот герцог и что можно предполагать на его счет. С тех пор выяснилось, что он, где только может, набирает людей, и некоторые его приближенные, которых я знаю, говорили мне, что он во что бы то ни стало хочет с возможно большим войском вступить в Романью. Теперь он вне себя от потери крепости Имола, и я не знаю, не изменит ли он своих намерений. Ничего другого о нем сообщить

вам не могу, а что касается Романьи, то монсеньор д'Амбуаз и другие кардиналы, ведающие дела Италии, склонны прийти к какому-либо из двух решений: именно, что эту землю, Романью, надо передать или папе, или королю; не знаю, удастся ли это, но думаю, что для этого будет сделано все и испробованы все пути, так как других средств, мне кажется, никто не предлагает...

Ваш слуга
Никколо Макьявелли.

6 ноября 1503.

Х

Великолепные синьоры.

Я писал вам вчера, а сегодня утром в Феррару уехал гонец, и мне ничего об этом не сказали. Я снова напомню этим купцам, чтобы они делали свое дело, а я буду делать свое. Вчера, после разговора со мной, герцог, как я уже писал вашим светлостям, был жестоко взволнован и послал за кардиналом Содерини; сегодня он снова послал за ним, и во время этих двух бесед, особенно последней, он, помимо обычных жалоб, сказал, что, как ему пишут 4 ноября, начальник Имолы не убит, а взят в плен, крепость и город стоят за него и синьор Оттавиано, подошедший с большим отрядом, отбит. Герцог сказал еще, что Диониджи ди Нальдо его поддерживает, а у венецианцев слишком мало войск, чтоб их надо было бояться; вообще монсеньору кажется, что у герцога благодаря таким известиям вновь оживилась надежда отвоевать эти владения. Теперь он жалуется на французов, на всех людей вообще, надеется, что папа сделает его полководцем святого престола, и думает, что об этом будет объявлено завтра на заседании Конгрегации. Монсеньор уверил его, что отчаиваться бесполезно и что отчаяние обрушивается большей частью на того, кто ему предается. С другой стороны, он подал ему надежду и кое-что обещал ему от вашего имени. Теперь надо выждать, что сделает завтра Конгрегация и удастся ли герцогу получить этот жезл, а если не удастся, то надо посмотреть, что он замышляет и как посту-

пит. Ваши светлости будете осведомлены обо всем, и я буду вам благодарен, если вы мне укажете, как мне при всех случаях надо вести себя с этим герцогом, продолжать ли разговоры с ним и в каком духе. Ничего нового в других делах нет.

Ваш слуга
Никколо Макьявелли.

Рим, 7 ноября 1503.

XI

Великолепные синьоры.

Последние свои письма 6-го и 7-го я послал с курьером, которого отправляли болонцы; я послал их под видом писем Ручеллаи и писал о делах герцога и о том, как он надеялся, что в первом заседании Конгрегации его провозгласят полководцем св. престола. Вчера было заседание Конгрегации, и, как мне рассказали, там ничего о герцоге не говорили, а обсуждали только дела церковные и меры, какие обычно принимаются в начале нового понтификата. Говорили о войне между Францией и Испанией и о том, какая польза будет для христианского мира, если спор между ними уладится; по-видимому, папа, насколько может, готов этому помочь. Итак, герцог по-прежнему остается ни с чем, а люди умудренные думают, что дела его складываются дурно и как бы не кончить ему плохо, хотя папа и считался всегда человеком, слово которого верно. Герцог набирал себе конных солдат, и, как мне сказал один из его приближенных, он посылал кой-кого в Ломбардию на вербовать пехотинцев, чтобы стать во главе этих войск, конных и пеших, и, опираясь на свою силу как гонфалоньера и полководца св. престола, выступить в поход и отвоевать свои владения. Теперь, когда ему не удалось быть назначенным гонфалоньером в первом заседании Конгрегации, как он на то надеялся, я не знаю, изменит ли он свои намерения или будет упорствовать, в надежде добиться этого достоинства любыми средствами. Для меня было бы крайне важно получить указания ваших светлостей, как мне держать себя с этим герцогом, потому что

здесь считают нужным его поддерживать и помочь ему добиться цели. Не знаю, будете ли вы такого же мнения.

Ваш слуга
Никколо Макьявелли.

10 ноября 1503.

XIII

Сегодня я два раза писал вашим светлостям, что герцог Романьи приводит в порядок свои отряды для выступления, что он получил письма к вашим светлостям от кардинала Содерини, от д'Амбуаза и от папы. Герцог настаивал, чтобы и я написал вам и сообщил, что он посылает во Флоренцию одного из своих приближенных для переговоров о выдаче ему свободного пропуска, по форме, о которой ваши светлости можете судить по прилагаемому образцу. Меня просили поддержать перед вашими светлостями его просьбу и просить вас решить это дело как можно скорее. Говоривший со мной убеждал меня, что герцог сейчас духом бодр и надеется, если вы совсем не откажете ему в помощи, быстро отнять свои владения у венецианцев и помешать их намерениям, так как у него остались еще большие деньги.

Ваш слуга
Nicolaus Machiavellus Secr.

Vene valetе.

Рим, 10 ноября 1503.

XIV

...Вы видите, какое впечатление произвели здесь ваши указания в письмах от 6-го и 8-го, повторенные в письме от 9-го, которое я получил сегодня. Чтобы вы могли лучше судить, насколько папа свободен в своих решениях и какой помощи можно ждать от него против замыслов в Венеции, я повторяю вам то, что писал уже не раз. Если рассматривать римские дела, как они есть, то ясно, что здесь вершатся дела, в настоящее время самые важные. Первое и важнейшее — это борьба Франции и Испании, потом дела Романьи, затем идут партии баронов и герцог Валентино.

Папа находится в гуще борьбы этих страстей, и хотя он избран всеобщим желанием и благодаря высокому имени, но он вступил на престол очень недавно, у него еще нет ни людей, ни денег, и так как своим избранием он обязан всем и каждому и всем надавал обещаний, то он и не может ничего предпринять, и ему невольно приходится со всеми заигрывать, пока времена и дела не изменятся настолько, что он должен будет высказаться прямо, или пока он так не укрепится на престоле, что сможет заключать союзы по своей воле и поступать как хочет. Что все это верно, видно на деле, ибо, если начать с главного, его святейшество по природной склонности слывет французом, но обращается с Испанией так, что жаловаться она ни на что не может; при этом он не увлекается настолько, чтобы Франции пришлось насторожиться, а времена таковы, что обе стороны ему прощают. В делах Романьи папу, с одной стороны, теснят венецианцы, а с другой — заявляете свои требования вы, и это, понятно, раздражает его святейшество, так как он человек смелый и хочет, чтобы могущество церкви под его правлением росло, а не умалялось. Ваши светлости понимаете теперь, как поступает папа, который, с одной стороны, принимает извинения венецианцев, делая вид, что верит, будто они действуют так из ненависти к герцогу, а не из желания идти против церкви; с другой стороны, папа обнаруживает перед вами свое неудовольствие венецианцами и делает все, что в настоящее время возможно. Что касается баронов, то главных заправил здесь нет, и папе не трудно с ними управляться, потому что со стороны Орсини здесь только архиепископ Флорентийский и синьор Джулио, а со стороны Колонна нет никого, кроме кардинала и нескольких маленьких людей, которые ничего не значат. Остается герцог Валентино, которому папа, понятно, никакого добра не желает. Однако он медлит с ним по двум причинам: во-первых, он хочет сдержать слово, верность которого все считают нерушимой, а кроме того, папа ему обязан и папство свое получил почти целиком от него; во-вторых, так как сил у его святейшества нет, то он считает, что герцог больше сможет противиться венецианцам, чем кто-нибудь другой; по этой причине папа торопит его с отъездом, дал ему грамоту к вашим светлостям на-

счет свободного пропуска и оказывает ему другие знаки внимания. Обо всем этом я писал уже раньше; если я считал необходимым особенно подробно сказать об этом в настоящем письме, то потому, что это сильнее оттеняет замыслы папы; вы можете теперь сами судить, чего папа хочет, что он может, чего он хотел бы от вас, и, не питая никаких особых надежд, надо подумать о других мерах — следует ли поддержать герцога или решиться на что-либо иное. Можно быть уверенным, что папа должен быть удовлетворен всяким решением, касающимся Романьи, лишь бы она не ушла из рук церкви или ее викариев.

Сегодня прислал за мной герцог, и я нашел его совсем иначе настроенным, чем в прошлый раз, о чем я писал вам в письмах моих 6 и 7 ноября. Он сказал мне многое, и речи его можно свести к одному, а именно: над прошлым надо поставить крест и думать не о нем, а только о благе общем, о том, чтобы не дать венецианцам сделаться хозяевами Романьи; герцог говорил о том, что папа готов ему в этом помочь, о папских грамотах, о том, как нужно ему, чтобы ваши светлости показали ему свое расположение; и о том, что вы всегда можете на него рассчитывать. Я отвечал ему в общих словах и указал, что он может довериться вам вполне. Сегодня я долго говорил с монсеньором Алессандро из Франции, который сказал мне, что они, вероятно, отправят ночью во Флоренцию гонца с папской грамотой и другими письмами вашим светлостям, написанными по их просьбе кардиналом и мной относительно свободного пропуска, и что они не сомневаются в вашем согласии; он сказал мне, что герцог еще не решил, как ему поступить: идти ли ему сухим путем с отрядом примерно в четырехста конных и столько же пеших солдат или отправить людей сушей, а самому морем доехать до Ливорно, а затем догнать свой отряд уже на вашей земле, где он мог бы начать переговоры с каким-нибудь нашим гражданином и обо всем с вами условиться; герцогу хотелось бы не медлить, и он хочет, чтобы все условия были подготовлены заранее, а ему оставалось бы только их подписать. Я ответил, что напишу вам об этом, и вообще его обнадежил. Вы можете теперь все обдумать, решить и подготовиться к мерам, какие захотите по отношению к нему принять. Мессер Алессандро сказал мне, что герцог охотно послал бы кого-нибудь

во Флоренцию, чтобы заранее все обстряпать и подготовить соглашение с вами, но он не хотел бы посылать человека маловлиятельного, а послать большого человека он пока еще не может, но пошлет его, как только дела ему это позволят. *Valete*.

Ваш слуга
Nicolaus Machiavellus.

11 ноября 1503.

XVI

Великолепные синьоры.

Вчера я отправил вашим светлостям через Пандольфини письмо от 11 ноября, в котором я ответил на ваше письмо от 8-го, доставленное тем же (23), и вы осведомлены теперь о решениях папы касательно Романьи и обо всем, что можно сказать сейчас насчет его святейшества; вы знаете точно так же и о замыслах герцога, который, однако, все время старается набрать людей, пеших и конных, чтобы идти на Романью, но мне думается, что он с нетерпением ждет, как вы решите, мы же не можем ни вести с ним переговоры, ни вообще что-либо делать, не зная намерений и воли ваших светлостей; хотя я не раз просил вас сообщить ваше мнение, но так как ответа еще нет, то все дело висит в воздухе. Как я уже писал вам в другом письме, папу сдерживают обещания, данные герцогу, и желание не допустить, чтобы эти земли попали в руки венецианцев; видимо, его святейшество готов на все, лишь бы не дать венецианцам проглотить этот кусок, и, как кажется, он сегодня созовет восемь или десять кардиналов, считающихся лучшей опорой церкви, чтобы посоветаться с ними об отправке в Венецию посла. Его святейшество, видимо, не сомневается в том, что получит земли, уже захваченные венецианцами, и верит, что ему в этом всячески будут угождать: советники папы настраивают его так, что он должен всеми средствами завладеть землями, а затем уже распоряжаться ими, как велит честность и т.п...

Ваш слуга
Nicolaus Machiavellus.

Рим, 13 ноября 1503

XVII

Великолепные синьоры.

Последнее письмо мое было написано вчера, отправлено сегодня утром через дель Бене. Я сообщал в нем все, что до сих пор происходило. Остается сказать, что вчера вечером и сегодня утром папа совещался об отъезде герцога с д'Амбуазом, с герцогом, кардиналом Содерини, испанскими кардиналами и кардиналом Феррары; решено, что герцог через два или три дня уедет морем в Порто Венере или в Специю и оттуда через Гарфаньяно в Феррару, а отряд его, в котором, по слухам, насчитывается триста человек легкой конницы, сто человек латников и четыреста пеших, сухим путем направится в Романью через Тоскану и пойдет к Имоле, которая, по словам герцога, стоит за него; сам же он пойдет туда же из Феррары и оттуда уже начнет отвоевывать свои владения своими силами и при поддержке, которую он рассчитывает получить от вас, от д'Амбуаза, от герцога Феррарского и от папы, причем кардинал Содерини сказал мне, что по части помощи папа даст герцогу грамот и патентов сколько угодно, но кроме этого — ничего. Д'Амбуаз обещал герцогу, что к услугам его будет Монтесон и по меньшей мере еще пятьдесят копейщиков; неизвестно только, из тех ли, которые служили ему раньше. Эсте высказал уверенность, что его отец герцога, конечно, не оставит. Содерини говорит, что ему было бы очень важно знать намерения и волю ваших светлостей в этом деле, и он удивляется, что вы ни разу не написали, как же надо вести себя с герцогом; так как ему пришлось хоть что-нибудь сказать от вашего имени, он высказал, что ваши светлости, конечно, сделаете все, чтобы эти города не попали в руки венецианцев, и раз вы решите, что для этого надо поддерживать герцога, то, конечно, всячески ему можете, но что, раньше чем говорить об этих подробностях, надо знать, какими силами располагает герцог, кто его поддерживает, и тогда уже решить, можно ли добиться желанного успеха, соединив ваши силы к силам герцога, а для переговоров и выяснения всех этих дел герцогу следовало бы отправить кого-нибудь во Флоренцию. Помимо того, что он не знает, каково ваше мне-

ние о делах герцога, кардинала Содерини смущает одно: он сам не может решить, выгодно ли иметь герцога своим соседом и властителем трех или четырех городов; если бы можно было верить в дружбу этого человека и не бояться, что он всегда может изменить, то водворение его обратно в этих государствах было бы самым выгодным делом, но, зная его опасную природу, Содерини очень боится, что вам не удастся его там удержать, и тогда может наступить как раз самое скверное, именно: что городами этими завладеют венецианцы. Кроме того, кардинал считает, что обстоятельства уже связали вас перед теми, кто занял эти города, что жители с герцогом в открытой вражде, и как бы не случилось, что ваше покровительство герцогу поможет венецианцам еще скорее осуществить их желания. Вот что смущает Содерини, и мне показалось правильным доложить об этом вашим светлостям, дабы вы могли в мудрости вашей разрешить самую суть дела.

На совещании не было никого от Болоньи, но герцог сказал, что с этой стороны ему обещана всяческая помощь; все разошлись, условившись, что герцог поедет указанным путем, Эсте отправится в Феррару убеждать своего отца, д'Амбуаз напишет Монтесону и пошлет ему приказ, о котором я говорил, а Содерини напишет вам и поставит вас в известность обо всем. Раз дела обстоят так, герцогу следовало бы по этому условию выехать немедленно, но Содерини уже сейчас не знает, как он поступит. Герцог кажется ему изменившимся, колеблющимся, подозрительным и неспособным ни на какое твердое решение, потому ли, что такова его природа, или его сразили удары судьбы, к которым он не привык.

Третьего дня мне случилось быть в доме, где живет герцог Валентино, и я видел, как туда вошли послы из Болоньи, между ними протонотарий Бендивольо; все они прошли к герцогу и оставались у него больше часа; я подумал, что они могли на чем-нибудь сговориться, и отправился сегодня к протонотарию Бендивольо, под предлогом, что пришел его навестить; заговорив о делах герцога, он сказал мне, что они были у герцога по его приглашению, и он дал им понять, что готов снять с них обязательства, которые они приняли на себя в прошлом году, но когда они

уже сговорились и послали за нотариусом, чтобы заключить договор, то герцог в обмен на такое уничтожение их обязательств стал просить особой поддержки для своих предприятий в Романье, и так как, не имея полномочий, они не хотели на это соглашаться, то и герцог не пожелал уничтожить названные обязательства, и все дело повисло в воздухе. Протонотарий прибавил, что герцог попробовал схитрить, так как ему необходимо было показать щедрость и перестать жадничать, чтобы покончить дело об уничтожении обязательств, по которым ему никогда не заплатят ни гроша. Он сказал мне дальше, что у него был разговор об этом деле с кардиналом Эрина, и кардинал сказал ему, что герцог точно с ума сошел и как будто сам не знает, чего хочет, настолько он запутался и потерял свою решительность. Я спросил его, собираются ли они хотя бы несколько помочь герцогу, а он на это ответил, что вступление венецианцев в Романью — вещь настолько важная, что и отец его и другие власти Болоньи, наверное, будут готовы всячески поддержать герцога, если только сочтут, что это может остановить Венецию. Ничего другого я из него не вытянул, но считаю нелишним передать вам этот разговор...

Подписал ваш слуга
Nicolaus Machiavellus.

Рим, 14 ноября.

XVIII

Великолепные синьоры.

...О герцоге Валентино не могу сказать вам ничего, кроме того, что отряд его еще здесь и сам он не уехал; дело обстоит так же, как два дня тому назад; говорят, как и тогда говорили, что он уедет дня через два или три, а кроме того, везде в Риме рассказывают, что герцог едет во Флоренцию и будет вашим капитаном; подобные слухи распускают о нем каждый день.

Ваш слуга
Nicolaus Machiavellus Secr.

16 ноября 1503.

XIX

Великолепные синьоры.

...Вчера утром получены от вас письма от 13-го и 14-го, а часа за четыре до этого пришли ваши письма от 11-го и 12-го. На последние два письма отвечать сейчас не приходится, так как у вас есть мой ответ на письмо от 8-го, а насчет двух других писем можно сказать лишь очень немного, потому что вы получили мое письмо от 12-го и подробно узнали из него, как обстоят здешние дела и на что вы можете надеяться. Ссылаюсь на это письмо. Монсеньор кардинал Содерини находит, однако, что мне нужно снова посетить папу, прочесть ему, что вы пишете, посмотреть, что скажет его святейшество, сообщить ему ваше мнение о делах герцога и нащупать его намерения. Кардинал постарался устроить мне прием, но я мог поклониться папе только вчера вечером, около трех часов; я прочел ему те части вашего письма, которые считал полезным сообщить его святейшеству; когда я дошел до места, где вы говорите, что мессер Оттавиано да Кампо Фрегозо выступил в поход с отрядом конных и пеших солдат, присланных ему герцогом Урбино, его святейшество изменился в лице и сказал: «Герцог этот через два дня будет уже здесь, и я засажу его в замок Св. ангела»; далее он слушал с большим вниманием и, выслушав все до конца, сказал, как он обязан вашим светлостям за все, что вы делали и советовали ему во славу церкви; сам же он, как известно кардиналу Содерини, делал и готов делать все возможное; он уже послал человека в Венецию, чтобы тот растолковал там его намерения, и пошлет другого посла высокого положения в Романью, дабы ободрить знатных и народ и привести к покорности ему тех, кто мог от него отдалиться. Я прибавил, что это кажется мне своевременным, но больше ничего из него не вытянул, и очевидно, что папа, как я уже говорил, делает, что́ может. Затем я повел речь о делах герцога и сказал, почему вы не дали ему свободного пропуска. Папа поднял голову и сказал, что это хорошо и он с вами согласен. Мне стало ясно теперь то, в чем раньше сомневался, именно: что папа только того и ждет, как бы ему избавиться от герцога; он хочет все же, чтобы герцог уехал в достаточной мере

довольным и не мог бы жаловаться на несоблюдение слова, а кроме того, на случай, если герцог еще сможет пригодиться ему в Романье, папа не хочет совсем отрезать себе этот путь. То, что сделаете с герцогом вы или кто-нибудь еще, папу не тревожит. Если перебрать все поступки папы, как я уже писал вам раньше, то намерения его ясны, именно: он хочет забрать в свои руки эти владения и не прочь был бы сделать это даже через венецианцев, к которым он за этим отправил своего посла; если же ему не удастся, папа попытается сделать то же самое через кого-нибудь другого. Может быть, он верит, что герцог согласится отдать ему оставшиеся у него владения в Романье, когда увидит, что вы его покинули; а получив хоть какие-нибудь города в этом государстве, папа думает, что остальное достанется ему уже легко. Таковы, мне кажется, его замыслы и поступки; поэтому сопротивление, которое ваши светлости оказываете венецианцам, должно бесконечно его радовать.

Вы узнаете из письма от 14-го обо всем, что было условлено между герцогом, папой и кардиналами; как оказалось потом, все это было условлено и решено, чтобы полакомить герцога и убедить его уехать, чего папа явно желает. Когда герцог узнал по письмам из Флоренции, что вы ему не дали свободного пропуска, он послал за мной, и, выйдя после приема у папы, я отправился к нему. Герцог жаловался, что ему отказано в пропуске, когда он уже отправил свою конницу, в полной уверенности, что ее примут в ваших владениях, и собирался уже ехать сам, надеясь, что пропуск ему, во всяком случае, дадут; такого ответа он не ожидал и вообще не знает, что и думать, ибо вы, с одной стороны, боитесь захвата этих владений венецианцами, а с другой — не пускаете к себе подмогу; он, герцог, может еще решиться на дело, которое принесет вам много неприятностей; он знает, что ему опасно идти на соглашение с венецианцами, но если нужда его заставит, он готов принять выгодные условия венецианцев и пуститься на нечто такое, что поразит вас в самое сердце. Я ответил, что отказа в пропуске ему не было, но ему дано понять, что вы хотите знать, как вам ужиться с его светлостью, и желаете сперва закончить расчеты, а затем вести дружбу, как подобает делать, когда два че-

ловека хотят поступать друг с другом открыто и друг друга уважать; я прибавил, что вы ни в каких делах не привыкли горячиться или шуметь и не хотите начинать теперь; поэтому было бы полезно герцогу послать во Флоренцию человека опытного, осведомленного о его замыслах, и можно быть уверенным, что ваши светлости не преминут поступить на пользу себе и на благо своим друзьям. Герцог ответил, что он был готов к отъезду, уже отправил своих людей и собирался отплыть сам, но хотел бы до отъезда ясно знать, на что ему можно надеяться с вашей стороны. Я отвечал, что сегодня же утром спешно вам напишу и извещу вас, что люди его светлости уже отправлены, что к вам поехал его посланец и что я буду просить вас принять герцогский отряд, — тем временем приедет посланный герцога, переговорит с вашими светлостями, и я не сомневаюсь, что дело кончится хорошо, а посланец герцога сможет известить его об этом, где бы герцог ни находился. Он как будто остался доволен и возразил, что, если ваши светлости будете с ним хитрить, это станет для него ясно через четыре или пять дней, когда приедет его посланный и ему напишет; тогда он сговорится с венецианцами, с самим дьяволом, отправится в Пизу и употребит последние силы, связи и деньги, лишь бы только вам навредить. Послать к вам он решил своего воспитанника, некоего мессера Ванни, который должен был выехать сегодня утром, но сейчас восемь часов вечера, а я об отъезде его еще не слышал и не знаю, не изменил ли герцог своих намерений. Судя по тому, что герцог провел вчерашний вечер с д'Амбуазом, он должен был выехать сегодня утром в направлении Специи, как было первоначально условлено, и хотел взять с собой на корабль пятьсот человек, своих дворян и пеших солдат, но до сих пор об отъезде его не слышно. Может быть, он хочет сперва обеспечить себя с вашей стороны. Я отвечал герцогу в этом духе только для того, чтобы дать ему некоторую надежду, иначе он мог бы здесь задержаться, а папе пришлось бы из-за этого настаивать на пропуске. Когда приедет посланный герцога, ваши светлости можете с ним не стесняться и поступать, как вам покажется нужным, — прекратить с ним разговор или заключить какое-нибудь условие. Конница двигается под начальством Карло Бальони и

состоит из ста латников и двухсот пятидесяти легковооруженных. Прикажите, синьоры, узнать, где они находятся, и если ваши светлости сочтете, что их надо обезоружить, это можно сделать, когда покажется вам своевременным, а как только будет известно ваше решение насчет герцога, с ним будет поступлено по вашим указаниям, и ваши светлости, конечно, напишете, если что-либо изменится.

Ваш слуга
Nicolaus Machiavellus Secr.

Рим, 18 ноября 1503.

XX

Великолепные синьоры.

Я писал вам вчера и послал письмо с нарочным вместе с письмами от 14 и 16 ноября. Вы узнаете из них все о делах герцога, который наконец выехал сегодня ночью и направился в Остию, чтобы сесть там на корабль, если только погода будет этому благоприятствовать...

Ваш слуга
Nicolaus Machiavellus Secr.

19 ноября 1503.

XXI

Великолепные синьоры.

Пишу вам кратко, так как уже отправил вам письмо 18 ноября, и намерен в следующий раз писать подробнее. Я хочу, чтобы по случаю прибытия мессера Эннио, посланца герцога, который привезет это письмо, вы были бы точнее осведомлены о здешних делах. Герцог уехал отсюда вчера утром и отправился в Остию, где сядет на корабль с отрядом в четыреста или пятьсот человек, направляясь, как я уже писал вам, в Специю, и если только погода будет подходяща, он отплывет из Остии сегодня ночью, а другой свой отряд, примерно в семьсот всадников, он уже три дня как послал в Тоскану. Так как сам он отплыл и отправил своих

людей сухим путем, не имея никакого разрешения ваших светлостей, мы решили по причинам, о которых я уже писал вам 18 ноября, послать к вам мессера Эннио, подателя настоящего письма; у него есть письма к вам от кардинала Содерини, которые даны ему, чтобы его успокоить, а не для других целей, ибо как папа, так и д'Амбуаз, судя по их разговорам и намекам, обиделись бы разве на то, что герцог получит от вас свободный пропуск; если ваши светлости сочтете полезным исполнить желание названных лиц, вы можете это сделать, нисколько не стесняясь, а если времена заставили бы вас изменить решение, то приезд этого человека будет для вас как нельзя более полезен, и вы со свойственной вам мудростью сумеете извлечь из этого все, что будет нужно.

Ваш слуга
Nicolaus Machiavellus.

Рим, 20 ноября 1503.

XXII

Великолепные синьоры.

...Мессер Агапито и мессер Рамолино, люди прежде всего близкие к герцогу, но оставшиеся здесь, чтобы не делить с ним его несчастную судьбу, говорили мне, что, уезжая из Рима в Остию, герцог приказал своему приближенному, мессеру Эннио, епископу Вероли, отправиться во Флоренцию, чтобы договориться с вами и заключить выгодное условие, согласно его последним беседам со мной; они хотели получить для безопасности этого мессера Эннио письмо от меня и грамоту от кардинала Содерини, но вчера не могли меня застать и просили поэтому быть у кардинала и приготовить эти письма, чтобы мессер Эннио мог сейчас же выехать во Флоренцию. Я был у кардинала, и так как, по причинам, о которых я писал 18 ноября, приезд мессера Эннио казался нам очень кстати, то кардинал дал ему письмо к вашим светлостям и пропускной лист, обращенный ко всем вашим союзникам и подчиненным, а я написал вашим светлостям письмо, в котором кратко изложил сказанное мною в прошлом и настоящем моем

донесении, дабы, говоря с мессером Эннио, который приедет во Флоренцию раньше, чем эти письма до вас дойдут, ваши светлости уже знали, как обстоят здешние дела, и могли бы решать, имея в виду все, что я сообщал вам в прошлом письме и в донесении 18 ноября. Все знаки внимания, оказанные герцогу папой и д'Амбуазом, нужны были, только чтобы благополучно его выпроводить, и чем скорее, тем лучше. Поэтому вы совершенно свободны и можете поступать, ни с кем не считаясь; я снова повторяю, что если ваши светлости сочтете полезным на всякий случай поддерживать герцога, то можете и это сделать, хотя папе будет гораздо приятнее, если герцогу не посчастливится.

Сам герцог находится в Остии и выжидает благоприятной погоды, чтобы отплыть в Специю на пяти судах с отрядом в пятьсот человек; выехал ли он уже сейчас, пока неизвестно, но если нет, то возможно, что он выедет сегодня ночью, глядя по погоде. Латников своих он отправил сухим путем по направлению к Тоскане, а от сиенцев и Джампаоло он получил такие же обещания, как от ваших светлостей, так что все здесь над его делами смеются; посмотрим теперь, куда занесут его ветры, что станется с его людьми и что вы решите.

XXIII

Великолепные синьоры.

...Сегодня папа около пяти часов дня снова послал за кардиналом Содерини и сказал ему, что он всю ночь не мог заснуть из-за положения дел в Фаэнце и Романье, и у него явилась мысль, что хорошо бы нащупать почву у герцога Валентино, не согласится ли он передать его святейшеству замок Форли и другие оставшиеся у него крепости Романьи, причем папа обещает их ему вернуть, считая, что пусть лучше они принадлежат герцогу, чем венецианцам; поэтому он просит монсеньора Содерини взять на себя труд поехать в Остию, переговорить с герцогом и заключить с ним эту сделку. Кардинал Содерини согласился сделать все, что будет приятно его святейшеству, а папа сказал, что сообщит свое решение, и поручил ему поговорить с д'Амбуазом, что-

бы узнать, как тот на это дело посмотрит. Мысль о том, чтобы герцог Валентино передал папе названные владения, с обязательством вернуть их ему, возникла уже несколько дней тому назад, и герцог на это соглашался, но тогда ни за что не хотел согласиться папа, говоривший, что не может нарушить слово, данное кому бы то ни было; сейчас папа сам ухватился за эту мысль, но не потому, что он уже думает иначе, а потому, что его вынуждает необходимость, и он считает теперь, что нашел самое верное извинительное средство против венецианцев, так как открыто объявить себя их врагом папе кажется еще несвоевременным. Кардинал Содерини был снова вызван к его святейшеству, который пригласил его к обеду, и он оставался у папы до 24 часов.

Кардинал сказал мне, что папа отправил в Остию гонца, которому поручено узнать, уехал ли герцог Валентино, и если герцог не уехал, приказано его задержать, с тем что монсеньор Содерини отправится к нему завтра утром, — и по возвращении его мы узнаем, состоялась ли сделка; если же герцог уехал, эту мысль придется бросить...

Ваш слуга
Nicolaus Machiavellus.

Рим, 21 ноября 1503.

XXVI

Великолепные синьоры.

...Сейчас почти 24 часа, а монсеньор кардинал Содерини все еще не вернулся, и мне думается, он отложит свое возвращение до завтра. Хочу сообщить вашим светлостям, что говорят в городе, и пишу потому, что слышал этот рассказ от человека серьезного, который легко может знать правду: именно, сегодня утром к папе приехал гонец от кардиналов Содерини и Рамолино и сообщил, что герцог отказывается передать папе крепость. Его святейшество так разгневался, что послал приказ арестовать герцога и держать его как папского пленника; кроме того, папа сейчас же послал в Перуджу и Сиену приказ разоружить отряды герцога, вышедшие в этих направлениях. Не знаю, насколько все это

верно; дело разъяснится, когда приедет кардинал Содерини, и вы будете извещены сейчас же.

Ваш слуга
Nicolaus Machiavellus.

23 ноября 1503.

XXVII

Великолепные синьоры.

...Намерения папы должны быть теперь ясны для ваших светлостей; как я говорил уже раньше, папа хочет подчинить своей власти все крепости Романьи и посылал кардиналов в Остию для переговоров, но так как герцог не хотел согласиться на их передачу, то папа, как я сообщил в прошлом письме, велел его арестовать. Папа, видимо, хочет завладеть этими городами и, кажется, намерен крепко держать и самого герцога, каковой герцог сейчас в полной власти папы и находится на королевской галере, которой командует Моттино; надо думать, что папа сейчас ничего плохого с герцогом не сделает; неизвестно также, приказал ли он обезоружить отряды, отправленные сухим путем, но это, вероятно, случится само собой, так как отряды шли без всякого пропуска.

Папа коронуется в следующее воскресенье; ваши светлости можете поэтому распорядиться о приезде ораторов, и монсеньор кардинал Содерини напоминает, что чем скорее вы это сделаете, тем лучше, так как он знает характер папы и говорит, что его святейшество явно этого желает. Папе будет не неприятно, если ваши ораторы приедут раньше генуэзских, и кардинал пошлет их первыми, если они приедут раньше других. Монсеньор Содерини поручил мне просить об этом ваши светлости, так как вас это не обременит, а признательность папы будет велика...

Ваш слуга
Nicolaus Machiavellus.

Рим, 24 ноября 1503.

XXIX

Великолепные синьоры.

Я послал вам вчера с гонцом Джованни Пандольфини три письма, от 23, 24 и 25 ноября, в которых сообщал, что творилось здесь в эти три дня и что слышно о положении дел в настоящую минуту; я писал вам, что с герцогом уже все кончено и он находится в полной власти папы, который во что бы то ни стало хочет получить крепости, пока еще верные герцогу, и крепко держать его самого.

Здесь сейчас еще как следует не знают, находится ли герцог на галере в Остии или его привезли сюда. Сегодня говорили об этом по-разному; один человек мне рассказывал, что вчера в два часа ночи, когда он был в покоях папы, туда вошли двое неизвестных, приехавших из Остии; всех сейчас же удалили из покоев, но из другой комнаты можно было слышать, как они докладывали, что герцога по приказу папы бросили в Тибр; я ничего не подтверждаю и не отрицаю, но вполне уверен, что если этого и не было, то будет потом. Видимо, этот папа начинает довольно честно платить свои долги и погашает их ваткой от своего чернильного прибора. Тем не менее все его благословляют, и чем дальше он пойдет, тем этих благословений будет больше, а о герцоге, раз он взят живым или мертвым, можно уже больше не думать, но все же я извещу ваши светлости, если узнаю что-нибудь более достоверное.

Ваш слуга
Никколо Макьявелли.

Рим, 26 ноября 1503.

XXX

Великолепные синьоры.

Писал вчера обо всем, что случилось за этот день. Остается сообщить вашим светлостям, что ваши письма от 24 ноября переданы папе через Кастель дель Рио, и в общем можно сказать только, что здесь твердо решено предоставить делу идти своим порядком и рассчитывают выхватить у герцога его крепости; о са-

мом же герцоге я знаю достоверно только одно: что он находится в Остии в папских покоях. Мне говорили, что вчера вечером вернулись мессер Габриелло из Фано и мессер Рамолино из Остии; с герцогом покончили на том, что он добровольно передает крепости папе, а папа за это даст ему какое-нибудь вознаграждение; говорили еще, что Рамолино бросился к ногам его святейшества, плакал и просил за герцога; что будет дальше, станет известно днем. Папа, во всяком случае, считает, что, владея этими крепостями, он уже может смелее держать себя с венецианцами, и уверен, что жители Романьи гораздо скорее к нему примкнут, когда увидят развевающийся над крепостями стяг св. престола.

Ваш слуга
Никколо Макьявелли.

29 ноября 1503.

XXXI

Великолепные синьоры.

Писал вам вчера и третьего дня через Джованни Пандольфини. Остается сообщить вашим светлостям, что вся гвардия папы выступила сегодня ночью в Остию; одни говорят, что она должна доставить сюда герцога Валентино, а некоторые другие думают, что ей приказано не только его доставить, но и покрепче его стеречь, так как вчера вечером до папы дошел слух, будто герцог с своим отрядом засел на нескольких судах, и если не послать на место достаточные силы, он может уйти; тогда папа спешно велел отправить гвардию. Кастель дель Рио выехал сегодня рано утром, но сейчас уже 24 часа, а они еще не вернулись. Сегодня днем в Риме говорили, что герцог убежал, а вечером уже говорят, что его поймали. Завтра будем знать больше, но и сейчас видно, что этот папа ведет свое дело чисто. Как бы не подтвердилось целиком то, что я писал вашим светлостям 26 ноября; явно, что грехи герцога мало-помалу привели его к наказанию, и да будет все к лучшему по воле Божией...

Ваш слуга
Никколо Макьявелли.

Рим, 28 ноября 1503.

Государь

*Никколо Макьявелли —
его светлости Лоренцо деи Медичи*

Обыкновенно, желая снискать милость правителя, люди посылают ему в дар то, что имеют самого дорогого или чем надеются доставить ему наибольшее удовольствие, а именно: коней, оружие, парчу, драгоценные камни и прочие украшения, достойные величия государей. Я же, вознамерившись засвидетельствовать мою преданность Вашей светлости, не нашел среди того, чем владею, ничего более дорогого и более ценного, нежели познания мои в том, что касается деяний великих людей, приобретенные мною многолетним опытом в делах настоящих и непрерывным изучением дел минувших. Положив много времени и усердия на обдумывание того, что я успел узнать, я заключил свои размышления в небольшом труде, который посылаю в дар Вашей светлости. И хотя я полагаю, что сочинение это недостойно предстать перед вами, однако же верю, что по своей снисходительности вы удостоите принять его, зная, что не в моих силах преподнести вам дар больший, нежели средство в кратчайшее время постигнуть то, что сам я узнавал ценой многих опасностей и тревог. Я не заботился здесь ни о красоте слога, ни о пышности и звучности слов, ни о каких внешних украшениях и затеях, которыми многие любят расцвечивать и уснащать свои сочинения, ибо желал, чтобы мой труд либо остался в неизвестности, либо получил признание единственно за необычность и важность предмета. Я желал бы также, чтобы не сочли дерзостью то, что человек низкого и ничтожного звания берется обсуждать и направлять действия

государей. Как художнику, когда он рисует пейзаж, надо спуститься в долину, чтобы охватить взглядом холмы и горы, и подняться на гору, чтобы охватить взглядом долину, так и здесь: чтобы постигнуть сущность народа, надо быть государем, а чтобы постигнуть природу государей, надо принадлежать к народу.

Пусть же Ваша светлость примет сей скромный дар с тем чувством, какое движет мною; если вы соизволите внимательно прочитать и обдумать мой труд, вы ощутите, сколь безгранично я желаю Вашей светлости достичь того величия, которое сулит вам судьба и ваши достоинства. И если с той вершины, куда вознесена Ваша светлость, взор ваш когда-либо обратится на ту низменность, где я обретаюсь, вы увидите, сколь незаслуженно терплю я великие и постоянные удары судьбы.

Глава I

Сколько видов бывают государства и как они приобретаются

Все государства, все державы, обладавшие или обладающие властью над людьми, были и суть либо республики, либо государства, управляемые единовластно. Последние могут быть либо унаследованными — если род государя правил долгое время, либо новыми. Новым может быть либо государство в целом — таков Милан для Франческо Сфорца; либо его часть, присоединенная к унаследованному государству вследствие завоевания, — таково Неаполитанское королевство для короля Испании. Новые государства разделяются на те, где подданные привыкли повиноваться государям, и те, где они искони жили свободно; государства приобретаются либо своим, либо чужим оружием, либо милостью судьбы, либо доблестью.

Глава II

О наследственном единовластии

Я не стану касаться республик, ибо подробно говорю о них в другом месте. Здесь я перейду прямо к единовластному правлению и, держась намеченного выше порядка, разберу, какими способами

государь могут управлять государствами и удерживать над ними власть.

Начну с того, что наследному государю, чьи подданные успели сжиться с правящим домом, гораздо легче удержать власть, нежели новому, ибо для этого ему достаточно не преступать обычая предков и впоследствии без поспешности применяться к новым обстоятельствам. При таком образе действий даже посредственный правитель не утратит власти, если только не будет свергнут особо могущественной и грозной силой, но и в этом случае он отвоюет власть при первой же неудаче завоевателя.

У нас в Италии примером тому может служить герцог Феррарский, который удержался у власти после поражения, нанесенного ему венецианцами в 1484 году и папой Юлием в 1510-м, только потому, что род его исстари правил в Ферраре. Ибо у государя, унаследовавшего власть, меньше причин и меньше необходимости притеснять подданных, почему они и платят ему большей любовью, и если он не обнаруживает чрезмерных пороков, вызывающих ненависть, то закономерно пользуется благорасположением граждан. Давнее и преемственное правление заставляет забыть о бывших некогда переворотах и вызвавших их причинах, тогда как всякая перемена прокладывает путь другим переменам.

Глава III

О смешанных государствах

Трудно удержать власть новому государю. И даже наследному государю, присоединившему новое владение — так что государство становится как бы смешанным, — трудно удержать над ним власть прежде всего вследствие той же естественной причины, какая вызывает перевороты во всех новых государствах. А именно: люди, веря, что новый правитель окажется лучше, охотно восстают против старого, но вскоре они на опыте убеждаются, что обманулись, ибо новый правитель всегда оказывается хуже старого. Что опять-таки естественно и закономерно, так как завоеватель притесняет новых подданных, налагает на них разного рода повинности и обременяет их постоями войска, как это неизбежно бывает при завоевании. И таким образом наживает врагов

в тех, кого притеснил, и теряет дружбу тех, кто способствовал завоеванию, ибо не может вознаградить их в той степени, в какой они ожидали, но не может и применить к ним крутые меры, будучи им обязан — ведь без их помощи он не мог бы войти в страну, как бы ни было сильно его войско. Именно по этим причинам Людовик XII, король Франции, быстро занял Милан и так же быстро его лишился. И герцогу Лодовико потому же удалось в тот раз отбить Милан собственными силами. Ибо народ, который сам растворил перед королем ворота, скоро понял, что обманулся в своих упованиях и расчетах, и отказался терпеть гнет нового государя.

Правда, если мятежная страна завоевана повторно, то государю легче утвердить в ней свою власть, так как мятеж дает ему повод с меньшей оглядкой карать виновных, уличать подозреваемых, принимать защитные меры в наиболее уязвимых местах. Так в первый раз Франция сдала Милан, едва герцог Лодовико пошумел на его границах, но во второй раз Франция удерживала Милан до тех пор, пока на нее не ополчились все итальянские государства и не рассеяли и не изгнали ее войска из пределов Италии, что произошло по причинам, названным выше. Тем не менее Франция оба раза потеряла Милан. Причину первой неудачи короля, общую для всех подобных случаев, я назвал; остается выяснить причину второй и разобраться в том, какие средства были у Людовика — и у всякого на его месте, — чтобы упрочить завоевание верней, чем то сделала Франция.

Начну с того, что завоеванное и унаследованное владения могут принадлежать либо к одной стране и иметь один язык, либо к разным странам и иметь разные языки. В первом случае удерживать завоеванное нетрудно, в особенности если новые подданные и раньше не знали свободы. Чтобы упрочить над ними власть, достаточно искоренить род прежнего государя, ибо при общности обычаев и сохранении старых порядков ни от чего другого не может произойти беспокойства. Так, мы знаем, обстояло дело в Бретани, Бургундии, Нормандии и Гаскони, которые давно вошли в состав Франции; правда, языки их несколько различаются, но благодаря сходству обычаев они мирно уживаются друг с

другом. В подобных случаях завоевателю следует принять лишь две меры предосторожности: во-первых, проследить за тем, чтобы род прежнего государя был искоренен, во-вторых, сохранить прежние законы и подати — тогда завоеванные земли в кратчайшее время сольются в одно целое с исконным государством завоевателя.

Но если завоеванная страна отличается от унаследованной по языку, обычаям и порядкам, то тут удержать власть поистине трудно, тут требуется и большая удача, и большое искусство. И одно из самых верных и прямых средств для этого — переселиться туда на жительство. Такая мера упрочит и обезопасит завоевание — именно так поступил с Грецией турецкий султан, который, как бы ни старался, не удержал бы Грецию в своей власти, если бы не перенес туда свою столицу. Ибо только живя в стране, можно заметить начинающуюся смуту и своевременно ее пресечь, иначе узнаешь о ней тогда, когда она пойдет так далеко, что поздно будет принимать меры. Обосновавшись в завоеванной стране, государь, кроме того, избавит ее от грабежа чиновников, ибо подданные получают возможность прямо взывать к суду государя — что даст послушным больше поводов любить его, а непослушным бояться. И если бы кто-нибудь из соседей замыслил нападение, то теперь он проявит большую осторожность, так что государь едва ли лишится завоеванной страны, если переселится туда на жительство.

Другое отличное средство — учредить в одном-двух местах колонии, связующие новые земли с государством завоевателя. Кроме этой, есть лишь одна возможность — разместить в стране значительное количество кавалерии и пехоты. Колонии не требуют больших издержек, устройство и содержание их почти ничего не стоят государю, и разоряют они лишь тех жителей, чьи поля и жилища отходят новым поселенцам, то есть горстку людей, которые, обеднев и рассеявшись по стране, никак не смогут повредить государю; все же прочие останутся в стороне и поэтому скоро успокоятся, да, кроме того, побоятся, оказав непослушание, разделить участь разоренных соседей. Так что колонии дешево обходятся государю, верно ему служат и разоряют лишь немногих жителей, которые, оказавшись в бедности и рассеянии, не смогут повредить государю. По каковому

поводу уместно заметить, что людей следует либо ласкать, либо изничтожать, ибо за малое зло человек может отомстить, а за большое — не может; из чего следует, что наносимую человеку обиду надо рассчитать так, чтобы не бояться мести. Если же вместо колоний поставить в стране войско, то содержание его обойдется гораздо дороже и поглотит все доходы от нового государства, вследствие чего приобретение обернется убытком; к тому же от этого страдает гораздо больше людей, так как постой войска обременяют все население, отчего каждый, испытывая тяготы, становится врагом государю, а такие враги могут ему повредить, ибо хотя они и побеждены, но остаются у себя дома. Итак, с какой стороны ни взгляни, содержание подобного гарнизона вредно, тогда как учреждение колоний полезно.

В чужой по обычаям и языку стране завоевателю следует также сделаться главой и защитником более слабых соседей и постараться ослабить сильных, а кроме того, следить за тем, чтобы в страну как-нибудь не проник чужеземный правитель, не уступающий ему силой. Таких всегда призывают недовольные внутри страны по избытку честолюбия или из страха, — так некогда римлян в Грецию призвали этолийцы, да и во все другие страны их тоже призывали местные жители. Порядок же вещей таков, что, когда могущественный государь входит в страну, менее сильные государства сразу примыкают к нему — обычно из зависти к тем, кто превосходит их силой, — так что ему нет надобности склонять их в свою пользу, ибо они сами охотно присоединятся к созданному им государству. Надо только не допускать, чтобы они расширились и крепки, и тогда, своими силами и при их поддержке, нетрудно будет обуздать более крупных правителей и стать полновластным хозяином в данной стране. Если же государь обо всем этом не позаботится, он скоро лишится завоеванного, но до того претерпит бесчисленное множество трудностей и невзгод.

Римляне, завоеывая страну, соблюдали все названные правила: учреждали колонии, покровительствовали слабым, не давая им, однако, войти в силу; обуздывали сильных и принимали меры к тому, чтобы в страну не проникло влияние могущественных чужеземцев. Ограничусь примером Греции. Римляне при-

влекли на свою сторону ахейцев и этолийцев; унизили Македонское царство; изгнали оттуда Антиоха. Но невзирая ни на какие заслуги, не позволили ахейцам и этолийцам расширить свои владения, не поддались на лесть Филиппа и не заключили с ним союза, пока не сломили его могущества, и не уступили напору Антиоха, домогавшегося владений в Греции. Римляне поступали так, как надлежит поступать всем мудрым правителям, то есть думали не только о сегодняшнем дне, но и о завтрашнем и старались всеми силами предотвратить возможные беды, что нетрудно сделать, если вовремя принять необходимые меры, но если дожидаться, пока беда грянет, то никакие меры не помогут, ибо недуг станет неизлечимым.

Здесь происходит то же самое, что с чахоткой: врачи говорят, что в начале эту болезнь трудно распознать, но легко излечить; если же она запущена, то ее легко распознать, но излечить трудно. Так же и в делах государства: если своевременно обнаружить зарождающийся недуг, что дано лишь мудрым правителям, то избавиться от него нетрудно, но если он запущен так, что всякому виден, то никакое снадобье уже не поможет.

Римляне, предвидя беду заранее, тотчас принимали меры, а не бездействовали из опасения вызвать войну, ибо знали, что войны нельзя избежать, можно лишь оттянуть ее — к выгоде противника. Поэтому они решились на войну с Филиппом и Антиохом на территории Греции — чтобы потом не пришлось воевать с ними в Италии. В то время еще была возможность избежать войны как с тем, так и с другим, но они этого не пожелали. Римлянам не по душе была поговорка, которая не сходит с уст теперешних мудрецов: полагайтесь на благодетельное время, — они считали благодетельным лишь собственную доблесть и дальновидность. Промедление же может обернуться чем угодно, ибо время приносит с собой как зло, так и добро, как добро, так и зло.

Но вернемся к Франции и посмотрим, выполнила ли она хоть одно из названных мною условий. Я буду говорить не о Карле, а о Людовике — он дольше удерживался в Италии, поэтому его образ действия для нас нагляднее, — и вы убедитесь, что он посту-

пал прямо противоположно тому, как должен поступать государь, чтобы удержать власть над чужой по обычаям и языку страной.

Король Людовик вошел в Италию благодаря венецианцам, которые, желая расширить свои владения, потребовали за помощь половину Ломбардии. Я не виню короля за эту сделку: желая ступить в Италию хоть одной ногой и не имея в ней союзников, в особенности после того, как по милости Карла перед Францией захлопнулись все двери, он вынужден был заключать союзы, не выбирая. И он мог бы рассчитывать на успех, если бы не допустил ошибок впоследствии. Завоевав Ломбардию, он сразу вернул Франции престиж, утраченный ею при Карле: Генуя покорилась, флорентийцы предложили союз; маркиз Мантуанский, герцог Феррарский, дом Бендивольо, графиня Форли, властители Фанцы, Пезаро, Римини, Камерино, Пьомбино; Лукка, Пиза, Сиена — все устремились к Людовику с изъявлениями дружбы. Тут-то венецианцам и пришлось убедиться в опрометчивости своего шага: ради двух городов в Ломбардии они отдали под власть короля две трети Италии.

Рассудите теперь, как легко было королю закрепить свое преимущество: для этого надо было лишь следовать названным правилам и обеспечить безопасность союзникам: многочисленные, но слабые, в страхе кто перед Церковью, кто перед венецианцами, они вынуждены были искать его покровительства; он же мог бы через них обезопасить себя от тех, кто еще оставался в силе. И, однако, не успел он войти в Милан, как предпринял обратное: помог папе Александру захватить Романью. И не заметил, что этим самым подрывает свое могущество, отталкивает союзников и тех, кто вверился его покровительству, и к тому же значительно укрепляет светскую власть папства, которое и без того крепко властью духовной. Совершив первую ошибку, он вынужден был дальше идти тем же путем, так что ему пришлось самому явиться в Италию, чтобы обуздать честолюбие Александра и не дать ему завладеть Тосканой. Но Людовику как будто мало было того, что он усилил Церковь и оттолкнул союзников: домогаясь Неаполитанского королевства, он разделил его с королем Испании, то есть призвал в Италию, где сам был властелином, равного по силе со-

перника, — как видно, затем, чтобы недовольным и честолюбцам было у кого искать прибежища. Изгнав короля, который мог стать его данником, он призвал в королевство государя, который мог изгнать его самого.

Поистине страсть к завоеваниям — дело естественное и обычное; и тех, кто учитывает при этом свои возможности, все одобряют или же никто не осудит; но достойную осуждения ошибку совершает тот, кто не учитывает своих возможностей и стремится к завоеваниям какой угодно ценой. Франции стоило бы попытаться овладеть Неаполем, если бы она могла сделать это своими силами, но она не должна была добиваться его ценою раздела. Если раздел Ломбардии с венецианцами еще можно оправдать тем, что он позволил королю утвердиться в Италии, то этот второй раздел достоин лишь осуждения, ибо не может быть оправдан подобной необходимостью.

Итак, Людовик совершил общим счетом пять ошибок: изгнал мелких правителей, помог усилению сильного государя внутри Италии, призвал в нее чужеземца, равного себе могуществом, не переселился в Италию, не учредил там колоний.

Эти пять ошибок могли бы оказаться не столь уж пагубными при его жизни, если бы он не совершил шестой: не посягнул на венецианские владения. Венеции следовало дать острастку до того, как он помог усилению Церкви и призвал испанцев, но, совершив обе эти ошибки, нельзя было допускать разгрома Венеции. Оставаясь могущественной, она удерживала бы других от захвата Ломбардии — как потому, что сама имела на нее виды, так и потому, что никто не захотел бы вступать в войну с Францией за то, чтобы Ломбардия досталась Венеции, а воевать с Францией и Венецией одновременно ни у кого не хватило бы духу. Если же мне возразят, что Людовик уступил Романью Александру, а Неаполь — испанскому королю, дабы избежать войны, я отвечу прежними доводами, а именно: что нельзя попустительствовать беспорядку ради того, чтобы избежать войны, ибо войны не избежишь, а преимущество в войне утратишь. Если же мне заметят, что король был связан обещанием папе: в обмен на расторжение королевского брака и кардинальскую шапку архиепископу Ру-

анскому помочь захватить Романью, — то я отвечу на это в той главе, где речь пойдет об обещаниях государей и о том, каким образом следует их исполнять.

Итак, король Людовик потерял Ломбардию только потому, что отступил от тех правил, которые соблюдались государями, желавшими удержать завоеванную страну. И в этом нет ничего чудесного, напротив, все весьма обычно и закономерно. Я говорил об этом в Нанте с кардиналом Руанским, когда Валентино — так в просторечии звали Чезаре Борджа, сына папы Александра — покорял Романью: кардинал заметил мне, что итальянцы мало смыслят в военном деле, я отвечал ему, что французы мало смыслят в политике, иначе они не допустили бы такого усиления Церкви. Как показал опыт, Церковь и Испания благодаря Франции расширили свои владения в Италии, а Франция благодаря им потеряла там все. Отсюда можно извлечь вывод, многократно подтверждавшийся: горе тому, кто умножает чужое могущество, ибо оно добывается умением или силой, а оба эти достоинства не вызывают доверия у того, кому могущество достается.

Глава IV

Почему царство Дария, завоеванное Александром, не восстало против преемников Александра после его смерти

Рассмотрев, какого труда стоит удержать власть над завоеванным государством, можно лишь подивиться, почему вся держава Александра Великого — после того, как он в несколько лет покорил Азию и вскоре умер, — против ожидания не только не распалась, но мирно перешла к его преемникам, которые в управлении ею не знали других забот, кроме тех, что навлекали на себя собственным честолюбием. В объяснение этого надо сказать, что все единовластно управляемые государства, сколько их было на памяти людей, разделяются на те, где государь правит в окружении слуг, которые милостью и соизволением его поставлены на высшие должности и помогают ему управлять государством, и те, где государь правит в окружении баронов, властвующих не милос-

тью государя, но в силу древности рода. Бароны эти имеют наследные государства и подданных, каковые признают над собой их власть и питают к ним естественную привязанность. Там, где государь правит посредством слуг, он обладает большей властью, так как по всей стране подданные знают лишь одного властелина; если же повинуются его слугам, то лишь как чиновникам и должностным лицам, не питая к ним никакой особой привязанности.

Примеры разного образа правления являют в наше время турецкий султан и французский король. Турецкая монархия повинуется одному властелину; все прочие в государстве — его слуги; страна поделена на округа — санджаки, куда султан назначает наместников, которых меняет и переставляет, как ему вздумается. Король Франции, напротив, окружен многочисленной родовой знатью, признанной и любимой своими подданными и, сверх того, наделенной привилегиями, на которые король не может безнаказанно посягнуть.

Если мы сравним эти государства, то увидим, что монархию султана трудно завоевать, но по завоевании легко удержать; и напротив, такое государство, как Франция, в известном смысле проще завоевать, но зато удержать куда сложнее. Державой султана нелегко овладеть потому, что завоеватель не может рассчитывать на то, что его призовет какой-либо местный властитель, или на то, что мятеж среди приближенных султана облегчит ему захват власти. Как сказано выше, приближенные султана — его рабы, и так как они всем обязаны его милостям, то подкупить их труднее, но и от подкупленных от них было бы мало толку, ибо по указанной причине они не могут увлечь за собой народ. Следовательно, тот, кто нападает на султана, должен быть готов к тому, что встретит единодушный отпор, и рассчитывать более на свои силы, чем на чужие раздоры. Но если победа над султаном одержана и войско его наголову разбито в открытом бою, завоевателю некого более опасаться, кроме разве кровной родни султана. Если же и эта истреблена, то можно никого не бояться, так как никто другой не может увлечь за собой подданных; и как до

победы не следовало надеяться на поддержку народа, так после победы не следует его опасаться.

Иначе обстоит дело в государствах, подобных Франции: туда нетрудно проникнуть, вступив в сговор с кем-нибудь из баронов, среди которых всегда найдутся недовольные и охотники до перемен. По указанным причинам они могут открыть завоевателю доступ в страну и облегчить победу. Но удержать такую страну трудно, ибо опасность угрожает как со стороны тех, кто тебе помог, так и со стороны тех, кого ты покорил силой. И тут уж недостаточно искоренить род государя, ибо всегда останутся бароны, готовые возглавить новую смуту; а так как ни удовлетворить их притязания, ни истребить их самих ты не сможешь, то они при первой же возможности лишат тебя власти.

Если мы теперь обратимся к государству Дария, то увидим, что оно сродни державе султана, почему Александр и должен был сокрушить его одним ударом, наголову разбив войско Дария в открытом бою. Но после такой победы и гибели Дария он, по указанной причине, мог не опасаться за прочность своей власти. И преемники его могли бы править, не зная забот, если бы жили во взаимном согласии: никогда в их государстве не возникало других смут, кроме тех, что сеяли они сами.

Тогда как в государствах, устроенных наподобие Франции, государь не может править столь беззаботно. В Испании, Франции, Греции, где было много мелких властителей, то и дело вспыхивали восстания против римлян. И пока живо помнилось прежнее устройство, власть Рима оставалась непрочной; но по мере того, как оно забывалось, римляне, благодаря своей мощи и продолжительности господства, все прочнее утверждали свою власть в этих странах. Так что позднее, когда римляне воевали между собой, каждый из соперников вовлекал в борьбу те провинции, где был более прочно укоренен. И местные жители, чьи исконные властители были истреблены, не признавали над собой других правителей, кроме римлян. Если мы примем все это во внимание, то сообразим, почему Александр с легкостью удержал ази-

атскую державу, тогда как Пирру и многим другим стоило огромного труда удержать завоеванные ими страны. Причина тут не в большей или меньшей доблести победителя, а в различном устройстве завоеванных государств.

Глава V

Как управлять городами или государствами, которые, до того как были завоеваны, жили по своим законам

Если, как сказано, завоеванное государство с незапамятных времен живет свободно и имеет свои законы, то есть три способа его удержать. Первый — разрушить; второй — переселиться туда на жительство; третий — предоставить гражданам право жить по своим законам, при этом обложив их данью и вверив правление небольшому числу лиц, которые ручались бы за дружественность города государю. Эти доверенные лица будут всячески поддерживать государя, зная, что им поставлены у власти и сильны только его дружбой и мощью. Кроме того, если не хочешь подвергать разрушению город, привыкший жить свободно, то легче всего удержать его при посредстве его же граждан, чем каким-либо другим способом.

Обратимся к примеру Спарты и Рима. Спартанцы удерживали Афины и Фивы, создав там олигархию, однако впоследствии потеряли оба города. Римляне, чтобы удержать Капую, Карфаген и Нуманцию, разрушили их и сохранили их в своей власти. Грецию они попытались удержать почти тем же способом, что спартанцы, то есть установили там олигархию и не отняли свободу и право жить по своим законам, однако же потерпели неудачу и, чтобы не потерять всю Грецию, вынуждены были разрушить в ней многие города.

Ибо в действительности нет способа надежно овладеть городом иначе, как подвергнув его разрушению. Кто захватит город, с давних пор пользующийся свободой, и пощадит его, того город не пощадит. Там всегда отыщется повод для мятежа во имя свободы и старых порядков, которых не заставят забыть ни время, ни благодеяния новой власти. Что ни делай, как ни старайся, но

если не разъединить и не рассеять жителей города, они никогда не забудут ни прежней свободы, ни прежних порядков и при первом удобном случае попытаются их возродить, как сделала Пиза через сто лет после того, как подпала под владычество флорентийцев.

Но если город или страна привыкли состоять под властью государя, а род его истреблен, то жители города не так-то легко возьмутся за оружие, ибо, с одной стороны, привыкнув повиноваться, с другой — не имея старого государя, они не сумеют ни договориться об избрании нового, ни жить свободно. Так что у завоевателя будет достаточно времени, чтобы расположить их к себе и тем обеспечить себе безопасность. Тогда как в республиках больше жизни, больше ненависти, больше жажды мести; в них никогда не умирает и не может умереть память о былой свободе. Поэтому самое верное средство удержать их в своей власти — разрушить их или же в них поселиться.

Глава VI

О новых государствах, приобретаемых собственным оружием или доблестью

Нет ничего удивительного в том, что, говоря о завоевании власти, о государе и государстве, я буду ссылаться на примеры величайших мужей. Люди обычно идут путями, проложенными другими, и действуют, подражая какому-либо образцу, но так как невозможно ни неуклонно следовать этими путями, ни сравняться в доблести с теми, кого мы избираем за образец, то человеку разумному надлежит избирать пути, проложенные величайшими людьми, и подражать наидостойнейшим, чтобы если не сравняться с ними в доблести, то хотя бы исполниться ее духа. Надо уподобиться опытным стрелкам, которые, если видят, что мишень слишком удалена, берут гораздо выше, но не для того, чтобы стрела ушла вверх, а для того, чтобы, зная силу лука, с помощью высокого прицела попасть в отдаленную цель.

Итак, в новых государствах удержать власть бывает легче или труднее в зависимости от того, сколь велика доблесть нового го-

сударя. Может показаться, что если частного человека приводит к власти либо доблесть, либо милость судьбы, то они же в равной мере помогут ему преодолеть многие трудности впоследствии. Однако в действительности кто меньше полагался на милость судьбы, тот дольше удерживался у власти. Еще облегчается дело и благодаря тому, что новый государь, за неимением других владений, вынужден поселиться в завоеванном.

Но, переходя к тем, кто приобрел власть не милостью судьбы, а личной доблестью, как наидостойнейших я назову Моисея, Кира, Тезея и им подобных. И хотя о Моисее нет надобности рассуждать, ибо он был лишь исполнителем воли Всевышнего, однако следует преклониться перед той благодатью, которая сделала его достойным собеседовать с Богом. Но обратимся к Киру и прочим завоевателям и основателям царства: их величию нельзя не дивиться, и, как мы видим, дела их и установления не уступают тем, что были внушены Моисею свыше. Обдумывая жизнь и подвиги этих мужей, мы убеждаемся в том, что судьба послала им только случай, то есть снабдила материалом, которому можно было придать любую форму: не явись такой случай, доблесть их угасла бы, не найдя применения; не обладай они доблестью, тщетно явился бы случай.

Моисей не убедил бы народ Израиля следовать за собой, дабы выйти из неволи, если бы не застал его в Египте в рабстве и угнетении у египтян. Ромул не стал бы царем Рима и основателем государства, если бы не был по рождению брошен на произвол судьбы и если бы Альба не оказалась для него слишком тесной. Кир не достиг бы такого величия, если бы к тому времени персы не были озлоблены господством мидян, а мидяне — расслаблены и изнежены от долгого мира. Тезей не мог бы проявить свою доблесть, если бы не застал афинян живущими обособленно друг от друга. Итак, каждому из этих людей выпал счастливый случай, но только их выдающаяся доблесть позволила им раскрыть смысл случая, благодаря чему отечества их прославились и обрели счастье.

Кто, подобно этим людям, следует путем доблести, тому трудно завоевать власть, но легко ее удержать; трудность же состоит

прежде всего в том, что им приходится вводить новые установления и порядки, без чего нельзя основать государство и обеспечить себе безопасность. А надо знать, что нет дела, коего устройство было бы труднее, ведение опаснее, а успех сомнительнее, нежели замена старых порядков новыми. Кто бы ни выступал с подобным начинанием, его ожидает враждебность тех, кому выгодны старые порядки, и холодность тех, кому выгодны новые. Холодность же эта объясняется отчасти страхом перед противником, на чьей стороне — законы; отчасти недоверчивостью людей, которые на самом деле не верят в новое, пока оно не закреплено продолжительным опытом. Когда приверженцы старого видят возможность действовать, они нападают с ожесточением, тогда как сторонники нового обороняются вяло, почему, опираясь на них, подвергаешь себя опасности.

Чтобы основательнее разобраться в этом деле, надо начать с того, самодостаточны ли такие преобразователи или они зависят от поддержки со стороны; иначе говоря, должны ли они для успеха своего начинания упрашивать или могут применить силу. В первом случае они обречены, во втором, то есть если они могут применить силу, им редко грозит неудача. Вот почему все вооруженные пророки побеждали, а все безоружные гибли. Ибо, в добавление к сказанному, надо иметь в виду, что нрав людей постоянен, и если обратить их в свою веру легко, то удержать в ней трудно. Поэтому надо быть готовым к тому, чтобы, когда вера в народе иссякнет, заставить его поверить силой. Моисей, Кир, Ромул и Тезей, будь они безоружны, не могли бы добиться длительного соблюдения данных ими законов. Как оно и случилось в наши дни с фра Джироламо Савонаролой: введенные им порядки рухнули, как только толпа перестала в них верить, у него же не было средств утвердить в вере тех, кто еще верил ему, и принудить к ней тех, кто уже не верил.

На пути людей, подобных тем, что я здесь перечислил, встает множество трудностей и множество опасностей, для преодоления которых требуется великая доблесть. Но если цель достигнута, если государь заслужил признание подданных и устранил завист-

ников, то он на долгое время обретает могущество, покой, почести и счастье.

К столь высоким примерам я хотел бы присовокупить пример более скромный, однако же сопоставимый, и думаю, что его здесь достаточно. Я говорю о Гиероне Сиракузском: из частного лица он стал царем Сиракуз, хотя судьба не подарила его ничем, кроме благоприятного случая: угнетаемые жители Сиракуз избрали его своим военачальником, он же, благодаря своим заслугам, сделался их государем. Еще до возвышения он отличался такой доблестью, что, по словам древнего автора, «*nihil illi deerat ad regnandum praeter regnum*»*. Он упразднил старое ополчение и набрал новое, расторг старые союзы и заключил новые. А на таком фундаменте, как собственное войско и собственные союзники, он мог воздвигнуть любое здание. Так что ему великих трудов стоило завоевать власть и малых — ее удержать.

Глава VII

О новых государствах, приобретаемых чужим оружием или милостью судьбы

Тогда как тем, кто становится государем милостью судьбы, а не благодаря доблести, легко приобрести власть, но удержать ее трудно. Как бы перелетев весь путь к цели, они сталкиваются с множеством трудностей впоследствии. Я говорю о тех гражданах, которым власть досталась за деньги или была пожалована в знак милости. Такое нередко случалось в Греции в городах Ионии и Геллеспонта, куда Дарий назначал правителей ради своей славы и безопасности; так нередко бывало и в Риме, где частные лица добивались провозглашения себя императорами, подкупая солдат.

В этих случаях государи всецело зависят от воли и фортуны тех, кому обязаны властью, то есть от двух сил крайне непостоянных и прихотливых; удержаться же у власти они не могут и не умеют. Не умеют оттого, что человеку без особых дарований и доблести, прожившему всю жизнь в скромном звании, негде на-

* «Для царствования ему не доставало лишь царства» (лат.).

учиться повелевать; не могут оттого, что не имеют союзников и надежной опоры. Эти невесты откуда взявшиеся властители, как все в природе, что нарождается и растет слишком скоро, не успевают пустить ни корней, ни ответвлений, почему и гибнут от первой же непогоды. Только тот, кто обладает истинной доблестью, при внезапном возвышении сумеет не упустить того, что фортуна сама вложила ему в руки, то есть сумеет, став государем, заложить те основания, которые другие закладывали до того, как достигнуть власти.

Обе эти возможности возвыситься — благодаря доблести или милости судьбы — я покажу на двух примерах, равно нам памятных: я имею в виду Франческо Сфорца и Чезаре Борджа. Франческо стал миланским герцогом должным образом, выказав великую доблесть, и без труда удержал власть, доставшуюся ему ценой многих усилий. Чезаре Борджа, простонародьем называемый герцог Валентино, приобрел власть благодаря фортуне, высоко вознесшей его отца; но, лишившись отца, он лишился и власти, несмотря на то что, как человек умный и доблестный, приложил все усилия и все старания, какие были возможны, к тому, чтобы пустить прочные корни в государствах, добытых для него чужим оружием и чужой фортуной. Ибо, как я уже говорил, если основания не заложены заранее, то при великой доблести это можно сделать и впоследствии, хотя бы ценой многих усилий зодчего и с опасностью для всего здания.

Рассмотрев образ действий герцога, нетрудно убедиться в том, что он подвел прочное основание под будущее могущество, и я считаю не лишним это обсудить, ибо не мыслю лучшего наставления новому государю. И если все же распорядительность герцога не спасла его от крушения, то в этом повинен не он, а поистине необычайное коварство фортуны.

Александр VI желал возвысить герцога, своего сына, но предвидел тому немало препятствий и в настоящем, и в будущем. Прежде всего он знал, что располагает лишь теми владениями, которые подвластны Церкви, но всякой попытке отдать одно из них герцогу воспротивились бы как герцог Миланский, так и венецианцы, которые уже взяли под свое покровительство Фаэнцу

и Римини. Кроме того, войска в Италии, особенно те, к чьим услугам можно было прибегнуть, сосредоточились в руках людей, опасавшихся усиления папы, то есть Орсини, Колонна и их приспешников. Таким образом, прежде всего надлежало расстроить сложившийся порядок и посеять смуту среди государств, дабы беспрепятственно овладеть некоторыми из них. Сделать это оказалось легко благодаря тому, что венецианцы, в собственных интересах, призвали в Италию французов, чему папа не только не помешал, но даже содействовал, расторгнув прежний брак короля Людовика.

Итак, король вступил в Италию с помощью венецианцев и с согласия Александра и, едва достигнув Милана, тотчас выслал папе отряд, с помощью которого тот захватил Романью, что сошло ему с рук только потому, что за ним стоял король. Таким образом Романья оказалась под властью герцога, а партии Колонна было нанесено поражение, но пока что герцог не мог следовать дальше, ибо оставалось два препятствия: во-первых, войско, казавшееся ему ненадежным, во-вторых, намерения Франции. Иначе говоря, он опасался, что войско Орсини, которое он взял на службу, выбьет у него почву из-под ног, то есть либо покинет его, либо, того хуже, отнимет завоеванное; и что точно так же поступит король. В солдатах Орсини он усомнился после того, как, взяв Фаэнцу, двинул их на Болонью и заметил, что они вяло наступают; что же касается короля, то он понял его намерения, когда после взятия Урбино двинулся к Тоскане, и тот вынудил его отступить. Поэтому герцог решил более не рассчитывать ни на чужое оружие, ни на чье-либо покровительство.

Первым делом он ослабил партии Орсини и Колонна в Риме: всех нобилей, державших их сторону, переманил к себе на службу, определив им высокие жалованья и, сообразно достоинствам, раздал места в войске и управлении, так что в несколько месяцев они отстали от своих партий и обратились в приверженцев герцога. После этого он стал выжидать возможности разделаться с главарями партии Орсини, еще раньше покончив с Колонна. Случай представился хороший, а воспользовался он им и того лучше. Орсини, спохватившиеся, что усиление Церкви грозит им

гибелью, собрались на совет в Маджоне, близ Перуджи. Этот совет имел множество грозных последствий для герцога — прежде всего бунт в Урбино и возмущение в Романье, с которыми он, однако, справился благодаря помощи французов.

Восстановив прежнее влияние, герцог решил не доверять более ни Франции, ни другой внешней силе, чтобы впредь не подвергать себя опасности, и прибег к обману. Он так отвел глаза Орсини, что те сначала примирились с ним через посредство синьора Паоло — которого герцог принял со всевозможными изъявлениями учтивости и одарил одеждой, лошадьми и деньгами, — а потом в Синигалии сами простодушно отдались ему в руки. Так, разделавшись с главарями партий и переманив к себе их приверженцев, герцог заложил весьма прочное основание своего могущества: под его властью находилась вся Романья с герцогством Урбино и, что особенно важно, он был уверен в приязни к нему народа, испытавшего благодетельность его правления.

Эта часть действий герцога достойна внимания и подражания, почему я желал бы остановиться на ней особо. До завоевания Романья находилась под властью ничтожных правителей, которые не столько пеклись о своих подданных, сколько обирали их и направляли не к согласию, а к раздорам, так что весь край изнемогал от грабежей, усобиц и беззаконий. Завоевав Романью, герцог решил отдать ее в надежные руки, дабы умиротворить и подчинить верховной власти, и с тем вручил всю полноту власти мессеру Рамиро де Орко, человеку нрава резкого и крутого. Тот в короткое время умиротворил Романью, пресек распри и навел трепет на всю округу. Тогда герцог рассудил, что чрезмерное сосредоточение власти больше не нужно, ибо может озлобить подданных, и учредил, под председательством почтенного лица, гражданский суд, в котором каждый город был представлен защитником. Но, зная, что минувшие строгости все-таки настроили против него народ, он решил обелить себя и расположить к себе подданных, показав им, что если и были жестокости, то в них повинен не он, а его суровый наместник. И вот однажды утром на площади в Чезене по его приказу положили разрубленное попо-

лам тело мессера Рамиро де Орко рядом с колодой и окровавленным мечом. Свирепость этого зрелища одновременно удовлетворила и ошеломила народ.

Но вернемся к тому, от чего мы отклонились. Итак, герцог обрел собственных солдат и разгромил добрую часть тех войск, которые в силу соседства представляли для него угрозу, чем утвердил свое могущество и отчасти обеспечил себе безопасность; теперь на его пути стоял только король Франции: с опозданием заметив свою оплошность, король не потерпел бы дальнейших завоеваний. Поэтому герцог стал высматривать новых союзников и уклончиво вести себя по отношению к Франции — как раз тогда, когда французы предприняли поход на Неаполь против испанцев, осаждавших Гаэту. Он задумывал развязаться с Францией, и ему бы это весьма скоро удалось, если бы дольше прожил папа Александр.

Таковы были действия герцога, касавшиеся настоящего. Что же до будущего, то главную угрозу для него представлял возможный преемник Александра, который мог бы не только проявить недружественность, но и отнять все то, что герцогу дал Александр. Во избежание этого он задумал четыре меры предосторожности: во-первых, истребить разоренных им правителей вместе с семействами, чтобы не дать новому папе повода выступить в их защиту; во-вторых, расположить к себе римских нобилей, чтобы с их помощью держать в узде будущего преемника Александра; в-третьих, иметь в Коллегии кардиналов как можно больше своих людей; в-четвертых, успеть до смерти папы Александра расширить свои владения настолько, чтобы самостоятельно выдержать первый натиск извне. Когда Александр умер, у герцога было исполнено три части замысла, а четвертая была близка к исполнению. Из разоренных им правителей он умертвил всех, до кого мог добраться, и лишь немногим удалось спастись; римских нобилей он склонил в свою пользу; в Коллегии заручился поддержкой большей части кардиналов. Что же до расширения владений, то, задумав стать властителем Тосканы, он успел захватить Перуджу и Пьомбино и взять под свое покровительство Пизу. К этому вре-

мени он мог уже не опасаться Франции — после того как испанцы окончательно вытеснили французов из Неаполитанского королевства, тем и другим приходилось покупать дружбу герцога, так что еще шаг — и он завладел бы Пизой. После чего тут же сдались бы Сиена и Лукка, отчасти из страха, отчасти назло флорентийцам; и сами флорентийцы оказались бы в безвыходном положении. И все это могло бы произойти еще до конца того года, в который умер папа Александр, и если бы произошло, то герцог обрел бы такое могущество и влияние, что не нуждался бы ни в чьем покровительстве и не зависел бы ни от чужого оружия, ни от чужой фортуны, но всецело от собственной доблести и силы. Однако герцог впервые обнажил меч всего за пять лет до смерти отца. И успел упрочить власть лишь над одним государством — Романьей, оставшись на полпути к обладанию другими, зажатый между двумя грозными неприятельскими армиями и смертельно больной.

Но столько было в герцоге яростной отваги и доблести, так хорошо умел он привлекать и устранять людей, так прочны были основания его власти, заложенные им в столь краткое время, что он превозмог бы любые трудности — если бы его не теснили с двух сторон враждебные армии или не донимала болезнь. Что власть его покоилась на прочном фундаменте, в этом мы убедились: Романья дождалась его больше месяца; в Риме, находясь при смерти, он, однако, пребывал в безопасности: Бальони, Орсини и Вителли, явившиеся туда, так никого и не увлекли за собой; ему удалось добиться того, чтобы папой избрали если не именно того, кого он желал, то по крайней мере не того, кого он не желал. Не окажись герцог при смерти тогда же, когда умер папа Александр, он с легкостью одолел бы любое препятствие. В дни избрания Юлия II он говорил мне, что все предусмотрел на случай смерти отца, для всякого положения нашел выход, одного лишь не угадал — что в это время и сам окажется близок к смерти.

Обозревая действия герцога, я не нахожу, в чем можно было бы его упрекнуть; более того, мне представляется, что он мо-

жет послужить образцом всем тем, кому доставляет власть милость судьбы или чужое оружие. Ибо, имея великий замысел и высокую цель, он не мог действовать иначе: лишь преждевременная смерть Александра и собственная его болезнь помешали ему осуществить намерение. Таким образом, тем, кому необходимо в новом государстве обезопасить себя от врагов, приобрести друзей, побеждать силой или хитростью, внушать страх и любовь народу, а солдатам — послушание и уважение, иметь преданное и надежное войско, устранять людей, которые могут или должны повредить; обновлять старые порядки, избавляться от ненадежного войска и создавать свое, являть суровость и милость, великодушие и щедрость и, наконец, вести дружбу с правителями и королями, так чтобы они либо с учтивостью оказывали услуги, либо воздерживались от нападений, — всем им не найти для себя примера более наглядного, нежели деяния герцога.

В одном лишь можно его обвинить — в избрании Юлия главой Церкви. Тут он ошибся в расчете, ибо если он не мог провести угодного ему человека, он мог, как уже говорилось, отвести негодного; а раз так, то ни в коем случае не следовало допускать к папской власти тех кардиналов, которые были им обижены в прошлом или, в случае избрания, могли бы бояться его в будущем. Ибо люди мстят либо из страха, либо из ненависти. Среди обиженных им были Сан Пьетро ин Винкула, Колонна, Сан Джорджо, Асканио; все остальные, взойдя на престол, имели бы причины его бояться. Исключение составляли испанцы и кардинал Руанский, те — в силу родственных уз и обязательств, этот — благодаря могуществу стоявшего за ним французского королевства. Поэтому в первую очередь надо было позаботиться об избрании кого-нибудь из испанцев, а в случае невозможности — кардинала Руанского, но уж никак не Сан Пьетро ин Винкула. Заблуждается тот, кто думает, что новые благодеяния могут заставить великих мира сего позабыть о старых обидах. Так что герцог совершил оплошность, которая в конце концов и привела его к гибели.

Глава VIII

О тех, кто приобретает власть злодеяниями

Но есть еще два способа сделаться государем — не сводимые ни к милости судьбы, ни к доблести; и опускать их, как я полагаю, не стоит, хотя об одном из них уместнее рассуждать там, где речь идет о республиках. Я разумею случаи, когда частный человек достигает верховной власти путем преступлений либо в силу благоволения к нему сограждан. Говоря о первом способе, я сошлюсь на два случая — один из древности, другой из современной жизни — и тем ограничусь, ибо полагаю, что и этих двух достаточно для тех, кто ищет примера.

Сицилиец Агафокл стал царем Сиракуз, хотя вышел не только из простого, но из низкого и презренного звания. Он родился в семье горшечника и вел жизнь бесчестную, но смолоду отличался такой силой духа и телесной доблестью, что, вступив в войско, постепенно выслужился до претора Сиракуз. Утвердясь в этой должности, он задумал сделаться властителем Сиракуз и таким образом присвоить себе то, что было ему вверено по доброй воле. Посвятив в этот замысел Гамилькара Карфагенского, находившегося в то время в Сицилии, он созвал однажды утром народ и сенат Сиракуз, якобы для решения дел, касающихся республики; и когда все собрались, то солдаты его по условленному знаку перебили всех сенаторов и богатейших людей из народа. После такой расправы Агафокл стал властвовать, не встречая ни малейшего сопротивления со стороны граждан. И хотя он был дважды разбит карфагенянами и даже осажден их войском, он не только не сдал город, но, оставив часть людей защищать его, с другой — вторгся в Африку; в короткое время освободил Сиракузы от осады и довел карфагенян до крайности, так что они вынуждены были заключить с ним договор, по которому ограничивались владениями в Африке и уступали Агафоклу Сицилию.

Вдумавшись, мы не найдем в жизни и делах Агафокла ничего или почти ничего, что бы досталось ему милостью судьбы, ибо, как уже говорилось, он достиг власти не чьим-либо покровительством, но службой в войске, сопряженной с множеством опасно-

стей и невзгод, и удержал власть смелыми действиями, проявив решительность и отвагу. Однако же нельзя назвать и доблестью убийство сограждан, предательство, вероломство, жестокость и нечестивость: всем этим можно стяжать власть, но не славу. Так что, если судить о нем по той доблести, с какой он шел навстречу опасности, по той силе духа, с какой он переносил невзгоды, то едва ли он уступит любому прославленному военачальнику, но, памятуя его жестокость и бесчеловечность и все совершенные им преступления, мы не можем приравнять его к величайшим людям. Следовательно, нельзя приписать ни милости судьбы, ни доблести то, что было добыто без того и другого.

Уже в наше время, при папе Александре, произошел другой случай. Оливеротто из Фермо, в младенчестве осиротевший, вырос в доме дяди с материнской стороны по имени Джованни Фольяни; еще в юных летах он вступил в военную службу под начало Паоло Вителли, с тем чтобы, освоившись с военной наукой, занять почетное место в войске. По смерти Паоло он перешел под начало брата его Вителлоццо и весьма скоро, как человек сообразительный, сильный и храбрый, стал первым лицом в войске. Однако, полагая унижительным подчиняться другим, он задумал овладеть Фермо — с благословения Вителли и при пособничестве нескольких сограждан, которым рабство отечества было милее его свободы. В письме к Джованни Фольяни он объявил, что желал бы после многолетнего отсутствия навестить дядю и родные места, а заодно определить размеры наследства; что в трудах своих он не помышляет ни о чем, кроме славы, и, желая доказать согражданам, что не впустую растратил время, испрашивает позволения въехать с почетом — со свитой из ста всадников, его друзей и слуг, пусть, мол, жители Фермо тоже не откажут ему в почетном приеме, что было бы лестно не только ему, но и дяде его, заменившему ему отца. Джованни Фольяни исполнил все, как просил племянник, и позаботился о том, чтобы горожане встретили его с почестями. Тот, поселившись в собственном доме, выждал несколько дней, пока закончатся приготовления к задуманному злодейству, и устроил торжественный пир, на который пригласил Джованни Фольяни и всех именитых людей Фермо.

После того как покончили с угощениями и с принятыми в таких случаях увеселениями, Оливеротто с умыслом повел опасные речи о предприятиях и величии папы Александра и сына его Цезаре. Но когда Джованни и другие стали ему отвечать, он вдруг поднялся и, заявив, что подобные разговоры лучше продолжить в укромном месте, удалился внутрь покоев, куда за ним последовал дядя и другие именитые гости. Не успели они, однако, сесть, как из засады выскочили солдаты и перебили всех, кто там находился. После этой резни Оливеротто верхом промчался через город и осадил во дворце высший магистрат; тот из страха повиновался и учредил новое правление, а Оливеротто провозгласил властителем города.

Истребив тех, кто по недовольству мог ему повредить, Оливеротто укрепил свою власть новым военным и гражданским устройством и с той поры не только пребывал в безопасности внутри Фермо, но и стал грозой всех соседей. Выбить его из города было бы так же трудно, как Агафокла, если бы его не перехитрил Цезаре Борджа, который в Синигалии, как уже рассказывалось, заманил в ловушку главарей Орсини и Вителли; Оливеротто приехал туда вместе с Вителлоццо, своим наставником в доблести и в злодействах, и там вместе с ним был удушен, что произошло через год после описанного отцеубийства.

Кого-то могло бы озадачить, почему Агафоклу и ему подобным удавалось, проложив себе путь жестокостью и предательством, долго и благополучно жить в своем отечестве, защищать себя от внешних врагов и не стать жертвой заговора со стороны сограждан, тогда как многим другим не удавалось сохранить власть жестокостью даже в мирное, а не то что в смутное военное время. Думаю, дело в том, что жестокость жестокости рознь. Жестокость хороша в тех случаях — если позволительно дурное называть хорошим, — когда ее проявляют сразу и по соображениям безопасности, не упорствуют в ней и по возможности обращают на благо подданных; и плоха в тех случаях, когда поначалу расправы совершаются редко, но со временем учащаются, а не становятся реже. Действуя первым способом, можно, подобно Агафоклу, с Божьей и людской помощью удерживать власть; действуя вторым — невозможно.

Отсюда следует, что тот, кто овладевает государством, должен предусмотреть все обиды, чтобы покончить с ними разом, а не возобновлять изо дня в день; тогда люди понемногу успокоятся, и государь сможет, делая им добро, постепенно завоевать их расположение. Кто поступит иначе, из робости или по дурному умыслу, тот никогда уже не вложит меч в ножны и никогда не сможет опереться на своих подданных, не знающих покоя от новых и непрестанных обид. Так что обиды нужно наносить разом: чем меньше их распробуют, тем меньше от них вреда; благодеяния же полезно оказывать мало-помалу, чтобы их распробовали как можно лучше. Самое же главное для государя — вести себя с подданными так, чтобы никакое событие — ни дурное, ни хорошее — не заставляло его изменить своего обращения с ними, так как, случись тяжелое время, зло делать поздно, а добро бесполезно, ибо его сочтут вынужденным и не воздадут за него благодарностью.

Глава IX

О гражданском единовластии

Перейду теперь к тем случаям, когда человек делается государем своего отечества не путем злодеяний и беззаконий, но в силу благоволения сограждан, для чего требуется не собственно доблесть или удача, но скорее удачливая хитрость. Надобно сказать, что такого рода единовластие — его можно назвать гражданским — учреждается по требованию либо знати, либо народа. Ибо нет города, где не обособились бы два этих начала: знать желает подчинять и угнетать народ, народ не желает находиться в подчинении и угнетении; столкновение же этих начал разрешается тройко: либо единовластием, либо безначалием, либо свободой.

Единовластие учреждается либо знатью, либо народом, в зависимости от того, кому первому представится удобный случай. Знать, видя, что она не может противостоять народу, возвышает кого-нибудь из своих и провозглашает его государем, чтобы за его спиной утолить свои вождедения. Так же и народ, видя, что

не может сопротивляться знати, возвышает кого-либо одного, чтобы в его власти обрести для себя защиту. Тому, кто приходит к власти с помощью знати, труднее удержать власть, чем тому, кого привел к власти народ, так как если государь окружен знатью, которая почитает себя ему равной, он не может ни приказывать, ни иметь независимый образ действий. Тогда как тот, кого привел к власти народ, правит один и вокруг него нет никого или почти никого, кто не желал бы ему повиноваться. Кроме того, нельзя честно, не ущемляя других, удовлетворить притязания знати, но можно — требования народа, так как у народа более честная цель, чем у знати: знать желает угнетать народ, а народ не желает быть угнетенным. Сверх того, с враждебным народом ничего нельзя поделаться, ибо он многочислен, а со знатью можно, ибо она малочисленна. Народ, на худой конец, отвернется от государя, тогда как от враждебной знати можно ждать не только того, что она отвернется от государя, но даже пойдет против него, ибо она дальновидней, хитрее, загодя ищет путей к спасению и заискивает перед тем, кто сильнее. И еще добавлю, что государь не волен выбирать народ, но волен выбирать знать, ибо его право карать и миловать, приближать или подвергать опале.

Эту последнюю часть разъясню подробнее. С людьми знатными надлежит поступать так, как поступают они. С их же стороны возможны два образа действий: либо они показывают, что готовы разделить судьбу государя, либо нет. Первых, если они не корыстны, надо почитать и ласкать, что до вторых, то здесь следует различать два рода побуждений. Если эти люди ведут себя таким образом по малодушию и природному отсутствию решимости, ими следует воспользоваться, в особенности теми, кто сведущ в каком-либо деле. Если же они ведут себя так умышленно, из честолюбия, то это означает, что они думают о себе больше, нежели о государе. И тогда их надо остерегаться и бояться не меньше, чем явных противников, ибо в трудное время они всегда могут погубить государя.

Так что если государь пришел к власти с помощью народа, он должен стараться удержать его дружбу, что совсем не трудно, ибо

народ требует только, чтобы его не угнетали. Но если государя привела к власти знать наперекор народу, то первый его долг — заручиться дружбой народа, что опять-таки нетрудно сделать, если взять народ под свою защиту. Люди же таковы, что, видя добро со стороны тех, от кого ждали зла, особенно привязываются к благодетелям, поэтому народ еще больше расположится к государю, чем если бы сам привел его к власти. Заручиться же поддержкой народа можно разными способами, которых я обсуждать не стану, так как они меняются от случая к случаю и не могут быть подведены под какое-либо определенное правило.

Скажу лишь в заключение, что государю надлежит быть в дружбе с народом, иначе в трудное время он будет свергнут. Набид, правитель Спарты, выдержал осаду со стороны всей Греции и победоносного римского войска и отстоял власть и отечество; между тем с приближением опасности ему пришлось устранить всего нескольких лиц, тогда как если бы он враждовал со всем народом, он не мог бы ограничиться столь малым. И пусть мне не возражают на это расхожей поговоркой, что, мол, на народ надеяться — что на песке строить. Поговорка верна, когда речь идет о простом гражданине, который, опираясь на народ, тешит себя надеждой, что народ его вызволит, если он попадет в руки врагов или магистрата. Тут и в самом деле можно обмануться, как обманулись Гракхи в Риме или мессер Джорджо Скали во Флоренции. Но если в народе ищет опоры государь, который не просит, а приказывает, к тому же бесстрашен, не падает духом в несчастье, не упускает нужных приготовлений для обороны и умеет распоряжениями своими и мужеством вселить бодрость в тех, кто его окружает, он никогда не обманется в народе и убедится в прочности подобной опоры.

Обычно в таких случаях власть государя оказывается под угрозой при переходе от гражданского строя к абсолютному — так как государи правят либо посредством магистрата, либо единолично. В первом случае положение государя слабее и уязвимее, ибо он всецело зависит от воли граждан, из которых состоит магистрат, они же могут лишить его власти в любое, а тем более в трудное, время, то есть могут либо выступить про-

тив него, либо уклониться от выполнения его распоряжений. И тут, перед лицом опасности, поздно присваивать себе абсолютную власть, так как граждане и подданные, привыкнув исполнять распоряжения магистрата, не станут в трудных обстоятельствах подчиняться приказаниям государя. Оттого-то в тяжелое время у государя всегда будет недостаток в надежных людях, ибо нельзя верить тому, что видишь в спокойное время, когда граждане нуждаются в государстве: тут каждый спешит с посулами, каждый, благо смерть далеко, изъявляет готовность пожертвовать жизнью за государя, но когда государство в трудное время испытывает нужду в своих гражданах, их объявляется немного. И подобная проверка тем опасней, что она бывает всего однажды. Поэтому мудрому государю надлежит принять меры к тому, чтобы граждане всегда и при любых обстоятельствах имели потребность в государе и в государстве, — только тогда он сможет положиться на их верность.

Глава X

Как следует измерять силы всех государств

Изучая свойства государств, следует принять в соображение и такую сторону дела: может ли государь в случае надобности отстоять себя собственными силами или он нуждается в защите со стороны. Поясню, что способными отстоять себя я называю тех государей, которые, имея в достатке людей или денег, могут собрать требуемых размеров войско и выдержать сражение с любым неприятелем; нуждающимися в помощи я называю тех, кто не может выйти против неприятеля в поле и вынужден обороняться под прикрытием городских стен. Что делать в первом случае — о том речь впереди, хотя кое-что уже сказано выше. Что же до второго случая, то тут ничего не скажешь, кроме того, что государю надлежит укреплять и снаряжать всем необходимым город, не принимая в расчет прилегающую округу. Если государь хорошо укрепит город и будет обращаться с подданными так, как описано выше и будет добавлено ниже, то соседи остерегутся на него нападать. Ибо люди — враги всяких затруднительных пред-

приятый, а кому же покажется легким нападение на государя, чей город хорошо укреплен, а народ не озлоблен.

Города Германии, одни из самых свободных, имеют небольшие округа, повинуются императору, когда сами того желают, и не боятся ни его, ни кого-либо другого из сильных соседей, так как достаточно укреплены для того, чтобы захват их всякому показался трудным и изнурительным делом. Они обведены добротными стенами и рвами, имеют артиллерии сколько нужно и на общественных складах держат годовой запас продовольствия, питья и топлива; кроме того, чтобы прокормить простой народ, не истощая казны, они заготовляют на год работы в тех отраслях, которыми живет город, и в тех ремеслах, которыми кормится простонародье. Военное искусство у них в чести, и они поощряют его разными мерами.

Таким образом, государь, чей город хорошо укреплен, а народ не озлоблен, не может подвергнуться нападению. Но если это и случится, неприятель принужден будет с позором ретироваться, ибо все в мире меняется с такой быстротой, что едва ли кто-нибудь сможет год продержаться войско в праздности, осаждая город. Мне возразят, что если народ увидит, как за городом горят его поля и жилища, он не выдержит долгой осады, ибо собственные заботы возьмут верх над верностью государю. На это я отвечу, что государь сильный и смелый одолеет все трудности, то внушая подданным надежду на скорое окончание бедствий, то напоминая им о том, что враг беспощаден, то осаживая излишне строптивых. Кроме того, неприятель обычно сжигает и опустошает поля при подходе к городу, когда люди еще разгорячены и полны решимости не сдаваться; когда же через несколько дней пыл поостынет, то урон уже будет нанесен и зло содеяно. А тогда людям ничего не останется, как держаться своего государя, и сами они будут ожидать от него благодарности за то, что, защищая его, позволили сжечь свои дома и разграбить имущество. Люди же по натуре своей таковы, что не меньше привязываются к тем, кому сделали добро сами, чем к тем, кто сделал добро им. Так, по рассмотрении

всех обстоятельств, скажу, что разумный государь без труда найдет способы укрепить дух горожан во все время осады, при условии, что у него хватит чем прокормить и оборонить город.

Глава XI

О церковных государствах

Нам остается рассмотреть церковные государства, о которых можно сказать, что овладеть ими трудно, ибо для этого требуется доблесть или милость судьбы, а удержать легко, ибо для этого не требуется ни того, ни другого. Государства эти опираются на освященные религией устои, столь мощные, что они поддерживают государей у власти, независимо от того, как те живут и поступают. Только там государи имеют власть, но ее не отстаивают, имеют подданных, но ими не управляют; и, однако же, на власть их никто не покушается, а подданные их не тяготятся своим положением и не хотят, да и не могут от них отпасть. Так что лишь эти государи неизменно пребывают в благополучии и счастье.

Но так как государства эти направляемы причинами высшего порядка, до которых ум человеческий не достигает, то говорить о них я не буду; лишь самонадеянный и дерзкий человек мог бы взяться рассуждать о том, что возвеличено и хранимо Богом. Однако же меня могут спросить, каким образом Церковь достигла такого могущества, что ее боится король Франции, что ей удалось изгнать его из Италии и разгромить венецианцев, тогда как раньше с ее светской властью не считались даже мелкие владельцы и бароны, не говоря уж о крупных государствах Италии. Если меня спросят об этом, то, хотя все эти события хорошо известны, я сочту нелишним напомнить, как было дело.

Перед тем как Карл, французский король, вторгся в Италию, господство над ней было поделено между папой, венецианцами, королем Неаполитанским, герцогом Миланским и флорентийцами. У этих властителей было две главных заботы: во-первых, не допустить вторжения в Италию чужеземцев, во-вторых, удержать друг друга в прежних границах. Наибольшие подозрения внушали венецианцы и папа. Против венецианцев прочие образовали

союз, как это было при защите Феррары; против папы использовались римские бароны. Разделенные на две партии — Колонна и Орсини, бароны постоянно затевали свары и, потрясая оружием на виду у главы Церкви, способствовали слабости и неустойчивости папства. Хотя кое-кто из пап обладал мужеством, как, например, Сикст, никому из них при всей опытности и благоприятных обстоятельствах не удавалось избавиться от этой напасти. Виной тому — краткость их правления, ибо за те десять лет, что в среднем проходили от избрания папы до его смерти, ему насилу удавалось разгромить лишь одну из враждующих партий. И если папа успевал, скажем, почти разгромить приверженцев Колонна, то преемник его, будучи сам врагом Орсини, давал возродиться партии Колонна и уже не имел времени разгромить Орсини. По этой самой причине в Италии невысоко ставили светскую власть папы.

Но когда на папский престол взошел Александр VI, он куда более всех своих предшественников сумел показать, чего может добиться глава Церкви, действуя деньгами и силой. Воспользовавшись приходом французов, он совершил посредством герцога Валентино все то, о чем я рассказывал выше — там, где речь шла о герцоге. Правда, труды его были направлены на возвеличение не Церкви, а герцога, однако же они обернулись величием Церкви, которая унаследовала плоды его трудов после смерти Александра и устранения герцога. Папа Юлий застал по восшествии могучую Церковь: она владела Романьей, смирила римских баронов, чьи партии распались под ударами Александра, и, сверх того, открыла новый источник пополнения казны, которым не пользовался никто до Александра.

Все это Юлий не только продолжил, но и придал делу больший размах. Он задумал присоединить Болонью, сокрушить Венецию и прогнать французов и осуществил этот замысел, к тем большей своей славе, что радел о величии Церкви, а не частных лиц. Кроме того, он удержал партии Орсини и Колонна в тех пределах, в каких застал их; и хотя кое-кто из главарей готов был посеять смуту, но их удерживало, во-первых, могущество Церкви, а во-вторых — отсутствие в их рядах кардиналов, всегда бы-

вавших зачинщиками раздоров. Никогда между этими партиями не будет мира, если у них будут свои кардиналы: разжигая в Риме и вне его вражду партий, кардиналы втягивают в нее баронов, и так из властолюбия прелатов рождаются распри и усобицы среди баронов.

Его святейшество папа Лев воспринял, таким образом, могучую Церковь; и если его предшественники возвеличили папство силой оружия, то нынешний глава Церкви внушает нам надежду на то, что возвеличит и прославит его еще больше своей добротой, доблестью и многообразными талантами.

Глава XII

О том, сколько бывает видов войск, и о наемных солдатах

Выше мы подробно обсудили разновидности государств, названные мною в начале; отчасти рассмотрели причины благоденствия и крушения государей; выяснили, какими способами действовали те, кто желал завоевать и удержать власть. Теперь рассмотрим, какими средствами нападения и защиты располагает любое из государств, перечисленных выше. Ранее уже говорилось о том, что власть государя должна покоиться на крепкой основе, иначе она рухнет. Основой же власти во всех государствах — как унаследованных, так смешанных и новых — служат хорошие законы и хорошее войско. Но хороших законов не бывает там, где нет хорошего войска, и наоборот, где есть хорошее войско, там хороши и законы, поэтому, минуя законы, я перехожу прямо к войску.

Начну с того, что войско, которым государь защищает свою страну, бывает либо собственным, либо союзническим, либо наемным, либо смешанным. Наемные и союзнические войска бесполезны и опасны; никогда не будет ни прочной, ни долговечной та власть, которая опирается на наемное войско, ибо наемники честолюбивы, распущенны, склонны к раздорам, задиристы с друзьями и трусливы с врагом, вероломны и нечестивы; поражение их отсрочено лишь настолько, насколько отсрочен решитель-

ный приступ; в мирное же время они разорят тебя не хуже, чем в военное — неприятель. Объясняется это тем, что не страсть и не какое-либо другое побуждение удерживает их в бою, а только скудное жалованье, что, конечно, недостаточно для того, чтобы им захотелось пожертвовать за тебя жизнью. Им весьма по душе служить тебе в мирное время, но стоит начаться войне, как они показывают тыл и бегут.

Надо ли доказывать то, что и так ясно: чем иным вызвано крушение Италии, как не тем, что она долгие годы довольствовалась наемным оружием? Кое для кого наемники действовали с успехом и не раз красовались отвагой друг перед другом, но когда вторгся чужеземный враг, мы увидели, чего они стоят на деле. Так что Карлу, королю Франции, и впрямь удалось захватить Италию с помощью куска мела. А кто говорил, что мы терпим за грехи наши, сказал правду, только это не те грехи, какие он думал, а те, которые я перечислил. И так как это были грехи государей, то и расплачиваться пришлось им же.

Я хотел бы объяснить подробнее, в чем беда наемного войска. Кондотьеры по-разному владеют своим ремеслом: одни превосходно, другие — посредственно. Первым нельзя довериться потому, что они будут сами домогаться власти и ради нее свергнут либо тебя, их хозяина, либо другого, но не справившись о твоих намерениях. Вторым нельзя довериться потому, что они проиграют сражение. Мне скажут, что того же можно ждать от всякого, у кого в руках оружие, наемник он или нет. На это я отвечу: войско состоит в ведении либо государя, либо республики; в первом случае государь должен лично возглавить войско, приняв на себя обязанности военачальника; во втором случае республика должна поставить во главе войска одного из граждан; и если он окажется плох — сместить его, в противном случае — ограничить законами, дабы не преступал меры. Мы знаем по опыту, что только государи-полководцы и вооруженные республики добивались величайших успехов, тогда как наемники приносили один вред.

Рим и Спарта много веков простояли вооруженные и свободные. Швейцарцы лучше всех вооружены и более всех свободны. В древности наемников призывал Карфаген, каковой чуть не был

ими захвачен после окончания первой войны с Римом, хотя карфагеняне поставили во главе войска своих же граждан. После смерти Эпаминонда фиванцы пригласили Филиппа Македонского возглавить их войско, и тот, вернувшись победителем, отнял у Фив свободу. Миланцы по смерти герцога Филиппа призывали на службу Франческо Сфорца, и тот, разбив венецианцев при Караваджо, соединился с неприятелем против миланцев, своих хозяев. Сфорца, его отец, состоя на службе у Джованны, королевы Неаполитанской, внезапно оставил ее безоружной, так что, спасая королевство, она бросилась искать заступничества у короля Арагонского.

Мне скажут, что венецианцы и флорентийцы не раз утверждали свое владычество, пользуясь наемным войском, и, однако, кондотьеры их не стали государями и честно защищали хозяев. На это я отвечу, что флорентийцам попросту везло: из тех доблестных кондотьеров, которых стоило бы опасаться, одним не пришлось одержать победу, другие имели соперников, третьи домогались власти, но в другом месте. Как мы можем судить о верности Джованни Аукута, если за ним не числится ни одной победы, но всякий согласится, что, вернись он с победой, флорентийцы оказались бы в полной его власти. Сфорца и Браччо как соперники не спускали друг с друга глаз, поэтому Франческо перенес свои домогательства в Ломбардию, а Браччо — в папские владения и в Неаполитанское королевство. А как обстояло дело недавно? Флорентийцы пригласили на службу Паоло Вителли, человека умнейшего и пользовавшегося огромным влиянием еще в частной жизни. Если бы он взял Пизу, разве не очевидно, что флорентийцам бы от него не отделаться? Ибо, перейди он на службу к неприятелю, им пришлось бы сдаться; останься он у них, им пришлось бы ему подчиниться.

Что же касается венецианцев, то блестящие и прочные победы они одерживали лишь до тех пор, пока воевали своими силами, то есть до того, как приступили к завоеваниям на материке. Аристократия и вооруженное простонародье Венеции не раз являли образцы воинской доблести, воюя на море, но стоило им перейти на сушу, как они переняли военный обычай всей Ита-

лии. Когда их завоевания на суше были невелики и держава их стояла твердо, у них не было поводов опасаться своих кондотьеров, но когда владения их разрослись — а было это при Карманьоле, — то они осознали свою оплошность. Карманьола был известен им как доблестный полководец — под его началом они разбили миланского герцога, — но, видя, что он тянет время, а не воюет, они рассудили, что победы он не одержит, ибо к ней не стремится, уволить же они сами его не посмеют, ибо побоятся утратить то, что завоевали: вынужденные обезопасить себя каким-либо способом, они его умертвили. Позднее они нанимали Бартоломео да Бергамо, Роберто да Сан Северино, графа ди Питильяно и им подобных, которые внушали опасение не тем, что выигрывают, а тем, что проигрывают сражение. Как оно и случилось при Вайлэ, где венецианцы за один день потеряли все то, что с таким трудом собирали восемь столетий. Ибо наемники славятся тем, что медлительно и вяло наступают, зато с замечательной быстротой отступают. И раз уж я обратился за примером к Италии, где долгие годы хозяйничают наемные войска, то для пользы дела хотел бы вернуться вспять, чтобы выяснить, откуда они пошли и каким образом набрали такую силу.

Надо знать, что в недавнее время, когда империя ослабла, а светская власть папы окрепла, Италия распалась на несколько государств. Многие крупные города восстали против угнетавших их нобилей, которым покровительствовал император, тогда как городам покровительствовала Церковь в интересах своей светской власти; во многих других городах их собственные граждане возвысились до положения государей. Так, Италия почти целиком оказалась под властью папы и нескольких республик. Однако вставшие у власти прелаты и граждане не привыкли иметь дело с оружием, поэтому они стали приглашать на службу наемников. Альбериго да Конио, уроженец Романьи, первым создал славу наемному оружию. Его выученики Браччо и Сфорца в свое время держали в руках всю Италию. За ними пошли все те, под чьим началом наемные войска состоят по сей день. Доблесть их привела к тому, что Италию из конца в конец прошел Карл, разорил Людовик, попрали Фердинанд и предали поруганию швейцарцы.

Начали они с того, что, возвышая себя, повсеместно унизили пехоту. Это нужно было им затем, что, живя ремеслом и не имея владений, они не могли бы прокормить большого пешего войска, а малое не создало бы им славы. Тогда как, ограничившись кавалерией, они при небольшой численности обеспечили себе и сытость, и почет. Дошло до того, что в двадцатитысячном войске не насчитывалось и двух тысяч пехоты. В дальнейшем они проявили необычайную изворотливость для того, чтобы избавить себя и солдат от опасностей и тягот военной жизни: в стычках они не убивают друг друга, а берут в плен и не требуют выкупа, при осаде ночью не идут на приступ; обороняя город, не делают вылазок к палаткам; не окружают лагерь частоколом и рвом, не ведут кампаний в зимнее время. И все это дозволяется их военным уставом и придумано ими нарочно для того, чтобы, как сказано, избежать опасностей и тягот военной жизни: так они довели Италию до позора и рабства.

Глава XIII

О войсках союзнических, смешанных и собственных

Союзнические войска — еще одна разновидность бесполезных войск — это войска сильного государя, которые призываются для помощи и защиты. Такими войсками воспользовался недавно папа Юлий: в военных действиях против Феррары он увидел, чего стоят его наемники, и сговорился с Фердинандом, королем Испанским, что тот окажет ему помощь кавалерией и пехотой. Сами по себе такие войска могут отлично и с пользой послужить своему государю, но для того, кто их призывает на помощь, они почти всегда опасны, ибо поражение их грозит государю гибелью, а победа — зависимостью.

Несмотря на то что исторические сочинения содержат множество подобных примеров, я хотел бы сослаться на тот же пример папы Юлия. С его стороны это был крайне опрометчивый шаг — довериться чужеземному государю ради того, чтобы захватить Феррару. И он был бы наказан за свою опрометчивость, если бы, на его счастье, судьба не рассудила иначе: союзническое

войско его было разбито при Равенне, но благодаря тому, что внезапно появились швейцарцы и неожиданно для всех прогнали победителей, папа не попал в зависимость ни к неприятелю, ибо тот бежал, ни к союзникам, ибо победа была добыта не их оружием. Флорентийцы, не имея войска, двинули против Пизы десять тысяч французов — что едва не обернулось для них худшим бедствием, чем все, какие случались с ними в прошлом. Император Константинополя, воюя с соседями, призвал в Грецию десять тысяч турок, каковые по окончании войны не пожелали уйти, с чего и началось порабощение Греции неверными.

Итак, пусть союзническое войско призывает тот, кто не дорожит победой, ибо оно куда опасней наемного. Союзническое войско — это верная погибель тому, кто его призывает: оно действует как один человек и безраздельно повинуется своему государю; наемному же войску после победы нужно и больше времени, и более удобные обстоятельства, чтобы тебе навредить; в нем меньше единства, оно собрано и оплачиваемо тобой, и тот, кого ты поставил во главе его, не может сразу войти в такую силу, чтобы стать для тебя опасным соперником. Короче говоря, в наемном войске опаснее нерадивость, в союзническом войске — доблесть.

Поэтому мудрые госуда́ри всегда предпочитали иметь дело с собственным войском. Лучше, полагали они, проиграть со своими, чем выиграть с чужими, ибо не истинна та победа, которая добыта чужим оружием. Без колебаний сошлюсь опять на пример Чезаре Борджа. Поначалу, когда герцог только вступил в Романью, у него была французская конница, с помощью которой он захватил Имолу и Форли. Позже он понял ненадежность союзнического войска и, сочтя, что наемники менее для него опасны, воспользовался услугами Орсини и Вителли. Но, увидев, что те в деле нестойки и могут ему изменить, он избавился от них и набрал собственное войско. Какова разница между всеми этими видами войск, нетрудно понять, если посмотреть, как изменялось отношение к герцогу, когда у него были только французы, потом — наемное войско Орсини и Вителли и, наконец — собственное войско. Мы заметим, что, хотя уважение к герцогу постоянно росло, в полной мере с ним

стали считаться только после того, как все увидели, что он располагает собственными солдатами.

Я намеревался не отступать от тех событий, которые происходили в Италии в недавнее время, но сошлюсь еще на пример Гиерона Сиракузского, так как упоминал о нем выше. Став, как сказано, волею сограждан военачальником Сиракуз, он скоро понял, что от наемного войска мало толку, ибо тогдашние кондотьеры были сродни теперешним. И так как он заключил, что их нельзя ни прогнать, ни оставить, то приказал их изрубить и с тех пор опирался только на свое, а не на чужое войско. Приходит на память и рассказ из Ветхого Завета, весьма тут уместный. Когда Давид вызвал на бой Голиафа, единоборца из стана филистимлян, то Саул, дабы поддержать дух в Давиде, облачил его в свои доспехи, но тот отверг их, сказав, что ему не по себе в чужом вооружении и что лучше он пойдет на врага с собственной пращей и ножом. Так всегда и бывает, что чужие доспехи либо широки, либо тесны, либо слишком громоздки.

Карл VII, отец короля Людовика XI, благодаря фортуне и доблести освободив Францию от англичан, понял, как необходимо быть вооруженным своим оружием, и приказал образовывать постоянную конницу и пехоту. Позже король Людовик, его сын, распустил пехоту и стал брать на службу швейцарцев; эту ошибку еще усугубили его преемники, и теперь она дорого обходится Французскому королевству. Ибо, предпочтя швейцарцев, Франция подорвала дух своего войска: после упразднения пехоты кавалерия, приданная наемному войску, уже не надеется выиграть сражение своими силами. Так и получается, что воевать против швейцарцев французы не могут, а без швейцарцев против других — не смеют. Войско Франции, стало быть, смешанное: частью собственное, частью наемное — и в таком виде намного превосходит целиком союзническое или целиком наемное войско, но намного уступает войску, целиком составленному из своих солдат. Ограничусь уже известным примером: Франция была бы непобедима, если бы усовершенствовала или хотя бы сохранила устройство войска, введенное Карлом. Но неразумие людей таково, что они часто

не замечают яда внутри того, что хорошо с виду, как я уже говорил выше по поводу чахоточной лихорадки.

Поэтому государь, который проглядел зарождающийся недуг, не обладает истинной мудростью, — но вовремя распознать его дано немногим. И если мы задумаемся об упадке Римской империи, то увидим, что он начался с того, что римляне стали брать на службу наемников — готов. От этого и пошло истощение сил империи, причем сколько силы отнималось у римлян, столько прибавлялось готам. В заключение же повторяю, что без собственного войска государство непрочное — более того, оно всецело зависит от прихотей фортуны, ибо доблесть не служит ему верной защитой в трудное время. По мнению и приговору мудрых людей: «*Quod nihil sit tam infirmum aut instabile, quam fama potentiae non sua vixit*»*. Собственные войска суть те, которые состояются из подданных, граждан или преданных тебе людей, всякие же другие относятся либо к союзническим, либо к наемным. А какое им дать устройство, нетрудно заключить, если обдумать действия четырех названных мною лиц и рассмотреть, как устраивали и вооружали свои армии Филипп, отец Александра Македонского, и многие другие республики и государи, чьему примеру я всецело вверяюсь.

Глава XIV

Как государь должен поступать касательно военного дела

Таким образом, государь не должен иметь ни других помыслов, ни других забот, ни другого дела, кроме войны, военных установлений и военной науки, ибо война есть единственная обязанность, которую правитель не может возложить на другого. Военное искусство наделено такой силой, что позволяет не только удержать власть тому, кто рожден государем, но и достичь власти тому, кто родился простым смертным. И наоборот, когда государи помышляли больше об удовольствиях, чем о военных

* «Нет ничего более шаткого и преходящего, чем обаяние не опирающегося на собственную силу могущества» (лат.).

упражнениях, они теряли и ту власть, что имели. Небрежение этим искусством является главной причиной утраты власти, как владение им является главной причиной обретения власти.

Франческо Сфорца, умея воевать, из частного лица стал миланским герцогом, дети его, уклоняясь от тягот войны, из герцогов стали частными лицами. Тот, кто не владеет военным ремеслом, навлекает на себя много бед, и в частности презрение окружающих, а этого надо всемерно остерегаться, как о том будет сказано ниже. Ибо вооруженный несопоставим с безоружным и никогда вооруженный не подчинится безоружному по доброй воле, а безоружный никогда не почувствует себя в безопасности среди вооруженных слуг. Как могут двое поладить, если один подозревает другого, а тот, в свою очередь, его презирает. Так и государь, несведущий в военном деле, терпит много бед, и одна из них та, что он не пользуется уважением войска и, в свою очередь, не может на него положиться.

Поэтому государь должен даже в мыслях не оставлять военных упражнений и в мирное время предаваться им еще больше, чем в военное. Заключаются же они, во-первых, в делах, во-вторых — в размышлениях. Что касается дел, то государю следует не только следить за порядком и учениями в войске, но и самому почаще выезжать на охоту, чтобы закалить тело и одновременно изучить местность, а именно: где и какие есть возвышенности, куда выходят долины, насколько простираются равнины, каковы особенности рек и болот. Такое изучение вдвойне полезно. Прежде всего благодаря ему лучше узнаешь собственную страну и можешь вернее определить способы ее защиты; кроме того, зная в подробностях устройство одной местности, легко понимаешь особенности другой, попадая туда впервые, ибо склоны, долины, равнины, болота и реки, предположим, в Тоскане имеют определенное сходство с тем, что мы видим в других краях, отчего тот, кто изучил одну местность, быстро осваивается и во всех прочих. Если государь не выработал в себе этих навыков, то он лишен первого качества военачальника, ибо именно они позволяют сохранять преимущество, определяя местоположение неприятеля, располагаясь лагерем, идя на сближение с противником, вступая в бой и осаждая крепости.

Филопемону, главе Ахейского союза, античные авторы расточают множество похвал, и в частности за то, что он и в мирное время

ни о чем не помышлял, кроме военного дела. Когда он прогуливался с друзьями за городом, то часто останавливался и спрашивал: если неприятель займет тот холм, а наше войско будет стоять здесь, на чьей стороне будет преимущество? как наступать в этих условиях, сохраняя боевые порядки? как отступить, если нас вынудят к отступлению? как преследовать противника, если тот обратится в бегство? И так, продвигаясь вперед, предлагал все новые и новые обстоятельства из тех, какие случаются на войне; и после того, как выслушивал мнения друзей, высказывал свое и приводил доводы в его пользу. Так постоянными размышлениями он добился того, что во время войны никакая случайность не могла бы застигнуть его врасплох.

Что же до умственных упражнений, то государь должен читать исторические труды, при этом особо изучать действия выдающихся полководцев, разбирать, какими способами они вели войну, что определяло их победы и что — поражения, с тем чтобы одерживать первые и избегать последних. Самое же главное — уподобившись многим великим людям прошлого, принять за образец кого-либо из прославленных и чтимых людей древности и постоянно держать в памяти его подвиги и деяния. Так, по рассказам, Александр Великий подражал Ахиллу, Цезарь — Александру, Сципион — Киру. Всякий, кто прочтет жизнеописание Кира, составленное Ксенофонтом, согласится, что, уподобляясь Киру, Сципион весьма способствовал своей славе и что в целомудрии, обходительности, человечности и щедрости Сципион следовал Киру, как тот описан нам Ксенофонтом. Мудрый государь должен соблюдать все описанные правила, никогда не предаваться в мирное время праздности, ибо все его труды окупятся, когда настанут тяжелые времена, и тогда, если судьба захочет его сокрушить, он сумеет выстоять под ее напором.

Глава XV

О том, за что людей, в особенности государей, восхваляют или порицают

Теперь остается рассмотреть, как государь должен вести себя по отношению к подданным и союзникам. Зная, что об этом писали многие, я опасаясь, как бы меня не сочли самонадеянным за то, что, избрав тот же предмет, в толковании его я более всего рас-

хожусь с другими. Но, имея намерение написать нечто полезное для людей понимающих, я предпочел следовать правде не воображаемой, а действительной — в отличие от тех многих, кто изобразил республики и государства, каких в действительности никто не знавал и не видывал. Ибо расстояние между тем, как люди живут и как должны бы жить, столь велико, что тот, кто отвергает действительное ради должного, действует скорее во вред себе, нежели на благо, так как, желая исповедовать добро во всех случаях жизни, он неминуемо погибнет, сталкиваясь с множеством людей, чуждых добру. Из чего следует, что государь, если он хочет сохранить власть, должен приобрести умение отступать от добра и пользоваться этим умением смотря по надобности.

Если же говорить не о вымышленных, а об истинных свойствах государей, то надо сказать, что во всех людях, а особенно в государях, стоящих выше прочих людей, замечают те или иные качества, заслуживающие похвалы или порицания. А именно: говорят, что один щедр, другой скуп — если взять тосканское слово, ибо жадный на нашем наречии это еще и тот, кто хочет отнять чужое, а скупым мы называем того, кто слишком держится за свое, — один расточителен, другой алчен; один жесток, другой сострадателен; один честен, другой вероломен; один изнежен и малодушен, другой тверд духом и смел; этот снисходителен, тот надменен; этот распутен, тот целомудрен; этот лукав, тот прямодушен; этот упрям, тот покладист; этот легкомыслен, тот степенен; этот набожен, тот нечестив и так далее. Что может быть похвальнее для государя, нежели соединять в себе все лучшие из перечисленных качеств? Но раз в силу своей природы человек не может ни иметь одни добродетели, ни неуклонно им следовать, то благоразумному государю следует избегать тех пороков, которые могут лишить его государства, от остальных же — воздерживаться по мере сил, но не более. И даже пусть государи не боятся навлечь на себя обвинения в тех пороках, без которых трудно удержаться у власти, ибо, вдумавшись, мы найдем немало такого, что на первый взгляд кажется добродетелью, а в действительности пагубно для государя, и наоборот: выглядит как порок, а на деле доставляет государю благополучие и безопасность.

Глава XVI

О щедрости и бережливости

Начну с первого из упомянутых качеств и скажу, что хорошо иметь славу щедрого государя. Тем не менее тот, кто проявляет щедрость, чтобы слыть щедрым, вредит самому себе. Ибо если проявлять ее разумно и должным образом, о ней не узнают, а тебя все равно обвинят в скупости, поэтому, чтобы распространить среди людей славу о своей щедрости, ты должен будешь изощряться в великолепных затеях, но, поступая таким образом, ты истощишь казну, после чего, не желая расставаться со славой щедрого правителя, вынужден будешь сверх меры обременить народ податями и прибегнуть к неблагоприятным способам изыскания денег. Всем этим ты постепенно возбудишь ненависть подданных, а со временем, когда обеднеешь, — то и презрение. И после того как многих разоришь своей щедростью и немногих благодетельствуешь, первое же затруднение обернется для тебя бедствием, первая же опасность — крушением. Но если ты вовремя одумаешься и захочешь поправить дело, тебя тотчас же обвинят в скупости.

Итак, раз государь не может без ущерба для себя проявлять щедрость так, чтобы ее признали, то не будет ли для него благоразумнее примириться со славой скупого правителя? Ибо со временем, когда люди увидят, что благодаря бережливости он удовлетворяется своими доходами и ведет военные кампании, не обременяя народ дополнительными налогами, за ним утвердится слава щедрого правителя. И он действительно окажется щедрым по отношению ко всем тем, у кого ничего не отнял, а таких бóльшая часть, и скупым по отношению ко всем тем, кого мог бы обогатить, а таких единицы. В наши дни лишь те совершили великие дела, кто прослыл скупым, остальные сошли неприметно. Папа Юлий желал слыть щедрым лишь до тех пор, пока не достиг папской власти, после чего, готовясь к войне, думать забыл о щедрости. Нынешний король Франции провел несколько войн без введения чрезвычайных налогов только потому, что, предвидя дополнительные расходы, проявлял упорную бережливость. Ны-

нешний король Испании не предпринял бы и не выиграл стольких кампаний, если бы дорожил славой щедрого государя.

Итак, ради того чтобы не обирать подданных, иметь средства для обороны, не обеднеть, не вызвать презрения и не стать поневоле алчным, государь должен пренебречь славой скупого правителя, ибо скупость — это один из тех пороков, которые позволяют ему править. Если мне скажут, что Цезарь проложил себе путь щедростью и что многие другие, благодаря тому, что были и слыли щедрыми, достигали самых высоких степеней, я отвечу: либо ты достиг власти, либо ты еще на пути к ней. В первом случае щедрость вредна, во втором — необходима. Цезарь был на пути к абсолютной власти над Римом, поэтому щедрость не могла ему повредить, но владычеству его пришел бы конец, если бы он, достигнув власти, прожил дольше и не умерил расходов. А если мне возразят, что многие уже были государями и совершали во главе войска великие дела, однако же слыли щедрейшими, я отвечу, что тратить можно либо свое, либо чужое. В первом случае полезна бережливость, во втором — как можно большая щедрость.

Если ты ведешь войско, которое кормится добычей, грабежом, поборами и чужим добром, тебе необходимо быть щедрым, иначе за тобой не пойдут солдаты. И всегда имущество, которое не принадлежит тебе или твоим подданным, можешь раздаривать щедрой рукой, как это делали Кир, Цезарь и Александр, ибо, расточая чужое, ты прибавляешь себе славы, тогда как расточая свое — ты только себе вредишь. Ничто другое не истощает себя так, как щедрость: выказывая ее, одновременно теряешь самую возможность ее выказывать и либо впадаешь в бедность, возбуждающую презрение, либо, желая избежать бедности, разоряешь других, чем навлекаешь на себя ненависть. Между тем презрение и ненависть подданных — это то самое, чего государь должен более всего опасаться, щедрость же ведет к тому и другому. Поэтому больше мудрости в том, чтобы, слывя скупым, стяжать худую славу без ненависти, чем в том, чтобы, желая прослыть щедрым и оттого поневоле разоряя других, стяжать худую славу и ненависть разом.

Глава XVII

О жестокости и милосердии и о том, что лучше: внушать любовь или страх

Переходя к другим из упомянутых выше свойств, скажу, что каждый государь желал бы прослыть милосердным, а не жестоким, однако следует остерегаться злоупотребить милосердием. Чезаре Борджа многие называли жестоким, но жестокостью этой он навел порядок в Романье, объединил ее, умиротворил и привел к повиновению. И, если вдуматься, проявил тем самым больше милосердия, чем флорентийский народ, который, боясь обвинений в жестокости, позволил разрушить Пистойю. Поэтому государь, если он желает удержать в повиновении подданных, не должен считаться с обвинениями в жестокости. Учинив несколько расправ, он проявит больше милосердия, чем те, кто по избытку его потворствуют беспорядку. Ибо от беспорядка, который порождает грабежи и убийства, страдает все население, тогда как от кар, налагаемых государем, страдают лишь отдельные лица. Новый государь еще меньше, чем всякий другой, может избежать упрека в жестокости, ибо новой власти угрожает множество опасностей. Вергилий говорит устами Дидоны:

*Res dura, et regni novitas me talia cogunt
Moliri, et late fines custode tueri*.*

Однако новый государь не должен быть легковерен, мнителен и скор на расправу, во всех своих действиях он должен быть сдержан, осмотрителен и милостив, так чтобы излишняя доверчивость не обернулась неосторожностью, а излишняя недоверчивость не озлобила подданных.

По этому поводу может возникнуть спор, что лучше: чтобы государя любили или чтобы его боялись.

Говорят, что лучше всего, когда боятся и любят одновременно; однако любовь плохо уживается со страхом, поэтому если уж приходится выбирать, то надежнее выбрать страх. Ибо о людях в целом можно сказать, что они неблагодарны и непостоянны,

* «Молодо царство у нас, велика опасность; лишь это Бдительно так рубежи охранять меня заставляет» (лат.).

склонны к лицемерию и обману, что их отпугивает опасность и влечет нажива: пока ты делаешь им добро, они твои всей душой, обещают ничего для тебя не щадить: ни крови, ни жизни, ни детей, ни имущества, но когда у тебя явится в них нужда, они тотчас от тебя отвернутся. И худо придется тому государю, который, доверясь их посулам, не примет никаких мер на случай опасности. Ибо дружбу, которая дается за деньги, а не приобретается величием и благородством души, можно купить, но нельзя удержать, чтобы воспользоваться ею в трудное время. Кроме того, люди меньше остерегаются обидеть того, кто внушает им любовь, нежели того, кто внушает им страх, ибо любовь поддерживается благодарностью, которой люди, будучи дурны, могут пренебречь ради своей выгоды, тогда как страх поддерживается угрозой наказания, которой пренебречь невозможно.

Однако государь должен внушать страх таким образом, чтобы если не приобрести любви, то хотя бы избежать ненависти, ибо вполне возможно внушать страх без ненависти. Чтобы избежать ненависти, государю необходимо воздерживаться от посягательств на имущество граждан и подданных и на их женщин. Даже когда государь считает нужным лишить кого-либо жизни, он может сделать это, если налицо подходящее обоснование и очевидная причина, но он должен остерегаться посягать на чужое добро, ибо люди скорее простят смерть отца, чем потерю имущества. Тем более что причин для изъятия имущества всегда достаточно, и если начать жить хищничеством, то всегда найдется повод присвоить чужое, тогда как оснований для лишения кого-либо жизни гораздо меньше и повод для этого приискать труднее.

Но когда государь ведет многотысячное войско, он тем более должен пренебречь тем, что может прослыть жестоким, ибо, не прослыв жестоким, нельзя поддержать единства и боеспособности войска. Среди удивительных деяний Ганнибала упоминают и следующее: отправившись воевать в чужие земли, он удержал от мятежа и распрей огромное и разноплеменное войско как в дни побед, так и в дни поражений. Что можно объяснить только его нечеловеческой жестокостью, которая вкупе с доблестью и талантами внушала войску благоговение и ужас; не будь в нем жестокости, другие его каче-

ства не возымели бы такого действия. Между тем авторы исторических трудов, с одной стороны, превозносят сам подвиг, с другой — необдуманно порицают главную его причину.

Насколько верно утверждение, что полководцу мало обладать доблестью и талантом, показывает пример Сципиона — человека необычайного не только среди его современников, но и среди всех людей. Его войска взбунтовались в Испании вследствие того, что по своему чрезмерному мягкосердечию он предоставил солдатам большую свободу, чем это дозволяется воинской дисциплиной. Что и вменил ему в вину Фабий Максим, назвавший его перед Сенатом развратителем римского воинства. По тому же недостатку твердости Сципион не вступился за локров, узнав, что их разоряет один из его легатов, и не покарал легата за дерзость. Не даром кто-то в Сенате, желая его оправдать, сказал, что он относится к той породе людей, которым легче избегать ошибок самим, чем наказывать за ошибки других. Со временем от этой черты Сципиона пострадало бы и его доброе имя, и слава — если бы он распоряжался единолично; но он состоял под властью Сената, и потому это свойство его характера не только не имело вредных последствий, но и послужило к вящей его славе.

Итак, возвращаясь к спору о том, что лучше: чтобы государя любили или чтобы его боялись, скажу, что любят государей по собственному усмотрению, а боятся — по усмотрению государей, поэтому мудрому правителю лучше рассчитывать на то, что зависит от него, а не от кого-то другого; важно лишь ни в коем случае не навлекать на себя ненависти подданных, как о том сказано выше.

Глава XVIII

О том, как государи должны держать слово

Излишне говорить, сколь похвальна в государе верность данному слову, прямодушие и неуклонная честность. Однако мы знаем по опыту, что в наше время великие дела удавались лишь тем, кто не старался сдержать данное слово и умел кого нужно обвести вокруг пальца; такие государи в конечном счете преуспели куда больше, чем те, кто ставил на честность.

Надо знать, что с врагом можно бороться двумя способами: во-первых, законами, во-вторых, силой. Первый способ присущ человеку, второй — зверю; но так как первое часто недостаточно, то приходится прибегать и ко второму. Отсюда следует, что государь должен усвоить то, что заключено в природе и человека, и зверя. Не это ли иносказательно внушают нам античные авторы, повествуя о том, как Ахилла и прочих героев древности отдавали на воспитание кентавру Хирону, дабы они приобщились к его мудрости? Какой иной смысл имеет выбор в наставники полуживотного человека-полузверя, как не тот, что государь должен совместить в себе обе эти природы, ибо одна без другой не имеет достаточной силы?

Итак, из всех зверей пусть государь уподобится двум: льву и лисе. Лев боится капканов, а лиса — волков, следовательно, надо быть подобным лисе, чтобы уметь обойти капканы, и льву, чтобы отпугнуть волков. Тот, кто всегда подобен льву, может не заметить капкана. Из чего следует, что разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и если отпали причины, побудившие его дать обещание. Такой совет был бы недостойным, если бы люди честно держали слово, но люди, будучи дурны, слова не держат, поэтому и ты должен поступать с ними так же. А благовидный предлог нарушить обещание всегда найдется. Примеров тому множество: сколько мирных договоров, сколько соглашений не вступило в силу или пошло прахом из-за того, что государи нарушали свое слово, и всегда в выигрыше оказывался тот, кто имел лисью натуру. Однако натуру эту надо еще уметь прикрыть, надо быть изрядным обманщиком и лицемером, люди же так простодушны и так поглощены ближайшими нуждами, что обманывающий всегда найдет того, кто даст себя одурачить.

Из близких по времени примеров не могу умолчать об одном. Александр VI всю жизнь изоцрялся в обманах, но каждый раз находились люди, готовые ему верить. Во всем свете не было человека, который бы так клятвенно уверял, так убедительно обещал и так мало заботился об исполнении своих обещаний. Тем не менее обманы всегда удавались ему, как он желал, ибо он знал

толк в этом деле. Отсюда следует, что государю нет необходимости обладать всеми названными добродетелями, но есть прямая необходимость выглядеть обладающим ими. Дерзну прибавить, что обладать этими добродетелями и неуклонно им следовать вредно, тогда как выглядеть обладающим ими — полезно. Иначе говоря, надо являться в глазах людей сострадательным, верным слову, милостивым, искренним, благочестивым — и быть таковым в самом деле, но внутренне надо сохранять готовность проявить и противоположные качества, если это окажется необходимо. Следует понимать, что государь, особенно новый, не может исполнять все то, за что людей почитают хорошими, так как ради сохранения государства он часто бывает вынужден идти против своего слова, против милосердия, доброты и благочестия. Поэтому в душе он всегда должен быть готов к тому, чтобы переменить направление, если события примут другой оборот или в другую сторону задует ветер фортуны, то есть, как было сказано, по возможности не удаляться от добра, но при надобности не чураться и зла.

Итак, государь должен бдительно следить за тем, чтобы с языка его не сорвалось слова, не исполненного пяти названных добродетелей. Пусть тем, кто видит его и слышит, он предстанет как само милосердие, верность, прямотушие, человечность и благочестие, особенно благочестие. Ибо люди большей частью судят по виду, так как увидеть дано всем, а потрогать руками — немногим. Каждый знает, каков ты с виду, немногим известно, каков ты на самом деле, и эти последние не посмеют оспорить мнение большинства, за спиной которого стоит государство. О действиях всех людей, а особенно государей, с которых в суде не спросишь, заключают по результату, поэтому пусть государи стараются сохранить власть и одержать победу. Какие бы средства для этого ни употребить, их всегда сочтут достойными и одобряют, ибо чернь прельщается видимостью и успехом, в мире же нет ничего, кроме черни, и меньшинству в нем не остается места, когда за большинством стоит государство. Один из нынешних государей, которого воздержусь

называть, только и делает, что проповедует мир и верность, на деле же тому и другому злейший враг; но если бы он последовал тому, что проповедует, то давно лишился бы либо могущества, либо государства.

Глава XIX

О том, каким образом избегать ненависти и презрения

Наиважнейшие из упомянутых качеств мы рассмотрели; что же касается прочих, то о них я скажу кратко, предварив рассуждение одним общим правилом. Государь, как отчасти сказано выше, должен следить за тем, чтобы не совершить ничего, что могло бы вызвать ненависть или презрение подданных. Если в этом он преуспеет, то свое дело он сделал, и прочие его пороки не представят для него никакой опасности. Ненависть государи возбуждают хищничеством и посягательством на добро и женщин своих подданных. Ибо большая часть людей довольна жизнью, пока не задеты их честь или имущество; так что недовольным может оказаться лишь небольшое число честолюбцев, на которых нетрудно найти управу. Презрение государи возбуждают непостоянством, легкомыслием, изнеженностью, малодушием и нерешительностью. Этих качеств надо остерегаться как огня, стараясь, напротив, в каждом действии являть великодушие, бесстрашие, основательность и твердость. Решения государя касательно частных дел подданных должны быть бесповоротными, и мнение о нем должно быть таково, чтобы никому не могло прийти в голову, что можно обмануть или перехитрить государя. К правителю, внушившему о себе такое понятие, будут относиться с почтением; а если известно, что государь имеет выдающиеся достоинства и почитаем своими подданными, врагам труднее будет напасть на него или составить против него заговор. Ибо государя подстерегают две опасности — одна изнутри, со стороны подданных, другая извне — со стороны сильных соседей. С внешней опасностью можно справиться при помощи хорошего войска и хороших

союзников; причем тот, кто имеет хорошее войско, найдет и хороших союзников. А если опасность извне будет устранена, то и внутри сохранится мир, при условии, что его не нарушат тайные заговоры. Но и в случае нападения извне государь не должен терять присутствия духа, ибо, если образ его действий был таков, как я говорю, он устоит перед любым неприятелем, как устоял Набид Спартанский, о чем сказано выше.

Что же касается подданных, то когда снаружи мир, то единственное, чего следует опасаться, — это тайные заговоры. Главное средство против них — не навлекать на себя ненависти и презрения подданных и быть угодным народу, чего добиться необходимо, как о том подробно сказано выше. Из всех способов предотвратить заговор самый верный — не быть ненавистным народу. Ведь заговорщик всегда рассчитывает на то, что убийством государя угодит народу; если же он знает, что возмутит народ, у него не хватит духа пойти на такое дело, ибо трудностям, с которыми сопряжен всякий заговор, нет числа. Как показывает опыт, заговоры возникали часто, но удавались редко. Объясняется же это тем, что заговорщик не может действовать в одиночку и не может сговориться ни с кем, кроме тех, кого полагает недовольными властью. Но, открывшись недовольному, ты тотчас даешь ему возможность стать одним из довольных, так как, выдав тебя, он может обеспечить себе всяческие блага. Таким образом, когда с одной стороны выгода явная, а с другой — сомнительная, и к тому же множество опасностей, то не выдаст тебя только такой сообщник, который является преданнейшим твоим другом или злейшим врагом государя.

Короче говоря, на стороне заговорщика — страх, подозрение, боязнь расплаты; на стороне государя — величие власти, законы, друзья и вся мощь государства; так что если к этому присоединяется народное благоволение, то едва ли кто-нибудь осмелится составить заговор. Ибо заговорщику есть чего опасаться и прежде совершения злого дела, но в этом случае, когда против него народ, ему есть чего опасаться и после, ибо ему не у кого будет искать убежища.

По этому поводу я мог бы привести немало примеров, но ограничусь одним, который еще памятен нашим отцам. Мессер Аннибале Бентивольо, правитель Болоньи, дед нынешнего мессера Аннибале, был убит заговорщиками Каннески, и после него не осталось других наследников, кроме мессера Джованни, который был еще в колыбели. Тотчас после убийства разгневанный народ перебил всех Каннески, ибо дом Бентивольо пользовался в то время народной любовью. И так она была сильна, что когда в Болонье не осталось никого из Бентивольо, кто мог бы управлять государством, горожане, прослышав о некоем человеке крови Бентивольо, считавшемся ранее сыном кузнеца, явились к нему во Флоренцию и вверили ему власть, так что он управлял городом до тех самых пор, пока мессер Джованни не вошел в подобающий правителю возраст.

В заключение повторю, что государь может не опасаться заговоров, если пользуется благоволением народа, и, наоборот, должен бояться всех и каждого, если народ питает к нему вражду и ненависть. Благоустроенные государства и мудрые государи принимали все меры к тому, чтобы не ожесточать знать и быть удобными народу, ибо это принадлежит к числу важнейших забот тех, кто правит.

В наши дни хорошо устроенным и хорошо управляемым государством является Франция. В ней имеется множество полезных учреждений, обеспечивающих свободу и безопасность короля, из которых первейшее — парламент с его полномочиями. Устроитель этой монархии, зная властолюбие и наглость знати, считал, что ее необходимо держать в узде; с другой стороны, зная ненависть народа к знати, основанную на страхе, желал оградить знать. Однако он не стал вменять это в обязанность королю, чтобы знать не могла обвинить его в потворстве народу, а народ — в покровительстве знати, и создал третейское учреждение, которое, не вмешивая короля, обуздывает сильных и поощряет слабых. Трудно вообразить лучший и более разумный порядок, как и более верный залог безопасности короля и королевства. Отсюда можно извлечь еще одно полезное правило, а именно: что дела,

неугодным подданным, государи должны возлагать на других, а угодным — исполнять сами. В заключение же повторю, что государю надлежит выказывать почтение к знати, но не вызывать ненависти в народе.

Многие, пожалуй, скажут, что пример жизни и смерти некоторых римских императоров противоречит высказанному здесь мнению. Я имею в виду тех императоров, которые, прожив достойную жизнь и явив доблесть духа, либо лишились власти, либо были убиты вследствие заговора. Желая оспорить подобные возражения, я разберу качества нескольких императоров и докажу, что их привели к крушению как раз те причины, на которые я указал выше. Заодно я хотел бы выделить и все то наиболее поучительное, что содержится в жизнеописании императоров — преемников Марка-философа, вплоть до Максимиана, то есть Марка, сына его Коммода, Пертинакса, Юлиана, Севера, сына его Антонина Каракаллы, Макрина, Гелиогабала, Александра и Максимиана.

Прежде всего надо сказать, что если обыкновенно государям приходится сдерживать честолюбие знати и необузданность народа, то римским императорам приходилось сдерживать еще жестокость и алчность войска. Многих эта тягостная необходимость привела к гибели, ибо трудно было угодить одновременно и народу, и войску. Народ желал мира и спокойствия, поэтому предпочитал кротких государей, тогда как солдаты предпочитали государей воинственных, неистовых, жестоких и хищных — но только при условии, что эти качества будут проявляться по отношению к народу, так, чтобы самим получать двойное жалованье и утолять свою жестокость и алчность.

Все это неизбежно приводило к гибели тех императоров, которым не было дано — врожденными свойствами или старанием — внушить к себе такое почтение, чтобы удержать в повиновении и народ, и войско. Большая часть императоров — в особенности те, кто возвысился до императорской власти, а не получил ее по наследству, — оказавшись меж двух огней, предпочли угождать войску, не считаясь с народом. Но другого выхода у них и не было, ибо если государь не может избежать

ненависти кого-либо из подданных, то он должен сначала попытаться не вызвать всеобщей ненависти. Если же это окажется невозможным, он должен приложить все старания к тому, чтобы не вызвать ненависти у тех, кто сильнее. Вот почему новые государи, особенно нуждаясь в поддержке, охотнее принимали сторону солдат, нежели народа. Но и в этом случае терпели неудачу, если не умели внушить к себе надлежащего почтения.

По указанной причине из трех императоров — Марка, Пертинакса и Александра, склонных к умеренности, любящих справедливость, врагов жестокости, мягких и милосердных, двоих постигла печальная участь. Только Марк жил и умер в величайшем почете, ибо наследовал императорскую власть *iure hereditario** и не нуждался в признании ее ни народом, ни войском. Сверх того, он внушил подданным почтение своими многообразными добродетелями, поэтому сумел удержать в должных пределах и народ, и войско и не был ими ни ненавидим, ни презираем. В отличие от него Пертинакс стал императором против воли солдат, которые, привыкнув к распущенности при Коммодe, не могли вынести честной жизни, к которой он принуждал их, и возненавидели его, а так как к тому же они презирали его за старость, то он и был убит в самом начале своего правления.

Здесь уместно заметить, что добрыми делами можно навлечь на себя ненависть точно так же, как и дурными, поэтому государь, как я уже говорил, нередко вынужден отступать от добра ради того, чтобы сохранить государство, ибо если та часть подданных, чьего расположения ищет государь — будь то народ, знать или войско, — развращена, то и государю, чтобы ей угодить, приходится действовать соответственно, и в этом случае добрые дела могут ему повредить. Но перейдем к Александру: кротость его, как рассказывают ему в похвалу, была такова, что за четырнадцать лет его правления не был казнен без суда ни один человек. И все же он возбудил презрение, слывя чересчур изнеженным и послушным матери, и был убит вследствие заговора в войске.

* По праву наследства (*лат.*).

В противоположность этим троим Коммод, Север, Антонин Каракалла и Максимин отличались крайней алчностью и жестокостью. Угождая войску, они как могли разоряли и притесняли народ, и всех их, за исключением Севера, постигла печальная участь. Север же прославился такой доблестью, что не утратил расположения солдат до конца жизни и счастливо правил, несмотря на то что разорял народ. Дobleсть его представлялась необычайной и народу, и войску: народ она пугала и ошеломляла, а войску внушала благоговение. И так как все совершенное им в качестве нового государя замечательно и достойно внимания, то я хотел бы, не вдаваясь в частности, показать, как он умел уподобляться то льву, то лисе, каковым, как я уже говорил, должны подражать государи.

Узнав о нерадивости императора Юлиана, Север убедил солдат, находившихся под его началом в Славонии, что их долг идти в Рим отомстить за смерть императора Пертинакса, убитого преторианцами. Под этим предлогом он двинул войско на Рим, никому не открывая своего намерения добиться императорской власти, и прибыл в Италию прежде, чем туда донесся слух о его выступлении. Когда он достиг Рима, Сенат, испугавшись, провозгласил его императором и приказал убить Юлиана. Однако на пути Севера стояло еще два препятствия: в Азии Песценний Нигер, глава азийского войска, провозгласил себя императором, на западе соперником его стал Альбин. Выступить в открытую против обоих было опасно, поэтому Север решил на Нигера напасть открыто, а Альбина устранить хитростью. Последнему он написал, что, будучи возведен Сенатом в императорское достоинство, желает разделить с ним эту честь, просит его принять титул Цезаря и по решению Сената объявляет его соправителем. Тот все это принял за правду. Но после того, как войско Нигера было разбито, сам он умерщвлен, а дела на востоке улажены, Север вернулся в Рим и подал в Сенат жалобу: будто бы Альбин, забыв об оказанных ему Севером благодеяниях, покушался на его жизнь, почему он вынужден выступить из Рима, чтобы покарать Альбина за неблагодарность. После чего он настиг Альбина во Франции и лишил его власти и жизни.

Вдумавшись в действия Севера, мы убедимся в том, что он вел себя то как свирепейший лев, то как хитрейшая лиса; что он всем внушил страх и почтение и не возбудил ненависти войска. Поэтому мы не станем удивляться, каким образом ему, новому государю, удалось так упрочить свое владычество: разоряя подданных, он не возбудил их ненависти, ибо был защищен от нее своей славой. Сын его Антонин также был личностью замечательной и, сумев поразить воображение народа, был угоден солдатам. Он был истинный воин, сносивший любые тяготы, презиравший изысканную пищу, чуждый изнеженности, и за это пользовался любовью войска. Но, проявив неслыханную свирепость и жестокость — им было совершено множество убийств и истреблены все жители Александрии и половина жителей Рима, — он стал ненавистен всем подданным и даже внушил страх своим приближенным, так что был убит на глазах своего войска одним из центурионов.

Здесь уместно заметить, что всякий, кому не дорога жизнь, может совершить покушение на государя, так что нет верного способа избежать гибели от руки человека одержимого. Но этого не следует так уж бояться, ибо подобные покушения случаются крайне редко. Важно лишь не подвергать оскорблению окружающих тебя должностных лиц и людей, находящихся у тебя в услужении, то есть не поступать как Антонин, который предал позорной смерти брата того центуриона, каждый день грозил смертью ему самому, однако же продолжал держать его у себя телохранителем. Это было безрассудно и не могло не кончиться гибелью Антонина, что, как мы знаем, и случилось.

Обратимся теперь к Коммоду. Будучи сыном Марка, он мог без труда удержать власть, полученную им по наследству. Если бы он шел по стопам отца, то этим всего лучше угодил бы и народу, и войску, но, как человек жестокий и низкий, он стал заискивать у войска и поощрять в нем распущенность, чтобы с его помощью обирать народ. Однако он возбудил презрение войска тем, что унижал свое императорское достоинство, сходясь с гладиаторами на арене, и совершал много других мерзостей, недостойных императорского величия. Ненавидимый

одними и презираемый другими, он был убит вследствие заговора среди его приближенных.

Остается рассказать о качествах Максимиана. Это был человек на редкость воинственный, и после того, как Александр вызвал раздражение войска своей изнеженностью, оно провозгласило императором Максимиана. Но править ему пришлось недолго, ибо он возбудил ненависть и презрение войска тем, что, во-первых, пас когда-то овец во Фракии — это обстоятельство, о котором все знали, являлось позором в глазах его подданных; во-вторых, провозглашенный императором, он отложил выступление в Рим, где должен был принять знаки императорского достоинства, и прославил себя жестокостью, произведя через своих префектов жесточайшие расправы в Риме и повсеместно. После этого презрение к нему за его низкое происхождение усугубилось ненавистью, внушенной страхом перед его свирепостью, так что против него восстала сначала Африка, потом Сенат и весь римский народ, и наконец в заговор оказалась вовлеченной вся Италия. К заговору примкнули его собственные солдаты, осаждавшие Аквилею, которые были раздражены его жестокостью и трудностями осады: видя, что у него много врагов, они осмелели и убили императора.

Я не буду касаться Гелиогабала, Макрина и Юлиана как совершенно ничтожных и неприметно сошедших правителей, но перейду к заключению. В наше время государям нет такой уж надобности угождать войску. Правда, войско и сейчас требует попечения; однако эта трудность легко разрешима, ибо в наши дни государь не имеет дела с солдатами, которые тесно связаны с правителями и властями отдельных провинций, как это было в Римской империи. Поэтому если в то время приходилось больше угождать солдатам, ибо войско представляло большую силу, то в наше время всем государям, кроме султанов, турецкого и египетского, важнее угодить народу, ибо народ представляет большую силу.

Турецкий султан отличается от других государей тем, что он окружен двенадцатитысячным пешим войском и пятнадцатитысячной конницей, от которых зависит крепость и безопасность его державы. Такой государь поневоле должен, отложив прочие

заботы, стараться быть в дружбе с войском. Подобным же образом султану египетскому, зависящему от солдат, необходимо, хотя бы в ущерб народу, ладить со своим войском. Заметьте, что государство султана египетского устроено не так, как все прочие государства, и сопоставимо лишь с папством в христианском мире. Его нельзя назвать наследственным, ибо наследниками султана являются не его дети, а тот, кто избран в преемники особо на то уполномоченными лицами. Но его нельзя назвать и новым, ибо порядок этот заведен давно, и перед султаном не встает ни одна из тех трудностей, с которыми имеют дело новые государи. Таким образом, несмотря на то что султан в государстве — новый, учреждения в нем — старые, и они обеспечивают преемственность власти, как при обычном ее наследовании.

Но вернемся к обсуждаемому предмету. Рассмотрев сказанное выше, мы увидим, что главной причиной гибели императоров была либо ненависть к ним, либо презрение, и поймем, почему из тех, кто действовал противоположными способами, только двоим выпал счастливый, а остальным несчастный конец. Дело в том, что Пертинаксу и Александру, как новым государям, было бесполезно и даже вредно подражать Марку, ставшему императором по праву наследства, а Коммоду и Максимину пагубно было подражать Северу, ибо они не обладали той доблестью, которая позволяла бы им следовать его примеру. Соответственно, новый государь в новом государстве не должен ни подражать Марку, ни уподобляться Северу, но должен у Севера позаимствовать то, без чего нельзя основать новое государство, а у Марка — то наилучшее и наиболее достойное, что нужно для сохранения государства, уже обретшего и устойчивость, и прочность.

Глава XX

**О том, полезны ли крепости, и многое другое,
что постоянно применяют государи**

Одни государи, чтобы упрочить свою власть, разоружали подданных, другие поддерживали раскол среди граждан в завоеванных городах, одни намеренно создавали себе врагов, другие предпочли добиваться расположения тех, в ком сомневались, придя к

власти; одни воздвигали крепости, другие — разоряли их и разрушали до основания. Которому из этих способов следует отдать предпочтение, сказать трудно, не зная, каковы были обстоятельства в тех государствах, где принималось то или иное решение; однако же я попытаюсь высказаться о них, отвлекаясь от частных настолько, насколько это дозволяется самим предметом.

Итак, никогда не бывало, чтобы новые государи разоружали подданных, — напротив, они всегда вооружали их, если те оказывались невооруженными, ибо, вооружая подданных, обретаешь собственное войско, завоевываешь преданность одних, укрепляешь преданность в других и таким образом обращаешь подданных в своих приверженцев. Всех подданных невозможно вооружить, но если отличить хотя бы часть их, то это позволит с большей уверенностью полагаться и на всех прочих. Первые, видя, что им оказано предпочтение, будут благодарны тебе, вторые простят тебя, рассудив, что тех и следует отличать, кто несет больше обязанностей и подвергается большим опасностям. Но, разоружив подданных, ты оскорбишь их недоверием и проявишь тем самым трусость или подозрительность, а оба эти качества не прощаются государям. И так как ты не сможешь обойтись без войска, то поневоле обратишься к наемникам, а чего стоит наемное войско — о том уже шла речь выше; но, будь они даже отличными солдатами, их сил недостаточно для того, чтобы защитить тебя от могущественных врагов и неверных подданных.

Впрочем, как я уже говорил, новые государи в новых государствах всегда создавали собственное войско, что подтверждается множеством исторических примеров. Но если государь присоединяет новое владение к старому государству, то новых подданных следует разоружить, исключая тех, кто содействовал завоеванию, но этим последним надо дать изнежиться и расслабиться, ведя дело к тому, чтобы в конечном счете во всем войске остались только коренные подданные, живущие близ государя.

Наши предки, те, кого почитали мудрыми, говаривали, что Пистойю надо удерживать раздорами, а Пизу — крепостями, почему для укрепления своего владычества поощряли распри в не-

которых подвластных им городах. В те дни, когда Италия находилась в относительном равновесии, такой образ действий мог отвечать цели. Но едва ли подобное наставление пригодно в наше время, ибо сомневаюсь, чтобы расколы когда-либо кончались добром; более того, если подойдет неприятель, поражение неминуемо, так как более слабая партия примкнет к нападающим, а сильная — не сможет отстоять город.

Венецианцы поощряли вражду гвельфов и гибеллинов в подвластных им городах — вероятно, по тем самым причинам, какие я называю. Не доводя дело до кровопролития, они стравливали тех и других затем, чтобы граждане, занятые распрей, не объединили против них свои силы. Но как мы видим, это не принесло им пользы: после разгрома при Вайла сначала часть городов, а затем и все они, осмелев, отпали от венецианцев. Подобные приемы изобличают, таким образом, слабость правителя, ибо крепкая и решительная власть никогда не допустит раскола; и если в мирное время они полезны государю, так как помогают ему держать в руках подданных, то в военное время пагубность их выходит наружу.

Без сомнения, государи обретают величие, когда одолевают препятствия и сокрушают недругов, почему фортуна — в особенности если она желает возвеличить нового государя, которому признание нужней, чем наследному, — сама насылает ему врагов и принуждает вступить с ними в схватку для того, чтобы, одолев их, он по подставленной ими лестнице поднялся как можно выше. Однако многие полагают, что мудрый государь и сам должен, когда позволяют обстоятельства, искусно создавать себе врагов, чтобы, одержав над ними верх, явиться в еще большем величии.

Нередко государи, особенно новые, со временем убеждаются в том, что более преданные и полезные для них люди — это те, кому они поначалу не доверяли. Пандольфо Петруччи, властитель Сиены, правил своим государством, опираясь более на тех, в ком раньше сомневался, нежели на всех прочих. Но тут нельзя говорить отвлеченно, ибо все меняется в зависимости от обстоятельств. Скажу лишь, что расположением тех, кто поначалу был

врагом государя, ничего не стоит заручиться в том случае, если им для сохранения своего положения требуется его покровительство. И они тем ревностнее будут служить государю, что захотят делами доказать превратность прежнего о них мнения. Таким образом, они всегда окажутся полезнее для государя, нежели те, кто, будучи уверен в его благоволении, чрезмерно печется о собственном благе.

И так как этого требует обсуждаемый предмет, то я желал бы напомнить государям, пришедшим к власти с помощью части граждан, что следует вдумываться в побуждения тех, кто тебе помогал, и если окажется, что дело не в личной приверженности, а в недовольстве прежним правлением, то удержать их дружбу будет крайне трудно, ибо удовлетворить таких людей невозможно. Если на примерах из древности и современной жизни мы попытаемся понять причину этого, то увидим, что всегда гораздо легче приобрести дружбу тех, кто был доволен прежней властью и потому враждебно встретил нового государя, нежели сохранить дружбу тех, кто был недоволен прежней властью и потому содействовал перевороту.

Издавна государи ради упрочения своей власти возводят крепости, дабы ими, точно уздою и поводьями, сдерживать тех, кто замышляет крамолу, а также дабы располагать надежным убежищем на случай внезапного нападения врага. Могу похвалить этот ведущийся издавна обычай. Однако на нашей памяти мессер Никколо Вителли приказал скрыть две крепости в Читта ди Кастелло, чтобы удержать в своих руках город. Гвидо Убальдо, вернувшись в свои владения, откуда его изгнал Чезаре Борджа, разрушил до основания все крепости этого края, рассудив, что так ему будет легче удержать государство. Семейство Бентивольо, вернувшись в Болонью, поступило подобным же образом. Из чего следует, что полезны крепости или нет — зависит от обстоятельств, и если в одном случае они во благо, то в другом случае они во вред. Разъясню подробнее: тем государям, которые больше боятся народа, нежели внешних врагов, крепости полезны; а тем из них, кто больше боится внешних врагов, чем народа, крепости не нужны. Так семейству Сфорца замок в Милане, постро-

енный герцогом Франческо Сфорца, нанес большой урон, нежели все беспорядки, случившиеся в их государстве. Поэтому лучшая из всех крепостей — не быть ненавистным народу: какие крепости ни строй, они не спасут, если ты ненавистен народу, ибо, когда народ берется за оружие, на подмогу ему всегда явятся чужеземцы. В наши дни от крепостей никому не было пользы, кроме разве графини Форли, после смерти ее супруга, графа Джироламо; благодаря замку ей удалось укрыться от восставшего народа, дожидаться помощи из Милана и возвратиться к власти; время же было такое, что никто со стороны не мог оказать поддержку народу; но впоследствии и ей не помогли крепости, когда ее замок осадил Чезаре Борджа и враждебный ей народ примкнул к чужеземцам. Так что для нее было бы куда надежнее, и тогда и раньше, не возводить крепости, а постараться не возбудить ненависти народа.

Итак, по рассмотрении всего сказанного выше, я одобряю и тех, кто строит крепости, и тех, кто их не строит, но осужу всякого, кто, полагаясь на крепости, не озабочен тем, что ненавистен народу.

Глава XXI

Как надлежит поступать государю, чтобы его почитали

Ничто не может внушить к государю такого почтения, как военные предприятия и необычайные поступки. Из нынешних правителей сошлюсь на Фердинанда Арагонского, короля Испании. Его можно было бы назвать новым государем, ибо, слабый вначале, он сделался по славе и блеску первым королем христианского мира; и все его действия исполнены величия, а некоторые поражают воображение. Основанием его могущества послужила война за Гренаду, предпринятая вскоре после вступления на престол. Прежде всего он начал войну, когда внутри страны было тихо, не опасаясь, что ему помешают, и увлек ею кастильских баронов так, что они, занявшись войной, забыли о смутах; он же тем време-

нем, незаметно для них, сосредоточил в своих руках всю власть и подчинил их своему влиянию. Деньги на содержание войска он получил от Церкви и народа и, пока длилась война, построил армию, которая впоследствии создала ему славу. После этого, замыслив еще более значительные предприятия, он, действуя опять-таки как защитник религии, сотворил благочестивую жестокость: изгнал марранов и очистил от них королевство, — трудно представить себе более безжалостный и в то же время более необычайный поступок. Под тем же предлогом он захватил земли в Африке, провел кампанию в Италии и, наконец, вступил в войну с Францией. Так он обдумывал и осуществлял великие замыслы, держа в постоянном восхищении и напряжении подданных, поглощенно следивших за ходом событий. И все эти предприятия так вытекали одно из другого, что некогда было замыслить что-либо против самого государя.

Величию государя способствуют также необычайные распоряжения внутри государства, подобные тем, которые приписываются мессеру Бернабо да Милано, иначе говоря, когда кто-либо совершает что-либо значительное в гражданской жизни, дурное или хорошее, то его полезно награждать или карать таким образом, чтобы это помнилось как можно дольше. Но самое главное для государя — постараться всеми своими поступками создать себе славу великого человека, наделенного умом выдающимся.

Государя уважают также, когда он открыто заявляет себя врагом или другом, то есть когда он без колебаний выступает за одного против другого — это всегда лучше, чем стоять в стороне. Ибо когда двое сильных правителей вступают в схватку, то они могут быть таковы, что возможный победитель либо опасен для тебя, либо нет. В обоих случаях выгоднее открыто и решительно вступить в войну. Ибо в первом случае, не вступив в войну, ты станешь добычей победителя — к радости и удовлетворению побежденного, сам же ни у кого не сможешь получить защиты: победитель отвергнет союзника, бросившего его в несчастье, а побежденный не захочет принять к себе того, кто не пожелал с оружием в руках разделить его участь. Антиох, которого этолийцы

призвали в Грецию, чтобы прогнать римлян, послал своих ораторов к ахейцам, союзникам римлян, желая склонить ахейцев к невмешательству. Римляне, напротив, убеждали ахейцев вступить в войну. Тогда, чтобы решить дело, ахейцы созвали совет, легат Антиоха призывал их не братья за оружие, римский легат говорил так: «*Quod autem isti dicunt non interponendi vos bello, nihil magis alienum rebus vestris est; sine gratia, sine dignitate, praemium victoris eritis*»*. И всегда недруг призывает отойти в сторону, тогда как друг зовет открыто выступить за него с оружием в руках. Нерешительные государи, как правило, выбирают невмешательство, чтобы избежать ближайшей опасности, и, как правило, это приводит их к крушению.

Зато если ты бесстрашно примешь сторону одного из воюющих и твой союзник одержит победу, то, как бы ни был он могуществен и как бы ты от него ни зависел, он обязан тебе — люди же не настолько бесчестны, чтобы нанести удар союзнику, выказав столь явную неблагодарность. Кроме того, победа никогда не бывает полной в такой степени, чтобы победитель мог ни с чем не считаться и в особенности — мог попрасть справедливость. Если же тот, чью сторону ты принял, проиграет войну, он примет тебя к себе и, пока сможет, будет тебе помогать, так что ты станешь собратом по несчастью тому, чье счастье, возможно, еще возродится.

Во втором случае, когда ни одного из воюющих не приходится опасаться, примкнуть к тому или к другому еще более разумно. Ибо с помощью одного ты разгромишь другого, хотя тому, будь он умнее, следовало бы спасать, а не губить противника; а после победы ты подчинишь союзника своей власти, он же благодаря твоей поддержке неминуемо одержит победу.

Здесь уместно заметить, что лучше избегать союза с теми, кто сильнее тебя, если к этому не понуждает необходимость, как о том сказано выше. Ибо в случае победы сильного союзника ты у него в руках, государи же должны остерегаться попадать в зави-

* «Что до решения, которое предлагается вам как наилучшее и наивыгоднейшее для вашего государства, а именно не вмешиваться в войну, то нет для вас ничего худшего, ибо, приняв это решение, без награды и без чести станете добычей победителя» (лат.).

симость к другим государям. Венецианцы, к примеру, вступили в союз с Францией против миланского герцога, когда могли этого избежать, следствием чего и явилось их крушение. Но если нет возможности уклониться от союза, как обстояло дело у флорентийцев, когда папа и Испания двинули войска на Ломбардию, то государь должен вступить в войну, чему причины я указал выше. Не стоит лишь надеяться на то, что можно принять безошибочное решение, наоборот, следует заранее примириться с тем, что всякое решение сомнительно, ибо это в порядке вещей, что, избегнув одной неприятности, попадаешь в другую. Однако в том и состоит мудрость, чтобы, взвесив все возможные неприятности, наименьшее зло почесть за благо.

Государь должен также выказывать себя покровителем дарований, привечать одаренных людей, оказывать почет тем, кто отличился в каком-либо ремесле или искусстве. Он должен побуждать граждан спокойно предаваться торговле, земледелию и ремеслам, чтобы одни благоустраивали свои владения, не боясь, что эти владения у них отнимут, другие — открывали торговлю, не опасаясь, что их разорят налогами; более того, он должен располагать наградами для тех, кто заботится об украшении города или государства. Он должен также занимать народ празднествами и зрелищами в подходящее для этого время года. Уважая цехи, или трибы, на которые разделен всякий город, государь должен участвовать иногда в их собраниях и являть собой пример щедрости и великодушия, но при этом твердо блюсти свое достоинство и величие, каковые должны присутствовать в каждом его поступке.

Глава XXII

О советниках государей

Немалую важность имеет для государя выбор советников, а каковы они будут, хороши или плохи, — зависит от благоразумия государей. Об уме правителя первым делом судят по тому, каких людей он к себе приближает; если это люди преданные и

способные, то можно всегда быть уверенным в его мудрости, ибо он умел распознать их способности и удержать их преданность. Если же они не таковы, то и о государе заключат соответственно, ибо первую оплошность он уже совершил, выбрав плохих помощников. Из тех, кто знал мессера Антонио да Венафро, помощника Пандольфо Петруччо, правителя Сиены, никто не усомнился бы в достоинствах и самого Пандольфо, выбравшего себе такого помощника.

Ибо умы бывают трех родов: один все постигает сам; другой может понять то, что постиг первый; третий — сам ничего не постигает и постигнутого другим понять не может. Первый ум — выдающийся, второй — значительный, третий — негодный. Из сказанного неопровержимо следует, что ум Пандольфо был если не первого, то второго рода. Ибо когда человек способен распознать добро и зло в делах и в речах людей, то, не будучи сам особо изобретательным, он сумеет отличить дурное от доброго в советах своих помощников и за доброе вознаградит, а за дурное — взыщет; да и помощники его не понадеются обмануть государя и будут добросовестно ему служить.

Есть один безошибочный способ узнать, чего стоит помощник. Если он больше заботится о себе, чем о государе, и во всяком деле ищет своей выгоды, он никогда не будет хорошим слугой государю, и тот никогда не сможет на него положиться. Ибо министр, в чьих руках дела государства, обязан думать не о себе, а о государе, и не являться к нему ни с чем, что не относится до государя. Но и государь со своей стороны должен стараться удержать преданность своего министра, воздавая ему по заслугам, умножая его состояние, привязывая его к себе узами благодарности, разделяя с ним обязанности и почести, чтобы тот видел, что государь не может без него обходиться, и чтобы, имея достаточно богатств и почестей, не возжелал новых богатств и почестей, а также чтобы, занимая разнообразные должности, убоился переворотов. Когда государь и его министр обоюдно ведут себя таким образом, они могут быть друг в друге уверены, когда же они ведут себя иначе, это плохо кончается либо для одного, либо для другого.

Глава XXIII

Как избежать льстецов

Я хочу коснуться еще одного важного обстоятельства, а именно одной слабости, от которой трудно уберечься правителям, если их не отличает особая мудрость и знание людей. Я имею в виду лесть и льстецов, которых во множестве приходится видеть при дворах государей, ибо люди так тщеславны и так обольщаются на свой счет, что с трудом могут уберечься от этой напасти. Но беда еще и в том, что когда государь пытается искоренить лесть, он рискует навлечь на себя презрение. Ибо нет другого способа оградить себя от лести, как внушив людям, что, если они выскажут тебе всю правду, ты не будешь на них в обиде, но когда каждый сможет говорить тебе правду, тебе перестанут оказывать должное почтение.

Поэтому благоразумный государь должен избрать третий путь, а именно: отличив нескольких мудрых людей, им одним предоставить право высказывать все, что они думают, но только о том, что ты сам спрашиваешь, и ни о чем больше; однако спрашивать надо обо всем и выслушивать ответы, решение же принимать самому и по своему усмотрению. На советах с каждым из советников надо вести себя так, чтобы все знали, что чем безбоязненнее они выскажутся, тем более угодят государю; но вне их никого не слушать, а прямо идти к намеченной цели и твердо держаться принятого решения. Кто действует иначе, тот либо поддается лести, либо, выслушивая разноречивые советы, часто меняет свое мнение, чем вызывает неуважение подданных.

Сошлюсь на один современный пример. Отец Лука, доверенное лицо императора Максимилиана, говоря о его величестве, заметил, что тот ни у кого совета не просит, но по-своему тоже не поступает именно оттого, что его образ действий противоположен описанному выше. Ибо император человек скрытный, намерений своих никому не поверяет, совета на их счет не спрашивает. Но когда по мере осуществления они выходят наружу, то те, кто его окружают, начинают их оспаривать, и

государь, как человек слабый, от них отступается. Поэтому начатое сегодня назавтра отменяется, и никогда нельзя понять, чего желает и что намерен предпринять император, и нельзя положиться на его решение.

Таким образом, государь всегда должен советоваться с другими, но только когда он того желает, а не когда того желают другие; и он должен осаживать всякого, кто вздумает, непрошенный, подавать ему советы. Однако сам он должен широко обо всем спрашивать, о спрошенном терпеливо выслушивать правдивые ответы и, более того, проявлять беспокойство, замечая, что кто-либо почему-либо опасается говорить ему правду. Многие полагают, что кое-кто из государей, слывающих мудрыми, славой своей обязаны не себе самим, а добрым советам своих приближенных, но мнение это ошибочно. Ибо правило, не знающее исключений, гласит: государю, который сам не обладает мудростью, бесполезно давать благие советы, если только такой государь случайно не доверится мудрому советнику, который будет принимать за него все решения. Но хотя подобное положение и возможно, ему скоро пришел бы конец, ибо советник сам сделался бы государем. Когда же у государя не один советник, то, не обладая мудростью, он не сможет примирить разноречивые мнения; кроме того, каждый из советников будет думать лишь о собственном благе, а государь этого не разглядит и не примет меры. Других же советников не бывает, ибо люди всегда дурны, пока их не принудит к добру необходимость. Отсюда можно заключить, что добрые советы, кто бы их ни давал, рождаются из мудрости государей, а не мудрость государей рождается из добрых советов.

Глава XXIV

Почему государи Италии лишились своих государств

Если новый государь разумно следует названным правилам, он скоро утвердится в государстве и почувствует себя в нем прочнее и увереннее, чем если бы получил власть по наследству. Ибо новый государь вызывает большее любопытство, чем наследный

правитель, и если действия его исполнены доблести, они куда больше захватывают и привлекают людей, чем древность рода. Ведь люди гораздо больше заняты сегодняшним днем, чем вчерашним, и если в настоящем обретают благо, то довольствуются им и не ищут другого; более того, они горой станут за нового государя, если сам он будет действовать надлежащим образом. И двойную славу стяжает тот, кто создаст государство и укрепит его хорошими законами, хорошими союзниками, хорошим войском и добрыми примерами; так же как двойным позором покрывает себя тот, кто, будучи рожден государем, по неразумию лишится власти.

Если мы обратимся к тем государям Италии, которые утратили власть, таким как король Неаполитанский, герцог Миланский и другие, то мы увидим, что наиболее уязвимым их местом было войско, чему причины подробно изложены выше. Кроме того, некоторые из них либо враждовали с народом, либо, расположив к себе народ, не умели обезопасить себя со стороны знати. Ибо там, где нет подобных изъязнов, государь не может утратить власть, если имеет достаточно сил, чтобы выставить войско. Филипп Македонский, не отец Александра Великого, а тот, что был разбит Титом Квинкцием, имел небольшое государство по сравнению с теми великими, что на него напали, — Римом и Грецией, но, будучи воином, а также умея расположить к себе народ и обезопасить себя от знати, он выдержал многолетнюю войну против римлян и греков и хотя потерял под конец несколько городов, зато сохранил за собой царство.

Так что пусть те из наших государей, кто, властвуя много лет, лишился своих государств, пеняют не на судьбу, а на собственную нерадивость. В спокойное время они не предусмотрели возможных бед — по общему всем людям недостатку в затишье не думать о буре, — когда же настали тяжелые времена, они предпочли бежать, а не обороняться, понадеявшись на то, что подданные, раздраженные бесчинством победителей, призовут их обратно. Если нет другого выхода, хорош и такой, плохо лишь отказы-

ваться ради него от всех прочих, точно так же, как не стоит падать, полагаясь на то, что тебя поднимут. Даже если тебя и выручат из беды, это небезопасно для тебя, так как ты окажешься в положении зависимом и унижительном. А только те способы защиты хороши, основательны и надежны, которые зависят от тебя самого и от твоей доблести.

Глава XXV

Какова власть судьбы над делами людей и как можно ей противостоять

Я знаю, сколь часто утверждалось раньше и утверждается ныне, что всем в мире правят судьба и Бог, люди же с их разумением ничего не определяют и даже ничему не могут противостоять; отсюда делается вывод, что незачем утруждать себя заботами, а лучше примириться со своим жребием. Особенно многие уверовали в это за последние годы, когда на наших глазах происходят перемены столь внезапные, что всякое человеческое предвидение оказывается перед ними бессильно. Иной раз и я склоняюсь к общему мнению, задумываясь о происходящем.

И, однако, ради того, чтобы не утратить свободу воли, я предположу, что, может быть, судьба распоряжается лишь половиной всех наших дел, другую же половину, или около того, она предоставляет самим людям. Я уподобил бы судьбу бурной реке, которая, разбушевавшись, затопляет берега, валит деревья, крушит жилища, вымывает и намывает землю: все бегут от нее прочь, все отступают перед ее напором, бессильные его сдержать. Но хотя бы и так, — разве это мешает людям принять меры предосторожности в спокойное время, то есть возвести заграждения и плотины так, чтобы, выйдя из берегов, река либо устремилась в каналы, либо остановила свой безудержный и опасный бег?

То же и судьба: она являет свое всесилие там, где препятствием ей не служит доблесть, и устремляет свой напор туда, где не встречает возведенных против нее заграждений. Взгляните на

Италию, захлестнутую ею же вызванным бурным разливом событий, и вы увидите, что она подобна ровной местности, где нет ни плотин, ни заграждений. А ведь если бы она была защищена доблестью, как Германия, Испания и Франция, этот разлив мог бы не наступить или по крайней мере не причинить столь значительных разрушений. Этим, я полагаю, сказано достаточно о противостоянии судьбе вообще.

Что же касается, в частности, государей, то нам приходится видеть, как некоторые из них, еще вчера благоденствовавшие, сегодня лишаются власти, хотя, как кажется, не изменился ни весь склад их характера, ни какое-либо отдельное свойство. Объясняется это, я полагаю, теми причинами, которые были подробно разобраны выше, а именно тем, что если государь всецело полагается на судьбу, он не может выстоять против ее ударов. Я думаю также, что сохраняют благополучие те, чей образ действий отвечает особенностям времени, и утрачивают благополучие те, чей образ действий не отвечает своему времени.

Ибо мы видим, что люди действуют по-разному, пытаются достичь цели, которую каждый ставит перед собой, то есть богатства и славы: один действует осторожностью, другой — натиском; один — силой, другой — искусством; один — терпением, другой — противоположным способом, и каждого его способ может привести к цели. Но иной раз мы видим, что хотя оба действовали одинаково, например, осторожностью, только один из двоих добился успеха, и наоборот, хотя каждый действовал по-своему: один осторожностью, другой натиском, — оба в равной мере добились успеха. Зависит же это именно от того, что один образ действий совпадает с особенностями времени, а другой — не совпадает. Поэтому бывает так, что двое, действуя по-разному, одинаково добиваются успеха, а бывает так, что двое действуют одинаково, но только один из них достигает цели.

От того же зависят и превратности благополучия: пока для того, кто действует осторожностью и терпением, время и обстоятельства складываются благоприятно, он процветает, но стоит времени и обстоятельствам перемениться, как процветанию его

приходит конец, ибо он не переменил своего образа действий. И нет людей, которые умели бы к этому приспособиться, как бы они ни были благоразумны. Во-первых, берут верх природные склонности, во-вторых, человек не может заставить себя свернуть с пути, на котором он до того времени неизменно преуспевал. Вот почему осторожный государь, когда настает время применить натиск, не умеет этого сделать и оттого гибнет, а если бы его характер менялся в лад с временем и обстоятельствами, благополучие его было бы постоянно.

Папа Юлий всегда шел напролом, время же и обстоятельства благоприятствовали такому образу действий, и потому он каждый раз добивался успеха. Вспомните его первое предприятие — захват Болоньи, еще при жизни мессера Джованни Бендивольо. Венецианцы были против, король Испании тоже, с Францией еще велись об этом переговоры, но папа сам выступил в поход, с обычной для него неукротимостью и напором. И никто этому не воспрепятствовал, венецианцы — от страха, Испания — надеясь воссоединить под своей властью Неаполитанское королевство; уступил и французский король, так как, видя, что папа уже в походе, и желая союза с ним против венецианцев, он решил, что не может без явного оскорбления отказать ему в помощи войсками.

Этим натиском и внезапностью папа Юлий достиг того, чего не достиг бы со всем доступным человеку благоразумием никакой другой глава Церкви; ибо, останься он в Риме, выжидая, пока все уладится и образуется, как сделал бы всякий на его месте, король Франции нашел бы тысячу отговорок, а все другие — тысячу доводов против захвата. Я не буду говорить о прочих его предприятиях, все они были того же рода, и все ему удавались; из-за краткости правления он так и не испытал неудачи, но, проживи он дольше и наступи такие времена, когда требуется осторожность, его благополучию пришел бы конец, ибо он никогда не уклонился бы с того пути, на который его увлекала натура.

Итак, в заключение скажу, что фортуна непостоянна, а человек упорствует в своем образе действий, поэтому, пока меж-

ду ними согласие, человек пребывает в благополучии, когда же наступает разлад, благополучию его приходит конец. И все-таки я полагаю, что натиск лучше, чем осторожность, ибо фортуна — женщина, и кто хочет с ней сладить, должен колотить ее и пинать — таким она поддается скорее, чем тем, кто холодно берется за дело. Поэтому она, как женщина, — подруга молодых, ибо они не так осмотрительны, более отважны и с большей дерзостью ее укрощают.

Глава XXVI

Призыв овладеть Италией и освободить ее из рук варваров

Обдумывая все сказанное и размышляя наедине с собой, настало ли для Италии время чествовать нового государя и есть ли в ней материал, которым мог бы воспользоваться мудрый и доблестный человек, чтобы придать ему форму — во славу себе и на благо отечества, — я заключаю, что столь многое благоприятствует появлению нового государя, что едва ли какое-либо другое время подошло бы для этого больше, чем наше. Как некогда народу Израиля надлежало пребывать в рабстве у египтян, дабы Моисей явил свою доблесть, персам — в угнетении у мидийцев, дабы Кир обнаружил величие своего духа, афинянам — в разобщении, дабы Тезей совершил свой подвиг, так и теперь, дабы обнаружила себя доблесть италийского духа, Италии надлежало дойти до нынешнего ее позора: до большего рабства, чем евреи; до большего унижения, чем персы; до большего разобщения, чем афиняне. Нет в ней ни главы, ни порядка; она разгромлена, разорена, истерзана, растоптана, повержена в прах.

Были мгновения, когда казалось, что перед нами тот, кого Бог назначил стать избавителем Италии, но немилость судьбы наступила его на подступах к цели. Италия же, теряя последние силы, ожидает того, кто исцелит ей раны, спасет от разграбления Ломбардию, от поборов — Неаполитанское королевство и Тоскану, кто уврачует ее гноящиеся язвы. Как молит она Бога о ниспослании ей того, кто избавит ее от жестокости и насилия варваров!

Как полна она рвения и готовности стать под общее знамя, если бы только нашлось, кому его понести!

И самые большие надежды возлагает она ныне на ваш славный дом, каковой, благодаря доблести и милости судьбы, покровительству Бога и Церкви, глава коей принадлежит к вашему дому, мог бы принять на себя дело освобождения Италии. Оно окажется не столь уж трудным, если вы примете за образец жизнь и деяния названных выше мужей. Как бы ни были редки и достойны удивления подобные люди, все же они — люди, и каждому из них выпал случай не столь благоприятный, как этот. Ибо дело их не было более правым, или более простым, или более угодным Богу. Здесь дело поистине правое, — «*iustum enim est bellum quibus necessarium, et pia arma ibi nulla nisi in armis spes est*»*. Здесь условия поистине благоприятны, а где благоприятны условия, там трудности отступают, особенно если следовать примеру тех мужей, которые названы мною выше. Нам явлены необычайные, беспримерные знамения Божии: море расступилось, скала источала воду, манна небесная выпала на землю: все совпало, пророча величие вашему дому. Остальное надлежит сделать вам. Бог не все исполняет сам, дабы не лишить нас свободной воли и причитающейся нам части славы.

Неудивительно, что ни один из названных выше итальянцев не достиг цели, которой, как можно надеяться, достигнет ваш прославленный дом, и что при множестве переворотов и военных действий в Италии боевая доблесть в ней как будто угасла. Объясняется это тем, что старые ее порядки нехороши, а лучших никто не сумел ввести. Между тем ничто так не прославляет государя, как введение новых законов и установлений. Когда они прочно утверждены и отмечены величием, государю воздают за них почестями и славой; в Италии же достаточно материала, которому можно придать любую форму. Велика доблесть в каждом из ее сынов, но, увы, мало ее в предводителях. Взгляните на поединки и небольшие схватки: как выделяются итальянцы ловкостью, находчивостью, силой. Но в сражениях они как будто теряют все

* «Ибо та война справедлива, которая необходима, и то оружие священо, на которое единственная надежда» (лат.).

эти качества. Виной же всему слабость военачальников: если кто и знает дело, то его не слушают, и хотя знающим объявляет себя каждый, до сих пор не нашлось никого, кто бы так отличился доблестью и удачей, чтобы перед ним склонились все остальные. Поэтому за прошедшие двадцать лет во всех войнах, какие были за это время, войска, составленные из одних итальянцев, всегда терпели неудачу, чему свидетели прежде всего Таро, затем Александрия, Капуя, Генуя, Вайла, Болонья и Местри.

Если ваш славный дом пожелает следовать по стопам величайших мужей, ставших избавителями отечества, то первым делом он должен создать собственное войско, без которого всякое предприятие лишено настоящей основы, ибо он не будет иметь ни более верных, ни более храбрых, ни лучших солдат. Но как бы ни был хорош каждый из них в отдельности, вместе они окажутся еще лучше, если во главе войска увидят своего государя, который чтит их и отличает. Такое войско поистине необходимо, для того чтобы итальянская доблесть могла отразить вторжение иноземцев. Правда, испанская и швейцарская пехота считается грозной, однако же в той и другой имеются недостатки, так что иначе устроенное войско могло бы не только выстоять против них, но даже их превзойти. Ибо испанцы отступают перед конницей, а швейцарцев может устрашить пехота, если окажется не менее упорной в бою. Мы уже не раз убеждались и еще убедимся в том, что испанцы отступали перед французской кавалерией, а швейцарцы терпели поражение от испанской пехоты. Последнего нам еще не приходилось наблюдать в полной мере, но дело шло к тому в сражении при Равенне — когда испанская пехота встретилась с немецкими отрядами, устроенными наподобие швейцарских. Ловким испанцам удалось пробраться, прикрываясь маленькими щитами, под копья и, находясь в безопасности, разить неприятеля так, что тот ничего не мог с ними поделать, и если бы на испанцев не налетела конница, они добились бы неприятельскую пехоту. Таким образом, изучив недостатки того и другого войска, нужно построить новое, которое могло бы устоять перед конницей и не боялось бы чужой пехоты, что достигается как новым родом оружия, так и новым устройством войска. И все это отно-

сится к таким нововведениям, которые более всего доставляют славу и величие новому государю. Итак, нельзя упустить этот случай: пусть после стольких лет ожидания Италия увидит наконец своего избавителя. Не могу выразить словами, с какой любовью приняли бы его жители, пострадавшие от иноземных вторжений, с какой жаждой мщения, с какой непоколебимой верой, с какими слезами! Какие двери закрылись бы перед ним? Кто отказал бы ему в повиновении? Чья зависть преградила бы ему путь? Какой итальянец не воздал бы ему почестей? Каждый ощущает, как смердит господство варваров. Так пусть же ваш славный дом примет на себя этот долг с тем мужеством и той надеждой, с какой вершатся правые дела, дабы под сенью его знамени возвеличилось наше отечество и под его водительством сбылось сказанное Петраркой:

Доблесть ополчится на неистовство,
И краток будет бой,
Ибо не умерла еще доблесть
В итальянском сердце.

Рассуждения о первой декаде Тита Ливия

*Никколо Макьявелли приветствует
Дзаноби Буондельмонти и Козимо Ручеллаи*

Вручаю вам свой дар, и хотя ему не сравниться с моим долгом перед вами, без сомнения, это лучшее, что может предложить Никколо Макьявелли. В него я вложил все свои знания о делах этого мира, усвоенные мною благодаря длительному опыту и усердному чтению. Ни вы, ни кто другой не может пожелать от меня большего, а поэтому и не посетует, что я ограничиваюсь этим. Конечно, вас может огорчить скудость моего дарования, если рассказ покажется вам скучным, либо опрометчивость моих мнений, если я стану путаться в рассуждениях. В таком случае, не знаю, кто из нас должен жаловаться: я ли — на то, что вы заставили меня взяться за сочинение, которого я без побуждения извне не написал бы, или вы — на то, что я не оправдал ваших ожиданий. Итак, отнеситесь к моему приношению с дружеским снисхождением, оценивающим не столько достоинство подарка, сколько доброе намерение. И поверьте, меня утешает уже одна мысль о том, что, обманываясь во многом, я не ошибусь, отдавая первым читателям моих «Рассуждений» предпочтение перед всеми прочими. С одной стороны, мне представился случай доказать, что я умею быть благодарным; с другой — я отступил от общего обыкновения сочинителей преподносить свой труд какому-нибудь государю и приписывать ему, в видах тщеславия или корыстолюбия, все возможные добродетели, закрывая глаза на те пороки, которые следовало бы осудить. Стремясь избежать подобной ошибки, я избрал не государей, но тех, кто благодаря своим

бесчисленным достоинствам заслуживает этого звания; не тех, кто мог бы осыпать меня чинами, почестями и богатствами, но тех, кто по крайней мере мог бы мне их пожелать. Ведь если рассудить по справедливости, то уважения заслуживают истинно щедрые, а не те, кто лишь в состоянии быть щедрым; точно так же достоин уважения не просто тот, кто стоит во главе государства, но тот, кто умеет им управлять. Историки оценивают Гиерона Сиракузского в бытность его частным лицом выше, чем Персея Македонянина в бытность его царем, потому что Гиерону недоставало только власти, чтобы быть государем, а у Персея отсутствовало все необходимое для царствования, кроме царства. Итак, располагайте тем, чего вы сами хотели, к своему удовольствию или неудовольствию, и если, против ожидания, мои суждения будут вами одобрены, я не премину приступить к оставшейся части истории, как и обещал вначале. *Valete**.

* Желаю вам здравия (*лат.*).

КНИГА ПЕРВАЯ

Вступление

Вследствие человеческой зависти изобретать новые правила и порядки всегда было не менее опасно, чем искать неизведанные земли и моря, ибо люди более склонны осуждать, нежели хвалить чужие поступки. Тем не менее, побуждаемый присущим мне от природы желанием не обращать внимания на препятствия, когда речь идет о всеобщей пользе, я решил вступить на никем не хоженный путь, который сулит мне трудности и упреки, но вместе с тем и благодарность тех, кто возымеет снисхождение к цели моих трудов. И если скудость таланта, недостаточная искушенность в современных событиях и слабое знание древних поставят под сомнение полезность моих усилий, то по крайней мере они расчистят дорогу для того, кто исполнит мое намерение с бóльшим блеском и разумением; так что если я не заслужу похвалы, то не буду и порицаем.

Итак, наблюдая, в каком почете находится все древнее и как зачастую — взять только один пример — за обломок античной статуи платят немалые деньги, желая заполучить его, украсить свой дом и выставить в качестве образца перед художниками, которые затем всячески пытаются ему подражать, я не могу сдерживать удивления и печали, видя, как, с другой стороны, известные нам из истории доблестные деяния, совершенные в древних царствах и республиках царями, полководцами, гражданами, законодателями и всеми трудившимися на благо родины, вызывают в лучшем случае восхищение, а не желание повторить их; более того, наши поступки настолько им противоположны, что от ан-

тичной доблести не осталось никаких следов. И это при том, что, как видим, для решения споров, возникающих в гражданской жизни, и для лечения болезней, которым подвержены люди, постоянно прибегают к суждениям и предписаниям древних (потому что гражданские законы суть не что иное, как приговоры древних правоведов, сборники которых служат для обучения наших юристов. Медицина же есть не что иное, как опыт античных врачей, на котором наши лекари основывают свои рецепты). Мы, однако, не сыщем государя или республику, которые следовали бы примеру древних во внутренних учреждениях, поддержании власти, управлении царством, устройении войска и ведении войны, в решении тяжб между подданными и приращении владений. Я думаю, это происходит не столько от той немощи, которую нынешняя религия внесла в мирские дела, и не от той самодовольной праздности, каковая распространилась во многих христианских городах и землях, сколько из-за плохого знания истории, читатели которой не извлекают из нее подлинного смысла и не ощущают ее подлинного значения; многочисленные любители истории наслаждаются разнообразием описываемых ею происшествий, но не мыслят о подражании, считая его попросту невозможным; как будто бы небо, солнце, стихии и люди изменили свои пути, качества и место в порядке вещей по сравнению с древностью. Желая развеять это заблуждение, я счел нужным написать нечто необходимое, по моему разумению древности и современности, для понимания тех книг Тита Ливия, которые не были отняты у нас суровым временем, дабы мои слушатели с легкостью могли для себя извлечь пользу, соединенную со знанием истории. И хотя предприятие это трудное, я надеюсь с помощью тех, кто убедил меня подставить плечи под это бремя, нести его так, что мои преемники с легкостью доберутся до намеченной цели.

Глава I

Каковы были основания всех гражданских сообществ и как был основан Рим

Если рассмотреть, каково было начало Рима и какое устройство он получил от первых законодателей, то не покажется удивительной великая доблесть, хранимая его гражданами на протяжении многих веков и позволившая этой республике завладеть огромными территориями. Сначала я хочу обсудить ее зарождение и скажу, что все города бывают основаны либо местными жителями, либо чужеземцами. В первом случае обитатели, рассеянные мелкими группами, не чувствуют себя в достаточной безопасности, поскольку каждая из них, в силу своей малочисленности и отдаленности от других, не может противостоять нападениям захватчиков и не успевает соединиться с другими при нашествии врага; да и соединившись, они должны покинуть многие из своих жилищ, которые становятся легкой добычей противника. Во избежание подобной опасности, по собственной воле или по уговору уважаемых среди них людей, жители поселяются в избранном ими месте, удобном для защиты и обитания.

К таким городам, наряду со многими другими, относятся Афины и Венеция. Первые были основаны по настоянию Тезея вследствие названных причин прежде разрозненными жителями; вторая явилась пристанищем для многочисленных беглецов, скапливавшихся на островках в заливе Адриатического моря во время войн, не прекращавшихся в Италии после падения Римской империи. Эти племена, не имея особого предводителя, стали жить по законам, которые казались им наиболее подходящими. Тому способствовало спокойное существование, обеспечиваемое мест-

ностью, потому что доступ к ней был только по морю, а у народов, опустошавших Италию, не было кораблей, так что сам ход вещей должен был привести этот город к его сегодняшнему величию.

Во втором случае, когда город закладывают чужеземцы, речь идет или о людях свободных, или зависимых, как, например, в колониях, основываемых какой-либо республикой или государем от избытка подданных либо для надежной и необременительной защиты новых владений. Римский народ построил множество таких городов по всей своей территории; их закладывали также отдельные государи, но не для себя, а ради умножения своей славы, как Александр основал Александрию. Однако такие города, вследствие своей зависимости, редко разрастаются до больших размеров и становятся столицами в своих странах. Подобным образом была основана Флоренция, и не важно, была ли она построена солдатами Суллы или обитателями Фьезоланских холмов, которые спустились на равнину близ Арно, уповая на длительный мир, воцарившийся повсюду при Октавиане: она подчинялась римской власти и поначалу могла расширять свои владения только за счет щедрот императора.

О вольных основателях городов можно говорить тогда, когда какой-либо народ во главе со своим правителем или сам по себе вынужден покинуть родные места из-за морового поветрия, голода или войны и искать нового пристанища. Эти переселенцы занимают города в завоеванных ими землях, как поступил Моисей, или обживают новые, как было с Энеем. В последнем случае можно судить о доблести основателя и о судьбе его наследия, которая может быть тем примечательнее, чем более высокими способностями обладает заложивший основание. Его же доблесть распознается двумя способами: по выбору места поселения и по установлению законов. А поскольку люди действуют по необходимости или по свободному выбору и доблести проявляется больше там, где выбор ограничен, возникает вопрос, не лучше ли избирать для устройства городов бесплодные местности, чтобы люди, промышленные себе на жизнь и не отвлекаемые праздностью, были сплоченнее, потому что скудость земли давала бы мень-

ше поводов для распри, как можно наблюдать в Рагузе и во многих подобных городах. Такое решение было бы самым мудрым и полезным, если бы люди довольствовались тем, что имеют, и не зарились на чужое. Но так как только могущество обеспечивает людям безопасность, следует избегать таких суровых мест и селиться на плодородных землях, где изобилие позволяет расширять свои владения, защищать их от захватчиков и подавлять всякое сопротивление. Что до праздности, то следует установить законы, принуждающие к тому, чего не требует местность, уподобляясь умным людям, которые жили в прекрасных и плодородных землях, располагающих к безделью и неучастию в доблестных занятиях. Чтобы устранить эти недостатки, вызванные праздностью от избытка природных благ, они установили обязательные упражнения для будущих солдат, так что те превосходили солдат, выросших в странах с суровым климатом и бесплодной почвой. Таково было Египетское царство, в котором эта установленная законом необходимость, несмотря на самый благоприятный климат, позволила воспитать замечательных героев, и если бы их имена не были забыты за давностью лет, они наверняка заслужили бы больше похвал, чем Александр Великий и многие другие, память о которых еще свежа. Если вспомнить тамошнего султана и орден мамелюков, составивших ополчение, пока оно не было разгромлено турецким султаном Селимом, то можно увидеть, сколько внимания они уделяли военным упражнениям, как опасались праздности, на которую обрекали бы их благоприятные условия, если бы последним не противостояли самые строгие законы.

Итак, я считаю разумным остановиться на плодоносящей местности, если ее плодородие будет умерено должными законами. Когда Александр Великий, стремясь увековечить свое имя, хотел заложить новый город, к нему явился архитектор Динократ и предложил построить его на горе Афон, которая не только хорошо защищена, но и могла быть приспособлена ко всем человеческим потребностям, так что город был бы единственным в своем роде и достойным величия Александра. Но когда Александр спросил архитектора, чем будут жить его обитатели, тот ответил,

что не подумал об этом; посмеявшись, Александр отставил этот проект и основал Александрию, заселению которой благоприятствовали урожайность почвы и близость моря и Нила. Говоря о Риме, нужно отнести его к городам, основанным чужестранцами, если считать его родоначальником Энея; если же Ромула, то к городам, основанным местными жителями; в любом случае ясно, что его основали свободные и не подчиненные никому люди; ясно также, что законы, принятые Ромулом, Нумой и другими, представляли такие требования к гражданам, что плодородные местности, близость моря, многочисленные победы и обширность территорий не смогли испортить римлян, своей доблестью превосходивших жителей всех прочих городов и республик.

Их деяния, прославленные Титом Ливием и относящиеся к общественным или частным делам как внутри, так и вне города, я рассмотрю начиная с внутренних событий, касающихся общественной жизни и заслуживающих, на мой взгляд, наибольшего внимания; а затем рассмотрю их последствия, чем и закончится первая книга, или первая часть настоящих рассуждений.

Глава II

Какого рода бывают республики и к какому относилась республика Римская

Я не стану рассуждать о городах, которые изначально находились в зависимости от других, а буду говорить о тех, что с самого начала избежали чужого ярма и имели собственное республиканское или монархическое управление, но сколь разным было их происхождение, столь непохожи и их законы и устройство. Некоторые из них, при самом основании или немного спустя, получили сразу все свои законы от одного человека, как, например, спартанцы от Ликурга, другие вырабатывали свои законы постепенно, по мере развития событий, как было в Риме. Счастливой можно назвать республику, которую жребий наделяет столь благоразумным гражданином, что он дает ей продуманные и надежные законы, не нуждающиеся в исправлении.

Известно, что в Спарте они соблюдались более восьмисот лет без искажений и без особых потрясений; напротив, тот город, которому не посчастливилось найти разумного учредителя, вынужден сам заботиться о своем устройстве.

Самая несчастливая республика та, которая лишена упорядоченности, особенно если ее устройство во всех своих частях не нацелено на прямой путь, ведущий к истинной и совершенной цели. В этом случае никакие потрясения не заставят ее прийти в порядок; те же республики, которые, не имея совершенного устройства, располагают хорошими задатками, подлежащими развитию, могут постепенно совершенствоваться при благоприятном стечении обстоятельств. Но справедливо и то, что они будут при этом подвергаться опасности, потому что множество людей никогда не согласится принять новый закон и установить в городе новые порядки, если не убедится в крайней необходимости этого, а необходимость возникает только при наступлении опасности, поэтому такая республика может рухнуть, не дождавшись усовершенствования. Об этом свидетельствует пример Флорентийской республики, которая была переустроена благодаря событиям в Ареццо во втором году, а в двенадцатом, после событий в Прато, распалась.

Итак, приступая к рассмотрению внутреннего устройства Рима и происшествий, приведших к его усовершенствованию, скажу, что авторы, писавшие о республиках, насчитывают в них три вида правления, которые они называют принципатом, правлением оптиматов и народным правлением, так что основатель государства должен выбирать один из этих трех, по его мнению, наиболее подходящий. Другие писатели, причем, по мнению многих, более мудрые, полагали, что существует шесть видов правительств, из которых три дурные, а три — сами по себе хорошие, но столь легко поддающиеся разложению, что и они становятся губительными. К хорошим относятся три вышеназванных, дурные же вытекают из первых, и каждый из них похож на себе подобный, так что они легко сменяют друг друга: принципат может быстро стать тиранией, правление оптиматов — сосредоточить власть в руках меньшинства, народное правление без труда пе-

переходит в произвол. Таким образом, если основатель республики вводит в своем городе один из этих трех режимов, то ненадолго, ибо никак нельзя помешать ему скатиться в свою противоположность из-за сходства в данном случае добродетели и порока.

Это чередование форм правления возникло стихийно: в начале мира, когда обитателей было мало, они жили, рассеявшись по свету наподобие зверей; когда же население увеличилось, люди стали соединяться вместе и в целях наилучшей защиты начали отличать в своей среде тех, кто был сильнее и храбрее, назначая их предводителями и подчиняясь им. Из этого родилось представление о разнице между делами хорошими и пристойными, с одной стороны, и вредными и преступными — с другой. Когда кто-либо наносил ущерб своему благодетелю, между людьми возникали ненависть и сострадание, они порицали неблагодарных и почитали тех, кто проявлял признательность. Думая о том, что подобная обида может быть нанесена и им, люди пришли к установлению законов во избежание подобного зла и к назначению наказания для нарушителей, откуда и явилось понятие справедливости. Все это привело к тому, что при избрании государя обращались уже не к самому сильному, а к тому, кто был благоразумней и справедливей.

Но когда титул государя стал передаваться по наследству, а не по выбору, наследники повели себя иначе, чем отцы, и, забыв о доблестных деяниях, вообразили, что роль государя состоит только в том, чтобы превосходить прочих в роскоши, сластолюбии и во всех других видах распущенности; так что государи стали внушать ненависть и, соответственно, испытывать страх, который толкал их к нанесению обид, откуда и рождалась тирания. Вскоре все это повело к переворотам, тайным сборищам и заговорам против государей, в которых участвовали отнюдь не самые слабые и робкие, а те, кто, превосходя других своим благородством, величием души и знатностью, не могли выносить позорных поступков государя. Большинство подчинялось влиянию этих могущественных людей, поднимало оружие против государя и, сбросив его, входило в подчинение к своим освободителям. Последние, возненавидев единоличный образ правления, состав-

ляли собственное правительство и поначалу, памятуя о временах тирании, руководствовались установленными законами и ставили общую пользу выше своего блага, тщательно следя за исполнением всех публичных и частных надобностей. Но когда власть переходила к их детям, которые не ведали переменчивости судьбы, никогда не испытывали зла и не хотели довольствоваться гражданским равенством, то они начинали потакать своей алчности, тщеславию, вершить насилие над женщинами, и таким образом правление оптиматов вырождалось в олигархию, враждебную всякой гражданственности. Через малое время их ожидала судьба тирана, потому что разочарованная их правлением толпа была готова пойти за любым возмутителем спокойствия; быстро находился кто-нибудь, кто свергал этих правителей с помощью большинства. Но так как память о единоличном государе и о творимых им несправедливостях была еще свежа, то, отменив правление меньшинства и не желая вернуться к правлению одного, люди обратились к народовластию, в котором ни государь, ни олигархия не могли играть никакой роли. Всякий режим пользуется поначалу некоторым уважением, поэтому и народное правление держалось какое-то время, но недолго, не дольше жизни установившего его поколения, поскольку совершался переход к произволу, не щадящему ни властей, ни частных лиц; всякий делает что хочет, и повседневно творится множество безобразий, поэтому по необходимости или по подсказке какого-нибудь доброжелателя, чтобы обуздать произвол, люди снова обращаются к единоличному правлению; отсюда начинается новый виток, который постепенно, по вышеуказанным причинам, снова ведет к произволу.

Таков круг, в котором вращаются все государства, меняя своих правителей и образы правления; но последние повторяются редко, потому что навряд ли какая-то республика сможет пережить несколько раз такие преобразования и сохранить при этом свою целостность. Скорее всего в ходе этих испытаний, из-за отсутствия умения и сил, она станет частью соседнего государства, обладающего лучшим устройством; если же этого не случится,

такая республика будет обречена на вечную перемену указанных режимов.

Я замечу, что все эти образы правления пагубны, три полезных — вследствие недолговечности и три дурных — в силу их недостатков. Сознавая эту трудность, благоразумные законодатели, не отдавая предпочтения каждому из этих режимов в отдельности, выбрали один самый прочный и постоянный, соединяющий в себе достоинства всех трех, которые в нем дополняют друг друга, при этом в одном городе сосуществуют принципат, правление оптиматов и народовластие.

Среди тех, кто снискал себе славу подобными постановлениями, называют Ликурга, который в законах, принятых для Спарты, отвел долю и царю, и оптиматам, и народу, благодаря чему государство просуществовало более восьмисот лет, наслаждаясь покоем и восхваляя его имя. Противоположное случилось с Солонем, который установил законы в Афинах; введенное им народоправство было столь недолговечным, что еще при жизни законодателя его сменила тирания Писистрата; и хотя потомки последнего через сорок лет были изгнаны, так что в Афины снова вернулась свобода и восстановилось народное правление по образцу Солона, оно продержалось всего лишь сто лет, несмотря на многочисленные исправления законов, обуздывавшие дерзость грандов и распущенность толпы, не принятые Солонем в расчет. Тем не менее, поскольку в афинском устройстве недоставало преимуществ принципата и правления оптиматов, Афины продержались гораздо меньше по сравнению со Спартой.

Но перейдем к Риму; хотя там не было Ликурга, который заложил бы основы свободы на длительное время, его роль выполнил случай, представившийся в ходе дальнейших событий, вследствие распрей между плебсом и Сенатом. И если судьба Рима вначале складывалась не слишком удачно, все же на долю его выпала не самая плачевная участь, потому что недостатки первоначального устройства не помешали ему выйти на прямую дорогу, ведущую к совершенству. Дело в том, что Ромул и прочие цари издали много хороших законов, применимых и к свободному устройству, но так как их целью было создание царства, а не рес-

публики, то после освобождения Рима в нем не доставало многих вещей, необходимых для защиты вольности, потому что названные цари об этом не заботились. Хотя цари по вышеописанным причинам утратили власть, их преемники устранили из города скорее звание царя, а не образ правления, назначив вместо него двух консулов; республикой управляли консулы и Сенат, то есть налицо были два вида власти из трех вышеназванных, а именно принципат и оптиматы. Оставалось только уделить место народной власти, и когда заносчивость римской знати превысила всякую меру, о чем будет сказано ниже, народ восстал против нее, и знать, чтобы не утратить все, была вынуждена уступить народу его долю. В то же время Сенат и консулы оставались в такой силе, что сохраняли свое значение в республиканских органах власти. Так после введения должности народных трибунов римское государство упрочилось, соединяя в себе все три рода правления. Судьба была к нему столь благосклонна, что, хотя цари и оптиматы уступили свою власть народу точно таким образом и по тем самым причинам, которые были описаны выше, тем не менее при переходе к оптиматам бразды правления не утратили полностью царских достоинств, как и достоинств аристократического строя при воцарении народа; устройство было смешанным и подходящим для совершенной республики, а к этому усовершенствованию привела рознь между плебсом и Сенатом, что будет показано подробнее в двух следующих главах.

Глава III

Какие события заставили ввести в Риме должность народных трибунов, придавшую совершенство устройству республики

Как утверждают все размышлявшие о гражданском общежитии и как учит на своих примерах история, основателю республики, сочиняющему для нее законы, необходимо исходить из присущих людям дурных наклонностей, которые проявятся при любых благоприятных обстоятельствах; если такие преступные склонности долго ничем себя не выказывают, это говорит лишь

об отсутствии видимых причин для их проявления; но время, прозванное отцом истины, все равно удостоверит обратное.

Казалось, что после изгнания из Рима Тарквиниев между Сенатом и плебсом воцарилось единодушие; нобили оставили свою спесь и, проникнувшись к народу сочувствием, готовы были ужиться с последним простолудином. Причины этой обманчивой кротости оставались скрытыми до тех пор, пока были живы Тарквинии, опасаясь которых знать не хотела раздражать плебс, чтобы он не перешел на сторону изгнанников, и обходилась с ним милосердно; но как только Тарквиниев не стало и страх прошел, нобили начали изливать на плебс давно накопившийся яд и обижать его как только можно. Вот свидетельство того, что я говорил выше, то есть что люди делают добро только по необходимости; но там, где существует полная свобода выбора и можно поступать как хочешь, там сразу начинаются смуты и беспорядки. Говорят ведь, что голод и бедность побуждают людей к выдумке и изворотливости, а законы склоняют их к добру. И если что хорошо и без закона, само по себе, тогда закон не нужен, но когда добрый обычай отсутствует, тут необходим закон. Так, по смерти Тарквиниев, которые наводили на знать страх и сдерживали ее, следовало подумать о каком-то новом учреждении, которое бы действовало точно так же и заменило их. И вот, после многих смут, волнений и опасных беспорядков, в которых участвовали плебс и знать, для успокоения народа был учрежден трибунат, располагавший достаточной властью и уважением, чтобы стать посредником между плебсом и Сенатом и противостоять заносчивости нобилей.

Глава IV

О том, что противостояние плебса и Сената сделало Римскую республику свободной и могущественной

Я не премину высказаться здесь о беспорядках, продолжавшихся в Риме от смерти Тарквиниев до создания трибуната, и оспорить распространенное мнение, что если бы благосклонность судьбы и воинская доблесть не возместили внутренне присущих

Римской республике недостатков, то бесконечные потрясения и смуты поставили бы ее ниже всех прочих государств. Не стану отрицать, что своими владениями Рим обязан фортуне и хорошему войску, но те, кто сводит дело к этим двум причинам, не замечают, что хорошее войско немыслимо без добрых порядков, а уж за этим следует обычно и удача. Рассмотрим этот вопрос подробнее. Те, кто осуждает беспорядки между нобилями и плебсом, по-моему, порицают самую причину римской вольности, обращая внимание больше на внешнюю сторону этих беспорядков, а не на их благотворные последствия; они не видят, что в любой республике существуют два противоборствующих стана: народ и знать, и что все законы, охраняющие свободу, рождаются из этого противостояния, как можно отчетливо видеть на примере Рима: ведь на протяжении трехсот лет от Тарквиниев до Гракхов, несмотря на беспорядки, в Риме почти никого не ссылали и еще реже проливалась кровь. Нельзя называть подобные волнения вредными и считать расколотым государство, из которого за столько времени было выслано не более восьми — десяти человек, казнено — того меньше, и лишь единицы подверглись штрафам. Нет также никаких оснований хулить устройство республики, явившей столько образцов доблести; ведь добрые примеры проистекают из хорошего воспитания, правильное воспитание — из хороших законов, а последние — из тех самых беспорядков, что подвергаются столь необдуманному осуждению. Ведь если рассмотреть, к чему они приводили, то мы не можем сказать, чтобы кто-либо подвергался изгнанию или насилию, ущемляющим общее благо; напротив, принимались законы и установления на пользу гражданской свободе. Если же возразят, что все это достигалось вовсе не мирными и законопослушными действиями и что читающему о них представляется довольно устрашающее зрелище: народ громогласно проклиная Сенат, Сенат отвечает ему тем же, толпа рыщет по улицам, лавки закрываются, все плебеи уходят из Рима, — я скажу, что народу должно быть позволено каким-то образом утолить свои амбиции во всяком городе, тем более в таком, где от него многое зависит; и в Риме бывало так, что, когда народ хотел провести какой-либо закон, он поступал,

как описано выше, либо срывал набор рекрутов на войну, и тогда, чтобы утихомирить его, приходилось идти ему навстречу. Но требования свободных народов редко покушаются на вольность; их вызывают к жизни угнетение или угроза установления гнета. И если опасения беспочвенны, то какой-нибудь уважаемый человек всегда может их развеять, своей речью открыв народу его заблуждение; как говорит Туллий, хотя народы невежественны, они не глухи к истине и легко уступают, когда истину внушает им лицо, достойное доверия. Итак, не стоит столь бездумно порицать римские порядки, принимая во внимание, что все великие деяния этой республики были вызваны к жизни соответствующими причинами. И если беспорядки привели к возникновению трибуната, то они заслуживают всяческого одобрения, потому что при этом народ не только получил свою долю власти, но и был заложен оплот римской свободы, как будет показано в следующей главе.

Глава V

Кому вернее поручить охрану свободы: народу или грандам; у кого из них больше причин заводить смуты, то есть кто желает приобретений и кто довольствуется тем, что есть

Разумные основатели республик, наряду с прочими необходимыми вещами, заботились об охране свободы, и чем лучше им это удавалось, тем больше в государстве сохранялось вольности. А поскольку во всякой республике есть гранды и популяры, возникает вопрос, кому лучше поручить охрану свободы. У лакедемонян, а в наше время у венецианцев ее доверяли нобиллям; у римлян же этот долг лежал на плебеях.

Рассмотрим, какая из этих республик сделала лучший выбор. Существуют доводы в пользу того и другого решения; но если судить по результатам, то нужно склониться на сторону нобилей, потому что Спарта и Венеция сохраняли свою свободу дольше, чем Рим. Что касается доводов в пользу Рима, скажу, что всякую вещь лучше охраняет тот, кто менее склонен на нее покушаться.

Нет сомнения, что, рассмотрев цели знатных и незнатных слоев населения, мы увидим у первых великое желание властвовать, а у вторых — только стремление избежать гнета, а следовательно, и большую тягу к гражданской вольности, на которую им труднее и посягать, чем грандам. Понятно, что, стоя на страже вольности, популяры будут проявлять тем больше усердия, что сами они не могут никого угнетать и не позволят этого другим. С другой стороны, сторонники спартанских и венецианских порядков утверждают, что доверившие охрану влиятельным людям убивают двух зайцев: во-первых, они утоляют этим честолюбие знати, которая удовлетворяется доступом к рычагам власти, во-вторых, они отнимают у черни законный повод вызывать в республике бесконечные раздоры и смуты, которые из-за протестов знати со временем могут привести к дурным последствиям. В пример приводят тот же Рим, где народные трибуны, располагая подобной властью, не удовольствовались тем, что один консул избирался из плебеев, но захотели иметь обоих. Затем они перешли к цензорам, претору и всем остальным должностям городского управления; но и этого им показалось мало, потому что, движимые тем же безрассудством, плебеи стали со временем превозносить людей, готовых, по их мнению, сокрушить знать: здесь истоки могущества Мария и падения Рима. Поистине, сопоставляя доводы обеих сторон, трудно решить, кто должен быть защитником свободы, пока не выяснено, какие устремления приносят республике больший вред: желание сохранить уже приобретенные привилегии или жажда новых.

В конце концов, тщательно все разобрав, приходишь к такому выводу: или речь идет о республике, желающей, как Рим, расширить свои владения, или о той, которой достаточно сохранить собственные. В первом случае во всем следует подражать Риму, во втором — уподобиться по указанным причинам Венеции и Спарте, о чем мы будем говорить в следующей главе.

Но, возвращаясь к вопросу, кто приносит больше вреда республике — жаждущие нового или те, кто боится потерять свое, скажу, что, когда для расследования заговора, замышленного в Капуе против Рима, диктатором был назначен Марк Менений, а

начальником конницы — Марк Фульвий, оба плебеи, народом им было поручено также выяснить, кого из римлян тщеславие побуждает искать незаконным способом консульства и других городских должностей. Нобили посчитали, что эти полномочия диктатора направлены против них, и распространили по Риму слух, что честолюбие толкает на незаконные поступки ради почестей не знать, а простолюдинов, которые, не полагаясь на свое происхождение и доблесть, добиваются должностей окольными путями; в частности, были выдвинуты обвинения против диктатора. Эти упреки возымели такую силу, что Менений выступил с речью, пожаловавшись на клевету нобилей, сложил с себя диктаторские полномочия и предстал перед судом, учрежденным народом. По рассмотрении дела он был оправдан; но при этом было много споров о том, кто более честолюбив: желающий сохранить или желающий приобрести, ведь и то и другое может вызвать великие беспорядки. Все-таки чаще причина кроется во власти имущих, у которых опасение утраты рождает те же желания, что и у стремящихся приобрести, потому что люди начинают тревожиться за судьбу своего достояния, если непрерывно его не умножают. Кроме того, у имущего больше средств и больше возможностей вызвать переворот. Более того, их спесивые и необдуманные поступки зажигают в сердцах неимущих страсть к обладанию, которая побуждает их отомстить имущим, чтобы отнять их богатства и приобщиться к той роскоши и почестям, коими столь дурно воспользовались другие.

Глава VI

Можно ли было дать Риму такое устройство, чтобы избежать вражды между народом и Сенатом

Выше мы рассмотрели последствия раздоров между народом и Сенатом, и поскольку они прекратились только во время Гракхов, когда эта вражда привела к падению свободы, кто-то может подумать, что Рим нисколько не обязан им своим величием. Поэтому, мне кажется, стоит рассмотреть, можно ли было избежать этих противоречий во внутреннем устройстве Рима, а чтобы ответить на этот вопрос, следует обратиться к республикам, просу-

ществовавшем долго без подобной вражды и волнений, и выяснить, пригодно ли было их устройство для Рима.

Как я уже говорил выше, в древности такой республикой была Спарта, а в современности — Венеция. Спартой управляли царь и небольшой сенат. В Венеции нет такого разделения и существует одно общее название для всех лиц, допущенных к управлению, — их именуют благородными людьми, дворянами. Этот обычай был вызван к жизни не благоразумием законодателей, а случаем: когда на островах, где теперь находится город, по описанным выше причинам скопилось много беглецов и им понадобились законы для общежития, было учреждено своего рода правительство. Жители часто собирались на сходки для принятия важных решений, и когда посчитали достаточным количество участников этих гражданских собраний, то закрыли доступ для вновь прибывающих, так что через некоторое время там обитало много людей, не участвующих в управлении, и чтобы отличать эти два рода насельников, правителей стали называть дворянами, а остальных — пополанами. Этот образ правления установился беспрепятственно, потому что все жившие в Венеции в это время получили доступ к власти и никто не мог пожаловаться; селившиеся там вновь находили уже устоявшееся государственное устройство и не имели ни поводов, ни случая устроить беспорядки. У них не было повода для недовольства, потому что у них ничего не отняли; да и случай не представлялся, так как правители держали вновь прибывших в узде и не доверяли им важных дел, благодаря которым они могли бы усилиться. Кроме того, новых поселенцев в Венеции никогда не было так много, чтобы нарушить соотношение между правителями и управляемыми; число дворян превышало или было равным количеству остальных; вот почему в Венеции установилось и сохранилось нерушимым такое государственное устройство.

Как я уже говорил, Спартой управляли царь и ограниченное число сенаторов. Это государство просуществовало долго потому, что жителей там было немного, а новым поселенцам доступ был закрыт; соблюдение законов Ликурга устраняло все причины для волнений, так что там долгое время сохранялось един-

ство. Ликург своими законами утвердил в Спарте должностное неравенство, но равенство в достатке, так что все жили бедно, и у плебеев не было оснований для честолюбивых помыслов; должностных лиц было немного, и плебеи в это число не входили, но нобили никогда не внушали им желания перемен дурным обхождением. Причина заключалась в спартанских царях, у которых не было лучшего средства для упрочения своего достоинства в окружении знати, чем защита плебса от любых притеснений; поэтому низшие слои не испытывали страха и не стремились к власти; тем самым устранялась причина их волнений и раздоров с нобилиями, так что между ними царило согласие. Причина такого согласия была двойкой: во-первых, жителей Спарты было мало и ими было легко управлять; во-вторых, в республике не было притока чужеземцев, которые могли бы расшатать порядок или довести количество жителей до неуправляемой величины.

Подводя итог, можно увидеть, что римским законодателям, пожелай они сохранить спокойствие в городе, как в вышеназванных республиках, необходимо было либо не использовать на войне плебс, как в Венеции, либо закрыть доступ для чужеземцев, как в Спарте. Римляне не сделали ни того, ни другого, так что плебеи получили власть и умножились, и это дало им бесчисленные возможности для беспорядков. Но, избрав внутреннее спокойствие, римское государство одновременно ослабило бы себя, потому что тем самым отрезало бы себе пути к будущему величию; устраняя причины для раздоров, Рим лишился бы средств к расширению. Как и во всех людских предприятиях, невозможно избавиться от одного неудобства, чтобы тут же не возникло другое. Если ты хочешь видеть народ вооруженным и многочисленным, готовым завоевать обширные владения, то потом не сможешь с ним управиться; если же сдерживать его численность или разоружить его, чтоб удобней было управлять, то, приобретая новые владения, ты не сможешь их удержать, и никчемность народа делает тебя жертвой первого нападения. Но из всех возможных решений нам следует выбирать то, которое сулит меньше неудобств, потому что никогда нельзя рассчитывать, что все пойдет без сучка без задоринки. Можно было и в Риме наподобие Спарты на-

значать пожизненного государя и избирать малочисленный Сенат; но расширение его владений все равно потребовало бы умножить количество граждан; поэтому наличие царя и малочисленного Сената нисколько не обеспечило бы согласия в гражданах.

Итак, если бы кто-нибудь пожелал дать новой республике государственное устройство, ему следовало бы решить, должна ли она постоянно расти, как Рим, и увеличивать свое могущество, или она останется в своих первоначальных границах. В первом случае необходимо дать ей римское устройство в разумных пределах, оставляющее место для внутренних возмущений и борьбы, потому что без множества вооруженных людей никакая республика не сможет приумножить свои владения, а затем сохранить их. Во втором случае нужно дать ей спартанское и венецианское устройство, но так как разрастание является губительным для подобных республик, то необходимо, чтобы ее основатель всеми возможными способами запретил ей новые приобретения, ибо для слабой республики они подобны яду. Так произошло и в Спарте, и в Венеции: первая из них, подчинив себе почти всю Грецию, в пустячном происшествии продемонстрировала всю слабость своих основ; достаточно было Пелопиду вызвать в Фивах мятеж, как восстали остальные города, и вся республика рухнула. Равным образом Венеция, захватившая большую часть Италии, в основном не в результате военных действий, а благодаря своим деньгам и хитрости, при первом же испытании потеряла все в одном сражении. Я полагаю, что обеспечить республике долговечность можно, дав внутреннее устройство наподобие Спарты или Венеции, расположив ее в защищенном месте и наделив такими силами, чтобы она могла не опасаться внезапного захвата; в то же время она не должна быть настолько сильной, чтобы наводить страх на соседей; таким образом, ее положение будет надолго упрочено.

Ведь республике придется вступать в войну по двум причинам: когда ее хотят поработить либо когда опасаются нападения с ее стороны. Но вышеописанный способ почти полностью устраняет обе эти причины, потому что если оборона рес-

публики будет хорошо продумана, что я и предположил, то навряд ли кто-нибудь захочет напасть на нее. Если же она будет довольствоваться своими границами и убедит соседей в отсутствии честолюбивых планов, то из страха никто на нее не нападет; тем более если расширение владений будет запрещено в ней законом или конституцией. Я полагаю, что, без сомнения, такое равновесие обеспечило бы подлинно политическую жизнь и подлинный покой для государства. Но так как все людские дела пребывают в движении и не могут стоять на месте, то они либо идут на подъем, либо клонятся к упадку, и необходимость приводит ко многим вещам, к которым не приведет нас рассудок, так что, основав республику, способную не выдвигать территориальных притязаний, мы будем вынуждены нарушить ее принципы, когда необходимость направит ее на путь расширения, и тем обречем на верную гибель. Впрочем, если бы благосклонность небес избавила ее от войн, безмятежная праздность вызвала бы в ней внутреннее ослабление или разделение; а эти две вещи, и даже каждая из них в отдельности, привели бы к ее крушению. Итак, раз уж нельзя, как я полагаю, сохранить равновесие и выдерживать с точностью этот средний путь, то при устройстве республики нужно подумать о наиболее достойной участи и предусмотреть, если нужда заставит ее расширить владения, возможность сохранения за собой приобретенного. Возвращаясь к первому нашему рассуждению, я думаю, что необходимо следовать римскому образцу, а не тому, который указывают другие республики, потому что среднего между ними пути, по-моему, быть не может; а к вражде, возникающей между народом и Сенатом, следует относиться терпимо, как к неудобству, неизбежному в достижении римского величия. И помимо приведенных уже причин, объясняющих, почему должность трибунов была необходима для защиты свободы, явственно видна та польза, которую приносит республике право выдвигать обвинения, полученное трибунами наряду с прочим, о чем пойдет речь в следующей главе.

Глава VII

Насколько необходимы обвинения для поддержания республиканской свободы

У лиц, возглавляющих охрану гражданской свободы, не может быть более полезного и нужного права, чем право обвинять своих сограждан в прегрешениях против свободного устройства перед народом либо перед каким-нибудь учреждением или советом. Для республики такой порядок имеет двоякую пользу. Во-первых, из страха быть обвиненным никто не решится выступить против государства, а если решится, то будет жестоко и беспощадно наказан. Во-вторых, получают выход страсти, непременно закипающие в республиках вокруг отдельных граждан; если не дать им излиться законным путем, они находят незаконный и приводят к гибели все государство. Поэтому для укрепления и упрочения республиканского строя лучше всего предусмотреть в нем законный способ утихомиривать бурлящие страсти. На это указывают многие примеры, в особенности случай с Кориоланом, приводимый Титом Ливием. Когда римская знать ополчилась против плебса за то, что тот, по ее мнению, забрал слишком много власти благодаря защищавшим его трибунам, в Риме как раз случился недостаток продовольствия, и Сенат послал за хлебом в Сицилию. В это время Кориолан, противник народной партии, посчитал, что пора наказать плебеев и отнять у них права, причинявшие столько хлопот нобилям, устроив голод и отменив раздачу хлеба. Это известие вызвало такое негодование в народе, что Кориолан при выходе из Сената был бы растерзан толпой, если бы трибуны не вызвали его для дачи публичных показаний в свое оправдание. Эти события подтверждают сказанное выше о том, сколь полезно и необходимо для республики предусмотреть в своих законах выход для раздражения, овладевающего большинством против отдельных граждан; ведь если оно не получит законной разрядки, то поведет к незаконным действиям, что, без сомнения, намного опаснее.

Если гражданин понес наказание по закону, даже незаслуженно, это не вызовет смуты в республике, потому что здесь не будут

замешаны частные или посторонние силы, способные погубить свободу; гражданские же средства и процедуры, не переходящие определенных границ, никогда не будут угрожать республиканскому устройству. Если это мнение нужно подкрепить примерами, я думаю, из древних мне будет достаточно сослаться на случай с Кориоланом, из которого каждому видно, сколь пагубной для Римской республики могла быть самовольная расправа с ним: это была бы обида, нанесенная частному лицу частными же лицами, она породила бы страх, страх нуждается в защите, для защиты требуются сторонники, из которых потом создаются партии, а партии губят республики. Но в данном случае разбирательство пошло законным путем, благодаря чему были устранены все опасности, грозившие при самовольном выступлении.

В наше время мы были свидетелями перемен, происшедших во Флорентийской республике из-за того, что массы не могли законным путем излить свой гнев против одного из граждан; это случилось, когда Франческо Валори стоял во главе государства; многие считали его человеком властолюбивым и готовым своими дерзкими решительными поступками нарушить гражданский порядок. Поскольку противостоять ему можно было, только создав враждебную партию, его сторонники, в ожидании таких недозволенных действий, стали готовиться к защите; с другой стороны, противники его, не имея другого выхода, обратились к незаконным средствам, и дело дошло до вооруженных столкновений. Если бы можно было законным путем устранить его с политической сцены, то ущерб был бы нанесен ему одному, но когда речь зашла о перевороте, убытки понесли и многие другие знатные граждане. Для подкрепления такого вывода можно еще привести случай, происшедший во Флоренции с Пьеро Содерини, вследствие того, что в этой республике не было принято выступать с обвинениями против влиятельных граждан. Ведь обличить такого человека перед Восемью судьями при республиканском правлении недостаточно; необходимо множество судей, ибо меньшинство всегда поступает так, как присуще меньшинству. И если бы такая возможность существовала, граждане обвинили бы правителя, когда бы он того заслуживал, и таким образом, не об-

ращаясь за помощью к испанскому войску, дали выход своему негодованию; если же он этого не заслуживал, они не посмели бы выступить против него, в свою очередь, опасаясь наказания, и так угасли бы взаимные подозрения, породившие смуту.

В общем, можно сделать такое заключение: всякий раз, как часть горожан призывает в город чужеземные силы, это свидетельствует о недостатках его внутреннего устройства и о том, что оно не предусматривает дозволенных путей для успокоения дурных страстей, зарождающихся среди людей; а ведь для этого было бы достаточно учредить представительный и уважаемый суд. В Риме это все было так хорошо продумано, что среди стольких раздоров между плебеями и Сенатом ни тот, ни другие, как и ни один из граждан, не подумали о чужеземной помощи: если можно добиться справедливости дома, незачем искать ее на чужбине. Хотя приведенных примеров для доказательства достаточно, все же я хочу обратиться еще к одному, изображенному Титом Ливием в своей «Истории». В Кьюзи, знаменитом в те времена тосканском городе, некий Лукумон обесчестил сестру Арунта, и так как последний не мог отомстить могущественному обидчику, он отправился к французам, властвовавшим тогда в нынешней Ломбардии, и убедил их отправить войско в Кьюзи, где они могли отомстить за его обиду с пользой для себя. Если бы Арунт надеялся отстоять свою правоту в городском суде, он не стал бы звать варваров. Но насколько полезны подобные обличения для республики, настолько же для нее пагубна и вредна клевета, о чем мы скажем в следующей главе.

Глава VIII

Клевета столь же вредоносна для республики, насколько полезны публичные обвинения

Хотя все римские граждане, не ущемляя своего достоинства или звания, склонялись перед доблестью Фурия Камилла, который освободил Рим от гнета французов, подобные почести и слава возмущали Манлия Капитолина, который, как спаситель Капитолия, считал свою заслугу перед Римом не меньшей, чем у

Камилла, а себя — не менее отважным полководцем. Слава Камилла не давала ему покоя, и так как он не мог посеять семена раздора среди сенаторов, то стал распространять всевозможные дурные слухи среди плебеев. Наряду с прочим он говорил, что сокровища, собранные для французов и затем оставшиеся в Риме, были похищены частными лицами; если вернуть их, они послужили бы общественному благу, позволив уменьшить налоги с народа и уплатить его частные долги. Эти слова запали в плебейские умы; народ стал волноваться и устраивать частые сборища; все это не нравилось Сенату и казалось настолько опасным, что он счел нужным назначить диктатора, чтобы тот разобрал дело и утихомирил Манлия. Диктатор тотчас же вызвал того на суд и при большом стечении народа вместе с нобилиями встретил его, окруженного плебсом. Манлию был задан вопрос, у кого хранятся те сокровища, о которых он упоминал, ведь Сенат так же хотел об этом знать, как и плебеи; Манлий не дал внятного ответа, но сказал уклончиво, что незачем сообщать то, что им хорошо известно; тогда диктатор велел заключить его в тюрьму.

Это происшествие указывает, какую прискорбную роль играет клевета в свободных городах, да и во всяком обществе; для борьбы с ней не следует пренебрегать никакими полезными предосторожностями. Лучшее же средство против клеветы состоит в том, чтобы открыть дорогу публичным обвинениям, ибо насколько последние благотворны для республик, настолько же наветы вредны. Разница между ними заключается в том, что лживые слухи не нуждаются ни в свидетелях, ни в других подробностях, необходимых для доказательства, и всякий может возводить напраслину на всякого; не так с обвинениями, которые требуют улик и обстоятельств, подтверждающих правоту обвинителя. Обвинения выдвигают перед народом, перед должностными лицами, в советах; клевету распространяют на площадях и в лоджиях, она приживается в тех республиках, где нет легальных путей для выдвижения обвинений. Основатель республики должен устроить так, чтобы публичный обвинитель мог выступить против любого лица, не опасаясь преследований; при соблюдении такого порядка следует строжайше наказывать клеветников, которые не смогут на

это посетовать, располагая правом публичного обвинения тех, на кого они наговаривали по закоулкам. Но там, где подобные обычаи не продуманы, всегда случаются великие беспорядки, ведь клевета никак не действует на граждан, а только оскорбляет их, она внушает им не столько боязнь, сколько ненависть, побуждающую к мести.

Как уже говорилось выше, эта процедура была хорошо продумана в Риме и неудачно — в нашей Флоренции. Соответственно для Рима последствия были благотворны, а для Флоренции — разрушительны.

Кто обратится к истории нашего города, тот увидит, скольким незаслуженным нападкам подвергались всегда его граждане, которые вершили судьбы государства. О ком-то говорили, что он присвоил общественные деньги; о ком-то — что проиграл сражение, будучи подкуплен; кому-то приписывали всевозможные проступки, обвиняя его в честолюбии. Все это порождало взаимную ненависть и вело к расколу на партии, борьба же партий вела к прямому краху. Если бы во Флоренции существовал порядок выдвижения обвинений против граждан и наказания клеветников, удалось бы избежать бесчисленных смут, потому что будь обвиняемые осуждены или оправданы, они не причинили бы такого ущерба городу; им не пришлось бы отрешиваться от стольких напраслин, ведь, как я уже сказал, обвинять доказательно не так легко, как клеветать. А ведь, между прочим, клевета была одним из средств, которым пользовались некоторые граждане для собственного возвышения; наветы на влиятельных лиц, мешавших осуществлению подобных замыслов, очень им способствовали, потому что искатель власти поддерживал в народе дурную славу этих лиц и таким образом привлекал его на свою сторону. Примеров можно было бы привести множество, но я ограничусь только одним. Комиссаром флорентийского войска в лагере под Луккой был мессер Джованни Гвиччардини. То ли по его неспособности, то ли по вине злой судьбы город взят не был. Как бы то ни было, вина за это была возложена на мессера Джованни, которого будто бы подкупили жители Лукки; недоброжелатели подхватили эту клевету, и она довела мессера Джованни до крайнего

отчаяния. Он желал было оправдаться и предал себя в руки капитана народа, но полное оправдание было невозможным, поскольку республиканские порядки этого не предусматривали. Негодование друзей мессера Джованни не знало границ, а среди них числилось большинство грандов, в том числе и те, что желали во Флоренции перемен. Вся эта история, усугубленная другими подобными происшествиями, разрослась как снежный ком и привела к крушению республики.

Итак, Манлий Капитолин был не обвинителем, а клеветником, и на его примере римляне показали, как следует поступать с клеветниками. Они должны обвинять в открытую, и если обвинение справедливо, их следует награждать или хотя бы оставлять безнаказанными; если же оно несправедливо, необходимо наказывать их, как поступили с Манлием.

Глава IX

О том, что основателю республики или преобразователю ее прежнего устройства необходимо действовать в одиночку

Кому-то, может быть, покажется, что я чересчур углубился в римскую историю, не упомянув еще ни об основателях республики, ни о ее военном и религиозном устройстве. Не желая больше держать в ожидании читателей, которые хотели бы услышать какие-то разъяснения на сей счет, скажу, что многие усматривают в поступках такого основателя гражданского общежития, как Ромул, дурной пример, потому что он, во-первых, погубил своего брата, а во-вторых, дал согласие на смерть Тита Тация Сабина, избранного им же в соправители; высказывается мнение, что, ссылаясь на своего государя, граждане получили возможность расправляться с теми, кто захочет воспротивиться их честолюбию и стремлению к власти. Это суждение было бы справедливым, если не принимать во внимание цель, которую Ромул преследовал этими убийствами.

Необходимо принять за всеобщее правило такое: почти невозможно заложить хорошие основы республики или монар-

хии либо целиком преобразовать государственное устройство, действуя не в одиночку; только один человек может замыслить и осуществить подобное предприятие. Благоразумный основатель республики, помышляющий не о себе, а об общественном благе, не о наследственной власти, но об отечестве, должен добиться безраздельного господства; и никогда мудрый человек не подвергнет его осуждению за те чрезвычайные меры, к которым он прибегнет при заложении основ республики или монархии. По справедливости, в его пользу говорит если не поступок, то результат; и это верно для каждого, кто в своих добрых намерениях уподобится Ромулу; ведь насилие заслуживает порицания тогда, когда оно направлено на разрушение, а не на исправление. Однако благоразумие и доблесть преобразователя должны простираться так далеко, чтобы не сделать его власть наследственной; ведь люди более склонны ко злу, чем к добру, и его преемник может употребить эту власть уже не во благо, а в целях собственного честолюбия. Кроме того, если государственное устройство хорошо устанавливать одному, то охрана такого устройства в течение длительного времени станет для одного лица непосильным бременем; нужно вверить ее попечению множества людей, заинтересовав их в этом. Когда людей много, им трудно договориться о наилучшем образе правления вследствие расхождения во мнениях, но, убедившись в достоинствах уже существующего порядка, им будет также невозможно прийти к согласию о его отмене. А то, что поступки Ромула, погубившего своего брата и сотоварища, принадлежат к числу заслуживающих извинения, и что он это сделал для общего блага, а не из честолюбия, доказывается его распоряжением о создании Сената, с которым он советовался и считался в своих решениях. И если рассмотреть, какие права Ромул оставил за собой, то мы увидим, что они простирались только на командование войском во время войны и на созыв Сената. Это сказалоь потом, после изгнания Тарквиниев, когда Рим освободился; все старинные порядки при этом сохранились, только вместо одного бессменного царя стали назначать двух консулов на каждый год; вот свидетельство того, что все

первоначальные установления этого города были рассчитаны на свободное гражданское правление, а не на самовластное и тираническое.

В поддержку вышесказанного можно было бы привести бесчисленные примеры, вспомнив Моисея, Ликурга, Солона и других основоположников республик и царств, которые овладели властью, чтобы издать законы для общей пользы. Но поскольку они общеизвестны, я не стану на них останавливаться. Приведу только один пример, не столь значительный, но важный для будущих законодателей. Спартанский царь Агид захотел восстановить соблюдение своими согражданами законов Ликурга, так как частичное нарушение их привело, по его мнению, к потере старинной доблести, а затем и могущества и части владений. Это намерение было пресечено в зародыше убившими его спартанскими эфорами, которые обвинили царя в желании установить тиранию. После Агида на трон взошел Клеомен, который прочитал записки и бумаги, оставленные Агидом, понял его замысел и проникся подобным же стремлением.

Однако он сознавал, что не сможет услужить отечеству, пока не станет один во главе государства, ибо людское честолюбие не позволит ему руководствоваться интересами большинства вопреки прихотям единиц; поэтому при удобном случае он велел перебить эфоров и вообще всех своих возможных противников, а затем полностью обновил законы Ликурга. Этот поступок мог бы возродить Спарту и создать Клеомену славу, не меньшую, чем у самого Ликурга, но этому помешали могущество македонян и слабость остальных греческих республик. Македонский царь вскоре напал на Спарту и, значительно превосходя ее в силах, разгромил Клеомена, которому некуда было обратиться за помощью; так его дело, само по себе правое и похвальное, осталось незавершенным.

Подводя теперь всему этому итог, я заключаю, что основателю республики необходимо действовать в одиночку; поэтому Ромул, виновник смерти Рема и Тита Тация, заслуживает снисхождения, а не упреков.

Глава X

Заложить основы республики или царства столь же похвально, сколь предосудительно установить тиранию

Среди людей, достойных похвалы, достойнейшими являются родоначальники и устроители религий, затем основатели республик и монархий, а после них знамениты те, кто во главе войска расширил владения своей родины или собственные. К ним добавляются образованные люди, чья известность зависит от их положения, из которого вытекают их различия. Всем прочим людям, которым несть числа, снискивают в разной мере хвалу их ремесло и искусство.

Напротив того, подлежат позору и осуждению люди, разрушающие религии, разлагающие царства и республики, враждебные доблести, учености и прочим искусствам, приносящим пользу и честь человеческому роду, каковы нечестивцы и насильники, невежды, бездельники, подлецы и ничтожества.

И ни один человек никогда не будет таким безумным или таким мудрым, таким дурным или таким добрым, чтобы из двух противоположных человеческих качеств не похвалить достойное похвалы и не осудить достойное порицания. Тем не менее почти все люди, ослепленные ложным благом или ложной славой, склонны сознательно или неосознанно принимать сторону тех, кто заслуживает скорее порицания, чем похвалы. Располагая возможностью сохранить в веках свое доброе имя, установив республику или царство, они обращаются к тирании, не замечая при этом, какие бесчестья, позор, хулы, опасности, тревоги она им сулит, лишая надежды на славу, почет, безопасность, мир и спокойствие души.

Невозможно представить, чтобы частное лицо, выросшее в республике и ставшее ее государем благодаря доблести или удаче — если этот человек знает историю и чтит память древности, — чтобы он не захотел быть для своей родины при республиканском правлении скорее Сципионом, нежели Цезарем, а при монархическом — скорее Агесилаем, Тимолеоном и Дионом, нежели Набидом, Фаларидом или Дионисием, потому что первых в

исторических повествованиях превозносятся даже чрезмерно, а вторых смешивают с грязью. И можно видеть, что Тимолеон и прочие обладали у себя на родине не меньшей властью, чем Дионисий и Фаларид, но в то же время жили в неизмеримо большей безопасности.

Пусть никто не обольщается славой Цезаря, которого писатели так расхваливают; эти люди ослеплены его удачей и находятся под впечатлением долговечности империи, правители которой носили его имя и не допускали свободных суждений об этом человеке. Но кто желал бы узнать мнение свободных писателей, пусть обратится к их высказываниям о Катилине. Проступок же Цезаря настолько предосудительнее, насколько совершенное преступление хуже только задуманного. Достоинно внимания, сколько хвалы расточают Бруту, воздавая должное врагу Цезаря, когда невозможно порицать его самого.

Пусть тот, кто стал государем своей республики, задумается, насколько больших похвал, после того как Рим стал империей, удостоились императоры, жившие по закону, как добрые правители, по сравнению с теми, что поступали иначе; он увидит, что у Тита, Нервы, Траяна, Адриана, Антонина и Марка не было нужды в преторианцах или в многочисленных легионах для охраны, им было достаточно собственного добронравия, народной любви и благосклонности Сената. Он увидит также, что Калигулу, Нерона, Вителлия и других преступных императоров их восточные и западные полки не спасли от врагов, которых они приобрели своими дурными нравами и распущенностью. История каждого из них могла бы стать хорошим пособием для государей, указывающим пути славы и позора, пути безопасности и вечного страха, ведь из двадцати шести императоров, что правили от Цезаря до Максимиана, шестнадцать были убиты, и только десять умерли своей смертью. И если среди погибших было несколько достойных правителей, таких как Гальба и Пертинакс, то их погубила испорченность, посеянная их предшественниками среди солдат; если же кто-нибудь из негодяев умер собственной смертью, как, например, Север, то этим он обязан своей необыкновенной удаче и своей доблести, что редко соединяется в жизни одного

человека. Эта история показывает также, каковы установления правильной монархии, — ведь все императоры, получившие власть по наследству, за исключением Тита, были дурны; те же, кто получил ее по усыновлению, в частности пятеро императоров от Нервы до Марка, — те были достойными, но когда власть стала переходить по наследству, империя двинулась к своей гибели.

Итак, пусть государь возьмет отрезок от Нервы до Марка и сравнит его с предыдущим и последовавшим временем, а затем пусть решит, когда ему было бы предпочтительнее жить и управлять. В правление достойных императоров он увидит повсюду картины мира и правосудия, безмятежного государя в кругу довольных граждан; увидит полновластный Сенат, уважаемых чиновников, богатых людей, на достояние которых никто не посягает, почет, воздаваемый доблести и благородству, увидит царящие повсеместно покой и благоденствие; в то же время — никаких следов зависти, произвола, продажности, властолюбия; золотые времена, когда всякий может иметь и отстаивать любое мнение. В конце концов перед таким государем склоняется весь мир, император наслаждается преклонением и славой, народы — взаимной любовью и безопасностью.

Пусть затем государь рассмотрит подробности царствования других императоров; он увидит кровавые войны, раздоры и заговоры, жестокости, творимые и в военное, и в мирное время; бесконечные покушения и гибель властителей, гражданские войны, нашествия, неслыханные и невиданные в Италии бедствия, ее разграбленные и разрушенные города. Ему представятся сожженный Рим, разоренный собственными гражданами Капитолий, запустение в древних храмах, несоблюдение обрядов, беззастенчивые прелюбодеяния; море ему покажется покрытым сосланными, утесы — обагрены кровью. В Риме творятся бесчинства; знатность, богатство, прошлые заслуги и в особенности добродетель почитаются смертным грехом. Клеветников награждают, подкупленные рабы доносят на своего хозяина, вольноотпущенники — на господина; у кого нет врагов, того притесняют друзья.

увидев все это, государь поймет, чем обязаны Цезарю Рим, Италия и весь мир.

И без сомнения, если такой государь рожден человеком, то он устрашится примера дурных времен и воспылает жаждой следовать хорошему. Наконец, поистине, если государь ищет мирской славы, пусть постарается стать во главе испорченного города, но не затем, чтоб погубить его, как Цезарь, а чтобы возродить его, как Ромул. И поистине, небеса не могут даровать людям лучшего случая прославиться, да и люди не могут лучшего пожелать. Если бы для благоустройства города необходимо было отказаться от власти, то тот, кто не захочет утратить титул, заслуживает некоторого извинения; но кто может остаться государем и дать городу правильное устройство, то тому оправдания нет. В общем, пусть знают те, кому небеса подарили такой случай, что перед ними две дороги: одна ведет к безопасной жизни и посмертной славе, а вторая — к непрерывным терзаниям.

Глава XI

О религии римлян

Хотя первооснову Риму дал Ромул, из-за чего римлянам следует почитать его как отца и воспитателя своего города, установленные Ромулом порядки оказались, по воле небес, несоизмеримыми с римским величием, почему Сенат и избрал его преемником Нуму Помпилия, чтобы последний заполнил пробелы, оставленные предшественником. Нума замыслил внедрить в диком народе гражданские обычаи мирными средствами и при этом обратился к религии, как вещи совершенно необходимой для поддержания гражданской жизни; благодаря заложенным им основам благочестия на протяжении веков никто не мог сравниться с этой республикой в отношении страха Божия, что способствовало всем предприятиям Сената и великих римских вождей.

Если судить по бесчисленным деяниям римского народа в целом и отдельных римлян, то можно убедиться, что жители этого города гораздо сильнее опасались нарушить клятву, чем закон, как люди, более почитающие могущество Божие, нежели челове-

ческое. Это явственно видно на примерах Сципиона и Манлия Торквата; после поражения, которое римляне потерпели от Ганнибала при Каннах, множество граждан собралось на сходку; опасаясь за судьбы отечества, они порешили покинуть Италию и удалиться на Сицилию; узнав об этом, Сципион явился к римлянам и с обнаженным мечом в руке заставил их поклясться, что они не покинут родины.

Люций Манлий, отец Тита Манлия, прозванного впоследствии Торкватом, подвергся обвинению со стороны народного трибуна Марка Помпония; накануне суда Тит явился к Марку и под угрозой смерти заставил его принести клятву, что тот снимет свое обвинение против его отца; принеся эту вынужденную клятву, Марк действительно отказался от обвинения. Так эти граждане, коих не в состоянии были удержать в Италии любовь к родине и ее законы, могли быть остановлены клятвой, вынужденной силой; так упомянутый трибун исполнил данное обещание, невзирая на ненависть к отцу, на обиду, нанесенную ему сыном, и на ущемление своего достоинства; и все только благодаря заветам благочестия, утвержденным в городе Нумой.

Если вникнуть в римскую историю, станет понятно, сколько значила религия для управления войском, для воодушевления народа, для поддержания добрых нравов и нетерпимости к дурным. И если бы встал вопрос, какому государю Рим обязан больше, Ромулу или Нуме, я полагаю, что на первом месте следовало бы поставить Нуму, потому что там, где есть благочестие, легко укореняется воинская доблесть; но там, где присутствует только военное искусство и нет благочестия, навряд ли удастся распространить последнее. Очевидно, что для устройства Сената и для учреждения других военных и гражданских порядков Ромулу не нужно было ссылаться на Бога, но это было необходимо для Нумы, который измыслил свою дружбу с нимфой, якобы передававшей через него советы для народа. Все это понадобилось Нуме для установления новых и необычных порядков в городе, для чего ему мало было собственного влияния.

Вообще нельзя назвать ни одного учредителя чрезвычайных законов, который не ссылался бы на Бога, потому что в против-

ном случае эти законы не были бы приняты народом; ведь многие блага, представляющиеся таковыми благоразумному человеку, не столь очевидны, чтобы можно было убедить в этом других. Мудрые люди, желая устранить это неудобство, прибегают к ссылке на Бога. Так поступали Ликург, Солон и многие другие, поставившие перед собой сходную цель. Римский народ дивился добронравию и благоразумию Нумы и принимал все его решения. Правда, в те времена набожность была в чести, а люди, с которыми он имел дело, — неразвиты, и это облегчало исполнение его замыслов, потому что он мог легко запечатлеть в их умах любую новую форму. Нет сомнения, что желающему сегодня основать республику больше подошли бы необразованные горцы, чем жители городов с их испорченными нравами; так скульптору будет удобнее вытесать прекрасную статую из куска необработанного мрамора, нежели из испорченного другим.

Итак, рассмотрев все, я заключаю, что среди первопричин процветания Рима нужно числить религию, введенную Нумой, потому что от нее пошли добрые обычаи, которые способствуют удаче, а удача помогает успешному завершению всех предприятий. И если соблюдение богопочитания ведет к величию республик, то пренебрежение им бывает причиной их краха. Ведь в отсутствие страха Божия царство непременно должно погибнуть, или недостаток благочестия в нем должен быть возмещен страхом перед государем. Но так как жизнь государей непродолжительна, то с угасанием их доблести нередко прекращается и существование царства. Поэтому государство, которое опирается только на доблесть одного человека, недолговечно. Ведь ее действие прекращается со смертью правителя, и трудно ожидать ее возобновления в преемниках; как говорит мудрый Данте:

Не часто доблесть, данная владыкам,
Восходит в ветви; тот ее дарит,
Кто может все в могуществе великом.

Таким образом, спасение республики или монархии не в том, чтобы иметь государя, который благоразумно управлял бы ею при

жизни, но в том, чтобы его заветы сохранили государство и после смерти правителя.

И хотя новые порядки и учения легче ввести у диких народов, это не значит, что невозможно воздействовать с их помощью на цивилизованных людей, которые считают себя просвещенными. Граждане Флоренции думают, что их нельзя отнести к числу невежественных или диких, тем не менее брат Джироламо Савонарола убедил их, что он беседовал с Богом. Я не стану обсуждать, правда то была или нет, потому что о таких людях должно говорить с уважением, скажу одно, что поверивших в это было бесконечное множество и для подкрепления веры ничего необыкновенного не потребовалось. Образ его жизни, учение и предмет, избранный им, обладали достаточной силой убеждения, чтобы они уверовали. Так пусть же никого не пугает возможность неудачи в деле, успешно исполненном другими: ведь люди, как сказано в нашем предисловии, рождались, жили и умирали всегда одним и тем же порядком.

Глава XII

Сколь важно заботиться о благочестии и как подрыв его Римской церковью в Италии погубил страну

Государи и республики, желающие избежать разложения, превыше всего должны охранять обряды своей религии и поддерживать уважение к ним; ибо ничто так верно не предвещает гибели страны, как пренебрежение богопочитанием. Это легко понять, зная, на чем основана религия тех мест, откуда родом данный человек, ибо основы всякой религии имеют под собой некий главный обычай. Жизненность языческой религии основывалась на ответах оракулов и на существовании корпорации гадалелей и гаруспиков; все остальные обряды, жертвоприношения и ритуалы зависели от этого, потому что легко было поверить, что Бог, который может предсказать, что с тобой случится в будущем хорошего или дурного, может и распоряжаться этим. Вот откуда возникли храмы, жертвоприношения, молитвы и все прочие обычаи поклонения богам; вот откуда Делосский прорицатель, храм

Юпитера-Аммона и другие знаменитые оракулы, наполнявшие мир священным трепетом. Но потом, когда они стали прорицать в пользу власть имущих и этот обман открылся народам, люди стали недоверчивы и склонны нарушать всякое доброе установление. Итак, правители республик или царств должны поддерживать основы укрепляющей их религии; в таком случае они легко смогут сохранить благочестие в своем государстве, а следовательно, упрочить в нем добронравие и единство. Все, что делается на пользу религии, они должны приветствовать и преумножать, даже если сами в это не верят. Это нисколько не противоречит их благоразумию и знанию природы вещей. И поскольку мудрые люди придерживались такого образа действия, отсюда пошла слава о чудесах, явленных даже в ложных религиях; потому что благоразумные люди споспешествуют им, откуда бы они ни происходили, а в подражание мудрым потом начинает верить каждый. Подобных чудес было довольно и в Риме, в том числе случай с римскими солдатами, разграбившими город вейентов. Некоторые из них вошли в храм Юноны и, приблизившись к ее статуе, спросили: «*Vis venire Romam?*»* Кое-кому из них показалось, что она кивнула головой или даже сказала «да». Эти люди были очень благочестивы (об этом можно судить по Титу Ливию, потому что в храм они вошли тихо и смиренно, преисполненные благоговения), и им послышался тот ответ на вопрос, которого они могли ожидать; но это легкое верие было поддержано и раздуто Камиллом и другими правителями города. Если бы подобное благочестие сохранилось в государях христианского сообщества в соответствии с замыслом его основателя, то христианские государства и республики были бы более сплоченными и счастливыми, чем теперь. О причинах упадка богопочитания можно судить с еще большим вероятием по тому, что наименьшим благочестием отличаются те народы, которые ближе других к Римской церкви, возглавляющей нашу религию.

Если судить по тому, насколько ее сегодняшние обыкновения далеки от устоев, то мы близки к гибели или наказанию.

Поскольку многие придерживаются мнения, что своим благодеянием города Италии обязаны Римской церкви, я хочу воз-

* «Хочешь в Рим?» (лат.)

разить против этого и, как подобает, приведу два убедительнейших довода, которые, по-моему, невозможно опровергнуть. Первый состоит в том, что дурные примеры курии искоренили в нашей стране всякую набожность и всякое благочестие, что влечет за собой бесчисленные беды и неурядицы; ведь там, где существует религиозное благочестие, можно всегда ожидать хорошего, но там, где оно отсутствует, следует ожидать обратного. Первое, за что мы должны благодарить Церковь и попов, это за то, что итальянцы потеряли всякое уважение к религии и стали дурными, но они в ответе еще за нечто большее, в чем вторая причина нашей гибели, — дело в том, что Церковь держала и продолжает держать страну разобщенной. А единство и благополучие невозможны, если страна не подчиняется одной республике или одному государю, как во Франции и в Испании. В Италии же этого не произошло, правление одной республики или одного государя не установилось только из-за Церкви: находясь здесь и имея в ней светские владения, она не обладала такой мощью и доблестью, чтобы установить свою тиранию и стать во главе Италии, но и не была столь слаба, чтобы, из страха потерять светские владения, не призывать для себя защитников против тех, кто слишком возвысился в Италии. Тому можно привести множество древних свидетельств: например, когда с помощью Карла Великого Церковь изгнала из Италии лангобардов, завладевших уже почти всей ее территорией; или когда в наше время она обескровила венецианцев, опираясь на Францию, а потом прогнала французов при поддержке швейцарцев. Таким образом, сама Церковь была не в состоянии занять всю Италию, но не позволяла сделать этого и другим, почему никто и не смог возглавить страну, а поделили ее между собой многочисленные государи и синьоры, и эта разобщенность и бессилие делают ее добычей не только могущественных варваров, но любого захватчика. Всем этим мы, итальянцы, обязаны только Церкви и никому другому. В справедливости этого утверждения можно было бы убедиться на опыте, если бы кто-то сумел перевести Римскую курию со всей властью, которой она располагает в Италии, в земли швейцарцев — единственный сегодня народ, который в отношении религии и военных установ-

лений живет в соответствии с античными образцами; тогда бы все увидели, что безнравственные обычаи этого двора в кратчайшее время наделали бы там больше беспорядков, чем любые другие несчастья, когда бы они ни произошли.

Глава XIII

Как римляне использовали религию для переустройства города, прекращения беспорядков и в военных походах

Мне кажется небесполезным привести некоторые примеры того, как римляне пользовались религией для изменения городских порядков и для поддержания воинского духа; хотя у Тита Ливия их много, я ограничусь только следующими. В тот год, когда римский народ учредил должность трибунов с консульской властью и на нее были избраны, за исключением одного, только плебеи, случились мор и голод, и нобили, ссылаясь на некоторые знамения, воспользовались этой возможностью при переизбрании трибунов; они стали говорить, что боги разгневались на римлян за оскорбление величия власти и что успокоить их можно было, только восстановив прежний обычай избрания трибунов; и плебс, по своей набожности устрашась, выбрал трибунами одних нобилей.

Достоинно внимания и то, как при осаде города вейентов полководцы воспользовались благочестием для поддержания бодрости духа в войске. Римские солдаты устали от долгого сидения в лагере и хотели вернуться домой, а в этот год необыкновенно разлились воды озера Альбано, и вот римляне обнаружили, что Аполлон и некоторые другие оракулы предсказали, будто город вейентов будет взят, когда отклонятся воды Альбано; после этого солдаты, в надежде на скорое падение города, примирились с лишениями и согласились дожидаться конца похода, так что после десяти лет осады Камилл, назначенный диктатором, взял город. Таким образом, умело употребленная религия помогла и этому предприятию, и возврату трибунских должностей знати, в противном случае добиться того и другого было бы трудно.

Не премину привести здесь и другой пример. Трибун Терентилл задумал внести новый закон, о чем будет рассказано в своем месте ниже, и это вызвало в Риме многочисленные волнения; чтобы совладать с ними, знать воспользовалась набожностью народа, причем сделала это двояким образом. Во-первых, нобили потребовали спросить Сивиллины книги и устроили так, что там был найден ответ о грозящих в этом году гражданских неурядицах, чреватых утратой свободы; и хотя трибуны разоблачили их козни, речи вождей уже не пробуждали в сердцах плебеев прежнего пыла. Во-вторых, когда некий Аппий Эрдоний, собрав множество рабов и ссыльных, числом 4000 человек, ночью захватил Капитолий, так что если бы эквы и вольски, вечные враги римлян, явились туда, они легко захватили бы город, а трибуны не желали принимать такую опасность всерьез, настаивая на принятии закона Терентилла, — к народу обратился один из сенаторов, некто Публий Руберий, гражданин влиятельный и с положением, и своими речами, то успокаивающими, то угрожающими, ссылаясь на опасное положение города, убедил плебеев в неумеренности их требований и заставил поклясться, что они станут подчиняться консулу; и тогда Капитолий был освобожден. При этом, однако, консул Публий Валерий был убит в схватке, и на его место назначили Тита Квинкция, который, чтобы не дать плебеям передышки и отвлечь их от Терентиллова закона, велел им идти против вольсков, утверждая, что раз они поклялись подчиняться консулу, то должны следовать за ним. Трибуны этому воспротивились, потому что присяга была дана покойному консулу, а не ему. Тем не менее Тит Ливий, показывая, как народ предпочел из набожности уступить консулу, а не трибунам, говорит в пользу старинного благочестия следующее: «*Nondum haec, quae nunc tenet saeculum, negligentia Deum venerat, nec interpretando sibi quisque iusiurandum, et leges aptas faciebat*»^{*}. Трибуны вследствие этого побоялись вовсе лишиться своей власти и пришли к соглашению с консулом, подчинившись ему;

^{*} «Однако захватившего нынешний век неуважения к богам тогда еще не знали, и никто не старался истолковать законы и клятвы к собственной выгоде, а скорее принаравливался к ним сам» (лат.).

закон Терентилла был на год отложен, а консулы в течение этого года не имели права вести плебеев на войну. Так уважение к религии помогло Сенату справиться с трудностями, которые иначе становились непреодолимыми.

Глава XIV

Римляне толковали предзнаменования по необходимости и благоразумно делали вид, что соблюдают заветы благочестия, даже когда вынуждены были нарушать их; а тех, кто безрассудно пренебрегал ими, карали

Как было отмечено выше, гадания не только составляли главное содержание древних языческих верований, но и были причиной благоденствия Римской республики. Римляне поэтому выделяли их из всех прочих установлений и прибегали к ним в консульских комициях, при выступлении в поход, наборе войска, выборе места и времени для сражений и вообще во всех мало-мальски важных военных или гражданских предприятиях; для них немислимо было отправиться на войну, не убедив солдат, что боги обещают победу. Наряду с другими прорицателями они держали в войске особые отряды гаруспиков, называемых «цыплятниками»; когда надо было сразиться с врагом, эти цыплятники устраивали свои гадания, и если цыплята клевали зерно, это считалось хорошим предзнаменованием, если же не клевали, римское войско воздерживалось от схватки. Однако если разум убеждал в необходимости какого-то поступка, они приступали к нему, даже если предсказания были дурными, но ловко прикрывали свои действия такими объяснениями, чтобы уважение к религии не потерпело ущерба.

Такой способ был употреблен консулом Папирием в его решающей битве с самнитами, которая закончилась полным разгромом последних. Когда Папирий вывел свое войско против самнитов и увидел, что победа ему обеспечена и надо дать сражение, то он приказал цыплятникам приступать к гаданию. Цыплята не стали клевать зерно, но старший из жрецов, чтобы не помешать войску, которое было готово к бою, и, как он знал, полководец и солдаты прониклись решимостью победить, доложил консулу, что гадание

предвещает победу. Папирий построил свои силы, но тут кое-кто из прорицателей проговорился солдатам, что цыплята не клевали, а те передали это известие племяннику консула Спурию Папирию. Услыхав эту новость, консул немедленно ответил, что станет исполнять свой долг, ибо, по его мнению и по мнению войска, предсказания были благоприятными, а если цыплятник солгал, то это пойдет во вред только ему. И с тем, чтобы предзнаменование исполнилось, приказал легатам поставить жрецов в первых рядах войска. Когда шеренги двинулись на противника, один римский солдат бросил дротик и случайно попал в старшего из прорицателей; услышав об этом, консул заметил, что боги благоприятствуют успеху римлян, потому что со смертью этого обманщика войско смыло с себя вину и смягчило божественный гнев. Столь удачно перетолковав предсказания применительно к своим планам, консул вступил в битву, причем заповеди благочестия в глазах войска нисколько не пострадали.

Противоположным образом поступил Аппий Пульхр во время Первой Пунической войны в Сицилии. Перед схваткой с карфагенским войском он велел гаруспикам приступить к гаданиям, и когда те сказали, что цыплята не прикасаются к пище, он воскликнул: «Посмотрим, не захотят ли они пить!» — и приказал бросить цыплят в море. Сражение он проиграл и был за это в Риме осужден, Папирий же осыпан почестями, и не за то, что один проиграл, а другой победил, а за то, что первый из них переиначил предсказание безрассудно, а второй — с благоразумием. Ведь гадания служили только для того, чтобы придать солдатам в бою уверенности, которая почти всегда обеспечивает победу. Подобных правил придерживались не только римляне, но и другие народы; я думаю, стоит привести такой пример в следующей главе.

Глава XV

Самниты, доведенные до отчаянного положения, прибегли к религии

Самниты потерпели несколько поражений от римлян, и самое сокрушительное из них последнее — в Тоскане; их войско и полководцы были уничтожены, их союзники, тосканцы, францу-

зы и умбры, — побеждены; «*pec suis pec externis viribus iam stare poterant; tamen bello non abstinebant, adeo ne infeliciter quidem defensae libertatis taedebat, et vinci quam non tentare victoriam, malebant*»*.

Самниты решились на последнюю попытку; они знали, что побеждают те солдаты, которые сражаются с остервенением, а настроить их таким образом легче всего было с помощью религии, поэтому самнитский жрец Овий Пакций предложил воскресить один старинный обряд. Устроено было следующим образом: после торжественного жертвоприношения все военачальники поклялись среди пылающих алтарей с принесенными в жертву животными ни за что не покидать поле сражения, затем стали по очереди вызывать всех солдат и заставили их у этих же алтарей, в окружении центурионов с обнаженными мечами в руках, принести клятву о неразглашении того, что они увидят и услышат. Затем им велели прочесть особое устрашающее заклятие и обещание богам неукоснительно исполнять веления полководцев, не уходить с поля брани и убивать всякого, кто ударится в бегство; кара за невыполнение обещания должна была обрушиться на семью и на род воина. Некоторые из солдат, испугавшись, не хотели присягать и были убиты на месте центурионами, так что остальные, кто подходил вновь, устрешенные ужасным зрелищем, поклялись все до одного. Чтобы придать больше внушительности своей рати, насчитывавшей сорок тысяч человек, самниты нарядили половину воинов в одежду из белого полотна и в шлемы с гребнями и султанами; затем они остановились у Аквилонии.

Против них выступил Папирий, который сказал, воодушевляя своих солдат: «*Non enim cristas vulnera facere, et picta atque aurata scuta transire romanum pilum*»**. Чтобы развенчать в глазах солдат вражескую клятву, он добавил, что она послужит самнитам не на пользу, а на устрашение, потому что заставляет их бояться и сограждан, и богов, и противника. В схватке самниты были

* «И уже не могли они удержаться ни собственными силами, ни сторонней помощью; и все-таки они не отказались от войны. Вот как претила им свобода, которой не удалось защитить со славою, вот насколько даже поражение было для них желанней, чем упущенная победа» (лат.).

** «Ведь не гребнями поражают врага, и даже разукрашенный и раззолоченный щит пронзят римские копья» (лат.).

разбиты, ибо римская доблесть и страх, испытываемый самнитами после прежних поражений, возобладали над упорством, внушенным религиозным обрядом и данной клятвой. Все же, как мы видим, они прибегли именно к этому средству для того, чтобы вернуть надежду на возвращение утраченной доблести. Вот свидетельство того, какие упования можно возлагать на правильно употребленную религию. И хотя упомянутые события относятся скорее ко внешним делам, я посчитал нужным поместить рассказ о них здесь, чтобы не возвращаться дважды к этому примеру, который затрагивает одно из важнейших установлений Римской республики.

Глава XVI

Народ, привыкший подчиняться одному государю, навряд ли сохранит свободу, случайно обретя ее

Сколь трудно будет народу, привыкшему к единоличному правлению, сбросить обретенную свободу, как случилось в Риме после изгнания Тарквиниев, показывает множество примеров, сохраненных древними историками. Это и понятно: ведь такой народ есть не что иное, как несмышленное животное, по натуре дикое и свирепое, но выросшее в рабстве и неволе, и если оставить его на произвол судьбы, то, не умея найти себе корма и укрыться от опасности, оно станет добычей первого, кто пожелает его стреножить.

То же самое происходит и с народом, привычным к тому, чтобы им управляли другие. Ничего не разумея в общественном обвинении и защите, не будучи знаком с другими государями и признаниями, он быстро попадает под ярмо, которое, как правило, еще тяжелее, чем только что сброшенное им. И все это в том случае, если масса не развращена. Ведь народ, целиком охваченный разложением, не может быть свободным не то что малое время, но и вовсе, как будет показано ниже; наши же рассуждения относятся к тем народам, где испорченность широко еще не распространилась и в которых доброе начало сильнее, чем дурное.

Сюда добавляется еще одна трудность, заключающаяся в том, что, освобождаясь, государство приобретает себе врагов, а не друзей. Враждебностью к нему проникаются все те, кто наживался при тирании, пользуясь щедротами государя; утрата таких выгод

возбуждает в этих людях недовольство, и каждый из них стремится возвратить тиранию, чтобы вернуться к власти. Сторонников же, как я сказал, свободное государство не приобретает, потому что почести и награды распределяются в нем только на строго определенных и законных основаниях, не имея которых никто не может быть награжден; а когда человек вознаграждается за собственные заслуги, он не считает себя обязанным тем, кто его удостоивает такими отличиями. Кроме того, пользующийся гражданской свободой не ощущает ее важного преимущества, которое состоит в том, что всякий может неограниченно распоряжаться своим имуществом, не опасаться за честь женщин и детей и за свою собственную жизнь; ведь никто не почитает себя обязанным другому за то, что тот его не обижает.

Поэтому, как сказано выше, едва появившиеся на свет свободные государства имеют дело с враждебными интересами, но не с дружественными. Так вот, для устранения этих трудностей и предотвращения порождаемых ими беспорядков нет более надежного, более полезного и более действенного средства, как умертвить сыновей Брута, вступивших, как видно из истории, вместе с другими римскими юношами в заговор против отчизны только из-за того, что власть консулов лишала их возможности удовлетворять свои прихоти, которые они позволяли себе при царях, так что свобода, обретенная народом, для них обернулась неволей. А кто станет управлять народом свободной республики или же самовластно и не обезопасит себя от противников этого нового режима, тот обрекает его на недолговечность. Правда, я почитаю несчастными тех государей, которые, чтобы сохранить свою власть, должны прибегать к чрезвычайным мерам, направленным против большинства: ведь тот, у кого врагов немного, защитит себя с легкостью и без больших смут, но если против него все общество, то он никогда не будет в безопасности и чем больше творит жестокости, тем слабее его власть. Поэтому лучшее средство состоит в том, чтобы приобрести расположение народа.

Пускай теперь я отклонюсь от начатых выше рассуждений, потому что там шла речь о республике, а здесь о единовластном государе, но чтобы не возвращаться к этому предмету, я хочу

вкратце на нем остановиться. Итак, если государь захочет привлечь на свою сторону враждебный ему народ — а я здесь имею в виду государей, ставших тиранами своей страны, — то он должен прежде всего понять, чего народ желает, а это всегда две вещи: во-первых, отомстить своим угнетателям, во-вторых, вернуть себе свободу. Первое желание государь может удовлетворить полностью, а второе частично. На этот счет есть подходящий пример. Тиран Гераклеи Клеарх находился в изгнании, когда в городе вспыхнула ссора между народом и оптиматами; последние, будучи в меньшинстве, решили устроить заговор в пользу Клеарха и, вопреки воле народа отняв у него свободу, призвали тирана в Гераклею. Здесь Клеарху угрожали, с одной стороны, заносчивость оптиматов, которую он никак не мог ни удовлетворить, ни умерить, а с другой стороны, народный гнев из-за утраченной вольности. Тогда он решил одним ударом развязаться с грандами и привлечь к себе народ. Выбрав подходящий момент, он приказал вырезать всех оптиматов, к великому удовольствию популяров. Что касается желания народа вновь обрести свободу, то государь не может его удовлетворить и потому должен рассмотреть, отчего люди хотят быть свободными; он удостоверится, что немногие из них домогаются свободы, чтобы повелевать, но бесчисленное множество прочих полагает, что благо свободной жизни — в безопасности. Во всех республиках, как бы ни были они устроены, на главные должности претендуют не более 45—50 граждан; это немного, и с ними легко управиться, либо устранив их, либо окружив почетом, чтобы удовлетворить большую часть их честолюбивых устремлений. Остальные, которые хотят лишь жить спокойно, удовольствуются законами и постановлениями, обеспечивающими обществу безопасность, а государю — власть. Если последний поступит таким образом и убедит народ, что ни за что не нарушит эти законы, то вскоре там воцарятся мир и довольство. Примером тому является Французское королевство, которое своим спокойствием обязано как раз бесчисленным законам, охраняющим безопасность всего народа от посягательств со стороны королей. Основатель этого государства предоставил его главам распоряжаться армией и финансами по их собственному ра-

зумению, но все остальное они должны исполнять в строгом соответствии с законом. Итак, если республика или монархия не получили прочных основ безопасности в самом начале, они должны заложить их при первой возможности, как сделали римляне. Иначе потом будет поздно сожалеть об упущенном случае.

Когда римский народ обрел свободу, в него еще не проникла испорченность, поэтому ему удалось сохранить новый режим, хотя потребовалось умертвить сыновей Брута, избавиться от Тарквиниев и исполнить другие условия, о которых мы уже говорили. Но если бы народ был развращен, то ни в Риме, ни в каком другом месте свободу не удалось бы защитить никакими средствами, как будет показано в следующей главе.

Глава XVII

Развращенный народ, обретя свободу, может сохранить ее с превеликим трудом

Я считаю, что Риму было необходимо избавиться от своих царей, в противном случае его в самом скором времени ожидали слабость и прозябание; достаточно вспомнить, до какой испорченности дошли первые цари, и если бы это продолжалось еще два или три поколения, разложение затронуло бы другие слои, а развращенное общество было бы уже невозможно преобразовать. Но пороки головы при здоровом теле позволяли легко вернуться к свободе и порядку. Следует почитать за неоспоримую истину, что даже если государь, владеющий разложившимся городом, будет уничтожен вместе со всей своей родней, такой ценой свободу не удастся восстановить, но все новые правители будут сменять друг друга, пока не установится твердая единоличная власть, если только свободу не утвердит чья-то доблесть, соединенная с благонравием. Однако эта вольность не переживет своего защитника, как происходило в Сиракузах с Дионом и Тимолеоном, чья доблесть при жизни каждого из них была залогом свободы; но после их смерти город оба раза возвращался к тирании. Лучший пример дает тот же Рим, в котором после изгнания Тарквиниев тотчас же возродилась и упрочилась свобода; зато по смерти Це-

заря, по смерти Гая Калигулы, по смерти Нерона, даже если был истреблен весь императорский род, в Риме никто и не смел помышлять о восстановлении свободы. И эти похожие события имели столь разный исход лишь потому, что во времена Тарквиниев римский народ был только отчасти развращен, а во втором случае он был испорчен до мозга костей. В первый раз для поддержания в нем решимости на противоборство с царем достаточно было взять с народа клятву, что он не потерпит больше самовластия в Риме, а во второй раз даже суровому Бруту со всеми восточными легионами не удалось склонить его на сторону свободы, которую тот вернул городу по примеру первого Брута. Виной тому была испорченность, посеянная в народе марианцами во главе с Цезарем, который так одурманил толпу, что она, сама того не замечая, подставила шею под ярмо.

Этот пример из истории Рима нагляднее всякого другого, тем не менее я хочу обратиться и к делам современных нам народов. Я утверждаю, что никакими жестокими и насильственными мерами не укоренить свободу в Милане или Неаполе, ибо их жители целиком развращены. В этом можно было убедиться после смерти Филиппо Висконти, когда миланцы хотели вернуть городу свободу, но не сумели сохранить ее. Риму, следовательно, очень повезло, что его цари испорченностью нрава очень быстро заслужили изгнание, так что растление не успело проникнуть во внутренность городского организма; благодаря этой неиспорченности бесчисленные волнения в Риме не повредили, а, наоборот, принесли пользу республике, потому что у людей была справедливая цель.

Вывод можно сделать такой: там, где человеческая материя здорова, волнения и смуты безвредны; если же она затронута разложением, не помогут никакие хорошие законы, разве что какой-нибудь единоличный правитель, прибегнув к чрезвычайному насилию, заставит их соблюдать и сделает упомянутую материю пригодной. Но я не слышал о подобных случаях и не знаю, возможно ли это, потому что, как только что было сказано, город, пришедший в упадок из-за испорченности людской материи, может воспрянуть только благодаря доблести одного лица, действу-

ющей на протяжении его жизни, а вовсе не из-за благонравия граждан, поддерживающих добрые порядки; и после его смерти все возвращается на круги своя. Так было в Фивах, где доблесть Эпаминонда, пока он был жив, поддерживала форму республиканского правления, но по смерти его там снова воцарился хаос. Дело в том, что одному человеку не дано столько прожить, чтобы перевоспитать город, привычный к дурным нравам, и если какой-нибудь долгожитель или два доблестных правителя подряд не дадут ему правильного устройства, то, лишившись их, он тотчас же, как сказано выше, погибнет, либо его спасение будет сопровождаться многими бедами и кровопролитиями. Ведь испорченность и непригодность к свободной жизни вытекают из неравенства, существующего в подобном городе, а для восстановления равенства необходимо произвести великий переворот, на который редко кто захочет и сумеет пойти, как будет подробнее показано в другом месте.

Глава XVIII

Каким образом в развращенном городе можно сохранить режим свободы, если он там есть, и восстановить, если его нет

Я полагаю, что будет вполне уместно и в духе предшествующего рассуждения посмотреть, можно ли в развращенном городе сохранить свободное устройство, если оно уже существует, а если его там нет, можно ли ввести его. На этот счет скажу, что и то и другое чрезвычайно затруднительно, и хотя здесь сложно вывести какое-то общее правило, ибо все зависит от степени испорченности, рассуждать можно и о таком предмете, что я и не премину сделать. Я возьму для примера город, развращенный до крайности, чтобы трудности еще усугубились, ибо не существует законов и предписаний, способных остановить всеобщее разложение. Ведь чтобы сохранить добрые нравы, необходимы законы, а для соблюдения законов нужны добрые нравы. Кроме того, законы и обычаи, принятые республикой при ее зарождении, когда граждане были добропорядочными, впоследствии, из-за распространения

среди них дурных нравов, становятся негодными. И если законы какого-либо города смотря по обстоятельствам могут изменяться, то никогда не меняются, разве очень редко, его устои; новых законов недостаточно, потому что прежние порядки сводят на нет их действие. Чтобы лучше разъяснить это положение, я скажу, что в Риме существовал обычай государственного управления и издавались законы, которыми власти обуздывали граждан. Государственные установления заключались в наличии прав народа, Сената, трибунов, консулов, в порядке выдвижения кандидатур и назначения на должности и в способах принятия законов. Эти порядки почти не изменялись в течение времени. По мере распространения испорченности среди граждан издавались разные законы, ограничивавшие действия граждан, как, например, закон о прелюбодеяниях, закон против роскоши, против властолюбия и так далее. Но так как государственные устои, уже непригодные при всеобщем развращении, оставались незыблемыми, новые законы не могли поддержать добронравие в людях; они подействовали бы только тогда, когда вместе с ними изменились бы и установления.

Справедливость того, что в испорченном городе старые порядки оказываются непригодными, видна по двум основным статьям, касавшимся назначения должностных лиц и издания законов. Римский народ доверял консульское звание и другие первые должности в городе только тем, кто этого домогался. Поначалу это был хороший обычай, потому что должностей добивались лишь те граждане, которые могли считаться достойными их, а получить отказ было постыдно, так что каждый заботился о своем благонравии, желая, чтобы его посчитали достойным. Но в развращенном городе этот порядок стал губительным, потому что должностей стали домогаться не самые доблестные, а самые влиятельные люди; способные же, но бедные опасались выставить свои кандидатуры. Подобное неустройство возникло не сразу, а выработалось постепенно, как всегда и бывает в подобных случаях; когда римляне покорили Африку и Азию и подчинили себе почти всю Грецию, их свободе уже ничто не угрожало, так как они не видели врагов, способных на нее посягнуть. Безопасность

и отсутствие сильных врагов заставили римский народ искать в своих консулах уже не доблести, а милости и назначать на эту должность не тех, кто умеет разбивать врагов, а тех, кто привлекает к себе больше сторонников. Потом от самых обаятельных они перешли к тем, у кого было больше влияния; и так вследствие изъяна в самом обычае достойные граждане оказались во все в стороне.

Трибун и всякий другой гражданин могли предложить народу принять закон, и каждый мог высказываться как в пользу, так и против такого решения. Этот обычай был хорош при добронравии граждан, ибо что же дурного, если всякий пекущийся об общественном благе может подать предложение и всякий может высказать об этом свое мнение, чтобы народ, всех выслушав, мог избрать наилучшее решение. Но когда нравы испортились, дурным стал и обычай, ибо им пользовались только влиятельные лица, выдвигавшие законы, благоприятные для их усиления, а не для общественной свободы, а все прочие не дерзали им перечить из боязни; так что народ по ошибке или поневоле принимал пагубные решения.

Следовательно, чтобы сохранить свою свободу при всеобщей испорченности, Риму нужно было постепенно выработать новые порядки так же, как один за другим создавались новые законы; ведь для дурных подданных пригодны одни обычаи и установления, а для благонравных — другие, и между формой и материей должно быть соответствие. Однако ввести новые порядки можно либо только разом, если обнаружилось, что прежние устарели, либо по частям, когда большинство еще не понимает этой нужды; а ведь и то и другое маловероятно. Для постепенного обновления потребен разумный человек, который распознает упадок старого заблаговременно, в самом зародыше. На таких людей городу может и не повезти, а если они и отыщутся, то навряд ли смогут убедить других в своей правоте. Ведь люди не желают менять своих привычек, особенно пока беда не предстала перед ними воочию, а только кем-то предсказана. Если же обновлять государственный строй разом, когда каждому ясна негодность старого, то зло уже так укоренилось, что его трудно исправить; для этого недостаточно законных путей, которые только прине-

сут вред; необходимо прибегнуть к чрезвычайным мерам, насилию и оружию, и прежде всего стать государем этого города, дабы править по своему усмотрению. Но так как возродить республику к политической жизни может только хороший человек, а стать ее государем путем насилия может только дурной человек, то в высшей степени редко случается, чтобы хороший человек захотел прийти к власти дурным путем, хотя бы и ради благой цели, и злодей, став государем, начал творить добрые дела — ему никогда не взбредет на ум употребить во благо власть, дурно приобретенную.

Вышесказанное подтверждает трудность и даже невозможность сохранить либо учредить заново республику в испорченном городе. Но если кто-то все же поставит перед собой такую задачу, он должен придать ей устройство, приближающееся скорее к царскому, нежели к народному правлению, чтобы людей дерзких и не подчиняющихся законам мог останавливать глава государства своей почти царской властью. Исправить же их другим путем вовсе невозможно, это потребовало бы неслыханной жестокости: я уже говорил, как в таком случае поступил Клеомен; если он, чтобы остаться одному, истребил эфоров, а Ромул с этой же целью умертвил своего брата и Тита Тация Сабина (но оба воспользовались своей властью на благо), то следует помнить, что и тот и другой не имели дела со столь развращенными подданными, как те, о которых говорилось в этой главе, поэтому они сумели воплотить в жизнь свои предначертания.

Глава XIX

Слабый государь может удержаться после выдающегося, но после другого слабого ему невозможно будет сохранить власть

Принимая во внимание доблесть и образ действий трех первых римских царей: Ромула, Нумы и Тулла, следует заключить, что Риму выпала превеликая удача, ибо первый царь был свирепым и воинственным, второй — смиренным и набожным, а третий нравом походил на Ромула и больше любил войны, а не мир.

Риму при самом его основании был необходим учредитель гражданского общежития, но все другие цари должны были уподобляться своей доблестью Ромулу, иначе в город проник бы дух изнеженности, и он стал бы добычей своих соседей. И можно отметить, что преемник первого царя, обладающий меньшей доблестью, чем тот, может удержать власть благодаря последнему и воспользоваться плодами его трудов, но если правление слабого царя слишком затянется или его наследник не сможет своей доблестью уподобиться первому правителю, этому царству угрожает крах. Напротив, если два доблестных государя следуют друг за другом, то они часто вершат великие подвиги и их слава превозносится до небес.

Давид, без сомнения, отличался великим военным талантом, ученостью и умом; доблесть позволила ему одолеть и разгромить всех соседей и оставить своему сыну Соломону умиротворенное царство, для управления которым тому было достаточно мирных, а не военных навыков, так что он счастливо наслаждался достоянием своего доблестного отца. Но Соломон уже не смог передать его своему сыну Ровоаму, который не обладал ни доблестью деда, ни удачливостью отца и едва сохранил за собой шестую часть владений. Турецкий султан Баязет, отдававший предпочтение миру перед войной, пожинал плоды трудов своего отца Мехмеда, разбившего, подобно Давиду, своих соседей и оставившего сыну незыблемый трон, который легко было удерживать мирными средствами. Но если бы его сын Селим, ныне царствующий, походил на отца, а не на деда, то его власти пришел бы конец; правда, его деяния, видимо, превзойдут дедову славу. Я привожу эти примеры, чтобы показать, что после выдающегося государя может удержаться слабый, но после другого слабого ему это не удастся, если только он не найдет опору в существующих издревле обычаях, как во Франции; слабы же те государи, которые не уделяют должного внимания войне.

Итак, из этого рассуждения я делаю вывод, что великая доблесть Ромула дала Нуме Помпилию возможность много лет управлять Римом мирными средствами; но ему наследовал Тулл, своим свирепым нравом напомнивший Ромула, а после него

на престол взошел Анк, от природы наделенный как мирными, так и военными дарованиями. Сначала он старался поддерживать мир с соседями, но тотчас же убедился, что они считают его изнеженным и ни во что не ставят; тогда он понял, что Рим можно сохранить только посредством войны, подражая Ромулу, а не Нуме.

Этот пример поучителен для всех государей, наделенных властью: подобные Нуме будут пребывать у нее, пока времена и судьбы будут к ним благосклонны; но подобные Ромулу и, как он, вооруженные воинским духом и благоразумием, всегда удержат власть, если только не вмешается непреодолимая враждебная сила. Можно с уверенностью утверждать, что если бы Риму не достался в качестве третьего царя человек, который сумел восстановить его влияние вооруженной рукой, то город никогда бы не смог потом оправиться, разве что с превеликим трудом, и не достиг бы такого величия. Итак, подчиняясь царям, Рим постоянно подвергался опасности погибнуть из-за слабости или злонамерения одного из них.

Глава XX

Два доблестных царствования подряд дают великие плоды; поскольку в правильно устроенных республиках доблестные люди всегда у власти, приобретения их весьма обширны

Когда цари были изгнаны из Рима, вышеописанная угроза вступления на престол слабого или дурного правителя миновала. Власть сосредоточилась в руках консулов, которые получали ее не по наследству и не путем обмана или самовольного захвата, но в ходе свободных выборов, поэтому ими всегда становились выдающиеся люди. С помощью их доблести и удачи Рим постепенно достиг пределов своего величия, затратив на это столько же лет, сколько им управляли цари. Ведь ясно, что два доблестных государя подряд способны завоевать весь мир; это совершили Филипп Македонский и Александр Великий. Тем более это

должно быть доступно для республики, которая способна избирать не только двоих, но бесчисленное множество доблестных правителей подряд, и во всякой благоустроенной республике так и будет.

Глава XXI

Всемерного порицания заслуживают государи и республики, лишённые собственного войска

Не иметь солдат для обороны и нападения позорно для современных государей и республик; как показывает пример Тулла, этот недостаток вытекает не из отсутствия людей, годных к ополчению, а из неумения самих правителей воспитать в подданных воинский дух. Когда Тулл взошел на трон, после 40-летнего мира он не мог сыскать в Риме человека, опытного в военном деле; тем не менее, собираясь на войну, он не подумал призвать самнитов, тосканцев или другой народ, привычный к воинской жизни, но, как благоразумный человек, решил обойтись своими силами. И такова была доблесть Тулла, что под его водительством римляне стали великолепными солдатами. Ведь самая справедливая истина гласит, что если у государя есть подданные, но нет солдат, то это вина его, а не природы или местоположения.

Приведу на этот счет свежайший пример. Всякий знает, что недавно английский король напал на Францию и использовал при этом в качестве солдат только своих подданных; поскольку Англия до этого 30 лет не воевала, там не было ни опытных солдат, ни военачальников, однако король бестрепетно выступил с ними против царства, изобилующего хорошими войсками и полководцами, непрерывно упражнявшимися во время итальянских войн.

Все дело в том, что этот правитель отличается благоразумием, а его королевство — правильным устройством, и в мирное время он не оставляет попечения о войне.

Фиванцы Пелопид и Эпаминонд, освободившие свой город от ига спартанцев, знали, что в его жителях привились рабский дух и изнеженность; однако благодаря своей доблести они не колебались вооружить граждан и выступить с ними на бой про-

тив спартанского войска, который увенчался победой. Пишущий об этом замечает, что поступок этих двоих опроверг мнение, будто лишь в Лакедемоне рождаются воины. Были бы мужчины, тогда найдутся и воины, если только у них будет умелый предводитель, такой, как Тулл, возглавивший римлян. Вергилий прекрасно выразил эту мысль, показав свое согласие с ней в следующих словах: «*Desidesque movebit Tullus in arma viros*»*.

Глава XXII

О том, что было примечательного в происшествии с тремя римлянами — Горациями и тремя альбанцами — Куриациями

Римский царь Тулл и царь Альбы Меттий сошлись на том, что чьи три воина из вышеупомянутых одолеют других трех, тот народ и будет властвовать над другим. Все три альбанца, Куриации, погибли, а из Горациев остался в живых один, так что альбанский царь Меттий вместе со своим народом перешел в подчинение к римлянам. Когда Гораций с победой вернулся в Рим, ему попала навстречу сестра, которая была замужем за одним из тех Куриациев. Она оплакивала смерть мужа, и за это Гораций ее убил. За совершенный проступок его призвали на суд и после долгих споров все же освободили, не столько из-за его заслуг, сколько уступая просьбам отца. Вывод отсюда следует троякий: во-первых, если судьба поставлена на карту, не следует пускать в дело только часть своих сил; во-вторых, в правильно устроенной республике заслуги никогда не искупают проступков; в-третьих, неразумно вступать в договоренность с тем, кто может ее нарушить. Гражданская свобода ценится так высоко, что трудно поверить, чтобы какой-то царь или народ согласился утратить ее из-за поражения трех своих воинов на поединке. Так случилось и с Меттием; хотя он после победы римлян признал себя проигравшим и обещал покорствоваться Туллу, однако в первом же походе, предпринятом против вейентов, попытался обмануть римского царя, видимо, сожалея о своем прежнем безрассудном поступке. Но довольно об этом третьем замечании. В следующих главах мы поговорим о первых двух.

* «Тулл на битву сограждан
Двинет праздных своих» (лат.).

Глава XXIII

Нельзя идти на крайний риск, не употребляя при этом все свои силы; по этой причине охрана подступов к стране часто ведет к пагубным последствиям

Ставить все свое достояние на карту и при этом экономить силы никогда не считалось разумным, однако таких случаев немало. Тулл и Меттий, например, поставили судьбу своих соотечественников и доблесть всех бойцов, составлявших оба войска, в зависимость от доблести и удачи троих из сограждан каждого, что составляло ничтожную долю обеих армий. Они не подумали о том, что своим поступком почти сводят на нет все труды своих предшественников по устройству республики, по упрочению ее свободы и воспитанию граждан в духе защиты этой вольности, если несколько человек в силах ее погубить. Худшим образом эти цари не могли распорядиться.

Подобную же оплошность совершают почти постоянно те, кто рассчитывает при вражеском нашествии занять труднодоступные места и охранять проходы. Обычно такое решение имеет губительные последствия, если только в таком недоступном месте ты не сможешь расположить все свои силы с удобством для себя; если так, то выбор правильный, но если место неудобное и все силы там не помещаются — выбор ошибочен. Я сужу по примеру тех народов, которые не пытались сражаться среди утесов и перевалов, хотя бы их страны были окружены горами и скалистыми ущельями, а если на них нападал могущественный враг, то встречали его в долине или на возвышенности, но удобной и не столь неприступной. Причина этого была уже названа выше: в неприступные места трудно привести многочисленное войско, оно не сможет там надолго задержаться, и вообще эти места не приспособлены для многолюдства, поэтому невозможно противостоять противнику, который захочет вышибить тебя большими силами; а для него это будет легко сделать, потому что он попытается пройти не задерживаясь, ожидать же его с большими силами невозможно, для этого понадобилось бы обосноваться там надолго, ведь неизвестно, когда противник навестит эти, как я уже говорил, непроходимые и бесплодные места. Если же ты уступишь этот проход, на который ты, твой народ и войско возлага-

ли такие надежды, то людей и оставшуюся часть войска охватит такой страх, что ты проиграешь кампанию, не дав им случаев проявить свою доблесть, и так через потерю части сил лишишься всего.

Всякому известно, с каким трудом Ганнибал перешел через горы, разделяющие Ломбардию и Францию, и каких лишений стоило ему одолеть возвышенности, находящиеся между Ломбардией и Тосканой; несмотря на это, римляне ожидали его сначала близ Тичино, а затем на равнине Ареццо; они предпочли поставить войско под удар врага в таком месте, где могли победить, вместо того чтобы мыкать его по горам, подвергая всем тамошним опасностям.

Читая вдумчиво любую историю, можно найти очень мало доблестных полководцев, которые пытались бы удержать проходы по вышеуказанным причинам, а также потому, что их нельзя перекрыть полностью, ибо в горах, как и на равнине, существуют не только общедоступные и исхоженные дороги, но и многие другие, не известные пришельцам, но хорошо знакомые местным жителям; они проведут тебя мимо всех застав куда хочешь. На этот счет можно привести самый свежий пример, относящийся к 1515 году. Французский король Франциск намеревался пройти в Италию, дабы возвратить себе Ломбардскую область, а его противники видели свою основную опору в швейцарцах, закрывших перевалы в горах. Но опыт показал, что ожидания были тщетными, ибо король оставил в стороне два-три охраняемых перехода и избрал другой, малоизвестный путь; таким образом, он оказался в Италии, на удивление своим врагам. Последние удалились в Милан, а все жители Ломбардии присоединились к французам, потому что предположение, будто те застрянут в горах, оказалось ложным.

Глава XXIV

В правильно устроенных республиках за заслуги устанавливаются награды, а за проступки — наказания, но они никогда не уравнивают друг друга

Заслуги Горация была огромны, его доблесть помогла победить Куриациев; его проступок, умертвление сестры, был при-
.скорбным; он настолько возмутил римлян, что они хотели осу-
дить убийцу на смерть, невзирая на его недавние непомерные за-

слуги. Если посмотреть поверхностно, это свидетельствует о людской неблагодарности; но когда мы вникнем в суть дела и зададимся вопросом, каково должно быть устройство республики, то упрекнем римский народ не за суд над Горацием, а за освобождение его. Так следует поступить потому, что ни одна правильно устроенная республика никогда не оправдывала проступки своих сограждан их заслугами; установив награду за добрый поступок и наказание за дурной, она вознаграждает человека за хорошее, но если потом он поступает дурно, наказывает его, не вспоминая о прошлых заслугах. Если этот порядок строго соблюдается, гражданской свободе суждена долгая жизнь, в противном случае она скоро угаснет. Ведь если гражданин, отличившийся на благо своего города, кроме связанного с этим уважения, возымеет отвагу и уверенность в безнаказанности, то вскоре своей дерзостью он разрушит все гражданские устои.

Конечно, чтобы примирить людей с наказанием за дурные поступки, нужно награждать их за хорошие, как и поступали в Риме. Даже если республика по своей бедности не располагает многим, пусть это ее не останавливает, ибо даже малый дар, несоизмеримый с самой заслугой, воспринимается получающим его гражданином как почетный и великий. Всякому известны имена Горация Коклеса и Муция Сцевола — первый из них сдерживал врагов до тех пор, пока защищаемый им мост не был разрушен; второй положил в огонь свою руку, которая вместо царя тосканцев Порсенны поразила по ошибке другого человека. Каждый из них за свой подвиг получил от сограждан по две мерки земли. Известна также история Манлия Капитолина. Он спас Капитолий от французов, обложивших город, и за это остальные осажденные выделили ему немного муки. По тогдашним обстоятельствам это было значительной наградой, так что Манлий даже попытался устроить в Риме заговор, побуждаемый то ли завистью, то ли своим дурным характером, и искал у народа популярности; тогда, не обращая внимания на его заслуги, Манлия сбросили с Капитолийского холма, который он до этого столь славно защищал.

Глава XXV

Кто хочет преобразовать старинное устройство свободного города, пусть сохранит хотя бы сходство с древними порядками

Тот, кто пожелает заняться преобразованиями городского устройства так, чтобы они были приемлемы для всех и ни у кого не вызывали протеста, должен сохранить хотя бы следы прежних порядков. Тогда народ не заподозрит изменений существующего строя, даже если новые установления будут совершенно противоположны прежним; ведь в целом люди руководствуются как тем, что есть на самом деле, так и видимостью вещей; в большинстве случаев они даже озабочены скорее наружностью, чем сутью дела. Римляне с самого начала сознавали эту необходимость, поэтому, добившись свободы, они не стали увеличивать число ликторов, служивших раньше одному царю; так что у двух консулов оставалось по-прежнему двенадцать ликторов. Кроме того, в Риме существовал обычай ежегодного жертвоприношения, совершать которое имели право только цари, и так как римляне не хотели, чтобы народ жалел о каких-то празднествах, утраченных вместе с царями, то они назначили для этой цели специального священнослужителя, названного жрецом-царем, и подчинили его верховному жрецу. Таким образом, народ остался при своем жертвоприношении, и у него не было повода сожалеть об отсутствии царей. И так должен поступать всякий, кто хочет, чтобы город распростился с прежними порядками и узаконил новый свободный строй. Новизна воздействует на умонастрое-ние людей, поэтому нужно постараться, чтобы нововведения содержали как можно больше привычного; если новые должности отличаются от прежних и количеством, и мерой власти, и сроком их исполнения, то пусть они сохраняют хотя бы старые наименования. Все это, как я уже говорил, обязательно для того, кто собирается учредить гражданское общежитие в виде республики или монархии; но кто стремится к неограниченной власти, у писателей именуемой тиранией, тот должен поменять все, как будет показано в следующей главе.

Глава XXVI

Став во главе города или страны, новый государь должен переменить все

Для нового правителя, который возглавил город или государство, лучшее средство удержать власть — это полное обновление, особенно если эта власть непрочна и не служит для перехода к гражданскому обществу в виде монархии или республики. Обновление состоит в том, чтобы изменить правительственные учреждения вплоть до названия, ввести новые должности, назначить новых людей; сделать богатых бедными, а бедных богатыми, как поступил Давид, когда вошел на трон: «Алчущих исполнил благ, а богатыщихся отпустил ни с чем». Кроме того, новый государь должен основывать города и низвергать существующие, переводить жителей с места на место и вообще все переиначить в своей стране, чтобы в ней не оставалось никого, кто не был бы обязан ему своим титулом, чином, званием и состоянием. В качестве примера для подражания ему следует взять Филиппа Македонского, отца Александра, который из маленького царька стал, соблюдая эти правила, государем всей Греции. Пишущий о нем говорит, что Филипп перегонял людей из одной области в другую, как пастухи перегоняют свои стада. Своей крайней жестокостью такой образ действий противен заветам не только христианства, но и человеколюбия вообще; всякий должен бы избегать его и предпочитать частную жизнь уделу царя, столь губительному для людей; но кто не захочет удовольствоваться этой благой участью, тот вынужден ступить на путь зла, если он желает удержаться. Однако люди обычно придерживаются середины, что весьма пагубно для них, ибо они не умеют быть ни вполне добрыми, ни целиком дурными, как будет показано на примере из следующей главы.

Глава XXVII

Людям очень редко удается быть вполне добрыми или вполне дурными

В 1505 году папа Юлий II отправился в Болонью, дабы изгнать оттуда род Бентивольо, управлявший городом на протяжении ста лет. При этом папа возымел намерение отнять Перуджу у ее тирана Джампаоло Бальони, поскольку собирался разделаться со всеми ти-

ранами, занимавшими церковные земли. Замыслы папы и его решение не были ни для кого секретом, тем не менее он не стал дожидаться своего войска, чтобы войти в город с надежной охраной, но появился там безоружным, хотя Джампаоло собрал немалые силы для своей защиты. Так, один из необузданных порывов, которыми Юлий II руководствовался во всех своих делах, увлек его без нарочитой охраны в руки врага; однако он увел последнего из города, оставив там губернатора, чтобы вершить правосудие от имени Церкви. Вдумчивые наблюдатели, находившиеся при папе, отметили безрассудство последнего и трусость Джампаоло; трудно было понять, почему он не расправился одним ударом со своим врагом, что принесло бы ему вечную славу и заодно обогатило бы, ибо при папе находились все кардиналы с их сокровищами. Невозможно поверить, чтобы его удерживали благонравие и укоры совести: в груди отъявленного негодяя, жившего с собственной сестрой и перебившего ради власти своих племянников и двоюродных братьев, не могли зародиться никакие благочестивые помыслы; приходится делать вывод, что людям не дано достичь совершенства в доброте и последовательности в злодействе, а если дурной поступок требует величия и некоторого благородства, они не могут на него решиться.

Так Джампаоло, которого не смущала репутация кровосмесителя и отцеубийцы, не сумел или, лучше сказать, не отважился, имея законный повод, на предприятие, которое заставило бы всех восхищаться силой его духа и оставило бы после себя вечную память, потому что он первый показал бы прелатам, сколь малого уважения заслуживают те, кто живет и правит, как они, и величие его деяния затмило бы всякий позор, всякую опасность, из него вытекавшие.

Глава XXVIII

Почему римляне проявляли по отношению к своим согражданам меньшую неблагодарность, чем афиняне

В истории любой республики читатель обнаружит проявления неблагодарности к ее гражданам; но в Риме таких случаев будет меньше, чем в Афинах, да и во всякой другой республике. Причина этого, если взять Афины и Рим, заключается, по-моему, в том, что у римлян было гораздо меньше оснований относиться к своим согражданам с

подозрением, чем у афинян. Начиная с изгнания царей и вплоть до Мария и Суллы ни один из римлян не отнимал свободу у своих сограждан; так что не было повода для подозрений, а следовательно, и для несправедливых упреков. В Афинах же все было иначе; после того как Писистрат под благовидным предлогом отнял у них свободу в момент самого расцвета, граждане надолго запомнили горечь рабства и обид и, вернув себе свободу, ревностно следили за тем, чтобы наказывались не только проступки, но даже намеки на них. Это привело к изгнанию и смерти многих выдающихся людей, а также к употреблению ostracism и прочих суровых кар, в разные годы введенных в республике против оптиматов. Так что истинную правду говорят писатели о гражданской жизни: не те народы уязвляют больше, которые сумели сохранить свою свободу, а те, что только восстановили ее. Кто примет все это во внимание, тот не станет порицать Афины и восхвалять Рим; виной всему необходимость, вытекающая из разнообразия жизни городов. И если глубже вникнуть в этот вопрос, можно увидеть, что когда бы Риму не приходилось расставаться со своей вольностью, как Афинам, то его граждане подвергались бы не менее жестоким нападениям, чем афиняне. Об этом можно судить по тем гонениям, которым подверглись после изгнания царей Коллатин и Публий Валерий; первый из них участвовал в освобождении Рима, но, несмотря на это, был изгнан только за то, что звался Тарквинием; второй вызвал подозрение тем, что построил себе дом на Целиевом холме, и тоже чуть не был сослан. Таким образом, можно считать, что римляне, которые выказали столько суровости и подозрительности в отношении этих двух лиц, были бы не более благодарны согражданам, если бы те, как в Афинах, покушались на свободу города еще до его возвышения. Чтобы не возвращаться больше к этому предмету, я выскажу все, что касается неблагодарности, в следующей главе.

Глава XXIX

Кто более склонен к неблагодарности, народ или государь

Мне кажется уместным в связи с названным предметом рассмотреть, кто чаще бывает неблагодарным, народ или государь. Чтобы подробнее обсудить этот вопрос, замечу, что порок неблагодарности вытекает из скупости или подозрительности. Когда

народ или государь посылает своего полководца в поход и тот побеждает, покрыв себя славой, он вправе ожидать награды; если же вместо этого власти, движимые скупостью, наносят ему оскорбление или обиду, по своей жадности не желая вознаградить его, то они совершают непростительную ошибку и заслуживают за это вечного презрения. Но немало государей грешат этим. Причину этого объясняют слова Корнелия Тацита: «*Proclivius est iniuriae, quam beneficio vicem dissolvere, quia gratia oneri, ultio in questu habetur*»*. Но когда вождь лишается награды не из-за скупости сограждан, а из-за того, что он внушает подозрение, тогда государь или народ заслуживают некоторого оправдания. В книгах можно сыскать множество примеров такой неблагодарности; ведь если полководец благодаря своей доблести приобрел новые владения или государство, одолел врагов, стяжал себе славу и обогатил своих солдат, то в мнении последних, а также других подданных своей страны и ее врагов он по необходимости приобретает такой вес, что государю, снарядившему его в поход, останется только сожалеть о победе. Честолюбие и ревность коренятся в природе человеческой, как и слепая вера в удачу, так что подозрение, зародившееся у государя вследствие успехов его военачальника, наверняка усугубится из-за какого-нибудь неосторожного поступка или слова последнего. Государь должен позаботиться о своей безопасности; для этого он постарается погубить полководца или подорвать его влияние в войске и в народе и с помощью всяких ухищрений доказать, что не доблесть его была причиной победы, а удача, ничтожество врага или благоразумие других военачальников, участвовавших в предприятии.

Когда войско провозгласило Веспасиана, находившегося в Иудее, императором, Антоний Прим, стоявший с другим войском в Иллирии, перешел на его сторону и прибыл в Италию, чтобы сражаться против Вителлия, правившего в Риме. Антоний блестяще разгромил два Вителлиевых отряда и занял Рим, так что посланному Веспасианом Муциану оставалось только удостовериться в его доблестной победе. В награду за нее Муциан

* «...Всегда легче воздать за зло, чем за добро. Люди тяготятся необходимостью проявлять благодарность, но с радостью ищут случая проявить мстительность» (лат.).

тотчас же отстранил Антония от командования войском и постепенно лишил его какой бы то ни было власти в Риме; тогда тот отправился к Веспасиану, остававшемуся еще в Азии, и встретил у него такой прием, что вскоре умер чуть ли не от отчаяния, лишенный всех своих званий. Подобными примерами изобилует история. На памяти всякого из ныне живущих — великое искусство и доблесть Гонсальво Ферранте, который разгромил французов в Неаполитанском королевстве и отвоевал его для Фердинанда, короля Арагонского. Фердинанд, выехав из Арагона, вознаграждал героя следующим образом: прибыв в Неаполь, в первую очередь он вывел армию из подчинения Гонсальво, затем отнял у него крепости, а потом забрал с собой в Испанию, где тот через некоторое время бесславно скончался. В общем, такие подозрения естественны для государей, и им не дано от них избавиться; бесполезно ожидать от них благодарности тому, кто сделал великие приобретения, сражаясь и побеждая под их знаменами.

Если государям суждено быть неблагодарными, то неудивительно, что и народы впадают в этот порок не реже. Ведь у города, живущего по законам вольности, две цели: во-первых, приобретать новые владения, во-вторых, сохранить свободу, и из чрезмерного пристрастия к ним граждане неизбежно впадают в заблуждение. Что касается ошибок, связанных с завоеванием, об этом будет сказано в своем месте. Заблуждения, связанные с заботой о свободе, заключаются, наряду с прочим, в нанесении обиды тем гражданам, которых следует вознаградить, и подозрительности в отношении тех, кому следует доверять. В республике, затронутой разложением, подобные несправедливости служат причиной великих бедствий и зачастую приводят к установлению тирании, как было в Риме при Цезаре, который взял себе силой то, что отняла у него неблагодарность. Однако в неиспорченной республике от них происходят великие блага, сохраняются свободные установления; страх наказания укрепляет в людях добрые нравы и усмиряет их честолюбие. По правде сказать, из всех народов, достигших величия, Рим, по вышеизложенным причинам, был наименее неблагодарным; можно привести только один пример неуважения к заслугам, связанный со Сципионом, ибо Кориолана и Камилла изгнали за обиды, нанесенные ими плем-

су. Один из них так и не дождался прощения, потому что всегда питал к народу враждебные чувства, зато другой не только был возвращен на родину, но и был окружен поистине царским поклонением до конца своих дней. Что же касается Сципиона, то никто другой не мог внушить согражданам таких опасений, как он, вследствие необыкновенной силы побежденного им врага, популярности, которую дала ему победа в столь длительной и тяжелой войне, и молниеносности этой победы, наконец, вследствие симпатии, которую снискали ему молодость, благоразумие и другие замечательные качества. У Сципиона было столько достоинств, что даже римские должностные лица опасались его влияния; такая неслыханная в Риме вещь была не по душе умным людям. Бытие Сципиона настолько выходило за рамки обычного, что Катон Приск, которого почитали как святого, первым выступил против него и заявил, что нельзя назвать свободным город, где власти боятся одного из граждан. И если римский народ в данном случае прислушался к мнению Катона, то он заслуживает известного оправдания, о чем я уже говорил выше, как и всякий народ и государь, которого делает неблагодарным подозрение. Завершая это рассуждение, скажу, что если порок неблагодарности имеет два корня: скупость и подозрительность, то народы никогда не были неблагодарными из скупости; в отношении же подозрительности государи далеко их превосходят, ибо у них больше для того оснований, как будет показано ниже.

Глава XXX

Каким образом должны поступать государи или республика, дабы не впасть в порок неблагодарности, а выдающийся гражданин или полководец — чтобы не стать ее жертвами

Чтобы избежать необходимости быть неблагодарным или подозрительным, государь должен сам ходить на войну, как поступали в первое время римские императоры, а в наше время турецкий султан, по обыкновению всех прежних и нынешних доблестных правителей. Когда побеждает сам государь, вся слава

приобретения остается за ним, в противном случае она принадлежит другому, и воспользоваться завоеванным можно, только отняв чужую славу, которую государь не сумел себе стяжать, отчего он становится неблагодарным и несправедливым; здесь он, без сомнения, теряет больше, чем выигрывает. Если же по небрежности и неблагоразумию государи предпочитают в праздности оставаться дома и посылают в поход вместо себя своего полководца, то я не знаю, какой им дать совет, кроме хорошо им известного. Что же касается полководца, то поскольку ему, на мой взгляд, непременно придется пострадать от неблагодарности, он может поступать двояко: или, одержав победу, оставить войско и, остерегаясь всяких проявлений честолюбия и дерзости, отдаться в руки своего государя, чтобы тот, отбросив подозрения, мог вознаградить его или хотя бы оставить в покое; либо, если такой путь покажется неподходящим, пусть этот полководец смело примет противоположный образ действий и распорядится так, как будто бы новое приобретение было его собственным, а не его господина. Для этого он должен привлечь солдат и подданных на свою сторону, подружиться с соседями, занять крепости своими гарнизонами, подкупить командиров своего войска, а от тех, кто не пойдет на это, избавиться, и таким образом попытаться наказать своего государя за ожидаемую от него несправедливость. Другого выбора нет, но, как я говорил выше, люди не умеют быть последовательными ни в добром, ни в дурном. Всегда получается так, что, одержав победу, оставить войско они не хотят, а вести себя скромно не могут; употребить жестокие меры так, чтобы это выглядело достойно, они не умеют; таким образом, пока они раздумывают и медлят, нерешительность ведет их к гибели.

Что до республики, то ей, во избежание порока неблагодарности, нельзя предписать то же средство, что и государю, а именно не поручать другим военных походов, ибо республика вынуждена посылать на войну во главе войска своих граждан. Поэтому я посоветовал бы ей подражать во всем Римской республике, которая выказала меньше неблагодарности, чем другие. Причина заключается в принятом там способе правления. Все горожане, как знатные, так и не знатные, ходили на войну, поэтому в Риме

всегда было много доблестных вождей, украсивших себя многочисленными победами, и у народа не было повода усомниться ни в ком из них, потому что своим избытком они стесняли друг друга. При этом они оставались столь безупречными и так заботились о том, чтобы на них не пала тень подозрения во властолюбии и чтобы не дать народу повода выступить против них, что при учреждении диктатуры самым славным почитали того, кто скорее слагал с себя эти обязанности. И так как здесь не было места для подозрений, то не возникало и неблагодарности. Итак, если республика не хочет создавать у себя поводов для неблагодарности, пусть подражает Риму; и если ее гражданин хочет избежать этой напасти, пусть поступает подобно римлянам.

Глава XXXI

О том, что римские полководцы никогда не подвергались чрезмерным наказаниям из-за допущенной ими оплошности; равным снисхождением пользовались они и тогда, когда по неведению или вследствие дурного выбора наносили ущерб республике

Римляне не только, как мы говорили выше, превосходили своим уважением к заслугам другие республики, но были намного осторожней и снисходительней при наказании своих военачальников. Если ошибка допускалась злонамеренно, кара бывала милосердной; если же по неведению — то ее и вовсе заменяли наградой или почестями. Такие меры были хорошо рассчитаны; римляне придавали большое значение тому, чтобы дух их полководцев не был ничем стеснен или угнетен и чтобы никакие посторонние соображения не влияли на их решения; к чему обременять трудное и опасное ремесло другими трудностями и опасностями, ведь тогда с ним не справится никакая доблесть. К примеру, римское войско отправлялось в Грецию против Филиппа Македонского, в Италию против Ганнибала или против тех народов, которых они победили раньше. Серьезные и важные дела, связанные с такими походами, доставляли возглавлявшему их командиру множество хлопот. Если бы к ним добавились еще вос-

поминовения о том, что неудачников приговаривали к распятию или другой казни, то римские полководцы, ввиду стольких опасений, не могли бы действовать решительно. Однако их сограждане считали, что позор поражения является достаточным наказанием для проигравшего, и не желали устрашать его другой карой.

Можно привести случай, когда оплошность не была невольной. Командующие в лагере под Вейями, Сергей и Виргиний, возглавляли каждый свою часть войска; Сергей со стороны ожидаемого нападения тосканцев, а Виргиний — с другой стороны. Вышло так, что когда Сергия атаквали фалиски и другие племена, то прежде чем послать за помощью к Виргинию, он довел дело до разгрома и бегства. Тот, в свою очередь, в ожидании его унижения, предпочел снести поругание отечества и погубить войско, вместо того чтобы прийти Сергию на помощь. Случай поистине прискорбный и примечательный, и он говорил бы не в пользу Римской республики, если бы оба провинившиеся не были наказаны. Но в другой республике им пришлось бы поплатиться головой, здесь же дело обошлось денежным штрафом. Проступок, конечно, заслуживал более суровой кары, но римляне и тут по вышеуказанным причинам решили последовать своим старинным обычаям.

Что касается неведения, то самый яркий пример связан с Варроном, безрассудство которого привело к поражению римлян от Ганнибала при Каннах, когда свобода республики была поставлена под угрозу по нечаянности, а не по дурному умыслу; он был не наказан, а, напротив того, почтен; и при возвращении его в Рим все сенаторское сословие вышло навстречу, чтобы поблагодарить полководца, увы, не за распорядительность в сражении, а за то, что он вернулся домой и не отчаялся в защите Рима. Когда Папирий Курсор хотел казнить Фабия за то, что тот сразился с самнитами вопреки его приказанию, то отец Фабия, наряду с прочими доводами, выдвинутыми им против упорствующего диктатора, назвал и тот, что римский народ никогда не воздавал своим полководцам за поражение тем, чем Папирий хотел воздать за победу.

Глава XXXII

Государь или республика не должны откладывать послабление своим гражданам до крайней нужды

По правде сказать, римлянам удавалось ограничиваться пролитием щедрот на народ только в минуту опасности. Когда Порсенна напал на Рим, чтобы вернуть власть Тарквиниям, Сенат не был уверен, что плебс предпочтет выдерживать тяготы войны и не захочет скорее покориться царям, поэтому народ был освобожден от налога на соль и других податей под предлогом того, что беднякам для выполнения их общественного долга достаточно было уже кормить своих детей, а также переносить осаду, голод и войну. Однако пусть никто не обольщается этим примером и не ждет худших времен, чтобы снискать расположение народа; навряд ли он сумеет подражать в этом римлянам. Ведь масса почитает, что благодеяние исходит не от тебя, а от твоих противников; они не почувствуют себя обязанным, опасаясь, что впоследствии ты отнимешь у них льготы, вынужденные необходимостью. У римлян же все прошло благополучно, потому что государственные порядки были введены недавно и еще не устоялись; народ знал, что до этого уже принимались законы в его пользу, например, об обращении к плебсу; таким образом, он мог убедиться, что поступки Сената вызваны не нашествием врага, а его собственным благорасположением. Кроме того, свежа была память о царях, которые унижали и притесняли граждан.

Но такие совпадения бывают редко, поэтому подобные средства не годятся. Всякий властитель, будь то республика или государь, должен предвидеть возможность наступления неблагоприятных обстоятельств и знать, на кого он должен будет опереться; с этими людьми ему следует вести себя так, как при самой тяжелой нужде. Тот, кто поступает иначе, будь то республика или государь, в особенности же последний, и думает, что при необходимости сумеет привлечь к себе людей своими милостями, тот ошибается: этим он не только не спасет себя, но ускорит свою гибель.

Глава ХХХІІІ

Когда государство сталкивается с внутренними и внешними трудностями, лучше выждать, чем пытаться сразу одолеть их

Соседи Римской республики никогда не думали, что она сможет представлять для них угрозу, и заметили свою ошибку слишком поздно, когда Рим уже приобрел значительное влияние, силы и владения. Желая исправить упущенное, соседи собрали против римлян сорок народов; тогда, наряду с другими чрезвычайными мерами, предпринимаемыми во время грозящей опасности, римляне решили избрать диктатора, то есть наделить властью одного человека, чтобы он самолично решал и беспрепятственно проводил в жизнь свои решения. Это средство оказалось успешным и помогло справиться с опасностями, но и впоследствии оно сослужило великую службу в борьбе республики за расширение своих владений.

По этому поводу следует прежде всего заметить, что когда на республику изнутри или извне действует какая-либо помеха, вызванная внутренней или внешней причиной, и для каждого эта угроза уже очевидна, то гораздо лучше переждать некоторое время, чем пытаться сразу с ней справиться. Пытаясь устранить неудобство, часто лишь усугубляют его, тем самым ускоряя приход ожидаемых бед. В республике это случается чаще от внутренних причин: либо одному из граждан дозволяют забрать власть сверх разумной меры, либо попирается закон, представляющий стержень и опору свободного устройства, и, таким образом, средство исправления недостатка влечет за собой больше несчастий, чем ожидаемый от него вред. Но распознать подобные настроения в зародыше тем труднее, чем более люди склонны по природе поддерживать всяческие начинания; и эта их склонность особенно сильно проявляется в делах, впечатляющих своей доблестью и затеваемых молодыми. Ведь если в какой-то республике выдвигается знатный молодой человек, обладающий редкими достоинствами, он привлекает к себе всеобщее внимание, и все граждане наперебой стараются ему угодить; так что если в нем есть хоть

капля честолюбия, то, соединив милости природы и случая, он достигает такого высокого положения, что у спохватившихся сограждан мало средств помешать ему, а прибегнув к ним, они лишь ускоряют его возвышение.

Подобных примеров можно было бы найти множество, но я хочу привести только один, касающийся нашего города. Козимо де Медичи, положивший начало величию семейства Медичи в нашем городе, благодаря своему благоразумию и невежеству других граждан приобрел такое влияние, что оно начало угрожать устоям государства; сограждане увидели, что нанести ему обиду было бы опасно, но ничего не предпринимать еще опасней. Жил в то время человек, которого почитали весьма искусственным в гражданских делах, Никколо да Уццано; ему удалось не допустить, чтобы после первой ошибки, то есть недооценки опасностей, которыми грозило возвышение Козимо, была совершена вторая, а именно: попытка устранить его. Он полагал, что это погубит государство; но после смерти Никколо так и случилось; граждане не стали соблюдать его завет, объединились против Козимо и изгнали его из Флоренции. Подобная несправедливость всколыхнула сторонников Козимо, которые вскоре призвали его обратно и поставили во главе республики; этого бы он никогда не достиг, не встретив такого открытого сопротивления.

Так же было и с Цезарем в Риме; сначала его доблесть была встречена Помпеем и другими с благоволением, которое вскоре превратилось в боязнь; об этом свидетельствует Цицерон, который говорит, что Помпей слишком поздно начал опасаться Цезаря. Страх заставил искать ответные меры, но они только ускорили крушение Римской республики.

Итак, я скажу, что бывает трудно распознать зло в зародыше, потому что задатки часто обманчивы, и самое мудрое — выждать, пока они проявятся, не предпринимая попыток единоборства; со временем зло устранится само собой или по крайней мере его приход отдалится. Вообще, если государи собираются устранить своих противников или противостоят их натиску, они должны хорошенько подумать, не приведет ли это к противоположному результату и не накличат ли они на себя беду, пытаясь избежать

ее, — ведь если чрезмерно поливать растение, оно погибнет. Следует оценить величину опасности: если ты в состоянии ее осидить, делай это не задумываясь, в противном случае ничего не предпринимай и предоставь ее самой себе. Иначе может получиться, как с соседями римлян, о которых говорилось выше; для них было предпочтительнее умиротворить римлян, достигших немалого могущества, и держаться от них на расстоянии вместо того, чтобы заставлять их вводить военное положение и готовиться к обороне. Заключенный против Рима союз только сплотил его граждан, укрепил их боевой дух и заставил ввести новые порядки, способствовавшие быстрому распространению римского влияния. Это было, в частности, установление диктатуры, благодаря которой они не только справились с опасностью, но и сумели избежать многих несчастий, которые угрожали бы республике в ее отсутствие.

Глава XXXIV

Диктаторская власть не причинила ущерба Римской республике, а, напротив, принесла пользу; для гражданского общества опасны не те полномочия, которые граждане получают в ходе выборов, а те, которые они присваивают себе сами

Некоторые писатели порицают римлян за то, что они установили в своем городе порядок, предусматривающий назначение диктатора, потому что со временем этот обычай привел к возникновению в Риме тирании. Первый тиран, говорят они, распорядился в городе, прикрываясь титулом диктатора; если бы не существовало этой должности, Цезарь ничем не смог бы оправдать свою тиранию в глазах общества. Но сторонники этого утверждения никогда не пытались его как следует проверить и восприняли его, не требуя доказательств. Ведь не титул и не должность диктатора обратили Рим в рабство, а власть, сосредоточившаяся в руках отдельных граждан вследствие продолжительности верховного командования; если бы в Риме не было звания диктатора, они придумали бы другое, ибо сила легко приспособливается

для себя название, а не название — силу. Пока диктатор назначался в установленном порядке, а не по собственному произволу, это было на пользу городу. Для республик опасны должности и звания, вводимые чрезвычайным способом, а не те, в которые вступают законным путем; можно убедиться, что в Риме на протяжении длительного времени все диктаторы действовали только на благо республики.

Причины этого очевидны. Во-первых, чтобы встать над законом и притеснять других, гражданину необходимо соединить в себе множество качеств, которые недостижимы в неиспорченной республике; он должен быть очень богат и иметь множество сторонников и приверженцев, чего нельзя добиться там, где действуют законы, но если это и случится, свободные выборы обращаются против таких людей, потому что они на всех наводят страх. Во-вторых, диктатор избирался не навсегда, а на время, только чтобы справиться с бедой, вызвавшей его назначение; его власть простиралась на единоличные решения о том, какие средства употребить против грозящей опасности, и на вынесение окончательных приговоров, но ему не следовало наносить ущерб государству, например, отнимать полномочия у Сената или народа, упразднять старые городские порядки и вводить новые. Таким образом, ввиду краткосрочности своего правления и ограниченности власти, а также благодаря неиспорченности римского народа диктаторам невозможно было превысить свои полномочия и принести городу вред; опыт показывает, что они всегда действовали на пользу.

И поистине, среди прочих римских учреждений названное заслуживает упоминания как одно из тех, которые привели к величию этого государства; не располагая таким средством, городам трудно избежать чрезвычайных опасностей. Ведь обычные республиканские органы медлительны в своих действиях (потому что отдельные советы и должностные лица не самостоятельны, а во многом зависят друг от друга, и пока они договариваются, время уходит), так что используемые ими средства становятся пагубными, когда решение не терпит отлагательства. Республики поэтому должны предусмотреть подобные возможности в сво-

ем устройстве; Венецианская республика, выделяющаяся своими достоинствами, предоставила нескольким из своих граждан право в случае чрезвычайной надобности принимать единогласно одобренные ими решения, не созывая более представительного собрания. Ибо если государство не располагает таким средством, оно вынуждено погибнуть, соблюдая свои порядки, или нарушить их, чтобы выжить. А республика никогда не должна допускать такого положения, чтобы с ним можно было управиться только чрезвычайными мерами. Ведь если чрезвычайное средство и принесет в данном случае пользу, при этом будет подан дурной пример; появится обыкновение нарушать законы из благих побуждений, но потом под этим предлогом они станут нарушаться и из дурных. Таким образом, нельзя считать совершенной республику, которая не предвидела все в своих законах и не определила, как следует поступать во всех возможных случаях. Поэтому в заключение я скажу, что те республики, которые в случае опасности не могут прибегнуть к диктатуре или подобному ей средству, в трудных обстоятельствах всегда будут обречены на гибель.

Следует отметить еще порядок избрания на эту новую должность, мудро установленный римлянами. Ведь назначение диктатора несколько ущемляло права консулов, которые из старших лиц в городе становились такими же подданными, как и все прочие; предвидя возможность подобного недовольства среди граждан, римляне пожелали, чтобы диктаторов избирали консулы, полагая, что в случае возникновения у Рима надобности в такой почти царской власти консулы охотно на это пойдут и не испытают большого огорчения, избирая диктатора самолично, ибо раны, которые человек наносит себе сам, как и всякое другое зло, причиняемое себе добровольно, переносятся менее болезненно, чем причиняемые другими. Впрочем, впоследствии вместо диктатора римляне возымели обыкновение наделять такой властью консула, оговаривая это следующим образом: «*Videat Consul, ne Respublica quid detrimenti capiat*»*.

* «Пусть консул следит, чтобы республика не потерпела никакого ущерба» (лат.).

В заключение скажу, возвращаясь к нашему предмету, что соседи Рима, желая подавить его, помогли римлянам не только защититься, но и ответить им тем же с гораздо большей мощью, удобством и сплоченностью.

Глава XXXV

По какой причине учреждение в Риме децемвирата, несмотря на его свободные и публичные выборы, ущемляло республиканскую вольность

Вышеприведенному рассуждению о том, что республике наносят ущерб не те должностные лица, которых выбирают, а те, которые захватывают свое место силой, противоречит, по видимости, избрание десяти граждан, назначенных римским народом для составления законов; со временем их власть стала тиранической и открыто заменила собой городскую вольность. Тут нужно учитывать способ получения власти и время, на которое она вручается. Если произвольная власть предоставляется на длительное время, то есть на год и больше, она становится опасной и приводит к благотворным или дурным последствиям в зависимости от того, достойны или дурны люди, ею распоряжающиеся. И если сравнить полномочия, которыми располагали децемвиры, с теми, которые были у диктаторов, то в первом случае их было не в пример больше. Ведь при диктаторах сохранялась власть трибунов, консулов, Сената с их неотъемлемыми правами, и если диктатор и мог лишит кого-то консульского звания, а кого-то сенаторского, ему не удалось бы упразднить все сенаторское сословие и установить новые законы. Сенат, консулы и трибуны со своей властью стояли как бы на страже и не позволяли диктатору уклониться от правильного пути. Но при создании комиссии Десяти все было как раз наоборот; должности консулов и трибунов упразднили и дали десяти мужам право учреждать законы и все прочее наравне с римским народом. Оказавшись в одиночестве, без консулов, без трибунов, без обращений к народу и без опасения получить от кого-либо острастку, на второй год они перестали считаться с другими под влиянием чес-

толюбивого Аппия. Таким образом, когда говорится, что власть, передаваемая в ходе свободного голосования, никогда не бывает опасна для республиканского строя, речь идет о том, что народ вручает ее только в определенных обстоятельствах и в определенное время; если же он поступает неосторожно, будучи обманут или находясь в неведении по какой-то другой причине, он всегда будет наказан, как римский народ, который наделил властью децемвиров. Все это легко доказать, рассмотрев, чем были хороши диктаторы, и чем были плохи десять мужей, и какие предосторожности принимали республики, считавшиеся хорошо устроенными, когда вручали власть на длительное время, например, спартанцы своим царям или венецианцы своим дожам; в обоих случаях существовал надзор над указанными лицами, чтобы они не смогли злоупотреблять своими полномочиями. Неиспорченность материи не может служить в подобных делах подспорьем, ибо ничем не ограниченная власть очень скоро растлевает массы, находя себе друзей и приспешников. Для самозванца даже не важно, беден ли он или обделен родственными связями; богатства и все прочие блага польются к нему рекой, как будет показано в рассуждении о названных децемвирах.

Глава XXXVI

Не следует гражданам, удостоенным высоких почестей, пренебрегать и менее значительными

Римляне назначили консулами Марка Фабия и Г. Манлия и вместе с ними одержали славную победу в сражении против вейентов и этрусков; при этом погиб Квинт Фабий, брат консула, занимавший этот пост в предыдущем году. Здесь нельзя не отметить, насколько порядки, царившие в этом городе, способствовали его величию, и сколь ошибаются те республики, которые отступают от римских обычаев. Ведь если римляне ценили высоко славу, они не считали постыдным сегодня подчиняться тому, кем вчера командовали, и служить в том войске, где они были начальниками. Такое правило противоречит понятиям и привычкам современных нам граждан; в Венеции даже бытует дурное обык-

новение отказываться от низшей должности, если гражданин занимал более высокую, и делается это с разрешения властей. Может быть, так подобает себя вести частным лицам, но для государства это невыгодно. Ведь республика может ожидать большего и иметь больше доверенности к человеку, который с высокой должности переходит на низшую, по сравнению с тем, кто с низшей вступает в высшую. Последнему можно вполне доверять, только окружив его достойными и уважаемыми людьми, которые умеряли бы его недостаточную опытность своими советами и влиянием. Если бы в Риме укоренился тот обычай, что в Венеции и в других современных республиках и царствах, и бывшие консулы не пожелали бы участвовать в войнах иначе, как в консульском звании, это нанесло бы чрезвычайный ущерб гражданской свободе, как из-за ошибок, допускаемых новыми людьми, так и потому, что их честолюбие не знало бы удержа, если бы их не сковывали люди, среди которых они бы стыдились допустить ошибку; и все это повредило бы общественному благу.

Глава XXXVII

Какие смуты породил в Риме аграрный закон и сколько соблазнов подают республике новые установления, нарушающие старинный обычай и наказывающие за прежние проступки

Суждение древних писателей гласит, что зло причиняет людям горечь, а добро набивает оскомину; и оба этих ощущения приводят к одинаковому результату. Ибо если у людей отсутствует повод сражаться по необходимости, они продолжают это делать из честолюбия, сила которого в людских сердцах столь велика, что никогда не покидает их на любой степени возвышения. Причина состоит в том, что люди по своей природе могут желать чего угодно, но не всего могут добиться; желание приобретать всегда превышает их силы, отсюда проистекает и неудовлетворенность тем, что есть, и стремление к большему. Вот чем объясняется переменчивость всех людских судеб; попытки увеличить свое состояние, а также удержать уже приобретенное порождают

вражду и войны, а они, в свою очередь, ведут к возвышению одних государств и к упадку других.

Этот разговор клонится к тому, что римский плебс не удовлетворился учреждением трибуната, к которому он был вынужден необходимостью оградить себя от притязаний нобилей; добившись своего, плебеи продолжили борьбу из честолюбия и захотели разделить со знатью ее почести и имения, как вещи, наиболее ценимые людьми. Этот недуг породил споры об аграрном законе, который в конце концов и стал причиной распада республики. А поскольку в правильно устроенных республиках предусматривается, что их казна должна быть богатой, а отдельные граждане бедными, Римское государство было обречено на неприятности из-за этого закона, потому что либо он сам был задуман так неудачно, что нуждался чуть ли не в каждодневной переделке, либо он был принят слишком поздно, так что новый передел земли вызвал смуты, либо этот закон сначала был задуман хорошо, но потом был извращен дурным применением; как бы там ни было, всякое обсуждение аграрного закона в Риме переворачивало город вверх дном.

В аграрном законе было два основных пункта. В одном говорилось, что никто из граждан не может обладать количеством земли, превышающим определенное число югеров; в другом — что отнятые у врага поля должны быть распределены среди римского народа. Тем самым закон ущемлял двояким образом нобилей: во-первых, владельцы больших, чем было им предусмотрено, участков (а к таковым относилась вся знать) согласно его решению должны были их лишиться; во-вторых, поскольку имущество противника делилось между плебеями, нобили теряли возможность обогащения. Закон задевал влиятельных людей, и, выступая против него, они, как им казалось, защищали общественное благо; поэтому, как уже говорилось, как только речь заходила о законе, город начинало лихорадить. Нобили осторожно и умело задерживали его проведение в жизнь, то выдвигая войска, то противопоставляя опирающемуся на этот закон трибуну другого трибуна, то идя на частичные уступки, то основывая колонию на подлежащих распределению землях. Так произошло с округой

Анциума, по поводу которой возникли разногласия, связанные с применением аграрного закона; там была учреждена римская колония, получившая названную округу. При этом Тит Ливий использует любопытное выражение, говоря, что в Риме было трудно найти желающих записаться в эту колонию, потому что плебс предпочитал скорее ожидать наделов в Риме, чем обладать ими в Анциуме. Такие страсти кипели вокруг аграрного закона некоторое время, пока римляне не стали ходить своими походами на границы Италии и даже за ее пределы; тут стало казаться, что буря улеглась. Дело в том, что поля, принадлежавшие врагам Рима, перестали мозолить глаза плебеям, находясь в отдалении и будучи труднодоступными для обработки, так что желание владеть ими убавилось; кроме того, римляне теперь редко наказывали своих противников подобным образом, а если они и лишали какой-то город его земель, то основывали там колонии. В силу указанных причин до Гракхов аграрный закон пребывал как бы в состоянии спячки; но они пробудили его, и он совершенно подорвал римскую свободу, ибо силы его противников удвоились и борьба между плебсом и Сенатом приняла такой оборот, что дело дошло до вооруженных и кровавых столкновений, недопустимых в гражданском обществе. Должностные лица не могли ничего поделать, и поэтому каждая из сторон утратила всякую надежду на них, так что обе партии прибегли к частным средствам и избрали собственных глав для своей защиты. Первым среди этих раздоров и распрей подал пример плебс, который связал свою судьбу с Марием и четырежды способствовал его избранию консулом; его пребывание в должности тянулось почти без перерыва и так долго, что сам Марий добился своего избрания консулом еще на три года. Против подобной угрозы у знати не оставалось другого выхода, как обратиться к помощи Суллы, и, когда он стал главой партии нобилей, начались гражданские войны; после продолжавшейся с переменным успехом кровопролитной борьбы верх одержала знать. С новой силой раздоры вспыхнули во времена Цезаря и Помпея; Цезарь стал во главе партии Мария, а Помпей — Суллы; в ходе столкновений победа была на стороне Цезаря, который стал первым римским тираном, и после этого со свободой Рима было покончено навсегда.

Таковы были истоки и последствия аграрного закона. И хотя мы показали выше, что вражда между Сенатом и плебсом сохранила римскую свободу, ибо из нее родились законы в пользу вольности, а судьба аграрного закона как будто бы противоречит такому выводу, я вовсе не отказываюсь от своего мнения, потому что честолюбие грандов (если городские порядки не предусматривают разные способы его подавления) быстро приводит республику к краху. Так что если распри вокруг аграрного закона довели Рим до рабского состояния за триста лет, он оказался бы под игом гораздо быстрее, когда бы плебс с помощью этого закона и других своих притязаний не сдерживал властолюбия нобилей. На этом примере хорошо видно также, насколько больше люди дорожат имуществом, чем почестями. Римская знать всегда без особых смут уступала плебеям должности и звания, но когда дело дошло до ее состояния, она стала защищать его с таким ожесточением, что плебс прибег к крайним мерам, описанным выше, чтобы удовлетворить свои аппетиты. Зачинщиками этих беспорядков были Гракхи, намерение которых заслуживает большей похвалы, чем их благоразумие. Ведь нельзя назвать хорошо продуманной попытку устранить какой-то выявившийся в республике недостаток, учредив для этого закон, обладающий обратной силой; таким образом, как подробно было рассмотрено выше, можно только приблизить наступление беды, которой чреват указанный недостаток, но если выждать, она наступит позже либо со временем устранится сама собою, не проявив всех своих разрушительных сил.

Глава XXXVIII

Слабые республики нерешительны и склонны к колебаниям, сделать определенный шаг их заставляет необходимость, а не свободный выбор

Однажды в Риме разразилось моровое поветрие, и соседние народы, вольски и эквы, сочли этот момент удобным, чтобы ослабить его; собрав большое войско, они напали на латинов и герников, разоряя их страну, так что те были вынуждены снестись с Римом и просить его о защите; римляне были обременены эпиде-

мией, поэтому они ответили просителям, чтобы те взялись за оружие и оборонялись сами, ибо помощи оказать невозможно. Этот случай говорит о великодушии и благоразумии римского Сената, а также о том, что при всех обстоятельствах он желал сохранить за собой право распоряжаться судьбой своих подданных и при необходимости никогда не останавливался перед тем, чтобы поступить вопреки обыкновению и принятым ранее решениям.

Я говорю об этом потому, что раньше этот же Сенат запрещал названным народам вооружаться даже для собственной защиты; если бы его члены были менее благоразумны, подобная уступка казалась бы им унижительной. Но римский Сенат всегда судил о вещах трезво и из двух зол избрал наименьшее: не оказывать помощи своим подданным скверно, но так же скверно было бы разрешить им вооружить собственное войско, по вышеназванным и другим понятным причинам; тем не менее Сенат, понимая, что нужда заставит в любом случае взяться за оружие для отпора врагу, нашел достойный выход и пожелал, чтобы они сделали это с его разрешения, потому что, не подчинившись один раз по необходимости, покоренные народы могли обрести вкус к своеволию. И хотя всякому правительству следовало бы совершать подобные поступки, слабые и неразумно управляемые республики не отваживаются на них и не умеют обернуть такие трудности к своей выгоде. В свое время герцог Валентино захватил Фаэнцу и заставил Болонью принять его условия. Затем, собираясь вернуться в Рим через Тоскану, он отправил во Флоренцию своего посланца, чтобы испросить пропуск для себя и своего войска. Во Флоренции стали обсуждать, как следует поступить, и никто не высказывался за то, чтобы дать герцогу такое разрешение. Это было совершено не в римском духе, потому что безоружные флорентийцы не могли помешать вооруженному герцогу пройти через их владения и для них было бы гораздо почетнее, чтобы он проделал это хотя бы по видимости с их дозволения, а не силой; в первом случае позор был бы для них меньше, чем в последнем. Но самая большая беда слабых республик заключается в их нерешительности; ко всем своим решениям они бывают понуждае-

мы силой и если и получают какую-то выгоду, то должны благодарить за нее обстоятельства, а не свое благоразумие.

Я хочу привести еще два схожих примера, относящихся к делам нашего города в недавнем времени.

В тысяча пятисотом году, когда французский король Людовик XII вернул себе Милан и хотел отвоевать Пизу, чтобы получить 50 тыс. дукатов, обещанных ему флорентийцами за ее возвращение, он послал туда свое войско во главе с монсеньором Бомоном, который пользовался доверием во Флоренции, хотя и был французом. Это войско со своим полководцем расположилось между Кашиной и Пизой и собиралось идти на штурм; приготовления заняли несколько дней, и в это время к Бомону явились гаванские послы с предложением сдать город французам на следующих условиях: именем короля он должен был пообещать, что город будет передан флорентийцам не раньше чем через четыре месяца. Но флорентийцы решительно отвергли этот вариант, так что сражение состоялось и их войско с позором отступило. Предложение было отклонено только потому, что флорентийцы не доверяли слову короля; по своему слабому разумению они были вынуждены отдаться на его милость, но в то же время не верили ему и не понимали, насколько лучше было бы, если бы король возвратил им Пизу, заняв ее, или открыто отказался ее вернуть, чем ограничивался бы одними обещаниями на будущее, которые они должны были оплачивать. Гораздо выгоднее было для флорентийцев согласиться, чтобы Бомон занял Пизу на любых условиях; это выяснилось на опыте в 1502 году, когда французский король прислал на помощь флорентийцам, против которых восстал город Ареццо, монсеньора Имбо со своим войском; приблизившись к Ареццо, последний вскоре начал вести переговоры с аретинцами, и они согласились сдать на определенных условиях, как в свое время пизанцы. Во Флоренции это соглашение было отвергнуто, но монсеньор Имбо, убедившись, что флорентийцы ничего не смыслят в таких делах, продолжил переговоры без участия их комиссаров и заключил собственный договор, по которому его солдаты вошли в Ареццо. Флорентий-

цам он объявил, что они потеряли рассудок и ничего не понимают в мирских делах, потому что, нуждаясь в Ареццо, они должны были предоставить заботу об этом королю, а тому гораздо легче было бы позаботиться о них, имея своих солдат внутри, а не снаружи. Во Флоренции только и слышны были упреки и проклятия в адрес названного Имбо, и так продолжалось до тех пор, пока не стало ясно, что если бы Бомон поступил подобно ему, Пиза досталась бы Флоренции так же, как и Ареццо.

Итак, возвращаясь к нашему предмету, заметим, что нерешительные республики поступают благоразумно, только будучи вынуждены к этому, потому что слабость заставляет их колебаться в случае сомнений; пока какая-либо сила не подтолкнет их к действиям, они всегда пребывают в нерешительности.

Глава XXXIX

У разных народов часто можно наблюдать сходные происшествия

Углубляясь в изучение событий прошлого и современности, легко заметить, что во всех государствах и у всех народов всегда бытовали и бытуют одни и те же желания и одни и те же настроения. Поэтому тот, кто со всем тщанием вникает в прошедшее какой-либо республики, тот с легкостью угадает ее будущее и предпишет ей средства, которые уже использовались древними; если же прежних средств не отыщется, сходство в событиях подскажет ему новые. Но так как читатели истории пренебрегают или остаются глухи к этим соображениям или, даже внимая им, не могут довести их до правителей, в новое время повторяются прежние смуты.

После девяносто четвертого года Флоренция утратила часть своих владений, в том числе Пизу и другие города, и была вынуждена вести войну с их захватчиками. Но поскольку новые хозяева были могущественны, бесконечные траты на войну не приносили никаких плодов; большие расходы вызвали увеличение налогов; повышение налогов — ропот в народе, и так как вой-

ной руководила комиссия из десяти граждан, называвшаяся Десять мужей по делам войны, общее недовольство обратилось против этой комиссии, как будто она была причиной войны и военных расходов. Появилось мнение, что если будет устранена комиссия, будет покончено и с войной, так что при новых пере выборах в эту комиссию ее должности остались вакантными; по истечении срока полномочий предыдущих членов комиссии Десяти ее дела были переданы Синьории. Это решение было пагубным, ибо война не только не кончилась, как все ожидали, но отстранение опытных людей, руководивших ею, повело к таким беспорядкам, что, кроме Пизы, были потеряны Ареццо и многие другие местности. Когда же народ понял свою ошибку и убедился, что причина болезни заключается не во враче, а в лихорадке, комиссия Десяти была восстановлена.

Подобное же недовольство поднялось в Риме против деятельности консулов: народ видел, что город без передышки ведет одну войну за другой, и не помышлял о том, что причиной этого являются притязания соседей, желающих поработить его, полагая, что все дело во властолюбии нобилей, которые, якобы не имея возможности расправиться с плебсом в Риме, где его защищает власть трибунов, посылают плебеев во главе с консулами за пределы Рима, чтобы там угнетать их без помех. Все это наводило плебеев на мысль устранить консульскую власть или так ее ограничить, чтобы народ мог не подчиняться ей как внутри, так и вне Рима. Первым, кто попытался издать подобный закон, был некий Терентилл, трибун, который предложил избрать комиссию из пяти человек для наблюдения за деятельностью консулов и для ограничения их власти. Но его предложение вызвало негодование нобилей, полагавших, что с этими должностями они окончательно лишаются влияния в республике и это приведет к упадку державной власти. Однако трибуны проявили такое упорство, что звание консулов было упразднено. В конце концов после ряда попыток все пришли к соглашению — назначать трибунов с консульской властью, но не консулов, настолько титул был ненавистнее действительных полномочий. Такой порядок сохранялся дол-

гое время, пока римляне, осознав свою ошибку, не восстановили должность консулов, так же как флорентийцы — комиссию Десяти.

Глава XL

О создании децемвирата в Риме и о том, что было в нем примечательного; в том числе и о том, как подобные решения могут привести к спасению или гибели республики

Чтобы подробнее остановиться на событиях, связанных с учреждением децемвирата в Риме, мне кажется нелишним рассказать сперва о том, как была создана эта комиссия, а затем обсудить наиболее примечательные стороны этого события, ибо в них есть немало поучительного как для тех, кто желает упрочить свободную республику, так и для тех, кто желает поработить ее. Наше рассуждение прояснит множество ошибок, допущенных Сенатом и плебсом и ущемляющих свободу, а также и других — со стороны Аппия, главы Десяти мужей, идущих вразрез с тиранией, которую он намеревался установить в Риме.

После многих споров и прений между народом и знатью по поводу принятия для Рима новых законов, расширяющих гражданские вольности, было решено послать Спурия Постумия и еще двух римлян в Афины, чтобы они изучили там законы, составленные Солоном для этого города, и использовали их в качестве примера для римских. По возвращении посланцев для рассмотрения и утверждения названных законов была назначена комиссия: десять граждан, избранные на один год, среди которых находился и Аппий Клавдий, человек дотошный и беспокойный. Чтобы обеспечить независимость их законотворчества, в Риме были упразднены все прочие должности, в том числе трибунов и консулов, так что децемвиры сделались полновластными хозяевами Рима. Аппий сосредоточил в своих руках всю власть сотоварищей благодаря поддержке со стороны плебса: он выказывал такую привязанность ко всему народному, что казалось удивительным, как ему удалось так быстро изменить свой характер и свои вкусы, ведь до этого его считали жестоким гонителем плебеев.

Названные Десять мужей вели себя весьма достойно и имели не больше двенадцати ликторов, выступавших впереди избранного ими предводителя. И хотя децемвиры располагали всей полнотой власти, но когда нужно было наказать римского гражданина за убийство, они вызвали его в народное собрание и там предложили судить. Законы были написаны на десяти табличках и перед утверждением выставлены на всеобщее обозрение, чтобы каждый мог прочитать и высказать свое мнение о них, так что если бы были обнаружены какие-то недостатки, их можно было бы исправить до утверждения. Аппий между тем пустил по городу слух, что для полного совершенствования этих табличек к ним нужно прибавить еще две, и это дало народу повод избрать децемвиров еще на один год; народ пошел на это с охотой, чтобы подольше обходиться без консулов, и не беспокоился об отсутствии трибунов, ибо, как было сказано выше, сам выступал в роли судьи. Итак, было решено переизбрать Десять мужей, и все нобилы стали добиваться этого звания, в числе первых Аппий; при этом он проявил такое участие к плебеям, что стал вызывать подозрения у своих сотоварищей: «*Credebant enim haud gratuitam in tanta superbia comitatem fore*»*. Но выступить против него в открытую они опасались и решили прибегнуть к такой уловке: хотя он был младшим из всех, ему доверили предложить народу кандидатуры будущих децемвиров, полагая, что он, как было принято у всех, не станет называть собственное имя, ибо в Риме это выглядело неслыханным позором. «*Ille vero impedimentum pro occasione arripuit*»** и назвал себя в числе первых, к изумлению и неудовольствию всех нобилей; затем он назначил девять остальных по своему усмотрению. Этот выбор, простиравшийся еще на один год, пролил свет перед народом и знатью на допущенную ими ошибку, потому что тотчас же «*Appius finem fecit ferendae alienae personae*»***; он проявил свою врожденную гордыню и за несколько дней укоренил подобные же нравы в своих товарищах, а для устрашения народа и Сената вместо двенадцати ликторов было собрано сто двадцать.

* «Недаром этот гордец ведет себя так скромно» (лат.).

** «Он же обратил препятствие себе на пользу» (лат.).

*** «Аппий сбросил маску и показал свое истинное лицо» (лат.).

Несколько дней все пребывали в равном страхе; но затем децемвиры стали заигрывать с Сенатом и притеснять плебс, и если плебей, обиженный одним из членов комиссии, взывал к другому, то ему только увеличивали наказание. Тогда уже плебеи, удостоверившись в своей ошибке, от огорчения стали присматриваться к нобилям, «*et inde libertatis captare auram, unde servitutem timendo, in eum statum rempublicam adduxerunt*»*. А знати только на руку были огорчения плебеев, «*ut ipsi, taedio praesentium, Consules desiderarent*»**. Приближались последние дни года: две таблички с законами были составлены, но не опубликованы. Это дало повод Десяти остаться в должности, они пытались удержаться у власти с помощью насилия и стали вербовать себе подручных среди знатной молодежи, которой передавали имущество осужденных ими. «*Quibus donis juvenus corrumpebatur, et malebat licentiam suam quam omnium libertatem****». В это время сабины и вольски объявили римлянам войну; это событие показало децемвирам слабость их положения, потому что без помощи Сената они не могли подготовиться к войне, а собрав Сенат, рисковали лишиться власти. Необходимость, впрочем, вынудила их избрать последнее; и когда сенаторы собрались, многие из них, особенно Валерий и Горацій, высказывались против диктата Десяти, власти которых пришел бы конец, если бы Сенат в пику плебеям не проявил своей строптивости в надежде, что, когда децемвиры добровольно сложат свои полномочия, дело обойдется без переизбрания народных трибунов. Итак, была объявлена война и снаряжены два войска, возглавляемые некоторыми из децемвиров; Аппий остался управлять городом. В это время он влюбился в Виргинию и желал овладеть ею силой, но отец девушки, Виргиний, спасая ее честь, лишил дочь жизни, после чего в Риме и в войсках начались беспорядки. Оставшиеся плебеи вместе с солдатами отправились на Священную гору и пребывали там до тех пор, пока децемвиры не подали в отставку; вместо них были на-

* «ожидая проблесков свободы оттуда, где прежде видели источник рабства, в страхе перед которым они и довели государство до такого состояния» (лат.).

** «потому что они из отвращения к настоящему могли пожелать возвращения консульской власти» (лат.).

*** «Эти дары развращали молодежь, которая ставила свою распущенность выше всеобщей свободы» (лат.).

значены трибуны и консулы, и Рим вернулся к своей прежней вольности.

Вся эта история показывает, что вышеописанная попытка восстановить в Риме тиранию была вызвана к жизни теми же причинами, которые рождают тиранов и в других городах, а именно неумеренными стремлениями народа к свободе, а знати — к власти. И если им не удастся принять совместный закон о защите свободы, а вместо этого каждая из партий ищет себе вождя, то возникновение тирании неизбежно. В Риме и народ, и знать пришли к соглашению о создании комиссии Десяти, да еще с такими полномочиями, только потому, что одна из партий желала упразднить должность консулов, а другая — трибунов. Потом плебеи уверились в том, что Аппий перешел на их сторону и притесняет нобилей, почему народ стал поддерживать его. А когда народ допускает подобную ошибку, то есть наделяет кого-либо полновластием для сокрушения своих противников, этот человек, если он достаточно умен, всегда становится тираном города. Располагая поддержкой народа, он позаботится о сокрушении знати и, пока не расправится с ней, не станет предпринимать ничего против народа, но за это время последний окажется у него в рабстве, как в западне. Такого образа действий придерживались все основатели тираний в республиках. Если бы так поступил и Аппий, то его тирания была бы более жизнеспособной и не прервалась бы так скоро, но он сделал все наоборот, и нельзя представить себе ничего более неблагоприятного, чем его поступки; для укрепления своей власти он поссорился с теми, от кого получил ее и кто мог ее защищать, будучи не в ладах с теми, кто не собирался вручать ему власть и не мог защитить ее; настоящих друзей он утратил, но стал заигрывать с теми, кто мог питать к нему только вражду. Ведь хотя нобили склонны к тираническому режиму, та их часть, которая не получает от него выгод, всегда враждебна тирану, и ее невозможно привлечь на свою сторону полностью ввиду присущих ей честолюбия и алчности, ибо у тирана не хватит богатства и почестей, чтобы удовлетворить всех. Так что Аппий, покинув народ и соединившись с нобилиями, допустил явный промах как по вышеуказанной причине, так и потому, что желающий удержать что-либо силой, принуждая, не должен быть слабее принуждаемого.

Отсюда следует, что тираны, опирающиеся на массы и выступающие против грандов, находятся в большей безопасности, потому что могут принуждать с большей силой, чем те, кто враждебен народу и дружит со знатью. В первом случае достаточно иметь внутреннюю опору, которая была у Набида, тирана Спарты, когда против него выступили вся Греция и римский народ; обезопасив себя от кучки нобилей, Набид защитился с помощью народа, который был на его стороне, в противоположном случае он проиграл бы. Ведь если внутри государства у тебя мало друзей, внутренних сил уже недостаточно и следует искать поддержки извне. Здесь возможны три пути: первый — пригласить чужеземных наемников, чтобы они охраняли твою жизнь; второй — вооружить окрестных жителей, чтобы они заменили собой плебеев; третий — вступить в союз с могущественными соседями, которые могли бы тебя защитить. Кто станет придерживаться этих способов и сумеет их применить, тот имеет шансы на спасение, хотя бы народ и противостоял ему. Но Аппий не мог привлечь к себе жителей округи, потому что она составляла с Римом единое целое; те возможности, что у него были, он не сумел использовать и с самого начала был обречен на неудачу.

Сенат и народ при учреждении комиссии Десяти допустили грубейшие ошибки, не говоря уже о том, что хотя угрозу свободному строю представляют те должностные лица, которые назначаются друг другом, а не народом, как было сказано выше по поводу диктатуры, народ все-таки должен, учреждая должности, как-то ограничить возможность преступных поползновений со стороны их занимающих. Римляне же, вместо того чтобы строже следить за добронравием, вовсе устранили его блюстителей, они оставили в Риме только один орган власти и упразднили все остальные из-за чрезмерного (как мы отмечали выше) желания Сената отделаться от трибунов, а плебса — от консулов; ослепленные, они сошлись в своих заблуждениях. Люди, как говорил король Фердинанд, часто уподобляются мелким хищным птицам; природа вкладывает в них столь сильное стремление к преследованию жертвы, что они не замечают нависшего над ними более крупного хищника. Все это рассуждение, как я и обещал вначале, показывает ошибки как римского народа, который пытался защитить свою свободу, так и Аппия, покушавшегося установить тиранию.

Глава ХLI

Переходить от смирения к гордыне и от милосердия к жестокости без должной постепенности неразумно и вредно

Кроме других просчетов, допущенных Аппием при утверждении тирании, немаловажную роль сыграли резкие переходы от одного качества к другому. Он удачно применил хитрость для обмана плебеев, прикидываясь сторонником народа; придумал хороший повод для переизбрания Десяти; проявил завидную отвагу, предложив себя на должность вопреки настроениям знати; столь же правильным было назначение сотоварищей по своему усмотрению; но после всего этого совершенно неправильным было, как я говорил выше, тотчас же изменить свой характер и вместо друга предстать врагом народа, из снисходительного стать высокомерным, из доступного — неприступным, да еще так неожиданно, что всякому становилась очевидной лживость его поступков. Кто раньше казался добрым, а теперь не боится стать дурным, тот должен идти к этому постепенно, используя открывающиеся возможности, чтобы обеспечить себе новые привязанности, прежде чем старые, из-за перемены характера, будут утрачены, и чтобы твое влияние не потерпело ущерба; иначе, раскрыв свои карты и оказавшись без друзей, ты погибнешь.

Глава ХLII

О том, как легко люди поддаются порче

Примечательно также, как показывает случай с децемви-
ратом, сколь легко развратить людей и переиначить их природу, как бы они ни были до того благодетельны и воспитаны в добрых правилах; это видно по поведению собранной вокруг Аппия молодежи, которая не погнушалась даже малой выгодой, связанной с поддержкой тирании; и на примере Квинта Фабия, входившего в состав комиссии Десяти, до того челове-

ка безупречных нравов, который изменил их на самые худшие, ослепленный мелким честолюбием и увлеченный злодейством Аппия, так что сам уподобился ему. Внимательное изучение подобных событий еще сильнее побудит законодателей республик или царств к обузданию людских притязаний и полному устранению для них возможности *impruе** следовать своим заблуждениям.

Глава XLIII

Кто сражается ради собственной славы, будет хорошим и верным солдатом

Вышеприведенное рассуждение показывает также, сколь велика разница между войском, твердо намеренным сражаться за собственное дело, и тем, что только вынуждено биться ради чужого властолюбия. Ведь если римские войска под водительством консулов всегда одерживали победу, то при децемвирах они проигрывали сражения. На их примере можно отчасти судить о причинах бессмысленности использования наемных солдат, которых удерживает на месте только получаемая от тебя небольшая плата. Ее никогда не хватит для того, чтобы приобрести их преданность и заставить настолько полюбить тебя, чтобы они пошли на смерть. Но там, где войско не объединено подлинной привязанностью к тому, кого оно защищает, ему никогда не достанет доблести, чтобы противостоять сколько-нибудь отважному противнику. И поскольку такая любовь и такая ревность могут возникнуть только у подданных, тому, кто желает сохранить свою власть в республике или монархии, необходимо вооружить своих сограждан, как и поступали все выдающиеся воители. При правлении Десяти у римской армии не убавилось доблести, но сражалась она без прежней охоты и не могла добиться обычных успехов. Однако как только комиссия Десяти была упразднена и воины почувствовали себя свободными, к ним вернулся боевой дух, и в дальнейшем их предприятиям сопутствовал успех, как это утвердилось издревле.

* безнаказанно (лат.).

Глава XLIV

**О том, что толпа без вождя беспомощна
и что не следует сперва раздражаться угрозами,
а потом требовать власти**

Из-за происшествия с Виргинией римские плебеи вооружились и отправились на Священную гору. Сенат отрядил туда посольство с вопросом: по какому праву они покинули своих начальников и поднялись на гору, и уважение к Сенату было столь велико, что никто из плебеев не решался отвечать, ибо среди них не было вождей. Тит Ливий говорит, что для ответа не доставало не столько доводов, сколько того, кто их изложил бы. Этот случай показывает никчемность толпы, лишенной вождя. Это неудобство почувствовал Виргиний и приказал назначить двадцать военных трибунов, которые возглавили бы плебс и вели от его имени переговоры с Сенатом. Плебеи потребовали прислать к ним Валерия и Горация, чтобы высказать им свою волю, но те не захотели этого делать, пока децемвиры не сложат свои обязанности. Когда Валерий и Гораций поднялись на гору к плебсу, они услышали от него пожелание восстановить должность народных трибунов, всем должностным лицам дать право апелляции к народу и выдать всех децемвиров, которых плебеи собирались сжечь живьем. Первую часть требований Валерий и Гораций похвалили, последнее же назвали нечестивым, говоря: «*Crudelitatem damnatis, in crudelitatem ruitis*»^{*}; они посоветовали народу не упоминать о Десяти и подождать возвращения к власти, тогда легко можно будет удовлетворить их желание. Отсюда со всей очевидностью следует, сколь нелепо и неразумно просить о чем-то, говоря: «Мне это нужно, чтобы причинить такое-то зло»; вместо того, чтобы раскрывать свои намерения, нужно попытаться осуществить свое стремление любой ценой. И, спрашивая у кого-либо оружие, ни к чему добавлять: «Я хочу тебя убить». Когда ты получишь требуемое, тогда можешь удовлетворить свою прихоть.

^{*} «Осуждая жестокость, вы впадаете в еще большую» (лат.).

Глава XLV

Дурной пример подает тот, кто не соблюдает принятый закон, особенно если он сам его издал; и, умножая всякий день число обид, правитель города наносит себе непоправимый вред

Когда восстановилось согласие и Рим вернулся к прежней форме правления, Виргиний призвал Аппия к защите от обвинений перед лицом народа. Тот пришел в сопровождении многих нобилей, и Виргиний приказал заключить его в тюрьму. Аппий стал кричать и взывать к народу, Виргиний же объявил, что нарушитель права апелляции недостойн позволения применять его и что обидчик народа не должен искать у него защиты. Аппий возражал, что не следует отнимать права обжалования, которого римляне так страстно добивались. Все же он был арестован и накануне суда покончил с собой. И хотя за свои нечестивые поступки этот человек заслуживал любой казни, неправильно было ради этого нарушать закон, да еще только что принятый. Не думаю, чтобы республиканская власть могла придумать что-нибудь худшее, чем издать закон и не выполнять его, тем более по вине самого его автора. В девяносто четвертом году государственные установления Флоренции были пересмотрены при участии брата Джироламо Савонаролы, сочинения которого свидетельствуют о присущих ему учености, благоразумии и добродетели; и наряду с прочими мерами, защищающими граждан, он настоял на принятии закона о праве обжалования перед народом приговоров по государственным преступлениям, выносимых комиссией Восьми и Синьорией, каковой закон он смог провести с превеликим трудом и только после долгих уговоров. Случилось так, что вскоре после утверждения закона Синьория приговорила к смерти за государственное преступление пятерых граждан, и когда они хотели обжаловать приговор, им было отказано в этом праве, так что закон не был соблюден. Это происшествие как никакое другое подорвало доверие к брату Савонароле, потому что, если указанная апелляция имела смысл, он должен был допустить ее, если же она не имела смысла, ему следовало настоять на ее отклоне-

нии. Этот случай обратил на себя тем большее внимание, что в своих проповедях, читанных после нарушения закона, брат никогда не осуждал виновников этого, но и не извинял их, как бы не желая порицать их за то, что было ему выгодно, а оправдывать не имея возможности. Разоблачив таким образом свой властолюбивый и пристрастный нрав, он нанес ущерб своей репутации и вызвал дурные толки.

Государство совершает также большую ошибку, вседневное будоража умы своих граждан бесконечными обидами, наносимыми тому или другому из них, как это было в Риме после децемвирата. Все Десять мужей и многие другие римляне подверглись обвинениям и были осуждены в разное время; зная была объята страхом, и ей казалось, что приговорам не будет конца, пока все нобили не окажутся истребленными. Городу угрожали великие беспорядки, но тут вмешался трибун Марк Дуиллий, который издал приказ о запрещении вызывать в суд и обвинять римских граждан в течение года, и это успокоило нобилей. Отсюда видно, сколь вредно для республики или для государя держать в страхе и беспокойстве своих сограждан непрерывными обидами и наказаниями. Нет сомнения, что трудно найти что-либо пагубнее, ведь люди, подозревающие свою дурную участь, пытаются обезопасить себя с небывалой до того отвагой и готовностью искать перемен, поэтому не следует никого никогда обижать или уж наносить обиды разом, а затем успокоить людей и дать им возможность утихомирить разлад и сумятицу в душах.

Глава XLVI

Людское честолюбие не успокаивается на достигнутом; сперва мы стараемся защититься от обид, потом начинаем обижать других

Когда римский народ восстановил свою свободу и вернулся в прежнее состояние, к тому же еще укрепив свое могущество с помощью новых законов, по всем разумным меркам казалось, что Риму наконец следовало бы успокоиться. Но на деле вышло по-другому, ибо каждый день вспыхивали новые вол-

нения и распри. Тит Ливий с глубоким пониманием изъясняет причины этих беспорядков, и поэтому мне кажется вполне уместным привести его высказывание о том, что надменность народа или знати возрастала по мере унижения одного из них; и когда плебс удовлетворился своим положением, знатная молодежь стала задевать его, а трибуны не могли тут ничего поделать, ибо и они подвергались насилию. Нобили же, хотя и видели, что их молодежь не знает меры в своей жестокости, предпочитали, чтобы крайности совершали свои, а не плебеи. И так в своем желании отстоять свободу люди переставали кому-либо подчиняться и начинали притеснять других. Таков порядок вещей: если люди пытаются избавиться от страха, то наводят его на других, и когда желают отвести от себя несправедливость, совершают ее по отношению к другим; как будто бы необходимо либо обижать, либо быть обиженным. Отсюда виден наряду с другими один из способов погубить республику и один из путей, по которому людское честолюбие восходит от одной цели к другой, а также сколь справедливо Саллюстиево суждение, вложенное в уста Цезаря, что «*quod omnia mala exempla bonis initiis orta sunt*»*. Как уже говорилось выше, первая вещь, которой добиваются в республике граждане, лелеющие свое честолюбие, — это не терпеть обид не только от частных лиц, *etiam*** от чиновников; для этого они, дозволительными на первый взгляд средствами, обзаводятся друзьями, оказывая им денежную помощь или защищая от могущественных сограждан. Поскольку такие поступки выглядят добродетельными, все обманываются на их счет и не думают им противостоять. Не встречая препятствий, такой человек достигает положения, когда он внушает страх частным лицам и уважение — должностным. Если влияние этого гражданина не встречает противодействия и он восходит на указанную ступень, столкновение с ним становится чрезвычайно опасным по причинам, названным мною выше, в разделе о неудобствах, получивших уже некоторое распространение в городе. Тут остается либо попробовать избавиться от него, подвергаясь риску полного круше-

* «все дурные примеры появились из хороших начинаний» (лат.).

** но (и) (лат.).

ния, либо примириться с явной зависимостью, ожидая, что смерть или другой случай освободят тебя от него, потому что в таком положении, когда граждане и должностные лица не отваживаются задеть его или его друзей, ему не составит труда принудить их обижать других и выносить им приговоры в его интересах. Так что республика в своих установлениях должна предохранить себя от того, чтобы ее граждане под видом блага не замыслили чего-то другого, и предусмотреть, чтобы их авторитет служил на пользу, а не во вред свободе, что будет обсуждено нами в своем месте.

Глава XLVII

Хотя люди и обманываются в общих суждениях, о частностях они судят справедливо

Когда римский народ, как уже говорилось выше, был по горло сыт консульским званием и желал избирать на эти должности одних плебеев или умерить полномочия консулов, знать предпочла средний путь и, чтобы не допустить ни того ни другого, согласилась на избрание четырех трибунов с консульской властью, которыми могли стать как плебеи, так и нобили. Плебс пошел на это, полагая, что покончит тем самым с консулами и получит эту высокую должность в свои руки. При этом произошел следующий примечательный случай: когда нужно было назначить новых трибунов и все они могли быть плебеями, римский народ выбрал на эти должности одних нобилей. По этому поводу Тит Ливий произносит такие слова: «*Quorum comitiorum eventus docuit, alios animos in contentione libertatis et honoris, alios secundum deposita certamina in incorrupto iudicio esse*»*. Задаваясь вопросом, почему так получилось, я полагаю, дело в том, что люди часто обманываются в общих суждениях, а в частных — не особенно. Римскому плебсу казалось, что он заслуживает консульства, потому что составляет в городе большинство, подвергается наибольшей опасности во время войн и вообще стоит на страже римского могущества и свободы.

* «Исход выборов показал, что с одними настроениями борются за свободу и достоинство и с другими — выносят беспристрастное решение, когда борьба уже окончена» (лат.).

Поэтому указанное выше положение представлялось ему разумным, и плебеи любой ценой хотели добиться такой власти. Но когда пришел черед судить о своих выходцах по отдельности, они убедились в слабости последних и считали, что никто из них сам по себе не заслуживает того, чего заслуживают они все в совокупности. Поэтому, устыдившись сами себя, плебеи обратились к более достойным лицам. Тит Ливий выказывает удивление перед таким решением в следующих словах: «*Hanc modestiam aequitatemque et altitudinem animi, ubi nunc in uno inveneris, quae tunc populi universi fuit?*»*

В подтверждение тому можно привести еще один любопытный пример, показанный в Капуе, когда Ганнибал разбил римлян при Каннах. После этого поражения поднялась вся Италия, Капуя же была раздираема ненавистью между народом и Сенатом. Высшую государственную должность занимал в то время Пакувий Калан, который сознавал, в какой опасности находится город из-за беспорядков, и решил с помощью своего авторитета примирить плебеев со знатью. Замыслив это, он велел созвать Сенат и объявил ему, что ненависть, питаемая к нему народом, может привести к их гибели и сдаче города Ганнибалу, поскольку дела у римлян идут неважно. Затем он добавил, что если они пожелают доверить все ему, он сумеет объединить горожан, только для этого ему нужно будет закрыть сенаторов во дворце и спасти их, позволив народу назначить для них наказание. Сенаторы согласились с Пакувием, и он, заперев их во дворце, созвал народ на собрание. Здесь он объявил, что пришло время покончить с высокомерием знати и отплатить ей за прежние обиды, благо все нобили находятся в его руках; но так как он думал, что плебеи не захотят оставить город без управления, следовало назначить новых сенаторов, если старые будут перебиты. Для этого он сложил записки с именами всех сенаторов в сумку и собирался при всем народе вынимать их; так можно было бы умерщвлять сенаторов по вынутым запискам, по мере того как им будут найдены преемники. Он вытащил одну записку, и при звуке прочитанного имени поднялся величайший шум и выкрики, обвинявшие это-

* «Где теперь сыщешь даже в одном человеке такие скромность, справедливость и высоту духа, какие в те времена были присущи целому народу?» (лат.)

го сенатора в гордыне, жестокости и заносчивости; но когда Пакувий потребовал назначить ему замену и через некоторое время было названо имя одного из плебеев, то при этом слышались свистки, хохот и грубые насмешки в его адрес. Так продолжалось какое-то время, и все, чьи имена были оглашены, были сочтены недостойными сенаторского звания. Тогда Пакувий, воспользовавшись этим, сказал: «Раз вы считаете, что городу придется плохо без Сената, а найти замену старым сенаторам вы не можете, я полагаю, что было бы хорошо вам примириться с ними, потому что пережитый страх послужит им наукой, и вы можете рассчитывать на снисхождение, которого ожидали от других». Все согласились с этим, и таким образом было найдено примирение; когда дело дошло до частных, стала понятной ошибка, в которую впали плебеи. Во многих случаях народы обманываются в своих общих суждениях о вещах и об их внешних проявлениях; когда же доходит до более близкого знакомства с ними, обман рассеивается.

После тысяча четыреста девяносто четвертого года, когда городские правители были изгнаны из Флоренции, здесь царил не столько организованная власть, сколько некая честолюбивая распущенность. Положение в городе становилось все хуже, и многие популяры, предвидя его крах и не замечая других причин, обвиняли некоторых могущественных лиц в том, что они из честолюбия устраивают беспорядки, чтобы распоряжаться государством по своему усмотрению и отнять у народа свободу. Названные популяры ораторствовали на площадях и в лоджиях и, хуля некоторых горожан, угрожали им, что, попав в члены Синьории, они раскроют их обман и накажут их. Случалось так, что иные из них действительно вступали в эту высшую должность, но, заняв ее и познакомившись с положением дел вблизи, они начинали понимать, отчего происходят беспорядки, и сознавать опасность и трудности, мешавшие их устранить. Уяснив, что причины неурядицы коренятся в обстоятельствах времени, а не в людях, эти ораторы меняли свой настрой и свои намерения, потому что знание подробностей снимало с их глаз пелену, застилавшую их во время общих рассуждений. Но те, кто слышал этих людей, когда они были частными лицами, и замечал, что, заняв должность, они

успокоились, приписывали это не лучшему пониманию вещей, а подкупу и обману со стороны грандов. И так как это происходило много раз со многими людьми, возникла даже поговорка, которая гласила: одна душа у них на площади, другая — во дворце. Подводя итог всему вышесказанному, мы видим, что можно легко открыть глаза народу, который обманывается в своем общем суждении, найдя способ заставить его обратиться к частным вопросам; как и поступил Пакувий в Капуе и Сенат в Риме. Я думаю также, что можно заключить следующее: разумный человек никогда не должен пренебрегать народным мнением о частных делах, например, о распределении должностей и званий, ибо только в этом народ не обманывается, а если и ошибается иной раз, то гораздо реже, чем будет ошибаться кучка людей, если ей доверить такие награждения. Мне кажется нелишним сказать в следующей главе, каким образом Сенат обманывал народ при распределении должностей.

Глава XLVIII

Кто не хочет, чтобы какая-либо должность досталась ничтожеству или негодяю, пусть выставляет на нее либо слишком ничтожного и слишком негодного, либо явно благородного и достойного человека

Когда Сенат опасался, чтобы трибуны с консульской властью не были из плебеев, он избирал один из двух способов: либо на эти должности выставляли кандидатуры самых уважаемых в Риме людей, либо сенаторы соответствующим образом подговаривали каких-нибудь ничтожных плебеев самого низкого пошиба, чтобы они испрашивали эти должности вперемешку с другими, более порядочными плебеями, которые на них претендовали. В этом последнем случае плебеям было стыдно избирать своих сотоварищей; первым же они стыдились отказать в должности. Все это лишь подтверждает наши предшествующие рассуждения, в которых показано, что если народ обманывается в общих суждениях, то не ошибается в частных.

Глава XLIX

Если города, изначально получившие вольное устройство, наподобие Рима, с трудом вырабатывают поддерживающие его законы, то городам, основанным в рабстве, это почти недоступно

Насколько сложно при устройстве республики предусмотреть все решения, которые смогут сохранить ее вольность, хорошо видно на примере Римской республики; несмотря на законы, принятые сначала Ромулом, затем Нумой, Туллом Гостилием и Сервием и, наконец, десятью гражданами, назначенными специально для этой цели, в ходе управления городом вскрывались все новые и новые нужды, требовавшие все новых установлений, как это произошло при утверждении должности цензоров, что было одной из мер поддержания свободы в Риме во времена его вольности. Суду цензоров подлежали римские нравы, и это было одной из главных причин, замедливших разложение среди римлян. Правда, поначалу при утверждении цензорской должности была допущена ошибка, потому что предусматривалось отправление ее в течение пяти лет, но вскоре этот промах был исправлен благодаря разумным методам диктатора Мамерка, который своим новым законом сократил пребывание в указанной должности до восемнадцати месяцев. Но тогдашние цензоры так были этим недовольны, что удалили Мамерка из Сената, к негодованию как плебса, так и отцов-сенаторов. Не сохранилось никаких известий относительно того, мог ли Мамерк защищаться, что свидетельствует либо о пробелах в исторической записи, либо о недостатках римского устройства, потому что нельзя считать правильно устроенной республику, в которой можно безнаказанно обидеть гражданина за принятый им закон, не нарушающий свободы.

Возвращаясь к началу нашего рассуждения, я хочу заметить по поводу учреждения этой новой должности, что если города, изначально свободные и имеющие самоуправление, как Рим, с великим трудом вырабатывают законы для поддержания свободы, то неудивительно, что города, основанные в рабстве, не только с трудом, но и вообще не могут построить свою жизнь на

гражданских и мирных началах. Так оно было и во Флоренции, которая первоначально находилась под римской властью и, подчиняясь постоянно другим, пребывала некоторое время в ничтожестве и не заботилась о собственной участи; воспользовавшись передышкой, она занялась своим устройством, но в сочетании с прежними, негодными порядками оно не могло быть удачным; так продолжалось на протяжении двухсот лет, о которых можно судить с достоверностью, и ни разу в городе не было правления, которое можно было бы назвать подлинно республиканским. Но подобные трудности испытывали все города, основанные подобно Флоренции. И хотя многократно после свободного волеизъявления граждан небольшое их количество бывало наделено полной властью для проведения преобразований, все их усилия клонились не к общей пользе, а к выгоде собственной партии, и это не столько вносило порядок, сколько увеличивало разброд в городе. Чтобы пояснить это на примере, скажу, что об основателе республики можно судить, наряду с прочим, исходя из того, кому доверяет он выносить смертные приговоры против своих сограждан. В Риме это было хорошо устроено, потому что там было заведено обращаться с обжалованием приговоров к народу, в тех чрезвычайных случаях, когда такая задержка с исполнением приговора представляла опасность, использовались полномочия диктатора, который отдавал приказ о немедленной казни, но к этому средству прибегали только при крайней необходимости. Во Флоренции же и в других городах, подобно ей родившихся в рабстве, эти обязанности поручались чужеземцу, который действовал по велению государя. Получив свободу, эти города сохраняли такой пост за чужеземцем, которого называли капитаном; тут таилась большая опасность, потому что влиятельные граждане легко могли его подкупить. В дальнейшем этот порядок менялся с изменением режима, и на место вышеупомянутого капитана были назначены Восемь граждан. При этом положение из плохого стало еще худшим по причинам, о которых было говорено выше: что немногие всегда служат немногим, и притом самым могущественным. Венеция обезопасила себя от этого; она располагает Деся-

тью гражданами, которые могут наказать любого из ее подданных, не дожидаясь обжалования. Но поскольку они могли бы и не справиться с влиятельными гражданами, даже располагая полномочиями для этого, был учрежден Совет Сорока; кроме того, право наказания получил также Совет приглашенных, который является Большим советом; таким образом, раз есть обвинитель, не станет и дело за судьей, дабы держать могущественных лиц в узде. Итак, если в Риме, получившем свое независимое устройство от стольких благоразумных людей, всякий день возникал новый повод издавать все новые распоряжения в пользу гражданской свободы, то неудивительно, что и другие города, с самого начала не столь благополучные, постоянно сталкиваются с трудностями, которые мешают привести их в порядок.

Глава L

Течение городских дел никогда не должно прерываться по воле отдельных советов или должностных лиц

Когда консулами в Риме были Тит Квинкций Цинциннат и Гней Юлий Мент, их разногласия приостановили обычный ход всех дел республики. Видя это, Сенат уговаривал их избрать диктатора, дабы исполнить то, исполнению чего мешала их ссора. Но консулы, расходясь во всем остальном, были согласны лишь в своем нежелании назначить диктатора. Тогда Сенат, не имея другого выхода, прибег к помощи трибунов, которые вместе с ним заставили консулов подчиниться. Во-первых, следует отметить полезность трибуната, умерявшего не только те честолюбивые устремления влиятельных лиц, которые были направлены против плебса, но и те, что они питали в своей среде; во-вторых, город никогда не должен допускать, чтобы немногие лица затягивали принятие решений, необходимых для поддержания жизни республики. Скажем, если ты даешь какому-либо Совету право распределять доходы и почести либо какому-то должностному лицу поручаешь некое дело, нужно заставить их выполнять назначенное при всех обстоятельствах, а если они не захотят этого, прину-

дить передать свои права кому-либо другому, в противном случае такой порядок будет негодным и пагубным, как было бы и в Риме, если бы упорству консулов не противостояла власть трибунов. Большой Совет Венецианской республики распределяет почести и доходы; иногда случалось так, что совокупность его членов, побуждаемая гневом или какими-то ложными доводами, отказывалась назначить преемников должностным лицам в городе и во всех тех местах вне его, где они исполняли его власть. Это составляло величайшее неудобство, потому что и сам город, и подчиненные ему земли в один миг лишались законных судей. И пока члены Совета не успокаивались или кто-нибудь их не разубеждал, все дела останавливались. Такое неустройство привело бы к плохим последствиям, если бы разумные граждане не приняли нужных мер; воспользовавшись удобным случаем, они издали закон, что все должностные лица, как внутри, так и вне города, не могут покидать свой пост, пока им на смену не будут избраны другие. Так Совет лишился возможности прерывать течение гражданской жизни и тем самым создавать угрозу для республики.

Глава LI

Республика или государь должны выдавать свои вынужденные уступки за щедрость

Благоразумные люди выставляют все свои дела и поступки как собственную заслугу, хотя бы и были понуждаемы исполнить их в любом случае. Такое похвальное благоразумие проявил римский Сенат, когда он решил выдавать общественное жалованье воинам, до того сражавшимся за собственный счет. Сенат убедился, что таким способом невозможно вести долговременную войну, при которой требуется осаждать города и посылать войско в дальние походы; считая необходимым и то и другое, он решил выдавать названные деньги, но это решение, порожденное необходимостью, было представлено как милость. У плебеев оно вызвало такую радость, что Рим ходил ходуном, ибо им казалось, что они получили большой подарок, которого не ожидали и о ко-

тором сами никогда бы не попросили. И хотя трибуны старались очернить решение Сената, доказывая, что оно ухудшало, а не облегчало положение плебса, ибо для выплаты жалованья надо было ввести новые налоги, однако им не удалось переубедить плебеев, удовлетворение которых поддерживал способ распределения налогов, принятый Сенатом: самые большие и тяжелые из них были наложены на знать, и они были выплачены в первую очередь.

Глава LII

Самый надежный и безопасный для сильной республики способ справиться с выскочкой, рвущимся к власти, — это перекрыть пути, которые он для этого избрал

Из вышеприведенных рассуждений видно, какое доверие приобрела знать у плебса благодаря предоставленной ему милости как в отношении установленного жалованья, так и способа обложения налогом. Если бы нобили продолжали придерживаться такого образа действий, с беспорядками в городе было бы покончено, и трибуны лишились бы своего влияния на плебеев, а следовательно, и своей власти. И поистине, для республики, тем более развращенной, не существует лучшего способа, более мирного и простого, противостоят честолюбию кого-либо из граждан, чем перекрыть перед ним те пути, по которым он, как можно предвидеть, движется к своей цели.

Если бы этот способ был применен к Козимо Медичи, его противники поступили бы гораздо умней, нежели изгоняя его из Флоренции, ведь, переняв его манеру расточать народу милости, соперники выбили бы у него из рук без шума и насилия самое главное его оружие. Пьеро Содерини приобрел свой авторитет во Флоренции единственно тем, что заигрывал с народной массой; это создавало у людей впечатление, что он защитит городскую свободу. И поистине, граждане, завидовавшие его величию, перейдя ему дорогу, поступили бы гораздо правильнее и достойнее, с меньшими опасностями и ущербом для республики, чем вступая в прямое противоборство, которое, губя его, вело к гибели.

ли всей республики. Лишив его того оружия, которым он побивал всех (а это им нетрудно было сделать), они могли бы противостоять ему во всех советах и при решении общественных дел в открытую и без всякой опаски. Если кто-нибудь возразит, что, хотя ненавистники Пьеро в самом деле напрасно не лишили его того средства, благодаря которому он приобретал народное доверие, но и Пьеро, в свою очередь, допустил ошибку, не вступив на тот путь, который делал грозным его противника, — то здесь Пьеро заслуживает оправдания, как потому, что ему это было трудно сделать, так и потому, что он не мог вступить на путь, избранный его противниками, то есть на путь поддержки семейства Медичи, не теряя при этом достоинства; пользуясь указанной поддержкой, противники подтачивали его власть, а затем и погубили его. По совести Пьеро не мог на это пойти, потому что тем самым изменил бы делу свободы, защитником которой он считался; кроме того, не имея возможности завязать дружбу с Медичи тайком и в одночасье, Пьеро подвергался большой опасности, ибо, выказав себя сторонником Медичи, он вызвал бы у народа подозрение и ненависть, и тогда его врагам было бы гораздо удобнее расправиться с ним, чем до этого.

Поэтому людям при любом решении нужно рассматривать недостатки и опасности, которые оно таит, и не принимать его, если оно сулит больше риска, чем пользы, невзирая на мнения, существующие в пользу такого решения. В противном случае они могут попасть в положение Туллия, который, желая подорвать репутацию Марка Антония, только возвысил ее. Марк Антоний, считавшийся противником Сената, собрал большое войско, состоявшее в значительной части из солдат, сражавшихся вместе с Цезарем, и Туллий, чтобы отнять у него этих солдат, убедил Сенат наделить полномочиями Октавиана и послать его против Марка Антония вместе с консулами Гирцием и Пансой; по мнению Туллия, услышав, что Октавиан — племянник Цезаря и пользуется его именем, солдаты присоединились бы к нему и Октавиану и покинули Марка Антония; лишившись их поддержки, последний легко мог быть уничтожен. Но вышло все наобо-

рот: Марк Антоний сговорился с Октавианом, который бросил Туллия и Сенат и перешел на его сторону. Это событие и привело к поражению всей партии оптиматов. Предусмотреть же его было нетрудно; не следовало доверять доводам Туллия и забывать о том, что имя, на которое он рассчитывал, принадлежало человеку, рассеявшему с великой славой своих врагов и обретшему власть над Римом; и не надо было ожидать от его наследников или от его соратников поступков, совместимых с понятием свободы.

Глава LIII

**Народ часто идет навстречу своей гибели,
обманутый ложной видимостью блага;
он легко поддается на заманчивые призывы
и великие обещания**

После завоевания города вейентов в римском народе распространилось мнение, что для Рима было бы полезно, чтобы половина его жителей переселилась в Вейи. В пользу этого говорили, что названный город располагает богатой округой, многочисленными зданиями, расположенными недалеко от Рима, поэтому половина римлян может обогатиться, не мешая, благодаря близкому расстоянию, течению всех гражданских дел. Эта идея казалась Сенату и наиболее мудрым римлянам столь бессмысленной и вредной, что они заявляли о своей готовности скорее умереть, чем согласиться с таким решением. И когда происходило его обсуждение, плебс так разгневался на Сенат, что дело могло дойти до вооруженного столкновения, если бы сенаторы не прикрылись несколькими пожилыми и уважаемыми гражданами, почтение к которым остановило плебеев, и они не дерзнули дальше навязывать свое требование. Здесь следует отметить две вещи. Во-первых, народ, обманутый ложным подобием блага, часто стремится к собственной гибели, и если кто-нибудь, к кому он питает доверие, не объяснит ему, в чем состоит зло и в чем заключается истинное благо, то республика подвергается бесчисленным бедам и опасностям. Если же, волею судеб, народ никому не дове-

ряет, как иногда случается, когда до этого он бывал обманут людьми или самим ходом вещей, — то крах неизбежен. Данте говорит по этому поводу в своем рассуждении «О монархии», что часто народ восклицает: «Да здравствует наша смерть!» и «Долой нашу жизнь!» Подобная недоверчивость приводит к тому, что республики иной раз отказываются от выгодных решений; выше уже говорилось о венецианцах, которые не могли решиться привлечь на свою сторону кого-либо из осадивших их врагов, уступив им ту часть территорий, на которую притязали другие (из-за чего и составилась сговор государей против Венеции и началась война), пока дело не закончилось их разгромом.

Таким образом, рассматривая вопрос, в чем легко и в чем трудно убедить свой народ, можно провести следующее различие: сулит ли твое предложение на первый взгляд прибыль или потерю, а также отважным или малодушным выглядит такое решение. И если народу указывают на прибыль, хотя за этим скрывается утрата, либо взывают к его отваге, хотя бы она была на погибель республике, толпа всегда поддастся на уговоры; точно так же ее всегда трудно склонить к решениям, по видимости невыгодным или малодушным, хотя бы на деле они вели к спасению и прибытку. Сказанное мною можно подтвердить бесчисленным количеством примеров как из римской, так и из внешней истории, древней и современной. Именно так в Риме родилось дурное мнение о Фабии Максиме, который безуспешно пытался убедить римский народ, что для блага республики не следует спешить в войне с Ганнибалом и вступать с ним в бой; народ считал это трусостью и не замечал полезности, скрытой в уговорах Фабия, у которого не было достаточных доводов, чтобы подкрепить их; воинственные призывы так ослепляют народы, что, хотя римляне допустили явную ошибку, разрешив начальнику конницы Фабия завязать бой вопреки воле последнего, из-за чего римский лагерь мог быть уничтожен, если бы этому вновь не помешал своим благоразумием Фабий, — они этим не удовольствовались и избрали затем консулом Варрона, единственной заслугой которого были провозглашаемые по всем улицам и площадям Рима обещания разбить Ганнибала, как только он получит полномо-

чия. Из этого вышли битва и поражение при Каннах, чуть не погубившие Рим. Я хочу привести по этому поводу еще один пример из римской истории. Ганнибал пробыл в Италии восемь или десять лет и залил кровью римлян всю страну, когда в Сенат явился Марк Центенний Пенула, человек без роду и племени, хотя и достигший некоего воинского звания, и предложил очень быстро покончить с Ганнибалом или взять его в плен, если он только получит право набирать добровольцев по всей Италии. Сенат посчитал эту просьбу безрассудной, но, полагая, что отказ, если известие о нем распространится в народе, вызовет беспорядки, подозрения и недовольство в отношении сенаторского сословия, дал свое согласие, поскольку опасность, которой могли подвергнуться участники подобного предприятия, казалась меньшей бедой, чем новый взрыв народного негодования; ведь упомянутая идея пришлась бы всем по сердцу, и развенчать ее было бы не просто. Итак, беспорядочная и разрозненная толпа во главе со своим вождем отправилась к Ганнибалу и при первом же столкновении была полностью перебита.

В Афинской республике, в Греции, благоразумный Никий, человек взвешенных суждений, никак не мог доказать народу, что на Сицилию не следует нападать, и когда, вопреки мнению мудрых, поход состоялся, он повлек за собой крушение Афин. Когда Сципион сделался консулом и обещал уничтожить Карфаген, а Сенат под влиянием Фабия Максима не захотел дать ему в управление провинцию Африку, Сципион угрожал обратиться к народу, потому что знал, насколько прельщает людей подобное предложение.

По этому поводу можно привести в пример и наш город, когда мессер Эрколе Бентивольо, командующий флорентийским войском, вместе с Антонио Джакомини разгромил Бартоломео д'Альвиано у Сан Винченти, после чего они решили напасть на Пизу с благословения народа, польстившегося на щедрые обещания мессера Эрколе, хотя многие мудрые граждане были против. Однако они не могли противостоять всеобщему порыву, вызванному хвастливыми обещаниями командующего. Итак, я считаю, что самый простой путь погубить республику, где народ до-

пущен к власти, — это втянуть ее в рискованные предприятия, ибо там, где весомо слово народа, они всегда будут одобрены с готовностью, а противоположные мнения выслушаны не будут. Но если такие предприятия ведут к падению городов, то еще чаще приводят они к крушению карьеры граждан, их возглавляющих, ибо если народ, ожидающий победы, узнает о поражении, то он ищет причину не в бессилии или неудачливости военачальника, а в его злонамеренности или бездарности, и чаще всего дело кончается его убийством, заточением или изгнанием; так поступали со множеством карфагенских и афинских полководцев. Прежние их победы при этом не помогают, потому что память о них стирает теперешнее поражение, как и произошло с нашим Антонио Джакомини, который, обманув ожидания народа и не взяв Пизу, вызвал такое народное недовольство, что, невзирая на все его былые достижения, остался в живых только благодаря снисхождению лиц, стоявших у власти, ибо у народа не осталось никакого сочувствия.

Глава LIV

Сколь весомо слово почтенного мужа для усмирения возбужденной толпы

Второе примечание к тексту, изложенному в предыдущей главе, состоит в том, что наилучшее средство, дабы утихомирить разъяренную толпу, — это воздействие на нее какого-либо влиятельного и уважаемого человека; не случайно Вергилий говорит: «*Tum pietate gravem ac meritis si forte virum quem conspexere, silent, arrectisque auribus adstant*»*.

Поэтому начальствующий над каким-либо войском или в каком-либо городе, где возникают беспорядки, должен выказать перед народом как можно больше снисхождения и достоинства, окружив себя всеми знаками своего высокого звания, внушающими уважение. Несколько лет тому назад Флоренция разделилась на два лагеря, Монашествующих и Озлобленных; дело до-

* «Но лишь увидят, что муж, благочестьем и доблестью славный, Ближится, все обступают его и молча внимают» (лат.).

шло до вооруженного столкновения, и в нем потерпела поражение первая из партий, к которой принадлежал Паолоантонио Содерини, который в те времена пользовался большим уважением в городе. Во время волнений вооруженные люди ворвались в его дом с целью грабежа, а там случайно находился брат хозяина, в ту пору епископ Вольтерры, а ныне кардинал мессер Франческо. Услышав шум и увидев толпу, он надел самую богатую одежду, поверх облачился в епископские ризы, вышел навстречу нападающим и остановил их своим видом, а также речами; разговор об этом событии долгое время не прекращался в городе. Итак, я заключаю, что нет ничего более надежного и полезного для усмирения возбужденной толпы, чем появление человека, который выглядит и держится с достоинством. Из вышеприведенного места видно, с каким упорством римский плебс настаивал на принятии решения о походе в Вейи, ибо считал его выгодным и не видел скрытого за ним вреда, и вызванные этим беспорядки вылились бы в великую смуту, если бы Сенат с помощью достоуважаемых и имеющих вес людей не укротил это неистовство.

Глава LV

Сколь просто вести дела в городе с неиспорченными нравами; там, где царит равенство, нельзя установить единоличное правление, а где его нет — республиканское

Хотя выше уже достаточно говорилось о том, чего следует опасаться в развращенных городах, мне кажется все же нелишним рассмотреть одно решение Сената относительно обета, данного Камиллом, согласно которому десятая часть добычи, захваченной в Вейях, предназначалась Аполлону. Однако эти трофеи оказались в руках плебеев, и, не имея возможности собрать и оценить их, Сенат издал указ, чтобы каждый предоставил на общественные нужды десятую часть захваченной добычи. И хотя это решение не было исполнено, потому что Сенат изменил свое намерение и другим способом удовлетворил Аполлона, на радость плебеям, тем не менее оно говорит о том, насколько Сенат верил в их добрые качества и был убежден, что никто не уклонится от

выплаты, предписанной ему указом. В то же время мы видим, что плебеи не подумали обойти указ, заплатив меньше положенного, но предпочли открыто выразить свое недовольство. Этот пример, как и многие из вышеприведенных, показывает, сколь честным и набожным был народ и сколько добра можно было ожидать от него. И поистине, ничего хорошего нельзя ожидать там, где такая добропорядочность отсутствует, в том числе в развращенных на сегодняшний день странах, прежде всего и меньше всего в Италии, а также во Франции и Испании, на которые отчасти распространяется названная испорченность. А если в этих странах не заметно таких беспорядков, которые в Италии стали повседневностью, то это вызвано не столько добропорядочностью народов, которой чаще всего и в помине нет, но наличием короля, поддерживающего их единство не только собственными усилиями, но и с помощью существующих в этих королевствах порядков, еще не утративших свое действие. В Германии хорошо заметно, как набожность и неиспорченность ее народов ведут к тому, что там много свободных республик, строго охраняющих свои законы, так что никто ни изнутри, ни снаружи не дерзает на них посягать. И чтобы доказать, что они в значительной мере сохранили старинную добродетель, я хочу привести пример, подобный указанному случаю с Сенатом и римским плебсом. Названные республики, когда им надо израсходовать на общественные нужды какую-то сумму денег, имеют обыкновение через соответствующих должностных лиц или через свои советы облагать всех жителей города налогом на имущество в размере одного или двух процентов. Если подобное решение принято, то, «согласно тамошним порядкам», каждый человек предстает перед сборщиком налога и, поклявшись выплатить требуемую сумму, опускает в стоящий для этой цели сундук столько, сколько ему подсказывает совесть, и никто другой в этом деле не участвует. Отсюда можно вообразить, сколько благочестия и благонравия сохранилось в этих людях. При этом надо полагать, что всякий платит, сколько с него спрашивают, потому что в противном случае налог не принес бы тех денег, которые по старинному обычаю думали собрать; тогда обман раскрылся бы и прежний способ пришлось бы отменить. Такое доб-

ронравие тем более удивительно в наше время, что встречается оно чрезвычайно редко, собственно говоря, только в этой стране.

Происходит это от двух причин: первая состоит в том, что упомянутые народы мало сносились со своими соседями — те их не посещали, и сами они не стремились на чужбину, довольствуясь тем добром, питаясь той пищей и надевая ту одежду, которые приняты у них на родине. Это устранило надобность в каких бы то ни было сообщениях и преградило путь всякой испорченности, ибо им не пришлось перенимать нравы французов, испанцев или итальянцев — народов, которые развратили весь мир. Вторая причина заключается в том, что республики, сохранившие незыблемые гражданские устои, не позволяют своим подданным вести образ жизни на манер дворян, а, напротив, поддерживают между ними равенство и враждуют с дворянами и господами, живущими рядом с ними; и если кто-то из последних попадает к ним в руки, они истребляют их как разносчиков испорченности и возмутителей спокойствия. Чтобы объяснить, что означает слово «дворянство», скажу, что дворянами называют бездельников, живущих обильными доходами и нисколько не заботящихся ни о возделывании земли, ни о каких-либо других насущных занятиях. Присутствие их губительно во всякой республике и во всякой стране, но опаснее всего те из них, кто, помимо имений, распоряжается собственными замками и подданными, которые им подчиняются. Последние два типа людей заволокли королевство Неаполитанское, Рим, Романью и Ломбардию. Вот почему в этих провинциях никогда не бывало республик и вообще никакой политической жизни, ведь такого рода люди враждебны всякой гражданственности. В подобной провинции при всем желании невозможно ввести республику, и если бы кому-то довелось переустроить ее по своему усмотрению, он был бы вынужден создать там королевство. Причина в том, что если законов недостаточно, чтоб остановить разложение материи, наряду с ними следует применить и высшую силу, каковой является королевская десница, своей неограниченной и чрезвычайной мощью обуздывающая чрезмерное честолюбие и испорченность влиятельных лиц. Эти соображения подтверждаются примером Тосканы, где

на маленьком клочке земли издавна существовали три республики: Флоренция, Сиена и Лукка. Прочие же города этой провинции хотя и находятся в подчинении, но по их духу и по их порядкам видно, что они хотели бы сохранить или сохраняют свою свободу. Все дело в том, что в этой провинции не было владельцев замков и вовсе не было или было очень мало дворян и всегда присутствовало равенство, так что человек разумный и сведущий в старинной государственности легко установил бы здесь гражданский образ жизни. Но к великому несчастью этих мест, до сих пор не отыскался тот, кто смог бы или знал, как это сделать.

Из этого рассуждения следует такой вывод: у того, кто захочет основать республику там, где много дворян, ничего не выйдет, пока он их всех не уничтожит; а у того, кто хочет основать королевство или принципат там, где преобладает равенство, ничего не получится, пока он не выберет среди граждан людей беспокойных и честолюбивых и не сделает из них дворян, только не по званию, а на деле, раздав им замки и усадьбы и снабдив их именьями и людьми. Тогда, окружив себя ими, он сохранит с помощью этих дворян свое могущество, а они с помощью государя удовлетворят свое честолюбие; прочим же останется сносить то иго, которое только насилие и ничто другое не может заставить снести. Но если при этом соблюдать меру между теми, кто применяет насилие, и теми, кто его терпит, то каждый человек примирится с отведенным ему положением. Однако, поскольку сделать из страны, пригодной для устройства королевства, республику, а из той, что пригодна для основания республики, — королевство, под силу только людям редкого ума и влияния, то из многих желавших этого мало кому удалось добиться цели. Ведь величие подобной задачи так устрашает людей и создает для них столько преград, что они опускают руки в самом начале.

Думаю, мое мнение о том, что там, где есть дворяне, нельзя устроить республику, кажется противоречащим опыту Венецианской республики, в которой все государственные должности отведены только дворянам. На это можно ответить, что в названном примере нет никакого противоречия, ибо дворяне этой республики являются таковыми больше по званию, чем на деле; от

своих имений у них нет больших доходов, а богатства их основаны на торговле движимым имуществом. Кроме того, у них нет замков и прав распоряжаться собственными подданными; дворянское звание для них является лишь почетным и уважаемым титулом и ничего не говорит о тех вещах, благодаря которым в других местах дворянство выделяется из всех. В Венеции, как и во всех республиках, где сословия различаются по названиям, население делится на дворян и народ; здесь принято, что дворянам принадлежат или могут принадлежать все почетные должности, прочие же этого вовсе лишены. Но от этого не происходит беспорядков в городе по причинам, которые уже указывались выше. Итак, пусть основатель республики создает ее там, где существует или вводится преобладающее равенство, и, напротив, пусть устанавливает принципат там, где царит неравенство, иначе в устраиваемом государстве не будет соблюдена мера и проживет оно недолго.

Глава LVI

Перед наступлением в каком-либо городе или стране великих событий появляются знамения, свидетельствующие о них, или люди, их предсказывающие

Отчего это происходит, я не знаю, но древние и современные примеры говорят о том, что все важные происшествия, случившиеся в разных городах и странах, бывали предсказаны гадалками либо предварялись откровениями и чудесами или другими небесными знамениями. Не надо далеко ходить за доказательствами, ибо всякий знает, что приход короля Карла VIII из Франции в Италию был предсказан братом Джироламо Савонаролой, а кроме этого, говорили, что по всей Тоскане можно было видеть и слышать, как над Ареццо схватились небесные воинства. Всякому известно, далее, что перед смертью Лоренцо Медичи Старшего Флорентийский собор был пронзен в своей верхней части ударом молнии, как стрелой, и при этом здание потерпело большой ущерб. Общеизвестно также, что незадолго до того, как Пьеро

Содерини, которого флорентийский народ избрал пожизненным гонфалоньером, был лишен своего звания и изгнан, небесный Перун сходным образом ударил в Палаццо Веккьо. Можно было бы приводить и другие примеры, которые я опущу, чтобы не наскучить. Сошлюсь только на рассказ Тита Ливия о том, что перед нашествием французов на Рим некий плебей Марк Цедиций сообщил Сенату, как в полночь, проходя по Новой улице, он услышал сверхчеловеческий голос, призвавший его предупредить должностных лиц о грядущем пришествии французов. Причину таких явлений, я полагаю, должен обсуждать и разъяснять человек, знающий толк как в вещах естественных, так и в вещах сверхъестественных, чего нам не дано. Но может быть, дело в том, что поскольку воздух, как утверждают некие философы, наполнен небесными умами, которые в силу своих природных качеств предвидят будущие события, то они, относясь к людям со снисхождением, предупреждают их подобными знаками, чтобы те могли подготовиться к защите. Как бы то ни было, все это истинная правда, и такие происшествия всегда свидетельствуют о приближении новых событий и потрясений для государства.

Глава LVII

В совокупности плебеи храбры, в отдельности они слабы

Когда вследствие нашествия французов Рим был разрушен, многие его жители переселились в Вейи, вопреки городским постановлениям и приказам Сената, который, чтобы покончить с этим беспорядком, в своих публичных указах призвал всех вернуться в Рим в течение определенного времени и под угрозой известного наказания. Те, кого касались эти приказы, сначала высмеивали их, но потом, когда пришло время выполнять, все подчинились. Ливий говорит по этому поводу следующее: «*Ex ferocibus universis singuli metu suo obedientes fuere*»*. И поистине, нигде так хорошо не видна природа поведения толпы, как в этом тексте. Ведь люди толпы храбры в речах, осуждающих решения их государя, но перед лицом предстоящего наказания они

* «Ожесточенная толпа сразу превратилась в разобренных людей, послушных каждый своему страху» (лат.).

не доверяют друг другу и спешат подчиниться. Можно быть уверенным, что на одобрителльные или неодобрителльные разговоры в народе можно не обращать большого внимания, когда у тебя есть силы поддержать его в случае благосклонности и защититься от него при неблагосклонности; здесь не идет речь о том народном недовольстве, которое вызвано утратой свободы или государя, пользовавшегося любовью и еще здравствующего, потому что такое недовольство чрезвычайно опасно и, чтобы сдержать его, требуются огромные средства; но в других случаях нерасположение народа не страшно, если его некому возглавить. Ибо, с одной стороны, нет ничего ужаснее, чем разнузданная и неуправляемая толпа, а с другой стороны, нет ничего слабее ее, ведь, несмотря на поднятое ею оружие, с ней легко справиться, лишь бы ты сумел укрыться от первого натиска, потому что, когда горячие головы немного поостынут и каждый задумается о том, что нужно возвращаться домой, они станут опасаться за собственную участь и искать спасения в бегстве или примирении. И если такая возбужденная толпа желает избежать опасности, ей надо будет избрать из своей среды вождя, чтобы он руководил ею, поддерживал единство и позаботился о защите, как и поступил римский плебс, когда после смерти Виргинии ушел из Рима и для спасения были избраны двадцать трибунов; в противном случае всегда будет получаться так, как в вышеприведенных словах Тита Ливия, что все вместе плебеи отважны, а когда каждый начинает думать о собственном спасении, становятся слабыми и трусливыми.

Глава LVIII

Масса мудрее и постояннее, чем государь

Ничто на свете, как утверждают Тит Ливий и все прочие историки, не сравнится в суетности и непостоянстве с людской толпой. Повествуя о делах, часто приходится видеть, как толпа обрекает кого-либо на смерть, а потом оплакивает, сожалея о постигшей покойного участи; так поступил римский народ с Манлием Капитолином. Он осудил его на смерть, а потом скорбел об этой утрате. Слова автора таковы: «*Populum brevi, posteaquam ab eo periculum nullum erat, desiderium eius tenuit*»*. А в другом месте,

* «Вскорости, когда опасности уже не было, в народе пожалели о нем» (лат.).

рассказывая о событиях в Сиракузах после смерти Гиеронима, племянника Гиерона, он говорит: «*Haec natura multitudinis est: aut humiliter servit, aut superbe dominatur*»*. Не знаю, не взвалю ли я на себя, выступая в защиту предмета, опороченного всеми писателями, такую сложную и неподъемную задачу, что мне придется либо с позором отказаться от нее, либо пострадать за свое упорство. Во всяком случае, я не считаю и никогда не буду считать прегрешением защиту любого мнения с помощью разумных доводов, не прибегая к власти или силе. Итак, я скажу, что изъян, в котором писатели обвиняют массы, можно приписать всем людям по отдельности, а в особенности государю, ибо всякий человек, не следующий законам, натворит столько же ошибок, сколько неуправляемая толпа. В этом можно легко убедиться, потому что существовало и существует много государей, а мудрых и добронравных среди них можно по пальцам пересчитать; я говорю о тех властителях, которые смогли сорвать с себя сдерживающую их узду; к ним нельзя причислять царей, живших в Египте, когда эта страна в своей древнейшей древности была управляема по законам, а также спартанских царей и нынешних королей Франции: эта страна подчиняется законам больше всех известных в наше время монархий. Названные короли, восходящие на престол согласно определенным установлениям, не могут служить примером там, где следует рассматривать природу отдельного человека и судить о том, подобна ли она природе толпы, потому что в их случае для сравнения нужно взять народную массу, подчиняющуюся законам так же, как и они. Тогда она не уступит им своим добронравием, и мы не увидим в ней ни спесивого властолюбия, ни рабской покорности; таков был римский народ, который, пока республики не коснулось разложение, никогда не был ни смиренным рабом, ни чванливым господином, а, напротив, с достоинством нес свое звание, подчиняясь собственным постановлениям и должностным лицам. А когда надо было восстать против кого-либо из сильных мира, за ним задержки не было, как вышло с Манлием, с Десятью и другими, кто пытался навязать свой гнет; когда же для спасения государства следовало подчи-

* «Такова природа толпы: либо она рабски служит, либо спесиво помыкает» (лат.).

ниться диктатору и консулу, народ подчинялся. И если римляне сожалели о смерти Капитолина, то в этом нет ничего удивительного — они сожалели о его достоинствах, которые были таковы, что память о них нашла бы сочувствие у кого угодно, в том числе и у какого-нибудь государя, ибо писатели в один голос говорят, что доблесть вызывает похвалу и восхищение даже у врагов. Но если бы Манлий среди всех этих причитаний воскрес, римский народ вынес бы о нем такое же суждение, как и раньше, когда он вывел его из тюрьмы, а вскоре после этого приговорил к смерти. Впрочем, и среди государей, считавшихся мудрыми, были такие, кто сожалел о лицах, казненных по их собственному приказу, например, Александр о Клите и других своих любимцах, а Ирод о Мариамне. Но слова нашего историка о природе толпы относятся не к тому народу, который подчиняется законам в Риме, а к разнузданной толпе, как в Сиракузах; ее ошибки подобны ошибкам людей распущенных и взбешенных, вроде уже названных Александра Великого и Ирода. Поэтому природа толпы здесь не более виновна, чем природа государя, ведь заблуждаются все, когда могут себе это позволить. Этому есть множество примеров, помимо приведенных мной, как из жизни римских императоров, так и прочих государей-тиранов; у них мы наблюдаем такие переменчивость и непостоянство, каких никогда не бывало в массах. Итак, я делаю свой вывод вопреки всеобщему мнению, утверждающему, что народы, когда они господствуют, изменчивы, неблагодарны и непостоянны. По-моему, они не более грешат, чем отдельные государи. Если кто-то адресует подобный упрек и государям, и народам, возможно, он будет и прав; но, исключив отсюда государей, он впадет в заблуждение, ибо народ, стоящий у власти и правильно организованный, будет столь же тверд, благоразумен и признателен, как и всякий правитель, а то и в большей степени, чем государь, считающийся мудрым. В то же время с государем, не признающим законов, не сравнится в неблагодарности, изменчивости и безрассудстве никакой народ. А различие в их образе действия проистекает не из разности природы — ибо во всех она одинакова, и если у кого есть здесь преимущество, так это у народа, — но из большего или меньшего ува-

жения к законам, охватывающим жизнь и народа, и государя. Кто обратится к римскому народу, тот увидит, что на протяжении четырехсот лет он был врагом царского звания и поборником всеобщего блага и славы своей родины; найдется немало примеров, свидетельствующих в пользу того и другого. И если кто-нибудь сошлетя на неблагодарность, проявленную им по отношению к Сципиону, я отвечу рассуждениями об этом предмете, уже изложенными выше, там, где доказывалось, что народы не так неблагодарны, как государи. Что же касается благоразумия и надежности, то я скажу, что народ разумнее и надежнее государя, а также обладает более верным суждением. Не зря голос народа уподобляют гласу Божию, ведь всеобщее мнение бывает удивительно прозорливым. Кажется, будто некая тайная способность помогает ему предвидеть хорошее и дурное. Когда нужно судить по существу и выслушивать двух спорщиков, из которых каждый клонит в свою сторону, то, если они одинаково красноречивы, народ очень редко ошибается в своем выборе и не усваивает открывающейся перед ним правды. Если же он, как говорилось выше, бывает ослеплен воинственными призывами или внешней выгодой, то гораздо чаще бывает и государь увлекаем на ложный путь своими страстями, которых у него куда больше, чем у народов. Также при выборе должностных лиц решение народа основательнее, его не убедишь наделить почетным званием человека бесчестного и дурного нрава, чего легко добиться от государя с помощью тысячи способов. Если что-либо внушает народу отвращение, то с этим чувством он не расстается веками, чего нельзя сказать о государе. Оба эти положения я хочу подтвердить ссылкой на римский народ; на протяжении столетий, за время стольких выборов консулов и трибунов, не было и четырех случаев, из-за которых народу пришлось бы раскаиваться. Как я уже говорил, одно упоминание о царях внушало ему такую ненависть, что никакие заслуги гражданина, проявлявшего подобные склонности, не могли избавить его от должного наказания. Кроме того, города, где властвуют народы, в кратчайшие сроки добиваются незаурядных приращений, которые значительно превышают завоева-

ния, когда-либо сделанные одним государем; таковы были приобретения Рима после изгнания царей и Афин, когда они освободились от Писистрата. А причину этого следует искать только в том, что правление народов лучше, чем правление государя. И не стоит опровергать мое мнение словами историка в вышеприведенном и других местах, ибо, если рассмотреть все смуты, устраиваемые народами, и все смуты, устраиваемые государями, а равно и славные поступки тех и других, то мы увидим, что народ значительно превосходит государей достоинством и славой. И если государи стоят выше народов в издании законов, устройстве гражданской жизни, введении новых порядков и установлений, то народы настолько лучше справляются с поддержанием установленных порядков, что они должны по праву разделить славу с законодателями.

В общем, чтоб покончить с этим предметом, скажу, что и монархические государства, и республиканские существовали достаточно долго, причем и те и другие должны были соизмерять свои действия с законами, ибо государь, который руководствуется своими желаниями, безумен, да и народ, который следует своим прихотям, нельзя назвать мудрым. Но если говорить о государе, подчиняющемся законам, и о народе, связанном ими же, то в последнем отыщется больше доблести, чем в государе; если же рассмотреть поступки, диктуемые произволом, то народ натворит меньше ошибок, чем государь, к тому же они не будут столь тяжкими и легче поддадутся исправлению. К бунтующему и распоясавшемуся народу достойный человек может обратиться с речью и легко склонить его на правильный путь; с дурным государем говорить невозможно, против него есть только одно средство — железо. Отсюда можно судить о серьезности болезней того и другого: если для излечения народа достаточно слов, а для излечения государя необходим нож, то всякий согласится, что более сильного лечения требуют более запущенные пороки. Когда народ вышел из повиновения, то это его безумство не столь страшно, и сегодняшнее зло не так пугает, как возможные последствия, потому что такие смуты рожают тиранов. В случае с дурным государем все наоборот: страшит именно сегодняшнее зло, а буду-

щее сулит надежду; ведь люди думают, что после его нечестивой жизни может возродиться свобода. Вот вам разница между тем и другим, то есть между вещами, которые есть, и теми, которые могут случиться. Жестокость толпы направлена против тех, кто, по ее мнению, покушается на общее благо; жестокость государя — против тех, кто покушается, по его мнению, на его добро. Но предубеждение против народа рождается потому, что о нем всякий может злословить свободно и без опаски, даже при народном правлении; о государе же всегда толкуют с оглядкой и с различными оговорками. И мне кажется весьма уместным, раз уж предмет увлек меня на эту стезю, обсудить в следующей главе вопрос, на какой союз можно больше полагаться — заключенный с государем или подписанный с республикой.

Глава LIX

С кем надежнее вступать в товарищество или союз — с государем или республикой

Всякий день случается, что государи, так же как и республики, заключают между собой договоры о дружбе и вступают в союз; равным образом и республика может вступить в соглашение с государем, поэтому мне кажется уместным рассмотреть, чье обязательство тверже и более весомо, республики или государя. Исследуя все случаи, я прихожу к выводу, что иногда они поступают одинаково, а иногда по-разному. Думаю, что договоры, заключенные под действием силы, не станут соблюдать ни государь, ни республика; когда власть окажется под угрозой, и тот и другая, чтобы не утратить ее, нарушат слово и не побоятся прослыть неблагодарными. Деметрий, прозванный завоевателем городов, осыпал афинян бесчисленными благодеяниями, но когда, разбитый врагами, он искал пристанища в Афинах, этот дружественный и многим ему обязанный город не принял его, и это огорчило полководца гораздо сильнее, чем потеря войска и подданных. Помпей, потерпев поражение в Фессалии от Цезаря, бежал в Египет к Птолемею, которому он в свое время возвратил трон, и здесь

он был убит по приказу последнего. Как видим, причина в обоих случаях одна и та же, но республика поступила более гуманно и не так бесчестно, как государь. Итак, где действует страх, там будут держать слово не более твердо. А если государь или республика ради данного тебе обещания готовы пойти навстречу своей гибели, то причину этому следует искать в том же самом. Что касается государя, может статься, что он будет в дружбе с могущественным властителем, который если и окажется не в состоянии защитить его, то со временем, как следует рассчитывать, вернет себе свою власть; другая причина в том, что, следуя за своим союзником, государь не питает надежды на договор с его противником. К этому роду относились князья Неаполитанского королевства, которые защищали французскую сторону. Что же до республик, то таким был Сагунт в Испании, который дождался своей гибели, сохраняя верность римлянам, а также Флоренция, в 1512 году принявшая сторону французов. Но, взвесив все, я думаю, что в тех случаях, когда нависает непосредственная опасность, больше устойчивости проявят республики, чем государи. Ведь если даже республики проникнутся теми же намерениями, что и государь, то обычная медлительность заставит их гораздо дольше тянуть с решением, почему им и будет труднее, чем государю, нарушить обязательство. Союзы расстраиваются из-за выгоды. При этом республики гораздо вернее соблюдают свои обязательства, чем государи. Можно было бы привести примеры, когда малейшая выгода заставила государя изменить своему слову и даже великая корысть не сломила верности республики; подобное предложение сделал афинянам Фемистокл. В своей речи он сказал им, что хотел бы дать совет, сулящий отечеству превеликую выгоду, но не может этого сделать, ибо, будучи высказанным, совет потеряет свой смысл. Тогда афинский народ выбрал Аристиду, чтобы тот выслушал предложение и высказался о том, как, по его мнению, следует поступить. Фемистокл объяснил ему, что соединенные силы всей Греции стоят в таком месте, где их легко разгромить или взять в плен, если пренебречь своими обещаниями, и тогда афиняне станут полновластными хозяевами страны. Аристид сказал народу, что совет Фемистокла обе-

щает величайшую выгоду, но вместе с тем и величайшее бесчестье; тогда народ начисто отверг его. Не так поступил бы Филипп Македонский и другие государи, которые искали и находили гораздо больше прибытков с помощью вероломства, чем каким-либо иным способом. Что до нарушения договоров по причине их несоблюдения, то об этом я не говорю, ибо это вещь обыкновенная; здесь речь идет о выходящих из ряда вон обстоятельствах, и при этом, как следует из вышесказанного, заблуждения народа не столь значительны и ему можно больше доверять, чем государю.

Глава LX

О том, что при выборах консулов и других должностных лиц в Риме не смотрели на возраст

По мере развертывания римской истории можно заметить, что когда консулов стали выбирать из плебеев, республика доверила эту должность всем своим гражданам, невзирая на их возраст и происхождение; впрочем, римляне никогда не обращали внимания на лета, отдавая предпочтение доблести, будь то в молодом человеке или в старике. В доказательство можно сослаться на Валерия Корвина, выбранного консулом в двадцать три года; этот Валерий, обращаясь к своим солдатам, сказал, что консульство является «*praemium virtutis, non sanguinis*»*. Можно много спорить о том, было ли это обыкновение хорошо продумано или нет. Что касается происхождения, то не думать о нем заставила необходимость; и всякий город, который хотел бы добиться равнозначных с Римом успехов, будет вынужден к этому, как и Рим, о чем уже говорилось выше, ибо нельзя заставить людей переносить невзгоды, не вознаграждая их, и отнимать надежду на награду очень опасно. Поэтому и следовало дать надежду плебсу на получение консульских должностей, каковой надежды для него некоторое время было достаточно; но потом этого стало мало, и потребовалось воплотить ее в жизнь. Однако, если в каком-то городе от плебеев не требуется проявления доблести, там можно обходиться с ними по-другому, что мы обсуждали выше; но кто хочет

* «наградой не знатности, а доблести» (лат.).

уподобиться Риму, тот не должен здесь делать никаких различий. А раз так, скидки на возраст также невозможны, даже напротив, ведь при избрании молодого человека на должность, требующую старческой умудренности, надо стараться, чтобы какой-нибудь выдающийся поступок уже делал его достойным этого звания, потому что в выборах участвует народная масса. И если какой-то молодой человек благодаря своей доблести отличился в важных делах, то было бы очень прискорбно, если бы город не мог воспользоваться ею снова и должен был ожидать, пока с годами он утратит живость и бодрость духа, которые могли бы послужить отечеству, как послужили Риму Валерий Корвин, Сципион и Помпей, а также многие другие, которые стали триумфаторами еще в юности.

КНИГА ВТОРАЯ

Вступление

Люди обычно хвалят, часто безо всяких оснований, прежние время и осуждают настоящее; они проявляют такую любовь к прошедшему, что превозносят не только те события, о которых узнали от историков, сохранивших о них память, но и те, которые воспоминаются им в старости и свидетелями которых они сами когда-то были. И в тех случаях, когда их мнение ошибочно, а так чаще всего и бывает, названное заблуждение, как я убеждаюсь, может проистекать от разных причин. Первая из них, на мой взгляд, заключается в том, что до нас доходит не вся правда о древности; о ее постыдных сторонах в большинстве случаев умалчивается, зато о славных трубят и возглашают где только можно. Ведь большинство писателей бывают так заморожены успехами победителей, что, желая прославить их сильнее, они не только преувеличивают их подвиги, но и деяния врагов показывают в таком свете, что потомки, рождающиеся как в побежденной, так и в победившей стране, могут лишь дивиться прежним временам и прежним людям и бывают принуждены ценить и хвалить их сверх всякой меры. Кроме того, два важнейших источника ненависти — страх и зависть — по отношению к прошлому недействительны, потому что свершившиеся события ничем не угрожают и не вызывают зависти. Противоположное происходит с вещами, совершающимися на наших глазах; зная их досконально и различая в них как хорошие, так и неприятные стороны, ты будешь склонен принижать их по сравнению со стариной, хотя бы на са-

мом деле они и заслуживали гораздо большей славы и известности; впрочем, речь идет не об искусствах, произведения которых столь наглядны, что время мало что может прибавить или отнять у той славы, которой они сами по себе заслуживают, но о поступках и обычаях людей, о чем не остается прямых свидетельств.

Итак, я не считаю разумной вышеописанную привычку хвалить и порицать; однако склонные к ней люди не всегда ошибаются. Иногда их суждения попадают в точку, ибо дела человеческие пребывают в постоянном движении, при этом они либо кажутся вниз, либо идут в гору. Когда в каком-нибудь городе или стране выдающийся человек закладывает основы жизни, то тамошние дела, в силу доблести этого основателя, некоторое время находятся на подъеме. Родившийся в эти годы напрасно будет отдавать предпочтение прошлому перед настоящим, его ошибка будет вызвана теми причинами, которые были описаны выше. Но жители этого города или провинции в следующем поколении, когда ее дела пойдут на лад, уже будут вернее в своих суждениях. Обдумывая ход подобных вещей, я прихожу к выводу, что мир всегда был устроен одинаково и всегда в нем было столько же хорошего, сколько и плохого; однако от страны к стране картина менялась; об этом можно судить по древним монархиям, которые сменяли друг друга вследствие изменения нравов, но мир при этом оставался все тот же. Разница была только в том, что сначала вся его доблесть была сосредоточена в Ассирии, затем перенесена в Мидию, потом в Персию и в конце концов достигла Италии и Рима. И если Римской империи не наследовала другая, столь же долговечная, в которой могла быть собрана доблесть всего света, последняя оказалась рассеянной по разным народам, проявившим подобные качества в королевстве франков, в монархиях турок и египетского султана, а сегодня так живут народы Германии. В свое время великими деяниями отличалась религия сарацин, которые захватили чуть ли не весь свет и разрушили Восточную Римскую империю. Так вот, после крушения римлян во всех этих странах и во всех этих сектах сохранялась названная доблесть, и до сих пор она приветствуется и находит заслуженное одобрение в некоторых из них. Поэтому житель этих стран будет очень далек от

истины, если он станет хвалить те времена по сравнению с нынешними. Но кто родился в Италии или Греции и не сделался из итальянца французом или из грека турком, тот по праву может порицать свое время и возносить чужое, ибо прежде там совершалось много дел, вызывающих изумление, а теперь ничто не может вывести эти страны из крайней нищеты, позора и поношения; их жители не уважают ни веры, ни законов, ни воинского долга, они запятнали себя всеми возможными мерзостями. И эти пороки тем предосудительнее, что ими замараны те, кто заседает *pro tribunali**, помыкает всеми и требует к себе уважения.

Возвращаясь к нашему рассуждению, скажу, что если людям не дано судить о том, что лучше, прошлый век или настоящий, потому что о древних событиях невозможно получить такое же совершенное представление, как о современных, то по крайней мере пожилые люди не должны были бы ошибаться, сравнивая времена своей молодости и старости, ибо они равным образом знакомы с теми и другими. И это было бы справедливо, если бы на протяжении всей своей жизни люди сохраняли одинаковую способность суждений и имели одни и те же желания; но они не могут идти в ногу со временем и изменяют свои мнения о нем, потому что в старости у них являются другие желания, другие удовольствия и другие мысли, чем в юности. Старея, люди теряют силы и приобретают благоразумие и склонность к размышлению, поэтому то, что в молодости казалось им хорошим и вполне терпимым, по необходимости выглядит теперь в их глазах дурным и несносным; и хотя следовало бы винить в этом свои вкусы, они ополчаются против времени.

К тому же людские аппетиты ненасытимы, ибо природа вкладывает в нас желание всех вещей, но судьба редко позволяет ему осуществиться. Отсюда проистекают вечное недовольство, бродящее в умах, и пресыщение тем, что доступно: люди бранят настоящее, хвалят прошлое и с надеждой глядят в будущее, хотя бы для этого у них и не было никаких разумных причин. Не уверен, что и меня нельзя будет причислить к тем, кто обманывается подобным образом, если в своих рассуждениях я стану слишком

* в судах (лат.).

превозносить времена античных римлян и порицать наши. По истине, если бы царившая в ту пору доблесть и торжествующий ныне порок не вырисовывались со всей очевидностью, я был бы более сдержан в своих речах, опасаясь впасть в ту ошибку, в которой обвиняю других, но поскольку дело обстоит для всех яснее ясного, я постараюсь выразить прямо свое мнение о нашей и о прошедшей эпохе, чтобы молодые читатели моего сочинения, с позволения фортуны, подражали второй и избегали нравов первой. Ведь достойный человек, перед которым противодействие судьбы и обстоятельств закрыло дорогу к благу, обязан внушить стремление к нему другим, чтобы из многих способных достигли его хотя бы некоторые, любезные небесам. В предшествующей книге мы говорили о решениях римлян, относящихся к внутригородским делам, а в этой обратимся к тому, как римский народ заботился о расширении своих владений.

Глава I

Что более помогало римлянам в обретении новых владений, судьба или доблесть

Многие, и в том числе Плутарх, весьма почтенный писатель, склонялись к мнению, что римскому народу помогала обзавестись новыми землями больше фортуна, нежели доблесть. И среди прочих соображений, которые приводит Плутарх, такое: судя по верованиям римлян, они относили все свои победы на счет судьбы и построили Фортуне больше храмов, чем всем остальным богам. По-видимому, к этому мнению присоединяется Ливий, потому что редко кто из римлян говорит у него о доблести, не упоминая при этом о Фортуне. Но я никак не могу с этим согласиться и признать правильным подобное мнение. Ибо если доселе не существовало республики, которая добилась бы таких же успехов, как Рим, то ведь не было и республик, обладающих для этого столь же пригодным устройством, как Римская. Своими приобретениями она обязана доблестному войску, а сохранением приобретенного — своему первому законодателю, который определил для нее подходящий образ и порядок действий, как будет подробнее рассказано в наших рассуждениях. Говорят, что римский народ, благодаря своей удачливости, а отнюдь не доблести, никогда не вел двух серьезных войн в одно и то же время; война с латинами началась не то что после разгрома самнитов, но даже и в защиту последних; с тосканцами они сразились только тогда, когда уже подчинили себе латинов и постоянными ударами обессилили самнитов; но если бы двое этих противников сумели объединить свои еще свежие силы, это, без сомнения, как

легко себе представить, привело бы к крушению Римской республики. Но как бы то ни было, римлянам никогда не приходилось сражаться с двумя могущественными противниками в одно и то же время; напротив, всегда казалось, что когда разгоралась одна война, вторая затихала, или при угасании одной начиналась вторая. Это хорошо заметно, если рассмотреть по порядку войны, которые они вели: если не говорить о тех, что случились до захвата Рима французами, очевидно, что пока его жители сражались с эквами и вольсками и пока эти народы были в силе, никто другой Риму не угрожал. После усмирения двух вышеназванных вспыхнула война против самнитов, хотя еще до ее окончания против римлян восстали латинские народы; во время этого мятежа самниты были союзниками Рима и своим войском помогли римлянам укротить латинскую дерзость. После усмирения латинов война в Самниуме возобновилась. После многих поражений, нанесенных самнитам, и уничтожения их сил началась война с тосканцами, а по ее окончании самниты поднялись снова вследствие прихода в Италию Пирра. Последний был отброшен и отступил в Грецию, но тут началась первая война против карфагенян; не успела она закончиться, как все французы по эту и по ту сторону Альп соединились в заговоре против римлян, и тогда произошло превеликое избиение на пространстве между Популонией и Пизой, там, где ныне находится башня Святого Винцента. После этой войны в течение двадцати лет римляне не вели больших войн; они сражались только с лигурийцами и с остатками французов в Ломбардии. Так продолжалось до Второй Карфагенской войны, которая разоряла Италию на протяжении шестнадцати лет. Римляне вышли из нее с великой славой и приступили к Македонской войне, а затем пришел черед войны с Антиохом в Азии. После этой победы во всем мире не оставалось государей или республик, которые могли бы противостоят римской силе, даже все вместе взятые.

Но если хорошенько рассмотреть ход этих войн и образ действий римлян до названного времени, то можно заметить, что кроме удач эти войны сопровождались великими проявлениями доблести и благоразумия. Так что кто захочет отыскать причину

их удачливости, определит ее с легкостью, ибо нет никакого сомнения, что когда какой-либо государь или народ приобретет такой вес среди других государей или народов, что они сами по себе не отважатся на него напасть, то ему не нужно будет опасаться нападения соседей, разве что они будут к этому вынуждены; таким образом, во власти этой державы будет избрать себе противника самой, а остальных утихомирить другими средствами. Преклоняясь перед ее силой и усыпленные ее ухищрениями, они легко успокоятся, прочие же властители, не имеющие непосредственного общения с первыми, посчитают угрозу отдаленной и не относящейся к ним. В этом заблуждении они будут пребывать, пока пожар не приблизится к их владениям. Чтобы погасить его, им останется только уповать на собственные силы, которых будет недостаточно, ибо противник тем временем неимоверно усилится. Я не буду распространяться о том, что самниты безучастно наблюдали, как римский народ расправляется с вольсками и эквами; чтобы не быть многословным, ограничусь карфагенянами, которые к моменту, когда римляне столкнулись с самнитами и тосканцами, приобрели уже великое могущество и влияние, захватив всю Африку, удерживая Сардинию и Сицилию и установив свое владычество над частью Испании. Благодаря этому могуществу и удаленности границ от Рима карфагеняне никогда и не помышляли о войне с ним, о помощи самнитам или тосканцам; напротив, они вступили с римлянами в сношения и искали их союза, как будто бы события развивались им на пользу. Карфагеняне заметили свою ошибку только тогда, когда римляне, покорив все народы, живущие между ними и карфагенянами, стали оспаривать право последних на территорию в Испании и на Сицилии. Так же, как карфагеняне, рассуждали французы, а потом Филипп, царь Македонии, и Антиох. Все они полагали, пока римский народ был занят другим противником, что этот последний осилит римлян или что у них достанет времени, чтобы защититься в случае войны или мира. Таким образом, я полагаю, что удача, сопутствующая римлянам, была бы на стороне всех государей, которые поступали бы, как они, и обладали такой же доблестью.

По этому случаю следовало бы остановиться на способе, использовавшемся римским народом для внедрения в чужие страны, но мы подробно говорили об этом в нашем трактате о владениях государей, этот предмет рассмотрен там со всех сторон. Скажу лишь кратко, что римляне всегда старались иметь в новых провинциях побольше друзей, которые проторили бы им дорогу или открыли в них дверь, а также помогли удержать. Так, благодаря капуанцам они вошли в Самниум, благодаря жителям Камерина — в Тоскану, благодаря мамертинцам — в Сицилию, жителям Сагунта — в Испанию, с помощью Массиниссы они вошли в Африку, этолийцев — в Грецию, Эвмена и других князей — в Азию, а благодаря жителям Массилии и эдуям — во Францию. Во время своих походов и завоеваний провинций, а также при их удержании у римлян никогда не было недостатка в подобной поддержке. И те народы, которые последуют их примеру, будут зависеть гораздо меньше от прихотей судьбы, чем плохие подражатели. А чтобы всякий мог убедиться, насколько доблесть важнее для завоевания новых владений, чем милость судьбы, мы рассмотрим в следующей главе, каковы были народы, с которыми довелось сражаться римлянам, и сколь упорно они защищали свою свободу.

Глава II

С какими народами пришлось сражаться римлянам и сколь отчаянно те защищали свою свободу

Самым большим препятствием для римлян в борьбе с соседями и отчасти при завоевании более удаленных провинций была тогдашняя любовь многих народов к свободе, которую они защищали столь упорно, что только необычайная доблесть могла их покорить. Не счесть примеров, каким опасностям подвергались люди, чтобы сохранить или вернуть свою свободу, как они мстили своим поработителям. Чтение истории показывает также, сколько вреда причинило государствам и народам рабство. И если в наше время сохранилась лишь одна страна, изобилующая вольными городами, то в древности во всех странах было немало

свободных народов. Например, в ту эпоху, о которой мы говорим, в Италии от горного хребта, разделяющего Тоскану и Ломбардию, и до ее южной оконечности все народы пользовались свободой; это были тосканцы, римляне, самниты и многие другие, населявшие эту часть Италии. Нигде не упоминается, чтобы там были какие-нибудь цари, кроме тех, что правили в Риме, и Порсенны, царя Тосканы; после того как его род угас, история о царях молчит. Очевидно, что в ту пору, когда римляне осадили Вейи, Тоскана была свободна, причем настолько дорожила своей свободой и ненавидела само упоминание о государях, что, когда вейенты избрали царя для обороны своего города и запросили у тосканцев помощи против римлян, те, после многих препирательств, постановили отказывать им до тех пор, пока ими станет управлять царь, потому что, по их мнению, не стоило защищать отечество тех людей, которые отдали его в чужие руки. Легко установить, откуда у народов такая привязанность к гражданской свободе, ведь опыт показывает, что только вольные города могут расширить свои владения и приумножить богатства. Поистине вызывает удивление то величие, которого достигли Афины всего за сто лет, сбросив тиранию Писистрата. Но еще больше удивления вызывает величие Рима, которого он добился, освободившись от царей. Причины этого нетрудно понять: не частные интересы возвеличивают государство, а общее благо. Заботятся же об общем благе одни только республики, ибо они исполняют все, что клонится к общей пользе. Если же принимаемые меры затрагивают кого-либо из частных лиц, большинство остается на стороне общего интереса и заставляет предпочесть его вопреки мнению немногих обиженных. Обратное происходит, когда во главе города стоит государь; чаще всего то, что он делает для себя, ущемляет граждан, а то, что делается для них, невыгодно ему. И когда гражданская вольность сменяется тиранией, наименьшее зло для такого города — это остановка в его развитии, ибо он не может больше наращивать свои силы и богатства, но в большинстве случаев, если не всегда, начинается его упадок. А в том случае, когда волею судеб объявится некий доблестный тиран, который благодаря своему воинственному духу и воинской доблести расширит

свои владения, республике от этого не будет никакого проку, потому что он делает это для себя и не может вознаградить никого из достойных и мужественных граждан, поработанных им, так как в противном случае будет вынужден их подозревать. Кроме того, он не может подчинить приобретенные города подвластной ему столице и заставить их платить своему городу дань, потому что усиливать его тирану не с руки — ему удобнее разделить свое государство, чтобы все земли и провинции признавали главой только его. Так что своими приобретениями пользуется только тиран, а не его отечество. Тот, кто желает подкрепить это мнение множеством других доводов, пусть прочитает трактат Ксенофонта «De Tyrannide»*. Итак, нет ничего удивительного в том, что древние народы жестоко ненавидели тиранов и высоко ценили свободный образ жизни, так что самое имя «свобода» им было дорого. Когда Гиероним, племянник тирана Сиракуз Гиерона, был убит в этом городе и известие о его смерти достигло войска, расположенного неподалеку от Сиракуз, то сперва там начались волнения и призывы выступить против его убийц. Но когда солдаты узнали, что в Сиракузах провозглашена свобода, при одном упоминании о ней они успокоились, отказались от мести тираноубийцам и обратились к мыслям о том, как восстановить гражданскую вольность в городе. Не вызывает удивления и беспощадность, с которой народы мстили покушавшимся на их свободу. Примеров тому немало, но я приведу один случай, происшедший в греческом городе Коркире во время Пелопоннесской войны; вся страна тогда разделилась на две партии, одна из которых поддерживала Афины, а другая — спартанцев, и во многих городах происходила внутренняя борьба между сторонниками Афин и Спарты. В Коркире верх взяли нобили, которые положили конец народной свободе, но затем, с помощью афинян, популяры собрались с силами и, захватив всю знать, заперли ее в тюрьме, вместившей всех арестованных. Отсюда, под предлогом высылки в разные места, заключенных выводили по 8—10 человек и после жестоких истязаний убивали. Оставшиеся внутри распознали обман и решили попытаться избежать позорной смерти;

* «О тирании» (лат.).

вооружившись чем попало, они воспрепятствовали входу тюремщиков и стали защищаться изнутри; на шум сбежался народ, разобрал крышу здания и забросал узников ее обломками. В этой стране произошло еще много подобных ужасных и примечательных случаев, свидетельствующих о том, что за отнятую свободу мстят гораздо суровее, чем за ту, которую только собирались у тебя отнять.

Размышляя над тем, отчего в древние времена жили более свободолюбивые народы, чем теперь, я полагаю, что причина в том же, отчего люди стали слабее: она заключается в различии нашего и античного воспитания, вытекающего из разницы между нашей и античной религией. Наша религия, указавшая нам истину и истинный путь, учит нас пренебрегать светской честью; язычники же, весьма ценившие мирские почести и видевшие в них высшие блага, в своих поступках были более жестоки. Это видно по многим их установлениям, начиная с жертвоприношений, грандиозных у них, а у нас скромных, поражающих скорее изяществом, чем великолепием, за отсутствием каких-либо жестоких или возбуждающих храбрость обрядов. Там было в избытке великолепных и грандиозных ритуалов, дополнявшихся кровавым и жестоким жертвоприношением множества животных, и это ужасное зрелище воспитывало в людях соответствующие качества. Кроме того, религия древних почитала блаженными людей, преисполненных мирской славы, полководцев и государей, наша же религия прославила людей смиренной и созерцательной, а не активной жизни. Высшее благо она видит в смирении, униженности, презрении к людским заботам; древние же полагали, что оно — в величии духа, крепости тела и во всем, что придает человеку силы. А когда наша религия требует от тебя крепости, это значит, что ты должен проявить ее в терпении, а не в великом деле. Мне кажется, что этот образ действий ослабил мир и отдал его негодьям на растерзание. Когда большинство людей, чтобы попасть в рай, предпочитает переносить побои, а не мстить, негодьям открывается обширное и безопасное поприще. И хотя кажется, что мир обессилен и небеса разоружились, это, несомненно, произошло из-за низменных качеств людей, истолковывающих нашу религию в праздном духе, а не в пользу доблести.

Ведь если бы они задумались, насколько эта религия располагает к любви и защите родины, то увидели бы, что она призывает любить ее, почитать и быть готовыми к ее защите. Итак, только вследствие неверных наставлений и ложного истолкования нашей религии мир, по сравнению с древностью, обеднел республиками, и вместе с тем народы не питают уже такой любви к свободе, как тогда. Впрочем, я нахожу причину этого в том, что все республики и гражданские сообщества были подавлены могуществом и военной силой Римской империи. И хотя впоследствии империя распалась, лишь на малой части ее земли города смогли возродиться и восстановить устои гражданской жизни. Как бы то ни было, в любом затерянном уголке мира перед римлянами вставал твердый заслон воинственных республик, упорно отстаивавших свою свободу. Отсюда видно, что только чрезвычайная и редкостная доблесть позволила римскому народу одолеть их.

Говоря о судьбе этих земель, ограничусь только ссылкой на самнитов; удивительная вещь, о которой свидетельствует также Тит Ливий, — они были столь могучи и воинственны, что, несмотря на столько поражений, людские потери и разорение городов, могли сопротивляться римлянам вплоть до консульства Папирия Курсора, сына первого Папирия, то есть на протяжении сорока шести лет. А ведь ныне эта местность, некогда изобиловавшая городами и жителями, кажется почти безлюдной, но в то время благодаря царящему в ней порядку и силе она была неприсутпной и покорилась только римской доблести. Нетрудно установить, откуда проистекал тогдашний порядок и чем вызван нынешний развал: прежде люди там были свободными, а ныне — порабощены. Ибо все свободные города и земли, где бы они ни находились, как я уже говорил, следуют от успеха к успеху. Народонаселение здесь более многочисленно, потому что люди вступают в брак охотнее, не видя к этому препятствий; всякий обзаводится детьми, которых он рассчитывает прокормить, не опасаясь, что у него будет отнято кровное достояние. К тому же, помимо сознания, что детям не угрожает рабство, отец может надеяться, что благодаря своей доблести они станут первыми людьми в государстве. Богатство, порождаемое как плодами земными, так и

делом рук человеческих, в таких республиках возрастает ежечасно. Каждый старается приумножить то имущество и приобрести те блага, которыми он безопасно сможет пользоваться. Люди поэтому стремятся превзойти друг друга в преследовании как частного, так и общественного блага, почему и то и другое выказывает невиданный рост.

Противоположное происходит в тех странах, которые порабощены, и чем жестче рабство, тем более чужды для них житейские блага. Но из всех видов жестокого рабства жесточайшее то, которое на тебя налагают республики. Во-первых, потому, что оно более продолжительно и не оставляет надежды на спасение; во-вторых, потому, что цель республики — истощить и вытянуть все соки из других тел, чтобы напитать свое собственное. Покоривший тебя государь не станет так поступать, если это не варвар, стирающий с лица земли страны и рассеивающий все человеческие сообщества, каковы восточные владыки. Если же ему не чужды человечность и общепринятые правила, то в большинстве случаев он будет любить подчиненные себе города как свои собственные и сохранит в них все промыслы и почти все прежние порядки. И если эти города не смогут процветать, как вольные, они и не погибнут, как те, что живут под игом; здесь речь идет о том случае, когда город бывает покорен чужеземцем, потому что о тех, что находятся под ярмом своего согражданина, я говорил выше.

Итак, если вникнуть во все вышесказанное, мощь, которой обладали самниты, будучи свободными, не покажется удивительной, как и та слабость, в которую они впали, будучи зависимыми. Тит Ливий удостоверяет это во многих местах, в особенности в разделе о войне с Ганнибалом, где он рассказывает, как самниты, притесняемые римским легионом, стоявшим в Ноле, направили к Ганнибалу посольство, чтобы просить его о помощи. Послы сообщили в своей речи, что самниты сражались с римлянами столет в одиночку, располагая только собственными солдатами и собственными полководцами, и при этом зачастую могли противостать сразу двум армиям, возглавляемым двумя консулами; а теперь они впали в такое ничтожество, что едва отбивались от небольшого римского легиона из Нолы.

Глава III

Рим возрос, разрушая окрестные города и приглашая чужих к себе на службу

«Crescit interea Roma Albae ruinis»*.

Кто намеревается далеко расширить пределы своего города, тот должен всеми способами стараться наполнить его жителями, ибо без многочисленного населения ему никогда не сделать свой город великим. Добиться этого можно двумя способами: лаской или силой. Действуя лаской, следует открыть безопасный доступ чужеземцам, которые пожелают поселиться здесь, и тогда всякий будет к этому стремиться; действуя силой, ты должен захватывать соседние города и переводить их жителей к себе. В Риме так заботились об этом, что при шестом царе там жили восемьдесят тысяч человек, способных носить оружие. Римляне поступали подобно хорошему садовнику, который срезает с деревца первые побеги, чтобы со временем они сменились другими, более зелеными и обильными, благодаря тому, что живительные соки останутся в стволе и деревце станет более плодоносящим. А что этот способ расширения своих владений был необходимым и правильным, доказывается примером Спарты и Афин; обе эти республики были воинственны и имели прекрасные законы, тем не менее они не достигли величия, сопоставимого с Римской империей, хотя внутреннее устройство Рима не казалось столь хорошо продуманным и защищенным от мятежей. Этому нельзя сыскать другой причины, кроме вышеприведенной, ибо Рим, нарастивший двумя указанными путями городской организм, мог вследствие этого выставить двести восемьдесят тысяч воинов, у Спарты же и Афин никогда не было более двадцати тысяч на каждую. А вызвано это было отнюдь не более удачным расположением Рима, но лишь другим образом его действий. Ликург, основатель Спартанской республики, считал, что для подрыва его законов нет ничего вернее, чем допустить приток новых жителей, поэтому он принял все меры, чтобы чужеземцы не общались со спартанцами — им запрещалось вступать в брак, принимать спар-

* «Рим между тем сразрушением Альбы растет» (лат.).

танское гражданство и участвовать в других общих делах с местными жителями. Чтобы никто не пожелал привезти в страну свой товар или открыть здесь какой-либо промысел, Ликург приказал пустить в обращение в своей республике кожаные деньги, так что количество жителей в Спарте никак не могло заметно вырасти. А поскольку во всех наших поступках мы подражаем природе, невозможно и неестественно, чтобы хилый ствол поддерживал мощные ветви. Небольшая республика не может присоединить город или царство, превосходящие ее народонаселением и мощностью, а если так случится, то она погибнет, как деревце, которое с трудом поддерживает свою крону, более мощную, чем ствол; первый же ветерок его ломит.

Так вышло со Спартой, которая захватила все греческие города, и как только против нее восстали Фивы, все прочие к ним присоединились, и ствол остался без ветвей. Риму же этого можно было не опасаться, ибо благодаря своей надежной опоре он мог выдержать любой груз. Описанный образ действий этого города, как и другие, о которых речь пойдет ниже, сделал его великим и могущественным. Это и высказал вкратце Тит Ливий в своих словах: «Рим между тем с разрушением Альбы растет».

Глава IV

Для расширения своих владений республики использовали три способа

Изучавший древнюю историю найдет, что республики использовали три способа для расширения владений. Первого из них придерживались в старину тосканцы — они собирали союз из нескольких республик, причем ни одна из них не должна была возвышаться над другой ни своей властью, ни положением; присоединенные же города они принимали в свое товарищество наподобие того, как поступают в наше время швейцарцы и как в древности поступали в Греции ахейцы и этолийцы. А так как римляне много воевали с тосканцами, я расскажу о них поподробнее, чтобы лучше проиллюстрировать достоинства этого первого способа.

До образования Римской империи самыми могущественными на море и на суше были в Италии тосканцы, и хотя историй, особо посвященных их деяниям, не осталось, в памяти народов сохранились некоторые сведения, свидетельствующие об их величии. Известно, что они основали колонию на верхнем море и назвали ее Адрией, причем эта колония была настолько знаменитой, что дала имя самому морю, и до сих пор латиняне называют его Адриатическим. Известно также, что своим оружием они покорили территорию от Тибра до подножия Альп, опоясывающих и ныне большую часть Италии, хотя за 200 лет до возвышения римлян тосканцы утратили власть в этих краях, которые теперь называются Ломбардией; тогда эта провинция была занята французами. Последние, подталкиваемые нуждой или желанием завладеть плодами этой области, в особенности виноделием, пришли в Италию под предводительством своего вождя Белловеза. Разгромив и изгнав туземцев, они обосновались в этом месте и построили там множество городов, а провинцию назвали Галлией, по своему тогдашнему имени, и удерживали ее до тех пор, пока не были покорены римлянами. Итак, среди тосканцев царило равенство, и они расширяли свои владения вышеуказанным первым способом; у них было двенадцать городов, среди которых Кьюзи, Вейи, Ареццо, Фьезоле, Вольтерра и другие. Эти города совместно управляли общими владениями, и на приобретения вне Италии был наложен запрет; впрочем, и внутри страны большая часть оставалась свободной, причины чего мы укажем ниже.

Второй способ также предполагает содружество, однако не столь равное, чтобы за завоевателем не сохранились право начальствования в столице государства и слава приобретения; этот способ был присущ римлянам. Третий способ состоит в прямом принятии в подданство, без всяких намеков на союз; так поступали спартанцы и афиняне. Из трех названных способов последний — самый пустой, как можно видеть по двум вышеуказанным республикам; их крах был вызван как раз тем, что они захватили владения, которые не могли удержать. Ведь забота о насильственном управлении городами, тем более привычными к вольной жизни, составляет тяжкую и неприятную обузу. Если ты не рас-

полагаешь сильным и многочисленным войском, тебе никак не справиться с подобной задачей. А чтобы обрести могущество, нужно обзавестись друзьями, которые тебе помогут, и увеличить население твоего города. Но два вышеназванных города не сделали ни того ни другого, поэтому их образ действий был обречен на неуспех. Рим же, который являет собой образец второго способа, сделал и то и другое и таким образом достиг столь необыкновенных высот. Но только Рим придерживался этого образа действий, поэтому он и стал могущественным в одиночку; набрав себе по всей Италии союзников, которые во многом подчинялись его законам, и в то же время, как было сказано выше, оставляя за собой столицу государства и звание правителя, римляне добились того, что их сотоварищи, сами того не замечая, помогали собственному угнетению, затрачивая свои усилия и проливая свою кровь. Ведь когда римляне стали совершать походы за пределами Италии, основывать провинции на месте прежних царств и принимать в подданство тех, кто привык подчиняться царям и не чувствовать бремени угнетения, новые подданные не признавали другой высшей власти, кроме римской, ибо они покорились римским армиям и ими управляли римские наместники. Тогда римские союзники в Италии неожиданно, с одной стороны, оказались под пятой такого громадного города, как Рим, а с другой стороны — в окружении римских подданных; они заметили ловушку, но было уже поздно, чтобы что-либо сделать: столь велика стала власть Рима над внешними провинциями и так много сил накопил он в своем лоне, умножив число жителей и вооружив их. И хотя союзники Рима объединились, чтобы отомстить ему за обиды, вскоре они проиграли войну, ухудшив при этом свое положение, ибо из друзей перешли в число подданных. Как мы уже сказали, римляне всегда придерживались этого образа действий, и другого нельзя посоветовать республике, которая пожелает расширить свои владения, ибо более надежного и правильного наш опыт не знает.

Способ заключения союзов, которому следовали тосканцы, ахейцы и этолийцы и которого сегодня придерживаются швейцарцы, самый лучший после римского, ибо хотя он не позво-

ляет приобрести значительные территории, ему присущи два достоинства: во-первых, ты можешь не опасаться нежелательной войны; во-вторых, все, что ты приобрел, тебе легко будет удержать. Невозможность расширения вытекает из того, что республика в этом случае разделена и разбросана по разным местам; вследствие этого ее правителям трудно советоваться и принимать решения. К тому же они не столь падки на новые приобретения, потому что в управлении участвуют много общин и приобретенное не имеет такой ценности, как для одной республики, которая рассчитывает воспользоваться им в одиночку. Кроме того, всеми делами заправляет совместное собрание, и это замедляет принятие решений по сравнению с государством, где все сосредоточено в одном месте. Опыт показывает также, что подобный образ действий имеет определенные границы, которые на нашей памяти никто никогда не преступал; дело в том, что объединение заканчивается на уровне 12—14 общин и о дальнейшем расширении никто уже не помышляет, ибо, достигнув состояния, позволяющего, по их мнению, обороняться от любого захватчика, они не ищут новой прибыли, как потому, что не нуждаются в большем могуществе, так и потому, что не видят в приобретениях проку по причинам, уже указанным выше. Им пришлось бы выбирать одно из двух: или принимать в свой союз новых сотоварищей (но умножение их повело бы к расстройству дел), либо приобретать новых подданных (но в этом они видят больше забот, нежели пользы, и поэтому к таким приобретениям не стремятся). Таким образом, когда общее количество союзников позволяет им чувствовать себя в безопасности, они поступают двояко: во-первых, оказывают чужим покровительство и поддержку и тем самым обеспечивают себе поступление отовсюду денег, которые распределяют между собой; во-вторых, они сражаются за других и получают жалованье от того или иного государя, нанимающего их для своих войн; сегодня этим занимаются швейцарцы, и, судя по книгам, раньше это было в обычае вышеназванных народов. Тит Ливий свидетельствует об этом, рассказывая, как Филипп, царь Македонии, вел переговоры о соглашении с Ти-

том Квинкцием Фламинином в присутствии одного претора из этолийцев, и когда претор обратился к Филиппу, тот стал укорять его в жадности и коварстве, утверждая, что этолийцы не стыдились воевать то на одной, то на другой стороне и их штандарты часто можно было видеть над войсками обоих противников. Отсюда явствует, что способ вступления в союзы всегда был один и тот же и приводил к подобным же результатам. Однако указанный путь приобретения подданных всегда был довольно скользким и мало кому приносил пользу; если же при этом не бывала соблюдена мера, он вел к скорому краху. И если обзаводиться подданными невыгодно для воинственных республик, то для мирных это и вовсе бессмысленно, как можно судить по нынешним итальянским республикам.

Итак, наилучшего способа расширения придерживались римляне, и это тем более удивительно, что у них не было предшественников и впоследствии никто не смог им уподобиться. Что же касается содружеств, то в этом римлянам подражают только швейцарцы и Швабский союз. Как мы будем говорить в конце этого раздела, многие порядки, принятые в Риме как относительно внутренних, так и внешних дел, не только не соблюдаются в наше время, но и пребывают в забвении; одни считают их сомнительными, другие — неуместными и бесполезными, третьи — невозможными, и вот из-за этого-то невежества мы становимся добычей всякого, кто пожелает завоевать нашу страну. Но если деяния римлян на первый взгляд трудны для подражания, то такими не должны казаться деяния древних тосканцев, особенно в глазах тосканцев современных. Ведь если их предки по вышеназванным причинам не смогли создать империю, подобную Римской, то они обрели в Италии то могущество, которое мог снискать для них избранный ими образ действий. И положение их было на протяжении долгого времени прочным, слава их силы и оружия — великой, а набожность и нравы — весьма похвальными. Эти слава и могущество были сначала потрясены французами, а затем развеяны римлянами, причем удар был так силен, что, хотя две тысячи лет тому назад тосканцы составляли великую

силу, ныне память об этом почти стерлась. Это наводит меня на размышления о причинах такой забывчивости, о чем пойдет речь в следующей главе.

Глава V

Перемена религий и языков, подобно мору и наводнениям, стирает память о событиях древности

Философам, которые утверждали, что мир существовал вечно, по моему мнению, можно было бы возразить, что в случае их правоты память о древности позволяла бы нам, как следует ожидать, заглядывать более чем на 5 тысяч лет назад. Однако можно видеть, что память о старине стирается по разным причинам, частью производимым людьми, частью исходящим от небес. От людей происходят перемены религиозных сект и языков. Когда возникает новая секта, то есть новая религия, ее первая забота состоит в истреблении прежней, чтобы освободить дорогу для себя; и если основатели нового учения пользуются другим языком, они добиваются этого с легкостью. Об этом можно судить по поступкам христианской секты в отношении языческой; первая уничтожила все обычаи и обряды второй и погасила всякое воспоминание о древнем богословии. Правда, полностью похоронить известия о деяниях великих язычников не удалось, потому что христианство сохранило латинский язык, к чему побудила его необходимость записать на нем новые заповеди. А если бы их можно было передать на новом языке, то от прошлого не осталось бы следа, судя по воздвигнутым на него гонениям.

Кто пречитает о поступках святого Григория и других вождей христианства, тот увидит, с каким ожесточением они преследовали всякую память о древности, бросая в огонь труды поэтов и историков, уничтожая картины и статуи и истребляя все, что было так или иначе связано с античностью. И если бы к этим гонениям добавился новый язык, то в кратчайшее время все было бы предано забвению. Но мы можем предположить, что язычники поступили со своими предшественниками точ-

но так же, как с ними поступили христиане. И поскольку за 5—6 тысяч лет эти секты сменяются по два или три раза, память о более ранних событиях исчезает, и если все же остаются какие-нибудь следы, сведениям о них не верят и почитают баснями; так случилось с историей Диодора Сицилийского, которая охватывает 40 или 50 тысяч лет, однако ее признают, насколько мне известно, выдумкой.

Что до причин, исходящих от неба, то они истребляют человеческий род и сильно сокращают население отдельных частей мира. Случается это вследствие мора, неурожая или наводнения, из которых важнее всего последнее, ибо от него не спасается никто, за исключением диких жителей гор, которые не сохраняют памяти о древности и не могут передать ее потомкам. Если же остается в живых кто-либо осведомленный о прошлом, то в целях собственного возвышения он умалчивает о нем и перетолковывает его на свой лад так, что следующие поколения узнают только то, что ему было угодно записать. И я не думаю, чтобы можно было усомниться в действительном существовании этих потоков, эпидемий и голода, потому что о них сплошь и рядом упоминают все историки, да и ввиду отсутствия памяти о древности, а еще потому, что в этом виден разумный смысл: ведь как природа заставляет многократно сокращаться простые тела и ради собственного здоровья извергать излишек накопившейся материи, то же происходит и в смешанном теле человечества, когда все области переполняются жителями, так что им негде жить и некуда уйти ввиду повсеместного избытка населения. При этом человеческие лукавство и злоба доходят до крайности, а потому возникает необходимость очищения мира одним из трех способов, чтобы оставшиеся в малом числе люди после пережитых испытаний стали лучше и жили спокойно. Итак, как было сказано выше, Тоскана была преисполнена могущества, набожности и доблести; она отличалась собственными обычаями и языком, но все это погибло под пятой римлян. И, как мы сказали, от нее осталось одно название.

Глава VI

Как поступали римляне на войне

Мы говорили о том, как римляне расширяли свои владения. Рассмотрим же теперь, как они вели войну, ибо каждый их поступок показывает, сколь далеко благоразумие уводило их от общепринятых путей, дабы облегчить достижение высшего величия. Те, кто вступает в войну добровольно, т.е. из честолюбивых побуждений, намереваются приобрести и сохранять приобретенное; при этом они собираются не истощать, а, напротив, обогатить свой город и свою страну. Поэтому во время завоевания и при охране завоеванного следует избегать лишних расходов и стремиться к пополнению собственной казны. Кто хочет соблюдать все эти правила, тот должен придерживаться стиля и метода римлян, который состоял прежде всего в том, чтобы вести войны короткие и решительные, как говорят французы, ибо, выступая в поход с большим войском, они выиграла войны с латинами, самнитами и тосканцами в кратчайший срок. А если обратиться к тем войнам, что они вели, начиная от основания Рима и до осады Вейев, то все они закончились за 6, 10 или 20 дней. Обычай римлян был следующий: как только объявлялась война, они выступали с войском навстречу врагу и немедленно начинали битву. Проиграв сражение, противник соглашался на условия победителя, чтобы не подвергнуть свои владения полному опустошению; римляне отбирали у него часть земель и раздавали их частным лицам или устраивали на них колонию, располагавшуюся на границе и охранявшую римские пределы с пользой как для самих колонистов, получавших землю, так и для римской казны, которая не тратила на них ни гроша. Трудно вообразить более надежный, действенный и выгодный способ защиты, потому что пока противник не выходил в поле, достаточно было названной стражи; если же колонии угрожало большое войско, тогда и римляне снаряжали такое же войско и выступали ему навстречу. Выиграв сражение, они налагали на врагов более тяжкую дань и возвращались домой. Так понемногу они

обретали все большую власть над ними и сами набирались сил. Этого образа действия они придерживались до тех пор, пока не изменили способ ведения войны; произошло это после осады Вей, во время которой, вследствие продолжительности военных действий, было решено платить солдатам, а раньше, поскольку войны были скоротечны и в жалованье не было нужды, они ничего не получали. И хотя римляне пошли на это, чтобы вести более затяжные войны, нужда заставила их часто ходить в походы, дабы держать врагов подальше. Тем не менее они никогда не отступали от своего обычая завершать кампании, смотря по времени и месту, в кратчайший срок; и всегда основывали колонии. Спешить с окончанием войн, кроме всегдашней и естественной привычки, римлян заставляло честолюбие консулов, желавших воспользоваться победой для триумфа, ибо они пребывали в должности всего один год и за это время полгода войско размещалось на зимних квартирах. Что касается колоний, то закладывать их заставляли великая польза и удобство, с ними связанные. Единственное, что изменилось, — это их отношение к трофеям, которые уже не распределялись так щедро, как прежде. Во-первых, в этом не было нужды, поскольку солдаты получали жалованье, во-вторых, приток трофеев настолько увеличился, что ими можно было пополнять государственные средства и не расходовать на ведение войн налоговые поступления. Благодаря этому римская казна вскоре переполнилась. Подобный образ действий в отношении распределения трофеев и основания колоний привел к тому, что Рим в ходе войн обогащался, в то время как другие государи и республики, не столь мудрые, истощали в них свои средства. Дошло до того, что консул не считал себя вправе устраивать триумф, если не мог передать на нем в казну множество золота, серебра и другой добычи. Так римляне благодаря своим обычаям и скорой расправе над врагом, которого они могли также изнурять длительной осадой, набегами, сражениями и выгодными для себя договорами, становились все богаче и сильнее.

Глава VII

Сколько земли выделяли римляне одному колонисту

Какой участок земли доставался у римлян одному колонисту, мне кажется, довольно трудно установить. Я полагаю, что они выделяли больше или меньше земли, смотря по местности, в которой устраивалась колония. Думается, что повсюду и при любых обстоятельствах распределение не было особенно щедрым, во-первых, чтобы земли хватало на большее количество людей, призванных охранять эту провинцию; во-вторых, трудно предположить, чтобы римляне захотели сделать богачами тех, кто бедствовал на родине. Тит Ливий говорит, что после взятия Вей там была основана колония и каждому досталось по 3 югера и 7 унций земли, что по-нашему составляет... Дело в том, что, кроме вышеназванных причин, существовало мнение, что важно не количество земли, а ее хорошая обработка. Для колоний необходимо также иметь общественные поля, где каждый может пасти свой скот, и леса, чтобы запасаться дровами; без этого невозможно обойтись ни одной колонии.

Глава VIII

Почему народы снимаются с насиженных мест и заполняют чужие страны

Выше речь шла о принятом у римлян способе вести войну и о том, как на тосканцев напали французы, поэтому, на мой взгляд, будет к месту порассуждать о двух видах войн. В первом случае войны бывают вызваны властолюбием государей или республик, пытающихся расширить свои владения; таковы были войны Александра Великого, римлян и вообще всех держав между собой. Эти войны разрушительны, но они не лишают родины жителей той или иной местности; победителю достаточно привести народ в повиновение, в большинстве случаев он позволяет ему жить по своим законам, пользоваться своими домами и имуществом. Другой вид войн заключается в том, что целый народ в полном составе снимается с места, побуждаемый к этому голодом или войной,

и отправляется искать себе новое пристанище в чужой стране. Он хочет не управлять ею, как вышеупомянутые государи, а полностью владеть и для этого изгнать или истребить ее прежних жителей. Такая война бывает жестокой и ужасной. Об этом рассуждает Саллюстий в конце своей «Югуртинской войны», где он говорит, что после победы над Югуртой распространился слух о нашествии французов на Италию. При этом он замечает, что римский народ со всеми остальными сражался за господство, но только с французами за обоюдное выживание. Ведь государю или республике, вторгающимся в чужую провинцию, достаточно устранить лишь правящих там, а народу, который хочет воспользоваться достоянием других, следует истребить всех. Римляне пережили три подобных опаснейших войны.

Во время первой войны не устоял даже Рим, который был захвачен французами, отнявшими, как было сказано выше, у тосканцев Ломбардию и поселившихся там. Тит Ливий называет две причины этой войны: во-первых, как мы уже говорили, французов привлекали плоды и вина Италии, которых они не видели у себя на родине; во-вторых, население Французского королевства так умножилось, что для всех не хватало пропитания, поэтому местные государи решили отправить часть народа на поиски новых земель. Возглавить это предприятие должны были два французских короля, Белловез и Сеговез; первый из них отправился в Италию, а второй — в Испанию. Нашествие этого Белловеза привело к захвату Ломбардии, а затем к первой войне между французами и римлянами. Потом было столкновение между ними после Первой Карфагенской войны, когда между Пьомбино и Пизой было перебито более 200 тысяч французов. Третья война разразилась, когда в Италию пришли кимвры и тевтоны; они одержали несколько побед над римскими войсками, но затем были разбиты Марием. Таким образом, римляне выиграли все эти три опаснейших войны. Для таких побед была потребна превеликая доблесть, и когда римляне лишились ее, а их оружие утратило былую силу, их империя была разрушена такими же народами: готами, вандалами и проч., которые захватили всю Западную империю.

Подобные народы, как мы уже отмечали, бывают гонимы из своих стран нуждой, вызванной голодом, либо войной и гнетом, которым они подвергаются у себя на родине. Тогда им приходится искать новые земли. Если этих завоевателей много, они насильственно вторгаются в чужую страну, убивают ее жителей, захватывают их имущество, основывают новые царства и изменяют названия провинций. Так поступил Моисей и те народы, что захватили Римскую империю. Ведь новые имена, появившиеся в Италии и других странах, даны были как раз их завоевателями: Ломбардия, например, называлась раньше Цизальпийской Галлией; Франция — Трансальпийской Галлией, а сейчас она получила новое имя от франков, т.е. занявших ее народов; Славия называлась Иллирией, Венгрия — Паннонией, Англия — Британией; также и многие другие провинции поменяли свое название, о чем рассказывать было бы слишком долго. Моисей назвал Иудею захваченную им часть Сирии. А поскольку я сказал выше, что иногда эти народы гонит из отчизны война и это толкает их на поиски новых земель, я хочу привести пример маврузиев, народа, в древности жившего в Сирии. Когда они узнали о нашествии евреев и поняли, что не смогут им противостоять, они решили спастись и оставить свою страну, чтобы не погибнуть вместе с нею. Собравшись со всеми чадами и домочадцами, они направились в Африку, где и обосновались, изгнав тамошних жителей. Так те, кто не смог защитить собственную родину, оказались в состоянии захватить чужую. Прокопий, описывающий войну Велизария с наводнившими Африку вандалами, сообщает, что он читал надписи на колоннах в тех местах, где обитали названные маврузии: «Nos Maurusii, qui fugimus a facie Iesu latronis filii Navae»*. Здесь указана причина их ухода из Сирии. Эти народы, гонимые крайней нуждой, готовы на все, и если на пути им не попадется хорошего войска, ничто не сможет выдержать их яростного натиска.

Но если изгнанники, покинувшие отчизну, немногочисленны, они не представляют такой опасности, как описанные выше народы. Путь насилия неприемлем для них, и они должны про-

* «Мы, маврузии, беглецы от Иисуса-разбойника, сына Навина» (лат.).

никать на новое место хитростью, а заняв его, закрепляться там с помощью друзей и союзников, как поступали Эней, Дидона, основатели Массилии и прочие. Все они обосновались на новом месте с согласия соседей. Многочисленные народы почти все вышли из областей Скифии, местностей бедных и холодных, откуда при увеличении населения понуждает бежать невозможность пропитания; многое здесь отталкивает жителей, и ничто не удерживает. И если за последние 500 лет не было случая, чтобы кто-либо из тамошних народов нахлынул в другую страну, то причин этому несколько. Первая состоит в Великом переселении из этих стран, происходившем на закате империи; в то время оттуда вышло более 30 народов. Вторая заключается в том, что Германия и Венгрия, бывшие в свое время источником переселенцев, облагородили ныне свои земли и живут теперь в достатке, так что их обитателям незачем искать лучшей доли. В то же время, поскольку они очень воинственны, их страны являются как бы оплотом против скифов, граничащих с ними, так что последние не могут рассчитывать покорить их или пройти через их территорию. Полчища татар довольно часто приходят в движение, но венгры и жители Польши противостоят им. Часто они похваляются, что если бы не их оружие, Италия и римская церковь на себе почувствовали бы тяжесть татарского нашествия. Думаю, что этого довольно относительно названных народов.

Глава IX

Об общих причинах, порождающих войны между державами

Причина, которая привела к войне между римлянами и самнитами, до этого длительное время состоявшими в союзе, является общей для всех войн между могущественными государствами. Подталкивают к ним либо случайность, либо намеренные действия того, кто желает развязать войну. Распри между римлянами и самнитами вспыхнули случайно: самниты не собирались, нападая на сидицинов, а затем на кампанцев, вступить в войну с римлянами. Но когда бедственное положение заставило кампанцев, вопреки ожиданиям самнитов и самих римлян, обра-

титесь за помощью к последним, те были вынуждены выступить на защиту доверившегося им народа, как своего, потому что войны они уже не могли избежать без ущерба для собственной чести. Римляне могли отказать кампанцам в защите от своих союзников-самнитов, пока они оставались также просто друзьями Рима, но отказать ищущим их подданства или покровительства было бы позорно, потому что в таком случае они перекрыли бы дорогу всем народам, желающим поручить себя римской власти. Ведь Рим стремился к славе и могуществу, а не к покою и потому не мог отказать. По сходным причинам началась и первая война против карфагенян, ибо римляне взяли под свою опеку жителей Мессины в Сицилии, и произошло это волею случая. Но вторая война между ними уже не была случайной, ибо карфагенский полководец Ганнибал напал в Испании на союзников Рима сагунтинцев не для того, чтобы нанести обиду, а с целью вызвать на бой римлян, разбить их и вторгнуться в Италию. Такой способ вызывать войну был всегда в ходу между властителями, которые желают соблюдать некоторую пристойность и верность данному слову. Ведь если определенный договор, не нарушавшийся в течение долгого времени, мешает мне воевать с каким-либо государем, то я могу найти любое оправдание и предлог, чтобы напасть на его союзника, зная, что при этом он не сможет остаться в стороне, и тогда моя цель будет достигнута, либо, если он не вступится за своего подопечного, все убедятся в его слабости или вероломстве. И то и другое повредит ему во всеобщем мнении и облегчит исполнение моих планов. В связи с возникновением войн следует обратить еще внимание и на поступок кампанцев, о чем говорилось выше; отсюда можно сделать также вывод о том, какое средство есть у города, не имеющего силы обороняться, но ни за что не желающего сдаться врагу. Оно состоит в том, чтобы добровольно перейти под чье-либо покровительство. Так поступили капуанцы с римлянами и флорентийцы с королем Робертом Неаполитанским; последний не желал вступить за них как за своих союзников перед утеснявшим их Каструччо из Лукки, но защитил их как своих подданных.

Глава X

Вопреки распространенному мнению деньги не являются пружиной войны

Всякий может начать войну когда пожелает, но не так легко ее окончить, поэтому прежде чем затевать что-либо, государь должен оценить свои силы и поступать сообразно с этим. При недостатке благоразумия он может легко обмануться и переоценить их, что произойдет в том случае, когда он станет о них судить по своему богатству, местоположению своих владений или по людской благосклонности, не обращая внимания на отсутствие у него собственной армии. Все вышеперечисленное увеличивает твою силу, но само по себе таковой не является; все эти блага ничего не значат и не имеют смысла, если нет надежного войска. В этом случае тебя не выручат никакие деньги, не спасет укрепленная местность, а любовь и преданность людей развеются, ибо они не смогут сохранять верность, если ты их не защитишь. Любая скала, любое море, любое неприступное место становится ровной площадкой там, где нет могучих защитников. Деньги не только не укрепляют тебя, но и делают желанной добычей для захватчика. Нет ничего ошибочнее общего мнения, утверждающего, что деньги суть пружина войны. Такое суждение выносит Квинт Курций по поводу войны между Антипатром Македонским и спартанским царем. Он говорит, что последний из-за недостатка средств был вынужден вступить в схватку и потерпел поражение, а если бы он воздерживался от этого в течение еще нескольких дней, то в Грецию поступило бы известие о смерти Александра, и тогда спартанцы одержали бы победу без кровопролития. Но так как у него не было денег и он боялся, что недовольное этим войско покинет его, спартанец решил попытать счастья в бою. Отсюда Квинт Курций и выводит, что деньги — это пружина войны. Это изречение слышишь повсюду, и государи не особенно мудрые следуют ему. Полагаясь на него, они рассчитывают защититься с помощью богатой казны и не думают о том, что если бы накопленных сокровищ было достаточно для победы, то Дарий одолел бы Александра, греки пересилили бы римлян, а в

наше время герцог Карл победил швейцарцев; точно так же, как немного дней тому назад папа и флорентийцы не затруднились бы совокупными силами разгромить в Урбинской войне Франческо Марию, племянника папы Юлия II. Но все вышеназванные потерпели поражение от тех, кто почитает главным двигателем войны не деньги, а хороших солдат. Лидийский царь Крез показал афинянину Солону наряду с прочим свои бесчисленные сокровища и спросил, что думает он о его могуществе, на что Солон ответил, что могущество его не столь велико, ибо на войне все решает железо, а не золото, и если противник Креза превзойдет его в этом отношении, он отнимет у него все золото. Добавлю еще, что когда после смерти Александра Великого масса французов нахлынула в Грецию, а затем в Азию, они отправили посольство к царю Македонии, чтобы заключить с ним мир, и этот царь, чтобы устрашить их и дать понять им о своем могуществе, показал им накопленное у него золото и серебро. Тогда французы, уже было готовые к соглашению, нарушили его, ибо воспылали жаждой завладеть этим золотом. Так названного царя погубило добро, накопленное им для своей защиты. Несколько лет тому назад венецианцы потеряли все свои владения, не имея возможности оборонять их, хотя государственная казна была полной.

Поэтому я и говорю, что не золото, как провозглашает всеобщее мнение, а хорошие солдаты суть пружина войны, ибо за золото не всегда найдешь добрых солдат, а хорошие солдаты всегда достанут золото. Если бы римляне в своих войнах полагались больше на деньги, чем на оружие, то для осуществления их великих предприятий и преодоления вставших перед ними трудностей им не хватило бы всех сокровищ мира. Но римляне воевали с помощью железа и никогда не страдали от недостатка золота; трепетавшие перед ними приносили им золото прямо в лагерь. А если упомянутый спартанский царь вследствие недостатка денег был вынужден пойти на риск сражения, то в данном случае деньги выступают как одна из множества возможных причин. Ведь когда войску не хватает продовольствия и оно стоит перед выбором — умереть от голода или вступить в битву, то всегда выбирают последний выход как более достойный и оставляющий неко-

торую надежду на удачу. Полководцам случалось также частенько выбирать при виде подходящей к вражескому войску помощи: сразиться с ним и испытать судьбу в бою либо выждать, пока оно получит подкрепление, и опять-таки вступить в битву на гораздо менее выгодных условиях. Бывало и так (например, с Гасдрубалом, на которого в провинции Марка напал Клавдий Нерон вместе с другим римским консулом), что если военачальник может вступить в сражение или бежать, он всегда склоняется к первому, потому что в этом случае он может рассчитывать на победу, хотя и очень сомнительную, а при отступлении он проигрывает при любых обстоятельствах. Таким образом, различные причины могут заставить полководца принять бой вопреки его намерениям. Среди них может быть и недостаток средств, но из этого не следует, что деньги являются живительной силой войны в отличие от всех прочих вещей, побуждающих людей к подобным же действиям. Итак, повторю еще раз, не золото — пружина войны, а хорошие солдаты. Также и деньги имеют важность, но второстепенную; имея хороших солдат, можно справиться с их отсутствием, ибо при отличных солдатах не бывает недостатка в деньгах, а сами по себе деньги таких солдат не обеспечивают. Сказанное нами тысячекратно подтверждается историей, несмотря на то что Перикл советовал афинянам воевать со всем Пелопоннесом, убеждая их, что эту войну можно выиграть с помощью ловкости и денег. Хотя афиняне и добились определенных успехов в последовавшей войне, в конце концов они ее проиграли; разум и отважные солдаты Спарты взяли верх над изощренностью и богатством Афин. Тит Ливий более чем кто-либо другой подтверждает высказанное нами мнение, когда он строит предположения насчет того, победил бы Александр Великий римлян, если бы вторгнулся в Италию, и доказывает, что для войны необходимы три вещи: надежные и многочисленные солдаты, мудрые полководцы и благосклонность судьбы. Прикидывая, на чьей стороне было преимущество в этих вещах, у римлян или у Александра, он делает свои заключения, вовсе не упоминая о деньгах. Жители Капуи, которых сидицины попросили выступить на их стороне против самнитов, по-видимому, измеряли свои силы не

количеством солдат, а количеством денег, потому что, выступив на помощь союзникам, после двух поражений они были вынуждены платить дань римлянам ради собственного спасения.

Глава XI

Неразумно водить дружбу с государем, который силен на словах, а не на деле

Желая показать ошибку сидицинов, понадеявшихся на помощь кампанцев, и заблуждение последних, полагавших, что они сумеют защитить сидицинов, Тит Ливий выразил это как нельзя лучше в следующих словах: «*Campani magis pomen in auxilium Sidicinorum, quam vires ad praesidium attulerunt*»*. Следует заметить, что союз, заключенный с государем, который не может тебе помочь вследствие удаленности своих владений, либо не имея на это сил из-за внутренних неурядиц, или по другой причине, дает вступившим в него лишь символическую поддержку. Так случилось в наше время с флорентийцами, когда в 1479 году на них напали папа и неаполитанский король; будучи в союзе с королем Франции, они извлекли из этого «скорее звание союзников, чем подкрепление». На такое же содействие мог бы рассчитывать и государь, в своих начинаниях уповающий на императора Максимилиана, потому что поддержка последнего относится как раз к тем, которые надеются «скорее званием союзника, чем подкреплением», как было сказано по поводу капуанцев и сидицинов. Жители Капуи допустили тогда ошибку, переоценив свои силы. Так иной раз неосмотрительность подводит людей, которые, не имея возможности отстоять себя самих, пытаются защитить других. Подобным образом поступили тарентинцы, когда римское войско сошлось с войском самнитов; их послы заявили римскому консулу, что тарентинцы желали бы установить мир между ними и самнитами и что они объявят войну тому, кто нарушит этот мир. У консула это предложение вызвало лишь насмешку, и он в присутствии послов велел трубить сигнал к началу

* «Помощь сидицинам со стороны кампанцев состояла скорее в звании союзников, чем в реальном подкреплении» (лат.).

битвы, приказывая войску двинуться на врага. Так он не на словах, а деле показал тарентинцам, какого ответа они заслужили.

Разобрав в этой главе те способы, которые государи употребляют для помощи другим, в следующей я хочу поговорить о том, как они защищают себя самих.

Глава XII

Что лучше в преддверии войны: выждать или нанести первый удар

Мне неоднократно приходилось слышать, как люди, достаточно искушенные в ратном деле, спорили о том, что лучше делать государю, которому объявил войну примерно равный по силам, но более дерзкий соперник, — ожидать врага в своих владениях или напасть самому и вступить на его территорию. Обе стороны приводили различные доводы. Сторонники решительных действий ссылаются на совет, который дал Крез Киру, когда тот стоял на границе с массагетами, собираясь начать с ними войну, и их царица Томирис через своих послов спросила у него, желает ли он, чтобы она ждала его у себя, или ей следует выступить ему навстречу. При обсуждении ответа Крез, вопреки мнению других, сказал, что нужно идти к царице, потому что, если она потерпит поражение на чужой земле, то успеет собраться с силами и царство не потеряет, а если Кир победит ее на родине, то он сможет ее преследовать и, не давая опомниться, лишит ее власти. Приводят также совет, который Ганнибал дал Антиоху, когда названный царь собирался воевать с римлянами. Ганнибал доказывал, что римлян можно победить только в Италии, потому что там можно завладеть их оружием, богатствами и союзниками; если же сражаться вне Италии и оставить ее в распоряжении римлян, то они всегда смогут черпать из этого жизненного источника и поставлять оттуда подкрепление во всех необходимых случаях. По мнению Ганнибала, у римлян легче было отнять их столицу, нежели остальные владения, Италию, нежели другие провинции. Ссылаются еще на Агафокла, который не мог вынести войну на своей территории, напал на своих противников карфагенян и

заставил их просить мира. Упоминают и Сципиона, высадившегося в Африке, чтобы избежать войны в Италии.

Сторонники противоположного воззрения утверждают, что враг, удалившийся от дома, попадает в тяжелое положение. Они ссылаются на пример афинян, которые всегда одерживали верх, пока с удобством для себя воевали на родине, но когда они покинули ее и двинулись походом на Сицилию, он закончился для них утратой свободы. Припоминают в этом случае и поэтические вымыслы, в которых говорится об Антее, царе Ливии, сражавшемся с Гераклом Египетским. Этот царь был непобедим, пока ожидал противника внутри собственных пределов; перейдя через них вследствие хитрости Геракла, он распростился с государством и с жизнью. Отсюда родилась легенда об Антее, который, стоя на земле, породившей его, набирался у нее сил, и о Геракле, приподнявшем его и оторвавшем от земли. Но приводят и современные суждения. Всякому известно, что неаполитанский король Фердинанд считался в свое время одним из мудрейших государей. Когда за два года до его смерти распространился слух, что французский король Карл VIII собирается на него напасть, Фердинанд стал готовиться к войне, но заболел и перед смертью наряду с прочим завещал своему сыну Альфонсу ожидать противника в собственных владениях и ни за что на свете не выходить за пределы своего государства; собрав войско, следовало держать его наготове. Однако Альфонс поступил по-своему и отправил войско в Романью, после чего без боя потерял и свою армию, и свои владения.

Кроме вышесказанного, обе стороны приводят еще следующие аргументы: у нападающего боевой дух выше, чем у того, кто ждет нападения, поэтому его войско надежнее. К тому же противник лишается возможности пользоваться своим имуществом, ибо его подданные подвергаются грабежу; перед лицом врага правитель бывает вынужден обременять их и облагать поборами с большей осмотрительностью. Таким образом, для него иссякает источник, питающий, как говорил Ганнибал, его военные расходы. Далее, солдат, находящийся в чужой стране, заставляет сра-

жаться необходимость, а из нее, как мы неоднократно отмечали, рождается доблесть.

Противная сторона возражает: в ожидании врага есть свои преимущества, без особых хлопот ты можешь затруднить его снабжение провизией и другими припасами, потребными для войска, можешь расстраивать его планы благодаря лучшему знанию местности; можешь выставить против него более многочисленное войско, легко соединив все свои силы, а ведь он не в состоянии привести всех своих воинов в чужую страну. Наконец, будучи разбит, ты можешь без труда поправить свое положение, ибо многие из твоих солдат спасутся, имея по соседству убежище, и за пополнением не придется далеко ходить. Таким образом, тыставишь на карту все свои силы, но проигрыш не лишает тебя надежды, а удалившись от дома, в случае неудачи ты рискуешь потерять все, но не можешь поставить на кон все силы. Некоторые полководцы позволяли противнику, чтобы ослабить его, углубиться в свои земли на несколько дней пути и даже занять ряд городов; оставляя в них гарнизоны, он уменьшает свое войско и тем ослабляет его боеспособность.

Но поскольку я хочу теперь высказать собственное мнение, думаю, что необходимо сделать следующее разграничение: идет ли речь об обороноспособной стране, как та, где жили римляне, и та, в которой живут швейцарцы, или о бессильной, как в свое время Карфаген, а ныне страны французского короля и итальянцев. В последнем случае врагов следует держать подальше от дома, ибо все твои силы заключаются не в людях, а в богатстве, и когда путь к нему заказан, ты обречен на поражение; и ничто так ему не угрожает, как война в собственных владениях. В пример можно привести карфагенян, которые благодаря своим доходам могли воевать с римлянами, пока их родина оставалась свободной, но когда она подверглась нашествию, они не сумели сопротивляться Агафоклу. Флорентийцы никак не могли справиться с правителем Лукки Каструччо, потому что он воевал на их территории; в конце концов ради собственной защиты они были вынуждены отдать себя под покровительство короля Роберта Неаполитанского. Но после смерти Каструччо те же флорентийцы отважи-

лись потревожить герцога Миланского в его владениях и посягать на его власть; такую доблесть выказывали они, сражаясь вдалеке, и такое ничтожество — у себя дома. Но если население царства готово к войне, как оно было готово в Риме и как оно готово сейчас у швейцарцев, его тем труднее победить, чем меньше расстояние до его жилищ. Ибо для него легче собрать большие силы, чтобы противостоять натиску извне, чем идти в поход в чужие земли. Меня не убеждает в этом случае и авторитет Ганнибала, который в разговоре с Антиохом руководствовался своим интересом и увлечением. Ведь если бы римляне потерпели во Франции три поражения на протяжении того же времени, что они были разбиты в Италии Ганнибалом, вне всякого сомнения, им не удалось бы оправиться, ибо они не могли бы собрать остатки войск, как это было в Италии. Им не представилось бы таких возможностей, и у них не было бы такого количества людей, как те, что нашлись в Италии. Вторгаясь в какую-либо провинцию, они никогда не отправляли туда более 50 тысяч солдат, а для защиты своих очагов от французов после Первой Пунической войны они подняли на ноги 1 миллион 800 тысяч человек. И уже в Ломбардии они не смогли бы нанести такого поражения французам, как в Тоскане, ибо не смогли бы выставить против столь многочисленного противника, находящегося на далеком расстоянии, соответствующие силы, да и сражаться им было бы труднее. Кимвры разбили в Германии римское войско, и римляне ничего не могли с ними поделать. Но когда кимвры пришли в Италию, они были разгромлены римлянами, собравшими все свои силы. Швейцарцев легко победить за границей, где их войско может насчитывать не более 30—40 тысяч человек. Но справиться с ними на родине, где их насчитывается 100 тысяч, очень трудно. Итак, в заключение я снова делаю вывод, что государь, вооруживший и подготовивший свой народ к войне, должен всегда ожидать начала большой и тяжелой войны дома и не выступать навстречу врагу, а тот, чей народ безоружен и непривычен к войне, должен отвести ее как можно дальше от своих владений. Так каждый из них сможет защититься наилучшим для себя способом.

Глава XIII

Из малого стать великим легче, пользуясь хитростью, а не силой

Я почитаю за несомненную истину, что людям малоизвестным невозможно достичь высших ступеней, не прибегая к силе или хитрости, если только они не получают новые звания от других в пожалование или по наследству. Думаю также, что одной силы здесь бывает недостаточно, а вот одной хитростью можно обойтись. В этом легко убедиться, читая жизнеописания Филиппа Македонского, сицилийца Агафокла и многих им подобных, из низкого или даже ничтожного звания поднявшихся на трон и добившихся величайшей власти. Ксенофонт в биографии Кира показывает необходимость обмана, изображая первый же поход, снаряженный им против царя Армении, сплошной цепью хитростей, в результате которых Кир захватил его царство. Вывод Ксенофонта состоит в том, что государь, желающий вершить великие дела, должен научиться обманывать. Кроме того, советник неоднократно наущал Кира обманывать царя мидян, Киассара, брата своей матери; Ксенофонт доказывает, что без этого Кир не смог бы достичь будущего величия. Навряд ли можно сыскать человека, родившегося в безвестности и поднявшегося на вершину власти прямым путем, с помощью одной силы, хотя довольно примеров достигших этого одними уловками, как, скажем, Джован Галеаццо, который устранил от власти в Ломбардии мессера Бернабо, своего дядю, и занял его место. А то, что вынуждены делать государи в начале своей карьеры, тем более необходимо для республик, пока они не достигли могущества, позволяющего добиваться всего силой. Все поступки римлян, как случайные, так и осознанные, вели их к величию, поэтому и названные приемы были им не чужды. Трудно представить себе больший обман, чем принятый у них вначале способ заключать союзы, ибо, прикрываясь званием союзников, они поработали окрестные народы, в том числе латинов и прочих. Сперва Рим воспользовался их оружием, чтобы покорить соседей и приобрести как можно больше влияния, затем, когда эти предприятия увенчались успехом, он достиг такого могущества, что сам мог побороть любого. Латины не

замечали надетого на них ярма, пока не стали очевидцами двух поражений самнитов и заключенных ими с римлянами соглашений о мире. Эта победа превознесла имя римлян среди удаленных государей, которые благодаря ей только слышали о них, но еще не почувствовали силу их оружия, однако у тех, кто был знаком с римским войском, в том числе и у латинов, она породила подозрение и зависть. Эти страхи и сомнения были столь велики, что не только латины, но и колонии римлян в Лациуме, а также кампанцы, которых они только недавно обороняли, восстали против римского владычества. Как мы уже говорили выше, латины начали эту войну так же, как и начинали большинство войн, напав не на римлян, а выступив против самнитов на стороне сидицинов, против которых самниты воевали с разрешения римлян. А то, что выступления латинов вызвал вскрывшийся обман, доказывают слова Тита Ливия, вложенные в уста латинского претора Анния Сетина, который в собрании латинов высказался так: «*Nam si etiam nunc sub umbra foederis aequi servitute pati possumus*» etc*. Таким образом, римляне в своих первых предприятиях не чурались etiam** обмана, каковой всегда был необходим для желающих перейти от скромных начинаний к великим свершениям и тем меньше подвергался порицанию, чем более был скрытным, как у римлян.

Глава XIV

Люди часто обманываются, надеясь своим смирением победить чужую гордыню

Довольно часто можно наблюдать, что смирение не только бесполезно, но и вредно, в особенности если расточать его перед людьми беззастенчивыми, затаившими против тебя злобу из зависти или по какой-либо другой причине. Тому свидетельством служит описание причины войны между римлянами и латинами у нашего историка. Когда латины напали на самнитов и последние пожаловались на них римлянам, те не стали вмешиваться, не желая раздражать латинов; однако это не только раздражило их, но и вызвало

* «Если даже теперь, при видимости равноправного союза, мы способны терпеть рабское положение» и т.д. (лат.).

** также (лат.).

еще больший прилив отваги, так что очень скоро они объявили о своей вражде. Об этом свидетельствуют слова того же латинского претора Анния на том же собрании, звучавшие так: «Tentastis patientiam negando militem: quis dubitat exarsisse eos? Petulerunt tamen hunc dolorem. Exercitus nos parare adversus Samnites, foederatos suos, audierunt, nec moverunt se ab urbe. Unde haec illis tanta modestia, nisi conscientia virium, et nostrarum, et suarum?»* Это место яснее ясного показывает, как терпение римлян подстегнуло дерзость латинов. Так что государь никогда не должен терять своего достоинства, и, заключая равноправный договор, ему не следует идти на уступки, если он не может или не считает себя в состоянии в случае надобности не делать таких уступок; ведь если обстоятельства заставляют его идти на уступки, для него почти всегда лучше бросить вызов силе, а не склониться перед угрозой силы. Если ты идешь на уступки из страха, значит, ты хочешь избежать войны, но в большинстве случаев это не удастся, ибо если ты уступишь противнику и выкажешь этим свою трусость, он на этом не остановится и захочет отнять у тебя все остальное. Презирая тебя, он не станет церемониться; в то же время поступок, говорящий о слабости или трусости, охладит твоих сторонников. Если же ты, узнав о намерениях противника, сразу станешь готовиться к бою, даже будучи слабее его, это вызовет уважение как врага, так и других соседних государей. Кое-кто из них выступит на защиту, видя твою готовность, чего в противном случае он никогда бы не сделал. Все это относится к войне с одним противником; если же их несколько, то привлечь одного из них на свою сторону ценой уступки части владений, чтобы ослабить враждебный лагерь, всегда считалось разумным даже в разгар войны.

Глава XV

Слабым государствам присуща нерешительность, а запоздалое принятие решений всегда приносит вред

Продолжая это рассуждение по поводу начала войны между латинами и римлянами, следует заметить, что при рассмотрении всяких дел следует вникать в суть принимаемого решения, а не ходить вокруг да около в ожидании, пока все само собой прояс-

* «Отказав римлянам в войске, вы испытали, сколько у них терпения: они вознегодовали, конечно... однако обиду проглотили... Они узнали... что мы готовим войско против самнитов, их союзников, и все-таки не выступили из города; откуда у них такая сдержанность, как не от знания наших и своих сил?» (лат.)

нится. Ярким примером служит совет латинов, собранный ими, когда они захотели отделиться от римлян. Последние, заметив брожение в умах латинских народов, пожелали удостовериться в их дурном расположении и узнать, нельзя ли вернуть их, не прибегая к оружию, поэтому они послали сказать им, чтобы те выслали в Рим восемь граждан для переговоров. Услышав об этом, латины, которые прекрасно сознавали, что многие их поступки были не по душе римлянам, созвали совет, чтобы выбрать послов и определить линию поведения, которой они должны будут придерживаться в своих речах. И во время этого обсуждения на совете претор Анний сказал так: «*Ad summam rerum nostrarum pertinere arbitror, ut cogitetis magis, quid agendum nobis, quam quid loquendum sit. Facile erit, explicatis consillis, accomodare rebus verba*»*. Эти слова в высшей степени справедливы, и всякий государь и республика должны их усвоить, ибо, строя предположения и догадки о том, каковы намерения другого, невозможно приспособить к ним свои речи; но когда решение принято, план действий намечен, слова придут сами. Я сделал это замечание тем охотней, что мне часто приходится видеть, как подобная нерешительность была помехой в действиях нашей республики, к ее ущербу и стыду. Но в рискованных предприятиях, там, где требуется проявить отвагу и решительность, люди слабые всегда станут колебаться, если им надо будет дать совет и выработать определенный план действий.

Не меньший вред, чем неопределенность, наносят медлительность и запаздывание в принятии решений, особенно когда речь идет о помощи другу. Промедлив, ты обесцениваешь свой поступок и создаешь ущерб для себя. Подобный недостаток бывает вызван малодушием и бессилием или злым умыслом тех, кто принимает решения, ибо они, побуждаемые собственной жаждой погубить государство или исполнить какое-то другое свое желание, всячески мешают и противодействуют тому, чтобы решение состоялось. Ибо добрые граждане никогда не станут затягивать решения, особенно в деле, не терпящем отлагательства, даже если увидят, что народные пристрастия клонятся не в ту сторону. По

* «Главное, думаю, не в том, что говорить, а в том, что предпринять. Когда ясны намерения, нетрудно приноровить к ним и речи» (лат.).

смерти сиракузского тирана Гиеронима, во время великой войны между карфагенянами и римлянами, жители Сиракуз обсуждали, кого им избрать союзником: Рим или Карфаген. В пылу разногласий никак не удавалось принять то или иное решение, пока Аполлонид, одно из первых лиц в Сиракузах, не выступил с преисполненной благоразумия речью и не показал, что достойны осуждения не сами по себе сторонники римлян или карфагенян, но неопределенность и медлительность в принятии решений, которые могут погубить республику. Любая определенность, к чему бы она ни вела, давала надежду на лучший исход. Трудно сыскать у Тита Ливия место, более наглядно, чем здесь, показывающее вред нерешительности. Сходный вывод можно сделать и из той же истории латинов. Они просили помощи против Рима у лавинийцев, но те столько времени затягивали решение, что когда они вышли со своим подкреплением за ворота города, пришло известие о поражении латинов. Тогда их претор Милионий сказал: «За этот короткий путь нам придется дорого заплатить римлянам». Если бы они в свое время решили помогать или не помогать латинам, то во втором случае они не раздражили бы римлян, а в первом, не задержав подмогу, могли бы своими силами способствовать победе; промедление же в любом случае обрекало их на поражение, как оно и случилось.

Если бы флорентийцы обратили внимание на это место у Ливия, они избавили бы себя от стольких хлопот и волнений, которые им пришлось пережить во время похода французского короля Людовика XII в Италию, против герцога Миланского Лодовико. Перед выступлением король хотел заключить с флорентийцами договор, и их послы обещали ему нейтралитет в обмен на то, что он станет поддерживать и покровительствовать им в Италии. В течение месяца договор должен был быть ратифицирован. Однако неразумные сторонники партии Лодовико помешали своевременному подписанию договора, и когда флорентийцы пожелали утвердить его, победа короля была уже несомненной, и он отверг их услуги, ибо поступок флорентийцев представлялся ему вынужденным, а не добровольным и дружественным. Все это стоило Флоренции нема

лых денег, и государство оказалось на грани падения, которое и произошло в подобных же обстоятельствах впоследствии. Такое поведение было тем более предосудительным, что и герцог Лодовико ничего здесь не выигрывал; если бы он одержал победу, то поступил бы с флорентийцами гораздо хуже, чем король. И хотя все то зло, с которым сопряжена для республик такая слабость, было уже описано в одной из глав выше, я решил, воспользовавшись новым поводом, вернуться к этому предмету, ибо он представляется мне весьма важным для республик, подобных нашей.

Глава XVI

Сколь далеки солдаты нашего времени от древних образцов

За всю историю войн римского народа с другими важнейшим было сражение с латинскими племенами, состоявшееся в консульство Торквата и Деция. Ибо как рассудить иначе, если проигравшие его латины были порабощены, а римляне, если бы не победили, попали бы под иго. Этого мнения придерживается и Тит Ливий, потому что оба войска у него во всем равны: в числе, упорстве, отваге и выучке. Разница только в том, что римские полководцы были более доблестными, чем латинские. Причем в ходе битвы случились два невиданных дотоле происшествий, примеры подражания которым трудно сыскать: для придания солдатам стойкости, боевого духа и укрепления дисциплины один из консулов покончил с собой, а второй пожертвовал своим сыном. Сходство обеих войск, о котором говорит Тит Ливий, состояло в том, что они долгое время воевали вместе и поэтому пользовались одним и тем же языком, оружием и внутренним устройством; они придерживались одинаковых боевых порядков, а наименования частей войска и их начальников были теми же самыми. Следовательно, при равной силе и доблести лишь какой-то необыкновенный поворот событий мог поддержать и укрепить стойкий боевой дух в одних солдатах по сравнению с другими, а в этой стойкости, как уже говорилось, заключен залог победы, ибо пока она живет в сердцах бойцов, войска не показывают спину. И вот, чтобы придать римлянам больше стойкости, чем латинам, то ли

жребий, то ли добродетель консулов распорядились так, что Торкват убил собственного сына, а Деций себя самого. Демонстрируя названное равенство сил, Тит Ливий обзревает все боевые порядки римского войска в обычное время и в сражении. Поскольку он все подробно объясняет, я не стану на этом останавливаться, а рассмотрю только самые примечательные особенности римского войска, пренебрежение которыми со стороны всех военачальников нашего времени привело к великому расстройству как в содержании армии, так и в сражениях. Итак, судя по словам Ливия, римское войско делилось на три главные части, которые на тосканском диалекте мы можем назвать тремя шеренгами; в первую из них входили гастаты, во вторую — принципы, а в третью — триарии; каждый отряд дополнялся конницей. Готовясь к битве, впереди ставили гастатов; во втором ряду, сразу же за их спинами, располагались принципы; в третьем, по той же линии, становились триарии. Конников всех этих отрядов размещали справа и слева каждой из шеренг. Благодаря своему виду и расположению эти конные части получили название *alaе**, ибо они выглядели как крылья войскового стана. Первая шеренга гастатов, находившаяся впереди, была плотной настолько, чтобы выдержать натиск врага и отразить его. За ними находились принципы, которые должны были не принимать первый удар, а помогать первой шеренге, если бы она оказалась расстроенной или смятой. Принципы стояли не так тесно, и их ряды были достаточно разрежены, чтобы, не разрушая их, можно было принять в себя воинов передового отряда, если под давлением противника они будут вынуждены отступить. Третья шеренга, триариев, была еще более разреженной, чем вторая, потому что в случае необходимости в нее должны были влиться две первых: принципов и гастатов. Итак, построившись в таком порядке, римляне вступали в бой; если гастатов одолевали или теснили, они отступали на свободные места в рядах принципов и, объединившись с ними и собрав обе шеренги в кулак, продолжали битву. Если противник снова опрокидывал их, им приходилось подаваться назад и смешиваться с рядами триариев.

* «Алы», «крылья» (лат.).

Затем все три шеренги, перестроившись, снова вступали в сражение, но если и в этом случае они уступали врагам, то, не имея возможности отходить дальше, терпели поражение. И так как всякий раз, когда в бой включались триарии, войско подвергалось опасности, родилась такая поговорка: «Res redacta est ad triarios»*, что по-тоскански означает: «Мы сделали последнюю ставку». Военачальники нашего времени, не соблюдавшие никаких заветов старинной военной науки и распростившиеся со всеми прочими обычаями, забыли и об этих наставлениях, которыми не следовало бы пренебрегать, потому что тот, кто может трижды восстановить свои силы в ходе сражения, не потерпит поражения, если фортуна не отвернется от него три раза подряд, и не будет побежден, если не столкнется с доблестью, втрое превосходящей его собственную. Наши армии не в состоянии троекратно возобновлять битву, потому что они утратили способ растворения предыдущей шеренги в последующей. В нынешних сражениях боевые порядки обычно имеют один из следующих двух недостатков: в одном случае отряды ставятся плечом к плечу друг к другу и имеют протяженный фронт в ширину, но небольшое расстояние в глубину; в этом и состоит их слабость, ибо глубина строя явно недостаточна. Однако если для усиления рядов их располагают на римский манер, поражение первого ряда ведет к смятению и разгрому также и второго, потому что он не может влиться в последний: первая шеренга сталкивается со второй под натиском противника, а вторая не может двигаться вперед, натыкаясь на первую. Когда первые ряды теснят вторые, а вторые — третьи, возникает такое замешательство, что часто незначительные происшествия губят все войско. В сражении при Равенне, которое было, по нынешним временам, довольно хорошо разыграно и в котором погиб французский главнокомандующий господин де Фуа, французская и испанская армии были построены одним из вышеописанных способов, а именно все отряды каждого войска встали плечом к плечу, и у обеих армий образовался единый фронт, то есть они были растянуты гораздо больше в ширину, чем в глубину. Так получается всегда, когда два войска

* «Дело дошло до триариев» (лат.).

встречаются в широком поле, как в Равенне, ибо, опасаясь неудобств при отступлении, если они вытянутся в колонну, они стараются этого избежать, расширяя свой фронт, как мы уже сказали; но если местность этому не благоприятствует, обычно допускается вышеописанная ошибка, и о последствиях никто не думает. Тот же самый недостаток мы наблюдаем при продвижениях по вражеской территории как с целью опустошения, так и при других военных маневрах. При Санто Реголо близ Пизы и в других боях, когда флорентийцы потерпели поражение от пизанцев во время войны между Флоренцией и Пизой, восставшей после прихода французского короля Карла в Италию, этими неудачами мы были обязаны союзной кавалерии, которая, находясь в авангарде и будучи отброшена противником, обращалась на флорентийскую пехоту и опрокидывала ее, почему и все остальные полки обращались в бегство. Прежний командир флорентийской пехоты, мессер Чириако Даль Борго, часто утверждал в моем присутствии, что он был разбит только из-за кавалерии союзников. Швейцарцы, непревзойденные наставники в современных войнах, сражаясь с французами, больше всего заботятся о том, чтобы находиться в стороне от союзной кавалерии и не столкнуться с ней в случае отступления. И хотя все это, кажется, нетрудно понять и еще легче исполнить, до сих пор все-таки не нашлось никого из наших современных полководцев, кто смог бы восстановить старинные обычаи и исправить нынешние. Правда, и сейчас армии делят на три части, называя одну из них авангардом, вторую — главными силами и третью — арьергардом. Все эти наименования служат только для того, чтобы командовать на постое, а в боевых действиях редко случается так, чтобы, как было сказано выше, все эти отряды не постигла одна и та же участь.

А поскольку многие, пытаясь оправдать собственное невежество, ссылаются на преобладание артиллерии, не позволяющее в наше время подражать обычаям древних, я хочу в следующей главе обсудить этот вопрос и рассмотреть, мешает ли артиллерия проявлению античной доблести.

Глава XVII

Насколько теперешние войска должны считаться с действиями артиллерии, и справедливо ли всеобщее мнение, сложившееся на этот счет

Задумываясь над тем, сколько полевых сражений (которые в наше время называются французским словом «боевая страда», а по-итальянски — «боевые операции»), помимо вышеописанных, было дано римлянами за многие годы, я вспоминаю о широко распространенном мнении, что если бы в древности существовала артиллерия, римлянам не удалось бы и было бы не так легко завоевывать провинции и делать своими данниками народы, как делали они; и ни за что им не досталось бы таких огромных приобретений. Говорят еще, что из-за этих пушечных орудий люди не могут теперь проявить и пустить в дело свою доблесть, как это было в старину. Добавляют еще третье, что генеральные сражения ныне устраиваются с гораздо большей неохотой, чем прежде, и в них нельзя уже соблюдать старых обычаев, так что война скоро сведется к поединкам пушек. Мне кажется бесполезным обсудить, справедливы ли такие мнения и насколько артиллерия усилила или ослабила воинскую мощь, а также дает ли она хорошим полководцам возможность показать свои способности или отнимает ее у них. Я начну с первого суждения, сводящегося к тому, что римские войска не сделали бы таких приобретений, если бы в то время существовали пушки. В ответ на это я скажу, что войну ведут или в целях защиты, или в целях нападения, поэтому сперва следует рассудить, для какого вида войн артиллерия полезна, а для какого вредна. И хотя есть немало доводов в защиту и того и другого, я все же полагаю, что она наносит несоизмеримо больший ущерб тому, кто обороняется, по сравнению с тем, кто нападает. Причина, на мой взгляд, состоит в том, что защищающийся находится внутри крепости или в лагере, обнесенном каким-либо ограждением. Если обороняющийся укрывается в крепости, то она может быть маленькой, каковы обычно почти все крепости, или большой. В первом случае дело обороны наверняка проиграно, потому что не найдется такой стены, какую

бы толщину она ни имела, чтобы пушки за несколько дней не разрушили ее; и если внутри нет места, защищенного рвами и валами, чтобы укрыться и отступить, то война бывает проиграна. К тому же крепость не может сдержать натиск противника, желающего проникнуть в нее через разрушенную стену, какой бы артиллерией она ни располагала, ведь существует правило, что пушки не могут сдержать напор большой толпы. Города уступают остервенелому натиску чужеземных войск; они выдерживают только, когда итальянцы идут на приступ, потому что те не собираются в толпу, а выступают поодиночке и завязывают бой, который совершенно справедливо называют стычкой. Те, кто выступает в подобном беспорядке и столь прохладно на штурм стены, защищенной артиллерией, идут на верную смерть, и против них пушки пригодны; но если бойцы сбились в толпу, где один подталкивает другого, и устремляются в прорыв, то их не удержат пушки, и они пройдут повсюду, где нет валов или рвов, а если при этом и понесут потери, то не столь значительные, чтобы это привело к поражению.

Справедливость этих слов видна на примере многих завоеваний, осуществленных пришельцами из-за Альп в Италии, в особенности при взятии Брешии, ибо когда этот город восстал против французов и в руках у французского короля оставалась одна крепость, венецианцы, чтобы защититься от угрозы, которую она представляла для города, расставили по всей дороге, ведущей от крепости к городу, пушки, которыми оказались начинены все подходящие для этого места. Однако господин де Фуа не обратил на это внимания; спешив свой эскадрон, он занял город, пройдя через ряды пушек, и не слышно, чтобы они нанесли ему какой-либо заметный урон. Таким образом, защитник маленького городка, как уже было сказано, если он не располагает никакими естественными преградами, а только стенами, и у него нет достаточного пространства для сооружения рвов и насыпей, наверняка проигрывает, если делает ставку на артиллерию. Если же ты защищаешь большой город, в котором есть где укрыться, то все равно пушки будут несравненно полезнее для того, кто снаружи, чем для того, кто внутри.

Прежде всего потому, что для нанесения урона осаждающим тебе понадобится поднять артиллерию над землей; с ровного места ты не сможешь поразить противника — достаточно ему возвести простейшие заграждения и насыпи, за которыми он будет в безопасности. Так что тебе придется заводить пушки на уровень стен или как-то иначе располагать их на возвышении, а это влечет за собой двойное неудобство: во-первых, твои орудия не смогут сравниться калибром и размерами с орудиями осаждающих, ибо на малом пространстве трудно управляться с большими предметами; но если ты их туда и затащишь, их нельзя будет хорошо и надежно защитить, потому что, в отличие от нападающих, у тебя не будет достаточного простора и удобства. Поэтому защитникам города невозможно установить пушки на возвышенности, когда противник располагает многочисленной и мощной артиллерией. Если же они оставят их внизу, пользы, как уже было сказано, от этого выйдет мало. Таким образом, оборона города сводится, как в древности, к ближнему бою и к использованию легкой артиллерии, причем, что касается последней, предоставляемые ею немногие выгоды уравниваются неудобствами, вызванными уменьшением высоты стен, которые чуть не тонут во рвах, и когда дело доходит до рукопашной с противником, пробившим стену или засыпавшим ров, защитникам действовать гораздо труднее. В общем, как мы уже отметили, пушки нужнее для осаждающих, чем для осажденных.

Что касается третьего способа вести войну, а именно укрывшись за оградой лагеря и вступая в сражение только в удобный и выгодный для тебя момент, я скажу, что обычно не удастся использовать преимущество ожидания, как делали древние, и артиллерия при этом создает зачастую лишние неудобства. Ведь если противник достигнет тебя, располагая, как это легко может случиться, преимуществом на местности и находясь выше твоего лагеря, который ты еще не успел как следует прикрыть земляными насыпями, то он немедленно выбьет тебя оттуда и принудит выйти из-за укреплений и вступить в бой. Так произошло с испанцами в сражении под Равенной; они окопались между рекой Ронко и валом, который не успели насыпать до нужной высоты,

и французы, используя свое выгодное положение, артиллерией заставили их выйти оттуда и принять бой.

Но если ты, как тому и следует, занимаешь господствующее положение на местности, а твои защитные сооружения хороши и надежны, так что противник не отважится штурмовать их, тогда он прибегнет к тому же способу, что применялся и в древности, когда к чужому войску нельзя было подступиться: он станет разорять страну, захватывать или осаждать союзные тебе города, нападать на обозы с провиантом, и рано или поздно тебе придется покинуть стоянку и завязать сражение; при этом, как мы скажем ниже, от артиллерии толку мало. Итак, памятуя о том, какие войны вели римляне, и о том, что их войны почти всегда были наступательными, а не оборонительными, мы можем заключить, что если все вышесказанное справедливо, то в наши дни на их стороне был бы еще больший перевес и на свои завоевания они потратили бы еще меньше времени.

Что касается второго замечания, по поводу невозможности вследствие действия артиллерии проявить воинскую доблесть, как это бывало в старину, то я скажу, что это справедливо для разрозненных отрядов, которые подвергаются теперь большей опасности, когда взбираются на крепостную стену и идут на приступ; при этом каждый выступает поодиночке, не так, как в тесном строю. Справедливо также, что полководцы и командующие войсками подвергаются большей опасности, чем прежде, ибо пушки могут поражать их повсюду, даже если они укроются в последних рядах и окружают себя отборными воинами. Тем не менее опыт показывает, что и та и другая угроза редко приводят к чрезвычайным последствиям, ибо неприступные крепости не берут приступом и не бросаются на них без надлежащей подготовки, а скорее облагают осадой, как поступали и в древности. В тех же случаях, когда речь идет о штурме, степень опасности не намного выше, чем когда-то, потому что и прежде у защитников стен бывало в избытке метательных орудий, хотя и не столь устрашающих, но не менее действенных в смысле избиения людей. Что до гибели командиров и военачальников, то за последние двадцать четыре года, что в Италии ведутся войны, среди них было меньше потерь, чем за десятилетний промежуток времени в

древности. После графа Лудовико делла Мирандола, погибшего в Ферраре, когда венецианцы несколько лет тому назад напали на нее, и герцога Немурского, павшего при Чериньоле, никто из них не был сражен артиллерийским огнем; господин де Фуа при Равенне был убит клинком, а не выстрелом. Таким образом, если сейчас не наблюдается особенных проявлений доблести, то виноваты в том не пушки, а дурные порядки и общая слабость войск, ибо если целое лишено доблести, она не может быть выказана частью.

Третий довод, приводимый теми, кто утверждает, что рукопашный бой отомрет и вся война сведется к артиллерийским дуэлям, я считаю совершенно ложным, и ко мне присоединятся все те, кто пожелает устроить свое войско по законам античной доблести. Ибо желающему получить хорошее войско следует готовить своих солдат в учебных и боевых упражнениях сходиться с врагом лицом к лицу, применять приемы рукопашной схватки и рубиться мечом; при этом надо более полагаться на пехоту, чем на конницу, по причинам, излагаемым ниже. Если поступать таким образом и уделить больше внимания пехоте, можно свести действие пушек на нет, потому что, приближаясь к врагу, пехотинцам гораздо легче уйти из-под обстрела артиллерии, чем, как в древние времена, уклониться от бросающихся на них слонов, укрыться от режущих серпами колесниц и прочих необыкновенных препятствий, надвигавшихся на римских солдат, которые всегда справлялись с ними; тем легче им было бы справиться и с артиллерией, промежуток угрозы от которой меньше по сравнению со слонами и колесницами. Последние вносят расстройство в твои ряды в ходе сражения, а пушки составляют препятствие только до его начала, и то его нетрудно обойти, используя для прикрытия особенности местности и бросаясь на землю во время стрельбы. Впрочем, опыт показывает, что в этом нет необходимости, особенно для защиты от больших орудий; из них так трудно прицелиться, что снаряды либо перелетают цель, если летят слишком высоко, либо не долетают до нее, если слишком низко. В рукопашной же схватке, яснее ясного, орудия любого калибра тебе не страшны, потому что, если противник выдвинет их вперед, ты их захватишь в плен; расположенные сзади, они наносят

большой урон своим, чем тебе; с фланга им трудно угрожать тебе, оставаясь вне досягаемости, и отсюда следует тот же вывод. Тут не о чем много говорить, достаточно сослаться на швейцарцев, противостоявших в 1513 году при Новаре без артиллерии и конницы французам, располагавшим в своей крепости пушками, которые не спасли их от разгрома. Причина, помимо всего вышесказанного, заключается еще в том, что орудия нуждаются в прикрытии, будь они установлены на стенах, защищены рвами или валами. Если же такой защиты не будет, пушки достанутся врагу или окажутся бесполезными, как бывает, когда к ним нужно приставлять охрану, а это неизбежно во время полевых сражений и стычек. С фланга их можно применять только таким же способом, как применяли метательные орудия древние: они ставили эти орудия вне строя и не отводили им особого места в рядах сражающихся, а когда их обслуга подвергалась атаке конницы или других частей, она могла укрыться позади легионов. Кто думает об этом иначе, тот плохо разобрался в этом вопросе и полагается на вещи, в которых легко может обмануться. И если турецкий султан победил персидского шаха и египетского султана с помощью артиллерии, это произошло только благодаря ужасу, наводимому на их конницу необыкновенным грохотом пушек.

Итак, заключая это рассуждение, я делаю вывод, что артиллерия может быть полезна для войска, располагающего античной доблестью, в противном же случае оно не устоит перед доблестными солдатами, невзирая ни на какие пушки.

Глава XVIII

О том, что авторитет римлян и пример старинного воинства говорят в пользу пехоты, а не конницы

Можно привести множество ясных доводов и примеров в подтверждение того, что римляне во всех своих военных предприятиях отдавали предпочтение пешим бойцам перед конными и на них строили все свои расчеты сил; наряду со многими другими это видно по их битве с латинами у Регилланского озера.

Во время этого сражения римляне, уже начавшие колебаться, спешили своих конников и таким образом одержали победу, сно-

ва введя их в бой. Отсюда явствует, что от пеших солдат римляне ожидали больше пользы, чем от кавалерии. Это средство они применяли и в других сражениях и всегда с честью выходили из затруднений.

Этого не опровергает мнение Ганнибала, который в битве при Каннах высмеял консулов, спешивших свою конницу, в следующих словах: «*Quam mallet vincitos mihi traderent equites*»*. Хотя это мнение и высказано человеком выдающимся, но если выбирать, за каким авторитетом последовать, то больше доверия внушает Римская республика и ее многочисленные полководцы, чем один Ганнибал. Если же не ссылаться на авторитеты, можно привести разумные доводы, заключающиеся в том, что пеший воин может пройти там, где для лошади местность непроходима; его можно обучить сохранять строй и восстанавливать его в случае нарушения; конникам соблюдать заданный порядок гораздо труднее, а воспроизвести его в сумятице невозможно. К тому же случается, что кони, как и люди, проявляют свой нрав — кто смиренный, а кто отважный, и часто буйная лошадь достается трусу, а смиренная — храбрецу, так что из этого несоответствия возникают препятствия и неразбериха. Сохраняющая строй пехота легко может разбить кавалерию и скорее всего сумеет отразить ее натиск. Подобное суждение, помимо множества древних и современных примеров, подтверждается авторитетом тех, кто выводит правила гражданской жизни: по их словам, войны сначала велись на коне, потому что еще не изобрели пешего строя, но когда он установился, выяснилось, что пехота куда действеннее конницы. Это вовсе не означает, что лошади в армии бесполезны, ведь они служат для разведки, для набегов и опустошения вражеской территории, для преследования бегущего противника, да и для противоборства с его кавалерией; однако основа и сила войска, по которой следует о нем судить, — это пехота.

Среди прегрешений итальянских государей, отдавших Италию в рабство чужеземцам, нет более тяжкого, чем небрежение названным родом войск и полное предпочтение, которое они отдали вооруженным всадникам. Вина за это упущение ложится на

* «Лучше бы они выдали их мне связанными!» (лат.)

злой умысел командиров и на невежество правителей государств. Дело в том, что за последние двадцать пять лет вооруженные силы Италии стали представлять исключительно капитаны наемных отрядов, не располагающие собственными владениями и потому озабоченные сохранением того положения, при котором они остаются вооруженными, а государи — безоружными. А поскольку никто не стал бы оплачивать им содержание большего числа пехотинцев, которых они не могли набрать из своих подданных, малое же их количество не придавало значительности, кондотьеры начали держать всадников, ибо две или три сотни конных воинов, оплачиваемых за чужой счет, придавали их начальнику достаточный вес, а затраты оказывались вполне переносимыми для правителей. Чтобы преуспеть в своих намерениях и сохранить свое влияние, военачальники перенесли все внимание и заботу с пехоты на кавалерию, и дело дошло до того, что сколь многочисленно ни было войско, пехотинцы составляли в нем лишь незначительную долю. Такое обыкновение наряду со многими другими дурными порядками ослабило итальянское воинство до того, что страна вскоре оказалась под пятой пришельцев из-за рубежа.

Ошибочность переоценки конницы по сравнению с пехотой видна еще на одном примере из истории римлян. Их войско стояло лагерем под Сорой, осажденные сделали против него вылазку и выставили кавалерийскую турму, навстречу которой двинулся начальник римской конницы со своим отрядом. При столкновении командиры с обеих сторон погибли, но воины, оставшиеся без руководителей, продолжали схватку. При этом римляне, чтобы облегчить задачу, спешили и вынудили противника, для удобства обороны, поступить так же; это помогло им одержать победу. Трудно подобрать лучший пример для доказательства преобладания достоинств пехоты над конницей, ибо в прочих случаях консулы приказывали римским всадникам спешиться для подкрепления пехоты, колебавшейся и нуждавшейся в помощи, но в этом бою такое решение было принято не ради пехоты и не для того, чтобы сразиться с вражескими пехотинцами, а потому, что кавалеристы, которые не могли одолеть кавалеристов

же в конном состязании, посчитали, что легче победят их в пешем строю. Итак, я прихожу к выводу, что хорошо обученную пехоту при прочих равных условиях может побороть только другая пехота.

Красс и Марк Антоний проделали многодневные походы по территории парфян с немалым количеством пехоты и немногочисленной конницей, при том, что противник обладал бесчисленной кавалерией; Красс погиб вместе с частью своего войска, Марк Антоний с блеском вышел из затруднения. Тем не менее и эти неудачи римлян свидетельствуют о превосходстве пеших солдат над конными, ибо, несмотря на обширность страны, почти лишенной гор и тем более рек, удаленность моря и отсутствие каких бы то ни было подручных средств, Марк Антоний, по словам самих парфян, блестяще избежал опасностей, и вся парфянская конница ни разу не отважилась испытать прочность его рядов. Если же Красс сложил там голову, то внимательный читатель его деяний убедится, что его одолели обманом, а не силой, и парфяне при всех свалившихся на него бедах никогда не дерзали сразиться с ним. Вместо этого они следовали за ним с флангов, мешали доставке провианта, отвлекали ложными посулами и так довели до последней крайности.

Я посчитал бы нужным дольше доказывать, что пехота своей воинской доблестью превосходит конницу, если бы об этом не свидетельствовало исчерпывающее множество современных примеров. Мы уже ссылались на девять тысяч швейцарцев, противостоявших при Новаре десяти тысячам кавалерии и такому же количеству пехоты и победивших, потому что конники не смогли причинить им вреда, а с пехотинцами им не приходилось считаться, поскольку большинство из них составляли гасконцы, малопригодные для ведения боя. Двадцать шесть тысяч швейцарцев вступили под Миланом в борьбу с французским королем Франциском, располагавшим двадцатитысячным отрядом конницы, сорокатысячным — пехоты и сотней орудийных повозок. Если швейцарцы и не выиграли сражения, как при Новаре, то они доблестно сражались на протяжении двух дней, а потерпев поражение, спасли половину своего войска. Марк Регул Аттилий во-

зымел намерение тягаться своей пехотой не только с конницей, но и со слонами, и хотя дело кончилось неудачей, это означает, что доблесть его пехотинцев внушала ему надежду справиться с такой задачей. Поэтому я еще раз повторяю: кто хочет одолеть хорошо обученную пехоту, тот должен противопоставить ей пехоту еще лучше подготовленную, иначе он обречен на неуспех. Во времена Филиппо Висконти, герцога Миланского, в Ломбардию вошли шестнадцать тысяч швейцарцев, навстречу которым герцог снарядил тысячу рыцарей и немного пехоты, во главе со своим тогдашним полководцем, Карманьолой. Тот решил атаковать их кавалерией, не зная их воинского обыкновения и рассчитывая опрокинуть с первого удара. Но так как швейцарцы остались незыблемы, а он понес большие потери, Карманьола отступил и, будучи человеком весьма мужественным и умеющим принимать новые решения в новых обстоятельствах, привел своих людей в порядок и вернулся на поле боя. Дойдя до швейцарцев, он спешил всех своих солдат, поставил их перед пехотой и двинулся в атаку. На этот раз швейцарцы не могли противостать ему, ибо сошедшие с коней воины Карманьолы были хорошо вооружены и без труда проникли в их ряды, не неся никакого урона; здесь они смогли свободно перебить своих противников, так что в живых из всех швейцарцев остались только те, кого пощадил Карманьола.

Я полагаю, что указанное различие в достоинстве одного и другого рода войск известно многим, однако, к несчастью, в наши дни ни примеры античности, ни современные уроки, ни открытое изобличение заблуждений не способны заставить государей одуматься и понять, что вернуть уважение к войску какой-либо страны или государства можно, только восстановив описанные порядки, внимательно их изучая, распространяя их влияние и возрождая к жизни, с тем чтобы они укрепили влияние и жизненные силы самого правителя. Но государи уклоняются от соблюдения этих обычаев, как и других, о которых говорилось выше, поэтому их приобретения обращаются во вред и не служат величю государства, как будет показано немного позже.

Глава XIX

О том, что приобретения, сделанные неправильно устроенными республиками, не соблюдающими заповеди римской доблести, служат их гибели, а не возвышению

Распространенность мнений, противных истине и основанных на дурных примерах, подаваемых нашим развращенным веком, ведет к тому, что люди и не помышляют сворачивать с проторенных дорожек. Возможно ли было бы на протяжении последних 30 лет внушить любому итальянцу, что 10 тысяч пехотинцев способны атаковать на равнине 10 тысяч конных и такое же количество пехотинцев и не только противостоять, но и победить их, как это было в неоднократно упоминавшейся нами битве при Новаре? И хотя история полна таких примеров, *tamen** в это никто бы не поверил, а поверив, сказал бы, что современные доспехи куда надежнее и что эскадрон тяжелой кавалерии смел бы с лица земли целую скалу, а не то что отряд пехоты. Подобными измышлениями наши современники оправдывают свои заблуждения, забывая о том, что Лукулл, располагая немногими пехотинцами, разгромил 150-тысячную конницу Тиграна, а в ее составе были части, во всем похожие на наших современных рыцарей. Равным образом ложность этих доводов была обнаружена примером альпийцев. Он доказывает справедливость того, что в истории говорится относительно пехоты, и точно так же следует полагать, что и остальные древние обычаи окажутся истинными и полезными. Если бы люди поверили этому, государи и республики допускали бы меньше ошибок, умели бы успешнее противостоять внезапным нападениям и не искали бы спасения в бегстве, а те, кто держит в своих руках бразды правления гражданского сообщества, могли бы с успехом направлять его на путь расширения или сохранения приобретенного и понимали бы, что умножение населения, принятие в союз, а не в подданство, основание колоний для охраны завоеванных стран, обогащение с помощью трофеев, обуздание противника битвами и набегами, а не осадой, пополнение общественного богатства за счет ограничения частно-

* однако (лат.).

го, всемерное поощрение воинских упражнений ведут республику к величию и расширению ее владений. А если не нравится такой способ расширения территории, то пусть запомнят, что всякий другой путь приобретения губит республики, и пусть навсегда распростятся с честолюбивыми планами, позаботившись лишь о хорошем внутреннем устройстве с помощью соответствующих городских законов и порядков, воспреещающих завоевание и направленных на оборону и ее организацию. Так поступают республики Германии, которые сохраняют таким способом свою свободу с давних пор и поныне.

Однако, как я уже говорил, рассуждая о разнице между устройством, предназначенным для расширения государства, и устройством, имеющим в виду только защиту, навряд ли какой-либо республике удастся жить в мире и спокойствии, наслаждаясь своей свободой в малых границах, ибо если она не станет причинять никому беспокойства, то ее побеспокоят другие, вследствие чего у нее возникнут желание и необходимость раздвинуть свою территорию. А коль скоро у нее не окажется внешнего врага, она найдет его у себя дома; похоже, что так случается со всеми крупными городами. Если же германским республикам удастся жить по такому образцу и они долгое время сохраняют свою независимость, то это вызвано определенными условиями страны, без которых ему нельзя было бы следовать и которых в других местах нет.

Та часть Германии, о которой я говорю, входила в состав Римской империи, так же как Франция и Испания. Но когда империя пришла в упадок и ее название сохранилось как раз только в этом краю, самые сильные германские города начали освобождаться благодаря денежным потребностям императоров или вследствие их слабости, откупаясь от империи при сохранении небольшого ежегодного налога. Постепенно все города, зависевшие непосредственно от императора и не подчинявшиеся никаким другим князьям, заплатили за себя подобный выкуп. В то же самое время, когда названные города покупали свою свободу, восстали некоторые общины, подвластные герцогу Австрийскому, в том числе Фрибур, швейцарцы и другие. Процветая с самого начала, со временем они добились таких успехов, что не только не

вернулись под австрийское иго, но и наводят страх на своих соседей. Это относится к народам, именующим себя швейцарцами. Таким образом, все германские земли поделены между швейцарцами, республиками, называемыми вольными городами, князьями и императором. Причина, почему среди такого разнообразия властей не возникает войн, а если они возникают, то длятся очень недолго, заключается в наличии императора, который хотя и не располагает большими силами, но пользуется уважением и играет среди них роль миротворца; он выступает как посредник и своим авторитетом пресекает в корне всякие раздоры. Самые тяжелые и затяжные войны происходили у них между швейцарцами и герцогом Австрийским, и хотя вот уже многие годы император и герцог Австрии — это одно и то же лицо, ему все же никак не удается справиться с бесстрашными швейцарцами; все спорные вопросы решаются между ними только силой. Остальная часть Германии не оказывает императору существенной помощи, как потому, что городские общины не в состоянии нанести обиду тем, кто хочет жить, подобно им, свободно, так и потому, что германские князья отчасти не могут из-за бедности, отчасти не хотят из ревности помогать императору, чтобы не увеличить его власти. Таким образом, названные общины довольствуются своими малыми владениями, не имея повода при наличии императорской власти желать большего. Близость противника заставляет их поддерживать внутреннее единение, потому что в противном случае они станут жертвой собственных разногласий. Но если бы эта страна жила по-другому, им пришлось бы позаботиться о расширении территорий и тем самым нарушить царящий там мир. А поскольку в других местах подобных условий нет, этот способ существования не может служить образцом для других, которые вынуждены расширять свои владения, вступая в союзы или подражая римлянам. Тот, кто поступает иначе, не становится жизнеспособным, а приближает свою гибель и крах, ибо существуют тысячи способов и причин для того, чтобы новые приобретения становились пагубными. Очень нетрудно обзавестись владениями, которые не придают тебе сил, а тот, кто обретает владения, но не силу, неизбежно погибнет. Кто изнуряет себя войнами, тот

останется слабым, хотя бы и одерживал победы, ибо он затрачивает на расширение владений больше, чем приобретает. Так поступали венецианцы и флорентийцы, первые из которых заметно ослабили себя присоединением Ломбардии, а вторые — Тосканы; им было бы лучше довольствоваться в первом случае морскими владениями, а во втором — границами на расстоянии шести миль. Все дело тут в желании приобрести, не подкрепленном знанием правильного способа, которое заслуживает тем большего порицания, что у венецианцев и флорентийцев нет оправдания — ведь им были известны способы, применявшиеся римлянами, и они могли следовать их примеру, в то время как римляне открыли их благодаря собственному разумению, никому не подражая. К тому же приобретения иногда наносят немалый ущерб всякой хорошо устроенной республике, когда она присоединяет к себе город или область, предающуюся удовольствиям, и благодаря общению с ее жителями может проникнуться подобными нравами; так случилось при занятии Капуи сначала с римлянами, а затем с Ганнибалом. И если бы Капуя была так удалена от Рима, что промах солдат было бы невозможно исправить, или город был бы в какой-то степени затронут разложением, то это приобретение, несомненно, привело бы к гибели Римской республики. Тит Ливий свидетельствует об этом в следующих словах: «*Iam tunc minime salubris militari disciplinae Capua, instrumentum omnium voluptatum, delinitos militum animos a memoria patriae*»*. Воистину победитель испытывает месть со стороны таких городов или провинций без войны и кровопролития; заражая его своими скверными обычаями, они делают его жертвой первого захватчика. Ювенал как нельзя лучше выразил эту мысль в своих сатирах, говоря, что вследствие завоеваний чужих земель в римских сердцах привились чужеземные нравы и вместо бережливости и прочих замечательных добродетелей «*gula et luxuria incubuit, victumque ulciscitur orbem*»**. Итак, если приобретения представляли опасность для римлян в то время, когда они дей-

* «Капуя уже тогда была городом, менее всего благоприятным для порядка в войске: она расслабила воинов всевозможными удовольствиями и заставила их забыть отечество» (лат.).

** «распространились роскошь и обжорство и отомстили за всех побежденных» (лат.).

ствовали с таким благоразумием и с такой доблестью, насколько опаснее они могут быть для тех, кто далек от подражания римлянам, и для тех, кто, кроме прочих ошибок, подробно описанных выше, использует чужих или наемных солдат. Отсюда следуют для них и те убытки, о которых будет упомянуто в следующей главе.

Глава XX

Какие опасности влечет за собой для государей или республик использование вспомогательного или наемного войска

Если бы в другом своем сочинении я не рассмотрел весьма подробно всю никчемность наемных и вспомогательных сил и всю полезность собственных, то в настоящем рассуждении я остановился бы на этом гораздо дольше, но, обсудив этот вопрос в другом месте, буду теперь кратким. Я не захотел вовсе обойти его, потому что Тит Ливий приводит много случаев, относящихся к вспомогательным войскам, а вспомогательными войсками являются те, которые присылает тебе на помощь другой государь или республика за свой счет и со своими командирами. Обращаясь к тексту Ливия, скажу, что римляне дважды разбили войско самнитов своей армией, посланной на помощь капуанцам, избавив их от самнитского нашествия; возвращаясь домой, римляне оставили в Капуе два легиона для ее защиты, чтобы жители города, не имея своего гарнизона, не стали снова добычей самнитов. Эти легионы, погрязнув в праздности, стали находить в ней удовольствие; дело дошло до того, что, позабыв об отчизне и об уважении к Сенату, они задумали вооруженной силой завладеть той областью, которую ранее доблестно защищали. Они сочли, что жители Капуи недостойны владеть тем имуществом, которого не умеют оборонять. Предупрежденные об этих замыслах, римляне в корне пресекли их, как мы покажем в том разделе, где речь пойдет о заговорах. Здесь же я повторю, что из всех видов войск вспомогательные являются самыми опасными, потому что использующие их государь или республика не имеют над ними никакой власти, а распоряжается ими только пославший их. Ведь,

как я уже сказал, вспомогательное войско посылает тебе другой государь под своими знаменами, со своими начальниками и за свой счет, как те легионы, что римляне отправили в Капую. Эти солдаты, одержав победу, в большинстве случаев грабят как того, кто призвал их, так и того, против кого они призваны. Это происходит либо по злему умыслу приславшего их государя, либо из-за их собственных притязаний. И хотя в намерения римлян не входил разрыв договора и соглашений, заключенных с капуанцами, представившаяся солдатам возможность поживиться за их счет казалась им такой удобной, что заставила их покушаться на земли и свободу капуанцев. Можно было бы привести много подобных примеров, но я ограничусь только ссылкой на жителей Реджо, которые лишились и владений, и жизни из-за римского легиона, оставленного для их охраны. Таким образом, государь или республика должны лишь в последнюю очередь прибегать для своей защиты к услугам вспомогательных войск, и то если на них можно будет целиком положиться, ибо любой договор и любое соглашение, даже самое тяжелое, заключенное с неприятелем, будет безопаснее, чем такой поступок. Если хорошенько почитать историю и перебрать в памяти современные события, то обнаружится, что на один удачный исход такого мероприятия приходится бесчисленное множество плачевных результатов. Для властолюбивого государя или республики нет лучшего повода, чтобы занять чужой город или чужую провинцию, чем быть призванным туда на помощь со своим войском. А если правитель, ослепленный своими честолюбивыми замыслами, ищет такой помощи не только для защиты, но и для нападения, он пытается приобрести то, чего не может удержать и что будет у него легко отнято его же союзником. Но аппетиты людей столь велики, что ради удовлетворения своего насущного желания они не думают о дурных последствиях, которые вскоре могут наступить. И, как и в других обсуждавшихся нами случаях, древние примеры на них не действуют. В противном случае, ознакомившись с ними, они поняли бы, что, полагаясь на щедрость соседа и на внешне полное отсутствие у него каких-либо притязаний, они сами готовят себе ловушку, как будет показано ниже на примере капуанцев.

Глава XXI

Первого претора, после 400-летних войн,
римляне послали в Капую

Выше уже немало говорилось о том, насколько обычай римлян, бывший у них в ходу при расширении владений, отличается от поступков государей, в наше время принимающих в подданство новые земли. Говорилось также о том, что городам, не подвергавшимся полному разорению, римляне оставляли их прежние законы, даже если не принимали в союз, а подчиняли себе. Никаких внешних признаков римского владычества этим городам не предписывалось соблюдать, они должны были выполнять только некоторые требования и, следовательно, сохраняли собственную власть и достоинство. Такого образа действий римляне придерживались до тех пор, пока не вышли из Италии и не стали превращать другие страны и царства в свои провинции.

Об этом можно судить хотя бы по тому, что первый претор, когда-либо назначенный римлянами, был отправлен в Капую, и они сделали это не из собственных властолюбивых устремлений, а по просьбе капуанцев, которые повздорили между собой и посчитали необходимым пригласить к себе одного из римских граждан, чтобы он восстановил спокойствие и навел порядок. Побуждаемые этим примером и сходной необходимостью, жители Анциума также обратились с просьбой о присылке к ним префекта, и по поводу этого события и нового способа управления Тит Ливий замечает, что «*quod iam non solum arma, sed iuga romana pollebant*»*. Можно сделать вывод, насколько этот образ действий облегчил приращение римских владений. Ведь города, привыкшие жить свободно и подчиняться своим согражданам, скорее смиряются с таким господством, которое не бросается в глаза, хотя бы оно и было довольно обременительным, чем с тем, что дает знать о себе каждый день, как бы напоминая жителям об их порабощении. Для государей еще одно преимущество заключается в том, что их чиновники в этом случае не заседают в судах и не принимают участия в решении гражданских и уголовных дел, поэтому их приговоры не могут навлечь на государя упреков или бес-

* «уже не только римское оружие, но и законность римская всюду стала одерживать победы» (лат.).

честья, и, следовательно, уменьшается число поводов для возникновения клеветы и ненависти к нему. О справедливости этого утверждения, кроме примеров, которые можно было бы привести из древности, свидетельствуют недавние события в Италии. Как всякому известно, французы неоднократно занимали Геную, и их король раньше всегда посылал туда своего наместника, чтобы он управлял там от его имени. Только сейчас, не по собственной воле, а в силу необходимости, король предоставил городу жить по собственному усмотрению под надзором генуэзского правителя. И если кто-то станет сравнивать, какой из этих двух способов надежнее обеспечит королю владение Генуей и одновременно будет по душе ее жителям, он, без сомнения, сделает выбор в пользу второго.

Кроме того, люди тем охотнее ищут твоего покровительства, чем менее ты на него внешне претендуешь, и тем менее опасаются покушения на свою свободу, чем мягче и снисходительнее ты себя с ними ведешь. Такое дружелюбие и снисходительность заставили капуанцев просить претора у римлян, но если бы те хотя бы в чем-то дали понять, что сами желают этого, просители заподозрили бы неладное и отвратились бы от них. Но зачем искать примеров в Капуе и Риме, когда их довольно во Флоренции и Тоскане? Всякому известно, что очень давно под власть Флоренции добровольно перешла Пистойя. Всякому известно также, какая вражда царила всегда между флорентийцами, с одной стороны, и жителями Пизы, Лукки и Сиены — с другой. Такая разница вызвана вовсе не тем, что пистойцы меньше дорожат своей свободой, чем другие, и не тем, что они ценят себя меньше других, но тем, что флорентийцы вели себя с ними как братья, а с другими — как неприятели. Вот почему пистойцы сами отдались под их власть, а остальные прилагали и прилагают все усилия, чтобы с ними этого не случилось. Нет сомнения в том, что если бы флорентийцы путем союзов или оказания помощи приручили, а не ожесточили своих соседей, то сейчас они, бесспорно, были бы хозяевами Тосканы. Я не делаю из этого вывода, что нельзя прибегать к оружию и к силе, но эти средства нужно оставить напоследок, на тот случай, если другие окажутся бесполезными.

Глава XXII

О том, сколь часто людские мнения о серьезных вещах оказываются ложными

В том, насколько ложны зачастую мнения людей, всегда могли убедиться свидетели принимаемых ими решений, ибо эти решения, если их не принимают личности выдающиеся, противны какой бы то ни было истине. А поскольку выдающиеся личности в разложившихся республиках, особенно в мирное время, окружены враждебностью вследствие зависти и прочих проявлений людского тщеславия, то верх одерживают благодаря своей распространенности ложные суждения либо предложения людей, действующих не на благо, а ради благосклонности массы. В трудную минуту ошибка раскрывается, и необходимость заставляет прибегнуть к тем, о ком в лучшие времена забывают, как это будет показано подробнее в своем месте. Кроме того, в оценке событий легко обманываются люди, не имеющие глубокого опыта и познаний, потому что происходящие события внешне во многом подтверждают те мнения, которые люди составили себе на их счет. Все это говорится к тому, чтобы понять, как претор Нумиций подействовал на латинов после того, как они были разгромлены римлянами, и почему несколько лет назад, когда французский король Франциск I выступил в поход на Милан, многие полагали, что город будет защищен швейцарцами. По смерти Людовика XII на трон Франции взошел Франциск Ангулемский, который пожелал возвратить своему королевству герцогство Миланское, за несколько лет до того захваченное швейцарцами по наущению папы Юлия II. Для облегчения своего предприятия король искал поддержки в Италии и, кроме венецианцев, которых привлек на свою сторону Людовик, заигрывал с флорентийцами и с папой Львом X, рассчитывая для осуществления своих планов на их помощь, потому что в Ломбардии стояли войска короля Испании, а имперские силы — в Вероне. Папа Лев не пошел королю навстречу, а поддался на уговоры тех, кто, как говорили, советовал ему оставаться нейтральным, ибо это в данном случае обеспечивало якобы верную победу: Церкви невыгодно

было усиление в Италии ни короля, ни швейцарцев; для возвращения страны к старинной свободе требовалось избавить ее от ига и того, и других. Но справиться с каждым из них или с обоими вместе оказалось невозможным, поэтому следовало выждать, кто из них победит, и тогда Церковь со своими союзниками могла выступить против того, кто одержит верх. Трудно было бы отыскать более удобный случай, чем теперь, когда оба противника находились в походе, а войско папы готово к тому, чтобы быть выдвинутым на границы Ломбардии, ближе к театру событий, под предлогом охраны папских владений, и там ожидать генерального сражения. Эта кровопролитная в силу доблести обеих армий битва должна была так ослабить победителя, что папа без труда смог бы напасть на него и полностью разбить. Тогда, приумножив свою славу, он стал бы господином Ломбардии и властелином всей Италии. Исход событий показал, насколько такое суждение было ложным: после долгой борьбы швейцарцы были разгромлены, но войска папы и Испании не только не осмелились напасть на победителей, но и приготовились уносить ноги, что не спасло бы их, если бы не милосердие или холодность короля, который не искал новой победы и удовольствовался соглашением с Церковью.

Приведенное мнение не лишено некоторых оснований, которые сами по себе выглядят справедливыми, но на деле они совершенно далеки от истины. Очень редко случается победителю понести большой урон, потому что его солдаты погибают в самом столкновении, но не при отступлении. В пылу битвы, когда люди сражаются лицом к лицу, гибнут лишь немногие, прежде всего потому, что схватка чаще всего бывает недолгой; если же в ожесточении она продлевается настолько, что и победители несут большие потери, то само известие о победе и страх, который наводит она на врагов, далеко превосходят урон, нанесенный гибелью солдат. И если неприятель, понадеявшись на то, что победоносное войско ослаблено, захочет помериться с ним силами, он может жестоко ошибиться, если только не располагает войском, которое может справиться с противником, независимо от его победы, и до и после нее. В этом случае каждый из них может победить

или проиграть, в зависимости от своей доблести и от милости фортуны, но тот, кто уже вступал в бой до этого и одержал победу, окажется в более выгодном положении скорее, чем другой. Это хорошо видно на опыте латинов и на примере претора Нумиция, который, упорствуя в своем ложном мнении, нанес великий ущерб поверившим ему народам. После победы римлян над латинами Нумиций призывал всех жителей Лациума напасть на победителей, ослабленных в сражении, утверждая, что победа римлянам досталась только на словах, но они понесли такой урон, как будто бы потерпели поражение, и что достаточно было бы малейшего толчка, чтобы свалить их. Народы, поверившие словам претора, собрали новое войско, но были тотчас же разгромлены и пострадали так же, как пострадает всякий, кто станет придерживаться подобного мнения.

Глава XXIII

О том, что римляне, верша суд над подданными, когда этого требовали обстоятельства, избегали «золотой середины»

«Iam Latio is status erat rerum, ut neque pacem neque bellum patri possent»*. Из всех неблагоприятных случаев самым несчастливym для государства является тот, когда государь или республика не могут пойти на мир и не могут вступить в войну; так бывает, если условия мира чересчур унижительны для них, а с другой стороны, чтобы вести войну, они должны отдать себя во власть какого-либо покровителя или стать добычей врага. До такой крайности доводят дурные советы и ошибочные решения, вызванные неверным расчетом собственных сил, о чем говорилось выше. Республика или государь, правильно взвешивающие свои силы, навряд ли оказались бы в положении латинов, которые заключали договоры с римлянами, когда договариваться не следовало, и объявляли им войну, когда этого нельзя было делать; таким образом, и дружба, и вражда с римлянами всегда были им во вред. Латины были разгромлены и доведены до отчаяния, сперва Ман-

* «В Лациуме все складывалось так, что его жители не могли ни войну вести, ни на мир согласиться» (лат.).

лием Торкватом, а затем Камиллом, который заставил их сдать-ся на милость римлян, разместил свои гарнизоны во всех городах Лациума, взял в них заложников и, вернувшись в Рим, объявил Сенату, что весь Лациум — в руках римского народа. Его суждение примечательно и заслуживает того, чтобы остановиться на нем, ибо в подобных случаях государям следует ему подражать, поэтому я хочу привести те слова, которые Ливий вкладывает в уста Камилла; по ним можно судить о том, как римляне считали нужным расширять свои владения, и о том, что в своих решениях они всегда избегали среднего пути и выбирали крайние. Правление — не что иное, как удержание подданных в таком положении, чтобы они не могли и не должны были тебе вредить; этого можно добиться, полностью обезопасив себя от них и лишив их всякой возможности причинить тебе вред либо позаботившись о них таким образом, чтобы у них не могло возникнуть никаких разумных оснований желать перемены судьбы. Все это явствует как из предложения Камилла, так и из приговора, вынесенного Сенатом на его счет. Слова Камилла были следующие: «*Dii immortales ita vos potentes huius consilii fecerunt, ut, sit Latium an non sit, in vestra manu posuerint. Itaque pacem vobis, quod ad Latinos attinet, parare in perpetuum, vel saeviendo vel ignoscendo potestis. Vultis crudelius consulere in deditios victosque? Licet delere omne Latium. Vultis, exemplo maiorum, augere rem romanam, victos in civitatem accipiendo? Materia crescendi per summam gloriam suppeditat. Certe id firmissimum imperium est, quo obedientes gaudent. Illorum igitur animos, dum expectatione stupent, seu poena seu beneficio praeoccupari oportet*»*. На это предложение последовало такое решение Сената: перед ним предстали жители городов, составлявших наибольшую важность, и сенаторы поступили с ними согласно словам консула, кого облагодетельствовав, а кого — наказав. Первым они даровали привилегии, освобождение от налогов,

* «Бессмертные боги облекли вас такой властью, что от вашего решения зависит, быть ли впредь Лациуму или не быть, а потому мир с латинами вы можете обеспечить себе либо жестокой расправой, либо милостивым прощением. Хотите быть жестоки к сдавшимся и побежденным? Тогда можно разорить весь Лациум... Или вы хотите, по примеру предков, дать побежденным гражданство и тем умножить мощь Римского государства? Тогда перед вами сколько угодно способов с вящею славой дать возрасти нашему государству. Само собой разумеется, что власть, которой покоряются с радостью, более прочна... Вам следует наказывать или облагодетельствовать их, замерших в ожидании» (лат.).

свободу управлять своими городами и всевозможные прочие льготы; города вторых были упразднены, и там были заложены колонии, жителей привели в Рим и рассеяли таким образом, чтобы они не могли причинить вред своими выступлениями или тайными кознями. Но промежуточных решений они, как я уже сказал, не применили ни к кому из представлявших мало-мальскую важность. Этому решению должны подражать государи. Так же следовало поступить и флорентийцам, когда в 1502 году восстали Ареццо и вся Вальдикьяна; в таком случае они упрочили бы свою власть, возвеличили Флоренцию и снабдили бы ее теми нивами, которых не доставало для ее пропитания. Но флорентийцы избрали средний путь, чрезвычайно пагубный в суждениях о людях: часть аретинцев они изгнали, часть осудили, всех лишили почестей и прежних званий в городском управлении, но город оставили в целости. А когда некоторые граждане советовали разрушить Ареццо, те, кого считали наиболее мудрыми, отвечали, что разрушить город было бы постыдно, потому что можно было подумать, будто у Флоренции нет сил удержать его. Подобные доводы убедительны лишь по видимости, ибо на том же самом основании не следовало бы казнить отцеубийц, негодяев и мятежников, потому что для государя было бы постыдно показать этим, что он не в состоянии справиться с одним преступником. Те, кто высказывает подобные мнения, не замечают, что отдельные люди и целые города иной раз совершают такие преступления против государства, что у его главы не остается других средств, как уничтожить их в назидание другим и для собственной безопасности. Достойный выход состоит в том, чтобы мочь и суметь наказать их, а не в том, чтобы удерживать их, подвергаясь тысяче опасностей; ибо государь, который не наказывает провинившегося так, чтобы тот не мог больше причинить вреда, приобретает славу труса или невежды.

Сколь верно было решение, принятое римлянами, подтверждается также приговором, который они вынесли привернатам. По поводу этого отрывка у Ливия следует заметить две вещи: во-первых, относительно сказанного выше, что подданных следует либо карать, либо миловать; во-вторых, что благородство души и приверженность к правде ценятся, если они высказаны перед благоразумными людьми. Римский Сенат собрался, чтобы судить

привернатов, которые восстали и были силой возвращены в римское подданство. Народ Приверна прислал многих граждан, чтобы молить у Сената прощения; когда они предстали перед сенаторами, некий сенатор задал одному из них вопрос: «*Quam poenam meritos Privernates censeret?*»* На это привернат ответил: «*Eam, quam merentur qui se libertate dignos censerent!*»** На это консул возразил: «*Quid si poenam remittimus vobis, qualem nos pacem vobiscum habituros speremus?*»*** Тот ответил: «*Si bonam dederitis, et fidelem, et perpetuam; si malam, haud diuturnam*»****. Тогда наиболее мудрая часть сенаторов, хотя мнения разделились, высказалась так: «*Se audivisse vocem et liberi et viri; nec credi posse ullum populum, aut hominem, denique in ea conditione cuius enim poeniteat, diutius quam necesse sit, mansurum. Ibi pacem esse fidam, ubi voluntarii pacati sint, neque eo loco ubi servitutem esse velint, fidem sperandam esse*»*****. В соответствии с этими словами было решено, что привернаты получат римское гражданство и связанные с ним привилегии, потому что: «*Eos demum qui nihil praeterquam de libertate cogitant, dignos esse, qui Romani fiant!*»***** Такое действие на благородные души возымел правдивый и достойный ответ, любой другой ответ говорил бы о лживости и малодушии. Те же, кто придерживается другого мнения о людях, особенно о тех, кто привык к свободе или считает себя приверженным к ней, обманываются, и этот обман склоняет к неверным решениям как тех, кто судит, так и тех, о ком судят. Часто это ведет к мятежам и гибели государства.

Но, возвращаясь к нашему рассуждению, я делаю вывод из этого примера, как и из того, который касался латинов, что, решая судь-

* «Какого, по его мнению, наказания заслуживают привернаты?» (лат.)

** «Какого заслуживает всякий, кто мнит себя достойным свободы!» (лат.)

*** «А если мы освободим вас от наказания, на какой мир с вами в будущем можем мы полагаться?» (лат.)

**** «Если условия его будут хороши, мир будет надежным и постоянным, если плохи — недолговечным» (лат.).

***** «Это была речь мужа и свободного человека, можно ли надеяться, что хоть один народ или, в данном случае, человек будет оставаться в тягостном для него положении дольше, чем это необходимо? Мир надежен там, где условия его приняты добровольно, а там, где хотите иметь рабов, нечего рассчитывать на верность» (лат.).

***** «Лишь те, кто преданы свободе и только свободе, достойны стать римлянами!» (лат.)

бу могущественных городов, привычных к свободной жизни, следует уничтожать их или благодетельствовать им; всякое другое суждение будет ошибочным. Золотой середины следует всячески избегать, ибо она пагубна, как видно на примере самнитов, заперших римлян в Кавдинском ущелье. Они не пожелали прислушаться к мнению того старика, который посоветовал либо с почестями проводить римлян, либо перебить их всех; разоружив римлян и проведя их под игом, самниты выбрали средний путь и отпустили их, покрыв позором и презрением. Вскоре им пришлось убедиться, что мнение старика было справедливо, а их решение ошибочно, о чем подробнее будет рассказано в своем месте.

Глава XXIV

Крепости приносят обычно более вреда, нежели пользы

Мудрецам нашего времени покажется, возможно, неразумным, что римляне, желая обезопасить себя от народов Лациума и жителей Приверна, не подумали о том, чтобы построить там несколько крепостей, которые удерживали бы эти народы в союзе с ними; наши мудрецы обычно ссылаются на флорентийскую поговорку, что Пизу и подобные ей города следует держать с помощью крепостей. И поистине, если бы римляне были похожи на этих людей, они позаботились бы об их постройке, но поскольку их доблесть, ум и могущество отличались от сегодняшних, они обходились без крепостей. Во времена вольности, пока Рим соблюдал свои обычаи и свои доблестные установления, он никогда не возводил крепостей для удержания городов или провинций, хотя и сохранял некоторые из уже построенных в своих владениях. Рассматривая в этой связи образ действий римлян и государей нашего времени, я нахожу уместным задать вопрос, нужно ли строить крепости, то есть полезны они или вредны для своего основателя. Тут следует заметить, что крепости сооружаются либо для обороны от врагов, либо для защиты от собственных подданных. В первом случае в них нет необходимости, во втором — они вредны. Объясняя, в чем заключается вред, приносимый крепостями, скажу, что страх государя или республики

перед своими подданными и перед их возмущением рождается из ненависти, которую питают к ним подданные. Ненависть возникает из дурных распоряжений правителей, а дурные распоряжения — из-за того, что они надеются управлять путем насилия, или от их неблагоразумия; а к насилию наряду с прочим подталкивает государей как раз обладание крепостями — ведь дурное обхождение, вызывающее ненависть, зачастую связано с тем, что данный государь или республика имеют крепости. Если это справедливо, то крепости приносят гораздо больше вреда, чем пользы. Во-первых, как уже говорилось, они делают тебя и менее осмотрительным, и более жестоким по отношению к подданным; во-вторых, они не обеспечивают той безопасности, на которую ты рассчитываешь, ибо любые насилия и любые жестокости, используемые для удержания народа в повиновении, ничего не стоят, кроме двух способов: или ты всегда располагаешь хорошим войском, как это было у римлян, или ты рассеиваешь, истребляешь, перемешиваешь и разъединяешь своих подданных так, что они не могут объединиться против тебя. Ведь если ты лишаешь их имущества, «*spoliatis arma supersunt*»^{*}; если ты разоружаешь их, «*furog arma ministrat*»^{**}; если ты перебеешь одних вождей, а других станешь преследовать, они возрождаются, как головы гидры; если ты строишь крепости, то они приносят пользу только в дни мира, придавая тебе духу для притеснения подданных, а во время войны они становятся никчемными, потому что подвергаются нападениям как неприятеля, так и подданных, противостоять же сразу и тем и другим — невозможно. И если крепости всегда были бесполезными, то в наше время они еще более бесполезны из-за артиллерии, вследствие действия которой небольшие городки, где нельзя укрыться в убежище, стало невозможно защищать, как говорилось об этом выше.

Я хочу более подробно остановиться на этом предмете. Ты, государь, желаешь с помощью крепостей держать в повиновении жителей своего города, либо ты, государь или республика, хочешь сохранить за собой город, захваченный во время войны. Я обращаюсь к государю и говорю ему, что крепость, служащая для обуздания его сограждан, в высшей степени бесполезна по указанным

* «у разоренных остается оружие» (лат.).

** «и негодование находит оружие» (лат.).

уже причинам. Она увеличивает твою склонность к угнетению, а угнетение внушает подданным такое желание твоей гибели и так разжигает их против тебя, что крепость, послужившая этому причиной, не может тебя защитить. Поэтому мудрый и достойный государь, желающий сохранить свои добрые качества и не дать своим сыновьям повода и примера стать злодеями, никогда не станет строить крепость, чтобы дети уповали не на нее, а на людскую доброжелательность. И если граф Франческо Сфорца, став герцогом Миланским, выстроил крепость в Милане, несмотря на свою репутацию мудреца, то в этом он не проявил мудрости, и впоследствии оказалось, что крепость послужила не безопасности его наследников, а во вред им. Чувствуя себя, благодаря наличию крепости, уверенно и не останавливаясь перед нанесением обид своим подданным и согражданам, они предавались всем возможным видам жестокости и заслужили всеобщую ненависть, так что при первом натиске врага утратили свои владения; крепость же не могла их защитить и во время войны ничем им не пригодилась, а в мирное время причинила много вреда. Ведь если бы у них не было крепости и они по своему неблагоприятному раздражили бы своих сограждан, опасность открылась бы перед ними раньше, и они смогли бы вовремя удалиться. К тому же им было бы гораздо легче сопротивляться натиску французов без крепости, но имея на своей стороне подданных, чем с крепостью, но и с враждебно настроенными подданными. Так что крепости ни в чем не приносят пользы, их теряют либо из-за предательства среди защитников, либо из-за превосходящих сил нападающих, либо вследствие голода. Если же ты думаешь, что крепость пригодится и поможет тебе вернуть свои владения, из которых она одна осталась в твоих руках, то для этого тебе нужно войско, с которым ты нападешь на изгнавшего тебя противника. Если же такое войско у тебя будет, то возврат владений тебе обеспечен даже при отсутствии крепости, тем паче если их жители будут более к тебе расположены, не ведая обид, обыкновенно наносимых надменным обладателем крепости. Опыт показывает, что от миланской крепости не было толку ни сторонникам Сфорцы, ни французам, когда и те и другие были в трудных обстоятельствах. Более того, она послужила причиной поражения и тех и других, потому что, рассчитывая на нее, все они не заботились о более

достойном способе упрочения своей власти. Урбинский герцог Гвидобальдо, сын Федерико, в свое время славного военачальника, был изгнан из своих владений Чезаре Борджа, сыном папы Александра VI. Впоследствии Гвидобальдо удалось вернуться туда вследствие благоприятного стечения обстоятельств, и он приказал разрушить все тамошние крепости, считая, что они приносят вред. Дело в том, что народ его любил, и Гвидобальдо не желал владеть крепостями из уважения к подданным; что касается врагов, то для защиты крепостей требовалось войско снаружи, которым он не располагал, поэтому он решил их разрушить.

Изгнав Бентивольо из Болоньи, папа Юлий построил там крепость и через своего правителя стал преследовать народ жестокими казнями. Народ Болоньи восстал, и крепость была тут же потеряна; таким образом, крепость папе не помогла, а только расстроила все его планы, в то время как если бы он вел себя иначе, все могло пойти по-другому. Никколо да Кастелло, родоначальник семейства Вителли, вернувшись на родину, откуда он был изгнан, велел тотчас же разрушить две крепости, построенные там папой Сикстом IV, потому что он считал, что не крепости, а народное расположение сохранит для него государство. Самый свежий и примечательный из всех прочих случаев, который показывает бессмысленность строительства крепостей и пользу их разрушения, произошел недавно в Генуе. Каждому известно, что в 1507 году Генуя восстала против французского короля Людовика XII, который со всеми своими силами явился, чтобы вернуть ее себе. Взяв город, он построил самую мощную из всех доныне известных крепостей, которая была неприступной благодаря расположению на местности и по всем прочим своим качествам. Находилась она на холмистом мысе, глубоко вдающемся в море и называемом генуэзцами Кодефа; под обстрелом крепости находился весь порт и большая часть города Генуи. В 1512 году, когда французы были изгнаны из Италии, Генуя восстала, несмотря на наличие крепости, и во главе города стал Оттавиано Фрегозо, которому удалось с помощью всяческих ухищрений взять крепость измором после 16 месяцев осады. Все полагали, а многие советовали, чтобы он сохранил крепость в качестве возможного убежища «на черный день», но благоразумный дож разрушил ее, ибо знал, что власть государей охраняют не крепости, а людская

воля. Он встал у власти и доныне удерживает ее, полагаясь не на крепость, а на свою доблесть и благоразумие. И если раньше, чтобы устроить в Генуе переворот, было достаточно тысячи солдат, то враги Фрегозо нападали на нее с 10 тысячами и ничего не могли поделаться. Итак, Оттавиано ничего не потерял, разрушив крепость, а король ничего не приобрел, построив ее. Ибо, придя в Италию с войском, он вернул себе Геную, не имея там крепости, но когда с войском в Италию ему не удалось прийти, то он не удержал Геную, даже располагая крепостью. Таким образом, король потратился на ее постройку и покрыл себя позором, утратив ее; Оттавиано же, захватив ее, снискал себе славу, а разрушив — пользу.

Однако перейдем к республикам, устраивающим крепости не на родине, а в завоеванных городах. Если примеров Франции и Генуи недостаточно для доказательства опрометчивости таких решений, я ограничусь ссылкой на Флоренцию и Пизу. В последней флорентийцы выстроили крепости для ее охраны, не подумав о том, что для удержания города, вечно враждебного ко всему флорентийскому, привыкшего к свободе и потому всегда склонного к мятежу, следовало соблюдать римский образ действия: вступить с ним в союз или разрушить. В полезности крепостей можно было убедиться при походе короля Карла, которому они сдавались либо из-за измены гарнизонов, либо из опасения еще больших неприятностей. А не будь их, флорентийцы не строили бы все свои расчеты только на них, и король таким способом не мог бы лишиться Флоренцию этого города. Прежний образ действия, помогавший сохранить Пизу до тех пор, пригодился бы и теперь, во всяком случае, он был не хуже, чем сооружение крепостей. Итак, я делаю вывод, что в родном городе строить крепость опасно, а в завоеванном — бессмысленно; достаточно сослаться на пример римлян, которые разрушали, а не строили стены в тех городах, которые хотели удержать за собой силой. Если же кто-нибудь в опровержение этого мнения укажет на Таранто в античные времена или на Брешию — в наши, потому что эти города с помощью крепостей были защищены от восстания подданных, то я отвечу, что на освобождение Таранто был послан во главе целого войска Фабий Максим, который отвоевал бы город и в отсутствие там крепости; если же Фабий воспользовался ею,

то, не имея в распоряжении крепости, он применил бы другое средство и добился бы того же результата. Не вижу, какая польза в крепости, если вернуть себе город ты можешь, только располагая консульским войском с Фабием Максимом во главе. А что римляне вернули бы его себе в любом случае, видно на примере Капуи, где крепости не было и они обошлись одним войском. Обратимся теперь к Брешии. Очень редко бывает, как произошло во время тамошнего мятежа, чтобы крепость, которая осталась в твоих руках при восстании в городе, находилась недалеко от большого войска, в данном случае французского, а ведь когда господин де Фуа, королевский полководец, стоявший со своей армией в Болонье, услышал о потере Брешии, он без промедления выступил туда и достиг Брешии через три дня, а затем с помощью крепости вернул себе город. Таким образом, чтобы извлечь пользу из крепости в Брешии, нужно было иметь господина де Фуа и французское войско, которые в течение трех дней пришли бы ей на помощь. Так что этого примера недостаточно в сравнении с противоположными, ибо во время нынешних войн много крепостей было сдано и взято с таким же переменчивым успехом, с каким выигрывались и проигрывались сражения, не только в Ломбардии, но и в Романье, в королевстве Неаполитанском и во всех частях Италии. Что касается сооружения крепостей для защиты от внешних врагов, я скажу, что для тех народов и королевств, у кого есть хорошие войска, они не нужны, а для тех, у кого таких войск нет, бесполезны, потому что хорошей армии и без крепостей достаточно для защиты, а крепости без хорошего войска не оборонят тебя. Это видно на опыте народов, признанных выдающимися в отношении государственных обычаев и установлений, в частности римлян и спартанцев. Если римляне не строили крепостей, то спартанцы не только воздерживались от этого, но и запрещали обносить свои города стеной, ибо защитой им служила доблесть отдельных людей и ничто другое. Потому-то, когда один афинянин спросил некоего спартанца, находят ли он прекрасными афинские стены, тот ответил: «Да, если поселить за ними женщин». Таким образом, если у государя, располагающего хорошим войском, на границах

владений и в прибрежной местности есть несколько крепостей, которые могут задержать врага на какое-то время, пока он не приведет армию в готовность, то они могут пригодиться, но это не обязательно. Если же такого войска нет, то крепости внутри страны или на ее границах бесполезны или даже вредны; вредны, потому что их легко потерять, и тогда они окажутся на стороне противника. Если же ему не удастся их взять, они останутся у него в глубоком тылу и не принесут никакой пользы, ибо когда сильное войско не встречает решительного отпора, оно углубляется во враждебную страну, невзирая на то, какие города или крепости остаются позади. Об этом можно судить по древней истории, а также по поступку Франческо Марии, который недавно, осаждая Урбино, оставил у себя в тылу десять вражеских городов, не обращая на них никакого внимания. Итак, государь, который может собрать хорошее войско, обойдется и без крепостей, а тот, у которого войска нет, не должен их строить. Ему следует укрепить подходы к своему городу, запастись провиантом и поддерживать расположение к себе горожан, чтобы он мог выдержать натиск противника, пока внешняя помощь или соглашение не спасут его. Все остальные расчеты обременительны в мирное и бесполезны в военное время. Теперь кто задумается над всем сказанным, тот увидит, что римляне, мудрые во всех своих установлениях, поступили благоразумно и в отношении латинов и привернатов, когда обезопасили себя более разумным и достойным способом, чем строительство крепостей.

Глава XXV

Нападая на разделившийся город в расчете на охватившие его распри, можно достичь противоположного результата

Противостояние между плебеями и знатью в Римской республике достигло такого накала, что вейенты объединились с этрусками, дабы, воспользовавшись смутой, покончить с Римом. Когда они снарядили войско и вторглись на римскую территорию, Сенат послал против них Гая Манилия и Марка Фабия, и в то

время как те вышли навстречу войску противника, вейенты осыпали их бранью и насмешками, всячески принижая и оскорбляя римлян. Их дерзость и заносчивость были столь невыносимы, что римляне забыли о взаимных обидах, бросились на врагов и разгромили их. Отсюда видно, насколько люди, как мы обсуждали это выше, обманываются в своих расчетах и как часто, надеясь на выигрышный исход, они проигрывают. Вейенты, напав на разъединенных римлян, думали победить их, но это нападение помогло объединению последних и поражению вейентов. Ведь причиной распрей в республиках чаще всего служат покой и праздность, а к единению склоняют страх и война. Поэтому будь вейенты мудрее, видя Рим разделившимся, они старались бы всячески оберегать его от войн и ущемлять его мирными средствами. Нужно было войти в доверие к городу, раздираемому распрями, и пока дело не дошло до оружия, выступать беспристрастными судьями между партиями. Когда дело дойдет до вооруженных столкновений, следует осторожно помогать более слабым, как для того, чтобы они могли продолжать борьбу и истощали себя в ней, так и потому, что более существенная помощь может вызвать у всех подозрение, что ты станешь притеснять их и претендовать на верховную власть. Если вести себя с умом, то получится почти всегда так, что поставленная тобою цель будет достигнута. Город Пистойя, как я говорил в другом месте и по другому поводу, попал под власть Флоренции именно благодаря подобным ухищрениям, ибо, когда он разделился на партии и флорентийцы помогали то одним, то другим, не становясь окончательно ни на чью сторону, город в конце концов утомился от мятежей и по собственной воле отдал себя в руки Флоренции. В Сиене перевороты в пользу флорентийцев случались только тогда, когда они очень мало вмешивались в ее дела. Если же флорентийцы предпринимали решительные действия, город объединялся для защиты прежнего правления. Хочу добавить к приведенным еще один пример: миланский герцог Филиппо Висконти неоднократно вступал с Флоренцией в войну, рассчитывая на ее внутренние распри, но ни разу не добился успеха, так что ему пришлось жаловаться по поводу этих походов, что флорентийские безумства за-

ставили его выбросить на ветер два миллиона золотых. Таким образом, как уже было сказано, вейенты и тосканцы обманулись в своих ожиданиях и в конце концов потерпели поражение в битве с римлянами. Так и впредь суждено разочарование всякому, кто подобным же образом и в подобных же обстоятельствах вознамерится подчинить себе другой народ.

Глава XXVI

Поношения и брань вызывают ненависть к обидчику без всякой для него пользы

Я полагаю, что людей, воздерживающихся от нанесения словесных обид и угроз другим, следует причислить к самым благоразумным, ибо и то и другое не отнимает сил у врага; угрозы побуждают его быть осторожнее, а брань усиливает ненависть к тебе и заставляет его еще упорнее изыскивать способы расправиться с тобой. Это видно на примере вейентов, о которых шла речь в предыдущей главе: вступив в войну с римлянами, они еще усилили их враждебность бранными словами, от чего всякий разумный командир должен удерживать своих солдат, ибо насмешки только разжигают врага, а отнюдь не мешают ему, как мы уже сказали, нападать. Таким образом, это оружие, которое обращается против тебя. Замечательное происшествие на этот счет случилось в Азии: полководец персов Габад простоял долгое время лагерем под Амидой и, наскучив долгой осадой, решил уйти восвояси. Когда он уже снялся со стоянки, защитники города высыпали на стены и, упоенные своей победой, стали наносить ему всяческие оскорбления, высмеивая, осуждая и выставляя на свет трусость и никчемность врага. Обозленный Габад изменил свое намерение и снова обложил город осадой. Через несколько дней он захватил и разграбил его — столь велико было негодование, вызванное обидой.

То же самое произошло и с вейентами. Как уже было сказано, им показалось мало воевать с римлянами, они захотели еще уязвить римлян насмешками и, приблизившись с издевкой на устах к самой лагерной изгороди, гораздо сильнее задели их своими словами, чем вооруженными нападками. Римские солдаты, до-

этого сражавшиеся без особой охоты, заставили консулов вступить в бой; так вейенты, как и упомянутый выше гарнизон, стали жертвой собственной несдержанности на язык. Таким образом, хорошие военачальники и хорошие государственные правители должны прилагать все усилия, чтобы избежать подобных обид и оскорблений в своих городах или войсках как между своими, так и по отношению к врагу, потому что в последнем случае это угрожает вышеописанными бедами, а внутренние ссоры еще опаснее, если не принять предохранительных мер, как это всегда делали благоразумные вожди. Когда римские легионы, оставленные в Капуе, замыслили расправиться с ее жителями, о чем будет рассказано в своем месте, в городе вспыхнули волнения, которые потом были усмирены Валерием Корвином, и среди прочих условий замирения было предусмотрено суровое наказание для тех, кто когда-либо станет упрекать этих солдат за участие в беспорядках. Тиберий Гракх, назначенный во время войны с Ганнибалом командиром отряда, составленного из рабов, которых римляне вооружили вследствие недостатка в людях, в числе своих первых приказаний распорядился карать смертью тех, кто станет корить их прежним рабским состоянием. Настолько римляне, как мы уже говорили выше, почитали вредным наносить людям унижительные упреки и оскорбления, ибо ничто так не берedit душу и не пробуждает в ней большего негодования, чем насмешка, высказана ли она в шутку или всерьез: «*Nam facetiae asperae, quando nimium ex vero trahere, ac rem sui memoriam relinquunt*»*.

Глава XXVII

Благоразумные государи и республики должны довольствоваться одержанной победой; в большинстве случаев, если ее недостаточно, они проигрывают

Бранить врага обидными словами заставляет обычно дерзость, вызванная победой или обманчивой надеждой на нее. Подобные надежды делают людей неразборчивыми не только в словах, но и в поступках. Укоренившись в человеческом сердце, самоуверен-

* «Едкие остроты, если в них вложено много истинного, оставляют по себе злобные воспоминания» (лат.).

ность притупляет чувство меры и чаще всего заставляет упустить насущное благо ради призрачного. Это обстоятельство заслуживает рассмотрения, ибо люди обманываются очень часто и с большим ущербом для себя, и я думаю показать это с помощью старинных и современных примеров, которые объяснят все лучше всяких доводов. Когда Ганнибал разбил римлян при Каннах, он отправил в Карфаген своих посланцев с известием о победе и с просьбой о помощи. При обсуждении дальнейших действий в Сенате Ганнон, умудренный годами карфагенский гражданин, советовал воспользоваться этой победой для заключения с римлянами выгодного мира и не ждать, пока к этому вынудит поражение, потому что теперь можно было выставлять почетные условия. Карфагену было бы достаточно показать римлянам, что он может с ними справиться, и, одержав одну победу, не следовало рисковать ради еще более внушительной. Этот совет не был принят, и Сенат признал его разумность лишь тогда, когда случай был упущен.

Когда Александр Великий овладел уже всем Востоком, Тирская республика, в те времена благодаря своему господству на море славная и могущественная, наподобие Венеции, обеспокоившись величием Александра, направила к нему посольство с предложением перейти в добровольное подданство и приняла все его условия, за исключением пребывания царя и его войска в самом городе. Александр разгневался на жителей Тира, которые закрыли перед ним ворота, в то время как весь мир распростерся перед ним. Он отверг все их предложения и осадил город. Благодаря водной преграде и богатейшим запасам продовольствия и прочих припасов, необходимых для обороны, город против всякого ожидания на протяжении 4 месяцев успешно сопротивлялся, и Александр, убедившись в том, что бесславно теряет время, решил пойти на мир с горожанами и уступить им то, о чем они сами просили. Однако возгордившиеся жители Тира не только не пожелали пойти на соглашение, но и казнили прибывших на переговоры посланцев Александра. Взбешенный царь бросил на приступ такие силы, что взял и разрушил город, после чего перебил и увел в рабство его жителей.

В 1512 году во флорентийские владения вторглось испанское войско, чтобы восстановить во Флоренции правление Медичи и обложить город данью. Испанцев призвали некоторые из горожан, пообещав выступить им в поддержку с оружием в руках, когда те окажутся в пределах республики. Спустившись на равнину и не обнаружив обещанного подкрепления, испанцы, испытывая недостаток провианта, попытались заключить перемирие, но народ Флоренции высокомерно не пожелал вступить с ними в сговор, что повело к падению Прато и гибели государства.

Таким образом, для государей, подвергшихся нападению, нет ничего хуже, чем отказываться от любых соглашений, если противник гораздо сильнее их, особенно если предложение исходит от него, ибо это предложение никогда не может быть столь унижительным, чтобы в нем не было хоть какой-нибудь выгоды для принимающего, которая составляет долю и его победы. Народу Тира довольно было принять от Александра те условия, которые он сначала отверг, и для них было немалой победой с оружием в руках заставить такого человека склониться к их желанию. Также и флорентийский народ должен был удовлетвориться такой немалой победой, при которой испанское войско уступало некоторым из его требований, а свои не могло выполнить целиком, ибо в намерения испанского войска входили изменение государственного строя Флоренции, расстройство ее союза с Францией и получение контрибуции. Если бы из этих трех намерений испанцам удалось выполнить только два, а именно последние, а на долю народа осталась бы одно, то есть сохранение его власти, в этом уже заключались немалая честь и немалое удовлетворение, потому что, продлевая свое существование, народ не должен был заботиться об остальном, и не следовало ставить все на карту, даже если надо было испытывать милость судьбы ради гораздо более крупного и почти верного успеха; благоразумные люди никогда не идут на такой риск без крайней необходимости. Когда Ганнибал после 16 лет славных битв покинул Италию, призванный карфагенянами для спасения родины, он узнал о поражениях Гасдрубала и Сифакса, о потере Нумидийского царства и о том, что единственную надежду Карфагена, запертого в своих четырех

стенах, составляют он сам и его войско. Понимая, что это последняя ставка его отечества, Ганнибал не захотел рисковать ею, пока не были испытаны все прочие средства, и не счел постыдным просить мира, полагая, что выход для его страны заключается именно в этом, а не в войне. Но так как в мире ему было отказано, он не преминул дать бой, хотя и без надежды на выигрыш, ибо в этом случае оставалась возможность победить или, погибнув, покрыть себя славой. И если Ганнибал, который был столь доблестным вождем и располагал всем своим войском, прежде чем дать сражение, попытался заключить мир, видя, что на карту поставлена свобода отчизны, то как же следует поступать людям, не обладающим его доблестью и опытом? Но одно из людских заблуждений состоит в неумении полагать предел своим несбыточным мечтаниям, основываясь на которых и не соизмеряя своих сил, они погибают.

Глава XXVIII

Сколько опасно для республики или государя оставлять безнаказанными обиды, нанесенные обществу или частному лицу

К каким действиям побуждает людей негодование, легко видеть на примере, случившемся с римлянами, когда они отправили послами к французам, пришедшим с войной в Тоскану, и в частности в Кьюзи, трех Фабиев. Жители Кьюзи обратились за помощью к римлянам, и те снарядили послов, чтобы они от имени римского народа потребовали у французов прекратить войну с тосканцами. Прибыв на место, посланцы Рима застали французов и тосканцев сражающимися, и так как они были людьми дела, а не слов, римляне заняли места в первых рядах своих союзников, и увидевшие их французы все свое негодование против тосканцев обратили на римлян. Их гнев был усилен еще тем, что когда французские послы принесли свою жалобу на эту обиду римскому Сенату и в возмещение ее потребовали выдачи Фабиев, тех не только оставили в Риме и не подвергли никакому наказанию, но и во время ближайшего народного собрания назначили три-

бунами с консульской властью. Видя, что их обидчики вместо наказания были возвышены, французы посчитали это позором и оскорблением для себя. Воспылав яростью и негодованием, они осадили Рим и завладели им вплоть до Капитолия. Это несчастье постигло римлян только из-за их несправедливого поступка, ибо их послы, действовавшие «*contra jus gentium*»*, должны были подвергнуться наказанию, а вместо того получили почетные звания. Отсюда явствует, насколько любая республика и любой государь должны воздерживаться от нанесения подобных обид не только множеству граждан, но даже и одному человеку. Ведь если кто-либо подвергается оскорблению от своих сограждан или от частного лица и не получает соответствующего удовлетворения, то, когда речь идет о республике, он старается отомстить даже ценой ее крушения, а если он является подданным какого-либо государя и не лишен хотя бы малейшего чувства собственного достоинства, он не успокаивается, пока не сведет счеты со своим правителем, пусть бы это стоило ему больших неприятностей.

Самым лучшим и убедительным доказательством здесь является пример македонского царя Филиппа, отца Александра. Одним из его придворных был Павсаний, знатный и красивый юноша, в которого влюбился один из первых сановников Филиппа, Аттал. Неоднократно он пытался склонить его к взаимности, но, убедившись, что Павсанию были чужды подобные утехи, Аттал решил завладеть неприступным юношей с помощью обмана и насилия. Устроив пышный пир, на который собрались многие знатные бароны и в их числе Павсаний, он постарался досыта всех напоить и угостить, а затем, в разгар пиршества, велел схватить Павсания и, прибегнув к силе, не только удовлетворил свое вождение, но в довершение поругания велел поступить с ним таким же образом другим. Павсаний неоднократно жаловался Филиппу на понесенную обиду, но тот, в течение некоторого времени обещая отомстить за него, не только не сделал этого, но и поставил Аттала во главе одной из греческих провинций. После чего Павсаний, видя, что его враг вместо наказания получил возвышение, обратил все свое негодование не против обидчика, а про-

* «в нарушение права народов» (лат.).

тив Филиппа, пренебрегшего местию. И вот однажды утром, когда праздновалась свадьба дочери Филиппа с Александром Эпирским, Павсаний убил Филиппа, когда тот направлялся в храм для совершения обряда, шествуя между двумя Александрями, зятем и сыном. Этот пример очень напоминает то, что случилось с римлянами, и должен послужить предостережением всем правителям: никогда не следует чрезмерно недооценивать людей и полагать, нагромождая одну обиду на другую, что твоя жертва не пожелает отомстить за себя, невзирая на любую опасность и ущерб.

Глава XXIX

**Когда фортуна желает подавить в людях
противодействие своим замыслам,
она помрачает их разум**

Если как следует присмотреться к делам людским, то можно увидеть, что по воле небес часто происходят события, которые невозможно предотвратить. И если так случилось в Риме, отличающемся великой доблестью, благочестием и разумным устройством, неудивительно, что еще чаще это бывает с городами или провинциями, лишенными вышеназванных качеств. Значение таких событий очень велико, ибо они свидетельствуют о влиянии небес на ход земных вещей, и поэтому Тит Ливий подробно и очень убедительно рассказывает о них. Он говорит, что небеса, желая показать римлянам свою силу, заставили Фабиев, посланных к французам, допустить ошибку, и тем самым побудили последних вступить с Римом в войну. Затем они помешали римлянам принять какие-либо меры, достойные этого народа, для прекращения войны: по вышнему произволению Камилл, который один мог противостоять этому несчастью, был сослан в Ардею, затем, когда французы подошли к Риму, его граждане, прежде неоднократно избиравшие диктаторов для отражения нападения вольсков и прочих ближайших своих соседей, на сей раз этого не сделали. Подобная же слабость проявилась в наборе солдат, который не был проведен с надлежащей поспешностью, причем римляне столь неохотно брались за оружие, что едва успели встре-

тить французов на реке Аллии, отстоящей от Рима всего на 10 миль. Трибуны разбили здесь лагерь, не подумав об обычной предосторожности, не разведав местности и не окружив стоянку рвом и частоколом, в общем, не позаботившись о том, что было в божеских и человеческих силах. Вступая в бой, они не смогли создать сплоченные и сильные ряды, так что ни солдаты, ни командиры не оказались на высоте римского оружия. Битва была бескровной, потому что римляне еще до столкновения показали спину; часть из них ушла в Вейи, а остальные отступили к Риму и здесь, не заходя домой, укрылись в Капитолии. Сенат, не думая об обороне города, даже не закрыл ворота, и часть жителей разбежалась, а часть вместе с воинами собралась в Капитолии. Для защиты последнего, впрочем, были приняты некоторые действительные меры: те, кто не мог участвовать в защите, были выдворены оттуда, внутрь свезли весь имевшийся хлеб, чтобы выдержать длительную осаду; бесполезная толпа женщин, стариков и детей в основном разбрелась по окрестным землям, а прочие же остались в Риме на милость французов. Читая о деяниях этого народа за многие годы до того и сравнивая их с событиями названного времени, трудно поверить, что речь идет о жителях того же самого города. И, рассказав обо всех вышеописанных беспорядках, Тит Ливий в заключение говорит: «*Adeo obcaecat animos fortuna, cum vim suam ingruentem refringi non vult*»*. Этот вывод как нельзя более справедлив, и потому люди, которым случается переживать великие несчастья или великие радости, не заслуживают ни похвалы, ни порицания. Ведь в большинстве случаев их величию или их крушению способствуют обстоятельства, в силу которых небеса дают им случай употребить свою доблесть либо отнимают его.

Таковы прихоти судьбы, которая, желая свершить грандиозные дела, избирает человека, наделенного такой доблестью и таким величием духа, что он умеет распознать предоставленные ему возможности. Точно так же, подготавливая великие бедствия, судьба подыскивает людей, им способствующих. А тех, кто мог бы этому противостоять, она либо губит, либо лишает способности действовать сколько-нибудь плодотворно. В этом легко убедиться по рассматриваемому отрывку, в котором судьба, чтобы возвысить Рим и на-

* «Вот до какой степени ослепляет людей судьба, когда она не хочет, чтобы противились ее всесокрушающей силе!» (лат.)

править его к достигнутому впоследствии величию, посчитала необходимым сокрушить его (о чем мы будем подробно говорить в начале следующей книги), но не пожелала погубить совершенно. Это видно по тому, что она заставила отправить в ссылку, но не казнить Камилла; отдала в руки врага Рим, но без Капитолия; помешала римлянам принять какие-либо разумные меры для защиты города, однако при обороне Капитолия их действия были несколько более упорядоченными. Оставляя Рим беззащитным, судьба распорядилась, чтобы бóльшая часть солдат была разбита при Аллии и удалась в Вейи. Таким образом, были отрезаны все пути для обороны города. Вместе с тем судьба позаботилась и о его спасении, сохранив целое войско в Вейях, а Камилла в Ардее, дабы солдаты могли сразиться с врагом под предводительством военачальника, не запятнавшего себя позором поражения и во всех отношениях достойного освободить свою родину.

В подтверждение всего сказанного можно было бы привести современные примеры, но они будут излишними, поскольку читателям будет довольно уже означенного, и мы их опустим. Подчеркну еще раз справедливость всего изложенного, ибо из всех исторических сочинений явствует, что люди могут приноравливаться к судьбе, но не сопротивляться ей; могут плести ее сети, но не обрывать их. Все же никогда не стоит отчаиваться, ибо цели ее от всех укрыты и бредет она окольными и неведомыми путями, поэтому никогда не следует терять надежду и опускать руки, какие бы беды и несчастья ни случились.

Глава XXX

Могущественные республики и государи не покупают друзей, а обзаводятся ими благодаря своей доблести и военной репутации

Римляне были осаждены в Капитолии, и, хотя они ожидали подмоги от Камилла и из Вейев, когда наступил голод, они решили откупиться от французов, заплатив им золотом, и уже начали отвешивать требуемое количество, но в это время явился Камилл со своим войском, о чем, как говорит историк, позаботилась

фортуна, *ut Romani auro redempti non viverent**. Это обстоятельство примечательно не только для данного случая, но *etiam*** для образа действий Римской республики, которая никогда не расплачивалась деньгами ни за новые земли, ни за заключение мира, а добывала все доблестью своего оружия. Думаю, что с другими республиками такого не бывало. Наряду с прочими признаками, указывающими на мощь какого-либо государства, следует обращать внимание на его взаимоотношения с соседями. Если они таковы, что сопредельное государство ради дружбы с ним платит ему дань, это верный признак могущества такой державы; если же соседи, даже уступая ей по значению, получают от нее деньги, это указывает на слабость государства.

Обратитесь к римской истории, и вы увидите, что жители Массилии и Родоса, эдуи, Гиерон Сиракузский, цари Эвмен и Массинисса, чьи владения были пограничными с римскими, дабы снискать дружбу этого государства, наперебой предлагали дани и приношения для оплаты его нужд, прося взамен только защищать их. Противоположную картину можно видеть в слабых государствах, начиная с нашей Флоренции, ибо во времена ее былого возвышения в Романье не было столь захудалого господинчика, чтобы она не делала ему взносов. Кроме того, она платила жителям Перуджи, Кастелло и другим своим соседям. Если бы Флоренция располагала отважным войском, все было бы наоборот, ибо другие давали бы ей деньги, чтобы получить взамен покровительство, и пытались бы купить ее дружбу, а не продать свою. Но такое унижение довелось испытать не только флорентийцам, но и венецианцам, и французскому королю, который со своих огромных владений платит дань швейцарцам и королю Англии. Все это оттого, что они разоружили свои народы и предпочли — как этот король, так и прочие из вышеназванных — довольствоваться тем, что их подданные позволяют себя обирать. Эти правители думают предохранить себя от воображаемых, по сути дела, опасностей, вместо того чтобы обеспечить своим народам нерушимый покой и процветание. Это упущение если и дает некоторую передышку, со временем обя-

* чтобы жизнь римлян не была выкуплена за деньги (*лат.*).

** и вообще (*лат.*).

зательно приводит к непоправимым бедам и потерям. Слишком долго было бы перечислять, сколько раз флорентийцы, венецианцы и Французское королевство пытались избавиться от войны с помощью кошелька и сколько раз они подвергались позору, на который римляне собирались пойти лишь однажды. Слишком долго было бы перечислять, сколько городов выкупили флорентийцы и венецианцы, а потом это им вышло боком, ибо то, что выкупается золотом, впоследствии трудно защитить мечом. Римляне свой благородный образ действий соблюдали до тех пор, пока они были свободными, но когда у них установилась императорская власть и императоры усвоили дурные обычаи, возлюбив превыше солнечного зноя тенистую прохладу, тогда и римляне стали платить выкуп то парфянам, то германцам, то другим сопредельным народам, и это послужило началом крушения всей империи.

Подобные неприятности происходят оттого, что твой народ разоружен, и ведут они к еще большей опасности — что твоя слабость будет возрастать по мере приближения противника. Ведь при вышеописанном образе действий правитель плохо обходится с подданными внутренних областей своей страны и заботится только о тех, что живут на границе, чтобы они были всегда готовы отразить врага. С этой целью он прикармливает властителей и народы, живущие в сопредельных с ним землях. Вследствие этого противник встречает в таких государствах некоторое сопротивление на границах, но, перейдя их, может двигаться беспрепятственно. Государи не принимают во внимание, насколько такой образ действий противоречит всякому здравому смыслу. Ведь доспехами следует покрывать сердце и другие жизненно важные части тела, а не его конечности, ибо без них оно продолжает жить, а лишившись сердца, умирает; упомянутые государства укрывают свои руки и ноги, а сердце оставляют незащищенным.

Подобный недосмотр, погубивший Флоренцию, можно, как и раньше, наблюдать и теперь: вражеское войско переходит границу, и когда оно углубляется в центр страны, противостать ему невозможно. Сходным испытаниям подверглись венецианцы несколько лет назад, и не будь их город окружен водой,

результат был бы тот же самый. Это не так хорошо видно на примере Франции, потому что мало кто может помериться силами со столь великим королевством. Тем не менее, когда англичане в 1513 году напали на него, вся страна была повергнута в трепет, все ее жители, и в том числе сам король, полагали, что после первого поражения он лишится своей власти и владений. У римлян все было наоборот: чем ближе подходил неприятель к Риму, тем ожесточеннее было встречаемое им сопротивление. Во время походов Ганнибала в Италию после трех поражений и огромных потерь как простых солдат, так и командиров они не только выдержали натиск врага, но и выиграли войну. Все дело в том, что римляне надежно защищали сердце и мало заботились о внешних частях тела. Основу их государства составляли римский народ, племена латинов, союзные города в Италии и колонии, откуда они получали столько солдат, сколько было нужно для завоевания и удержания в подчинении всего мира. Справедливость этого доказывает вопрос, заданный карфагенянином Ганноном гонцам, присланным Ганнибалом после победы при Каннах. В то время как они перевозили деяния Ганнибала, Ганнон спросил, обратились ли римляне с просьбой о мире и восстал ли какой-нибудь город в Лациуме и в колониях против римлян. И поскольку ответ в обоих случаях был отрицательным, Ганнон заметил: «Исход этой войны так же неясен, как и прежде».

Настоящие рассуждения, как и другие, приведенные выше, показывают, насколько различен между собой образ действий прежних республик и нынешних. Вследствие этого мы всякий день являемся свидетелями чудесных приобретений и чудесных утрат. Ведь там, где человеческая доблесть невелика, судьба на каждом шагу доказывает свою власть, а поскольку ее характер переменчив, то постоянно меняется и положение республик и государств. Так будет до тех пор, пока не появится какой-нибудь поклонник древности, который сумеет так обойтись с фортуной, чтобы ей ни к чему было всякий божий день навязывать нам свои капризы.

Глава XXXI

Сколь опасно доверять изгнанникам

Мне кажется нелишним включить в число прочих рассуждений предостережение против тех, кто был изгнан из родных мест, поскольку властителям всякий день приходится задавать себе вопрос об их надежности; лучше всего при этом сослаться на один пример, приводимый Титом Ливием в своей «Истории», хотя и с другой целью. Когда Александр Великий с войском отправился в Азию, его зять и дядя Александр Эпирский пошел в поход на Италию, призванный туда луканскими изгнанниками, пообещавшими ему помощь в завоевании страны. Поверив этому, он прибыл в Италию, но здесь был убит призвавшими его, ибо сограждане обещали за это вернуть их на родину. Отсюда видно, сколь обманчивы бывают клятвы и обещания людей, лишенных отечества. Что касается доверия к ним, то следует считать, что всякий раз, как перед ними откроется другой путь для возвращения домой, они готовы будут расстаться с тобой и примкнуть к другим, какие бы обещания перед этим ни давали. Что же до их посулов и надежд, то желание этих людей вернуться на родину обычно столь велико, что им свойственно питать всяческие иллюзии, а многое они выдумывают нарочно, и, увлекшись их рассказами, искренними или лживыми, ты впустую потратишь свои силы, а то и вовсе погубишь себя.

Сошлюсь в качестве примера на упомянутого Александра, а также на афинянина Фемистокла, который поднял мятеж, а затем бежал в Азию к Дарию и здесь надавал ему столько обещаний, чтобы склонить к нападению на Грецию, что Дарий решил выступить в поход. Но поскольку Фемистокл не смог выполнить своих обещаний, то от стыда или от страха перед наказанием он отравился. И если Фемистокл, человек выдающийся по своим способностям, впал в подобное заблуждение, насколько же больше будут склонны к этому люди, не обладающие такой доблестью и увлекаемые своими помыслами и страстями. Итак, государь должен прохладно относиться к предприятиям, затеваемым под уговорами изгнанников, ибо чаще всего они кончаются позо-

ром или великими убытками. И поскольку очень редко удается захватить город обманом или по сговору своих сторонников с кем-либо из его жителей, мне кажется уместным рассмотреть этот вопрос в следующей главе, прибавив рассуждения о тех способах, которыми руководствовались в этих случаях римляне.

Глава XXXII

Какие способы употребляли римляне для овладения городами

Все помыслы римлян были обращены на войны, которые они вели всегда с наибольшей выгодой для себя как в отношении расходов, так и других необходимых вещей. Поэтому римское войско избегало осаждать города; считалось, что связанные с осадой траты и неудобства далеко превосходят возможную пользу, вытекающую из приобретения. Римляне предпочитали подчинять себе чужие города любым другим способом, отчего за столько лет многочисленных войн можно сыскать очень мало упоминаний об осажденных ими городах. Обычно они брали их приступом или заставляли сдаваться. В первом случае речь шла об открытом и прямом насилии или о насилии, смешанном с обманом. Насильственный захват заключался в штурме, при котором стены оставались нетронутыми (это называлось у них «*aggredi urbem cogona*»*, потому что войска при этом окружали город и наступали на него со всех сторон); неоднократно римляне захватывали даже большие города уже первым натиском, например, Новый Карфаген в Испании, взятый Сципионом. Если же штурм был неудачным, стены разбивали тараном и другими осадными машинами либо делали подкоп и через него проникали в город (таким способом был захвачен город вейентов). Чтобы сравняться с защитниками стен, возводили деревянные башни либо вплотную к стенам насыпали земляные валы, по которым можно было взобраться наверх. В первом случае, когда нападение осуществлялось со всех сторон, обороняющиеся подвергались непосредственной опасности, от которой было труднее уклониться, потому что повсюду требовалось иметь достаточное количество бойцов, и это затрудняло по

* «сжать город венцом» (лат.).

крайней мере пополнение их свежими силами, а если же людей хватало, то не все они сопротивлялись с одинаковой отвагой, и поражение на слабом участке вело к всеобщему поражению. Таким образом, как я уже говорил, подобный способ атаки часто бывал увенчан успехом. Но если этого не происходило, римляне не настаивали на нем, чтобы не создавать опасности для войска, ибо, растянувшись на большом пространстве, оно становилось уязвимым в случае вылазки защитников города; к тому же упомянутый способ утомлял солдат и приводил их ряды в расстройство; его можно было использовать только один раз и внезапно. Что же касается разрушения стен, то, как и теперь, поправить дело можно было, вновь укрепляя их. Для защиты от подкопа вели контрподкопы, через которые преграждали врагу путь оружием или с помощью других ухищрений, в том числе, например, наполняя бочки перьями и поджигая их; горящие бочки опускали в подземелье, и тогда дым и смрад мешали продвижению неприятеля. Деревянные башни осажденные также пытались уничтожить огнем. Для борьбы с земляными насыпями проделывали отверстия внизу стены, где к ней примыкал земляной вал, который насыпали сверху. Таким образом, уменьшая снизу количество прибавившейся сверху земли, останавливали рост насыпи. Все эти способы покорения городов рассчитаны на короткое время; по истечении его следует сниматься с лагеря или искать другие пути выиграть войну, как поступил Сципион, когда напал в Африке на Утику и не смог взять ее. Тогда он прервал стоянку и попытался разгромить карфагенское войско. Иногда можно также перейти к осаде, как было с Вейями, Капуей, Карфагеном, Иерусалимом и другими городами, которые римляне захватили, осадив их. Что касается приобретения городов с помощью обмана и насилия, то пример являет Палеполи, который римляне заняли по сговору с осажденными. Подобные предприятия часто затевались как римлянами, так и другими, но редко бывали удачными, потому что малейшие препятствия разрушают все планы, а препятствий в таких делах возникает более чем достаточно. Либо заговор бывает раскрыт еще до начала его осуществления, причем раскрыть его бывает нетрудно как из-за измены тех, кто по-

священ в него, так и из-за трудности исполнения, потому что заговорщикам необходимо сноситься с противником и с теми, с кем без благовидного предлога нельзя вступать в переговоры. Но если подготовку заговора и удастся сохранить в тайне, то в ходе выполнения намеченного возникает множество трудностей. Придешь ли ты на место до назначенного времени или придешь после, все дело может быть погублено; поднимается ли случайный шум, как тот, что произвели капитолийские гуси, будет ли замечено какое-то отступление от обычного порядка — малейшая оплошность, малейший промах ставят под угрозу все предприятие. Прибавим сюда ночную тьму, которая наводит страх на участников этого опасного дела. Бóльшая же часть людей, которая бывает втянута в подобные дела, чаще всего плохо знакома с местностью и со страной, куда они попадают, так что любая незначительная случайность приводит их в ужас, сбивает и путает; любой воображаемой опасности достаточно, чтобы обратить их в бегство. В таких коварных ночных похождениях никому так не везло, как Арату Сикионскому, который был в них столь же силен, сколь слаб и труслив в честном бою при свете дня. Это следует отнести за счет неких внутренних его способностей и вовсе не делать вывод, что тайным козням более способствует удача. Многие пытаются их строить, но редко кто прибегает к ним на деле, и уж совсем немногим сопутствует успех.

Если города сдаются сами по себе, они это делают по доброй воле или по принуждению. В первом случае к этому их подталкивает внешняя необходимость, заставляющая прибегнуть к твоему покровительству, как было при обращении Капуи к Риму, или желание воспользоваться плодами хорошего управления, по примеру тех, кто уже препоручил себя заботам данного государя, как поступили жители Родоса, Массилии и других городов, присягнувшие римскому народу. Что касается насильственной сдачи, то она бывает вызвана длительной осадой или непрерывным беспокойством, наносимым набегами, разорением владений и другими неприятностями, желая избежать которых город капитулирует. Из всех названных способов римляне как никто другой пользовались последним и на протяжении 450 лет изматыва-

ли своих соседей постоянными походами и сражениями, так что благодаря заключенным с ними соглашениям упрочили свой нерушимый авторитет, как мы уже говорили раньше. Этот образ действия был у римлян основным, хотя они не чурались других; однако другие способы оказывались бесполезными или опасными. Осады бывают слишком длительными и дорогостоящими, штурм рискован и имеет сомнительный исход, заговоры ненадежны. Римляне убедились, что, разгромив неприятельское войско в одном сражении, за один день они решали судьбу всего царства, а чтобы принудить к сдаче непокорный город, приходилось осаждать его долгие годы.

Глава XXXIII

О том, что римляне предоставляли своим полководцам свободу действий

Я полагаю, что при желании извлечь пользу из чтения Ливиевой «Истории» необходимо рассматривать всякий образ действий, взятый в обыкновение Сенатом и римским народом. При этом наряду с прочим следует выяснить, какой властью наделяли они своих консулов, диктаторов и других военачальников, ведь полномочия последних были чрезвычайно велики, а за Сенатом оставалось только объявление новых войн и заключение мира; все остальное сенаторы оставляли на усмотрение консула. Сенат и народ объявляли войну, скажем, латинам, а обо всем прочем должен был позаботиться консул, который мог назначить или отменить сражение, подступить к тому или иному городу, как ему представлялось необходимым. Примеров тому можно привести множество, особенно относящихся к одному из походов в Тоскану. Когда консул Фабий одержал победу над тосканцами близ Сутри и решил затем пройти со своим войском через Чиминский лес и войти в Тоскану, он не только не посоветовался с Сенатом, но даже не известил его о своем решении, хотя намеревался вести войну в чужой местности, где войско подстерегали сурпризы и опасности. То же самое подтверждается распоряжением, которое, в свою очередь, сделал Сенат: узнав об одержанной Фабием

победе и опасаясь, как бы тот не отправился через вышеупомянутые дебри в Тоскану, Сенат, предпочитавший прекратить войну и избежать связанной с ней угрозы, направил к Фабию двух легатов с требованием не вступать в Тоскану. Легаты, однако, прибыли уже тогда, когда Фабий не только сделал это, но и одержал новую победу, так что, не исполнив своей миротворческой роли, они вернулись с вестью о новом приобретении и о славном подвиге войска. Кто хорошо вникнет в поступки Сената, тот убедится в его благоразумии, ибо если бы Сенат захотел управлять действиями консула по ведению войны шаг за шагом, тот сделался бы более медлительным и перестал думать об осмотрительности, ибо славу одержанной победы ему пришлось бы теперь делить с Сенатом, велениями которого он должен был руководствоваться. Кроме того, Сенат в таком случае принимал на себя решения относительно вещей, мало ему ведомых, ведь хотя он состоял из людей, весьма искушенных в военном деле, но на расстоянии, не зная тысячи мелких подробностей, необходимых для принятия правильного решения, сенаторы могли бы очень повредить своими советами. Поэтому они оставляли все в руках консула и не покушались на часть его славы; забота о ней должна была сдерживать и направлять, по их замыслу, все его действия. Я тем более охотно распространяюсь об этом предмете, что, по моим наблюдениям, республики нынешнего времени, в частности Венецианская и Флорентийская, придерживаются другого мнения, и когда их командиры, уполномоченные или комиссары должны расставить пушки, правительство хочет во все вникать и руководить ими. Этот образ действий похвален в той же мере, что и прочие, которые в своей совокупности довели их до нынешнего состояния.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Глава I

Желая продлить жизнь религиозного учения или республики, необходимо чаще возвращать их к истокам

В высшей степени справедливо, что все вещи этого мира проходящи, но путь, предначертанный для всех небом, проходят целиком лишь те, что поддерживают свой телесный порядок, а не утрачивают его, и все происходящие в них изменения клонятся к их укреплению, а не повреждению. А поскольку я говорю о смешанных телах, к каковым принадлежат республики и религиозные школы, то на пользу им идут те перемены, которые возвращают их к началам. Следовательно, лучше устроены и долговечнее те, в которых заложена возможность обновления, вернее сказать, которые приступают к обновлению при всяком отклонении от присущего им устройства. Яснее ясного, что в противном случае им угрожает гибель.

Способ обновления заключается, как было сказано, в возврате к первоначальному состоянию. Всякое учение, всякая республика и всякое царство поначалу необходимо содержат в себе некое благо, с помощью которого они делают первые успехи и первые приобретения. Но поскольку с течением времени это благо подвергается порче, то если не вернуть его в прежние рамки, оно неизбежно погубит все тело. Как говорят о человеческих телах ученые-врачи, «*quod quotidie aggregatur aliquid, quod quandoque indiget curatione*»*. Если говорить о республиках, их возвращение к началу происходит под действием внешних обстоятельств или по их собственному благоразумию. В первом случае, как мы

* «что ежедневно вбирает в себя нечто, рано или поздно требует излечения» (лат.).

видели, Рим должен был сдаться французам, чтобы возродиться и при этом обрести новую жизнь и новую доблесть; римляне вернулись к соблюдению заветов благочестия и справедливости, которые утратили уже прежнюю чистоту. Это хорошо видно из «Истории» Ливия, где он показывает, что при наборе войска против французов и назначении трибунов с консульской властью не были выполнены никакие религиозные обряды. Точно так же римляне не только не наказали трех Фабиев, которые сразились против французов *contra jus gentium*, но и сделали их трибунами. Следует поэтому предположить, что и на другие полезные обычаи, введенные Ромулом и другими благоразумными государями, стали обращать меньше внимания, чем было необходимо для сохранения гражданской свободы. Тогда понадобился этот внешний толчок, чтобы все порядки в городе были восстановлены и народ убедился, что следует не только поддерживать благочестие и справедливость, но и уважать своих достойных сограждан и больше дорожить их добродетелью, чем вытекающими из нее некоторыми неудобствами для сограждан. Так все и вышло: как только Рим вернулся к прежнему состоянию, обычаи древней религии были восстановлены полностью, Фабии, сражавшиеся *contra jus gentium*, были наказаны, а добродетель и достоинства Камилла были оценены столь высоко, что Сенат и все остальные, отставив самолюбие, возложили на него бремя управления республикой. Таким образом, необходимо, как уже было сказано, чтобы подобные внешние или внутренние причины время от времени заставляли людей, живущих в некоторой упорядоченной совокупности, оглядываться на себя. Внутренний способ может заключаться или в законе, согласно которому будет пересматриваться положение всех людей, составляющих эту общность, либо в действиях достойного человека, выделяющегося среди них, который своим примером и своими доблестными поступками добьется сходного результата.

Итак, в республиках подобную службу могут сослужить доблесть одного из граждан или достоинства некоего упорядоченного обычая. Что касается последнего, то Римскую республику возвращали к ее истокам такие обычаи, как избрание народных три-

бунов, цензоров, и все законы, направленные на обуздание властолюбия и заносчивости людей. Но все эти порядки должны быть приведены в движение доблестью одного из граждан, который бесстрашно вступает за них вопреки противодействию их нарушителей. Среди таких событий, предшествовавших взятию Рима французами, самыми примечательными были смерть сыновей Брута, смерть децемвиров, гибель хлеботорговца Мелия; а после сдачи Рима — смерть Манлия Капитолина, смерть сына Манлия Торквата, казнь Папирием Курсором своего начальника конницы Фабия и обвинение Сципионов. Все эти происшествия, привлекая к себе внимание и устрашая, всякий раз заставляли людей одуматься, но когда они стали редкостью, испорченность нравов могла распространяться свободнее, принося с собой больше опасностей и тревожений. Казни, подобные вышеназванным, должны бы совершаться не реже чем раз в 10 лет, ибо по прошествии этого времени люди начинают извращать свои нравы и преступать законы, и если ничто не напомнит им о наказании и не заронит в их душу новый страх, наплодится столько преступников, что власти не смогут карать их с безопасностью для себя. По этому поводу люди, управлявшие Флоренцией с 1434 по 1494 год, говорили, что каждые пять лет необходимо обновлять государственную власть, иначе будет трудно удержать ее; обновлением власти они называли повторение того террора и того ужаса, который они навели на граждан, чохом расправляясь с теми, кто, по их понятиям, совершил проступок. Но память о таких расправах угасает, и люди снова начинают стремиться к переменам и злословить, поэтому бывает необходимо пригрозить им, повторив всю процедуру. Однако для возвращения республик к начальному состоянию бывает довольно и доблести одного человека, независимой от какого-либо закона, угрожающего суровым наказанием. Деяния этих людей служат таким высоким образцом, что достойные граждане стараются подражать им, а дурные стыдятся слишком отступать от них в своей жизни. В Риме такие добрые плоды принесла деятельность Горация Коклеса, Сцеволы, Фабриция, двух Дециев, Регула Аттилия и некоторых других граждан, необыкновенные и доблестные поступки которых для

Рима были почти так же важны, как и хорошие порядки и законы. И если бы такие достойные поступки чередовались с выше-названными казнями в Риме хотя бы каждые десять лет, город никогда не поддавался бы разложению, но поскольку и то и другое стало редкостью, испорченность нравов начала широко распространяться. После Марка Регула никто не мог служить примером для подражания, и хотя впоследствии в Риме появились двое Катонов, промежуток от Марка до них и от одного из них до другого был так велик и, кроме того, они оставались в таком одиночестве, что не смогли никого увлечь своими добрыми делами. В особенности это относится к последнему Катону, который застал город уже погрязшим в испорченности и не сумел повлиять своим поведением на сограждан в лучшую сторону. И на этом довольно о республиках.

Что же касается духовных школ, то здесь необходимость обновления видна на примере нашей религии, которая могла бы вовсе угаснуть, не возврати ее в исходное состояние св. Франциск и св. Доминик. С помощью обета бедности и подражания жизни Христовой они возродили в людях угасшее религиозное благочестие, и их новые порядки обладали такой силой, что сумели помешать крушению религии, несмотря на нечестие ее глав и прелатов. До сих пор живущие бедно монахи пользуются таким доверием у исповедующихся и слушающих их проповеди людей, что с успехом разъясняют им, как дурно говорить дурно о дурном и что следует подчиняться прелатам, а если те ошибаются, то пусть их наказывает Бог, так что попы предаются худшим из доступных для них занятий, ибо не боятся наказания, которое для них неведомо и сомнительно. Итак, упомянутое обновление позволило сохранить и доныне поддерживает эту религию. Так же и царства имеют потребность в обновлении и восстановлении первоначальных законов. Насколько полезно это обновление, показывает Французское королевство, которое более всякого другого управляется в соответствии с законами и государственными установлениями. Хранителями этих законов и установлений выступают парламенты, в особенности парижский; всякий раз, выносясь

приговор государю и осуждая короля, он обновляет тем самым законы. Этот порядок сохраняется до сих пор, ибо парламент строго карает выходки тамошней знати, если же он стал бы смотреть на них сквозь пальцы и их число умножилось, исправить дело было бы возможно, несомненно, только ценой великих беспорядков, в противном случае королевство распалось бы.

Отсюда следует, что всякий вид общежития, будь то религиозный культ, царство или республика, ни в чем так не нуждается, как в восстановлении своего первоначального авторитета, сохранении добрых порядков или достойных людей, которые бы могли об этом позаботиться, чтобы не пришлось ожидать воздействия сторонней силы. Ведь если она иной раз и придется как нельзя кстати, как это было в Риме, сопряженная с этим опасность не позволяет на нее рассчитывать. Итак, чтобы показать всем и каждому, насколько поступки отдельных граждан способствовали величию Рима и сколько добра они принесли городу, я перейду к обсуждению и рассказу об этих поступках, чем и закончится настоящая, третья, книга и последняя часть данной первой декады. Я опускаю рассмотрение деяний царей, хотя они были великими и примечательными, ибо в истории об этом говорится довольно пространно; упомяну только о некоторых из их поступков, относящихся к их собственным частным интересам; начнем же мы с Брута, отца римской свободы.

Глава II

Сколь мудро вовремя прикинуться безумным

Трудно сыскать лицо, чей поступок мог бы считаться столь же мудрым и благоразумным, как поведение Юния Брута, притворившегося скудоумным. И хотя Тит Ливий называет только одну причину, побудившую его к такому решению, а именно желание жить в безопасности и сохранить свое имущество, тем не менее, судя по образу его действий, можно предположить, что Брут притворствовал и для того, чтобы избавиться от подозрений и с большей легкостью выступить против царей и освободить свою родину, как только представится подходящий случай. Что он думал именно об этом, видно, во-первых, по его истолко-

ванию Аполлонова оракула, когда он, будто оступившись, поцеловал землю в надежде заручиться поддержкой богов для исполнения своих замыслов; а во-вторых, потому, что, стоя над мертвой Лукрецией вместе с ее отцом, мужем и другими родственниками, он первым вынул нож из раны и заставил присутствующих поклясться, что впредь они не допустят никого царить в Риме. Пример Брута поучителен для всех, кто недоволен своим государем; прежде всего они должны измерить и взвесить собственные силы, и если их достанет, чтобы в открытую выступить против этого государя и объявить ему войну, следует избрать именно этот путь как менее опасный и более достойный. Но если для открытой войны сил недостаточно, недовольным следует приложить все старания, чтобы подружиться с государем, и с этой целью использовать все подходящие для этого способы, угождая его прихотям и находя удовольствие в том, в чем находит удовольствие он. Благодаря такой близости и без всякого риска успехи государя будут твоими успехами, и у тебя будут все возможности для исполнения твоих замыслов. Правда, некоторые утверждают, что с государями не следует настолько сближаться, чтобы быть похороненными при их крушении, и не стоит так отдаляться, чтобы нельзя было использовать их крах для своего возвышения. Средний путь, конечно, был бы самым правильным, если бы можно было его придерживаться, но так как, по-моему, это невозможно, следует избрать один из вышеописанных путей, то есть отдаляться или сближаться с государем. В противном случае всякий сколько-нибудь приметный человек живет в постоянной опасности. Бесполезно говорить: «Я ко всему равнодушен, мне не нужны ни доходы, ни почести, желаю жить только спокойно и без хлопот», ибо эти отговорки выслушивают, но не принимают во внимание. Люди, обладающие выдающимися качествами, не могут оставаться в стороне, даже если бы искренне и оставив всякое честолюбие захотели этого, ибо им никто не поверит; если сами они хотят пребывать в бездействии, этого им не позволят другие. Поэтому следует изображать скудоумие, как поступал Брут; и многие только этим и занимаются, расточая хвалы, замечания, наблюдения и совершая поступки против своей воли, чтобы угодить государю.

Мы сказали о благоразумии Брута, употребленном им на возвращение вольности Риму, скажем теперь о суровости, выказанной им в поддержании свободы.

Глава III

О том, что для сохранения вновь обретенной свободы необходимо уничтожить сыновей Брута

Суровость Брута в поддержании обретенной им для Рима свободы была столь же полезной, сколь необходимой; это редчайший случай на памяти всех когда-либо живших: видеть, как отец заседает pro tribunali и не только приговаривает своих сыновей к смерти, но и присутствует при казни. В этом всегда убедятся читатели античной истории: после перемены государственного строя от республики к тирании или от тирании к республике возникает необходимость в запоминающейся расправе с врагами новой власти. Кто насаждает тиранию и не убивает Брута или кто провозглашает свободу и не убивает сыновей Брута, тот долго не продержится. Выше об этом уже подробно говорилось, поэтому я отсылаю читателей к вышесказанному; приведу только один примечательный пример, случившийся в наши дни и в нашей отчизне. Пьеро Содерини надеялся своим терпением и снисходительностью побороть стремление сыновей Брута вернуть другое правительство — и в этом обманулся. И хотя он был достаточно благоразумен, чтобы осознавать необходимость устранения их, а жребий и самолюбие выступавших против него давали для этого повод, Содерини никогда об этом не помышлял. Ведь мало того, что он верил в возможность с помощью терпения и добросердечия заставить замолчать злые языки, а с помощью наград привлечь на свою сторону кое-кого из врагов; он еще полагал (и неоднократно делился этим со своими друзьями), что для открытой расправы с оппозицией и разгрома своих противников ему потребуются взять чрезвычайную власть и нарушить законы гражданского равенства. И хотя он не стал бы пользоваться такими полномочиями для установления тирании, люди были бы так напуганы этим, что после его смерти никогда не согласились бы избрать

кого-либо пожизненным гонфалоньером, а этот пост он считал нужным всячески поддерживать и укреплять. Его сдержанность была мудрой и достойной, однако никогда не следует попустительствовать злу ради некоего блага, если названное благо может быть легко погублено этим злом. Содерини должен был предполагать, что его поступки и намерения будут оценены по результату, если судьба и жизнь помогут достичь его. И тогда всякий подтвердит, что он действовал ради спасения родины, а не для удовлетворения тщеславных помыслов; все можно было устроить таким образом, чтобы его преемник не мог употребить во зло то, что он употребил во благо. Но в нем пересилило его первичное заблуждение, ибо он не знал, что злые помыслы не утихают со временем и не довольствуются подарками. Так что, не сумев уподобиться Бруту, вместе с отечеством он утратил власть и доброе имя. Но царскую власть так же трудно спасти, как и свободный строй, что будет показано в следующей главе.

Глава IV

Государь не может пребывать спокойным в своих владениях, пока живы изгнанные им оттуда правители

Смерть Тарквиния Приска от рук сыновей Анка и смерть Сервия Туллия по вине Тарквиния Гордого доказывает, сколь несбыточно и опасно лишать кого-либо царства и оставлять его в живых, даже пытаясь привлечь к себе наградами. Видно, что Тарквиний Приск ошибался в своей уверенности, будто царская власть принадлежит ему по закону, ибо он получил ее от народа и был утвержден в ней Сенатом; он не подумал о том, что негодование сыновей Анка не позволяло им довольствоваться тем, чем довольствовался весь Рим. Заблуждение Сервия Туллия состояло в его надежде примириться с сыновьями Тарквиния, наделяя их все новыми почестями. Относительно первого можно предостеречь всех государей, что они никогда не могут чувствовать себя в безопасности у власти, пока живы те, кого они лишили ее. Во втором случае можно напомнить всем властителям, что новые благодеяния никогда не стирают прежних обид, тем более если оби-

да чувствительнее благодеяния. Со стороны Сервия Туллия было, без сомнения, неразумно полагать, что сыновья Тарквиния удовольствуются положением зятьев того, кого они видели своим подданным. Тяга к престолу столь велика, что заражает не только прямых наследников, но и сторонних лиц; так получилось с женой Тарквиния Младшего, дочерью Сервия, которая под действием этой неистовой страсти, вопреки долгу дочернего чувства, подговорила мужа отнять у отца и царство, и жизнь, настолько ей больше хотелось быть царицей, чем царской дочерью. И если Тарквиний Приск и Сервий Туллий утратили царскую власть из-за того, что не сумели обезопасить себя от свергнутых соперников, Тарквиний Гордый лишился ее из-за несоблюдения обычаев прежних царей, как будет показано в следующей главе.

Глава V

Отчего теряют власть цари, получившие ее по наследству

Когда Тарквиний Гордый погубил Сервия Туллия, у которого не оставалось наследников, он мог безмятежно располагать своей властью, не опасаясь тех неприятностей, которые так вредили его предшественникам. И хотя он завладел царством недозволенным и незаконным способом, но если бы Тарквиний придерживался древних обычаев прочих царей, его правление было бы терпимо, и Сенат вместе с плебсом не восстали бы, чтобы свергнуть его. Изгнан он был вовсе не потому, что его сын Секст обесчестил Лукрецию, но за извращение всех законов царства и тираническое правление, ибо Тарквиний отнял у Сената всю власть и завладел ею в одиночку. Дела, которые обсуждались публично, к удовлетворению римского Сената, он ограничил четырьмя стенами своего дворца, вызвав тем самым ненависть и порицание. Таким образом, за короткое время Рим лишился тех вольностей, которые сохранялись у него при правлении прочих царей. Мало того что он настроил против себя отцов-сенаторов, ему нужно было поссориться с плебсом, принуждая его к механическому

труду, совершенно чуждому тому, чем плебеи занимались при его предшественниках. Так, наполнив Рим образчиками своей надменности и жестокости, Тарквиний заронил во всех римлянах склонность к мятежу, как только для этого представится возможность. И если бы не произошел этот случай с Лукрецией, всякий другой подобный произвел бы такой же результат. Ведь если бы Тарквиний сохранил нравы других царей и его сын Секст совершил подобный проступок, Брут и Коллатин обратились бы за справедливостью к царю, а не к римскому народу.

Да будет известно государям, что власть начинает уходить у них из рук тогда, когда они усваивают привычку нарушать законы, а также древние нравы и обычаи, которыми люди руководствовались на протяжении долгого времени. И если бы государей, лишенных власти, вдруг озаряло такое благоразумие, что они понимали бы, сколь просто удержаться тем, кто ведет себя мудро, то горечь утраты была бы гораздо сильнее, и они сами осудили бы себя более сурово, чем другие. Ведь гораздо легче снискать любовь добрых, чем дурных, и подчиняться законам, чем навязывать людям свои прихоти. Желаящему узнать, как поступать в таких случаях, проще всего принять за образец жизнь достойных государей: Тимолеона Коринфского, Арата Сикионского и им подобных, в жизнеописании которых он обнаружит такую безопасность и довольство как управляющих, так и управляемых, что ему захочется подражать им, и это нетрудно будет сделать по упомянутым причинам. Ведь когда людьми хорошо управляют, они не ищут и не желают другой свободы; так было и с народами, подвластными двум названным государям, принужденным стать у власти своими согражданами, хотя сами они не раз пытались вернуться к частной жизни. И раз уж мы в этой и в двух предыдущих главах рассуждали о брожениях, направленных против государей, и о заговорах сыновей Брута против отечества, а также о заговорах против Тарквиния Приска и Сервия Туллия, то мне кажется уместным в следующей главе поговорить об этом подробнее, поскольку этот предмет заслуживает внимания как государей, так и частных лиц.

Глава VI

О заговорах

Мне показалось неправильным опустить рассуждения о заговорах, которые составляют такую великую опасность и для государей, и для частных лиц, ибо из-за них жизни и власти лишается гораздо больше правителей, чем вследствие открытых войн. Воевать с государем в открытую дано не многим, а затеять против него заговор доступно каждому. В то же время для частного лица нет более безрассудного и опасного предприятия, ибо тут на каждом шагу подстерегают трудности и риск. Поэтому из многих заговоров лишь редкие достигли желанной цели. Итак, чтобы научить государей избавляться от этой угрозы, а частных лиц — быть более осмотрительными и довольствоваться той властью, которую им уготовила судьба, я подробно обсужу этот вопрос, не обходя стороной ни один примечательный случай, освещающий положение той и другой стороны. Поистине золотое изречение Корнелия Тацита гласит: людям следует почитать прошедшее и мириться с настоящим, они должны желать себе достойных государей, но терпимо относиться к любым. Кто поступает иначе, тот воистину чаще всего несет погибель и себе, и своей родине.

Итак, углубляясь в этот предмет, мы должны прежде всего рассмотреть, против кого затеваются заговоры. Мы увидим, что они совершаются против отечества или против государя, о каких двух случаях я и собираюсь теперь вести беседу, ибо о тех, когда собираются сдать город осаждающему врагу, или о подобных им уже достаточно говорилось выше. В первой части мы будем обсуждать заговоры против государей и рассмотрим сначала их причины, каковых может быть множество, но одна из них важнейшая. Состоит она в возбуждении всеобщей ненависти — ведь государь, вызывающий всеобщую ненависть, по логике вещей, является мишенью некоторых частных лиц, наиболее им обиженных и желающих мести. Это желание подогревается в них всеобщим нерасположением, направленным против государя. Таким образом, государь должен избегать ненависти частных лиц, а о том, как это сделать, я не стану говорить здесь, обсудив этот воп-

рос в другом месте. Обезопасив себя в этом смысле, государь может меньше беспокоиться о нанесении отдельных мелких обид. Во-первых, потому что люди редко придают оскорблениям такое значение, чтоб подвергаться из-за них смертельной опасности; во-вторых, если у них и хватит на это духу и сил, всеобщее благорасположение к государю будет удерживать от этого.

Обиды наносят ущерб обычно имуществу, жизни или чести граждан. При кровной обиде бóльшую опасность представляет угроза, чем она сама; именно угрожающий подвергается величайшей опасности, а исполнившему угрозу бояться нечего: мертвые не думают о мести, а оставшиеся в живых чаще всего о тебе забывают. Но тот, кому угрожают и кого нужда заставляет выбирать между поступком и бездействием, становится чрезвычайно опасным для государя, о чем мы подробнее скажем в своем месте. Помимо угрозы жизни, две вещи более всего задевают людей: это утрата имущества и бесчестие, и от подобных обид государь должен воздерживаться, потому что даже у обобранного до нитки всегда найдется нож, чтобы отомстить, и нет такого бесчестия, чтобы у опозоренного не оставалось жажды возмездия. Среди наносимых людям оскорблений самым чувствительным является затрагивающее женщин, а за ним следует глумление над личностью. Оно вооружило Павсания против Филиппа Македонского, как и многих других против множества других государей; Люцио Беланти в наше время устроил заговор против тирана Сиены Пандольфо только потому, что тот дал ему в жены, а потом отнял у него свою дочь, о чем мы скажем в своем месте. Главной причиной заговора Пацци против Медичи было наследство Джованни Бонромеи, отнятое у первых по приказу вторых. Еще одна важнейшая причина, заставляющая людей устраивать заговоры против государей, — это желание освободить от них свою родину. Оно подняло Брута и Кассия против Цезаря, а многих других против Фаларида, Дионисия и других узурпаторов власти в отечестве. Ни один тиран не застрахован от таких выступлений, пока он не откажется от престола. Но поскольку тираны на это не способны, почти все они плохо кончают, откуда следую-

ший стих Ювенала: «Ad generum Cereris sine caede et vulnere pauci descendunt reges, et sicca morte tiranni»*.

Как я уже сказал выше, опасности, которым подвергаются заговорщики, велики во всякое время, ибо эти люди находятся под угрозой при устройстве заговора, при его исполнении и после исполнения. Заговорщиками могут быть один или несколько человек. В первом случае идет речь не о заговоре, но о твердом намерении одного из подданных убить государя. Такой человек из трех названных опасностей избавлен от одной, ибо пока он не приступит к делу, ему ничто не угрожает, потому что никто не посвящен в его тайну и известие о ней не может достигнуть слуха государя. Названное решение может зародиться в любом человеке, каков бы он ни был: велик, мал, благороден, незнатен, близок или далек от государя, ведь всякому дозволено иной раз удостоиться беседы с царствующей особой, а беседующий может исполнить свое намерение. Павсаний, о котором мы уже упоминали, убил Филиппа Македонского на пути к храму, когда тот был окружен тысячей воинов и по бокам его шли сын и зять. Правда, он был знатен и известен государю. Один испанец, нищий и отверженный, поранил ножом шею испанского короля Фердинанда; рана не была смертельной, но это доказывает, что покушавшийся имел смелость и возможность убить короля. Некий дервиш, турецкий священнослужитель, выхватил саблю перед отцом нынешнего султана Баязетом; он не нанес раны, но имел смелость и возможность осуществить это при желании. Вынашивающих подобные намерения, я полагаю, можно было бы сыскать немало, ибо хотение не сопряжено ни с опасностью, ни с наказанием, но приступают к этому лишь немногие, и из них редко кому удается избежать немедленной смерти, поэтому никому не хочется идти на верную гибель. Оставим, однако, эти одиночные умыслы и перейдем к коллективным заговорам.

Я скажу, что все известные из истории заговоры были устроены людьми значительными или приближенными к государю, ибо остальные, будучи в здравом уме, не могут об этом подумать, ведь

* «К зятю Цецеры немного нисходит царей
Без смертельных ран, как и тихо почивших тиранов» (лат.).

люди бессильные и далекие от него лишены тех надежд и тех удобств, которые обязательны для исполнения заговора. Прежде всего люди невлиятельные не найдут никого, кому они могли бы довериться, не имея возможности прельстить сограждан одной из тех надежд, что вовлекает людей в опасное предприятие. Таким образом, уже в числе двух-трех человек среди них заводится доносчик и губит все дело, но если им так повезет, что этого не случится, то при осуществлении заговора им придется столкнуться с такими трудностями, ввиду отсутствия доступа к государю, что их затея обречена на неуспех. Уж если влиятельные люди, имеющие такой доступ, сталкиваются с трудностями, которые будут описаны ниже, для простых людей эти трудности бесконечно возрастают. Поэтому люди, когда речь идет о жизни и об имуществе, не теряют рассудок целиком и если сознают свою слабость, то воздерживаются от покушений, а коли уж государь им надоел, довольствуются хулой на него в ожидании, пока более достойные отомстят за них. Но когда кто-то из таких людей все же отважился бы на что-нибудь, похвалить его можно было бы за намерение, но не за благоразумие. Потому-то заговорщики бывали всегда людьми влиятельными и приближенными к государю; многих из них побуждали к заговорам как чрезвычайные обиды, так и чрезмерные благодеяния, каковы были заговор Перенния против Коммода, Плавциана против Севера, Сеяна против Тиберия. Все они были возведены названными императорами на такую ступень богатства, почета и власти, что казалось, будто для совершенства им недостает только императорского престола, не желая упустить который они строили свои козни против государей. Все эти заговоры закончились так, как того заслуживали неблагодарные заговорщики. Впрочем, во времена не столь отдаленные удачно закончился подобный же заговор Якопо ди Аппиано против мессера Пьера Гамбакорти, правителя Пизы, и названный Якопо лишил власти своего кормильца, воспитателя и покровителя. В наше время Фердинанда Арагонского задумал свергнуть некий Коппола, который достиг такого величия, что ему, казалось, остается завладеть только троном, и, пожелав этого, он расстался с жизнью. По правде говоря, если какой-то заговор против государя, устроенный значительными людьми, и мо-

жет быть успешным, так это именно тот, который возглавляет, можно сказать, второй король, располагающий всеми возможностями для исполнения своего желания. Однако ослепляющая такого вельможу жажда власти помрачает его рассудок и в ходе самого предприятия, иначе, если бы такие люди умели сочетать свои преступные замыслы с благоразумием, им было бы трудно проиграть. Итак, государь, желающий предохранить себя от заговоров, больше должен опасаться чрезмерно облагодетельствованных им, нежели тех, кому он нанес тяжкие обиды. У последних мало средств, у первых их в избытке; желания же их равновелики, ибо жажда власти столь могуча и неодолима, что с ней не сравнится стремление отомстить. Таким образом, государи должны наделять своих друзей только такой властью, чтобы между ней и престолом оставались какие-то блага, которых можно пожелать; в противном случае удивительно, если с ними не случится того же, что и с вышеназванными правителями. Однако вернемся к нашим рассуждениям.

Скажем, что если заговорщиками бывают люди могущественные и имеющие доступ к государю, то следует рассмотреть, какие из их предприятий оказывались успешными, и выяснить причину, по которой они заканчивались удачей или провалом. Как я уже говорил, опасности здесь встречаются на трех стадиях: до заговора, при исполнении и после него. Поскольку пройти через все эти опасности почти невозможно, редко какой заговор оканчивается успехом. Начнем рассуждение с опасностей первой стадии, самой важной, ибо я скажу, что необходимо сохранять великое благоразумие и быть очень удачливым, чтобы заговор не был раскрыт еще при его подготовке. Заговоры оказываются раскрытыми вследствие доносов или случайного обнаружения. К доносам приводят неверность или неблагоразумие людей, которые с тобой связаны. Неверность встречается очень часто, ибо такое дело можно доверить только очень близким людям, готовым за тебя пойти на смерть, либо людям, недовольным государем. Доверенных лиц может быть один-два человека, но когда к заговору привлекают многих, это условие соблюсти невозможно; кроме того, необходимо, чтобы они питали к тебе расположение, пере-

вешивающее в них страх перед опасностью и наказанием. Люди часто обманываются в той любви, которую окружающие к ним питают; удостовериться же в ней можно только на опыте, а опыт в таких случаях бывает слишком опасным. Но если в других опасных обстоятельствах они доказали свою преданность тебе, той преданностью нельзя измерять эту, ибо заговоры далеко превосходят собой все остальные виды опасностей. Если ты станешь измерять надежность человека тем недовольством, которое он питает к государю, то тебе очень легко ошибиться, ибо как только ты посвятишь этого недовольного в свои намерения, ты дашь ему в руки средство стать довольным, и нужно, чтобы испытываемая им ненависть была очень велика или чтобы очень велико было уважение, испытываемое им к тебе.

Отсюда и получилось так, что много заговоров было открыто и подавлено в самом зародыше, а если многие люди сохраняли тайну в течение длительного времени, это считалось всегда прямо-таки чудом, например, во время заговора Пизона против Нерона, а в наше время — заговора Пацци против Лоренцо и Джулиано Медичи; об этих заговорах были осведомлены более 50 человек в каждом случае, но открыты они были только в момент осуществления.

Из-за неосторожности заговоры открываются тогда, когда один из участников неосмотрительно заводит речь на эту тему и его слышит кто-либо из слуг или другое постороннее лицо; так случилось с сыновьями Брута, которые договаривались с посланцами Тарквиния, и их услышал раб, который потом на них донес. К этому же приводит легкомыслие, с которым о заговоре сообщают женщине или возлюбленному юноше либо другой столь же несерьезной особе; так поступил Димм, участник заговора Филота против Александра Великого, — он рассказал о заговоре Никомеху, юноше, которого любил, тот передал новость своему брату Кибеллину, а Кибеллин — царю.

Из обнаруженных случайно можно привести в пример заговор Пизона против Нерона, участник которого Сцевин накануне того дня, когда он должен был убить Нерона, составил завещание, приказал своему вольноотпущеннику Милиху наточить свой

старый заржавевший кинжал, освободил всех своих рабов, дал им денег, а также велел заготовить повязки для ран; по этим признакам Милих догадался обо всем и обвинил Сцевина перед Нероном. Заговорщик был арестован, а вместе с ним Натал, его соучастник, с которым он, как было известно, долго беседовал наедине за день до того. Поскольку показания обоих арестованных о предмете их беседы не согласовывались, им пришлось признать правду, и таким образом заговор был раскрыт, на беду всех его участников.

Эти причины обнаружения заговоров нельзя устранить и уберечься от коварства, неосторожности и легкомыслия участников, когда число посвященных превышает три-четыре человека. А если арестованы хотя бы два человека, невозможно не открыть заговора, ибо двое не могут сойтись между собой во всех подробностях. Если же схвачен только один, и притом человек крепкий, у него может хватить душевных сил, чтобы не выдать заговорщиков, однако и тем потребуются немало мужества и выдержки, чтобы не выдать себя бегством, и если дрогнет заключенный или те, что на свободе, заговор будет раскрыт. Очень редким является пример, приводимый Титом Ливием в связи с заговором против Гиеронима, царя Сиракуз. Один из его участников, Феодор, был схвачен, но, проявив великую доблесть, скрыл имена своих соучастников и обвинил друзей царя. В свою очередь, заговорщики настолько были уверены в доблести Феодора, что никто из них не уехал из Сиракуз и не проявил никаких признаков страха. Итак, при устройстве заговора необходимо преодолеть все эти опасности еще до начала его осуществления; во избежание их можно применить следующие средства. Первое и самое надежное, вернее сказать единственное, состоит в том, чтобы не оставить соучастникам времени донести на тебя и известить их о деле в момент, когда ты к нему приступаешь, и не раньше. Поступающие так ограждают себя от опасностей, сопутствующих устройству заговора, а в большинстве случаев и от всех прочих; более того, все подобные заговоры увенчались успехом, и благоразумный человек должен бы предпочесть именно этот способ. Я удовольствуюсь лишь двумя примерами.

Нелемат, не в силах более выносить тиранию Аристотима, властителя Эпира, собрал у себя в доме многих родственников и друзей и призвал их освободить отечество. Некоторые из них попросили отсрочки для того, чтобы собраться с мыслями и приготовиться, но Нелемат приказал своим рабам запереть дом и ответил обращавшимся к нему: «Или вы поклянетесь немедленно выступить со мной, или я выдам вас всех Аристотиму». Под действием этих слов все присутствующие принесли клятву и, отправившись без промедления, успешно исполнили веление Нелемата.

Некий волхв обманом захватил Персидское царство, и когда Вортан, один из персидских вельмож, заподозрил и раскрыл обман, он сообщил об этом шести другим первым лицам государства, прибавив, что следует избавить царство от тирании волхва. Некоторые из присутствовавших попросили об отсрочке, тогда поднялся Дарий, один из шести приглашенных Вортаном, и сказал: «Или мы немедля приступаем к делу, или я пойду и донесу на вас всех». Все согласились на выступление и, не дав никому времени передумать, успешно исполнили свое намерение. Подобный же, как и в этих двух случаях, способ использовали этолийцы для расправы с Набидом, спартанским тираном. Они отправили к Набиду одного из своих сограждан, Алексамена, с тридцатью всадниками и двумястами пехотинцами под предлогом оказания помощи; об их истинных целях знал только Алексамен, другим же было приказано подчиняться ему во всем под угрозой изгнания. Алексамен прибыл в Спарту и сообщил о полученном им приказе только перед самым его исполнением, так что ему удалось победить Набида. Итак, названные лица избежали указанным способом тех опасностей, которые сопровождают подготовку заговоров, и этих опасностей сможет избежать всякий, кто станет подражать им.

То, что каждый может поступить, как они, я хочу подтвердить примером Пизона, упоминавшегося выше. Пизон был высокопоставленным и влиятельным человеком и приближенным Нерона, который очень ему доверял. Нерон часто приходил в сад Пизона пообедать с ним. Пизон, таким образом, мог подобрать себе

в друзья людей мужественных и отважных, пригодных для такого предприятия, что для вельможи его ранга было нетрудно, и когда Нерон придет к нему в сад, Пизон должен был сообщить им о своем намерении и воодушевить их подходящими речами, так, чтобы у них не оставалось времени на раздумье; в таком случае его план обязательно бы удался. И если обратиться к другим заговорам, мы обнаружим, что большинство из них можно было осуществить таким же способом, но люди, которые мало смыслят в простых житейских делах, часто допускают грубейшие ошибки, тем более серьезные, когда речь заходит о делах из ряда вон выходящих, к каковым относятся и заговоры. Итак, открываться нужно только в случае крайней необходимости и в момент самого исполнения; если же хочешь кому-то открыться, можно сказать о заговоре только одному человеку, которого ты очень хорошо знаешь и которым движут те же побуждения, что и тобой. Одного такого человека гораздо легче найти, чем нескольких, почему уменьшается и опасность. Если же ты ошибешься, остается возможность защититься, которая при участии в заговоре многих отсутствует. Я слышал от благоразумных людей, что одному человеку можно доверить все что угодно, ибо, если ты не оставишь собственноручных записей, «да» одного стоит столько же, сколько «нет» другого, а записей всякий должен остерегаться, как чумы, потому что ничто так не выдает тебя, как собственноручное признание. Плавциан, желая устроить покушение на императора Севера и его сына Антонина, раскрыл свой замысел трибуну Сатурнину, который не поддался на его уговоры и решил его выдать, но, опасаясь, что оправданиям Плавциана поверят больше, чем его обвинениям, попросил у заговорщика написать записку, удостоверяющую данное ему поручение. Плавциан, ослепленный честолюбием, написал такую записку, затем был выдан и изобличен трибуном; без этой же записки и некоторых других улик Плавциану удалось бы одержать верх, если бы он решительно все отрицал. Таким образом, от обвинений одного лица можно защититься, если тебя не выдают письмо или другие улики, чего следует всегда избегать.

В заговоре Пизона была замешана некая женщина по имени Эпихарида, в свое время бывшая возлюбленной Нерона. Полагая, что было бы полезно привлечь к заговору начальника трирем, которые были в охране Нерона, она рассказала ему о плане заговорщиков, но не назвала их самих. Этот человек нарушил обещание и выдал ее Нерону, но Эпихарида так храбро защищалась, что Нерон был сбит с толку и не сумел осудить ее. Итак, когда доверенным лицом является один человек, существуют две опасности: первая, что у него будут доказательства твоей измены, и вторая, что он выдаст тебя под угрозой наказания, если его схватят по подозрению или из-за какого-то неосторожного поступка. Но в обоих этих случаях есть средства защиты, потому что, во-первых, можно сослаться на ненависть, которую он к тебе питает, а во-вторых, на насилие, заставившее его солгать. Следовательно, благоразумнее всего никому ни о чем не говорить, а поступать, как в вышеописанных примерах. Если же довериться кому-либо, то не более чем одному человеку, потому что хотя и подвергаешься при этом некоторому риску, то все же в гораздо меньшей степени, чем когда о заговоре осведомлены многие. Похожее стечение обстоятельств бывает, когда нужда заставляет тебя поступить с государем так, как он собирается поступить с тобой, тем более если у тебя остается время только для того, чтобы принять меры предосторожности. Указанная необходимость почти всегда способствует достижению цели, что достаточно подтвердить двумя примерами.

Среди первых друзей и приближенных императора Коммода были начальники преторианцев Лет и Элект; Марция числилась среди первых его наложниц или подруг; и поскольку все эти люди иногда упрекали императора за поступки, позорящие его и его власть, он решил избавиться от них, и, записав на листке имена Марции, Лета и Электа, а также некоторых других, кого он хотел следующей ночью казнить, Коммод положил этот листок в изголовье своей постели. Когда он вышел умыться, мальчик, который был у него в фаворитах, играя в этой комнате на постели, нашел записку и, держа ее в руке, вышел из комнаты. Тут ему встретилась Марция, которая взяла записку, прочитала ее и, поняв со-

держание, сразу же призвала к себе Лета и Электа. Оценив угрожающую им опасность, все трое сговорились нанести первый удар и, не теряя времени, на следующую ночь убили Коммода.

Император Антонин Каракалла находился со своим войском в Месопотамии, и здесь у него был префект Макрин, человек скорее гражданский, нежели военный. Антонин, как часто бывает с дурными государями, которые боятся, как бы кто-нибудь не поступил с ними так, как они того заслуживают, написал в Рим своему приятелю Матерниану, чтобы тот узнал у астрологов, не собирается ли кто покуситься на его власть, и известил его. Матерниан написал, что таким человеком является Макрин, но письмо сначала попало в руки к Макрину, а не к императору, и префект понял, что он должен либо убить Антонина до того, как из Рима придет новое письмо, либо умереть. Макрин подговорил центуриона Марциала, которому он доверял и брат которого за несколько дней до того был казнен по приказу Антонина, убить императора, что тот успешно и исполнил. Отсюда видно, что неотложная необходимость приводит почти к такому же результату, как и образ действий, описанный выше, которым воспользовался Нелемат Эпирский. Отсюда также можно заключить и о том, что я сказал почти в начале данного рассуждения: угрозы опаснее для государей, чем оскорбления, и приводят к заговорам более успешным, поэтому государь должен воздерживаться от них. Человека нужно обласкать или обезопасить от него свою жизнь, но никогда не ставить его перед выбором: убить или умереть самому.

Что касается опасностей, встречающихся при осуществлении заговора, они возникают или при изменении обстоятельств, или из-за малодушия исполнителя, или из-за ошибки, допущенной исполнителем по неосмотрительности, или из-за не полностью выполненного плана, когда в живых остается часть из тех, кого нужно было устранить. По моему мнению, ничто не вносит такого разброда и замешательства во все людские дела, как необходимость в один миг, не теряя времени, изменить план действий и поступить противоположно тому, что было намечено заранее. И если такое изменение вносит беспорядок в любое предприятие,

тем более это касается военного дела и ему подобных, о чем мы сейчас толкуем, ибо самое главное в таких случаях — укрепить решимость людей в исполнении поставленной перед ними задачи, а если они на протяжении многих дней настраивали свое воображение в расчете на один план и образ действий и те неожиданно изменяются, то они обязательно придут в замешательство, и все дело будет погублено. Лучше уж действовать по установленному плану, зная, что это влечет за собой некоторые неудобства, чем, отменив его, идти на тысячу неудобств. Все это относится к случаю, когда нет времени на пересмотр плана; если же времени достаточно, можно поступать как угодно.

Заговор Пацци против Лоренцо и Джулиано Медичи хорошо известен. Было решено дать обед для кардинала Сан Джорджо и убить их во время этого обеда. Распределили роли: кто участвовал в покушении, кто должен был захватить дворец и кому надлежало пройти по городу, призывая народ к свободе. Случилось так, что когда семейства Пацци, Медичи и кардинал собрались для торжественного богослужения во Флорентийском соборе, было получено известие, что Джулиано утром не обедает во дворце, и заговорщики, собравшись вместе, решили совершить в церкви то, что было задумано сделать в доме у Медичи. Это решение спутало им все карты, потому что Джован Батиста да Монтесекко не захотел участвовать в убийстве, которое должно было произойти в церкви, и пришлось на все посты назначить новых людей, которые не имели времени подготовиться к решительным действиям и наделали столько ошибок, что вся затея пошла прахом.

Малодушие охватывает заговорщиков из-за уважения или трусости, испытываемых ими. Ощущения величия и почета, вызываемые присутствием государя, столь велики, что их бывает достаточно, чтобы напугать или умиротворить исполнителя покушения. Когда Марий был захвачен жителями Минтурна, они послали раба, чтобы убить его, но тот, устрешенный видом этого человека и его громким именем, не смог преодолеть робости и поднять на него руку. И если так действует вид человека пленного, связанного и согбенного под ударами судьбы, насколько же

сильней будет впечатление от государя свободного, выступающего во всем своем величии и роскоши и окруженного свитой! Такое великолепие может привести тебя в трепет, а благосклонный прием умилить. Против царя Фракии Ситалка был устроен заговор; в назначенный день заговорщики собрались в условном месте, где находился их государь, но никто из них не отважился что-либо предпринять. И они разошлись, ничего не сделав и не зная, что им помешало, так что им оставалось только осыпать друга друга упреками. Таковую нерешительность они проявили несколько раз; наконец заговор был раскрыт, и все они понесли наказание за преступление, которое могли совершить, но так и не совершили. Против герцога Феррарского Альфонса сговорились два его брата, которые привлекли на свою сторону Джанни, священника, состоявшего при герцоге певчим. Тот неоднократно по их просьбе сводил с ними герцога, который был полностью в их руках, тем не менее никто из братьев не решился посягнуть на него, и когда все открылось, они понесли наказание за свой дурной умысел и неблагоразумие. Причиной этой оплошности может быть только то, что присутствие государя пугает или покоряет его добросердечие. Помехой и камнем преткновения в таких делах служит неосторожность или малодушие, ибо и то и другое, охватывая тебя, приводит твой ум в замешательство и заставляет говорить и поступать не должным образом.

То, что люди поддаются этим чувствам, лучше всего показывает Тит Ливий, описывая этолийца Алексамена, который хотел убить спартанского царя Набида, о чем мы говорили выше. В назначенное время, когда он известил своих сообщников о том, что им надлежало делать, по словам Тита Ливия, «collegit et ipse animum, confusum tantae cogitatione rei»*. Невозможно, чтобы даже твердый духом человек, видевший немало смертей и привыкший держать в руке меч, не дрогнул в таких обстоятельствах. Поэтому следует избирать людей, испытанных в подобных переделках, и никому другому не доверяться, даже если его считают образцом мужества. За свою отвагу в великих предприятиях никто не должен ручаться, не проверив себя на деле. Волнение мо-

* «сам он также собрался с духом, подавленный обдумыванием столь великого замысла» (лат.).

жет выбить оружие у тебя из рук или исторгнуть из твоих уст столь же неуместные речи. Сестра Коммода Люцилла приказала Квинциану убить его. Тот дождался Коммода у входа в амфитеатр и, обнажив кинжал, приблизился к нему с криком: «Вот что шлет тебе Сенат!» Из-за этих слов он был схвачен прежде, чем успел нанести удар. Мессер Антонио да Вольтерра, назначенный, как было сказано выше, убить Лоренцо Медичи, подойдя к нему, сказал: «Ах, изменник!» Это восклицание спасло Лоренцо и погубило заговор.

По вышеназванным причинам даже заговор, направленный против одного правителя, может быть не доведен до конца, но гораздо чаще так бывает, когда нужно устранить двух правителей; трудности в этом случае столь велики, что успех почти невозможен. Одновременное покушение в двух местах почти неосуществимо, а устроить его в разное время нельзя, потому что одно отменяет другое. Так что если устраивать заговор против одного государя — дело опасное, неверное и неблагоприятное, то заговор против двоих — затея тщетная и пустая. Если бы не уважение, питаемое мной к историку, я никогда бы не поверил тому, что Геродиан сообщает о Плавциане, поручившем центуриону Сатурнину в одиночку убить Севера и Антонина, находившихся в разных странах. Это настолько противоречит всем доводам разума, что только упомянутый авторитет не позволяет мне отвергнуть этот рассказ.

Несколько афинских юношей задумали выступить против тиранов Афин Диокла и Гиппия. Они убили Диокла, но Гиппий, оставшийся в живых, отомстил за него. Жители Гераклеи Хион и Леонид, ученики Платона, устроили заговор против тиранов Клеарха и Сатира; убили Клеарха, Сатир же остался в живых и отомстил. Неоднократно упоминавшиеся нами Пацци сумели расправиться только с Джулиано. Таким образом, от подобных покушений на нескольких правителей всегда следует воздерживаться, ибо от них не бывает толку никому, ни заговорщикам, ни их отчизне; более того, остающиеся в живых делаются более жестокими и невыносимыми, чему свидетели названные мною Флоренция, Афины и Гераклея. Правда, заговор, предпринятый Пелопидом для освобождения своей родины — Фив, несмотря на

все трудности, закончился успешно, хотя Пелопид покушался даже не на двух тиранов, а сразу на десятерых и не только не имел к ним доступа и не был их приближенным, но был открытым мятежником. Тем не менее ему удалось прийти в Фивы, перебить тиранов и освободить отечество. Однако все это он исполнил с помощью некоего Карона, советника этих тиранов, который открыл ему доступ в желаемое место. И все же никто не должен подражать ему, ибо это было безнадежное предприятие, удавшееся чудом, как о нем и пишут все авторы, прославляющие его как событие редкое и неслыханное. Осуществление заговора может быть прервано воображаемой тревогой или непредвиденным происшествием, случившимся на месте. В то утро, когда Брут и его сообщники хотели убить Цезаря, последний долго разговаривал с Гнеем Попилием Ленатом, одним из заговорщиков. Зрелище этой длительной беседы навело их на мысль, что названный Попилий может открыть Цезарю их замыслы, так что они собрались уже напасть на Цезаря тут же, не ожидая его прибытия в Сенат. Так они и поступили бы, если бы беседа не закончилась, и поскольку Цезарь вел себя как обычно, заговорщики успокоились. Такие воображаемые препятствия следует принимать во внимание и судить о них благоразумно, тем более что возникают они с большой легкостью. Чья совесть нечиста, тому часто кажется, что разговор идет о нем. Можно услышать случайно брошенное слово, которое взбудоражит тебя и заставит поверить, что речь идет о твоём заговоре, и ты выдашь себя бегством или погубишь его, в неурочное время приступив к делу. Это может случиться тем скорее, чем больше сообщников посвящены в заговор.

Что до случайностей, наступающих неожиданно, можно проиллюстрировать их с помощью примеров, которые сами по себе могут служить предостережением. Люцио Беланти из Сиены, о котором мы упоминали выше, возненавидел Пандольфо, давшего ему в жены свою дочь, а затем отнявшего ее, и решил убить его, для чего избрал такой план. Пандольфо почти ежедневно навещал захворавшего родственника и по пути проходил мимо дома Джулио*. Последний поэтому замыслил держать своих пособни-

* В оригинальном тексте далее Люцио по ошибке назван Джулио. — Примеч. пер.

ков наготове в доме, чтобы напасть на Пандольфо, когда тот будет проходить мимо; все они с оружием в руках находились у входа, а один сидел у окна, чтобы дать знак, когда Пандольфо приблизится. Случилось так, что когда наблюдатель заметил Пандольфо и дал об этом знать, того остановил какой-то приятель, а люди из его свиты прошли вперед, где они слышали бряцание оружия и открыли засаду. Таким образом, Пандольфо уцелел, а Джулио и его сообщники должны были спасаться из Сиены бегством. Так случайная встреча помешала покушению и расстроила все предприятие Джулио. Подобные события случаются редко, и их невозможно предусмотреть заранее. Необходимо тем не менее предвидеть все, что может произойти, и обезопасить себя.

Нам остается теперь обсудить только те опасности, которые возникают после исполнения заговора; все они сводятся к одной — когда в живых остается мститель за убитого государя. Это могут быть его братья, его сыновья или другие близкие, которые претендуют на власть; они могут выступить на сцену по твоему недосмотру или по другим вышеназванным причинам и взять на себя отмщение. Так случилось с Джованни Андреа да Лампоньяно, который вместе с другими заговорщиками убил герцога Миланского, однако сын и два брата покойного сумели отомстить за него. В подобных случаях заговорщики заслуживают извинения, потому что они не могут ничего поделать, но если в живых остается кто-либо из-за их собственной оплошности и неосмотрительности, тогда им нет оправдания. Несколько жителей Форли убили своего правителя графа Джироламо и захватили его жену и малолетних сыновей. Поскольку они не чувствовали себя в безопасности, пока не овладеют крепостью, которую комендант не желал им сдать, мадонна Катерина, как звали графиню, обещала заговорщикам, что она убедит гарнизон сдаться, если ее пустят внутрь; в заложники же она предложила взять своих сыновей. На таких условиях ее отпустили, но когда графиня оказалась внутри, она поднялась на стену и стала всячески поносить заговорщиков за смерть мужа, угрожая им всеми возможными карами. А чтобы доказать, что судьба детей ее не трогает, она обнажила перед осаждающими свои детородные органы, говоря, что может народить еще многих. Так незадачливые заговорщики

поздно осознали свою ошибку и заплатили за неблагоразумие вечной ссылкой. Из всех опасностей, возникающих после покушения, самая грозная и самая неотвратимая подстерегает тогда, когда народ выступает на стороне покойного государя. Против такой напасти у заговорщиков нет никаких средств, ибо они никогда не смогут себя обезопасить. Например, Цезарь, который пользовался любовью римского народа, был отомщен им: все участники заговора были изгнаны из Рима и впоследствии в разное время и в разных местах погибли насильственной смертью.

Заговоры, направленные против отечества, не столь опасны для тех, кто их затевает, как заговоры против государей. При их подготовке риск гораздо меньше, при исполнении риск равноценный, а после осуществления заговора никакого риска нет. При подготовке опасностей немного, потому что всякий гражданин может претендовать на власть, никому не раскрывая своих истинных намерений и замыслов, и если никто не помешает его планам, он сможет их успешно осуществить, если же им помешает какой-либо закон, можно переждать и возобновить попытку другим путем. Здесь подразумевается республика уже отчасти испорченная, ибо в неиспорченной республике, избавленной от воздействия каких бы то ни было дурных начал, подобные мысли не приходят гражданам в голову. Есть много ведущих к власти путей и средств, используя которые граждане не подвергаются опасности наказания, как потому, что республики более медлительны, чем государи, не столь подозрительны и потому менее осторожны, так и потому, что в них с большим уважением относятся к выдающимся личностям, которые, в свою очередь, могут набраться большей отваги и решимости для похищения власти. Всякий читал о заговоре Катилины, описанном Саллюстием, и знает, что когда заговор был раскрыт, Катилина не только остался в Риме, но и явился в Сенат и наговорил грубостей сенатору и консулам; так велико было уважение, питаемое в Риме к его гражданам. И когда Катилина уже уехал из города и находился в своей войске, Лентул и прочие не были бы арестованы, если бы не были перехвачены их собственноручные письма, явно их обличавшие.

Выдающийся гражданин Карфагена Ганнон, стремясь установить тиранию, задумал во время свадьбы своей дочери отравить всех сенаторов и захватить власть.

Когда об этом стало известно, сенат всего-навсего издал закон, ограничивающий траты на свадьбы и пиры; столь велико было уважение к достоинствам Ганнона. Справедливо, что при исполнении заговора против отечества встречается больше трудностей и опасностей, поскольку твоих собственных сил навряд ли хватит для борьбы против стольких противников. Не каждому дано командовать целым войском, как Цезарю, Агафоклу, Клеомену и им подобным, которые одним ударом с помощью собственных сил захватили власть. Перед такими военачальниками открывается верная и почти безопасная дорога, но все остальные, кто не располагает такими союзниками, должны воспользоваться обманом и ловкостью либо чужеземной помощью. Что касается обмана и ухищрений, то когда афинянин Писистрат победил мегарцев и этим заслужил народное расположение, однажды утром он выбежал из дома раненый, говоря, что знать из зависти покушалась на него, и потребовал для себя вооруженную охрану. Получив желаемое, он с легкостью поднялся на такую высоту, что стал тираном Афин. Пандольфо Петруччи, возвратившись с прочими изгнанниками в Сиену, получил от правительства почетный караул, от которого другие отказались как от простой формальности. Однако со временем благодаря своей охране он вошел в такую силу, что вскоре стал правителем. Многие другие использовали иные приемы и способы, чтобы постепенно и с безопасностью для себя взойти на ту же ступень. Участь людей, с помощью своих собственных или чужих сил узурпировавших власть у себя на родине, была различна. Вышеупомянутый Катилина нашел при этом свою погибель. Ганнон, о котором мы тоже говорили выше, не добившись своей цели с помощью яда, вооружил многие тысячи своих сторонников, и все они погибли вместе с ним. Некоторые из первейших граждан Фив, чтобы сделаться тиранами, призвали себе на помощь спартанское войско и завладели властью в своем городе. Таким образом, обозревая все известные заговоры против отечества, трудно указать такой, или их

было очень немного, которые были бы подавлены во время их подготовки; судьба их решалась обычно при исполнении. По исполнении заговора остаются лишь те опасности, которые единоличная власть таит в себе всегда; став тираном, правитель подвергается естественным опасностям, которые влечет за собой тирания, и от них нет других средств, кроме тех, которые были описаны выше.

Вот что я счел нужным написать о заговорах, и если речь шла о тех, которые используют меч, а не яд, то это потому, что природа тех и других одинакова. Правда, полагаться на яд опаснее, потому что он менее надежен, ибо не столь доступен для всех; ведь здесь необходимо сговариваться с другими, и эта необходимость сговора заключает в себе риск. Кроме того, по разным причинам яд может не подействовать, как случилось во время покушения на Коммода: он изверг принятый яд наружу, и заговорщикам, чтоб покончить с ним, пришлось прибегнуть к удушению.

Для государей нет худшей беды, чем заговор, потому что он приносит им смерть или бесчестие. Если заговор удачен, правитель гибнет. Если крамолу удастся вовремя открыть и заговорщиков казнят, тут же разносится слух, что это сделано по навету самого государя, который дает выход своим жесткости и алчности, посягая на жизнь и имущество казненных. Не премину также предостеречь государя или республику, против которых составлен заговор, чтобы, получив сведения о нем, они проявили осторожность и постарались как следует все разузнать, правильно соразмеряя силы заговорщиков и свои собственные. И если заговор разветвленный и в нем участвует много влиятельных лиц, не следует обнаруживать свою осведомленность, пока не подготовишь достаточных сил для его подавления; в противном случае ты подвергаешь себя смертельному риску. Следует сделать вид, что все идет по-прежнему, иначе заговорщики, узнав, что все открыто, от отчаяния будут готовы на все. В пример можно привести римлян, которые, как мы уже говорили, оставили два легиона для охраны Капуи от самнитов, и начальники этих двух легионов сговорились подчинить себе капуанцев. Когда об этом стало известно в Риме, новому консулу Рутилию было поручено принять

меры, и он, чтобы усыпить бдительность заговорщиков, объявил, что Сенат продлил пребывание легионов в Капуе. Солдаты ничего не заподозрили и думали, что у них хватит времени для выполнения намеченного плана, поэтому они не стали торопиться. Так продолжалось, пока они не заметили, что консул пытается раздробить их силы, и это заронило в них сомнения; они стали больше таиться и попытались осуществить свой замысел. Этот пример как нельзя лучше показывает, насколько отличаются поступки людей в разных обстоятельствах: они очень медлительны, когда кажется, что времени в избытке, и стремительны под давлением необходимости. Для государя или республики, которые хотят оттянуть выступление заговорщиков для своего удобства, самое лучшее — это искусно показать им, что в ближайшем будущем представится такой повод, чтобы, ожидая его и не спеша, они дали возможность правителям расправиться с ними. Поступавшие по-другому только ускорили свое крушение; так было с герцогом Афинским и Гульельмо де Пацци. Установив свою тиранию во Флоренции, герцог узнал о готовящемся против него заговоре и, долго не раздумывая, схватил одного из его участников; это заставило остальных взяться за оружие и лишит его власти. Гульельмо был комиссаром в Вальдикьяне в 1501 году; узнав о том, что в Ареццо изменники готовятся отнять город у флорентийцев в пользу рода Вителли, он немедленно отправился туда и, не думая о том, каковы его силы и силы заговорщиков, по совету своего сына, епископа, велел схватить одного из них. После этого другие заговорщики тотчас же вооружились и отняли город у Флоренции, а Гульельмо из комиссара стал заключенным. Но когда заговоры не представляют особой угрозы, их можно и должно беспощадно подавлять. Не следует также никоим образом подражать двум нижеописанным поступкам, почти противоположным друг другу. Один из них совершил упомянутый герцог Афинский, когда, желая доказать, что он верит в благорасположение к нему флорентийских граждан, велел умертвить человека, раскрывшего готовящийся заговор. Второй принадлежит Диону Сиракузскому, который, чтобы испытать надежность одного из подозреваемых им подданных, позволил Каллиппу, ко-

торому он доверял, прикинуться заговорщиком. Оба этих правителя плохо кончили; первый устрасил доносителей и воодушевил заговорщиков, а второй открыл дорогу своим губителям и, можно сказать, сам стал зачинщиком заговора, потому что Каллипп, располагая возможностью без опаски строить козни против Диона, добился того, что лишил его и власти, и жизни.

Глава VII

Отчего переходы от свободы к рабству и от рабства к свободе то бывают бескровными, то сопровождаются кровопролитием

Кто-то может задаться вопросом: почему при смене вольности тиранией и наоборот иногда происходит кровопролитие, а иногда — нет, ибо из истории известно, что зачастую такие перемены влекли за собой гибель бесчисленного множества людей, но бывало и так, что обходилось вовсе без жертв, как, например, при переходе власти в Риме от царей к консулам; кроме изгнания Тарквиниев, никто не потерпел при этом никакого ущерба. Здесь все зависит от того, на чем держалась предшествующая власть; если она была основана на насилии, то тем самым многие были ею ущемлены, и при ее крушении у них неизбежно возникает желание отомстить, отчего и происходят кровопролитие и убийства. Но когда предыдущее правление было вызвано к жизни соглашением множества людей, укрепивших его, то при упадке этой партии кроме ее главы нет нужды наказывать других. К этому роду относятся перемены власти в Риме и изгнание Тарквиниев, а также во Флоренции — правление дома Медичи, при падении которого в 1494 году никто не понес урона, за исключением членов этого семейства. Таким образом, подобные перемены не очень опасны, но огромную угрозу таят в себе те, в которых участвуют люди, жаждущие мщения; последствия их всегда таковы, что даже читать о них страшно. Этими происшествиями полна история, поэтому я не стану говорить о них подробно.

Глава VIII

Желая изменить государственный строй, нужно принять во внимание готовность к этому подданных

Выше мы уже обсуждали вопрос о том, что дурной гражданин не может принести вреда неиспорченной республике; этот вывод, кроме приведенных там же доводов, подкрепляется примерами Спурия Кассия и Манлия Капитолина. Первый из них в своих честолюбивых замыслах желал завладеть чрезвычайной властью в Риме и многочисленными благодеяниями привлечь на свою сторону плебеев, в частности распределив между ними земли, отобранные римлянами у герников. Эти честолюбивые планы не укрылись от отцов-сенаторов и вызвали такое подозрение, что когда Спурий обратился к народу и предложил раздать ему деньги, вырученные за зерно, привезенное на общественный счет из Сицилии, ему было в этом отказано, ибо граждане посчитали, что Спурий хочет купить этим их свободу. Но если бы народ был испорчен, он не отказался бы от такой платы, открыв и расчистив перед претендентом путь к тирании, который на этот раз был для него отрезан. Еще более убедительный пример являет случай с Манлием Капитолином, ибо из него видно, как порочная жажда власти перечеркивает всю телесную и духовную доблесть, все добрые дела, совершенные на благо родины. Властолюбие же, очевидно, родилось в Манлии из зависти к почестям, оказанным Камиллу, и эта зависть так ослепила узурпатора, что, не приняв во внимание жизнеустройство города и умонастроение граждан, не готовых смириться с такой скверной формой, он попытался учинить в Риме беспорядки, направленные против Сената и отечественных законов. Тут и познается совершенство римского строя и доброкачественность его материи, ибо в случае с Манлием никто из нобилей не пришел ему на помощь, хотя они обычно очень рьяно защищали друг друга. Никто из его родичей ничего не предпринял, а ведь существовал обычай устраивать печальные процессии, одевшись в черное и осыпав себя прахом, чтобы вымолить милосердие к приговоренным; но с Манлием ничего этого не произошло. Народные трибуны, всегда поддерживавшие

те начинания, которые клонились на пользу популяров, и тем усерднее делавшие это, чем больший урон это наносило знати, в данном случае объединились с нобилями, чтобы предотвратить общую беду. Хотя римский народ, ревностно соблюдавший собственную выгоду и весьма приверженный ко всему, что было враждебно знати, был расположен к Манлию, тем не менее, когда трибуны публично обвинили его и вынесли дело на суд народа, последний, сделавшись из защитника судьей, без колебаний приговорил властолюбца к смерти. Не думаю, чтобы в истории Ливия можно было отыскать пример, более подходящий для доказательства правильности устройства Римской республики, чем вышеописанный. Ведь никто в Риме не выступил в защиту столь доблестного гражданина, который заслужил множество похвал и в общественных, и в частных делах. Любовь к отечеству пересилила в гражданах все прочие соображения, и они придали больше значения опасности, угрожающей ныне с его стороны, чем прошлым заслугам, а избежать опасности можно было, только казнив Манлия. Тит Ливий говорит по этому поводу: «*Hunc exitum habuit vir, nisi in libera civitate natus esset, memorabilis*»*. Тут нужно отметить две вещи: во-первых, что в развращенном городе к славе ведет иной образ действий, чем в том, который политически еще жизнеспособен; во-вторых (что сводится почти к тому же), люди в своих поступках, особенно в деяниях великих, должны сообразовываться с требованиями времени и приспособливаться к ним.

Тот, кто из-за неправильного выбора или по природной склонности идет не в ногу со временем, чаще всего бывает несчастлив, и дела его кончаются плачевным исходом. Противоположна участь тех, кто руководствуется велениями времени. Вышеприведенные слова историка, без сомнения, склоняют к выводу, что если бы Манлий родился во времена Мария и Суллы, когда материя уже разложилась и была податливой для восприятия формы, продиктованной его властолюбием, он бы достиг такого же результата и успеха, как Марий и Сулла, а также все прочие, кто стремился к тирании после них. Точно так же, если бы Сулла и Марий жили во времена Манлия, их поползновения были бы

* «Такой конец обрел муж, чье имя, родись он не в свободном государстве, было бы прославлено» (лат.).

пресечены при первых же шагах. Питая злой умысел, можно попытаться разными способами развратить народ какого-либо города, но жизни одного человека не хватит, чтобы довести его до такого разложения, когда можно было бы извлечь для себя из этого выгоду. Но если бы запас времени сам по себе позволял делать это, такая затея оставалась бы невозможной из-за людского образа действий, ибо нетерпение не позволяет долго медлить с утолением страсти. К тому же людям присуще обманываться, особенно когда они чего-то сильно желают, так что в заблуждении или самообмане они не сообразуют своих начинаний со временем и плохо кончают. Поэтому, чтобы захватить власть в республике и придать ей скверную форму, требуется заставить материю уже приведенной временем в расстройство, ибо из поколения в поколение внутренний разлад увеличивается. Это неизбежно, как говорилось выше, если не изменить положение вещей добрыми примерами или возвращением государства с помощью новых законов к его началам. Итак, Манлий смог бы проявить свои редкостные качества и стать знаменитым, родившись в развращенном городе. Из этого следует, что граждане республики, желающие с помощью переворота дать ей свободу или установить тиранию, должны принять в соображение предмет своих усилий и по его состоянию оценить трудности своего предприятия. Освободить народ, желающий жить в рабстве, столь же трудно и опасно, как и пытаться поработить народ, который хочет быть свободным. Выше мы уже сказали, что люди должны соразмерять свои поступки с характером времени и действовать согласно ему; пространнее мы поговорим об этом в следующей главе.

Глава IX

Кто хочет быть всегда удачливым, должен меняться сообразно времени

Я неоднократно замечал, что причина людских успехов и неудач заключается в соответствии образа действий с требованиями времени, ведь известно, что некоторым людям присуще действовать напористо, а другим осторожно и предусмотрительно. Поскольку в обоих случаях трудно удержаться в должных рам-

ках, и те и другие сбиваются с правильного пути и допускают просчеты. Но меньше ошибается и более удачлив тот, кто, как я уже сказал, своим образом действий не противоречит времени и поступает всегда согласно своим естественным побуждениям. Всякому известно, что Фабий Максим командовал своим войском осторожно и с оглядкой, ни в коей мере не используя присущие римлянам напор и отвагу, но удача способствовала ему потому, что этот образ действий соответствовал велению времени. Ведь когда молодой Ганнибал, баловень фортуны, вторгся в Италию и дважды разгромил римский народ, так что республика трепетала, почти лишившись хорошего войска, для нее не было большего везения, чем располагать полководцем, который сдерживал бы врага своей медлительностью и осторожностью. Также и Фабий не мог ожидать более благоприятного для его характера времени, отчего он и покрыл себя славой. А то, что он обязан этим своей природе, а не доброй воле, видно из того, что когда Сципион хотел переправиться с войском в Африку, чтобы завершить войну, Фабий этому сильно противился, ибо не мог отказаться от присущих ему свойств и привычек, и если бы он настоял на своем, Ганнибал остался бы в Италии, потому что Фабий не замечал, что времена изменились и нужно по-другому вести войну. И если бы он был римским царем, он легко мог бы проиграть эту войну, не умея подчинять свои поступки изменившимся обстоятельствам. Но поскольку он был рожден в республике, обладавшей разными гражданами и разными мнениями, то, используя качества Фабия, замечательно подходившие в свое время для того, чтобы продержаться, в дальнейшем она использовала качества Сципиона, чтобы выиграть войну.

Вот отчего республики бывают более жизнеспособными и им дольше сопутствует удача, чем государям. Республики лучше приспособляются к разнообразию обстоятельств благодаря различию качеств своих граждан, чего государю не дано. Человек, который привык поступать согласно своему нраву, как мы говорили, никогда не меняется, поэтому он неизбежно терпит крушение, когда наступают времена, для него неблагоприятные.

Уже упоминавшийся несколько раз Пьеро Содерини выказывал во всем терпимость и человеколюбие. Ему и его отчизне было обеспечено благоденствие, пока время соответствовало его образу действия, но когда наступил час порвать с покорностью и терпением, он не сумел этого сделать и потерпел поражение вместе со своим отечеством. Папа Юлий II на всем протяжении своего понтификата действовал яростно и напористо, и поскольку тому благоприятствовало время, все его начинания удались. Но если бы наступило время, требующее других решений, его ждал бы неминуемый крах, потому что он не стал бы менять свои обычаи и повадки. Мы вообще не можем меняться по двум причинам: во-первых, нам трудно противостоять тому, к чему нас склоняет природа; во-вторых, когда человек каким-то способом добился успеха, невозможно убедить его, что он может преуспеть, поступая по-другому; вот почему удача отворачивается от людей: фортуна зависит от обстоятельств, а люди упорствуют в своем поведении. Точно так же гибнет государство, ибо республики со временем не изменяют своих порядков, о чем мы подробно говорили выше; они слишком медлительны и запаздывают с нововведениями, для чего требуются основательные потрясения, ибо отдельные невзгоды не столкнут республику с проторенной дороги.

Раз уж мы упомянули Фабия Максима, который затягивал войну с Ганнибалом, мне кажется уместным обсудить в следующей главе вопрос, можно ли помешать полководцу, который во что бы то ни стало хочет дать противнику сражение.

Глава X

Полководец не может избежать сражения, если противник настаивает на нем

«Cneus Sulpitius dictator adversus Gallos bellum trahebat, nolens se fortunae committere adversus hostem, quem tempus deteriore in dies, et locus alienus, faceret»*. Когда речь идет об ошибке, в которую впадают все люди или значительная их часть, думаю, что не худо будет пори-

* «Диктатор Гней Сульпиций затягивал войну против галлов, не желая испытывать судьбу в схватке с врагом, силы которого все более истощались от промедления и пребывания в чужой стране» (лат.).

цать ее неоднократно. Поэтому, хотя я выше уже не раз показывал, насколько выдающиеся деяния нашего времени отличаются от античных, все же мне кажется нелишним повторить это вновь. Ведь если мы в чем и отступаем от древнего обычновения, так это в военном деле, не соблюдая ни одного из тех правил, которые были очень почитаемы древними. Причина указанного недостатка в том, что государи и республики переложили эту заботу на других и, не желая подвергаться опасности, пренебрегают военными занятиями. Если же иной раз кто-то из современных королей сам отправляется на войну, трудно ожидать, что он совершит что-либо, заслуживающее хвалы. Ведь если они и занимаются воинскими упражнениями, то делают это из тщеславия, а вовсе не из каких-либо похвальных побуждений. Впрочем, эти государи, устраивая иногда войску личные смотры и оставляя за собой звание главнокомандующего, поступают лучше, чем республики, особенно итальянские, которые ничего не смыслят в военных делах и доверяются другим, но в то же время хотят сохранить за собой видимость верховенства и командовать, допуская при этом множество ошибок. И хотя я уже обсуждал некоторые из них в другом месте, не умолчу об одном из наиболее важных заблуждений такого рода. Когда праздные государи и изнеженные республики наставляют своих полководцев, они мнят, что наиболее мудрая предосторожность состоит в том, чтобы любым способом избегать сражения и воздерживаться от каких бы то ни было столкновений с противником. При этом они воображают, что следуют благоразумию Фабия Максима, который спас Римское государство, воздерживаясь от битвы; они не понимают, что в большинстве случаев такое требование бесполезно или вредно. Исходить следует из такого положения: полководец, ведущий военную кампанию, не может избежать сражения, если противник упорно на нем настаивает. Вышеназванное требование всегда избегать сражения, по существу, гласит: «Вступай в битву с выгодой для противника и с невыгодой для себя». Находиться в поле и не вступать в бой можно только на удалении пятидесяти миль от противника; при этом нужно бдительно следить за ним, чтобы при первом его приближении успеть отойти. Другая возможность состоит в том, чтобы запереться

внутри городских стен. И то и другое решение сопряжены с большим ущербом. В первом случае страна становится добычей врага, и мужественный государь скорее предпочтет попытать счастья в битве, чем затягивать войну, разоряя своих подданных. Во втором случае проигрыш обеспечен, потому что, когда ты укрываешься с войском в городе, противник начинает осаду, и через какое-то время голод заставит тебя сдаться. Таким образом, эти два пути избегать сражения чрезвычайно вредны. Способ, употребленный Фабием Максимом, то есть выжидание в защищенной местности, хорош, когда твое войско настолько храброе, что противник не отважится встретиться с ним на выгодных для тебя условиях. Да и нельзя сказать, что Фабий избегал сражения, скорее, он хотел дать его при своем преимуществе. Если бы Ганнибал выступил ему навстречу, Фабий дождался бы его и вступил в бой, но Ганнибал ни разу не дерзнул сразиться с ним на Фабиевых условиях. В общем, битвы избегали как Ганнибал, так и Фабий, но если бы один из них хотел сражения любой ценой, то другой мог бы оттянуть его с помощью одного из трех способов — двух вышеназванных или бегства.

Справедливость моих слов видна на тысяче примеров, особенно в войне римлян с Филиппом Македонским, отцом Персея: атакованный римлянами, Филипп решил не давать сражения; для этого он поступил так, как поступал в Италии Фабий Максим, и расположился со своим войском на вершине горы, укрепив ее, ибо полагал, что римляне не отважатся штурмовать ее. Но те двинулись на приступ, чтобы разгромить его и прогнать с этой горы; Филипп, не в силах сопротивляться, бежал с большей частью своего войска. От полного разгрома его спасла только труднодоступность местности, из-за которой римляне не смогли его преследовать. Не желая сражаться и разбив свой лагерь недалеко от римлян, Филипп был вынужден бежать; убедившись на этом опыте, что, оставаясь в горах, ему не удастся избежать сражения, а укрыться в городе он не желал, Филипп решил поступить иначе и удалиться на много миль от римского лагеря. Таким образом, если римляне вступали в одну провинцию, он отступал в другую и постоянно приходил туда, откуда уходили римляне. Но в конце

концов, поскольку в этой затяжной войне его положение ухудшалось, а подданные страдали то от его, то от вражеского войска, он решил попытать счастья в битве и дал римлянам бой по всем правилам. Итак, полезно затягивать войну, когда твое войско располагает теми же преимуществами, что и войско Фабия, а также Гнея Сульпиция, то есть оно настолько сильно, что противник не отваживается напасть на твои укрепления, к тому же он не настолько глубоко проник в твои владения и испытывает недостаток припасов. В этом случае можно уклоняться от сражения по названной Титом Ливием причине: «*nolens se fortunae committere adversus hostem, quem tempus deteriore in dies, et locus alienus, faceret*». Во всех прочих обстоятельствах нельзя уклониться от сражения без риска и ущерба для своей чести. Спасаться бегством, подобно Филиппу, равносильно поражению, и оно тем более позорно, чем менее неоспоримой считается твоя доблесть. Если Филипп смог спастись, это не удастся его подражателям, для которых местность не будет защитой. Никто не станет оспаривать, что Ганнибал знал толк в военном деле, и если бы он, противостоя в Африке Сципиону, видел выгоду в затягивании войны, он так бы и поступал, тем более что ему, как хорошему полководцу, располагающему хорошим войском, было бы нетрудно это сделать, как Фабию в Италии; но поскольку этого не произошло, следует предположить, что на то у него была какая-то веская причина. Ибо когда государь собрал порядочное войско и видит, что нельзя поддерживать его боеспособность длительное время из-за недостатка средств или союзников, для него было бы совершенным безумием не попытать счастья до того, как его войско распадется; ведь ожидание его погубит наверняка, а попытка выступления может принести удачу.

Следует помнить еще и о другой вещи: даже проигрывая, можно покрыть себя славой, а из всех проигрышей самый славный — это когда ты уступаешь силе. Ганнибал, например, был вынужден подчиниться необходимости. В то же время, если бы он не стал ввязываться в бой и у него не хватило бы духу напасть на Сципиона, занимавшего более выгодную позицию, последнему

это было бы на руку, ибо он уже одолел Сифакса и занял столько городов в Африке, что мог оставаться там с таким же удобством и в такой же безопасности, как и в Италии. Не то было с Ганнибалом, когда он должен был сразиться с Фабием и с теми французами, которые противостояли Сульпицию.

Еще труднее избежать сражения тому, чье войско вторгается в чужую страну, ибо при этом ему приходится столкнуться с противником, который выступает ему навстречу. Если же нападающий берет в осаду какой-либо город, уклониться от битвы ему бывает еще труднее; в наше время это произошло с герцогом Карлом Бургундским, который разбил лагерь близ швейцарского города Мората, подвергся здесь нападению швейцарцев и был разбит. Такова же была судьба французского войска, осадившего Новару и потерпевшего поражение от тех же швейцарцев.

Глава XI

Кто имеет дело со множеством противников, даже превосходящих его силами, побеждает, если только выдержит их первый натиск

Велико было в Риме могущество народных трибунов, и, как мы неоднократно отмечали, это было необходимо, ибо иначе не удавалось бы положить предел притязаниям знати, вследствие которых разложение республики наступило бы гораздо раньше, чем это случилось на деле. Но поскольку во всякой вещи, как мы уже говорили, коренится некоторый внутренний изъян, порождающий все новые перемены, против него необходимо применять все новые меры. Вследствие этого, когда власть трибунов стала выходить за рамки и вызывать опасения не только у нобилей, но и у всех римлян, ее действия могли повести к беспорядкам, угрожающим римской свободе, если бы Аппий Клавдий не указал способ, позволяющий защититься от властолюбия трибунов. Он состоял в том, чтобы выбрать из них такого, которого можно запугать, подкупить или убедить доводами в пользу общего блага, и противопоставить его другим, если они захотят принять какое-либо решение вопреки воле Сената. Это средство позволяло значительно умерить влияние трибунов и на протяжении долгого

времени приносило Риму пользу. Все это наводит меня на мысль, что когда несколько властителей объединяются против одного, даже если своим могуществом они и превосходят его силу, тем не менее следует делать ставку скорее на этого одного, располагающего менее внушительными средствами, чем многие его противники, хотя бы они и производили устрашающее впечатление. Ибо, умалчивая обо всех сторонах, в которых один человек имеет преимущество над многими (а таких сторон не перечесть), всегда можно предвидеть следующий результат: этот один без особых ухищрений сможет расстроить союз своих противников и обратить их силу в бессилие. Не стану приводить на этот счет примеры из древности, хотя их очень много, но ограничусь только случаями, происшедшими в наше время.

В 1483 году вся Италия поднялась против венецианцев, и поскольку их дело было проиграно и они были уже не в состоянии выставить на поле боя собственное войско, они вступили в сговор с правителем Милана, синьором Лодовико, и заключили с ним соглашение, благодаря которому вернули себе не только утраченные владения, но еще и захватили часть Феррары. Так, проиграв войну, они выиграли при заключении мира. Несколько лет назад Франция противостояла всему миру, однако еще до окончания войны Испания поссорилась со своими союзниками и вступила в переговоры с французами. В конце концов все остальные противники были вынуждены последовать ее примеру. Таким образом, можно принять за непреложное правило, что когда несколько государей ведут войну против одного, последний всегда одержит верх, если только ему достанет сил выдержать первые удары и дождаться более благоприятного для себя времени. В противном случае опасность для него возрастает в тысячу раз, как можно судить по участи венецианцев в восьмом году. Если бы они смогли выдержать натиск французского войска и выиграть время, пока не привлекут на свою сторону кого-либо из членов враждебной лиги, им удалось бы избежать поражения, но поскольку у них не доставало военной силы, чтобы противостоять врагу, и не оставалось времени, чтобы расстроить противный лагерь, они потерпели крах. Ведь когда папа получил обратно свои

владения, он снова подружился с венецианцами. Так же поступил и испанский король, и каждый из этих двух государей охотно оставил бы за ними Ломбардию, дабы не отдавать ее Франции и не увеличивать ее могущество в Италии, если бы это зависело от них. Таким образом, венецианцы могли отказаться от части, чтобы спасти остальное, и если бы они в свое время, когда необходимость этого не была столь очевидна, позаботились о такой уступке, они поступили бы очень мудро, и для этого не следовало дожидаться начала войны, а когда война уже началась, такой поступок выглядел бы постыдным и от него было бы уже мало пользы. К сожалению, в Венеции до войны мало кто из граждан мог предвидеть эту опасность; почти всем было невдомек, как ее предотвратить, и никто не предлагал этого в открытую. Однако, возвращаясь к началу нашего рассуждения, я делаю вывод, что как римский Сенат отыскал средство к спасению отечества от притязаний трибунов в их расколе, так и всякий государь, подвергающийся нападению многих, сможет воспользоваться этим средством, если сумеет с помощью своего благоразумия расстроить их союз.

Глава XII

Разумный командир должен поставить своих солдат перед необходимостью сражаться, а солдат противника лишит такой необходимости

Мы уже обсуждали, сколь полезно для человеческих поступков воздействие необходимости и какой славы они достигают благодаря ей. Как писали некоторые нравственные философы, язык и руки человека, эти утонченнейшие орудия его благородства, не могли бы обрести совершенства и возвысить людские деяния на столь высокую ступень, если бы их не побуждала к этому необходимость. Хорошо сознавая эту силу необходимости, каковая заставляет солдат сражаться с ожесточением, старинные полководцы всемерно старались использовать ее для своего войска и в то же время избавить от нее солдат противника, зачастую открывая перед ними пути, которые могли бы быть отрезанны-

ми, а перед своими закрывая всякий свободный путь. Желая на-строить на упорное сопротивление защитников города или солдат на поле боя, следует прежде всего заронить в их сознание необходимость такого сопротивления. Поэтому мудрый полководец, собирающийся штурмовать город, должен судить о трудности этого предприятия по тому, насколько его обитатели будут вынуждены защищаться, и если необходимость обороны для них велика, то взять город будет тяжело; в противном случае это не составит особого труда. Отсюда вытекает, что гораздо труднее вернуть себе мятежный город, чем впервые завоевать его, ибо в последнем случае, когда у жителей нет оснований опасаться наказания за какую-либо провинность, они легко согласятся на сдачу. А так как, подняв мятеж, они чувствуют за собой вину и потому опасаются справедливой кары, то одолеть их сопротивление гораздо трудней. Подобное же упорство рождается из естественной враждебности, которую питают друг к другу соседствующие государи и соседствующие республики. К этому побуждают жажда власти и опасения за собственную территорию, особенно сильные у республик, как, например, в Тоскане; это соперничество и эта борьба очень затрудняют завоевание одного государства другим. Если присмотреться, какие соседи у Флоренции и какие у Венеции, то не покажется удивительным, вопреки распространенному мнению, что Флоренция потратилась на свои войны гораздо больше, но завоевала гораздо меньше, чем Венеция. Ведь среди соседей последней не было столь ожесточенно боровшихся с ней, как у Флоренции, ибо все граничащие с венецианцами государства не были привычны к вольной жизни и подчинялись единому государю, а людей, привычных к рабству, не очень заботит перемена государя; более того, они этого часто желают. Поэтому Венеция, окруженная более могущественными соседями, чем Флоренция, не встречая с их стороны упорного сопротивления, смогла их одолеть в отличие от Флоренции, окруженной свободными городами.

Итак, возвращаясь к нашему первому рассуждению, командующий войском, осаждающим крепость, должен приложить все старания, чтоб избавить ее защитников от необходимости сопротивления и таким образом ослабить их рвение. Если они опасаются

ются наказания, пообещать им прощение, а если боятся за свою свободу, объявить, что сражаешься не против общего блага, а против немногочисленных властолюбцев в этом городе; этот способ многократно применялся при взятии городов. И хотя ненадежность таких обещаний легко распознать, в особенности умудренным опытом людям, тем не менее они часто вводят в заблуждение народы, которые в своем стремлении к миру закрывают глаза на всевозможные уловки, каковыми часто оборачиваются щедрые обещания. Из-за этого многие города поплатились своей свободой, в частности совсем недавно Флоренция; то же самое приключилось с Крассом и его войском — этот полководец, прекрасно сознавая лживость парфянских обещаний, направленных на то, чтобы отнять у его солдат необходимость обороняться, не мог все же удержать в последних боевой дух, ибо, как явствует из жизнеописания Красса, их ввели в заблуждение мирные предложения противника. Замечу по этому же поводу, что когда самниты нарушили договорные условия и по настоянию некоторых своих сограждан, обуреваемых тщеславием, сделали набег и разорили поля римских союзников, они отправили после этого посольство в Рим с просьбой о мире и предложили возвратить награбленную добычу, а также выдать зачинщиков беспорядков и этого похода; но римляне отвергли их просьбу. Отчаявшись, послы вернулись в Самниум, и тут Клавдий Понций, в то время командующий самнитским войском, в своей примечательной речи объяснил, что римляне безоговорочно желают войны, и хотя для самнитов предпочтительнее мир, нужда заставляет их открыть военные действия. При этом он сказал: «*Justum est bellum quibus necessarium, et pia arma quibus nisi in armis spes est*»^{*}; эта необходимость была для самнитского полководца тем основанием, на котором он со своим войском строил надежду победить. Чтобы не возвращаться больше к этому предмету, я хотел бы еще привести наиболее примечательные примеры из римской истории. Войско, возглавляемое Гаем Манилием, сражалось с вейентами, и часть последних проникла за ограждения римского лагеря; тогда Манилий повернулся против них с частью своих сил и перекрыл

^{*} «Война справедлива для тех, кому необходима, и оружие священно, в котором заключена вся надежда» (лат.).

все выходы из лагеря, чтобы вейенты не могли спастись. Оказавшись в окружении, вейенты стали биться с таким остервенением, что в схватке погиб Манилий, а остальным его спутникам угрожал полный разгром, если бы один мудрый трибун не освободил для противника путь отступления. Отсюда явствует, что пока необходимость заставляла вейентов сражаться, они ожесточенно сопротивлялись, но когда перед ними открылся путь спасения, они стали думать скорее о бегстве, чем о сопротивлении.

Войска вольсков и эквов однажды вторглись в римские пределы. Навстречу им послали армию во главе с консулами. Завязалась битва, в ходе которой силы вольсков, возглавляемые Веттием Мессием, неожиданно оказались между римским войском и собственным лагерем, также захваченным римлянами. Тогда предводитель вольсков, видя, что им оставалось погибнуть или пробить себе дорогу мечом, обратился к своим солдатам со следующими словами: «*Ite mecum; non murus nec vallum, armati armatis obstant; virtute pares, quae ultimum ac maximum telum est, necessitate superiores estis*»*. Так что Тит Ливий называет необходимость «крайним и лучшим средством». Камилл, благоразумнейший из всех римских военачальников, уже ворвавшись со своим войском в город вейентов, чтобы облегчить штурм и избавить противника от последней необходимости сопротивления, приказал — так, чтобы это слышали и защищающиеся, — чтобы никто не трогал разоружившихся врагов; те побросали оружие, и город был взят почти без пролития крови. Этому поступку подражали потом многие полководцы.

Глава XIII

Следует ли более полагаться на хорошего полководца, управляющего слабым войском, или на сильное войско, возглавляемое негодным полководцем

Когда Кориолана изгнали из Рима, он отправился к вольскам и, собрав там войско для отмщения своим согражданам, пришел под стены Рима, но, недолго простояв там, снял осаду, скорее из

* «Идите со мной. Ведь не стена и не вал, а воины противостоят воинам. Доблестью равные им, вы превосходите их крайним и лучшим средством — безвыходностью положения» (лат.).

почтения к собственной матери, чем из опасения перед силами римлян. В этом месте Тит Ливий замечает, что подобные происшествия показывают, насколько более Римская республика обязана своим ростом доблести полководцев, чем умению солдат, ибо вольски до этого всегда терпели поражение и победили, только когда Кориолан стал ими командовать. Но хотя Ливий придерживается такого мнения, тем не менее из многих описаний его истории видно, что доблесть солдат, оставшихся без предводителя, творила чудеса, и после гибели консулов они зачастую сражались в большем порядке и более ожесточенно, чем при их жизни. Так было с войском, которое римляне послали в Испанию под командой двух Сципионов; когда оба командира погибли, это войско не только спаслось благодаря своей доблести, но и одержало победу и сохранило для республики эту провинцию. Так что, говоря обобщенно, есть много примеров, когда сражение было выиграно только благодаря доблести солдат, и много других, где такой же результат был достигнут исключительно с помощью полководческого таланта. Можно сказать, что одно помогает другому и дополняет другое.

Надо еще, правда, рассмотреть, чего следует более опасаться, хорошего войска с плохим командиром или хорошего командира во главе плохого войска. Если присоединиться к мнению Цезаря, и в том и в другом случае бояться нечего. Когда Цезарь отправлялся в Испанию воевать против Афрания и Петрея, которых он невысоко ценил, но у которых было отличное войско, он сказал, что «выступает к войску без предводителя», имея в виду бездарность его начальников. Напротив, когда он выступил в Фессалию против Помпея, то сказал: «Я отправляюсь сражаться с вождем без войска».

Можно еще поставить вопрос по-другому: что легче, хорошему полководцу собрать хорошее войско или хорошему войску найти хорошего полководца. На этот счет я скажу, что двух мнений быть не может, ибо гораздо легче множество опытных людей разыщет и научит одного, чтобы тот тоже сделался пригодным, чем один человек научит многих. Когда Лукулла послали на войну с Митридатом, он был вовсе не искушен в военном деле, тем не менее в хорошем войске, где было много отличных команди-

ров, он вскоре сделался прекрасным военачальником. Римляне из-за недостатка в людях вооружили множество рабов и отдали их на выучку Семпронию Гракху, который за короткое время сделал из них сильное войско. Когда Пелопид и Эпаминонд, как мы уже говорили, освободили свои родные Фивы из-под ига спартанцев, они сделали из фиванских крестьян за очень короткий срок прекрасных солдат, и те смогли не только противостоять спартанскому ополчению, но и победить его. Так что здесь стороны в равном положении, ибо один знающий человек может найти другого. Однако хорошее войско, лишившись хорошего командира, обычно становится разнузданным и опасным, как было с македонским войском после смерти Александра и с римскими ветеранами во время гражданских войн. И я, пожалуй, скорее положусь на умелого полководца, у которого будет достаточно времени, чтобы обучить людей и снабдить их хорошим вооружением, чем на взбунтовавшееся войско с избранным из его среды вождем. Во всяком случае, полководцы, которые не только победили врага, но и сумели еще до столкновения с ним обучить свое войско и сделать его сильным, заслуживают двойной похвалы и двойной славы. Ведь они выказывают двоякую доблесть, столь редкостную, что, если бы подобная задача ставилась перед многими военачальниками, они не достигли бы такой известности.

Глава XIV

Какое действие могут возыметь в пылу боя необычные новшества и неожиданные слухи

Сколь важную роль может сыграть в ходе сражений и стычек неожиданное происшествие, сопряженное с дотоле невиданными и неслыханными вещами, явствует из описаний многих событий, например того случая, который произошел при столкновении римлян с вольсками. Когда один из флангов римского войска дрогнул, Квинкций стал громко кричать, чтобы подбодрить его, ибо на другом фланге его войско брало верх; его слова воодушевили солдат и устрашили противника, так что ему удалось одержать победу. И если уж в хорошо устроенном войске такие уве-

щания имеют большую силу, то еще большим будет их воздействие на войско разнузданное и плохо упорядоченное, ибо его настроение переменчиво. Приведу пример, относящийся к нашему времени. Несколько лет назад Перуджа разделилась на две партии, поддерживавшие семейства Одди и Бальони. Последние были у власти, а их противники подверглись изгнанию, однако с помощью своих друзей они собрали войско и, выйдя из своего городка неподалеку от Перуджи, однажды ночью вошли в город, воспользовавшись поддержкой своих сторонников. Никем не замеченные, они продвигались к центральной площади, а так как все улицы города были перекрыты цепями, мешавшими проезду, впереди войска Одди шел человек с железной булавой, разбивавший замки и открывавший проход для лошадей. Когда в городе забили тревогу, оставалось разбить последнюю цепь перед площадью, но так как толпа сзади напирала, занимавшийся этим человек не мог как следует размахнуться, чтоб разбить цепь, и тогда он попросил: «Сдайте назад!» Из этого возгласа до последних донеслось только слово «назад», и они обратились в бегство, а остальные последовали за ними с такой поспешностью, что сами явились причиной своего поражения. Так столь незначительное происшествие погубило все планы семейства Одди.

По этому поводу следует заметить, что важны не столько боевые порядки войска сами по себе, сколько его умение не приходить в расстройство из-за всякого пустяка. Ведь народная толпа не годится для войны именно потому, что всякий шум, всякий слух и посторонний звук может изменить ее настроение и обратить в бегство. Поэтому хороший военачальник наряду с прочим должен назначить особых людей, которые бы принимали его команды и передавали их другим, и приказать солдатам, чтобы они слушали только этих лиц, остальным же командирам — чтобы они повторяли только его приказания. Если не соблюдать этих условий, то, как бывало неоднократно, можно за это жестоко поплатиться.

Что касается всяческих новшеств, каждый военачальник должен, пока есть возможность, постоянно стараться познакомиться с ними солдат, чтобы поднять боевой дух и запугать про-

тивника, ибо из всех средств, способствующих победе, это одно из сильнейших. Тут можно сослаться на римского диктатора Гая Сульпиция, который в битве с французами вооружил всех обозников и прочих прислужников в лагере, посадил их на ослов и мулов, так что они выглядели как настоящая конница, поставил их под хоругвями за холмом и приказал, чтобы они по его знаку выступили и появились перед врагом в тот момент, когда схватка будет наиболее жаркой. Все это было исполнено, и французы пришли в такой страх, что проиграли битву. Таким образом, хороший полководец должен подумать о двух вещах: во-первых, чтобы подобными военными хитростями утратить врага; во-вторых, приготовиться к тому, чтобы раскрыть подобные же уловки врага и сделать их бесполезными. Это удалось царю Индии в битве с Семирамидой, которая, зная, что у царя много слонов, решила напугать его и показать, что у нее их еще больше. Она сделала чучела слонов из коровьих и буйволиных шкур и водрузила их на верблюдов. Эти чучела появились на поле боя, но царь распознал обман, и замысел Семирамиды не только не пошел ей на пользу, но обратился во вред. Диктатор Мамерк сражался с фиденатами, которые, желая напугать римское войско, решили сделать в пылу битвы вылазку из Фиден с большим количеством солдат, несущих на своих копьях зажженные факелы, чтобы римляне, пораженные необычным зрелищем, расстроили свои ряды. По этому случаю следует отметить, что когда эти новшества основываются скорее на чем-то реальном, а не поддельном, тогда их можно выставлять напоказ, ибо сильная их сторона не позволит слишком скоро раскрыться слабой. Если же в этих уловках будет больше обмана, чем настоящего, лучше оставить их или по крайней мере показывать на расстоянии, так чтобы их непрочность сразу не обнаружилась, как поступил Гай Сульпиций с погонщиками мулов. Ведь уязвимость этих уловок на близком расстоянии тотчас же раскрывается и приносит тебе вместо пользы ущерб, как мнимые слоны Семирамиде и огни фиденатам; ибо в последнем случае, хотя эти факелы немного поколебали войско, все же, когда выступил

диктатор и закричал солдатам, чтобы они стыдились прятаться от дыма, словно пчелы, и призвал их напасть на фиденатов со словами: «Suis flammis delete Fidenas, quas vestris beneficiis placare non potuistis»*, — эта выходка оказалась бесполезной, и фиденаты проиграли битву.

Глава XV

О том, что войском должен командовать один человек, а не несколько, и о пагубности многоначалия

Когда взбунтовались фиденаты и истребили римскую колонию, основанную в Фидене, римляне для исправления этого зла назначили четырех трибунов с консульской властью; один из них остался на страже Рима, а три выступили против фиденатов и вейентов. Поскольку трибуны разъединились и рассорились между собой, они покрыли себя бесчестьем, но не причинили ущерба; виной этому бесчестью были они сами, а от ущерба их предохранила доблесть солдат. Для устранения этого недостатка римляне избрали диктатора, чтобы он единолично привел в порядок то, что расстроили те трое. Из этого случая явствует ничемность многоначалия в войске или в обороняющемся городе, и Тит Ливий как нельзя более ясно высказывает это в следующих словах: «Tres Tribuni potestate consulari documento fuere, quam plurimum imperium bello inutile esset; tendendo ad sua quisque consilia, cum alii aliud videretur, aperuerunt ad occasionem locum hosti»**.

Хотя этого примера было бы достаточно для доказательства ущерба, приносимого на войне избытком командиров, я хочу привести два других, современный и старинный, чтобы лучше проиллюстрировать это положение.

В 1500 году, после того как французский король Людовик XII возвратил себе Милан, он послал войско под Пизу, дабы вернуть ее флорентийцам, которые назначили своими комиссарами Джованбаттисту Ридольфи и Луку ди Антонио дельи Альбицци. Джо-

* «Уничтожьте Фидены их же огнем, коли вы не смогли замирить их благодеяниями» (лат.).

** «Трое трибунов с консульской властью... показали, сколь вредно на войне многовластие. Отстаивая каждый собственное решение (всякий предпочитает свое), они предоставили хорошие возможности противникам» (лат.).

ванбаттиста был человеком уважаемым и более пожилым, поэтому Лука оставлял во всем первое слово за ним, но, не изъясняя своего самолюбия в открытом противодействии, он руководствовался им, устранившись от дел и пренебрегая своими обязанностями, так что не принимал участия в военных операциях ни поступком, ни советом, как будто его мнение ничего не значило. Но когда Джованбаттиста в силу некоторых обстоятельств был вынужден возвратиться во Флоренцию, все переменилось, и, оставшись в одиночестве, Лука показал, сколь выдающимся духом, опытом и разумением он обладал. Но пока он имел сотоварища, все эти качества пропадали втуне. В подкрепление к этому я хочу снова привести слова Тита Ливия; рассказывая, как римляне послали против эквов Квинкция и его коллегу Агриппу и как Агриппа пожелал оставить все руководство войной за Квинкцием, он говорит: «*Saluberrimum in administratione magnarum rerum est, summam imperii apud unum esse*»*. Эта мысль противоречит поступкам сегодняшних республик и государей, которые ради наилучшего управления назначают своими наместниками нескольких комиссаров и нескольких начальников, отчего происходят неисчислимы беспорядки. И если искать причины неудач итальянских и французских войск за последнее время, то главной причиной как раз окажется эта. И в заключение можно сказать, что лучше снаряжать в поход одного командира среднего достоинства, чем двух выдающихся военачальников с одинаковыми полномочиями.

Глава XVI

**Истинная доблесть познается в трудные времена;
мирное время благоволит более людям богатым
и знатным, чем доблестным**

Всегда так было и будет, что людьми выдающимися и редкими в спокойные времена республики пренебрегают, ибо уважение, доставляемое этим людям их доблестью, вызывает у многих граждан зависть к ним и желание не только сравняться, но и встать выше таких личностей. Об этом хорошо сказано в одном месте у

* «Наилучший способ ведения великих дел — это поручить всю полноту власти одному лицу» (лат.).

греческого историка Фукидида, который рассказывает, что когда Афинская республика одержала верх в Пелопоннесской войне, обуздав гордыню спартанцев и почти подчинив себе всю Грецию, ее влияние настолько выросло, что она вознамерилась захватить Сицилию. Этот план обсуждался в Афинах. Алкивиад и некоторые другие граждане советовали предпринять этот поход, как люди, думающие не столько об общественном благе, сколько о собственных почестях, ибо они собирались стать во главе войска. Но Никий, один из самых уважаемых людей в Афинах, отговаривал от этого, причем главный довод, приводимый им в речах, которыми он пытался убедить народ, состоял в том, что в его собственных интересах было бы призывать к войне, ибо в мирное время многие афиняне сумели бы перейти ему дорогу, но во время войны, как был убежден Никий, никто не мог бы сравниться с ним или превзойти его.

Таким образом, становится очевидным, что у республик есть следующий недостаток: они не дорожат мужественными людьми в спокойные времена. Это вызывает у последних негодование двоякого рода: во-первых, их обходят должностями; во-вторых, в товарищи и в начальники им назначают людей менее способных и менее достойных, чем они. Такое неустройство вызывает в республиках многие несчастья, ибо те граждане, которые ощущают себя незаслуженно забытыми, зная, что причиной тому спокойное и безопасное время, стараются изменить его течение, затевая войны на горе своей республике. Размышляя о том, как избежать этого, я нахожу два средства: первое — удерживать граждан в бедности, чтобы неумеренное богатство не давало им возможности развратиться самим и развращать других; второе — так поставить военное дело, чтобы всегда быть в боевой готовности и иметь потребность в выдающихся гражданах, как было у римлян в первый период их истории. Римское войско находилось беспрестанно в походах, и у граждан всегда была возможность проявить свою доблесть. Лишить заслуженного звания достойного человека и дать его недостойному было невозможно, а если так иногда получалось по ошибке или ради испытания, возникавшие от этого опасности и беспорядки вскоре заставляли вернуться на правиль-

ный путь. Но другие республики, в отличие от Римской не имеющие такого хорошего устройства и вступающие в войну только под давлением необходимости, не могут уберечь себя от этой оплошности и всегда будут ей подвержены. Им будут постоянно угрожать беспорядки, если уважаемый гражданин, попав в немилость, окажется злопамятным и захочет воспользоваться влиянием на своих приверженцев в городе. Риму одно время удавалось справляться с этой опасностью, но и тут, когда была одержана победа над Карфагеном и Антиохом (как уже говорилось в другом месте) и угроза войны уменьшилась, войско стали доверять кому угодно, принимая во внимание не столько доблесть вождя, сколько другие качества, помогавшие ему приобрести расположение народа. Так, Павлу Эмилию было несколько раз отказано в консульской должности, и он сумел добиться ее только тогда, когда началась Македонская война; ввиду опасности весь город единогласно избрал его консулом.

Наша Флоренция после 1494 года вела немало войн, но никто из флорентийских граждан не проявил себя в них с хорошей стороны; наконец в городе нашелся человек, который показал, как нужно командовать войском; это был Антонио Джакомини. Пока участие в войнах было рискованным, никто из прочих граждан не заикался о своих честолюбивых устремлениях, и при избрании комиссара и командующего войском у Джакомини не было соперников. Но когда началась война, исход которой не вызывал сомнений и которая сулила много почестей и званий, объявилось столько претендентов, что при избрании трех комиссаров для осады Пизы его вовсе обошли вниманием. И хотя никаких очевидных признаков ущерба, понесенного государством из-за отсутствия там Антонио, не наблюдалось, нетрудно себе представить, что при нем пизанцы оказались бы в настолько стесненных обстоятельствах, что, не в состоянии более обороняться и даже жить, они сдались бы на милость флорентийцев. Но поскольку осадой руководили вожди, не умевшие принудить их к этому, пизанцам удалось продержаться до тех пор, пока Флоренция не уплатила за сдачу города, который могла завоевать силой. Надо полагать, что все это могло вызвать негодование Антонио, кото-

рый только в силу своего добронравия и долготерпения не пожелал отомстить, погубив при этом город или расправившись кое с кем из граждан. Всякая республика должна избегать этого, о чем идет речь в следующей главе.

Глава XVII

О том, что не следует наносить человеку обиду и потом поручать ему важные дела и должности

Каждая республика должна остерегаться давать важные поручения человеку, который претерпел от других тяжкие обиды. Клавдий Нерон, который покинул войско, противостоявшее Ганнибалу, и с частью его отправился в Марку, чтобы вместе с другим консулом сразиться против Гасдрубала, до того как он соединится с Ганнибалом, перед тем находился в Испании, где воевал также с Гасдрубалом; войско этого последнего ему удалось окружить в таком месте, что Гасдрубал должен был принять бой с невыгодой для себя или погибнуть от голода. Однако Гасдрубал под видом переговоров притупил внимание Клавдия и ускользнул от него, лишив надежды на победу. Когда об этом узнали в Риме, в Сенате и в народе поднялся ропот против этого полководца, и во всем городе говорили о нем с поношением, к немалому позору и ущербу для чести Клавдия. Когда же его сделали консулом и отправили против Ганнибала, он решился на вышеописанный отчаянный поступок, так что римляне пребывали в волнении и беспокойстве, пока не прибыли известия о разгроме Гасдрубала. И когда потом Клавдия спросили, почему он решился на столь рискованный шаг, которым без особой необходимости ставил на карту римскую свободу, тот ответил, что если бы его маневр удался, он вернул бы себе славу, утраченную в Испании, а если бы поход был неудачен и все предприятие закончилось противоположным образом, он тем самым отомстил бы городу и гражданам, которые проявили к нему такое пренебрежение и такую неблагодарность. И если чувство обиды было столь велико у римского гражданина, да еще во времена неиспорченных нравов в Риме, насколько же сильнее оно может подейство-

вать на гражданина другого города, мало похожего на Рим в дни его славы. А так как против подобных оплошностей, возникающих в республике, нельзя сыскать верного средства, из этого следует невозможность основать вечную республику, ибо существуют тысячи неизведанных путей, ведущих к ее гибели.

Глава XVIII

Ничто так не возвышает полководца, как умение предугадать намерения врага

Фиванец Эпаминонд говорил, что нет ничего нужнее и полезнее для военачальника, чем знать решения и планы врага. Но поскольку узнать их трудно, еще большей хвалы заслуживает тот, кто умеет предугадать их. И не столь трудно понять намерения противника, сколь иногда бывает сложно понять его поступки, причем не те поступки, которые он совершает в отдалении, а те, что предстают перед твоими глазами. Много раз бывало так, что после сражения, продлившегося до наступления ночи, победивший считает себя побежденным, а потерпевший поражение — победителем. Подобная ошибка часто приводила к опрометчивым решениям действующих лиц, как случилось с Брутом и Кассием, проигравшими из-за этого войну. Брут на своем фланге одержал победу, но Кассий, проигравший битву, думал, что все войско разгромлено и, вследствие этого заблуждения не веря в спасение, покончил с собой. В наше время в сражении, состоявшемся в Ломбардии при Санта Чечилия между французским королем Франциском и швейцарцами, часть последних, сохранивших свои боевые порядки, посчитала, когда стемнело, что победа осталась за ними, не зная о том, что все прочие были разгромлены и погибли. Эта ошибка помешала их собственному спасению, ибо они стали дожидаться утра, чтобы снова вступить в бой с превосходящими силами противника. Из-за этого осталось в неведении и было на краю гибели также войско папы и Испании, которое при ложном известии о победе перешло через По и слишком выдвинулось вперед, отдавая себя во власть победивших французов.

Такая же путаница произошла в лагерях римлян и эквов. Консул Семпроний выступил со своим войском навстречу врагу, и

тогда завязалась битва. Она продолжалась до самого вечера с переменным успехом для тех и других. К наступлению ночи оба войска были очень потрепаны, и ни одно из них не вернулось на место своей стоянки; каждое искало укрытия в окрестных холмах, которые казались более безопасными. Римское войско разделилось на две части, одна из которых осталась с консулом, а вторая — с центурионом Темпанием, благодаря доблести которого римское войско в тот день не потерпело полного краха. Наутро римский консул, не имея никаких известий о противнике, отступил к Риму, и точно так же поступило войско эквов, ибо и те и другие считали, что победа осталась за противником, поэтому обе армии отступили, оставив свои позиции врагу. Случилось так, что Темпаний, возвращавшийся с остатками римского войска, случайно услышал от нескольких раненых эквов, что их вожди ушли и покинули свой лагерь. При этом известии Темпаний вернулся на римские позиции и защитил их, а затем разграбил лагерь эквов и с победой отправился в Рим. Как мы видим, этот успех зависел только от того, кто первым узнает о расстройстве, царящем в стане противника. При этом следует заметить, что двум армиям, противостоящим друг другу, нередко случается приходить в одинаковое замешательство и испытывать одни и те же трудности, так что победу одерживает тот, кто первым узнает о затруднениях другого.

Я хочу привести на этот счет современный и близкий нам пример. В 1498 году, когда флорентийцы держали большое войско близ Пизы и сжимали в кольце осады этот город, находившийся под защитой венецианцев, те, не находя другого способа спасти Пизу, решили отклонить от нее военные действия, напав своим отрядом на флорентийские владения. Собрав немалое войско, они прошли через Вальдиламону и заняли городок Марради, осадив замок Кастильоне, находившийся на вершине холма. Узнав об этом, флорентийцы вознамерились оказать помощь Марради, но при этом не ослаблять своего лагеря под Пизой. Они набрали новую пехоту, снарядили дополнительную конницу и отправили их в указанном направлении; во главе этого войска стояли Якопо IV д'Аппиано, синьор Пьомбино, и граф Ринуччо да Марчано. Когда флорентийский отряд подошел к холму над Марради, враги сняли осаду Кастильоне и укрылись в городке. Оба войска простояли друг перед другом несколько дней, испытывая недостаток

провианта и всего необходимого, но так как никто не решался напасть первым и никто из них не знал о лишениях, испытываемых другим, однажды вечером и те и другие командиры решили на следующее утро сняться с лагеря и отступить: венецианцы в направлении Берсигеллы и Фаэнцы, а флорентийцы в сторону Казальи и Муджелло. Когда наступило утро и в обоих лагерях начали снаряжать в поход обозы, одна женщина случайно вышла из Марради и направилась к флорентийскому лагерю, по своей бедности и старости чувствуя себя в безопасности. Она хотела повидаться со своими близкими, находившимися в лагере, и от нее флорентийские военачальники узнали об отступлении венецианцев. Эта новость их сильно воодушевила, и, изменив свое решение, как будто бы противник отступил под их натиском, они стали преследовать вражеский отряд и написали во Флоренцию, что одержали победу и отбросили врага. Вся эта победа заключалась в том, что они раньше противника узнали о его отступлении, и если бы подобная новость достигла раньше враждебного лагеря, ее результат был бы точно таким же в отношении наших.

Глава XIX

Что нужнее для управления множеством людей: добровольное послушание или страх наказания

Римская республика была взбудоражена борьбой между нобилем и плебеями, однако при наступлении войны снарядили две армии во главе с Квинкцием и Аппием Клавдием. Аппиевцы не любили за жестокость и грубость и плохо подчинялись ему, так что он оказался на грани разгрома и бежал из своей провинции; Квинкциевцы слушались, ибо он был доброжелателен и человечен, почему ему и удалось одержать победу. Отсюда можно сделать вывод, что при управлении множеством людей лучше быть снисходительным, чем гордым, милосердным — чем жестоким. Тем не менее Корнелий Тацит, с которым согласны многие другие писатели, приходит в одной своей фразе к противоположному заключению, когда ait: «*In multitudine regenda plus poena quam obsequium valet*»*. Пы-

* говорит: «При управлении многими людьми страх наказания действительнее, чем послушание» (лат.).

таясь примирить оба эти мнения, скажу: управлять можно людьми, которые в обычных обстоятельствах являются тебе равными, или теми, кто подчинен тебе по своему всегдашнему положению. В первом случае ни наказания, ни суровость, о которой говорит Корнелий, для тебя в полной мере неприемлемы, а поскольку римский плебс делил бремя власти с нобиллями, те из них, что становились на время начальниками плебеев, не могли обходиться с ними жестоко и грубо. Можно было наблюдать, что зачастую большего успеха добивались те римские военачальники, которые пользовались любовью и послушанием солдат, по сравнению с теми, что прибегали к крайнему устрашению, за исключением разве таких, кто выделялся из них необыкновенной доблестью, как Манлий Торкват. Но кто командует своими подданными, что и имеет в виду Корнелий, должен рассчитывать больше на страх перед наказанием, чем на послушание, чтобы эти люди не вышли из повиновения и не стали тобой помыкать из-за твоей чрезмерной доступности. Однако и суровость должна быть умеренной, дабы не вызвать ненависти, потому что ненависть подданных никогда еще не была на пользу никому из государей. Способ обезопасить себя от проявлений этого чувства состоит в том, чтобы не покушаться на имущество граждан, ибо ни один государь не желает пролития крови подданных, пока оно не служит предлогом для хищения, побуждает же к этому необходимость, наступающая довольно редко. Но она возникает почти всегда, если на самом деле речь идет о притязаниях на чужое имущество; тогда не бывает недостатка в поводах и желании проливать кровь, как мы подробно говорили об этом в другом нашем сочинении. Таким образом, большей похвалы заслуживают поступки Квинкция, а не Аппия, мнение же Корнелия, в известных рамках, также имеет право на одобрение, но не в случаях, подобных тому, что произошел с Аппием.

Раз уж мы заговорили о наказаниях и о послушании, мне кажется нелишним показать, насколько более, чем сила оружия, подействовал на фалисков пример человечности.

Глава XX

Человечный поступок подействовал на фалисков сильнее, чем все римское могущество

Когда Камилл со своим войском находился близ города фалисков и осаждал его, некий учитель школы для благородных юношей этого города, желая снискать благодарность Камилла и римского народа, под предлогом упражнений вышел со своими учениками за стены города и привел их всех в лагерь к Камиллу, где, представившись, предложил захватить город, используя детей в качестве заложников. Но Камилл не только не принял этого подарка, но приказал раздеть учителя, связать ему руки за спиной и, вручив каждому из его воспитанников по розге, велел им отвести его обратно, сопровождая по дороге поркой. Когда жители узнали об этом происшествии, милосердие и честность Камилла произвели на них такое впечатление, что они не пожелали более защищаться и решили сдать ему город. На этом примере можно очень хорошо судить о том, насколько иной раз сильнее воздействует на человеческую душу сердечный и преисполненный милосердия поступок, чем проявления свирепой жестокости. Ведь образчики доброты и снисхождения, целомудрия и щедрости неоднократно служили ключом к тем городам и провинциям, доступ к которым не могли открыть оружие, осадные машины и все прочие военные ухищрения. В истории на этот счет можно отыскать множество других примеров. Римское оружие не могло изгнать Пирра из Италии, но его изгнало оттуда великодушие Фабриция, который рассказал царю о предложении отравить его, сделанном римлянам его родичем. Захват Нового Карфагена не принес Сципиону Африканскому такого уважения в Испании, как показанный им образец чистоты нрава, когда он возвратил мужу нетронутой его молодую и прекрасную жену. Известие об этом событии привлекло на сторону Сципиона всю Испанию. Заметьте, сколь желанны в глазах народа подобные черты великих людей, почему их хвалят все писатели, как те, что составляют биографии государей, так и те, что дают житейские наставления. Среди них особенно много потрудился Ксенофонт, доказывая,

сколько почета, какое множество побед и какую добрую славу принесли Киру его обходительность и человечность, а равно и отсутствие в нем гордыни, жестокости, сластолюбия и всех прочих пороков, пятнающих человеческую репутацию. Но поскольку, тем не менее, Ганнибал, действуя противоположным образом, обрел великую славу и одержал великие победы, я хочу обсудить в следующей главе, чем это было вызвано.

Глава XXI

Почему Ганнибал, действуя иначе, чем Сципион, достиг в Италии такого же успеха, как и тот в Испании

Я полагаю, что у многих вызывает удивление, каким образом военачальники, придерживавшиеся противоположного вышеописанному образа действий, достигли таких же результатов, как и те, что следовали ему. Может показаться, что причина победы не зависит от этого; более того, указанный образ действий, по-видимому, не делает тебя сильнее или удачливее, если славу и влияние можно приобрести и противоположным способом. Чтобы не отвлекаться от вышеназванных личностей и лучше объяснить то, что я желаю сказать, замечу, что Сципион, вторгшись в Испанию, благодаря своему благочестию и человечности тотчас же снискал себе любовь этой провинции, а также почтение и преклонение ее народа. Ганнибал, напротив того, войдя в Италию, действовал совершенно по-иному, но своей жестокостью, насилиями, грабежами и вероломством достиг такого же результата, что и Сципион в Испании, ибо все города Италии подняли мятеж в его пользу и все народы последовали за ним.

Размышляя над тем, чем это было вызвано, можно усмотреть здесь несколько причин. Первая состоит в том, что люди падки на перемены, и в большинстве случаев обновления желают как те, кто благоденствует, так и те, кто бедствует. Ведь истина, которую нам уже доводилось высказывать, гласит, что людям наскучивает добро, а зло их удручает. Эта вечная жажда отворяет двери перед всяким, кто становится во главе нововведений в какой-

либо стране. Если это чужеземец, к нему стекаются сторонники; если он из своих, его окружают последователи, постоянно умножаясь в числе и увеличивая его влияние, так что, как бы он ни поступал, успех ему всегда обеспечен. Кроме того, людьми движут две основные силы: любовь и страх, и ими может командовать как тот, кого любят, так и тот, кого боятся; более того, зачастую у последнего бывает больше приверженцев и верных исполнителей, чем у того, кто пользуется любовью.

Поэтому для вождя все равно, по какому из этих путей он идет, лишь бы он обладал доблестью и эта доблесть обеспечила ему уважение среди людей. Когда она велика, как у Ганнибала и Сципиона, эта доблесть затмевает собой все ошибки, вытекающие из чрезмерной любви или чрезмерного устрашения. Ведь и тот и другой образ действий таят в себе великие опасности, способные сокрушить любого государя. Тот, кто излишне полагается на любовь, едва он отклоняется от верного пути, становится презираемым; другой, рассчитывая только на то, чтобы наводить страх, как только отклоняется от меры, становится ненавистным. Среднего же пути придерживаться невозможно, ибо этого не позволяет наша природа; все излишества необходимо умерять с помощью чрезвычайной доблести, которой обладали Ганнибал и Сципион. Тем не менее и тот и другой понесли ущерб от присущего им образа жизни, хотя за него же были и превозносимы.

Почему их восхваляли, мы уже сказали. Ущерб, в случае со Сципионом, заключается в том, что его солдаты в Испании подняли против него мятеж вместе с частью его друзей; это произошло именно потому, что они его не боялись. Ведь присущее людям беспокойство, как только их тщеславие замечает для себя желанный выход, подталкивает к тому, чтобы забыть все дружеские узы, соединяющие их с государем благодаря его снисходительности, как и поступили солдаты и друзья Сципиона. Вследствие этого, чтобы исправить свою оплошность, он был вынужден отчасти прибегнуть к той жесткости, которой ранее пренебрегал. Что касается Ганнибала, то трудно привести какой-то пример, когда бы жестокость и коварство навредили ему, но можно предположить, что Неаполь и другие города, оставшиеся вер-

ными римскому народу, поступили так именно из опасения перед этими качествами. Определенно можно сказать, что нечестивый образ жизни Ганнибала вызвал к нему такую ненависть со стороны римского народа, какой не пользовался больше никто из врагов этой республики, так что если Пирру, когда он находился со своим войском в Италии, сообщили о том, что его хотят отравить, то Ганнибалу не простили обид, даже когда его войско было рассеяно, и он остался один, и был вынужден покончить с собой. Итак, репутация человека нечестивого, вероломного и жестокого принесла Ганнибалу известное неудобство, но зато эти же качества дали ему величайшее преимущество, поражавшее всех писателей: хотя его войско было совершенно разнородно по составу, в нем никогда не возникало никаких раздоров между солдатами или волнений, направленных против полководцев. И все это только благодаря великому ужасу, внушаемому его личностью; в сочетании с почтением, вызываемым его доблестью, этот ужас поддерживал в солдатах порядок и единство. Итак, я делаю вывод, что не так важно, какой образ действия изберет полководец; важнее, чтобы он обладал выдающейся доблестью, как приправой, умеряющей остроту его поступков. Ведь, как мы уже сказали, и тот и другой способ действий таят в себе недостатки и опасности, если они не подкреплены чрезвычайной доблестью. И если Ганнибал и Сципион пришли к одинаковому результату, один чередой похвальных поступков, а другой — предосудительных, то мне кажется нелишним обсудить деяния двух римских граждан, которые снискали одинаковую славу также разными способами, хотя и в том и в другом случае похвальными.

Глава XXII

Манлий Торкват своей твердостью, а Валерий Корвин мягкостью заслужили одинаковую славу

В Риме в одно и то же время жили два полководца, Манлий Торкват и Валерий Корвин; оба они обладали равной доблестью и снискали себе одинаковые триумфы и одинаковую славу. В сражении с врагом они отличались одним и тем же мужеством, ибо Манлий был суровым командиром и не задумываясь обременял

своих солдат любыми трудами или наказаниями; Валерий же, в свою очередь, обращался с ними мягко и человечно, с дружеской простотой. Один, чтобы привести солдат в подчинение, умертвил своего сына, другой не нанес никому ни малейшей обиды. И при такой противоположности в образе действий каждый из них пожинал одинаковые плоды как на военном поприще, так и в гражданских и своих собственных делах. Ибо никто из их солдат ни разу не покинул поле боя, не затеял бунта и вообще не оказал какого-либо противодействия их желаниям, хотя суд Манлия был столь суров, что все приговоры, хватавшие через край, называли «*Manliana imperia*»*. Тут следует рассмотреть, во-первых, что принуждало Манлия к таким жестоким поступкам; во-вторых, почему Валерий мог проявлять такую человечность; далее, по какой причине два разных образа действий привели к одинаковому результату и, наконец, какой из них лучше и заслуживает подражания. Если присмотреться к характеру Манлия с того момента, как Тит Ливий начинает о нем упоминать, можно увидеть, что это был человек могучий, преисполненный глубокого почтения к своему родителю и к отечеству и уважения к начальству. Это видно по тому, как он вел себя в поединке с французом, по тому, как защищал отца от нападок трибуна, и по словам, сказанным им консулу перед схваткой с французом: «*Iniussu tuo adversus hostem nunquam pugnabo, non si certam victoriam videam*»**. Когда подобный человек занимает командный пост, он хочет, чтобы все остальные были похожи на него. Сила его души диктует ему соответствующие приказы и требует, когда они отданы, их неукоснительного исполнения. Существует обязательное правило: если отдают суровые приказы, исполнять их следует с твердостью, в противном случае ты рискуешь попасть впросак. По этому поводу следует заметить, что кто хочет, чтобы ему подчинялись, должен уметь командовать, а командовать умеют люди, правильно соразмеряющие свои качества с качествами подчиненных, и если они находят соответствие, тогда они могут командовать, в противном случае им следует от этого воздержаться.

* «Манлиева расправа» (лат.).

** «Без твоего приказа никогда не вышел бы я биться, даже если бы рассчитывал на верную победу» (лат.).

Один разумный человек говорил, что управлять республикой путем насилия можно тогда, когда есть соответствие между применяющим силу и подвергающимся насилию. Когда такая соразмерность соблюдается, можно ожидать, что этот насильственный режим продержится долго, но если притесняемый сильнее притесняющего, можно в любое время ожидать перемены ролей.

Возвращаясь к нашему рассуждению, я скажу, что для управления трудными предприятиями необходимо обладать твердостью, и кто ею обладает и берет на себя это бремя, не может потом сменить жесткость на снисходительность. Но кто не располагает такой душевной крепостью, должен избегать чрезвычайных мер, а в обычных делах может руководствоваться присущей ему мягкостью, ибо обычное наказание вменяют в вину не государю, а законам и установлениям. Итак, следует полагать, что Манлий был вынужден поступать столь сурово вследствие чрезвычайности своих суждений, к которой побуждала его натура; для республики они полезны, потому что позволяют возвратить ее обычаи к истокам, проникнутым старинной доблестью. Если бы какой-либо республике выпала такая удача, что кто-либо из граждан, как мы говорили выше, своим примером помогал бы обновлению законов и не только предупредил бы ее крушение, но и возвратил ее к началам, — такая республика существовала бы вечно. Таким образом, Манлий был одним из тех людей, кто благодаря твердости своего нрава укреплял воинскую дисциплину римлян, побуждаемый сначала своей натурой, а впоследствии желанием заставить соблюдать порядки, подсказанные ему его природными наклонностями. В то же время Валерий мог проявлять человечность, ибо для него было достаточно обеспечить соблюдение обычных правил, принятых в римской армии. Присущего ему добросердечия было достаточно, чтобы завоевать Валерию почет и уважение; ему было нетрудно сохранить это качество и не проявлять жестокости к нарушителям, как потому, что их не было, так и потому, что если бы таковые отыскались, считалось бы, что их карают государственные установления, как уже было сказано, а не жестокость вождя. Так что Валерий мог упражняться в своем мягкосердечии, обеспечивавшем ему расположение и довольство солдат. Вот почему оба полководца пользовались одинаковым послушанием и, действуя разными способами

ми, пришли к одинаковому результату. Но те, кто пожелает им подражать, могут не уберечь себя от презрения или ненависти, о которых я говорил выше по поводу Ганнибала и Сципиона; избежать этого помогает только исключительная доблесть, если она тебе присуща, и ничто другое.

Теперь остается рассмотреть, какой образ действий заслуживает большей похвалы. Я думаю, что это вопрос спорный, ибо многие писатели хвалят как один способ, так и другой. Впрочем, те, кто наставляет государя в управлении, сочувствуют скорее Валерию, чем Манлию; вышеназванный Ксенофонт, приводя многие примеры человечности Кира, очень близок к тому, что говорит Тит Ливий о Валерии. Когда последнего назначили консулом для войны с самнитами, в день сражения он обратился к своим солдатам с тем же добросердечием, с которым всегда командовал ими, и после его речи Тит Ливий высказывается таким образом: «*Non alias militi familiarior dux fuit, inter infimos milites omnia haud gravate munia obeundo. In ludo praeterea militari, cum velocitatis viriumque inter se aequales certamina ineunt, comiter facilis vincere ac vinci vultu eodem; nec quemquam aspernari parem qui se offerret; factis benignus pro re; dictis haud minus libertatis alienae, quam suae dignitatis memor; et (quo nihil popularius est) quibus artibus petierat magistratus, iisdem gerebat*»*. Равным образом и о Манлии Тит Ливий говорит с уважением, показывая, что суровость, проявленная им по отношению к сыну, привела войско в такое повиновение консулу, что это явилось причиной победы, одержанной римским народом над латинами. И похвалы, расточаемые Титом Ливием Манлию, простираются настолько, что, рассказав о победе и описав весь ход сражения, все опасности, которым подвергался римский народ, и все преодоленные им трудности, историк приходит к следующему выводу: только доблесть Манлия позволила римлянам победить. Сопоставляя

* «Не было полководца ближе воинству, чем Корв, охотно деливший все тяготы с простыми воинами. К тому же и в военных играх, когда сверстники состязались друг с другом в быстроте и силе, он был прост и добродушен и с равным достоинством побеждал и уступал победу; и кто бы ни бросал ему вызов, он никого не отвергал как недостойного себя противника. В поведении был благожелателен, в разговоре не только помнил о своем достоинстве, но и уважал в другом свободного человека; и что всего любезнее народу — в должности он оставался таков, каков был, добиваясь должности» (лат.).

силы того и другого лагеря, Ливий утверждает, что победу одержала бы та сторона, чьим консулом был Манлий. Так что, подводя итоги всему тому, что говорят об этом разные писатели, трудно составить определенное суждение. Однако дабы не оставлять этот вопрос нерешенным, я скажу, что для гражданина, подчиняющегося республиканским законам, образ действий Манлия менее опасен и более похвален, ибо он целиком исходит из интересов общественного блага и не принимает во внимание честолюбивых устремлений отдельных лиц. Действуя таким образом, невозможно приобрести приверженцев, ибо всякий видит, насколько ты суров и тверд в преследовании исключительно общего блага. И поступающий так не обзаводится особыми друзьями, которых мы и называем, как можно было заметить выше, приверженцами. Следовательно, этот образ действий самый полезный и желательный для республики, потому что он обеспечивает общественную выгоду и устраняет угрозу возвышения отдельных личностей. Поступки Валерия противоположны, и если общество получает от них такую же точно пользу вследствие особого расположения, приобретаемого полководцем у солдат, то возникают опасения, что со временем отсюда может возникнуть угроза свободе.

И если правление Публиколы не привело к таким печальным последствиям, причина этого в том, что римские нравы не подверглись еще разложению, а кроме того, этот консул не находился постоянно и слишком долго у власти. Если же речь пойдет о государе, что и имеет в виду Ксенофонт, то мы предпочтем Валерия и отвергнем Манлия, ибо государю от солдат и подданных нужны любовь и послушание. Послушание позволяет ему соблюдать установления государства и пользоваться репутацией доблестного правителя. Любовь наделяет его обходительностью, человечностью, милосердием и другими качествами, которыми обладал Валерий и которые Ксенофонт приписывает Киру. Ведь особенная любовь к государю и особая приверженность к нему войска вполне совместима со всеми другими сторонами его положения, но приверженность войска к одному из граждан является такой чертой, которая неуместна в сочетании с другими обязанностями его положения, заставляющими его соблюдать законы и подчиняться должностным лицам.

В старинных хрониках Венецианской республики можно прочитать о том, как однажды, когда венецианские галеры вернулись домой, между народом и матросами вспыхнула ссора, которая переросла в мятеж и вооруженные столкновения, причем их не могли успокоить ни усилия городской стражи, ни уважение к гражданам, ни страх перед должностными лицами. Но как только перед экипажами галер предстал некий дворянин, за год до этого бывший у них капитаном, моряки унялись и сложили оружие. Их покорность внушила Сенату такое подозрение к этому человеку, что вскоре после этого венецианцы обезопасили себя от него, то ли заточив в тюрьму, то ли расправившись с ним. Таким образом, я заключаю, что образ действий Валерия полезен для государя и пагубен для гражданина, принося вред не только его отечеству, но и ему самому: отечеству — поскольку такой путь ведет к тирании; ему самому — потому, что вызываемые этим гражданином опасения заставляют правителей города избавиться от него. Наоборот, образ действий Манлия, по моему мнению, вреден для государя, а гражданину выгоден, и еще более его родине; к тому же он не опасен, если только ненависть, вызванная твоей суровостью, не умножается подозрениями, связанными с другими твоими добродетелями и влиянием, как будет показано ниже на примере с Камиллом.

Глава XXIII

По какой причине Камилл был изгнан из Рима

Выше мы пришли к выводу, что, подражая Валерию, можно нанести вред и себе, и отечеству; поступая же подобно Манлию, ты приносишь отечеству пользу, но иногда себе наносишь вред. Хорошим доказательством этому служит случай с Камиллом, который в своих деяниях был близок скорее к Манлию, чем к Валерию. Поэтому Тит Ливий, отзываясь о нем, говорит, что «*eius virtutem milites oderant et mirabantur*»*.

Поразительными были в Камилле его стремительность, благоразумие, величие души и основательность, присущая ему в устройстве и командовании войском. Ненависть к нему вызывалась суровостью, охотнее расточаемой им в наказаниях, чем щедрость в

* «солдатам его доблесть была ненавистна, но они восторгались ею» (лат.).

наградах. Тит Ливий называет несколько причин этой ненависти: во-первых, деньги, вырученные от продажи имущества вейентов, Камилл передал на общественные нужды, вместо того чтобы разделить их в качестве трофея; во-вторых, во время триумфа он велел запрячь в свою колесницу четырех белых коней, и солдаты говорили, что от гордыни он хотел уподобиться солнцу; в-третьих, Камилл принес обет посвятить Аполлону десятую часть захваченной у вейентов добычи, и, желая исполнить этот обет, он должен был отобрать у солдат часть захваченного ими добра. Здесь бросается в глаза то, что возбуждает в народе ненависть к вождю, прежде всего — посягательство последнего на его выгоды. Это вещь чрезвычайной важности, ибо человек, ущемленный в своих корыстных интересах, никогда не забывает об обиде, и малейшая нужда заставляет о ней вспомнить. А так как подобные нужды являются повседневными, всякий день они об этом и напоминают. Другая причина — это казаться спесивым и надутым; не может быть ничего более ненавистного для народов, в особенности же привыкших к свободе. И хотя высокомерие и роскошь, выказанные Камиллом, не причинили никому ни малейшего неудобства, они порождают ненависть, которой государь должен бояться как огня, ибо внушать к себе бесполезную ненависть решается только человек безрассудный и неблагоприятный.

Глава XXIV

Участившееся продление полномочий командующего привело Рим к рабству

Если как следует вникнуть в ход событий в Римской республике, можно убедиться, что причиной ее распада были две вещи: первая — соперничество вокруг аграрного закона и вторая — продление полномочий главнокомандующих. И если бы эти опасности удалось распознать с самого начала и применить против них должные средства, римская вольность была бы более долговечна и к тому же избавлена от многих потрясений. И хотя незаметно, чтобы продление воинских полномочий привело к каким-либо беспорядкам в Риме, тем не менее можно наблюдать, какой вред городу принесла власть, получаемая гражданами вследствие по-

добных решений. Но если бы все граждане, срок пребывания в должности которых был продлен, проявили такую же мудрость и добронравие, как Люций Квинкций, подобных недоразумений не возникало бы. Достойный поступок последнего весьма примечателен: когда между народом и Сенатом было заключено соглашение и плебеи на один год продлили полномочия трибунов, полагая, что те сумеют противостоять тщеславию знати, Сенат, в пику плебеям и дабы не умалить свое влияние по сравнению с ними, пожелал продлить также пребывание в консульской должности Люция Квинкция, но тот категорически отказался от этого предложения, сказав, что число дурных примеров надо сокращать, а не умножать его путем добавления к уже имеющимся еще одного, притом худшего; он настоял на избрании новых консулов. Если бы все римские граждане обладали таким благонравием и мудростью, они не согласились бы с укоренившимся обычаем продлевать полномочия должностных лиц, который потом вылился в повторное избрание главнокомандующих, что, в свою очередь, привело к падению республики. Первым, чьи полномочия были продлены, явился Публий Филон; он осаждал город Палеполи, и когда срок его консульства истек, Сенату казалось, что победа у него в руках, потому было решено не посылать ему преемника, а назначить его проконсулом, так что он впервые занял эту должность. Хотя Сенат исходил при этом из общественной пользы, именно этот обычай привел впоследствии к порабощению Рима. Чем далее уклонялись римляне от военного дела, тем более необходимой казалась им практика продления воинских полномочий и тем чаще они к ней прибегали. Это повело к двум неудобствам: во-первых, меньшее количество людей приобретало опыт высшего военного командования, и в силу этого круг влиятельных лиц ограничивался; во-вторых, если один из граждан длительное время командовал войском, он привлекал его на свою сторону и находил приверженцев в солдатах; впоследствии это войско начало питать недоверие к Сенату и признавать только этого полководца в качестве своего главы. Из-за этого Марий и Сулла не испытывали нужды в солдатах, поддерживавших их вопреки общественному благу, а Цезарь захватил власть в отечестве. А если

бы римляне не переизбирали на другой срок своих должностных лиц и главнокомандующих, если бы они не достигли так быстро столь великого могущества и если бы их завоевания не были столь скоропалительными, гораздо позже они и надели бы на себя рабское ярмо.

Глава XXV

О бедности Цинцинната и многих римских граждан

В другом месте мы уже говорили, что полезнее всего устроить свободное сообщество так, чтобы граждане оставались бедными. И хотя трудно судить о том, какие римские порядки поддерживали в городе такое состояние, ибо аграрный закон встретил очень большое противодействие, опыт показывает, что 400 лет спустя после основания Рима бедность была в нем очень распространена. И надо полагать, что причиной тому был простой обычай не закрывать доступ малоимущим людям к любым должностям и званиям и почитать доблесть, в каком бы жилище она ни обитала. Такие порядки делали богатство менее привлекательным. Это совершенно очевидно. Когда консул Минуций был со своим войском осажден эквами, в Риме распространились опасения утратить эту армию, и было решено назначить диктатора, то есть прибегнуть к крайнему средству, применявшемуся в стесненных обстоятельствах. Диктатором стал Люций Квинкций Цинциннат, находившийся в то время в своем небольшом имении, где он собственноручно обрабатывал землю. Тит Ливий говорит по этому поводу бесценные слова: «*Operae pretium est audire, qui omnia prae divitiis humana spernunt, neque honori magno locum, neque virtuti putant esse, nisi effusae affluent opes*»*. Цинциннат вспахивал свой маленький участок, не превышавший четырех югеров, когда из Рима прибыли послы Сената и сообщили ему об избрании на пост диктатора, объяснив, в какой опасности находится Римская республика. Надев свою тогу, Цинциннат при-

* «Об этом полезно послушать тем, кто уважает в человеке только богатство, предполагая, что честь и доблесть ничего не стоят, если они не принесут ему несметных сокровищ» (лат.).

был в Рим и собрал войско, с которым двинулся на помощь Минуцию; разгромив врагов и захватив их имущество, он освободил осажденных, но не пожелал, чтобы они участвовали в дележе трофеев, и обратился к Минуцию со следующими словами: «Я не хочу, чтобы ты получил часть добычи тех, чьей добычей сам чуть не сделался». Цинциннат лишил Минуция консульской должности и сделал его легатом, сказав ему: «Ты останешься в этом звании до тех пор, пока не научишься быть консулом». Начальником своей конницы Цинциннат назначил Люция Тарквиния, который из-за бедности сражался пешим. Отметим еще раз тот почет, которым в Риме пользовалась бедность, и то, что для пропитания достойного и мужественного человека, каким был Цинциннат, было достаточно четырех югеров земли. Подобная неприхотливость сохранялась еще во времена Марка Регула, ибо когда он находился с войском в Африке, то обратился с просьбой к Сенату о том, чтобы ему разрешили возвратиться для приведения в порядок своего имени, разоренного работниками. Здесь примечательны две вещи: во-первых, бедность, которой довольствовались граждане, искавшие на войне только чести, а всю выгоду оставлявшие государству. Ведь если бы они думали на войне об обогащении, им не стоило беспокоиться о запустении своих полей. Во-вторых, это душевное благородство римских граждан; командуя войском, они превозносились выше любого государя, не считались ни с царями, ни с республиками, ничего не боялись и ни перед кем не трепетали. Возвратившись же к частной жизни, становились скромными, смиренными, рачительными хозяевами, послушными должностным лицам и уважающими своих предков; трудно поверить, что такие перемены происходили в одних и тех же людях. Такая неприязнительность сохранялась до времен Павла Эмилия, последней счастливой эпохи Римской республики, когда ее гражданин своим триумфом обогатил город, но сам остался бедным. Бедность в ту пору так еще ценилась, что Павел, в награду за храброе поведение на войне, подарил своему зятю серебряную чашу, и это был первый серебряный предмет, попавший в его дом. Можно было бы много еще говорить о преимуществах бедности перед богатством, о том,

как она способствовала славе многих городов, стран и духовных учений, богатство же служило причиной их краха; однако об этом неоднократно писали другие авторы.

Глава XXVI

О том, что женщина бывает причиной гибели государств

В городе Ардее возникла распря между патрициями и плебеями, не поделившими между собой богатую невесту, на руку которой претендовали один из плебеев и один из нобилей. Поскольку у нее не было отца, опекуны желали выдать ее за плебея, а мать — за знатного. Их притязания привели к ссоре, которая вылилась в вооруженное столкновение — вся знать с оружием в руках стала на сторону нобилия, а весь народ — на сторону плебея. Плебеи были побеждены, покинули Ардею и послали за помощью к вольскам, а нобили обратились к римлянам. Сначала прибыли вольски, которые разбили свой лагерь вокруг Ардеи. Затем подоспели римляне и зажали вольсков в кольцо между городом и своими укреплениями, так что те, когда среди них начался голод, были вынуждены сдаться на милость победителя. Римляне вошли в Ардею и перебили всех зачинщиков беспорядков, после чего город успокоился.

По этому поводу следует сделать несколько замечаний. Во-первых, о том, что женщины часто были причиной многих несчастий и нанесли большой вред правителям городов, в которых вызывали раздоры. Как мы видели по нашей истории, проступок, совершенный против Лукреции, лишил власти Тарквиниев, а обида, нанесенная Виргинии, была причиной свержения децемвиров. Среди главных причин, приводящих к гибели тиранов, Аристотель называет злодеяния, совершаемые ими в отношении чужих жен, будь то нанесение им бесчестия, насилие или расторжение брачных уз. Об этом мы подробно говорили в главе, посвященной заговорам. По моему мнению, самодержавным государям и правителям республик не стоит недооценивать подобные происшествия; им следует предвидеть беспорядки, к кото-

Рим такие случаи ведут, и своевременно принять должны меры, которые не нанесли бы позора и ущерба их владениям или их республике, как случилось у ардеатинцев, каковые допустили противостояние между своими согражданами и разделились на две партии, а когда пожелали вернуться к прежнему единству, были вынуждены искать внешней помощи, что обычно ведет к порабощению.

Перейдем, однако, к другому замечанию, как следует воссоединять города, о чем мы поговорим в следующей главе.

Глава XXVII

О том, как воссоединить разделившийся город, и об ошибочности мнения, что для удержания городов нужно сеять в них раздоры

Пример римских консулов, приведших ардеатинцев к согласию, указывает на способ восстановить порядок в разделившемся городе, который заключается не в чем ином, как в казни зачинщиков мятежа. Ведь тут необходимо выбирать из трех возможностей: либо казнить зачинщиков, как и поступили консулы; либо удалить их из города; либо примирить их между собой, связав обязательствами не нападать друг на друга. Из этих трех возможных способов последний самый опасный, наиболее сомнительный и бесполезный. Ибо после нанесения кровных обид и совершения подобных этому преступлений невозможно надолго установить вынужденный мир, пока виновники каждодневно встречаются лицом к лицу. Трудно ожидать, что они воздержатся от взаимных обид, поскольку при постоянном общении у них возникнет для этого множество новых причин.

Наилучшим примером на этот счет может служить город Пистойя. Пятнадцать лет назад, как и сегодня, в этом городе было две партии: Панчатики и Канчельери, но сегодня они ведут себя мирно, а тогда были вооружены. После долгих пререканий дело между ними дошло до кровопролития, грабежей, поджогов и всех прочих враждебных действий. Флорентийцы, которым следовало успокоить пистойцев, использовали для этого всегда третий

из указанных способов, приводивший в дальнейшем к еще большим беспорядкам и еще большим смутам. В конце концов нашим правителям это надоело, и они прибегли ко второму способу, который состоит в удалении вождей из обоих лагерей; одних заключили в тюрьму, других выслали в разные места, после этого воцарилось согласие, сохраняющееся до наших дней. Однако, вне всякого сомнения, самым надежным способом был бы первый. Поскольку же подобные расправы требуют крепости и силы духа, слабая республика на них не способна, и она для нее столь чужды, что даже на второе средство она идет неохотно. Это все те же ошибки, упоминавшиеся в начале и присущие государям нашего времени, когда они принимают важные решения. Им следовало бы повнимательнее относиться к рассказам о том, как в подобных случаях поступали в древности. Но слабость нынешнего поколения, вызванная жалким его воспитанием и недостаточными житейскими познаниями, приводит к тому, что оно воспринимает античные деяния частью как бесчеловечные, частью как невозможные. Некоторые современные мнения вовсе расходятся с истиной, как, например, суждение мудрецов нашего города в недавние годы, что Пистойю следует удерживать с помощью партий, а Пизу — с помощью крепостей; эти люди не могут уразуметь бесполезность того и другого.

Не стану говорить о крепостях, потому что об этом выше было сказано достаточно, и рассмотрю только, сколь невыгодно поддерживать распри в управляемом тобою городе. Прежде всего, будь ты государь или республика, тебе не удастся сохранить дружбу обеих сторон. Ведь от природы людям свойственно не разделять пристрастия друг друга и отдавать предпочтение тому или иному. Если одна из враждующих партий города останется недовольной, в первой же войне ты его потеряешь, ибо нельзя уберечь город одновременно от внутренних и внешних врагов. Если речь идет о республике, нет лучше способа научить дурному своих сограждан и посеять среди них семена раздора, чем иметь в подчинении разделившийся город, ибо каждая из его партий пытается найти поддержку и привлечь к себе сторонников всякими недозволенными путями, откуда два великих неудобства:

во-первых, не имея возможности править как следует и постоянно ущемляя интересы то одних, то других, ты никогда не сможешь их удовлетворить; во-вторых, партийные пристрастия неизбежно приводят к расколу в твоей республике. Об этом свидетельствует Бьондо, который говорит о флорентийцах и пистойцах следующее: «Пока флорентийцы собирались объединить Пистойю, они разделились между собой». Нетрудно увидеть зло, вытекающее из этих раздоров.

В 1502 году, когда были утрачены Ареццо и все территории Вальдигевере и Вальдикьяны, отнятые у нас семейством Вителли и герцогом Валентино, французский король прислал для возвращения флорентийцам потерянных городов некоего господина Деланта, и когда этот последний в каждом замке встречал людей, утверждавших, что они на стороне Мардзокко, он был этим очень недоволен и говорил, что если бы во Франции кто-либо из подданных короля заявил, что он на его стороне, этот человек жестоко поплатился бы, ибо такое утверждение свидетельствует о том, что там живут и враги короля, а король не допускает, чтобы в его городах были враждебные ему жители, партии и распри. Впрочем, все эти ошибочные мнения и поступки вытекают из слабости правителей, которые, не имея доблести и силы, чтобы удержаться у власти, прибегают к подобным ухищрениям. В спокойные времена это иной раз им помогает, а когда наступает час испытаний и бед, они убеждаются в тщетности подобных средств.

Глава XXVIII

О том, что следует присматриваться к намерениям граждан, ибо часто благие начинания скрывают под собой зачатки тирании

Когда население Рима страдало от голода и общественных запасов не хватало для его утоления, некий Спурий Мелий, человек для своего времени весьма богатый, вознамерился частным образом закупить хлеб и накормить им плебеев не без выгоды для себя. Это принесло ему такую популярность в народе, что Сенат, предвидя неудобства, которые могли быть порождены та-

кой его щедростью, назначил диктатора, чтобы пресечь зло в зародыше, и приговорил Спурия к смерти. Следует заметить, что зачастую поступки, кажущиеся милосердными и вызванными к жизни самыми лучшими намерениями, на деле оказываются жестокими и чрезвычайно опасными для республики, если вовремя их не распознать. Остановливаясь на этом подробнее, скажу, что без уважаемых граждан ни одна республика не может существовать и быть хорошо управляемой. В то же время авторитет граждан есть причина утверждения тираний в республиках. Чтобы устранить этот недостаток, необходимо вести дела так, чтобы уважение к гражданам шло на пользу, а не вредило городу и его свободе. Поэтому следует рассмотреть способы, с помощью которых приобретают уважение, а их всегда два: публичный и приватный. Публичный способ состоит в том, чтобы давать хорошие советы и еще лучше действовать для общей пользы и тем самым заслужить авторитет. На этот достойный путь следует направлять граждан и вознаграждать их за советы и поступки, чтобы они пользовались почетом и довольством. И когда такое влияние получено честным и безупречным путем, в нем нет опасности; если же к нему идут, пользуясь вторым из вышеназванных способов, приватным, то это влияние вредно и таит в себе угрозу. Приватные пути состоят в том, чтобы оказывать благодеяния тем или иным частным лицам, давая им в долг, устраивая браки их дочерей, защищая их от должностных лиц и предлагая им другие неофициальные услуги, благодаря которым людей можно привлечь на свою сторону и, обзаведясь их расположением, смелее развращать граждан и преступать законы. Поэтому в правильно устроенной республике, как мы уже говорили, открытой должна быть дорога для тех, кто добивается успеха публично, и закрытой перед теми, кто ищет его окольными путями. Так полагали римляне, которые в награду за поступки, совершенные для общего блага, устраивали триумфы и осыпали всевозможными почестями своих сограждан, а в наказание тем, кто под различными предлогами пытался возвыситься частным образом, осуждали их, а если этого было мало, ввиду ослепления народа ложной видимостью блага, назначали диктатора, который безжалостно ставил на место

зарвавшегося честолюбца, как это было со Спурием Мелием. И если один такой поступок оставить безнаказанным, он может привести к гибели республики, ибо послужит дурным примером, сбивающим с правильной дороги.

Глава XXIX

О том, что в пороках народов повинны государи

Пусть государи не сердятся на грехи управляемых ими народов, ибо эти прегрешения бывают вызваны их собственной нерадивостью и такими же точно пороками. Кто обратится к народам, в наше время прославившимся разбоем и тому подобным, тот увидит, что это на совести их правителей, отличавшихся такими же склонностями. Пока папа Александр VI не извел в Романье правивших ею сеньоров, она изобиловала всеми видами злодейств, и на каждом шагу там из-за пустяка совершались чудовищные убийства и грабежи. И происходили они из-за дурных свойств этих государей, а не вследствие дурных склонностей человеческой природы, как они говорили. И дети правителей, будучи бедными и желая жить на широкую ногу, были вынуждены заниматься разбоем и всеми видами вымогательства. Наряду с прочими бесчестными приемами, к которым эти правители прибегали, они издавали законы, запрещающие те или иные деяния, а затем сами подавали пример их несоблюдения, но никого не наказывали до тех пор, пока в подобные проступки не оказывалось втянуто множество людей. Тогда они обращались к наказаниям, не ради соблюдения закона, а из алчности, для получения штрафа. От этого возникало множество беспорядков, прежде всего разорение жителей, которые не могли поправить свои дела, и те, кто от этого страдал, вымещали свои беды на более слабых. Так одно зло вытекало из другого, а причиной всему был государь. Справедливость этого показывает Тит Ливий, повествуя о том, как римские послы, которые везли в дар Аполлону часть трофеев, захваченных у вейентов, попали к липарийским пиратам близ Сицилии и были отвезены на остров, но когда вождь этого пле-

мени Тимасифей узнал, что это за дар, откуда он происходит и кем он послан, он повел себя как римлянин, хотя и был липарийцем, и объяснил народу, каким нечестием было бы отнять подобный подарок. С одобрения всех своих соплеменников он отпустил послов, ничего у них не взяв. Историк по этому поводу говорит следующее: «*Timasitheus multitudine religione implevit, quae semper regenti est similis*»*. Лоренцо Медичи, подтверждая эту мысль, говорит:

Что государь творит, творить все рады,
Ведь на него обращены все взгляды.

Глава XXX

Гражданин, желающий получить полномочия для полезных дел на благо республики, должен прежде устранить поводы для зависти; и еще о том, как приготовить город к обороне в ожидании врага

Когда римский Сенат узнал, что вся Тоскана набирает солдат для похода против Рима, а бывшие союзники римского народа, латины и герники, соединились с его заклятыми врагами — вольсками, он был очень обеспокоен грозящей войной. Камилл, который в это время был трибуном с консульской властью, посчитал, что можно обойтись без назначения диктатора, если другие трибуны, его сотоварищи, уступят ему должность командующего войсками. Названные трибуны охотно на это согласились: «*Nec quisquam (говорит Тит Ливий) de maiestate sua detractum credebant, quod maiestati eius concessissent*»**. После этого Камилл, приняв по уговору командование, приказал набрать три войска. Во главе первого он сам собирался выступить против тосканцев. Командовать вторым он назначил Квинта Сервилия, который должен был находиться в окрестностях Рима, чтоб отразить латинов и герников, если те отважатся выступить. Начальником третьего войска он поставил Люция Квинк-

* «Тимасифей... сумел внушить благоговение черни, которая всегда такова, каков правящий ею» (лат.).

** «Они не думали, что умаляют свои права, передавая часть из них Камиллу» (лат.).

ция, солдаты которого при всех непредвиденных обстоятельствах должны были охранять Рим, городские ворота и курию. Кроме того, Камилл велел одному из своих коллег, Горацию, запасти хлеб, оружием и всем прочим, что может понадобиться в военное время. Другому своему коллеге, Корнелию, он поручил Сенат и общественные дела, чтобы тот занимался повседневно возникающими нуждами. Таким образом, все трибуны в это время были готовы командовать и подчиняться ради спасения родины. В этом рассказе примечательно, на что способен мудрый и достойный человек и сколько добра он может принести, действуя на пользу своему отечеству, если с помощью своей доблести и добронравия сумеет избежать зависти, каковая зачастую препятствует благим начинаниям и не позволяет людям добиться той власти, которая необходима для ведения важных дел. Зависть устраняется двумя путями: либо вследствие каких-то бедственных и тяжелых обстоятельств, когда всякий подвергающийся риску забывает о своем тщеславии и добровольно подчиняется доблестному человеку, в котором надеется найти спасение, как произошло и с Камиллом. Он многократно проявил свои выдающиеся качества, три раза был диктатором и всегда использовал эту власть не для собственной выгоды, а для общественной пользы, поэтому никто не боялся его возвышения, а поскольку Камилл был столь велик и так почитаем, люди не считали зазорным быть у него в подчинении (почему Тит Ливий и говорит приведенные мудрые слова «Они не думали...» и т.д.). Второй способ устранения зависти связан с насильственной или естественной смертью твоих соперников в обретении власти и величия; в противном случае, если ты будешь удачливее их, они никогда не успокоятся и не примирятся с тобой. И если эти люди выросли в испорченном городе и не получили мало-мальски сносного воспитания, ничто не заставит их одуматься, и для удовлетворения своих гнусных желаний и прихотей они будут рады быть свидетелями гибели отечества. Преодолеть такую ненависть способна только смерть питающих это чувство, и если фортуна будет столь благосклонна к доблестному человеку, что его противники умрут своей смертью, он без помех сможет покрыть себя славой, ибо доказательства его доблести никого не обидят. Но если

ему в этом не повезет, то придется подумать о том, как избавиться от них, и прежде чем затевать что-либо, нужно справиться с этой трудностью. Кто читает Библию с пониманием, тот убедится, что Моисей, желая насадить свои законы и установления, был вынужден перебить бесчисленное множество людей, которые противились его намерениям не от чего иного, как от зависти. Необходимость этого прекрасно сознавал брат Джироламо Савонарола, как сознавал ее и Пьеро Содерини, гонфалоньер Флоренции. Первый не мог совладать с нею, не располагая для этого достаточной властью (ведь он был монахом), а также вследствие недопонимания своих сторонников, у которых на это хватило бы власти. Поэтому не его вина в том, что он не удержался; его проповеди полны обвинений мудрецов мира сего и выпадов против них; так он называл своих завистников и противившихся его велениям. Второй из упомянутых правителей надеялся, что со временем, благодаря его добросердечию, удачливости, расточаемым им благодеяниям, зависть утихнет. Находясь в цветущем возрасте и приобретая все новое расположение своими поступками, он рассчитывал одолеть множество своих противников, завидовавших ему, избегая насилия, раздоров и беспорядков. Но он не знал, что время не ждет, что добросердечие не всеильно, фортуна капризна, а злодейство не насыщается никакими дарами. Итак, оба этих мужа потерпели крах, и причиной его было не что иное, как невозможность или неумение справиться с завистью.

Примечательны еще порядки, установленные Камиллом для спасения Рима внутри и вне города. Поистине не без причины хорошие историки, как и рассматриваемый нами, подробно и во всех деталях описывают отдельные происшествия, чтобы потомки могли научиться, каким образом справиться с подобными обстоятельствами. По этому поводу следует заметить, что беспорядочная и стихийная оборона — самое пустое и опасное дело. Это можно видеть на примере третьего войска, которое было набрано Камиллом, чтобы оставить его в Риме на страже города. Многие и тогда и теперь посчитали бы эту меру излишней, поскольку римский народ сам по себе привязан к оружию и воинствен, а потому достаточно было бы вооружить его в случае необ-

ходимости и не объявлять специального набора. Но Камилл, как поступил бы любой мудрый человек на его месте, принял другое решение, ибо толпе нельзя доверить оружие, не придав ей определенной организации и не поставив определенные условия. Так что этот пример подсказывает защитнику города, что он ни в коем случае не должен допускать толпу вооружаться самовольно, а сперва ему следует отобрать и зачислить в свои списки тех, кого он сочтет нужным, чтобы они подчинялись ему, знали, где им собираться и куда выступать. Всех же прочих нужно отправить по домам, чтобы они охраняли свои жилища. Те, кто будет так действовать в осажденном городе, легко смогут его защитить, в противном случае они отступят от данного Камиллом образца и потерпят поражение.

Глава XXXI

Могущественные республики и выдающиеся люди при всех обстоятельствах сохраняют одинаковое спокойствие духа и одинаковое достоинство

Среди прочих замечательных деяний и речений, которые наш историк приписывает Камиллу, чтобы показать, каким следует быть выдающемуся человеку, он приводит следующие его слова: «Nec mihi dictatura animos fecit, nec exilium ademit»*. Отсюда видно, что великие люди при всех поворотах судьбы остаются сами собой, и если она то возвышает, то унижает их, сами они не изменяются и сохраняют твердость духа, столь неотъемлемую от их образа жизни, что, судя по каждому из них, фортуна над ними не властна. Иначе ведут себя люди слабохарактерные; в случае удачи они впадают в тщеславие и упиваются ею, относя все свои успехи на счет собственной доблести, которой у них никогда не бывало. Такая черта делает их несносными и ненавистными окружающим, а это зачастую ведет потом к внезапной перемене судьбы, и, оказавшись перед ней лицом к лицу, они тотчас впадают в другую крайность и становятся жалкими и презираемыми.

* «Диктаторская власть никогда не придавала мне духа, так же как изгнание его не отняло» (лат.).

Вследствие этого государи такого рода в трудных обстоятельствах чаще думают о спасении, чем о защите, потому что в свое время они плохо распорядились благосклонностью судьбы и не приготовились к обороне.

Такие же пороки и добродетели, о которых я рассказываю применительно к отдельному человеку, бывают и у республик, примером чего могут служить римляне и венецианцы. Первых не смогли согнуть никакие удары судьбы, и никакие ее благодеяния не сделали их заносчивыми, о чем можно хорошо судить по поражению, которое они потерпели при Каннах, и победе, одержанной ими над Антиохом. Хотя упомянутое поражение было тяжелейшим, ибо они были разгромлены в третий раз, римляне не пали духом и собрали новое войско; они не стали вопреки своим обычаям выкупать пленных и не запросили у Ганнибала или Карфагена мира, но, не думая о подобных унижениях, обратили свои помыслы к войне, для чего по недостатку мужчин вооружили своих стариков и рабов. Когда об этом узнал карфагенинин Ганнон, как мы уже говорили выше, он объяснил своему Сенату, сколь мало пользы будет от победы при Каннах. Отсюда видно, что трудные времена не утрашили римлян и не сделали их покорными. С другой стороны, благоприятные обстоятельства не пробуждали у них высокомерия, ибо, когда Антиох отправил к Сципиону посольство с предложениями мира, еще до начала сражения, в котором сирийцы были разгромлены, Сципион согласился на мир при выполнении определенных условий, в силу которых Антиох должен был вернуться в Сирию, а прочее оставить на усмотрение римского народа. Антиох отказался и вступил в бой, но, проиграв его, снова отправил послов Сципиону, поручив им принять все условия победителя. Однако Сципион повторил те же требования, что были выставлены им перед битвой, добавив следующие слова: «*Quod Romani, si vincuntur, non minuuntur animis; nec, si vincunt, insolescere solent*»*.

Противоположным образом вели себя венецианцы, которые в пору успеха, думая, что достигли его благодаря своей мнимой

* «Будучи побежденными, римляне не теряют присутствия духа, а победив, не впадают в гордыню» (лат.).

доблести, дошли до такой дерзости, что называли французского короля сыном святого Марка, ни во что не ставили Церковь, решились, что в Италии им будет тесно, и задумали образовать империю наподобие Римской. Потом, когда удача от них отвернулась и они были наполовину разгромлены при Вайлэ французским королем, они не только потеряли все свои владения, взбунтовавшиеся против них, но и добрую часть отдали папе и испанскому королю из-за своего малодушия и трусости. Они стали пресмыкаться перед императором, отправив к нему послов с предложением платить дань, писали папе письма с выражением рабской покорности, пытались его разжалобить. Все эти несчастья свалились на них за четыре дня, после сомнительного поражения, ведь, отступая, их войско оказывало сопротивление и было рассеяно только наполовину, так что один из проввевиторов спасся и прибыл в Верону с двадцатью пятью тысячами пеших и конных солдат. Таким образом, если бы Венеция и ее порядки хоть немного отличались доблестью, венецианцам было бы легко прийти в себя и встретить фортуна с открытым забралом, и тогда они смогли бы одержать победу или проиграть со славой, чтобы заключить мир на более почетных условиях. Но малодушие венецианцев, вызванное непригодностью их обычаев для ведения войны, лишило их одновременно и владений, и присутствия духа. Так неизбежно случится со всяким, кто будет поступать как они. Ведь заносчивым в случае успеха и малодушным при неудаче делают тебя твой образ действий и воспитание, полученное тобой с малых лет: если оно было пустым и поверхностным, то и ты будешь таким же; если другим, то и ты будешь обладать другими качествами; снабдив тебя глубоким знанием света, правильное воспитание заставит тебя меньше дорожить благом и меньше огорчаться злом. И если это можно сказать об одном человеке, то это же можно отнести и ко множеству людей, живущих в одной и той же республике: степень их совершенства зависит от присущего ей образа жизни.

И хотя уже было говорено, что основанием всех государств является хорошая армия и что при отсутствии таковой невозможно ввести хорошие законы и вообще что-нибудь полезное, мне

кажется нелишним повторить это, ибо, читая историю Ливия, на каждом шагу отмечаешь эту необходимость и видишь, что армия не может быть боеспособной, если она не обучена, и что ее невозможно обучить, если она не состоит из твоих подданных. Ведь войны не могут длиться непрерывно, поэтому следует готовить войско в мирное время, а содержать его для таких упражнений будет тебе не по карману, только если оно не состоит из подданных. Камилл, как мы уже говорили, отправился с войском против тосканцев, и едва его солдаты увидели огромное вражеское войско, на них напал страх, и им показалось, что силы слишком неравны, чтобы они смогли выдержать напор врага. Когда до Камилла дошел слух об этих дурных настроениях в лагере, он появился среди солдат и, заговаривая то с теми, то с другими, обошел лагерь, чтобы приободрить их. В последний момент, не отдавая никаких иных распоряжений, он сказал: «*Quod quisque didicit, aut consuevit, faciet*»*. Кто хорошенько вникнет в эти обстоятельства и в слова, сказанные Камиллом для воодушевления солдат на битву с врагом, тот увидит, что ничего подобного нельзя было сказать и скомандовать войску, которое не имело уже боевой выучки и в мирное, и в военное время. Ведь ни один командир не может полагаться на солдат, которые ничего не умеют, и ожидать, что от них будет какой-нибудь толк; будь то даже новый Ганнибал, поражение ему обеспечено. Во время сражения полководец не может находиться повсюду, и если он не расставил везде заранее людей, следующих его указаниям и знакомых с его образом действий и намерениями, то он неизбежно будет разгромлен. Итак, если какой-либо город будет защищен и устроен наподобие Рима, так что его гражданам и по отдельности, и всем вместе придется всякий день сталкиваться с испытаниями своей доблести и силы фортуны, они всегда и при всех обстоятельствах будут сохранять присутствие духа и достоинство. Но если они разоружатся и станут рассчитывать только на поддержку судьбы, а не на собственную доблесть, их участь будет зависеть от ее прихотей, и они проявят себя не лучше, чем это сделали венецианцы.

* «Пусть каждый сделает, чему он научен и к чему он привык» (лат.).

Глава XXXII

Как поступали некоторые, чтобы сорвать заключение мира

Против римского народа взбунтовались две его колонии, Цирцеи и Велитры, в надежде, что за них вступятся латины. Однако когда латины потерпели поражение и эта надежда угасла, многие из жителей названных городов предлагали отправить в Рим посольство ходатайствовать перед Сенатом, но этому решению помешали зачинщики мятежей, опасавшиеся, как бы им не пришлось отвечать за все головой. И чтобы исключить всякую возможность мирных переговоров, они подговорили толпу вооружиться и напасть на римские владения. И действительно, если кто-то желает совершенно расстроить договор одного народа или государя с другим, нет более верного и надежного средства, чем подбить их на явное преступление против того, с кем ты хочешь их рассорить. Ибо страх наказания, заслуженного этим народом или государем за совершенный им проступок, будет удерживать его от переговоров. После первой войны карфагенян с римлянами солдаты, сражавшиеся в карфагенской армии на Сицилии и Сардинии, отправились по заключении мира в Африку. Недовольные своим жалованьем, здесь они подняли оружие против карфагенян и, избрав двух вожаков, Мато и Спендия, захватили многие карфагенские земли и разграбили их. Карфагеняне, желая испробовать сначала мирные средства, отправили к ним для переговоров своего гражданина Гасдрубала, который должен был пользоваться среди них некоторым влиянием, поскольку раньше ими командовал. Но когда он прибыл к мятежникам, Спендий и Мато задумали лишить своих солдат надежды когда-либо заключить мир с Карфагеном и тем самым побудить их к войне, поэтому они убедили людей, что следует убить Гасдрубала вместе со всеми остальными карфагенскими гражданами, находившимися у них в плену. И они не только умертвили всех пленников, но еще и подвергли их длительным истязаниям, усугубив свое преступление изданием указа о том, чтобы расправляться таким образом со всеми захваченными карфагенянами. Это решение и эта казнь очень ожесточили войско и настроили его сражаться до конца против карфагенян.

Глава XXXIII

Желая выиграть сражение, необходимо вселить в солдат уверенность в собственных силах и веру в полководца

Чтобы войско одержало победу, нужно убедить его, что победа ему обеспечена. Надежность войска зависит от того, насколько хорошо оно вооружено и устроено, и от того, насколько солдаты знакомы друг с другом. Правильное устройство и взаимное доверие возникают в том случае, когда солдаты родились и выросли в одном месте. Уважение к командиру должно быть таково, чтобы солдаты были уверены в его благоразумии, а такую уверенность они приобретут, если всегда будут видеть его бодрым, подтянутым и смелым, отвечающим всем требованиям, налагаемым его высоким званием. И командир никогда не потеряет доверия солдат, пока будет наказывать их за проступки и не утруждать впустую, соблюдать свои обещания, указывать им легкий путь к победе, скрывать от них или разоблачать мнимые опасности. Если все это соблюдать как следует, войско будет уверено в себе и сумеет победить. Римляне придавали уверенность своим войскам с помощью религии, используя гадания и предсказания, чтобы назначать консулов, объявлять рекрутский набор, отправляться на войну и вступать в битву. Ни один добросовестный и мудрый полководец не стал бы ничего предпринимать, не совершив прежде какого-либо из этих обрядов, потому что пока солдаты не убедятся, что боги на их стороне, ему угрожает поражение. А если бы кто-то из консулов или другой военачальник вступили в битву вопреки дурным предсказаниям, они были бы наказаны, как был наказан Клавдий Пульхр. И хотя об этом говорится во всех описаниях римской истории, хорошим доказательством служат слова, которые Тит Ливий вкладывает в уста Аппия Клавдия. Последний, осуждая перед народом заносчивость народных трибунов, из-за которых, по его мнению, гадания и другие обряды благочестия пришли в упадок, утверждает: «*Eludant nunc licet religiones. Quid enim interest, si pulli non pascentur, si ex cavea tardius exiverint, si occinuerit avis? Parva sunt haec; sed parva ista non contemnendo, maiores nostri*

maximam hanc rempublicam fecerunt»*. В этих пустяках заключалась сила, объединяющая и вселяющая уверенность в солдат, что является первым условием любой победы. Следует, однако, чтобы с эти-ми обрядами соединялась доблесть, иначе они бесполезны. Пренес-тинцы, выставив войско против римлян, разбили свой лагерь на реке Аллии, где римляне потерпели поражение от французов. Этим про-тивники Рима хотели смутить его воинов, избрав неблагоприятное для них место, и вселить уверенность в своих солдат. И хотя по из-ложенным выше соображениям их расчет был довольно верным, но исход дела показывает, что подлинная доблесть не останавливается перед каждым случайным препятствием. Историк прекрасно выра-жает это в следующих словах, вложенных в уста диктатора, кото-рый обратился с ними к своему начальнику конницы: «*Vides tu, fortuna illos fretos ad Alliam consedis- se; at tu, fretus armis animisque, invade mediam aciem*»**. Истинная доблесть, правильная выучка, уверенность в себе, вынесенная из стольких побед, не могут быть поколеблены мелкими неприятностями; пустые страхи на них не действуют, временное замешательство им не вредит, как можно ви-деть на примере сражения двух консулов Манлиев с вольсками, в котором часть солдат была безрассудно выслана из лагеря за трофе-ями, вследствие чего лагерь и оставшиеся в нем неожиданно оказа-лись в окружении. Эту опасность рассеяло не благоразумие консу-лов, а доблесть их солдат. При этом Тит Ливий говорит такие слова: «*Militum, etiam sine rectore, stabilis virtus tutata est*»***.

Не премину указать еще на один прием, использованный Фабием, когда он только вошел в Тоскану с войском, чтобы при-дать ему веры в свои силы. Фабий считал такую веру особенно необходимой в чужой стране при встрече с незнакомым врагом, и, обратившись перед сражением к солдатам, перечисляя многие причины, которые позволяли римлянам надеяться на победу, он

* «Они теперь насмеваются над священнодействиями: что, мол, с того, если куры не клюют, если позже вылетят из клетки, если птица дурно закричит, — это пустяки! Но предки наши, не пренебрегая этими пустяками, сделали это госу-дарство великим» (лат.).

** «Смотри, полагаясь на счастье, они стали у Аллии!.. ты лучше положишься на оружие и на боевой дух и... ударь в середину вражеского строя...» (лат.).

*** «Только доблесть воинов, неизменная и в отсутствие полководцев, спасла их» (лат.).

сказал, что можно было бы привести еще другие доводы, обеспечивающие верный успех, если бы обнародовать их не было опасно. Этот мудро употребленный способ воодушевления солдат заслуживает такого же подражания.

Глава ХХХІV

Какая репутация, известность или слава одного из граждан обеспечивает ему расположение народа и проявляет ли последний больше благоразумия при раздаче должностей, чем государь

Мы уже говорили о том, как Манлий, прозванный впоследствии Торкватом, защитил своего отца Люция Манлия от выдвинутых против него народным трибуном Марком Помпонием обвинений. Сыновняя забота об отце настолько пришлась по душе толпе, что, хотя ее проявление было довольно жестоким и выходящим за общепринятые рамки, Тит Манлий не только не подвергся осуждению, но и при избрании трибунов легионов получил второе место. Это происшествие наводит на мысль о том, на чем народ строит свои суждения о людях, и о том, насколько справедливо приведенное выше заключение, что народ лучше распределяет должности, чем государь.

Итак, я скажу, что народ в своих решениях опирается на бытующие о человеке мнения, если его дела не являются общеизвестными, а также на те предположения и слухи, которые ходят на его счет. Предположения восходят прежде всего к представлению о том, что сыновья должны быть похожи на своих отцов, и если те были выдающимися и полезными гражданами, от них ждут того же до тех пор, пока они своими поступками не докажут обратное. Источником суждений служит также образ действий того, о ком идет речь. Наилучший образ действий состоит в том, чтобы водить дружбу с людьми серьезными, добронравными, чья мудрость известна каждому. Ничто так много не говорит о человеке, как круг его друзей, поэтому человек, который водит компанию с достойными людьми, заслуженно приобретает доброе имя, ибо он обязательно станет в чем-то на них похожим. Известность в

обществе можно еще приобрести с помощью какого-нибудь необычного и приметного поступка, хотя бы и в частной жизни, в котором ты проявил себя с достоинством. Из всех этих трех вещей, обеспечивающих человеку с первых шагов хорошую репутацию, последняя самая действенная, потому что суждения по сородичам и отцам бывают столь обманчивы, что люди не очень-то на них полагаются, и если обсуждаемое лицо не располагает собственной доблестью, уважение к нему быстро улетучивается. Второй способ, который позволяет судить о тебе по твоим знакомствам, лучше первого, но значительно уступает третьему, ибо пока ты чем-нибудь не проявишь себя сам, твоя репутация будет основана на молве, которая легко может ее уничтожить. Но третий способ, который исходит из твоих реальных дел и основывается на них, с самого начала так надежно защищает твое доброе имя, что, желая распротиться с ним, тебе придется совершить много дурных поступков. Таким образом, люди, выросшие в республике, должны идти по этому пути и поначалу привлечь к себе внимание какими-то необыкновенными деяниями. Так поступали в молодости многие римляне, добиваясь издания закона, защищающего общую пользу, обвиняя в злоупотреблениях кого-либо из влиятельных граждан или принимая другие подобные примечательные и незаурядные меры, которые вызвали бы толки. Все это необходимо не только для того, чтобы приобрести уважение, но и для сохранения и упрочения его. Но для этого следует придумывать все новые и новые дела, как поступал на протяжении всей своей жизни Тит Манлий — после того как он доблестно, не останавливаясь ни перед чем, защитил своего отца и благодаря этому снискал определенную репутацию, прошло несколько лет, и он сразился с французом, а убив его, снял с его шеи золотое ожерелье, за что получил имя Торкват. Мало того, уже в зрелом возрасте он умертвил своего сына за то, что тот сразился без разрешения, хотя и одолел врага. Три этих подвига сделали Манлия более известным и более почитаемым в веках, чем всевозможные триумфы и победы, которыми он был украшен наравне с другими римлянами. Дело в том, что своими победами Манлий мало

отличался от других, а вышеперечисленные его поступки сравнить было почти не с кем.

Сципиону Старшему больше всего славы принесли не столько его триумфы, сколько защита отца на реке Тичино и клятва, которую после поражения при Каннах с обнаженным мечом он заставил принести молодых римлян, которые пообещали не покидать Италию, как уже было ими решено. Эти два деяния положили начало известности Сципиона и послужили ступенью к его триумфам в войнах в Испании и в Африке. Еще больше увеличилось уважение к нему, когда он вернул отцу его дочь, а мужу — супругу в Испании. Такой образ действий полезен не только для граждан, собирающихся прославиться, чтобы занять определенный пост в своей республике, но и для государей, чтобы упрочить свою власть, ибо ничто не приносит им столько уважения, как необычайные слова и поступки, клонящиеся к общему благу и показывающие властелина великодушным, щедрым или справедливым, так что его имя не сходит с уст подданных. Возвращаясь к началу нашего рассуждения, скажу, что когда народ поручает что-либо одному из граждан, основываясь на одном из трех вышеописанных способов суждений, он не впадает в заблуждение, но если в дальнейшем этот человек подтверждает свою репутацию все новыми поступками, то это еще лучше, поскольку в таком случае обмануться почти невозможно. Я говорю только о тех должностях, которыми наделяют лиц, делающих первые шаги и не успевших твердо зарекомендовать себя на опыте или доказать свое непостоянство; в этих последних случаях народу трудно внушить ложное мнение или подкупить его, поэтому он будет меньше склонен к заблуждению, чем государь. Народ может быть увлечен славой, известностью и деяниями кого-либо из граждан, преувеличивая их значение, от чего застрахован государь, которого всегда предостережет кто-нибудь из советников. И дабы не лишать подобных же советов народы, мудрые основатели республик устроили так, чтобы при назначении на высшие должности в городе, которые опасно доверять неспособным к ним людям, особенно если к кому-нибудь из них клонится народная привязанность, всякий гражданин, считая это

к тому же похвальным делом, мог публично заявить о недостатках претендента, потому что тогда народ сможет судить о нем с лучшим знанием дела. О том, что так велось и в Риме, свидетельствует речь Фабия Максима, обращенная им к народу во время Второй Пунической войны, когда при избрании консулов успех клонился на сторону Тита Отацилия. Фабий считал его неспособным к исполнению консульской должности в такое время и во всеуслышание заявил об этом; вследствие такой речи народ обратил свое расположение на человека, больше этого заслуживающего. Итак, при выборе должностных лиц народы пользуются наиболее правильными мерками, и если им дают советы не хуже, чем государям, они совершают меньше ошибок, чем последние. Поэтому гражданин, желающий заслужить народное расположение, должен, как Тит Манлий, привлечь к себе внимание соответствующим поступком.

Глава XXXV

Сколь опасно отвечать за данный кому-либо совет, и чем необыкновеннее совет, тем больше опасность

Насколько опасно становиться во главе нововведений, которые касаются всех, как трудно готовить и проводить их, а затем охранять, рассуждать было бы слишком долго и увело бы нас в сторону, поэтому, отложив этот предмет до подходящего для таких высоких материй места, я буду говорить только о тех опасностях, которым подвергаются граждане или советники государей, выступающие с предложением важных и серьезных решений, так что все бремя ответственности за них ложится на этих лиц. Ведь для людей важен исход предприятия, поэтому все дурные последствия они приписывают его зачинщику, который удостоивается похвалы и за успех, но награда далеко не может сравниться с хулой. Нынешний турецкий султан Селим, как рассказывают люди, бывавшие в его стране, собирался в поход на Сирию и Египет, но один из его пашей, правивший на границе с Персией, уговорил его напасть на шаха, и, последовав этому совету, султан выступил в Персию с огромным войском. Он оказался в обширнейшем

краю, изобилующем пустынями и почти лишенном рек, и подвергся тем же лишениям, которые погубили в свое время много римских армий. Хотя силы султана превосходили противника, из-за голода и болезней он потерял большую часть своих воинов, так что воспылал гневом против зачинщика этого похода и казнил его. Можно прочесть о многих гражданах, выступавших за то или иное предприятие, а когда оно оканчивалось плачевно, они бывали отправлены в ссылку. Некоторые римские граждане выступали за то, чтобы избрать консулом плебея. Первый плебей, избранный консулом и отправившийся на войну, был разбит, и названным советчикам пришлось бы худо, если бы партия, настоявшая на принятии этого решения, не была в такой силе.

Итак, не подлежит никакому сомнению, что советники республик, советники государей находятся в затруднении, ибо если они не станут давать откровенных советов, которые представляются им полезными для государя или для их города, то не смогут исполнять свои обязанности. Советуя же, они подвергают опасности свою жизнь и свое положение, поскольку все люди в этих вещах слепы и судят о том, был ли совет хорошим или дурным, по результату. И, думая о том, как избежать одновременно и бесчестья, и опасности, я не вижу другого выхода, кроме того как относиться к делам спокойно и ничего не принимать близко к сердцу, высказывая свое мнение бесстрашно, и точно так же со скромностью защищать его, так что если твой город или государь склонится на его сторону, пусть он сделает это добровольно и не считает, что ты на этом упорно настаивал. Если ты поступишь таким образом, навряд ли государь или народ будут в обиде на твой совет, потому что ты не навязывал его вопреки воле многих; ведь опасность наступает тогда, когда ты перечислишь множеству людей, которые впоследствии, при неудачном исходе, наперебой стараются тебя погубить. И если в таком случае ты лишишь себя славы, приобретаемой, когда ты противостоишь большинству в одиночку и твое мнение оказывается справедливым, все-таки тут ты получаешь два преимущества: во-первых, избегаешь опасности, а во-вторых, если ты не навязываешь свой совет и твоему мнению предпочли совет другого, который затем оказывается неудач-

ным, ты достаиваешься превеликой похвалы. И хотя слава, приобретенная вследствие неудач твоего города или твоего государя, приносит мало радости, нельзя пренебрегать и ею. Больше, пожалуй, я не могу ничего посоветовать по этому поводу, ибо, если я предложу людям молчать и не высказывать своего мнения, от этого для республики и для государя ничего не прибавится, а они не избегут опасности, потому что со временем станут вызывать подозрение. С ними может случиться, как с друзьями македонского царя Персея, разгромленного Эмилием Павлом и спасшегося с небольшой свитой. Случилось так, что, возвращаясь к происшедшим событиям, один из друзей царя стал перечислять Персею допущенные им ошибки, которые привели к его крушению. Обратившись к нему, Персей воскликнул: «Предатель, так ты дожидался, чтобы высказать все это мне теперь, когда уже ничем нельзя помочь!» — и при этих словах собственноручно умертвил его. Так этот придворный был наказан за то, что помалкивал, когда следовало высказываться, и высказался, когда должен был промолчать. Посему я думаю, что нужно поступать так, как было сказано выше.

Глава XXXVI

О причинах, почему до сих пор считается, что французы в сражении поначалу сильнее мужей, а потом слабее женщин

Свирепость того француза, который вызывал на реке Аниен кого-нибудь из римлян сразиться с ним, и исход его схватки с Титом Манлием напоминают мне о неоднократно повторенном Титом Ливием мнении, что в начале битвы французы сильнее мужей, а при продолжении ее становятся слабее женщин. Размышляя о причинах этого, многие полагают, что такова природа французов, и, по-моему, подобное мнение верно; но это не означает, что нельзя с помощью искусства сохранить эту их природную ярость до самого конца сражения.

Для доказательства я сошлюсь на то, что войска бывают трех родов: первый обладает и яростью, и порядком; ведь доб-

лесть в сочетании с неистовством проистекает из упорядоченного устройства, которое было у римлян, и по всей их истории видно, что римская армия обладала правильным порядком, на долгое время обеспечившим ей сохранение строгой дисциплины. В правильно устроенном войске недопустимы никакие самовольные поступки, поэтому в римской армии, которая завоевала весь мир и с которой должны брать пример все остальные армии, без приказа консула нельзя было ни есть, ни спать, ни развлекаться с женщинами, ни заниматься какими-либо другими военными или домашними делами. Если в войске заведено иначе, это не настоящее войско, и даже когда ему удастся показать себя, это бывает за счет порыва и натиска, а не вследствие доблести. Но там, где упорядоченная доблесть согласует порыв со временем и с обстоятельствами, войско не отступает ни перед какими трудностями и не падает духом, ибо дух его и порыв, питаемые надеждой на победу, поддерживаются хорошим порядком, и пока сохраняется порядок, сохраняется и надежда. Иначе дело обстоит в том войске, которое не упорядочено и полагается только на яростный порыв, как это было у французов. Это их подводило в бою, ибо, когда им не удавалось одержать верх после первого же натиска, они оказывались в затруднении, потому что их порыв не опирался на упорядоченную доблесть, а кроме него, им не на что было рассчитывать, и когда этот порыв охладевал, они проигрывали. Римляне, напротив того, вследствие упорядоченности своего войска не боялись опасностей, твердо верили в победу и сражались упорно и ожесточенно, с одинаковой храбростью и с одинаковой доблестью как в начале, так и в конце. Более того, в пылу битвы они еще более возбуждались. В войсках третьего рода нет ни естественной ярости, ни внешнего порядка; к ним относятся современные итальянские армии, от которых не бывает никакой пользы, и если им не посчастливится наткнуться на войско, которое почему-либо их испугается и побежит, им никогда не одержать победу. Не стану приводить примеры, потому что всякий день приносит нам подтверждения этого. Приведу, чтобы всякий понял, какой должна быть хорошая армия и какова бывает плохая, свидетельство Тита Ливия, выраженное в словах Папирия

Курсора, произнесенных им при наказании начальника конницы Фабия: «Nemo hominum, nemo Deorum, verecundiam habeat; non edicta imperatorum, non auspicia observentur; sine com meatu vagi milites in pacato, in hostico errent; immemores sacramenti, licentia sola se ubi velint exauctorent; infrequentia deserantur signa, neque conveniatur ad edictum, nec discernantur, interdium nocte; aequo iniquo loco, iussu iniussu imperatoris pugnent; et non signa, non ordines servent: latrocinii modo, caeca et fortuita, pro solemni et sacrata militia sit»*. По этому отрывку можно легко судить, действуют ли современные армии слепо и беспорядочно или их деяния освящены обычаем и присягой, и сколь далеки они от того, чтобы по праву называться войском, таким же грозным и упорядоченным, как римское, или хотя бы только яростным, как французское.

Глава XXXVII

Необходимы ли мелкие стычки перед сражением и как избежать их, желая узнать незнакомого врага

Похоже, что приводить людские дела в совершенство, как мы уже говорили, помимо всего прочего, мешает близость между добром и злом, так что, желая первого, нельзя, по-видимому, избежать второго, ибо зло рождается одновременно с этим же добром. Это можно заметить во всех людских начинаниях. Нелегко обрести желаемое благо, если судьба не поможет тебе и своей силой не преодолет указанное обычное и естественное препятствие. Обо всем этом напомнила мне схватка между Манлием и французом, по поводу чего Тит Ливий говорит: «Tanti ea dimicatio ad universi belli eventum momenti fuit, ut Gallorum exercitus, relictis trepide castris, in Tiburtem agrum, mox in Campaniam transierit»**.

* «Исчезает почтение к людям и почитание богов, не повинуются ни указам вождя, ни наказам жреца; воины самовольно бродят и по замиренным, и по враждебным землям; забыв о присяге, по своему произволу, они оставляют службу, когда захотят; они покидают осиротелые знамена и не сбегаются, когда им велят, и не разбираются, днем ли они сражаются или ночью, в том ли месте или не в том, по приказу военачальника или без оногo, они не ждут знака, не соблюдают рядов, и на месте военной службы, освященной обычаем и присягой, оказывается подобие разбоя, слепого и беспорядочного» (лат.).

** «Этот поединок имел важное значение для исхода всей войны, ибо войско галлов, в страхе бросив лагерь, ушло в земли тибуртинцев, а оттуда в Кампанию» (лат.).

С одной стороны, я полагаю, что хороший полководец должен избегать всех второстепенных действий, которые могут плохо повлиять на его войско, ведь вступать в столкновения с врагом только частью своих сил, когда судьба поставлена на карту, крайне безрассудно, о чем я говорил выше, осуждая охрану перевалов.

С другой стороны, я думаю, что мудрые военачальники, встречаясь с новым врагом, устрашающим своей известностью, бывают вынуждены еще до генерального сражения испытать его в легких стычках со своими солдатами, чтобы те, познакомившись и схватившись с противником, избавились от ужаса, внушаемого его славой и громким именем. Командующий войском обязательно должен обратить на это внимание как на насущную необходимость, ибо поражение тебе почти обеспечено, если ты в мелких столкновениях перед боем не избавишь своих солдат от той робости, которую известность врага может заронить в их души.

Валерий Корвин был отправлен римлянами с войском против самнитов, незнакомого им противника, с которым они дотопе еще ни разу не скрещивали оружие; Тит Ливий сообщает, что Валерий начал с легких стычек между римлянами и самнитами, «*ne eos novum bellum, ne novus hostis terreret*»*. Но здесь заключается и великая опасность, ибо если твои солдаты будут побеждены в этих столкновениях, они станут трусить еще больше, и из этого выйдет противоположный твоим намерениям результат, то есть вместо ободрения ты еще сильнее их напугаешь. Это одна из тех вещей, где расстояние между злом и благом столь незначительно и они так неотделимы друг от друга, что вместо одного легко получить другое. На этот счет я скажу, что хороший полководец со всем старанием должен следить, чтобы никакая случайность и никакое событие не могли подорвать боевой дух его войска. Боевой дух снижается там, где начинают проигрывать, поэтому нужно остерегаться мелких стычек и вступать в них только при большом численном перевесе и с твердой уверенностью в победе. Не стоит защищать проходы, если при этом невозможно использовать все войско, нет смысла оборонять города, кроме тех случаев, когда их потеря неминуемо влечет за собой поражение в войне, и если уж ты защищаешь город, в этом должно участвовать, кроме

* «чтобы их не страшили неведомая война и неиспытанный враг» (лат.).

его гарнизона, и все войско, чтобы и враг бросил на штурм все свои силы. Во всех остальных случаях лучше отступить. Ведь когда ты уходишь с какого-то места добровольно и сохранив войско, ты не считаешься потерпевшим поражение и сохраняешь надежду на победу в войне. Если же ты лишаешься чего-то, что собирался защищать и все от тебя этого ожидали, то это и вредно, и опасно, ибо ты, подобно французам, из-за пустяка можешь проиграть войну.

Филипп Македонский, отец Персея, опытный и выдающийся в свое время полководец, покинул и опустошил при нападении римлян многие из своих владений, ибо считал, что не сможет сохранить их за собой. По своему благоразумию он рассудил, что лучше оставить эти земли врагу как не представляющие особой ценности, чем подорвать свой авторитет, будучи не в состоянии защитить их. Когда римляне после битвы при Каннах оказались в беде, они отказали в помощи многим из своих союзников и подданных, предложив им защищаться, как только смогут. Но это гораздо лучше, чем пообещать защиту, а потом оставить на произвол судьбы, ибо в последнем случае ты теряешь и союзников, и собственные силы, а в первом — только союзников. Возвращаясь к стычкам, скажу, что если полководец и будет вынужден вступить в подобные столкновения, чтобы познакомиться с врагом, он должен устроить это с таким преимуществом для себя, чтобы не подвергаться никакой опасности, или поступить подобно Марию, что было бы наилучшим решением. В походе против кимвров, свирепого и дикого народа, вторгшегося в Италию, чтобы разграбить ее, и наводившего великий страх своей многочисленностью и яростью, а также одержанной уже над римским войском победой, Марий посчитал необходимым еще до вступления в бой устроить так, чтобы его войско избавилось от робости, внушаемой этим ужасным врагом, и прибег к такому приему: несколько раз он располагал войско в таком месте, где должны были проходить кимвры. Под защитой своего лагеря его солдаты могли рассмотреть врага и привыкнуть к его виду; наблюдая за беспорядочными толпами кимвров, обремененных обозами, частью плохо вооруженных, а частью и вовсе безоружных, римские сол-

даты обрели уверенность и воспылали жаждой сразиться с ними. Мудрый поступок Мария заслуживает подражания, ибо позволяет избежать вышеназванных опасностей и не уподобиться французам, «qui ob rem parvi ponderis trepidi, in Tiburtem agrum et in Campaniam transierunt»*. И раз уж мы упомянули здесь Валерия Корвина, я хочу показать в следующей главе с помощью его слов, каким должен быть хороший военачальник.

Глава XXXVIII

Каким должен быть командир, которому может доверять его войско

Валерий Корвин, как мы уже говорили выше, выступил с войском против самнитов, новых противников римского народа. Чтобы ободрить своих солдат и приучить их к неприятелю, он устраивал с ним небольшие стычки и, кроме того, перед сражением обратился к войску с речью, в которой со всей ясностью показал, сколь мало опасен такой противник для столь доблестных солдат и столь умелого полководца. Слова, вкладываемые Ливием в его уста, указывают, каким должен быть командир, на которого может положиться войско. Эти слова следующие: «Тum etiam intueri, cuius ductu auspicioque ineunda pugna sit, utrum, qui audiendus dumtaxat magnificus adhortator sit, verbis tantum ferox, operum militarium expertus, an qui et ipse tela tractare, procedere ante signa, versari media in mole pugnae sciat. Facta mea, non dicta, vos, milites, sequi volo; nec disciplinam modo, sed exemplum etiam a me petere, qui hac dextra mihi tres consulatus, summamque laudem peperit»**. Эта речь, если в нее как следует вдуматься, учит действовать в соответствии с высоким званием военачальника, и если кто-то будет поступать

* «которые, испугавшись незначительного поражения, ушли в земли тибуртинцев, а затем в Кампанию» (лат.).

** «Пусть каждый видит, под чьим водительством и ауспициями ему предстоит драться: иного любо послушать, как отменно он умеет звать на бой, но удал он на словах, а в ратном деле несведущ; а иной сам умеет и пустить дротик, и вырваться пред знамена, и управиться с самой гущей боя. Пусть же, воины... не слова мои вас ведут, а дела, и чтобы ждали вы от меня не приказа, но примера... Собственной моей десницей трижды стяжал я консульство и высшую награду» (лат.).

иначе, достигнув этого звания благодаря своей удачливости или честолюбию, со временем он его лишится и не обретет славы, ибо не титулы украшают людей, а люди титулы. Начало настоящего рассуждения наводит на мысль о том, что если выдающиеся полководцы прибегали к чрезвычайным мерам для поднятия духа закаленного войска перед битвой с незнакомым врагом, насколько важнее прибегать к таким приемам при управлении неопытным войском, никогда не встречавшимся с врагом лицом к лицу. Если необычный противник устрашает опытное войско, то еще больший страх должен наводить любой противник на новоиспеченных солдат. Тем не менее известно, что хорошие командиры не раз справлялись с подобными трудностями благодаря своему благоразумию, как, например, уже упоминавшиеся римлянин Гракх и фиванец Эпаминонд, которые, командуя молодыми солдатами, одержали победу над закаленными в боях и опытнейшими воинами.

Для этого они месяцами упражняли их в учебных схватках и прививали им навыки послушания и порядка; после этого они могли с уверенностью рассчитывать на них в настоящем сражении. Поэтому ни один военачальник не должен отчаиваться в обретении хорошего войска, если людей у него в достатке, ибо государь, имеющий в избытке подданных, но лишенный солдат, должен пенять не на людское малодушие, а на свою лень и неблагоразумие.

Глава XXXIX

О том, что полководец должен разбираться в местности

В число других вещей, знакомство с которыми необходимо для командующего войском, входит умение разбираться в природе данного края или местности, ибо, не располагая такими познаниями общего и частного характера, полководец не в состоянии предпринять ничего дельного. А поскольку для совершенствования в любой науке нужен опыт, для овладения названным предметом опыт необходим вдвойне. Такого рода познания и опыт лучше, чем каким-либо другим способом, приобретаются с помощью охоты. Древние писатели рассказывают, что герои, управляв-

шие миром в старину, росли в лесах среди охотников, ибо охота, помимо указанных навыков, учит многим вещам, полезным на войне. В жизнеописании Кира Ксенофонт сообщает, что когда правитель персов напал на царя Армении, он, расставляя войско перед битвой, напомнил своим людям, что им предстоит не что иное, как одна из неоднократно устраивавшихся ими охот. Тем, кого он посылал сидеть на холмах в засаде, он говорил, что они должны уподобиться охотникам, натягивающим сети между вершинами, а тем, кто двигался по равнине, — что они напоминают загонщиков, выманивающих зверей из их логовищ, чтобы они попадали в сети.

Об этом говорится, чтобы показать, что охота, как утверждает и Ксенофонт, есть прообраз войны, и поэтому заниматься ею необходимо и подобает высокопоставленным лицам. Во время охоты удобнее всего познакомиться со строением местности, ибо охотник запоминает те места, по которым он проходит, во всех подробностях. А если ты хорошо изучил природу одного края, то тебе нетрудно будет ориентироваться и в других, ибо всякая страна и местность имеет в себе много сходного с другими, так что, осваивая одну, ты познаешь и прочие. Но кто не привык понимать особенности одной местности, тот с трудом, разве что по прошествии длительного времени, сумеет разобраться в другой. А кто располагает такими навыками, тот в мгновение ока схватывает, как раскинулась эта равнина, где высятся те холмы, куда спускается эта долина и т.п., знание о чем в свое время он хорошо усвоил. Справедливость сказанного подтверждает Тит Ливий на примере Публия Деция, военного трибуна в войске консула Корнелия, выставленном против самнитов. Консул оказался в ущелье, где римское войско могло быть отрезано противником, и, распознав эту опасность, Публий сказал консулу: «*Vides tu, Aule Corneli, cacumen illud supra hostem? Arx illa est spei salutisque nostrae, si eam (quoniam caeci reliquere Samnites) impigre capimus*»*. А перед этими словами, сказанными Децием, Тит Ливий гово-

* «Видишь, Авл Корнелий, ту вершину над врагами? То оплот нашей надежды и спасения, если мы займем его не мешкая, благо самниты сослепу его проглядели» (лат.).

рит: «Publius Decius tribunus militum, conspicit unum editum in saltu collem, imminentem hostium castris, aditu arduum impedito agmini, expeditis haud difficilem»*. Консул послал туда Публия с тремя тысячами солдат, и когда римское войско было спасено, при приближении ночи трибун решил отойти, чтобы спасти тем самым жизнь себе и своим солдатам, в связи с чем Тит Ливий вкладывает в его уста следующие слова: «Ite mecum, ut, dum lucis aliquid superest, quibus locis hostes praesidia ponant, qua pateat hinc exitus, exploremus». Наec omnia sagulo militari amictus ne ducem circumire hostes notarent, perlustravit»**. Рассматривая весь этот отрывок, легко убедиться, сколь полезно и нужно для военачальника разбираться в природе местности. Если бы Деций не располагал такими познаниями, он не смог бы судить о том, как полезно занять ту возвышенность для римского войска. Он не увидел бы уже издали, был ли холм неприступным, или можно было на него взобраться. Поднявшись на него и желая затем вернуться к консулу, он не смог бы сразу же определить возможные пути отступления в окружении врагов и занятые ими позиции. Так что Деций наверняка был сведущ в подобных делах, благодаря чему он занял названный холм и спас римское войско; позже он сумел выйти из окружения и спасти свою жизнь, а также жизнь бывших с ним солдат.

Глава XL

О том, что употребление хитрости на войне похвально

Хотя прибегать к обману всегда предосудительно, военные хитрости заслуживают одобрения и похвалы, и тот, кто с помощью хитрости одержал верх над врагом, заслуживает такого же поощрения, как одолевший его силой. Об этом свидетельствуют суждения авторов, оставивших жизнеописания великих людей; они расточают хвалу Ганнибалу и прочим отли-

* «Публий Деций, военный трибун, заметил выдававшуюся среди гор возвышенность, которая господствовала над лагерем неприятеля; для войска со всем обозом она была почти недоступна, но занять ее налегке не составляло труда» (лат.).

** «Ступайте за мною, чтобы засветло разведать, где у них стоит охрана и где есть выход отсюда». Завернувшись в плащ простого воина... дабы враг не заметил, что вождь совершает обход, он осмотрел все ходы и выходы» (лат.).

чившимся в подобных делах. Этому можно сыскать много примеров, и я не стану их повторять. Скажу только, что не может, на мой взгляд, принести славу коварство, с которым ты нарушаешь слово или заключенный договор, ибо хотя с его помощью иной раз приобретаются владения и власть, как говорилось выше, оно никогда не принесет тебе доброго имени. Я же говорю о тех хитростях, которые направлены против противника, не доверяющего тебе, и сводятся к чисто военным уловкам, как у Ганнибала, когда он на Перуджинском озере, чтобы отрезать консула и римское войско, изобразил притворное бегство, или когда, чтобы уйти из рук Фабия Максима, поджег рога обозного скота.

К подобной же хитрости прибег вождь самнитов Понтий, дабы замкнуть римское войско в Кавдинском овраге. Поставив свое войско за холмами, он переодел нескольких солдат в пастушьи платья и, снабдив каждого из них стадом, расставил по равнине. Когда они попадали в руки к римлянам и отвечали на их расспросы о самнитском войске, то все в согласии между собой показывали, как им велел Понтий, что самниты осаждают Ночеру. Консулы, поверив в это, оказались в ловушке в Кавдинском овраге, где были окружены самнитами. Этот успех, одержанный благодаря хитрости, принес бы Понтию великую славу, если бы он послушался советов отца, предлагавшего либо отпустить всех римлян на свободу, либо перебить их всех, но только не останавливаться на среднем пути, «*quae neque amicos parat, neque inimicos tollit*»*. Этот путь в государственных делах всегда пагубен, как было уже показано в своем месте.

Глава XLІ

О том, что, защищая отчизну, должно искать славы, но не бояться позора; в этом случае и те, и другие способы хороши

Как было сказано выше, консул и римское войско попали в засаду, устроенную самнитами, которые предъявили им постыднейшие условия сдачи (они должны были пройти под игмом и безоружными вернуться в Рим). Консулы были поражены этим требованием, а все войско пришло в отчаяние, но римский легат

* «который друзей не создаст, а врагов не уничтожит» (лат.).

Люций Лентул сказал, что, по его мнению, ни от чего не следует отказываться ради спасения родины, и так как жизнь Рима зависит от жизнеспособности его войска, необходимо сохранить его любой ценой; и что для защиты отечества хорош всякий способ, ведет ли он ко славе или к позору, ибо, сохранив свое войско, римляне могли впоследствии смыть с себя позор, а обрекая его на гибель, даже со славой, они утрачивали свободу и подписывали себе приговор. Совет легата был принят, и он заслуживает внимания и подражания со стороны всякого гражданина, родина которого окажется в сходных обстоятельствах, ибо когда на весы положено спасение родины, его не перевесят никакие соображения справедливости или несправедливости, милосердия или жестокости, похвального или позорного. Наоборот, предпочтение во всем надо отдать тому образу действий, который спасет ее жизнь и сохранит свободу. Именно так поступают и рассуждают французы, защищая величие своего короля и мощь королевства, и ничто их так не раздражает, как слышать от кого-нибудь: «Совершить то-то и то-то для короля позорно», потому что, как они говорят, их король не может испытывать стыда, какое бы решение он ни принимал, в благоприятных или неблагоприятных обстоятельствах — побеждает он или терпит поражение, — это все, по их мнению, не роняет королевского достоинства.

Глава XLII

О том, что не следует соблюдать обещания, вырванные силой

Когда консулы разоружили свое войско и после перенесенного позора вернулись в Рим, первым в Сенате предложил не соблюдать заключенный в Кавдии мир консул Спурий Постумий. Он сказал, что мирные обязательства взял на себя не римский народ, а он сам и другие дававшие обещание, поэтому народ, чтобы освободиться от их выполнения, должен выдать самнитам консула и всех остальных римлян, заключавших мир. Постумий так настаивал на этом решении, что Сенат удовлетворил его и отправил вместе с другими в Самниум, объявив мир с его наро-

дом недействительным. Судьба была столь благосклонна к Постумию, что самниты не стали его удерживать, и он вернулся в Рим, стяжав среди его жителей — благодаря поражению — бóльшую славу, чем Понтий у самнитов вследствие своей победы. Тут следует сделать два замечания: во-первых, любой поступок может принести славу, потому что если победы всегда сопровождаются ею, то при поражении ты можешь доказать, что в нем не было твоей вины, или каким-нибудь доблестным поступком смыть его позор. Во-вторых, в несоблюдении обещаний, к которым ты был вынужден силой, нет бесчестья, и обещания, данные в публичных делах под давлением силы, никогда не будут соблюдаться, если это давление ослабнет, причем нарушителей нельзя будет посчитать бесчестными. Во всех историях можно прочесть о многих подобных случаях; наблюдаются они всякий день и в наше время. Государи не только не соблюдают вынужденные обещания, когда побудившие к этому силы перестают действовать, но нарушают и все прочие обещания, если у них нет больше причины соблюдать их. Похвально ли это или нет и должен ли государь придерживаться подобного образа действий, подробно обсуждено нами в трактате *De Principe**, поэтому теперь мы об этом умолчим.

Глава XLIII

Природа людей, рожденных в одной стране, во все времена почти одна и та же

Мудрые люди очень справедливо и не зря говорят, что желающий предвидеть будущее должен обратиться к прошлому, потому что все события в мире во всякое время могут быть сопоставлены с подобными же им в старину. Происходит это оттого, что действуют в них люди, и прежде и ныне обуреваемые одними и теми же страстями, и это с необходимостью приводит к одинаковым результатам. И бесспорно, что деяния их в той или иной стране могут быть более доблестными, чем в других, в зависимости от той формы воспитания, которую внушил этим народам их образ жизни. Познание будущего через прошедшее облегчается еще и тем, что отдельные народы, как можно убедиться, на про-

* «Государь» (лат.).

тяжении длительного времени сохраняют одни и те же нравы, проявляя постоянную скупость или постоянное коварство или выказывая другие подобные пороки или добродетели. Кто прочитает о событиях, пережитых нашей Флоренцией, и рассмотрит также происшествия, случившиеся в недавнее время, тот обнаружит, что немцам и французам присущи жадность, высокомерие, жестокость и вероломство, ибо эти четыре качества в разное время принесли большой вред нашему городу. Что касается исполнения обещаний, всякий знает, сколько раз король Карл VIII получал деньги, обещая вернуть пизанские укрепления, чего он так и не сделал. В этом проявились его вероломство и великая алчность. Но оставим эти свежие события. Всякий может удостовериться в том, что произошло во время войны флорентийского народа против миланских герцогов Висконти. Лишенная других средств, Флоренция помышляла призвать в Италию императора, дабы он употребил весь свой вес и все свои силы против Ломбардии. Император пообещал выступить с большим войском для подавления Висконти и защитить Флоренцию от этой угрозы, если флорентийцы уплатят ему сто тысяч дукатов на сборы и еще сто тысяч в Италии. Те согласились на его условия и выплатили обе суммы, но император, дойдя до Вероны, обратился вспять, ничего не добившись и оправдывая свое бездействие тем, что уговор не был исполнен. Так что если бы Флоренция не уступила велению нужды или своему влечению, а ознакомилась бы с повадками варваров и прочла о них в старинных книгах, то ей не пришлось бы на этот раз, как и много раз раньше, в них обмануться, ибо они всегда действовали одинаковым образом и во всех случаях со всеми партнерами применяли одни и те же приемы. Так же они поступили в старину с тосканцами, которых притесняли римляне и которые были несколько раз разгромлены и принуждены к бегству. Не в силах больше сопротивляться римлянам, тосканцы предложили заплатить французам, обитавшим по эту сторону Альп в Италии, определенную сумму денег за то, что они присоединятся к ним со своим войском для борьбы с римлянами. Французы, взяв деньги, не пожелали потом вступать в войну, утверждая, что это была плата не за помощь в военных действиях против Рима, а за то, чтобы они воздержались от нападе-

ния на земли тосканцев. Таким образом, тосканцы из-за жадности и вероломства французов лишились одновременно и своих денег, и ожидаемой помощи. Этот пример с древними тосканцами и современными флорентийцами показывает, что у французов всегда были одни и те же повадки, и по нему можно судить, насколько государи могут им доверять.

Глава XLIV

Отвага и натиск часто помогают добиться того, чего не удастся достичь обычными способами

Когда на самнитов двинулось римское войско, которому они не могли противостоять в сражении, было решено оставить на землях Самниума небольшую охрану, а со всей армией пройти в Тоскану, замирившуюся с римлянами, и посмотреть, не удастся ли своим присутствием заставить тосканцев снова взяться за оружие, в чем они отказали самнитским послам. Обращаясь к тосканцам, самниты указали причину, заставившую их прибегнуть к оружию, причем употребили примечательное выражение: «*Rebellasse, quod pax servientibus gravior, quam liberis bellum esset*»*. Так отчасти уговорами, отчасти благодаря присутствию своего войска они побудили тосканцев вооружиться. Здесь следует заметить, что если один государь хочет добиться чего-либо от другого, он должен, если это позволяют сделать обстоятельства, не оставлять ему времени для раздумий и поставить его перед необходимостью скорого решения, а для этого нужно, чтобы просимый убедился, что отказ или промедление обернутся для него тотчас же опасным недовольством просящего государя.

Такой прием в наше время успешно использовали папа Юлий в отношении французов и господин де Фуа, полководец французского короля, в отношении маркиза Мантуанского. Папа Юлий, желая изгнать из Болоньи семейство Бентивольо и нуждаясь для этого в помощи французов и нейтралитете венецианцев, обратился и к тем и к другим, но получил от тех и других двусмысленный и расплывчатый ответ. Тогда он решил принудить союзников склониться на

* «Они возобновили войну, ибо мир для подневольных горше, чем война для свободных» (лат.).

его сторону, не оставляя им времени для выбора, и, выступив из Рима с теми отрядами, которые сумел собрать, отправился в Болонью. Венецианцам он велел передать, чтобы они оставались нейтральными, а французскому королю — чтобы он прислал подкрепление. Тогда, видя, что не остается времени для раздумий и что папа в случае отказа или промедления может сильно разгневаться, просимые уступили его желаниям; король прислал помощь, а венецианцы остались нейтральными. Господин де Фуа, находясь со своим войском в Болонье, узнал о мятеже в Брешии и решил отправиться на его подавление, для чего существовало два пути: один, очень длинный и неудобный, через королевские владения, второй же, короткий, через территорию Мантуи, однако во время похода через земли маркиза Мантуанского французам пришлось бы преодолеть некоторые укрепления, рассеянные среди озер и болот, которыми изобилует названная провинция, защищенная крепостями и заставами ее хозяина. Поэтому де Фуа, выбрав короткую дорогу, дабы справиться со всеми затруднениями и не дать маркизу опомниться, неожиданно двинул свое войско по этому пути, а у маркиза потребовал прислать ему ключи от укреплений. Маркиз, поставленный перед свершившимся фактом, выслал ключи, чего он никогда бы не сделал, если бы де Фуа вел себя более нерешительно, ибо Мантуя состояла в союзе с венецианцами и с папой, в руках у которого находился сын маркиза. Все это давало последнему вполне законный повод для отказа. Но, застигнутый врасплох, он дал согласие по указанным выше причинам. Так же поступили и тосканцы с самнитами, присутствие войска которых заставило их снарядить своих воинов, в чем ранее было отказано.

Глава XLV

Что предпочтительнее в сражениях: отразить натиск врага и затем двинуться на него или со всем пылом напасть первому

Римские консулы Деций и Фабий с двумя армиями выступили навстречу войскам самнитов и тосканцев, с которыми одновременно вступили в сражение. При этом следует рассмотреть, какой из двух различных способов, принятых каждым из консу-

лов, предпочтительнее. Деций обрушил на врага весь свой напор и все свои силы, Фабий же только поддерживал его, полагая, что с атакой будет полезнее выждать и сохранить свой напор для конца битвы, когда противник утратил первый боевой пыл и, как мы говорим, задор. Исход сражения показывает, что гораздо лучше удался замысел Фабия, чем Деция, который был обескровлен первыми ударами и, видя, что его фланг клонится к тому, чтобы повернуть спину, решил своей смертью заплатить за ту славу, которую не мог обрести, победив. Подобно своему отцу он принес себя в жертву ради успеха римских легионов. Когда об этом узнал Фабий, то, желая сравниться при жизни славой со своим напарником, снискавшим ее посмертно, он двинул вперед все свои силы, сохраненные на этот случай, и одержал блестящую победу. Это показывает, что образ действий Фабия надежнее и более достоин подражания.

Глава XLVI

Отчего члены семейства, живущего в каком-либо городе, на протяжении некоторого времени являют одни и те же нравы

Похоже, что не только один город отличается от другого своим устройством и обычаями и производит на свет людей более крепких или более изнеженных, но и в одном и том же городе существуют подобные различия между разными семействами. Это справедливо в отношении всякого города, и в истории Рима тому можно сыскать немало примеров: скажем, Манлии были стойкими и упорными, Публиколы — людьми доброжелательными и привязанными к народу, Аппии — честолюбивыми и враждебными плебеям, и точно так же многие другие семьи отличались своими качествами от прочих. Эти отличия не могут зависеть только от крови, ведь кровное родство ослабевает благодаря бракам.

Поэтому причиной различий неизбежно следует считать разное воспитание, принятое в разных семьях. Очень важно, что подросток с младых ногтей привыкает слышать одобрение или порицание определенных вещей и это неизбежно запечат-

леваются в его уме, а впоследствии на протяжении всей своей жизни он руководствуется подобными суждениями в своем поведении. В противном случае было бы невозможно, чтобы у всех Аппиев наблюдалось одно и то же желание и они были движимы одними и теми же страстями, как пишет Тит Ливий о многих из них. В последний раз, когда один из Аппиев сделался цензором и его коллега по истечении 18 месяцев согласно закону оставил свою должность, Аппий не захотел отказаться от своей, утверждая, что может занимать ее в течение пяти лет, согласно первому закону, принятому цензорами. И хотя по этому поводу было произнесено множество речей и произошло много беспорядков, ничто не могло заставить Аппия сложить с себя полномочия, несмотря на желание народа и большей части сенаторов. Кто ознакомится с речью народного трибуна Публия Семпрония против Аппия, тот увидит, каково было высокомерие последнего, а также добронравие и человечность бесчисленного множества граждан, подчинявшихся законам и обрядам своей родины.

Глава XLVII

Добропорядочный гражданин ради любви к отечеству должен забывать о понесенных обидах

Консул Марций сражался со своим войском против самнитов; в одной из стычек он был ранен, и его солдаты подвергались опасности, поэтому Сенат нашел необходимым подменить консула и отправить туда диктатором Папирия Курсора. Поскольку диктатора должен был утвердить в должности Фабий, бывший в то время консулом и командовавший войском в Тоскане, сенаторы усомнились, что он захочет назначить Папирия, который был его врагом, и отправили к Фабию двух послов, чтобы они просили его забыть о личных обидах и исполнить свой долг ради общественной пользы. Фабий сделал это, движимый любовью к родине, хотя по его молчанию и другим признакам можно было понять, что это назначение для него неприятно. Его поступку должен подражать всякий, кто желает считаться добропорядочным гражданином.

Глава XLVIII

Когда противник допускает грубейшую ошибку, можно подозревать, что за ней кроется обман

Легат Фульвий остался командовать римским войском в Тоскане, когда консул для проведения некоторых церемоний отправился в Рим, и тосканцы, желая заманить римлян в ловушку, устроили недалеко от их лагеря засаду, послав некоторых солдат, переодетых пастухами, в окрестности римского лагеря. Мнимые пастухи подошли со своей скотиной к забору лагеря, но легат, подивившись этой дерзости, заподозрил здесь неладное и таким образом открыл обман. Замыслы тосканцев оказались напрасными. По этому поводу стоит заметить, что командующий войском не должен доверять явным ошибкам, совершаемым врагом, ибо за этим всегда кроется какая-то хитрость, ведь людям несвойственно проявлять большую неосторожность. Однако жажда победы часто ослепляет людей, которые замечают лишь то, что соответствует их намерениям.

Французы, победившие римлян при Аллии, пришли в Рим и обнаружили, что его ворота открыты и никем не охраняются. Целые сутки они простояли у входа, опасаясь ловушки и не решаясь поверить в то, что римляне оказались настолько трусливыми и неблагоразумными и покинули свое отечество. В 1508 году, когда флорентийцы осаждали Пизу, один из ее горожан, Альфонсо дель Мутоло, попал к ним в плен и за освобождение обещал открыть одни из пизанских ворот перед флорентийским войском. Его освободили, и впоследствии он неоднократно сходил для переговоров с представителями комиссаров, причем его в открытую сопровождали некоторые пизанцы, стоявшие в стороне, пока он говорил с флорентийцами. Все это наводило на мысль о двойной игре, ибо навряд ли, если бы его намерения были честными, он отважился бы действовать так открыто. Но желание овладеть Пизой настолько ослепило флорентийцев, что они явились по приказу Альфонсо к воротам, глядящим на Лукку, и, к своему великому позору, потеряли там много командиров и солдат из-за того, что доверились этому двойному предателю.

Глава XLIX

**О том, что для сохранения в республике свободы
нужно всякий день об этом заботиться,
и за какие заслуги Квинта Фабия прозвали
Максимом — Величайшим**

Как мы уже говорили несколько раз выше, в большом городе ежедневно происходят события, которые требуют целительного вмешательства, и чем важнее эти события, тем более мудрым должен быть врачеватель. И если такие происшествия случаются иногда в разных городах, то в Риме бывало немало странных и неожиданных событий, как, например, когда чуть ли не все римские женщины устроили заговор с целью перебить своих мужей. Некоторые из мужчин были отравлены, а для других их жены только приготовили яд. Подобное произошло и во время заговора Вакханалий, раскрытого в ходе Македонской войны; в него были замешаны многие тысячи мужчин и женщин, и город подвергся бы величайшей опасности, если бы заговор не был обнаружен и если бы римлян останавливало число подлежащих наказанию. И когда бы многие другие признаки не указывали на величие Римской республики и мощь ее постановлений, о них можно было бы судить по наказаниям, которым подвергались провинившиеся. Римляне не поколебавшись подвергли казни целый легион, а в другой раз целый город, отправив в ссылку 8 или 10 тысяч человек на столь тяжелых условиях, что их было бы трудно исполнить даже одному человеку, а не такому множеству. Так было с солдатами, потерпевшими поражение при Каннах. Они были высланы в Сицилию, и им было приказано не ложиться на землю и даже есть стоя.

Из всех прочих наказаний самым суровым была децимация, при которой из всего войска по жребию избирали для казни каждого десятого солдата. Для расправы с множеством людей трудно найти более страшную кару, чем эта. Ведь когда проступок совершен многими и найти зачинщика трудно, невозможно наказывать всех из-за их чрезмерного количества. Наказывать часть, а

часть оставить безнаказанными, было бы несправедливо по отношению к пострадавшим, а уцелевшие могли бы дерзнуть на новые преступления. Но если казнят по жребию десятую часть людей, которые заслуживали бы этого все без исключения, наказанные могут пожаловаться только на судьбу, а у выживших сохранится боязнь, что в другой раз жребий может выпасть им, и они воздержатся от преступления.

Итак, участвовавшие в заговоре отравительниц и в Вакханалиях были наказаны в соответствии с их проступками. И хотя подобные недуги очень вредны для республики, они не смертельны, потому что почти всегда оставляют время для излечения — в отличие от покушений на государственную власть, которые могут погубить город, если благоразумный человек не справится с ними.

Римляне по своей щедрости даровали гражданство многим иногородним, и со временем новые граждане составили столь значительную часть от принимающих участие в голосовании, что это стало сказываться на делах управления и отклонять их в сторону от привычных путей, принятых при прежнем составе должностных лиц. Заметивший это Квинт Фабий, который был тогда цензором, распределил всех новоиспеченных граждан, явившихся причинами беспорядка, на четыре трибы, чтобы, замкнувшись в этих небольших пределах, они не могли сбивать весь Рим с пути истинного. Фабий своевременно распознал опасность и нашел подходящее средство против нее, не прибегая к перемене власти, и это доставило такое удовольствие гражданам, что он заслужил прозвание М'аксима.

Жизнь Каструччо Кастракани из Лукки

Покажется, дорогие Дзаноби и Луиджи, удивительным для всякого, кто над этим задумается, что все или большая часть тех, кто свершил в этом мире деяния величайшие и между всеми своими современниками достиг положения высокого, имели происхождение и рождение низкое и темное или же терпели от судьбы всевозможные удары. Ибо все они либо были подкинуты зверям, либо имели отцом столь ничтожного человека, что, стыдясь его, объявляли себя детьми Юпитера или иного бога. Кто были такие люди, всякому в достаточной мере известно; повторять это было бы скучно и малоприятно для читателя; опустим это как совершенно лишнее. Думаю, что указанное происходит оттого, что природа, желая доказать, что великими делает людей она, а не благоразумие, начинает показывать свои силы в такой момент, когда благоразумие не может играть никакой роли, и становится ясно, что люди всем обязаны именно ей.

Одним из таких людей был Каструччо Кастракани из Лукки. Принимая во внимание время, когда он жил, и город, где он родился, свершил он дела величайшие. И происхождение его не было ни более счастливым, ни более славным, чем у других знаменитых людей, как выяснится из описания его жизни. Мне казалось полезным восстановить ее в памяти людей, так как в ней, думаю мне, я нашел много такого, что может послужить замечательнейшим примером способностей и счастья. И решил я посвятить это описание вам, так как из всех людей, кого я знаю, вам больше всего доставляют удовольствие славные деяния.

Итак, скажу, что семья Кастракани принадлежит к знатым семьям города Лукки, хотя судьбе было угодно устроить так, что в наше время она уже не существует. К ней принадлежал некий Антонио, который вступил в духовное звание, сделался каноником церкви Сан Микеле в Лукке и в знак почета звался мессер Антонио. Близких у него не было никого, кроме одной сестры, которую он выдал замуж за Буонакорси Ченнами. Когда Буонакорси умер и жена его осталась вдовою, она решила поселиться у брата и не вступать больше в брак.

У мессера Антонио за домом, где он жил, был виноградник, в который было очень нетрудно проникнуть с разных сторон, так как он соприкасался со многими садами.

Случилось однажды, что мадонна Дианора (так звали сестру мессера Антонио) рано утром, вскоре после восхода солнца, пошла в виноградник погулять и собрать, как это делают женщины, кое-каких трав для приправы к кушаньям. И показалось ей, что под одной лозою между листьями что-то шевелится, а когда она присмотрелась, ей послышался плач. Она пошла по направлению этих звуков и увидела ручки и лицо ребенка, который, запутавшись в листьях, казалось, просил помощи. Удивленная и вместе с тем испуганная, охваченная состраданьем и ошеломленная, она подняла ребенка, понесла его в дом, выкупала, завернула, как полагается, в белые ткани и, когда пришел мессер Антонио, показала ему. Он, выслушав ее рассказ и увидев младенца, был удивлен и разжалоблен не меньше, чем сестра. Посоветовавшись между собой о том, что делать с младенцем, они решили, так как он был священник, воспитать его. Они взяли в дом кормилицу и стали растить ребенка с такой любовью, как если бы он был их собственным сыном.

Они его окрестили и назвали именем своего отца — Каструччо.

С годами Каструччо становился все более и более привлекательным и обнаруживал во всем ум и благоразумие. Вскоре он стал учиться тому, что мессер Антонио, принимая во внимание его возраст, ему преподавал. Ибо он решил, что сделает его священником и со временем откажется в его пользу от канониката и

от других своих бенефиций. И учил его, имея в виду эту цель. Но он нашел в своем ученике такие наклонности, которые совершенно не подходили к священническому званию. Ибо, не достигши еще и четырнадцатилетнего возраста, он начал проявлять дух самостоятельности перед мессером Антонио, а мадонны Дианоры совсем перестал бояться и, оставив церковные книги, начал учиться владеть оружием. Теперь только и доставляло ему удовольствие, что фехтованье, бег взапуски с товарищами, прыганье, борьба и другие подобные упражнения. В них он обнаружил замечательные способности, как душевные, так и телесные, и далеко превзошел всех своих сверстников. А если он и читал иногда что-нибудь, то увлекали его лишь такие книги, в которых говорилось о войнах и о подвигах великих людей. Все это причиняло мессеру Антонио несказанное огорчение и очень его печалило.

Был в городе Лукке дворянин из рода Гуиниджи, по имени мессер Франческо, который богатством, любезностью и доблестью далеко оставлял за собою всех других жителей Лукки. Его промыслом была война, и он долго воевал под начальством Висконти Миланских. Он был гибеллином и из всех других сторонников этой партии пользовался наибольшим уважением в Лукке. Проживая в Лукке и сходясь с другими гражданами вечером и утром в лоджии подесты, которая находится в начале площади Сан Микеле, первой из городских площадей, он много раз видел, как Каструччо с другими мальчиками с ближайших улиц занимались упражнениями, о которых я говорил выше. И так как мессеру Франческо показалось, что Каструччо не только превосходит всех других, а еще пользуется над ними царственным влиянием и что они любят и почитают его в высокой степени, — ему очень захотелось узнать, кто этот мальчик. Окружающие рассказали ему все, и он загорелся еще более сильным желанием взять его к себе. И однажды, подозвав его, он спросил, где бы он стал жить более охотно: в доме дворянина, который бы его учил ездить верхом и обращаться с оружием, или в доме священника, где он только и слышит, что службы и обедни. Мессер Франческо увидел, как обрадовался Каструччо, услышав о лошадях и об оружии. Но он немного стеснялся, и мессеру Франческо пришлось

подбодрить его, чтобы он заговорил. Тогда он сказал, что если позволит его учитель, то для него не будет большей радости, как оставить духовное ученье и приступить к воинским занятиям. Мессеру Франческо очень понравился ответ Каструччо, и через несколько дней он добился того, что мессер Антонио уступил ему мальчика. Побудило каноника к этому больше всего то, что, зная натуру своего питомца, он понимал, что не сможет долго вести его в том направлении, в каком вел.

Таким образом, Каструччо перешел из дома каноника мессера Антонио Кастракани в дом кондотьера мессера Франческо Гуиниджи. И нужно удивляться, в какое необыкновенно короткое время он преисполнился всех достоинств и усвоил все манеры, какие требуются от настоящего дворянина. Прежде всего он сделался великолепным наездником. С величайшей ловкостью управлял он любой самой горячей лошадью, а в воинских играх и турнирах, хотя был молод, отличался больше всех и не встречал себе в состязаниях соперника ни по силе, ни по ловкости. И был он к тому же замечательного нрава, отличался несказанной скромностью, так что никто не знал за ним поступка и не слышал от него слова, которые могли бы вызвать осуждение. Он был почтителен со старшими, скромнен с равными, любезен с низшими. Все это заставляло любить его не только всю семью Гуиниджи, но и весь город Лукку.

Случилось в это время — Каструччо уже минуло восемнадцать лет, — что в Павии гибеллины были изгнаны гвельфами. На помощь им Висконти Миланским был послан Франческо Гуиниджи. С ним вместе отправился и Каструччо, которому был вверен отряд на полную его ответственность. В этом походе Каструччо дал такие доказательства благоразумия и мужества, что никто из участников кампании не приобрел большего расположения у кого бы то ни было, чем он. И не только в Павии, но во всей Ломбардии он заслужил большое и почетное имя.

Вернулся в Лукку Каструччо, окруженный гораздо большим уважением, чем до отъезда, и делал все, что было возможно, чтобы приобрести себе друзей, не упуская ни одного способа, какие необходимы для привлечения людей. Мессер Франческо тем вре-

менем умер, и так как у него был тринадцатилетний сын по имени Паголо, то попечителем его и управляющим своими имениями он назначил Каструччо. Перед смертью он призвал его к себе и просил, чтобы он постарался воспитать его сына с такими же добрыми чувствами, с какими был им воспитан он сам, и чтобы ту признательность, которую он не успел воздать отцу, он воздал сыну. Когда мессер Франческо умер, Каструччо остался воспитателем и попечителем Паголо. Его слава и его могущество выросли настолько, что расположение, которым он пользовался в Лукке, частью перешло в зависть настолько, что многие осыпали его клеветами, как человека подозрительного и скрывающего тиранические планы. Первым между его недругов был мессер Джорджо дельи Опици, глава гвельфской партии. Он надеялся после смерти мессера Франческо сделаться синьором Лукки, и ему казалось, что Каструччо, оставшийся в правящих кругах благодаря расположению, завоеванному его достоинствами, отнял у него всякую к этому возможность. И распускал о нем всякие слухи, чтобы лишить его популярности. Сначала Каструччо относился к этому с пренебрежением. Но потом стал беспокоиться, как бы происки Джорджо не вызвали к нему немилости у викария короля Роберта Неаполитанского и не побудили его изгнать его из Лукки.

В это время синьором Пизы был Угуччоне делла Фаджола из Ареццо, который сначала был выбран пизанцами капитаном, потом захватил власть над городом. У Угуччоне нашли приют некоторые гибеллины, изгнанные из Лукки. Каструччо поддерживал с ними сношения, желая с помощью Угуччоне дать им возможность вернуться. Эти свои планы он сообщил в Лукке нескольким друзьям, которые не хотели больше терпеть власть семьи Опици. Дав им указания, как действовать, он тайно укрепил башню Онести, снабдил ее военными припасами и продовольствием так, что в случае необходимости в ней можно было продержаться в течение нескольких дней. И, сговорившись с Угуччоне, когда настала ночь, дал ему сигналы. Угуччоне с многочисленным войском спустился в равнину между горами и Луккой и, увидев сигнал, подступил к воротам Сан Пьеро и поджег передо-

вые укрепления. Каструччо с другой стороны поднял тревогу, призывая народ к оружию, и овладел воротами изнутри. Угуччоне и его люди ворвались в город, рассыпались по всем улицам и умертвили мессера Джорджо вместе со всей семьей, многих его друзей и сторонников. Губернатор был изгнан. Конституция Лукки была изменена так, как это было угодно Угуччоне, к великому ущербу города: ибо более ста семейств были из него изгнаны. Бежавшие отправились частью во Флоренцию, частью в Пистойю, где власть принадлежала гвельфам. Следствием этого было то, что оба города сделались враждебны Угуччоне и лукканцам.

Так как флорентийцам и другим гвельфам стало казаться, что гибеллинская партия приобрела чересчур большую силу в Тоскане, они сговорились между собою вернуть на родину изгнанников. И, собрав большое войско, пришли в Вальдиньевале и заняли Монтекатини, а оттуда двинулись в Монте-Карло и обложили его, чтобы иметь свободный путь к Лукке. Но Угуччоне, сосредоточив крупные силы, пизанские и лукканские, а также значительный конный отряд из немцев, который был ему прислан из Ломбардии, пошел навстречу флорентийцам. Они же, как только узнали о его приближении, сняли осаду Монте-Карло и расположились между Монтекатини и Пешией. Угуччоне занял позицию в двух милях от них, под Монте-Карло. В течение нескольких дней между враждебными войсками происходили лишь кавалерийские стычки, ибо вследствие болезни Угуччоне пизанцы и лукканцы избегали решительного сражения.

Но так как Угуччоне становилось все хуже, он отправился для лечения в Монте-Карло, вверив команду Каструччо, что сделалось причиною поражения гвельфов. Решив, что неприятельское войско останется без вождя, они воспрянули духом, а Каструччо, узнавши об этом, чтобы укрепить их в этом убеждении, прождал еще несколько дней, делая вид, что боится, и не позволял никаким вооруженным силам выходить из лагеря. Гвельфы же, видя, как трусит противник, становились все более дерзкими и каждый день, построившись для битвы, выходили навстречу Каструччо. Когда последний познакомился с их боевым порядком и когда ему стало казаться, что гвельфы осмелели достаточно, он

решил принять сражение. Прежде всего он обратился к своим солдатам со словами ободрения, доказывая им, что победа будет обеспечена, если они будут исполнять его приказания.

Кастручо видел, что неприятель поставил лучшие свои силы в центре, а более слабые на флангах. Сам он поступил наоборот: сильнейшие свои части расположил на обоих крыльях, а те, на которые рассчитывал меньше, — в центре. В таком построении он выступил из лагеря, как только увидел появление противника, который, согласно своему обыкновению, вышел к нему навстречу. Центру своему он приказал двигаться медленно, а флангам скомандовал наступать со всей стремительностью. Поэтому, когда войска сошлись, на обоих флангах сейчас же завязался бой, а центры бездействовали, ибо центр Кастручо отстал настолько, что гвельфы не могли прийти с ним в соприкосновение. Таким образом, лучшие части Кастручо бились со слабейшими силами неприятеля, а лучшие силы неприятеля стояли без пользы, не будучи в состоянии ни ударить на тех, кто был перед ними, ни оказать помощь своим. Оба крыла гвельфов вследствие этого сопротивлялись недолго и повернули тыл, а центр, видя, что фланги его обнажены, лишенный возможности показать свою доблесть, тоже обратился в бегство. Поражение было полное, и потери гвельфов огромны. Убитых насчитывалось больше 10 000 человек, в числе которых было много вождей и именитых рыцарей гвельфской партии со всей Тосканы, а кроме того, несколько влиятельных особ, пришедших к гвельфам на помощь; среди них — Пьеро, брат короля Роберта, Карло, его племянник, и Филиппо, синьор города Тарента. Кастручо потерял не больше 300 человек; в их числе был Франческо, сын Угуччоне, безрассудно смелый юноша, павший при первом столкновении.

Поражение гвельфов создало великую славу имени Кастручо настолько, что Угуччоне проникся такой завистью к нему и стал так опасаться за свою власть, что только и думал о том, как его погубить: ему казалось, что эта победа отняла у него синьорию, а не укрепила ее. Обдумывая положение, он ожидал подходящего случая для выполнения своих планов. В это время случилось, что был убит Пьер Аньоло Микели из Лукки, человек по-

чтенный и очень уважаемый; убийца его нашел приют в доме Каструччо, который прогнал стражу, явившуюся арестовать его, и вдобавок помог ему бежать. Когда Угуччоне, находившийся в это время в Пизе, узнал об этом, он решил, что у него справедливый повод для наказания Каструччо. Он призвал сына своего Нери, которого он назначил перед тем синьором Лукки, и поручил ему, пригласив под каким-нибудь предлогом Каструччо, схватить его и предать смерти. И когда Каструччо отправился однажды запросто во дворец, не подозревая о готовящейся ловушке, Нери сначала удержал его у себя к обеду, а потом арестовал. Но он не решился умертвить Каструччо без всякой судебной процедуры, боясь народного волнения, и потому держал его в заключении, ожидая от отца подробных распоряжений, как ему поступить. Угуччоне выразил сыну свое недовольство его медлительностью и нерешительностью и, чтобы кончить с этим делом, сам отправился из Пизы в Лукку во главе четырехсотенного конного отряда. Но еще прежде, чем он доехал до Баньи, пизанцы восстали с оружием в руках, убили его заместителя и членов его семьи, остававшихся в Пизе, и провозгласили синьором графа Гаддо делла Герардеска. Угуччоне узнал о происшествиях в Пизе еще до прибытия в Лукку и решил не возвращаться обратно, чтобы и лукканцы по примеру Пизы не закрыли перед ним ворот. Но несмотря на то, что он вступил в Лукку, жители города, как бы желая добиться освобождения Каструччо, начали прежде всего собираться на площадях и высказывать свои мнения, не считаясь ни с чем, потом стали волноваться и, наконец, взялись за оружие, требуя Каструччо. Дело приняло такой оборот, что Угуччоне, опасаясь худшего, выпустил его из заключения. А он, едва получив свободу, собрав друзей и поддерживаемый народом, выступил против Угуччоне. Тому не оставалось ничего другого — ибо помощи ему ждать было неоткуда, — как вместе со своими сторонниками бежать из города. Он отправился в Ломбардию к синьорам делла Скала. Там он и умер в бедности.

Каструччо, став из пленника как бы синьором Лукки, стал действовать с помощью друзей и использовал внезапно вспых-

нувшие симпатии народа так искусно, что был избран начальником вооруженных сил города сроком на один год. Добившись этого, он решил, чтобы создать себе боевую славу, вернуть Лукке многие города, взбунтовавшиеся после бегства Угуччоне. Сговорившись с пизанцами, которые прислали ему подмогу, он двинулся к Сарцане, которую обложил. Чтобы взять ее, он построил на господствующей высоте бастион — флорентийцы потом обвели его стеною и назвали Сарцаннелою — и через два месяца вынудил ее к сдаче. Непрерывно увеличивая свою славу, он взял вслед за тем Массу, Каррару и Лавенцу и в короткое время завладел всей Луниджаной, а чтобы закрыть проход, который вел в Луниджану из Ломбардии, захватил Понтремоло, изгнав оттуда мессера Анастаджо Паллавизини, который был синьором города. Вернувшись в Лукку после этого победоносного похода, он был встречен всем народом. Решив после этого не медлить с подчинением себе города, он подкупил Паццино дель Поджо, Пуччинелло дель Портико, Франческо Боккансакки и Чекко Гуиниджи, пользовавшихся большим влиянием, и с их помощью захватил власть. Народ в торжественном собрании провозгласил его государем.

В это время в Италию прибыл король Римский Фридрих Баварский, чтобы быть венчанным императорской короною. Каструччо добился его дружбы и отправился навстречу к нему во главе пятисот конных воинов, оставив своим заместителем в Лукке Паголо Гуиниджи, которого в память его отца он любил так, как если бы он был его собственным сыном. Фридрих встретил Каструччо с почетом, осыпал его милостями и сделал своим викарием в Тоскане. А так как пизанцы изгнали Гаддо делла Герардеска и из страха перед ним обратились к Фридриху за помощью, король сделал Каструччо синьором Пизы, а пизанцы, боясь гвельфов, особенно флорентийцев, приняли его.

После отбытия в Германию Фридриха, оставившего в Риме своего губернатора, все тосканские и ломбардские гибеллины, бывшие сторонниками императора, стали обращаться к Каструччо, предлагая ему каждый синьорию над своим городом, если он

поможет им вернуться. Среди них были Маттео Гвиди, Нардо Сколари, Лапо Уберти, Джероццо Нарди и Пьеро Буонакорси — все гибеллины и флорентийские изгнанники. Рассчитывая при их помощи и с силами, которыми он располагал, сделаться синьором всей Тосканы, Каструччо, чтобы нагнать на противников еще больше страха, заключил соглашение с Маттео Висконти, государем Миланским, и начал вооружать весь город и всю свою территорию. Так как в Лукке было пять ворот, он разделил территорию на пять частей, каждую вооружил и каждой дал начальников и знамена. Таким образом, он сразу сосредоточил в своих руках двадцатипятитысячную армию, не считая той помощи, которую могла послать ему Пиза. В то время как он был окружен своими войсками и своими друзьями, Маттео Висконти подвергся нападению пьячентинских гвельфов, которые только что изгнали своих гибеллинов и получили помощь людьми от флорентийцев и короля Роберта. И мессер Маттео просил Каструччо, чтобы он атаковал флорентийцев и вынудил их отозвать свои войска из Ломбардии для защиты собственных очагов. Поэтому Каструччо с большими силами вступил в Вальдарно, занял Фучеккио и Сан Миниато и причинил большое разорение стране. Флорентийцы действительно вынуждены были, подчиняясь необходимости, отозвать свои войска. Едва они добрались до Тосканы, как другая необходимость заставила Каструччо вернуться в Лукку.

Была в этом городе семья Поджо, пользовавшаяся большим влиянием по той причине, что члены ее содействовали не только возвышению Каструччо, но и провозглашению его государем Лукки. Так как им казалось, что они не получили за свои заслуги достаточного воздаяния, то они сговорились с другими семьями в Лукке взбунтовать город и изгнать Каструччо. И, воспользовавшись однажды утром каким-то случаем, они с оружием в руках напали на заместителя Каструччо, которому он поручил ведение судебных дел, и убили его. Они собирались продолжать свое дело и призвать народ к восстанию, когда навстречу им вышел Стефано ди Поджо, старый и миролюбивый человек, не участвовавший в заговоре, и благодаря своему авторитету заставил своих родичей положить оружие, предлагая им стать посредником

между ними и Каструччо и получить от него все, чего они желают. Слагая оружие, они проявили не больше благоразумия, чем поднимая его. Ибо Каструччо, едва узнав о волнениях в Лукке, не теряя времени с частью своих сил поспешил в город, оставив командование армией Паголо Гуиниджи. И, найдя, вопреки своему ожиданию, волнения прекратившимися и усмотрев новую возможность укрепить свое положение, он занял наиболее важные пункты в городе своими вооруженными сторонниками. Стефано ди Поджо, уверенный, что Каструччо должен быть ему признателен, отправился к нему. Он просил не за себя, ибо не думал, что он в этом нуждается, а за своих родичей. Он умолял Каструччо принять во внимание их молодость, старую дружбу его со своей семьей и то, чем он был ей обязан. Каструччо отвечал благосклонно, убеждал его не опасаться ничего, говоря, что ему более приятно видеть, что волнения улеглись, чем было неприятно узнать, что они вспыхнули. И просил Стефано привести всех к себе, говоря, что он благодарит Бога за то, что он дает ему возможность доказать свое милосердие и великодушие. Поверив Стефано и Каструччо, все пришли и были все вместе — Стефано в том числе — заключены в тюрьму и преданы смерти.

За это время флорентийцы взяли обратно Сан Миниато, и Каструччо решил прекратить эту войну, ибо боялся удалиться из Лукки, пока его положение там не упрочится. Когда он предложил флорентийцам мир, они сейчас же согласились, так как и они были утомлены и хотели положить конец расходам. Мир был заключен на два года, и стороны остались при тех владениях, которые были у каждой из них.

Разделавшись с войною, Каструччо, чтобы не подвергаться больше такой опасности, какой подвергался только что, под разными предлогами и разными способами истребил в Лукке всех, кто мог из честолюбия стремиться к власти. Он не щадил никого, подвергал изгнанию, отнимал имущество, а кого мог захватить — лишал жизни, говоря, что узнал на опыте, что никто из них не может быть ему верен. И для большей своей безопасности он воздвиг в Лукке крепость, на постройку которой пошли камни от башен, принадлежавших изгнанным и казненным.

Пока продолжался мир с флорентийцами и Каструччо укреплял свое положение в Лукке, он не упускал случая увеличить свои владения, не прибегая к открытой войне. У него было большое желание завладеть Пистойей, так как он был уверен, что если она будет принадлежать ему, то он одной ногою уже будет стоять во Флоренции. И всеми способами он старался создать себе друзей повсюду в горах. А с партиями в самой Пистойе он вел себя так ловко, что каждая ему доверяла. В это время, как, впрочем, и всегда, этот город был разделен на две партии: Белых и Черных. Вождем Белых был Бастиано ди Поссенте, Черных — Якопо да Джа. Оба они находились в теснейших сношениях с Каструччо, и каждый желал изгнать из города другого. Взаимные подозрения между ними все увеличивались, и наконец дело дошло до оружия. Якопо укрепился у флорентийских ворот, Бастиано — у лукканских. И так как каждый больше возлагал надежд на Каструччо, чем на флорентийцев, и считал его более подвижным и скорым на военные действия, то оба тайно просили его о помощи, и он обещал ее обоим. Якопо он велел передать, что придет сам, а Бастиано — что пришлет Паголо Гуиниджи, своего воспитанника. И, назначив точно время, он послал Паголо к Пистойе через Пешию, а сам двинулся прямо. Ровно в полночь, как было условлено, Каструччо и Паголо подошли к Пистойе и оба были приняты как друзья. Когда они вошли в город и Каструччо решил, что можно действовать, он дал знак Паголо, и немедленно один заколол Якопо да Джа, другой — Бастиано ди Поссенте. Все их сторонники частью были захвачены, частью перебиты. Вслед за тем город был занят без дальнейшего сопротивления. Синьория была выгнана из дворца, и Каструччо принудил народ подчиниться ему, объявив о сложении старых долгов и пообещав много другого. Так же действовал он и по отношению к области, жители которой сошлись в большом количестве посмотреть нового государя. И все успокоились, полные надежд и больше всего уповая на его доблести.

В это время случилось, что народ римский начал волноваться вследствие дороговизны, причиною которой считал отсутствие папы, находившегося в Авиньоне. Против немецкого губернато-

ра поднимался ропот. Ежедневно происходили убийства и другие беспорядки, а Генрих, губернатор, ничем этому не мог помочь. И начал он бояться, как бы римляне не призвали короля Роберта Неаполитанского, не прогнали его и не вернулись под власть папы. Не имея друга, к которому он мог прибегнуть, более близкого, чем Каструччо, он отправил ему просьбу не просто прислать ему подмогу, а прибыть в Рим самому. Каструччо решил, что откладывать не приходится, как ради того, чтобы оказать услугу императору, так и из того соображения, что пока в Риме не будет императора, дела там не поправятся, если не прибудет туда он. Поэтому, оставив в Лукке Паголо Гуиниджи, он выступил в Рим во главе шестисот конников и был принят Генрихом с величайшим почетом. И в самое короткое время его присутствие так укрепило положение императорской партии, что без насилий и кровопролития улеглись все волнения. Ибо Каструччо приказал доставить морем из Пизы большое количество хлеба, чем была устранена главная причина ропота, а вожаков города, частью уговорами, частью наказаниями, заставил вновь признать власть Генриха. За это римский народ провозгласил Каструччо сенатором Рима и оказал ему многие другие почести. Новую свою должность Каструччо принял в очень торжественной обстановке. Он был облачен в бархатную тогу с надписями — спереди: «Он стал тем, что хотел Бог», а сзади: «Он будет тем, чем захочет Бог».

Между тем флорентийцы, негодовавшие на Каструччо за то, что он завладел Пистойей, нарушив мир, думали о том, каким образом можно взбунтовать город против него. Им казалось, что в его отсутствие сделать это будет нетрудно. Среди пистолезских изгнанников во Флоренции находились Бальдо Чекки и Якопо Бальдини, оба люди с большим влиянием и готовые на всякое рискованное предприятие. Они сговорились с друзьями, находившимися в городе, и с помощью флорентийцев однажды ночью ворвались в Пистойю, выгнали оттуда сторонников Каструччо и поставленные им власти, часть которых была перебита, и вернули городу свободу. Известие об этом очень огорчило и разгневало Каструччо. Расставшись с Генрихом, он усиленными маршами прибыл в Лукку. Флорентийцы же, узнав о его возвращении

и думая, что он не будет медлить, решили предупредить его и занять своими войсками Вальдиньеволе раньше него. Они были уверены, что если они овладеют этой долиною, они отрежут ему путь к Пистойе. Поэтому, собрав большие силы из всех сторонников гвельфской партии, они двинулись в область Пистойи. Каструччо же со своими людьми подошел к Монте-Карло и, узнав, где находятся флорентийцы, решил не идти навстречу к ним в равнину Пистойи и не ждать их в равнине Пешии, а постараться загородить им дорогу в ущелье Серравалле. Он рассчитывал, в случае удачи этого плана, одержать победу наверняка. У флорентийцев было в общей сложности 30 000 человек, а у него только 12 000, но отборных. И хотя он был уверен в своих способностях и в их доблести, он все-таки боялся, что в открытом поле он будет окружен превосходными силами неприятеля.

Серравалле — замок между Пешией и Пистойей. Он стоит на возвышенности, замыкающей Вальдиньеволе, не на самом перевале, а над ним в двух полетах стрелы. Проход очень узкий, но не крутой: с обеих сторон подъем отлогий, но настолько тесный, особенно на седле, где водораздел, что его могут занять двадцать человек, поставленные в ряд. Каструччо решил встретить неприятеля как раз в этом месте: во-первых, чтобы его малые силы оказались в наиболее благоприятных условиях, а во-вторых, чтобы они обнаружили противника не раньше, чем завяжется бой, ибо боялся, чтоб его войско, увидя огромную их массу, не заколебалось. Серравалле находился во власти немецкого рыцаря Манфреда, которому был поручен еще до того, как Каструччо сделался синьором Пистойи, лукканцами и пистолезцами, ибо замок принадлежал им совместно. С тех пор он владел замком, не обеспокоенный никем, ибо он всем обещал быть нейтральным и не поддерживать преимущественно ни одну, ни другую сторону. По этой причине, а также потому, что замок был крепкий, Манфред продолжал в нем держаться. Но когда обстоятельства сложились так, как описано, Каструччо решил занять это укрепление. И так как в замке находился один из его близких друзей, он сговорился с ним, что накануне сражения тот впустит в Серравалле четыреста человек его солдат и умертвит его синьора.

Подготовив таким образом все, он продолжал стоять с войском у Монте-Карло, чтобы поощрить флорентийцев двигаться вперед смелее. А они, желая перевести военные действия подальше от Пистойи и сосредоточить их в Вальдиньеволе, разбили лагерь ниже Серравалле, с тем чтобы на другой день переправиться через перевал. Но Каструччо ночью без шума овладел замком и, покинув в полночь Монте-Карло, в полной тишине подошел к подножию Серравалле. Поутру он и флорентийцы, каждый с своей стороны, одновременно начали подниматься к седлу. Пехоту свою Каструччо повел обычным путем, а конный отряд в 400 человек послал в обход замка слева. У флорентийцев впереди двигались 400 человек легкой кавалерии, следом за ними шла их пехота, а замыкала строй тяжелая конница. Они не ожидали встретить Каструччо на перевале и не подозревали, что он успел овладеть замком. Поэтому флорентийские всадники, поднявшись к седлу, неожиданно увидели пехоту Каструччо, которая оказалась так близко от них, что они едва успели надеть шлемы. И, не ожидая нападения, они были атакованы противником, готовым к их встрече и построеным именно для такого боя; поэтому атака велась с величайшей настойчивостью, а сопротивление было вялое. Некоторая часть все-таки билась хорошо, но когда шум сражения стал доноситься до остальной армии флорентийской, в ней началось смятение. Конницу теснила пехота, пехоту — конница и телеги; вожди вследствие узости прохода не могли пройти ни вперед, ни назад, и никто не знал в суматохе, что нужно делать и что можно. Конница, которая билась с пехотой Каструччо, была разбита и уничтожена, не будучи в состоянии защищаться, скорее из-за неудобства местности, чем из доблести, ибо, имея с боков горы, сзади своих, а впереди неприятеля, они были лишены возможности бежать.

Каструччо, видя, что его сил не хватает для того, чтобы обратить в бегство флорентийцев, послал 1000 пехотинцев в обход через замок. Они спустились вниз вместе с 400 кавалеристами, которые проникли туда раньше, и с такой яростью ударили во фланг неприятелю, что флорентийцы, не будучи в состоянии выдержать их натиск, побежденные больше местностью, чем про-

тивником, начали отступать. Первыми обратились в бегство те, которые были в задних рядах, ближе к Пистойе. Они рассыпались по равнине, и каждый старался спастись как только мог лучше.

Поражение было великое и кровопролитное. В плен попали многие из вождей, в том числе Бандино деи Росси, Франческо Брунеллеско и Джованни делла Тоза — все флорентийские дворяне, а с ними и другие, тосканцы и неаполитанцы: последние были посланы королем Робертом в помощь гвельфам и сражались вместе с флорентийцами.

Пистолезцы, узнав о поражении, немедленно выгнали партию, дружественную гвельфам, и сдались Каструччо. Он, не удовлетворившись этим, занял Прато и все укрепленные замки на равнине, как по ту, так и по эту сторону Арно, и расположился с войском у Перетолы, в двух милях от Флоренции. Там он простоял много дней, деля добычу и празднуя победу, чеканя монету, чтобы показать пренебрежение к флорентийцам, и устраивая бега лошадей, женщин легкого поведения и мужчин. Пытался он также подкупить кое-кого из флорентийских дворян, чтобы ему ночью были открыты городские ворота. Но заговор был обнаружен, схвачены и обезглавлены Томмазо Лупаччи и Ламбертуччо Фрескобальди.

В отчаянии от поражения, флорентийцы не находили способа спасти свою свободу. Чтобы обеспечить себе помощь, они отправили послов к Роберту, королю Неаполитанскому, с предложением отдать ему город и власть над ним. Предложение королем было принято не потому, что он ценил честь, оказанную ему флорентийцами, а потому, что знал, насколько важно для него самого, чтобы гвельфская партия удержала власть в Тоскане. Он сговорился с флорентийцами, что они будут платить ему ежегодно 200 000 флоринов, и отправил во Флоренцию сына своего Карла с 4000 всадников.

Между тем флорентийцы несколько освободились от людей Каструччо, так как ему пришлось покинуть их территорию и спешить в Пизу, чтобы справиться с заговором против него, устроенным Бенедетто Ланфранки, одним из первых граждан города.

Последний, не будучи в состоянии снести, что его родина подпала под иго лукканца, сговорился с другими занять городскую цитадель, прогнать ее охрану и перебить сторонников Каструччо. Но так как в этих делах малое число способствует сохранению тайны, но недостаточно для действия, он стал набирать побольше людей в помощь себе и нашел такого, который раскрыл все Каструччо. Не обошлось без предательства со стороны Бонифачо Черки и Джованни Гвиди, флорентийских изгнанников, находившихся в Пизе. Каструччо, захватив Ланфранки, умертвил его, остальных членов семьи отправил в ссылку и многим знатым гражданам приказал отрубить головы. А так как ему казалось, что Пистойя и Прато не очень ему верны, он старался ловкостью и силой укрепить в обоих городах свою власть. Все это дало возможность флорентийцам собраться с силами и спокойно ожидать прихода Карла. Когда же он явился, было решено не терять времени. Собрано было много людей, ибо на помощь Флоренции пришли почти все гвельфы Италии. Составилось огромное войско, больше чем в 30 000 пехоты и 10 000 конницы. Посоветовавшись, куда прежде всего направить удар — на Пистойю или на Пизу, решили, что лучше атаковать Пизу, ибо это было легче осуществить вследствие недавнего заговора в городе и потому еще, что в случае захвата Пизы Пистойя не могла не сдаться сама.

Выступив с этим войском в начале мая 1328 года, флорентийцы сразу заняли Ластру, Синью, Монтелупо и Эмполи и подошли со всеми силами к Сан Миниато. С своей стороны, Каструччо, узнав, какую огромную армию выставили против него флорентийцы, нисколько не испугался, а, наоборот, решил, что настал момент, когда фортуна должна отдать во власть его всю Тоскану. Ибо он был убежден, что неприятель обнаружит не больше доблести, чем при Серравалле, а собраться с силами, как тогда, после нового поражения, он не сможет, и, сосредоточив 20 000 пехоты и 4000 конницы, занял позицию у Фучеккио, а Паголо Гуиниджи отправил с 5000 пехоты в Пизу.

Фучеккио занимает самую крепкую позицию из всех замков Пизанской области. Он стоит на небольшом возвышении в рав-

нине между Гушианой и Арно. Находясь там, можно было беспрепятственно получать провиант из Лукки или из Пизы, ибо, чтобы этому помешать, неприятелю пришлось бы разделить свои силы. И лишь с великой невыгодой он мог атаковать эту позицию или двигаться на Пизу, так как в первом случае он должен был оказаться в клещах между Каструччо и пизанским отрядом, а во втором, вынужденный переправляться через Арно, он должен был оставить противника в тылу и, следовательно, подвергнуться большой опасности. Каструччо хотелось, чтобы флорентийцы решились переправиться через реку, поэтому он не занял берега Арно своими людьми, а стал под самыми стенами Фучеккио, оставив большое пространство между собою и рекой.

Флорентийцы, овладев Сан Миниато, стали совещаться, что им делать: двигаться на Пизу или атаковать Каструччо, и, взвесив трудности того и другого, решили в конце концов повести наступление на него. Вода в Арно стояла так низко, что можно было перейти реку вброд, хотя все-таки приходилось окунуться пехотинцам по плечи, а лошадям до седла. Утром 10 июня флорентийцы в боевом порядке начали переправлять часть своей кавалерии и пехотный отряд в 10 000 человек. Каструччо, который стоял готовый к бою и имея твердый план в голове, ударил на них с 5000 пехоты и 3000 конницы. Он завязал бой, не дав всем им выбраться из воды, а одновременно послал по тысячному отряду легкой пехоты вверх и вниз по берегу. Пехота флорентийская была отягчена водою и вооружением и не вся выкарабкалась на берег. Первые лошади, которые прошли по броду, истоптали дно Арно и сделали переправу для других более тяжелой. Лошади теряли дно, и одни поднимались на дыбы, другие увязали в грязи настолько, что не могли вытянуть из нее ноги. Вожди флорентийские, видя, что переправа в этом месте трудная, попробовали передвинуть ее выше по реке, чтобы найти грунт неисторченный, а противоположный берег более легкий. Но здесь их встретил тот пехотный отряд, который был послан Каструччо вверх по реке. Он был вооружен очень легко — круглыми щитами и длинными галерными копьями. Бойцы с громкими криками кололи лошадей в голову и в грудь, так что те, испуганные и

криком и ранами, не хотели идти вперед и опрокидывались одна на другую. Бой между людьми Кастручо и теми, которые успели переправиться, был упорный и страшный. Потери с обеих сторон были огромные: каждый пытался изо всех сил одолеть другого. Воины Кастручо стремились столкнуть флорентийцев в реку, а те — оттеснить противника, чтобы освободить место и дать возможность товарищам, вышедшим из воды, принять участие в сражении. Упорство бойцов еще увеличивалось вследствие увещаний вождей. Кастручо говорил своим, что перед ними те самые противники, которых они не так давно разбили под Серравалле; флорентийцы стыдили солдат тем, что они дают одолеть себя столь малочисленному неприятелю. Однако Кастручо, видя, что сражение затягивается, что и его, и флорентийские воины уже устали, что с обеих сторон много убитых и раненых, двинул вперед другой пехотный отряд, в 5000 человек. Когда те подошли вплотную к линии боя, он приказал своим раздаться в обе стороны, как если бы они собирались обратиться в бегство, и выйти из сражения, рассыпавшись частью вправо, частью влево. Этот маневр дал возможность флорентийцам несколько подвинуться вперед. Но когда они, утомленные, сошлись со свежими силами Кастручо, то не выдержали и были сброшены в реку.

Кавалерия билась без какого-либо перевеса на той или на другой стороне, ибо Кастручо, зная, что противник сильнее, приказал своим кондотьерам лишь сдерживать натиск флорентийцев; он надеялся разбить их пехоту и после ее разгрома без большого труда победить конницу. Случилось так, как он рассчитывал. Увидев, что пехота неприятельская оттеснена в реку, он двинул всю пехоту, какая у него оставалась; в тыл флорентийской коннице, и она стала поражать ее копьями и дротиками. Одновременно кавалерия Кастручо с удвоенной яростью нападала на нее спереди, пока не обратила ее в бегство. Вожди флорентийцев, видя, как трудно их коннице перейти через реку, пытались переправить пехоту ниже по течению, чтобы ударить во фланг людям Кастручо. Но так как берег был высокий и, кроме того, занят его воинами, попытка не удалась и здесь. Таким образом, обратилась в бегство вся гвельфская армия, к великой славе и чести Каст-

руччо, и из такого огромного войска спаслась едва треть. Многие из вождей попали в плен. Карл, сын короля Роберта, вместе с Микеланджело Фалькони и Таддео дельи Альбици, комиссарами флорентийскими, бежали в Эмполи. Добыча была большая и потери людьми огромнейшие, как и можно было ожидать при таком ожесточенном сражении. У флорентийцев было убито 20 231 человек, у Каструччо — 1570.

Но фортуна, противница его славы, отняла у него жизнь тогда, когда как раз нужно было даровать ее ему, и прервала выполнение тех планов, которые за много времени до того он решил осуществить. Только одна смерть и могла помешать ему в этом. Каструччо нес боевые труды в течение целого дня, и когда сражение кончилось, он, утомленный и потный, стал у ворот Фучеккио, чтобы ожидать свои войска, возвращавшиеся после победы, лично их встречать и благодарить и быть к тому же готовым принять меры, если бы неприятель, сопротивляясь еще кое-где, дал повод для тревоги. Он держался того мнения, что долг хорошего полководца первым садиться на коня и последним с него сходить.

Так стоял он на ветру, который очень часто среди дня подымается с Арно и почти всегда несет с собою заразу. Он весь продрог, но не обратил на это никакого внимания, потому что был привычен к неприятностям такого рода, а между тем эта простуда стала причиной его смерти. В следующую ночь он стал жертвой жесточайшей лихорадки, которая непрерывно усиливалась. Врачи единогласно признали болезнь смертельной. Когда сам он в этом убедился, он призвал к себе Паголо Гуиниджи и сказал ему следующее:

«Если бы я думал, сын мой, что фортуна хотела оборвать по середине мой путь к той славе, которую я обещал себе при столь счастливых моих успехах, я бы трудился меньше, а тебе оставил бы менее обширное государство, но зато и меньше врагов и завистников. Я довольствовался бы властью над Пизой и Луккой, не подчинил бы себе пистолезцев и не раздражал бы флорентийцев бесконечными оскорблениями. Наоборот, тех и других я бы сделал своими друзьями и прожил бы жизнь если и не более долгую, то, во всяком случае, более спокойную, а тебе оставил бы госу-

дарство, меньшее размерами, но, несомненно, более надежное и более крепкое. Но фортуна, которая хочет быть решительницей всего людского, не дала мне ни настолько ясного суждения, чтобы я мог ее разгадать, ни достаточно времени, чтобы я мог ее одолеть. Ты знаешь — об этом многие тебе говорили, и я никогда не отрицал, — как я попал в дом твоего отца совсем юным и чуждым еще тех надежд, которые должны одушевлять всякую благородную натуру; как он воспитал меня и как полюбил больше, чем если бы я был кровным его детищем. Благодаря ему, им руководимый, стал я доблестным и достойным того удела, который ты видел и продолжаешь видеть. И так как перед смертью он вверил мне тебя и все свое имущество, я воспитал тебя с такой любовью, а достояние его умножил с такой добросовестностью, с какой был обязан и обязан еще и сейчас. А для того, чтобы тебе досталось не только то, что оставил тебе отец, а еще и то, что было приобретено моим счастьем и моей доблестью, я не хотел жениться, так как любовь к детям могла в какой-то мере помешать мне выявить к крови твоего отца ту признательность, какую я считал должной. Итак, я оставляю тебе большое государство, и этим я очень доволен. Но я оставляю его тебе слабым и шатким, что повергает меня в великое горе. Тебе достается город Лукка, который никогда не будет очень доволен, что ты им владеешь. Достается тебе Пиза, где имеются люди по природе своей изменчивые и полные вероломства; она, хотя и привыкла в разное время находиться в порабощении, всегда будет переносить с негодованием господство лукканского синьора. И еще достается тебе Пистойя, недостаточно верная, ибо в ней идет борьба партий, и она раздражена против нашей породы из-за недавних обид. Соседями у тебя — флорентийцы, оскорбленные, претерпевшие от нас тысячи поношений и неистребленные; им известие о моей смерти доставит такую радость, какой не доставило бы завоевание всей Тосканы. На государей миланских и на императора полагаться тебе нельзя: те нерешительны, этот далек, и помощь их никогда не успеет к тебе вовремя. Вот почему тебе нельзя надеяться ни на что, кроме как на собственное искусство, на память о моей доблести и на славу, которую снискала тебе последняя победа; она, если ты сумеешь

умно ее использовать, поможет заключить соглашение с флорентийцами: они пали духом вследствие своего поражения и охотно пойдут на мир. Их я хотел иметь врагами и думал, что их вражда доставит мне могущество и славу. Ты же всеми силами должен стараться, чтобы они стали тебе друзьями, ибо их дружба принесет тебе безопасность и выгоду. Самое важное в этом мире — познать самого себя и уметь взвешивать силы своего духа и своего государства. Кто сознает, что он не создан для войны, должен стараться править мирными средствами. Именно к этому, думается мне, должны быть направлены твои усилия, только этим способом пойдут тебе на пользу мои усилия и опасности, которым я подвергался. Этого ты добьешься легко, если признаешь верными мои заветы. И будешь обязан мне вдвойне: во-первых, тем, что я оставил тебе это государство, а во-вторых, тем, что научил тебя, как его удержать».

После этого Каструччо приказал ввести граждан из Лукки, Пизы и Пистойи, которые сражались вместе с ним; он рекомендовал им Паголо Гуиниджи и заставил их поклясться в покорности ему. И умер, оставив всем, кто слышал о нем, счастливую память о себе, а друзьям своим — такое огорчение, какое никогда не вызывал государь, когда-либо умиравший. Погребение его было совершено с величайшим торжеством, и был он похоронен в церкви Сан Франческо в Лукке.

Но доблесть и фортуна не были так благосклонны к Паголо Гуиниджи, как к Каструччо. Ибо в непродолжительном времени он потерял Пистойю, а потом Пизу и с трудом удержал господство над Луккою, которое сохранилось в его роду вплоть до Паголо, его правнука.

Таким образом, из того, что изложено, видно, что Каструччо был не только человеком выдающимся в свое время, но и в прежние времена такие, как он, появлялись не часто. Ростом он был выше среднего и сложен чрезвычайно соразмерно. И столько было изящества в его осанке и так ласково принимал он людей, что никто, поговорив с ним, не уходил недовольным. Волосы его были с рыжеватым оттенком, и носил он их обстриженными выше ушей. И всегда, во всякую погоду, в дождь и снег, ходил с непокрытой головой.

С друзьями он был ласков, с врагами — беспощаден, с подданными — справедлив, с чужими — вероломен. И если мог одержать победу хитростью, никогда не старался одержать ее силою, говоря, что славу дает победа, а не способ, каким она далась.

Никто не бросался в опасность с большей смелостью, чем он, и никто не выходил из опасности с большей осмотрительностью. Он часто говорил, что люди должны отваживаться на все и ни перед чем не падать духом, что Бог любит храбрых, ибо нетрудно видеть, что он слабых наказывает руками сильных.

Его замечания и остроты бывали и язвительны и любезны. И так как он сам не спускал никому, то не обижался, когда и ему доставалось от других. Сохранилось много острот, которые были им сказаны или терпеливо выслушаны.

Однажды он велел купить куропатку за дукат, и один из друзей стал его за это упрекать. Каструччо спросил: «Ты бы не дал за нее больше сольдо?» Тот отвечал, что он не ошибается. «Так для меня дукат — гораздо меньше сольдо», — сказал Каструччо.

Около него вертелся один льстец, и он, чтобы показать ему свое презрение, плюнул на него. Льстец сказал: «Рыбаки, чтобы поймать маленькую рыбку, дают морю омыть себя с ног до головы. Я охотно позволю омыть себя плевком, чтобы поймать кита». Каструччо не только выслушал эти слова без раздражения, но еще и наградил говорившего.

Кто-то упрекал его за то, что он живет слишком роскошно. Каструччо сказал: «Если бы в этом было что-нибудь дурное, не устраивались бы такие роскошные пиры в праздники наших святых».

Проходя по улице, он увидел некоего юношу, выходящего из дома куртизанки. Заметив, что Каструччо его узнал, юноша густо покраснел. «Стыдись не когда выходишь, а когда входишь», — сказал ему Каструччо.

Один из друзей предложил ему развязать узел, хитро запутанный. «Глупый, — сказал Каструччо, — неужели ты думаешь, что я стану распутывать вещь, которая и в запутанном виде так выводит меня из себя».

Говорил Каструччо некоему гражданину, который занимался философией: «Вы — как собаки: бежите за тем, кто вас лучше кормит». Тот ответил: «Скорее мы — как врачи: ходим к тем, кто в нас больше нуждается».

Как-то, когда он ехал морем из Пизы в Ливорно и поднялась свирепая буря, Каструччо сильно смутился. Один из сопровождавших упрекнул его в малодушии и прибавил, что сам он ничего не боится. Каструччо ответил, что его это не удивляет, ибо каждый ценит душу свою, как она того стоит.

У него спросили однажды, как он добился такого уважения к себе. Он ответил: «Когда ты идешь на пир, сделай так, чтобы на дереве не сидело другое дерево».

Кто-то хвалился, что много читал. Каструччо сказал: «Лучше бы ты хвалился, что много запомнил».

Другой хвастал, что он может пить сколько угодно, не пьянея, Каструччо заметил: «И бык способен на это».

Каструччо был близок с одной девушкой. Один из друзей упрекал его за то, что он позволил женщине овладеть собою. «Не она мною овладела, а я ею», — сказал Каструччо.

Другому не нравилось, что ему подадут чересчур тонкие кушанья. Каструччо спросил его: «Так ты не стал бы тратить на еду столько, сколько я?» Тот ответил, что, конечно, нет. «Значит, — сказал Каструччо, — ты более скуп, чем я обжорлив».

Пригласил его однажды к ужину Таддео Бернарди, лукканец, очень богатый и живший роскошно. Когда Каструччо пришел, хозяин показал ему комнату, которая вся была убрана тканями, а пол был выложен разноцветными дорогими камнями, изображавшими цветы, листья и другие орнаменты. Каструччо набрал побольше слюны и плюнул прямо в лицо Таддео, а когда тот стал возмущаться, сказал: «Я не знал, куда мне плюнуть, чтобы ты обиделся меньше».

У него спросили, как умер Цезарь. «Дай Бог, чтобы и я умер так же», — сказал он.

Однажды ночью, когда он был у одного из своих дворян на пирушке, где присутствовало много женщин, танцевал и дурачился больше, чем подобало его положению, кто-то из друзей стал

его упрекать за это. «Кого днем считают мудрым, не будут считать глупым ночью», — сказал Каструччо.

Кто-то пришел просить его о милости, и так как Каструччо сделал вид, что не слышит его, тот опустился на колени. Каструччо начал выговаривать ему за это. «Твоя вина, — ответил тот, — у тебя уши на ногах». За это Каструччо сделал ему вдвое против того, что он просил.

Он часто говорил, что путь в ад легкий, так как нужно идти вниз и с закрытыми глазами.

Кто-то, обращаясь к нему с просьбой, говорил очень много слов, совсем ненужных. «Когда тебе понадобится от меня еще что-нибудь, — сказал ему Каструччо, — пришли другого».

Другой такой же надоел ему длинной речью и под конец спросил: «Может быть, я утомил вас, проговорил слишком долго?» «Нет, — отвечал Каструччо, — потому что я не слышал ничего из сказанного тобою».

Про кого-то, кто был красивым мальчиком, а потом стал красивым мужчиной, он говорил, что это очень вредный человек, ибо сначала отнимал мужей у жен, а потом стал отнимать жен у мужей.

Одного завистника, который смеялся, Каструччо спросил: «Почему ты смеешься: потому ли, что тебе хорошо, или потому, что другому плохо?»

Когда он был еще на попечении у Франческо Гуиниджи, один из его сверстников сказал ему: «Что ты хочешь, чтобы я тебе подарил за то, чтобы дать тебе пощечину?» «Шлем», — сказал Каструччо.

Он послал однажды на смерть некоего лукканского гражданина, который когда-то помог ему возвыситься. Ему стали говорить, что он поступает дурно, убивая одного из старых друзей. Он ответил, что они ошибаются и что убит не старый друг, а новый враг.

Он очень хвалил людей, которые собираются жениться и не женятся, а также тех, которые собираются пуститься в море и никогда не садятся на корабль.

Он говорил, что дивится людям, которые, покупая сосуд, глиняный или стеклянный, пробуют его на звук, чтобы узнать, хорош ли он, а выбирая жену, довольствуются тем, что только смотрят на нее.

Когда он был близок к смерти, кто-то спросил, как он хочет быть погребенным. «Лицом вниз, — сказал Каструччо, — ибо я знаю, что, когда я умру, все в этом государстве пойдет вверх дном».

Его спросили, не было ли у него когда-либо мысли сделаться для спасения души монахом. Он ответил, что нет, ибо ему казалось странным, что фра Ладзаро пойдет в рай, а Угуччоне делла Фаджола — в ад.

Его спросили, когда лучше всего есть, чтобы быть здоровым. Он ответил: «Богатому — когда хочет, бедному — когда может».

Он увидел однажды, что кто-то из его дворян заставил своего слугу зашнуровывать себя. «Дай Бог, — сказал Каструччо, — чтобы тебе не пришлось заставить кого-нибудь класть себе куски в рот».

Ему как-то бросилась в глаза латинская надпись на доме некоего гражданина: «Да избавит Бог этот дом от дурных людей». Каструччо сказал: «В таком случае он не должен ходить туда сам».

Проходя по улице, он увидел маленький дом с огромной дверью. «Дом убежит через эту дверь», — сказал он.

Ему сказали, что один чужестранец соблазнил мальчика. «Должно быть, это перуджинец», — сказал Каструччо.

Он спросил, какой город славится больше всего обманщиками и мошенниками. Ему ответили: «Лукка». Ибо по природе своей все ее жители были таковы, за исключением Буонтуро.

Каструччо спорил однажды с послом неаполитанского короля по вопросам, касавшимся имущества изгнанников, и стал говорить очень возбужденно. Тогда посол спросил, неужели он не боится короля. «А ваш король хороший или дурной?» — спросил Каструччо. Когда тот ответил, что хороший, Каструччо спросил снова: «Почему же ты хочешь, чтобы я боялся хороших людей?»

Можно было бы рассказать многое другое о его изречениях, и во всех них можно было бы видеть ум и серьезность. Но мне кажется, что и эти достаточно свидетельствуют о его великих достоинствах.

Он жил 44 года и был велик в счастье и несчастье. И так как о счастье его существует достаточно памятников, то он хотел, чтобы сохранились также памятники его несчастья. Поэтому кандалы, которыми он был скован в темнице, можно видеть до сих пор в башне его дворца, где они повешены по его приказанию, как свидетели его бедствий. И так как при жизни он не был ниже ни Филиппа Македонского, отца Александра, ни Сципиона Римского, то он умер в том же возрасте, что и они. И несомненно, он превзошел бы и того и другого, если бы родиной его была не Лукка, а Македония или Рим.

**СОЧИНЕНИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ**

МАНДРАГОРА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

КАЛЛИМАКО
СИРО
МЕССЕР НИЧА
ЛИГУРИО
СОСТРАТА
ТИМОТЕО, монах
ПРИХОЖАНКА
ЛУКРЕЦИЯ

КАНЦОНА,

*исполняемая хором нимф и пастухов
перед началом комедии**

При нашем кратком веке
не поспешил Рок
и стольким мукам каждого обрек, —

и мы желаньям волю
даем, за годом прожигая год:
кто радостную долю
отвергнет ради горя и невзгод,
себя уверил тот,
что все соблазны мнимы
и нет перипетий,
которые почти невыносимы.

От скуки бесконечной
в леса мы удалились навсегда
и в праздности беспечной
проводим время — скука нам чужда.
Мы потому сюда
сегодня поспешили
и вам поем сейчас,
что праздник ваш и вас почтить решили.

* Стихи в комедиях переведены Е. Солоновичем.

Сюда нас также имя
того, кто вами правит, привело,
кто чувствами благими
исполнен, — разве вам не повезло?
И на душе светло,
да будет он прославлен:
цените своего
владыку и того, кем он поставлен.

ПРОЛОГ

Любезный зритель, Бог тебя храни!
Своим расположеньем
ты радуешь и вдохновляешь нас.
Внимая нам, шуметь повремени —
и новым приключеньем
тебя потешим мы, начав показ.
Флоренцию как раз
ты видишь, добрый зритель,
сам — флорентийский житель.
А в будущем тебя мы уморим
тем, что покажем Пизу или Рим.

Направо от меня ты видишь дверь
синьора, что прилежно
Баранция читал, зубря закон.
Там — улица Амура, где, поверь,
паденье неизбежно
и где удел прохожих предрешен.
И если прежде сон
тебя не одолеет,
узнаешь, кто имеет
в Господнем храме, что напротив, кров:
приор или аббат — кто он таков.

А тут, налево, юноша живет —
Гваданьи Каллимако,

что из Парижа только прикатил.
Он благородным у друзей слывет
недаром, и, однако,
обманом даму скромную смутил.
Он пылко полюбил,
как станет вам известно,
и поступил нечестно,
а впрочем, я безмерно был бы рад,
чтоб вас падули так же — всех подряд.

Спектакль, что вам увидеть предстоит,
зовется «Мандрагора»,
а почему — узнаете потом.
Не очень сочинитель знаменит,
но будет вам умора,
а нет — он угощает вас вином.
С мессером простаком,
с влюбленным вертопрахом
и грешником монахом
вы нынче встретитесь, и, наконец,
вас позабавит парасит-шельмец.

И если легкомысленный сюжет
украшит вряд ли имя
того, кто мудрым бы считаться рад, —
корить за легкость автора не след:
затеями пустыми
он скрасить хочет дней унылый ряд.
Он обратил бы взгляд
к серьезнейшим предметам,
однако под запрестом
другие начинанья для него:
за них ему не платят ничего.

Одна награда только суждена —
та, что любой кривится

и все, что зрит и слышит, — все клянет.
 Вот и не могут наши времена
 с далекими сравниться,
 достигнуть благородных их высот.
 И, зная наперед,
 что лишь хулу получит,
 никто себя не мучит:
 зачем терпеть лишенья, если труд
 туманы скроют, ветры разорвут?

Но если кто-то, автора честя,
 желанье возымеет
 смутить его, и присных в том числе, —
 пусть знает, что и автор не дитя
 и смолоду он отдал дань хуле;
 что автор на земле,
 где внятна речь Тосканы,
 в любом найдет изъяны,
 что он не преклонится, тренеща,
 перед владельцем лучшего плаща.

Пускай себе злословят — наплевать!
 Начнем по крайней мере,
 не то мы вас оттяжкой утомим.
 Что болтовне значенье придавать
 или бояться зверя,
 какого и не видели живым!
 Вот Каллимако. С ним
 слуга из дома вышел
 и план его услышал.
 Внимаешь, зритель! И пока не жди
 подробностей о том, что впереди.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Каллимако, Сиро.

Каллимако. Обожди, постой! Мне надо с тобой потолковать.

Сиро. Слушаю.

Каллимако. Ты, полагаю, изрядно изумился внезапному моему отъезду из Парижа, а теперь, поди, дивишься тому, что я вот уже месяц торчу во Флоренции и бездельничаю?

Сиро. Ваша правда, дивлюсь.

Каллимако. Если прежде я не сказывал тебе того, что скажу теперь, то вовсе не по недоверию к тебе, а так, памятуя, что всяк, кто желает сохранить что-либо в тайне, должен держать язык за зубами... покуда не заставит крайняя нужда. Но уж поскольку без твоей помощи мне не обойтись, выложу тебе все как на духу.

Сиро. Я слуга, а слуге не след совать нос в хозяйские дела, он не должен выпытывать да выслеживать, разве сам хозяин пожелает поделиться с ним своими секретами. А вот тогда уж слуга обязан расстараться вовсю. Так я поступал всегда и намерен поступать впредь.

Каллимако. Знаю, знаю. Ты, верно, не менее тысячи раз слышал от меня, а теперь услышь и в тысячу первый, что когда мне исполнилось десять лет и я остался круглым сиротой, опекуны отправили меня в Париж, где я и пробыл ровнехонько двадцать лет, ибо на десятом году моего там пребывания королю Карлу угодно было вторгнуться на нашу землю и тем положить начало нескончаемым итальянским войнам, разорившим нашу Флоренцию; так вот я и рассудил за благо домой не возвращаться, а

оставаться в Париже, где я чувствовал себя привольнее и безопаснее.

Сиро. Да уж это так, ничего не скажешь.

Каллимако. И вот, поручив распродать во Флоренции все свое имущество за исключением отчего дома, я остался в Париже, где и провел еще десять счастливых лет...

Сиро. Знаю.

Каллимако. ...деля время между учеными занятиями, развлечениями и торговыми делами; во всем этом я успевал, да так, что ни одно из сказанных дел не страдало. И потому, как ты знаешь, я жил счастливо, доставляя радость своим ближним, никого не обижая, сохраняя приятственные отношения с дворянами и мещанами, чужестранцами и людьми местными, бедняками и богатыми.

Сиро. Сущая правда.

Каллимако. Но судьбе, видать, показалось, что уж слишком безмятежно я там живу, и она решила подослать в Париж некоего Камилло Кальфуччи.

Сиро. Кажется, я начинаю догадываться о вашей занозе.

Каллимако. Сказанного Кальфуччи я частенько приглашал вместе с другими земляками-флорентийцами к себе домой. И вот как-то раз, когда беседовали мы о том о сем, у нас возгорелся спор: кто красивее — итальянки или француженки. В Италии я был еще мальчонкой и потому ввязываться в этот спор не почел себя вправе, а вот другой флорентиец взял сторону француженок, а Камилло — итальянок. И долго они препирались на этот предмет, и под конец Камилло, обозлившись, сказал, что если бы даже все итальянки были уродками, то и тогда одна только его родственница не дала бы посрамить итальянских женщин.

Сиро. Теперь мне ясно, о чем хотите вы мне поведать.

Каллимако. И он назвал мадонну Лукрецию, жену мессера Ничи Кальфуччи, красоту и повадки ее он так превознес, что всех нас лишил не только сна, но и дара речи. Во мне же он возжег такое желание ее увидеть, что я, оставив какие бы то ни было сомнения и не помышляя более ни о войне, ни о мире в Италии, положил вернуться сюда. Приехав же, убедился воочию, что молва о мадонне Лукреции сущая чепуха по сравнению с явью. А это,

как ты знаешь, случается далеко не часто. Словом, я так распался желанием обладать ею, что не нахожу себе места.

С и р о. Когда б вы мне сказали об этом в Париже, я бы сумел подать вам добрый совет, а нынче не знаю, что и сказать.

К а л л и м а к о. Открылся я тебе вовсе не ради совета, но отчасти чтобы излить душу, а еще для того, чтобы подвигнуть тебя на помощь, буде она мне понадобится.

С и р о. Постараюсь не подкачать. А есть хоть какая надежда?

К а л л и м а к о. Увы, никакой или почти никакой. Скажу тебе прямо: первейшим препятствием является честнейшая ее натура, чуждая любовным помыслам; во-вторых, муж у нее очень богат, да к тому же находится у нее под башмаком. Верно, что он не очень молод, но вроде бы и не слишком стар. Родственников или друзей, с которыми бы она проводила разные там праздники да вечеринки, у нее нет. Нет в ее доме пронырливых мастеровых, а прислуга обоего пола перед нею трепещет. Стало быть, о подкупе и думать нечего.

С и р о. Так что же вы думаете предпринять?

К а л л и м а к о. Вообще-то положения, из которого не было бы решительно никакого выхода, на свете не бывает. И пока теплится хоть малейшая надежда, человек не должен впадать в отчаянье.

С и р о. А все-таки?

К а л л и м а к о. Тусклые свои надежды возлагаю я, во-первых, на простоту мессера Ничи: он хоть и носит докторскую мантию, но второго такого простофили не сыщешь во всей Флоренции. Во-вторых, на страстное желание супругов иметь детей: уже шесть лет они женаты, богатство имеют огромное, а кому его оставить, если нет детей? Ну и, в-третьих, на былую гульливость маменьки Лукреции. Бабенка она была разбитная, но теперь, когда она зажила в таком достатке, я уж, право, не знаю, как к ней подступиться.

С и р о. Но хоть что-то вы пытались предпринять?

К а л л и м а к о. Самую малость.

С и р о. Что именно?

К а л л и м а к о. Ты знаешь Лигурио, того, что вечно норовит подкормиться за моим столом? Когда-то он был поверенным по брачным делам, а потом стал прихлебателем в богатых домах. Но поскольку человек он презабавный, то вот мессер Нича и свел с ним дружбу, и Лигурио вечно над Ничей подтрунивает. И хотя

Нича за свой стол его не сажает, но иной раз ссужает его деньжишкой. Я нарочно сдружился с Лигурио и открылся в своих чувствах к Лукреции. Лигурио поклялся помогать мне руками и ногами.

С и р о. Смотрите только, чтоб не падул. Эти лизоблюды -- народ ненадежный.

К а л л и м а к о. Так-то оно так. Но раз уж я ему открылся, то хочешь не хочешь, а для пользы дела надо ему верить. Тем более что в случае успеха он получит от меня изрядный куш. А коли дело сорвется, то пусть утешится обедом и ужином; мне не жаль, ведь ты знаешь, что я все равно один за стол не сажусь.

С и р о. И что же обещал этот прощельга?

К а л л и м а к о. Обещал уговорить мессера Ничу отправиться в мае на целебные воды.

С и р о. А вам-то с этого какой прибыльок?

К а л л и м а к о. Какой, говоришь? Да ведь возможно, что пребывание на водах изменит ее привычки. В таких местах молодых тянет к развлечениям. Я тоже туда отправлюсь и, не жалея затрат, буду закатывать всякие празднества и увеселения. Быть может, мне удастся сойтись с ней и с ее муженьком. Да разве наперед все предусмотреть? Так, мало-помалу, а там, глядишь, время и подсобит нам.

С и р о. Придумано не так уж дурно.

К а л л и м а к о. Сегодня, уходя от меня, Лигурио обещал поговорить с Ничей об этой поездке, а потом пересказать их разговор мне.

С и р о. Вот оба наших голубчика.

К а л л и м а к о. Спрячусь-ка я покамест, чтобы потом сразу перехватить Лигурио, едва он расстанется с этим ученым мужем. А ты сыпь домой и займись своими делами. Если потребуешься -- я тебя кликну.

С и р о. Я пошел.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Нича, Лигурио.

Нича. Сдается мне, что совет твой недурен. Вчера я говорил об этом с женой. Она обещала подумать и сегодня дать ответ. Ну а если сказать по правде, то не лежит у меня душа к этой поездке.

Лигурио. Почему же?

Н и ч а. Мне всегда тяжело стронуться с места. Всякие там сборы, жена, прислуга, барахло... Короче, не люблю я этих треволнений. Да и кроме того, вчера же вечером я говорил с разными врачами. И вот один шлет в Сан Филиппо, другой советует ехать в Порретту, третий — в Виллу. Сами гусаки гусаками, а с каким важным видом несут всякий вздор!

Л и г у р и о. Да вы же злы на них лишь оттого, что, как сами только что сказали, вам до смерти не хочется покидать Флоренцию.

Н и ч а. Вовсе нет! В молодости я был очень легок на подъем. В Прато не бывало ярмарки, чтобы я на ней не присутствовал, и нет во всей округе местечка, в котором бы я не побывал. Да что в округе! Я и в Пизе, и в Ливорно бывал!

Л и г у р и о. Стало быть, видели пизанскую Карруколу?

Н и ч а. Верруколу, хотел ты сказать.

Л и г у р и о. Да, да, именно Верруколу. А в Ливорно море видели?

Н и ч а. Еще бы не видел!

Л и г у р и о. А оно много больше Арно?

Н и ч а. Какое там Арно! Да оно в четыре, в шесть... в семь раз больше: сплошь вода, вода, вода...

Л и г у р и о. Вот я и удивляюсь, как это вы, где только не успевший помочиться, боитесь съездить на какие-то жалкие воды.

Н и ч а. Эх ты, молокосос! Думаешь, такой пустяк — перевернуть все вверх дном и куда-то нестись? Впрочем, я так хочу ребенка, что готов ради этого на любое безрассудство. Поговори-ка ты сам с этими учеными мужами, узнай, куда они присоветуют мне ехать, а я пойду к жене. Потом встретимся.

Л и г у р и о. Вы мудро рассудили.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Лигурио, Каллимако.

Л и г у р и о. Не думаю, чтобы в мире сыскался больший осел! И как же при этом милостива к нему судьба, одарившая его богатством, красавицей женой, умной, благонравной, способной управлять не то что домом, но целым государством. Вот уж редко выходит по пословице: «муж да жена — одна сатана», потому как

частенько видим человека достойного, женатого на ведьме, и, напротив, женщину разумную замужем за придурком. Впрочем, не будь Нича такой стоеросовой дубиной, на что бы еще мог надеяться наш несчастный влюбленный? Вот, кстати, и он сам. Кого ты там высматриваешь, Каллимако?

Каллимако. Да вот, углядев тебя с этим ученым мужем, я решил дождаться конца вашего собеседования и узнать, чего ты сумел добиться.

Лигурио. Ты же знаешь, что это за личность: и разумом не силен, а уж решительности ни на грош. Ему страсть не хочется трогаться из Флоренции. Но я его маленько подзадорил, и он под конец обещался пойти решительно на все. Полагаю, что если мы сами не передумаем, то эта поездка на воды состоится, хоть я и не уверен, добьемся ли мы главной своей цели.

Каллимако. Это еще почему?

Лигурио. Да ведь всяко может случиться! Ты же знаешь, что на эти воды съезжается народ разный и вполне может сыскаться человек, которому мадонна Лукреция понравится так же, как тебе, да к тому же он окажется еще богаче тебя, да и привлекательнее. Словом, не пойдут ли все наши труды прахом и не обернутся ли они на пользу кому-нибудь другому? Ведь обилие воздыхателей может сделать нашу красотку либо взыскательнее и неприступнее, либо размягчить и бросить в объятия другого счастливого.

Каллимако. Верно, может и так случиться. Но мне-то как быть? Что придумать? На что решиться? Я должен что-то предпринять — пусть что-то неслыханное, пусть опасное, пусть опрометчивое, пусть даже бесчестное... Лучше смерть, чем этакие муки. Когда б я был способен спать по ночам, есть, беседовать с друзьями, хоть чем-то отвлечься, тогда б я мог спокойно дожидаться благоприятного случая; сейчас же все мне представляется в полнейшем мраке, и, не возникни хоть ничтожная надежда, я больше не жилец на этом свете. А раз уж я приговорен к смерти, то ничего мне более не страшно, и я готов решиться на поступок самый дикий, жестокий и бесчестный.

Лигурио. Зачем уж так! Надо обуздывать душевные свои порывы.

Каллимако. Ты же понимаешь, что, обуздывая их, я только еще пуще растрavляю себя. А потому надобно либо выпроводить Ничу на воды, либо попытаться сыскать другой какой способ, могущий подать надежду, пусть даже ложную, которая хотя б отчасти умягчала душевные мои муки.

Лигурио. Ты прав, и я готов всячески тебе содействовать.

Каллимако. Верю, хотя и знал, что людишкам вроде тебя — их хлебом не корми, только дай кого-нибудь надуть. Надеюсь, впрочем, что со мной ты так не поступишь, ибо если я что-либо подобное замечу, то мигом откажу тебе от дома, да и обещанного вознаграждения не видать тебе как своих ушей.

Лигурио. В преданности моей не сомневайся; ведь если бы я даже и не жаждал вознаграждения, на которое, правду сказать, сильно рассчитываю, то и тогда желание твое настолько мне понятно, что я хочу его исполнения ничуть не меньше, чем ты сам. Но бросим этот разговор. Ученейший мой друг поручил мне отыскать врача, который бы точно указал, на какие воды следует ехать. Послушай: я представлю тебя Ниче и скажу, что ты изучал медицину и даже имел в Париже некоторую практику. Нича легко поверит, во-первых, потому, что он болван болваном, а во-вторых, потому, что ты человек ученый и можешь вкрутить ему что-нибудь по латыни.

Каллимако. Что же это нам даст?

Лигурио. Поможет спровадить его на те воды, на какие мы хотим, а быть может, даже повернуть одну штуку, которую я измыслил, и штука эта мне кажется вернее, прямее и легче осуществимее, чем воды.

Каллимако. Правда?

Лигурио. Вот те крест! Соберись с духом, доверься мне, и мы обтяпаем это дельце не далее как завтра к этому же часу. И окажись Нича не таким ослом, за какого мы его принимаем, попробуй он даже допытываться, лекарь ты на самом деле или нет, недостаток времени да и необычность дела не позволят ему в этом разобраться; а если даже и разберется, то все равно помешать не успеет.

К а л л и м а к о. Ты возвращаешь мне жизнь! Обещание твое столь невероятно, что ты вселяешь в меня, быть может, слишком великую надежду. Что ты надумал?

Л и г у р и о. Узнаешь в должное время, теперь некогда об этом рассуждать, ибо времени в обрез на самое дело, а не то что на по-рожные разговоры. Отправляйся домой и жди меня там, а я пойду за Ничей, и если приведу его к тебе, то ты внимательно следи за тем, что я буду говорить, и соответственно себя веди.

К а л л и м а к о. Исполню все в точности, хотя и боюсь, что внушаемая тобой надежда развеется как дым.

КАНЦОНА

Кто не изведал, как
 могуч Амур, немало ошибется,
 когда назвать возьметса
 первейшее среди небесных благ.
 Он знать не может, как за шагом шаг
 все дальше от безбедных дней уходят,
 как, больше, чем себя,
 другого полюбя,
 надеждой сердце, трепетом изводят
 и как не только в людях — и в богах
 твой арсенал, Амур, рождает страх.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Лигурио, Нича, Сиро.

Л и г у р и о. Вот видите, не иначе как сам Господь Бог ниспослал вам того, кто способен помочь исполнению сильнейшего вашего желания. В Париже этот человек имел богатейшую практику, а вот тому, что здесь, во Флоренции, он не занимался своим искусством, вы не поражайтесь. Тому есть две причины: во-первых, он достаточно богат, а во-вторых, он вот-вот собирается вернуться в Париж.

Н и ч а. В этом-то, братец мой, и вся загвоздка! Только размечтаешься, а тут как раз и останешься с носом.

Л и г у р и о. Пусть вас это не тревожит: только бы он взялся за лечение; а уж коли возьмется, то не бросит, покамест не добьется своего...

Н и ч а. Стало быть, я полагаюсь на тебя, а вот что касается учености, то я уж и сам мигом определяю, чего она стоит. Меня на мякине не проведешь!

Л и г у р и о. Вот-вот, именно оттого, что вас-то я знаю, я и веду вас к нему, дабы вы сами с ним поговорили. И ежели, поговорив с вами, он не покажется вам по внешности своей, по своей учености и приятности обращения человеком, на которого можно положиться как на самого себя, то можете плюнуть мне в глаза.

Н и ч а. Ну что ж, тогда, благословясь, пошли. Где он живет?

Л и г у р и о. Да на этой площади: вон его дверь, как раз против вашей.

Н и ч а. В добрый час.

Л и г у р и о. Вот мы и пришли.

Сиро. Кто там?

Лигурио. Каллимако дома?

Сиро. Дома.

Нича. Почему не говоришь ты «маэстро Каллимако»?

Лигурио. Он на это чихает.

Нича. Чихает или не чихает, а ты величай его как должно.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Каллимако, Нича, Лигурио.

Каллимако. Кто там ко мне?

Нича. *Bona dies, domine magister**.

Каллимако. *Et vobis bona, domine doctor***.

Лигурио. Ну как?

Нича. Недурно, клянусь святцами.

Лигурио. Если хотите, чтобы я участвовал в разговоре, то говорите так, чтобы я понимал, иначе гусь свинье не товарищ.

Каллимако. Чем могу служить?

Нича. Да как вам сказать? Хотелось бы потолковать о двух вещах, которых иной бы разумно старался избежать, то есть хлопотах для себя и для своих близких. У меня, видите ли, нет детей, и вот для того, чтобы взвалить на себя эту ношу, я решился беспокоить вас.

Каллимако. Помилуйте, да разве это беспокойство — услужить вам или другим, столь же достойным и прекрасным людям! Да и для чего же я столько лет трудился в Париже, как не для того, чтобы служить людям, подобным вам.

Нича. Великое вам спасибо. А когда вам понадобится мое искусство, считайте, что я целиком к вашим услугам. Но вернемся *ad rem postram****. Скажите, какие, по-вашему, целебные источники помогли бы моей жене зачать ребенка? Я знаю, что Лигурио уже говорил вам о том, о чем я говорю сейчас.

Каллимако. Сказать-то он сказал, но для того, чтобы исполнить ваше желание, надобно знать причину бесплодия вашей су-

* Добрый день, господин магистр (лат.).

** И вам день добрый, господин доктор (лат.).

*** к нашим делам (лат.).

пруги, ибо причины бывают разные. *Nam causae sterilitatis sunt aut in semine, aut in matrice, aut in instrumentis seminariis, aut in virga, aut in causa extrinseca**.

Н и ч а. Да это самый достойный человек на свете!

К а л л и м а к о. Помимо того, причиной бесплодия может быть ваше бессилие, а уж коли так, то тут уж ничто не поможет.

Н и ч а. Мое бессилие? Да вы что, хотите уморить меня со смеху? Не думаю, что во всей Флоренции отыщется еще второй такой крепыш по этой части, как я.

К а л л и м а к о. В таком случае будьте уверены, что мы отыщем верное средство.

Н и ч а. А не найдется ли средства помимо целебных вод? Уж очень мне не хочется затевать всю эту кутерьму с отъездом, да и жене не любо расставаться с Флоренцией.

Л и г у р и о. Наверняка найдется! Еще как найдется! Просто Каллимако излишне осторожен. Разве не сказали вы сами, что знаете такое питье, которое хоть кого заставит забрюхатеть?

К а л л и м а к о. Конечно, есть такое питье. Но я имею дело с людьми, которых не знаю, и потому не хотел бы, чтобы они приняли меня за шарлатана.

Н и ч а. Во мне не сомневайтесь, ибо своими достоинствами вы привели меня в такое восхищение, что я готов поверить любому вашему слову и выполнить любое ваше предписание.

Л и г у р и о. Полагаю, что вам прежде всего необходимо исследовать мочу.

К а л л и м а к о. Конечно, без этого никак не обойтись.

Л и г у р и о. Кликните Сиро, пусть он сходит с доктором к нему домой, возьмет мочу, а мы подождем его тут.

К а л л и м а к о. Сиро, сходи с ним. А вы, магистр, если надумаете, возвращайтесь побыстрее, и мы вместе пораскинем умом, что делать дальше.

Н и ч а. Как это «если надумаю»? Я вмиг вернусь, ибо уповаю на вас больше, чем венгерец на свою шпагу.

* Ибо причины бесплодия заключаются либо в семени, либо в матке, либо в семенном аппарате, либо в мужском органе, либо во внешних причинах (лат.).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Нича, Сиро.

Нича. Твой хозяин истинно великий человек.

Сиро. Да побольше, чем вы думаете.

Нича. С ним, поди, считается сам король Франции.

Сиро. И еще как!

Нича. Наверное, по этой-то причине он и любит Францию.

Сиро. А по какой же еще!

Нича. И отлично делает. В наших краях — одни невежды да выжига на выжиге, истинная добродетель тут не в цене. Если бы твой хозяин жил здесь, то никто б на него даже не взглянул. Уж я-то на собственной шкуре это испытал... я, который не одну пару штанов просидел, изучая латынь; кабы не наследство — хорош бы я был!

Сиро. Дукатов сто в год зарабатываете?

Нича. Гроша ломаного не зарабатываю! Тут, во Флоренции, на того правоведа, который не состоит на правительственной службе, и собака не тьякнет. Вот и побирайся за поминальным да за свадебным столом или день-деньской бей баклуши в проконсульской прихожей. Мне-то на это наплевать, я ни в чем нужды не испытываю и ни от кого не завишу. Всем бы так жилось. Впрочем, мне бы не хотелось, чтобы слова мои дошли до чужих ушей, дабы не накликать на себя холеру в виде налога, а то чего-нибудь и похуже.

Сиро. Будьте покойны.

Нича. Вот мы и дома: обожди меня здесь, я мигом вернусь.

Сиро. В час добрый, ступайте.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сиро, один.

Сиро. Когда бы все законники были скроены по мерке Ничи, уж чего бы только мы не натворили! Яснее ясного, что этот проходимец Лигурио и ошалевший мой хозяин доведут его до какого-нибудь срама. Пусть себе озоруют, лишь бы не получилось огласки, ибо в сем случае я рискую жизнью, а хозяин мой — и жиз-

нью, и имуществом. И так уж он заделался врачом! Не знаю — что у них на уме и чего они добиваются? Но вот и магистр с урыльником в руке. Кого не рассмешит это огородное пугало?

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Нича, Сиро.

Нича. Я тебе потакал буквально во всем, а теперь изволь слушаться меня. Если бы я знал, что у нас не будет детей, то скорее женился бы на простой крестьянке... Ты тут, Сиро? Ступай за мной. Уф, как долго пришлось уламывать эту дуреху, чтобы она согласилась наконец дать мочу! И дело не в том, что она не хочет иметь детей, она еще пуще меня этого желает, но как только я попрошу ее хоть пальцем шевельнуть для этого — начинается истерика!

Сиро. Наберитесь терпения; ласковым словом женщину можно склонить на что угодно.

Нича. Ласковым словом? Осточертели мне эти ласковые слова! Беги, Сиро, скажи маэстро и Лигурио, что я тут.

Сиро. Да вот они и сами тут как тут.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Лигурио, Каллимако, Нича.

Лигурио. Ученого-то мужа нетрудно будет уговорить, а вот жену потруднее, но и тут отыщется средство.

Каллимако. Принесли мочу?

Нича. Она у Сиро, под плащом.

Каллимако. Давай сюда. О! Вот признак того, что слабоваты почки.

Нича. Да и мне она кажется мутноватой, а ведь вроде совсем свежая.

Каллимако. Нет ничего удивительного. *Nam mulieris urinae sunt semper majoris grossitiei et albedinis et minoris pulchritudinis quam virorum. Huius autem, inter caetera, causa est amplitudo canalium, mixtio eorum quae ex matrice exeunt cum urina**.

* Женская моча всегда гуще и мутнее мужской. Причина этого заключается, между прочим, в ширине каналов и смешении мочи с выделениями из матки (лат.).

Н и ч а. Уф-фа, клянусь невинностью святого Пуччо! Да он просто с каждой минутой становится любезнее моему сердцу. Поглядите, как лихо он разбирается в этой материи.

К а л л и м а к о. Боюсь, не мерзнет ли она у вас по ночам? Не оттого ли у нее и моча мутная?

Н и ч а. Да нет, я уж такого наддаю ей жара... Впрочем, перед тем, как улечься, она часа по четыре простаивает на коленях, бормоча молитвы, и, стало быть, терпит холод по собственной дурости.

К а л л и м а к о. И наконец, высокочтимый друг мой, или вы доверяете мне, или нет, а соответственно этому либо я укажу вам верное средство, либо нет. Если верите и согласитесь на него, то ровно через девять месяцев, считая с сегодняшнего дня, женушка ваша будет баюкать на руках прелестного малютку. Коли не так — готов вам уплатить две тысячи дукатов наличными.

Н и ч а. Не тяните, что же это за средство? Ведь я во всем готов следовать вашим советам, а уж верю я вам больше, чем своему духовнику.

К а л л и м а к о. Должно вам знать, что нет средства более надежного для того, чтобы женщина забрюхатела, как дать ей выпить настоя мандрагоры. Средство это испытано мною многократно и всякий раз с неизменным успехом. Не будь его, королева Франции так и осталась бы бесплодной, а равно и другие знатные дамы этого королевства.

Н и ч а. Да ну?

К а л л и м а к о. Никаких «ну». Судьба же так к вам благосклонна, что у меня оказалось все необходимое для этого питья, и вы можете получить его хоть сегодня.

Н и ч а. А когда она должна принять его?

К а л л и м а к о. Сегодня после ужина, ибо луна как раз находится в нужной фазе и времени более благоприятного нам не дождаться.

Н и ч а. Ну тогда дело слажено. Готовьте питье, а я заставлю жену выпить его.

К а л л и м а к о. Есть тут, впрочем, одна загвоздка: тот, который переспит с ней после этого снадобья, умрет ровно через восемь дней, и тут уж ничто не сможет его спасти.

Н и ч а. Ну уж черта с два! Не желаю я вашего пойла, меня на удочку не подцепишь. Эк куда хватили!

Каллимако. Успокойтесь, и тут есть выход.

Нича. Какой?

Каллимако. Заставить переспать с ней другого, и тот примет всю эту отраву на себя. После чего можете нежиться со своей женой сколько влезет и без всякой притом опаски.

Нича. Нет, мне это не подходит.

Каллимако. Почему?

Нича. Да потому, что не желаю делать свою жену публичной девкой, а себя рогачом.

Каллимако. Как это вы, такой умный и ученый человек, можете так рассуждать? О, вы вовсе не такой мудрец, каким мне казались. Неужели вы не решаетесь сделать то, что сделал сам король Франции и множество других именитейших особ?

Нича. Да где же я сыщу такого болвана, который бы решился на подобное безумие? Если я предупрежу его, он, понятно, не пожелает; если не предупрежу — то, стало быть, сознательно обману, а это подсудно трибуналу Восьми. А мне вовсе не улыбается угодить в его лапы.

Каллимако. Если ничто другое вас не беспокоит, то предоставьте все это уладить мне.

Нича. А как вы это уладите?

Каллимако. Очень просто: я дам вам питье сегодня после ужина; вы дадите его жене и сразу же уложите ее в постель, этак часов в десять. После чего вы, Лигурио, Сиро и я перерядимся, выйдем, будто на прогулку по окрестным улицам, сцапаем первого попавшегося подгулявшего молодчика, завяжем ему глаза и, подгоняя палками, отведем в ваш дом. Затем, в полной темноте, проведем его в спальню и там уложим его в постель к вашей жене, предварительно объяснив, что нужно делать, а уж тут, ручаюсь, никаких затруднений не возникнет. На рассвете выпроводим его из дому, вы прикажете помыть супругу и возляжете с ней в свое удовольствие, не опасаясь никаких последствий.

Нича. Я не против. Тем более, как ты говоришь, король, принцы и другие сиятельные господа все так поступали, но лишь бы про это кто не пронюхал, к великой радости треклятой «Восьмерки»!

Каллимако. Да кто же может пронюхать?

Нича. Так-то оно так, но все же остается еще одно немало-важное препятствие.

Каллимако. Какое?

Н и ч а. Жена. Не думаю, что будет так легко ее уговорить.

К а л л и м а к о. Верно. Но я бы не желал быть мужем жены, которую не мог бы заставить поступать по-моему.

Л и г у р и о. Я знаю, как помочь делу.

Н и ч а. Выкладывай.

Л и г у р и о. Нам поможет ее духовник.

К а л л и м а к о. А кто уговорит духовника?

Л и г у р и о. Ты, я, деньги, общая наша испорченность.

Н и ч а. Кроме того, жена вряд ли меня послушается и пойдет к духовнику за советом по такому делу.

Л и г у р и о. И тут есть выход.

К а л л и м а к о. Сказывай.

Л и г у р и о. Пусть ее уговорит мать.

Н и ч а. Ей она верит.

Л и г у р и о. Мать наверняка будет с нами заодно. Пошли, надо спешить, уже смеркается. Ты, Каллимако, ступай проветрись и помни, что в восемь часов мы зайдем к тебе. Зелье должно быть уже готово. Мы же с Ничей пойдем уговаривать мать. Ее я беру на себя. Потом сходим в монастырь к духовнику и обо всем известим вас.

К а л л и м а к о. Ах, не оставляйте меня одного!

Л и г у р и о. По-моему, ты просто ошалел от радости.

К а л л и м а к о. Что же мне делать все это время?

Л и г у р и о. Делай что хочешь. Флоренция велика, поброди по улицам.

К а л л и м а к о. Да я еле на ногах стою.

КАНЦОНА

Блажен, кто от рожденья глуп не в меру
и принимает все, как есть, на веру.

В нем честолюбья нет,
и страх ему неведом,
от коих столько бед,
ведущих к новым бедам.

Мечта законоведом
владеет — стать отцом,
но, будучи глупцом,
чтобы достичь того, о чем мечтает,
поверит он, что и осел летает.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Сострата, Нича, Лигурио.

С о с т р а т а. Я и раньше слыхивала, что разумный человек всегда выбирает из двух зол меньшее. Раз заполучить ребенка иным путем нельзя, то, стало быть, и этот сгодится. Конечно, не в ущерб своей совести.

Н и ч а. Святые слова.

Л и г у р и о. Вы поговорите с дочкой, а мы с мессером сходим к брату Тимотео, ее исповеднику, и все ему объясним, избавив вас от лишних хлопот и разговоров. Вот увидите, что он вам скажет.

С о с т р а т а. Договорились. Вы туда, а я к Лукреции, и, уж будьте уверены, я заставлю ее поговорить с монахом.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Нича, Лигурио.

Н и ч а. Быть может, Лигурио, тебе покажется удивительным, к чему прилагать столько усилий, чтобы уломать собственную жену, но кабы ты знал все, как есть, то, поди, нисколько не удивился бы.

Л и г у р и о. Думаю, оттого это происходит, что все женщины ужасно подозрительны.

Н и ч а. Нет, не в этом суть. Лукреция всегда была на редкость кроткой и сговорчивой. Но вот однажды одна наша соседка сболтнула, что если Лукреция даст обет выстоять сорок заутрень у Сервитов, то забрюхатеет непременно. Лукреция дала обет и половину отстояла. Всего половину, потому как на двадцатый раз один из этих распутных монахов начал ее обхаживать, да так, что

она больше не пожелала и ногой ступить в тамошнюю обитель. Скверно, что призванные служить примером поступают так подло. Верно я говорю?

Лигурио. Еще бы, дьявол их раздери, еще бы не верно!

Нича. Так вот, с той поры Лукреция вечно настороже. Что ей ни скажи — сразу подозревает недоброе.

Лигурио. Тогда все понятно! Ну, а как обошлось с обетом? Так вот и пошло все псу под хвост.

Нича. Пришлось просить разрешения.

Лигурио. И то дело. Кстати, если есть при себе, дайте двадцать пять дукатов. В подобных случаях приходится идти на издержки, надо же умягчить монаха, да еще пообещать ему куш пощедрее.

Нича. На, бери. Мне это тьфу, пустяк. С лихвой наверстаю на ком-нибудь другом.

Лигурио. Все эти монахи ужасно продувные бестии! Оно, впрочем, и понятно, потому как им хорошо ведомы и наши, и собственные их грешки. И кто не имел с ними дела, легко может попасть впросак. Обведут вокруг пальца как миленького. А потому я бы не хотел, чтобы вы своими замечаниями испортили всю обедню, ибо ваш брат, сидящий битый день за учеными занятиями, разбирается в своих книгах, а в делах житейских ни бельмеса не смыслит. *(В сторону.)* Ведь этакий осел может любое дело сгубить.

Нича. Сделаю все, как ты велишь.

Лигурио. Главное, не мешайте мне и молчите, покуда я не подам вам знак.

Нича. Прекрасно. А какой знак ты мне подашь?

Лигурио. Закрою один глаз и прикушу губу. Или нет! Сделаем иначе: сколько времени вы не виделись с братом Тимотео?

Нича. Да уж лет десять.

Лигурио. Превосходно. Я скажу ему, что за эти годы вы успели оглохнуть, и потому не отвечайте и ничего не произносите, разве только мы начнем сильно кричать.

Нича. Понял.

Лигурио. И не подавайте виду, если услышите что-либо такое, что вам может показаться противным нашей цели, потому как все мною сказанное будет лить на нашу мельницу.

Нича. Бог в помощь.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Тимотео, прихожанка.

Тимотео. Коли хотите исповедоваться, приступим к делу.

Прихожанка. Только не сегодня. Меня ждут. Хватит и того, что я так, походя, хоть немного облегчила душу. Отслужили вы акафисты Богородице, которые я заказывала?

Тимотео. Конечно, как договорились.

Прихожанка. Вот вам флорин, и каждый понедельник в течение двух месяцев служите заупокойную по моему мужу. И хоть был он порядочной скотиной, а все же сердце не камень, плоть-то, поди, не чужая. Как вспомню, так и захочу его... А как думаете, он в чистилище?

Тимотео. А где же ему быть еще?

Прихожанка. А я так не уверена. Вы же знаете, что он иногда со мной вытворял. Сколько раз я вам жаловалась на него. По возможности я, конечно, сторонилась сколько могла, но он бывал так настырен! О Господи, прости меня, грешную!

Тимотео. Не отчаивайтесь, милосердие Божье велико, и, если у человека есть желанье, покаяться никогда не поздно.

Прихожанка. А как вы думаете, турок нагрянет в этом году в Италию?

Тимотео. Если не будете молиться, всенепременно нагрянет.

Прихожанка. Не приведи Господь! Я страх боюсь, как бы эти нехристи не посадили меня на кол... А, вон там женщина, у которой моя пряжа, пойду к ней. Всего вам доброго!

Тимотео. Ступайте с миром!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Тимотео, Лигурио, Нича.

Тимотео. Правду говорят, что женщины самые сердобольные твари на свете, но зато и самые назойливые. Кто с ними не якшается, тот не знает докуки, но не знает и прибýtка, а кто с ними путается — разом получает и то и другое. И то сказать — где

мед, там и мухи... Эй, люди добрые, кого вы там ищете? Уж не мессера ли Ничу я вижу?

Лигурио. Громче говорите. Он оглох и почти ничего не слышит.

Тимотео. Добро пожаловать, мессере.

Нича. Доброго здоровья, святой отец.

Тимотео. Что вас привело сюда?

Нича. Все в порядке, благодарствую.

Лигурио. Обращайтесь ко мне, отец. Иначе вам придется так орать, что вся округа придет в смятение.

Тимотео. Чем могу служить?

Лигурио. Мессер Нича и еще один добрый человек, о котором вы еще услышите, хотели бы пожертвовать на нищих несколько сот дукатов.

Нича. Черта лысого!

Лигурио. Молчите, чтоб вас... Это ведь совсем немного... Не удивляйтесь, отец, тому, что он говорит. Ведь он глухой, но иной раз ему кажется, будто он слышит. Вот он и брякает невпопад.

Тимотео. Продолжай, а этот пусть себе мелет что хочет.

Лигурио. Часть денег при мне. И они хотят, чтобы эти деньги роздали вы по своему усмотрению.

Тимотео. С превеликой охотой.

Лигурио. Но прежде чем пожертвование будет вам вручено, вы должны помочь в одном деликатном дельце, касающемся мессера. Вы один сумеете помочь там, где замешана честь всего его дома.

Тимотео. Что это за дельце?

Лигурио. Не знаю, знакомы вы с Камилло Кальфуччи, племянником мессера?

Тимотео. Знаком.

Лигурио. Год назад отправился он по каким-то своим делам во Францию и, не имея жены, поскольку она умерла, оставил свою взрослую дочь, девицу на выданье, в одном монастыре, название коего вам знать пока не следует.

Тимотео. И что же приключилось с этой девицей?

Лигурио. А то, что либо по беспечности опекавших ее монахинь, либо по собственной своей ветрености девица оказалась брюхатой на четвертом месяце. Стало быть, если не пособить беде, то доктор, монахини, девица, Камилло, вся семья Кальфуччи ока-

жутся опозоренными. Доктор так близко принимает все это к сердцу, что дал обет пожертвовать триста дукатов на богоугодные дела в случае, если удастся избежать огласки.

Н и ч а. Что он несет?

Л и г у р и о. Молчите! И передает эти деньги в ваши руки, святой отец. Ведь только вы да настоятельница монастыря могут нам помочь.

Т и м о т е о. Каким образом?

Л и г у р и о. Убедив настоятельница дать ей одно зелье, от которого она выкинет.

Т и м о т е о. Тут надо поразмыслить.

Л и г у р и о. Судите сами, сколько отсюда проистечет добра: вы спасете честь монастыря, честь девицы, возвратите отцу дочь, угодите мессеру и всем его близким, раздадите столько подаваний, сколько сможете накроить из этих трехсот дукатов. С другой же стороны, вы губите всего-навсего комочек нерожденного бездушного мяса, который и без того мог бы сгинуть тысячью других способов. За благо я полагаю то, что приносит пользу и удовлетворение наибольшему числу людей.

Т и м о т е о. Во имя Божье будь по-вашему. Ради Создателя и сострадания к ближнему пусть все произойдет так, как вы желаете. Назовите монастырь, дайте питье, а по возможности и деньги, чтобы я не мешкая мог начать творить добрые дела.

Л и г у р и о. Теперь я вижу, что вы именно тот подвижник, за какового я вас всегда почитал. Вот вам для начала двадцать пять дукатов. Название же монастыря... Простите! Вон там я вижу женщину, которая делает мне знаки. Я мигом обратно. Не оставляйте мессера. Я должен перекинуться с ней двумя-тремя словами.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Тимотео, Нича.

Тимотео. Сколько лет вашей девице?

Нича. Прямо чертовщина какая-то!

Тимотео. Я спрашиваю, сколько лет вашей девице?

Нича. Чтоб ему, сатане, провалиться!

Тимотео. Почему?

Нича. Да потому!

Тимотео. Вот уж угодил в передрагу! Один псих, другой глухарь. Один удирает, другой ничего не слышит. Впрочем, если деньги не фальшивые, то я сумею сыскать им лучшее применение... А вот и Лигурио!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Лигурио, Тимотео, Нича.

Лигурио. Будьте покойны, мессере. У меня прекрасная новость, святой отец.

Тимотео. Что за новость?

Лигурио. Женщина, с которой я только что разговаривал, сообщила мне, что девица выкинула без нашей помощи.

Тимотео. Прекрасно, стало быть, пожертвованные вами деньги пойдут в другой карман.

Лигурио. Как так?

Тимотео. Я хотел сказать, что теперь намерение ваше сделать крупное пожертвование становится еще уместнее.

Лигурио. Пожертвование будет сделано всенепременно, когда вы только захотите помочь этому ученейшему мужу еще в одном дельце.

Тимотео. В каком же?

Лигурио. Так, сущий пустяк. Дельце куда менее сложное и куда менее скользкое, но и более приятное нам и более выгодное вам.

Тимотео. Что именно? Вы так прищлись мне по душе, что нет вещи, которую я бы для вас не сделал.

Лигурио. Об этом я вам скажу в церкви с глазу на глаз, а ученейший доктор соблаговолит обождать нас здесь. Мы будем мигом обратно.

Нича. Как сказала жаба бороне.

Тимотео. Пошли.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Нича, один.

Нича. День сейчас или ночь? Сплю я или бодрствую? А быть может, я просто пьян? Но вроде бы я сегодня и в рот хмельного не брал, а прямо отправился сюда с этим несносным болтуном. Мы условились сказать монаху одно, а он ляпнул другое, да еще требует, чтобы я притворялся глухим. А ведь и впрямь следовало бы заткнуть уши подобно некоему герою рыцарских романов, дабы не слышать всей той чепухи, которую он бог весть с какой целью гордил! В итоге я уже лишился двадцати пяти дукатов, а о деле моем ни полслова не было сказано. А теперь еще оставили меня стоять тут вороньим пугалом... Впрочем, вот оба наши голубчика. Чума на них, если они не переговорили о моем деле!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Тимотео, Лигурио, Нича.

Тимотео. Сделайте так, чтобы мать и дочь сегодня же пришли ко мне. Я знаю, что я должен сказать им, и если слово мое что-то да значит, то этой же ночью мы спарим наших ребятишек.

Лигурио. Мессер Нича, святой отец готов расшибиться в лепешку. А уж вы заставьте ваших женщин прийти сюда.

Нича. Ты меня воскресил. И у меня будет мальчонка?

Лигурио. Конечно, мальчонка.

Нича. Видишь, меня даже слеза прошибла от умиления.

Тимотео. Ты, Лигурио, пройди в церковь, а я подожду женщин здесь. Встань в сторонку, чтоб они тебя не увидели, и, как только они уйдут, я сообщу их ответ.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Тимотео, один.

Тимотео. Уж не знаю, кто кого облапошил. Этот паршивец Лигурио наплел мне первую историю, просто чтобы испытать меня, и, если б я не согласился, он не открыл бы мне истинной причины своего прихода. Конечно же, все то, что он нес про дочку Камилло Кальфуччи, — сплошные враки, но по бесстыдству

своему он и не так может оболгать честного человека. Верно, что меня обвели вокруг пальца, но обман этот обернулся мне на пользу. Нича и Каллимако люди состоятельные, и я на глупости одного и плутне другого хорошо заработаю. Конечно, дело это нужно держать в строжайшей тайне, но ведь и они заинтересованы в том же ничуть не меньше моего. Как бы там ни было, но я не раскаиваюсь. Есть, конечно, у меня сомнение, что все пройдет так уж гладко, ибо мадонна Лукреция благочестива и простосердечна. Но ведь как раз на ее простосердечии я и постараюсь сыграть. У всех женщин ума маловато, и кто из них способен слепить хотя бы два слова — слывет за умную, ибо, как говорится, в царстве слепых и кривой — король. А вот и мамаша — дурища, какой свет не видывал. Она-то мне и поможет уговорить дочь.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Сострата, Лукреция.

Сострата. Полагаю, ты веришь, доченька моя, что я трепещу за твою честь как никто другой и что я бы тебе не присоветовала ничего такого, что не пошло бы тебе на пользу. Я уже говорила и еще раз повторяю: если отец Тимотео скажет, что это не пойдет в ущерб твоей совести, не найдет в том никакого греха, то нужно соглашаться не раздумывая.

Лукреция. Недаром я всегда боялась, как бы желание Ничи иметь детей не привело его к какому-нибудь опрометчивому поступку. И потому всегда, когда он что-нибудь мне предлагал, я заранее настораживалась, в особенности после того случая в монастыре Сервитов. Однако из всего того, что нами доселе было испробовано, это кажется мне самым чудовищным. Подумать только, отдать мое тело на поруганье, да еще ценой смерти того, кто над ним надругается. Да кабы я вообще оставалась одной-единственной женщиной на всем белом свете и от меня зависело продолжить человеческий род, то и тогда не думаю, чтобы такое мне было позволено!

Сострата. Доченька, я не сумею тебе толково объяснить. Поговори со святым отцом, послушай, что он тебе скажет, и по-

ступи согласно его совету, нашему совету и советам всех тех, кто желает тебе добра.

Лукреция. От этаких страстей меня в холодный пот бросило.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Тимотео, Лукреция, Сострата.

Тимотео. Добро пожаловать! Мне уже ведомо, чего хотите вы от меня, ибо мессер Нича со мной говорил. А потому более двух часов провел я над божественными книгами, дабы вникнуть в сей редкостный случай, и вот после тщательных изысканий я нашел множество доводов, говорящих в частности и в целом в нашу пользу.

Лукреция. Вы это вправду говорите или шутите?

Тимотео. Ах, мадонна Лукреция! Разве с этим шутят? Вы ведь знаете меня не первый день!

Лукреция. Да, святой отец, но это кажется мне делом самым неслыханным и диким.

Тимотео. На первый взгляд да, конечно, но я бы не хотел, чтобы вы и в самом деле так думали. Существуют поступки, которые со стороны кажутся ужасными, дикими; однако же при ближайшем рассмотрении они оказываются и терпимыми, и человеческими. Недаром говорят, что у страха глаза велики. И наш случай — вернейшее тому доказательство.

Лукреция. Дай-то Бог!

Тимотео. Я бы желал вернуться к тому, о чем говорил прежде. Что касается вашей совести, то вы должны руководствоваться тем бесспорным правилом, которое гласит, что нельзя жертвовать верным благом ради сомнительного зла. В нашем случае благо верное: вы забрюхатеете и, стало быть, доставите Господу нашему еще одну овцу. Сомнительное же зло в том, что тот, кто возляжет с вами после принятия зелья, умрет. Но ведь случается, что от этого и не умирают. Ну, а коль скоро ручаться за это нельзя, то уж лучше, чтобы мессер Нича риску себя не подвергал. Что же касается самого действия, которое якобы греховно, то это пустые рассказы, ибо грешит воля, а не тело. А вот не угодить мужу — грех истинный. Вы же, напротив, ему угождаете. Грешно извлекать из того, что вам предстоит, наслаждение, вы же получите одно отвращение. Главное при оценке лю-

бых поступков — конечная цель. Ваша цель — попасть в рай и убоготорить мужа. В Библии сказано, что дочери Лота, полагая, будто остались одни на свете, сошлись с собственным отцом, а поскольку намерение их было добрым, то они не согрешили.

Лукреция. В чем вы хотите меня убедить?

Сострата. Дай себя убедить, доченька. Ужели ты не знаешь, что бездетная женщина и дома не имеет? Умри муж — и она останется одна-одинешенька, яко брошенное животное.

Тимотео. Клянусь вам, мадонна, монашеским своим званием, что для вас подчиниться желанию мужа не больший грех, чем съесть кусок мяса в постную среду. Грех, как известно, смываемый одной каплей святой воды.

Лукреция. К чему вы меня склоняете, святой отец?

Тимотео. Склоняю к тому, за что вы по гроб жизни будете мне благодарны. А уж как вы будете радоваться через девять месяцев!

Сострата. Она сделает так, как вы говорите. Сегодня вечером я сама уложу ее в постель. Да чего ты боишься, дурочка? Да в нашем городе мигом сыщутся по крайней мере полсотни женщин, которые с радостью бы оказались на твоём месте, да еще со всем усердием благодарили бы за то небеса.

Лукреция. Будь по-вашему, хотя и не думаю, что доживу до утра!

Тимотео. Не бойся, дочка, не бойся. Я буду молить за тебя Создателя, да еще вознесу молитву ангелу Рафаилу, дабы он укреплял тебя в праведном твоём желании. Идите с миром и готовьтесь к таинству, ибо уже смеркается.

Сострата. Мир вам, отче.

Лукреция. Господи, спаси и помилуй. Матерь Пречистая, не допусти гибели моей!

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Тимотео, Лигурио, Нича.

Тимотео. Эй, Лигурио!

Лигурио. Ну, как наши дела?

Тимотео. Все улажено. Они пошли домой, готовые исполнить все, что требуется. Уверен, что никаких затруднений не воз-

никнет, ибо мать будет при Лукреции неотступно и сама намерена уложить ее в постель.

Н и ч а. Правда?

Т и м о т е о. Ба! Да вы, кажется, излечились от глухоты?

Л и г у р и о. Это святой Климентий смилостивился над ним.

Т и м о т е о. В благодарность надо бы пожертвовать на его образ, дабы весть о чудесном исцелении распространилась среди верующих во благо мне и вам.

Н и ч а. Давайте вернемся к делу. Как вы считаете, не будет ли жена противиться моей воле?

Т и м о т е о. Ручаюсь, что нет.

Н и ч а. Значит, я самый счастливый человек на свете!

Т и м о т е о. Еще бы! Вскорости будете баюкать мальчонку, а уж кому этого не дано, пусть пеняет на себя.

Л и г у р и о. Возвращайтесь к вашим молитвам, святой отец, и если еще что понадобится — мы сумеем вас найти. А вы, мессере, идите к жене, дабы укрепить ее в благочестивом решении. Я же поспешу к магистру Каллимако и потороплю его с зельем. Хорошо бы нам встретиться после захода солнца и обмозговать то, что мы замыслили на сегодняшнюю ночь.

Т и м о т е о. Бог в помощь!

КАНЦОНА

Приятно жить обманом!
Обман, невздам ты предел кладешь,
простор давая планам,
и горечи ты сладость придаешь.
Заблудших ты зовешь
на правый путь — и твой призыв по нраву.
Достоинства твои
обогащают божество любви.
И камни побеждаешь ты по праву,
и чары, и отраву.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Каллимако, один.

Каллимако. Лигурио все нет, а мне бы так хотелось знать, до чего они там договорились! Ведь он должен был сюда прийти еще час назад. Я просто места себе не нахожу. Верно говорят, что счастье и природа уравновешены в нашей жизни. Только счастье тебе улыбнется, а тут уж природа в должной доле и зла подмешает. Насколько возросла моя надежда, настолько же возросла боязнь. Неужто же мне, горемычному, суждено жить вот так, поочередно терзаясь то опасениями, то надеждами? И не подобен ли я кораблю, гонимому противными ветрами: чем ближе гавань, тем больше риску погибнуть? Безмозглость мессера Ничи вселяет в меня надежду, благоразумие и совесть Лукреции повергает меня в уныние. Нигде и ни в чем не нахожу я себе успокоения. Порой я пытаюсь превозмочь себя, раскаиваюсь в сумасбродстве и думаю: «Что ты делаешь? Не спятил ли ты с ума? Ну, добьешься своего, а что дальше? Ты сознаешься в своем заблуждении, раскаешься в своих напрасных усилиях и позорных помыслах. Неужто тебе неведомо всегдашнее несоответствие между тем, что человек ищет и что находит? С другой же стороны, худшее, что может с тобой стрястись, — это смерть и прямая дорога в ад. Впрочем, сколько других-то померло! И сколько в аду дивных людей! И разве стыдно тебе будет очутиться в их обществе? Смотри своей судьбе в лицо, сторонись зла, но коли не сможешь его избежать — сноси ожидающую тебя расплату как мужчина, не падай духом, не расслабляйся, как женщина». Так я подбадриваю себя, но без особого успеха, ибо меня вновь и вновь обуревают неистовое желание

хоть раз возлечь с нею, и я чувствую всем своим телом, что становлюсь сам не свой: ноги трясутся, внутри все переворачивается, сердце рвется из груди, руки опускаются, язык немеет, в глазах мутится, голова идет кругом. Уж скорее бы шел Лигурио, чтобы хоть ему излиться. Да вот и он, легок на помине, спешит сюда. От того, что он сейчас скажет, зависит — жить мне или умереть.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Лигурио, Каллимако.

Л и г у р и о. Никогда еще я так страстно не желал встретить Каллимако, и никогда еще мне не было так трудно его сыскать. Небось когда б я нес ему вести печальные, он бы предстал передо мной прямо как из земли. Забегал к нему домой, побывал на главной площади, на рынке, у дворца Спины, у лоджии Торнаквинчи и не нашел его. Видно, у всех этих влюбленных шило в зад и усидеть на месте они не могут.

К а л л и м а к о. Похоже, что он ищет меня, да и вид у него, кажется, довольный. Эй, Лигурио, Лигурио!

Л и г у р и о. Где же ты был, Каллимако?

К а л л и м а к о. Какие новости?

Л и г у р и о. Преотличные.

К а л л и м а к о. Правда?

Л и г у р и о. Самые что ни на есть лучшие.

К а л л и м а к о. Лукреция согласна?

Л и г у р и о. Согласна.

К а л л и м а к о. А монах свое дело сделал?

Л и г у р и о. Сделал.

К а л л и м а к о. Облагословенный пастырь! Вечно буду Бога за него молить.

Л и г у р и о. Еще чего не хватало! Можно подумать, что Господь примет это за богоугодное дело. Да и от нашего пастыря молитвами не отделаешься.

К а л л и м а к о. А что ему надобно?

Л и г у р и о. Деньги, понятно.

Каллимако. Дадим денег. Сколько ты обещал?

Лигурио. Триста дукатов.

Каллимако. Правильно.

Лигурио. Доктор уже сунул ему двадцать пять.

Каллимако. Как? Как?

Лигурио. Да вот так. Взял и выложил.

Каллимако. А мать Лукреции, она что-нибудь сделала?

Лигурио. Она-то и сделала самое главное. Когда она узнала, что дочери предстоит приятно провести эту ночь и притом не беря греха на душу, она так надела на нее с просьбами, угрозами, ободрениями, что вынудила Лукрецию пойти вместе с ней к монаху, а там уже оба склонили ее к согласию.

Каллимако. Боже! За что ты даруешь мне такое счастье? Кажется, я умру от избытка радости.

Лигурио. Вот извольте видеть, что за народ пошел. То он собирается умереть от радости, то от горя, лишь бы умереть. Зелье готово?

Каллимако. Конечно.

Лигурио. Что ты ей пошлешь?

Каллимако. стакан подогретого вина с пряностями, которое очень бодрит тело и веселит голову... О, черт, я пропал!

Лигурио. Это что еще выдумал?

Каллимако. И тут уж решительно ничто не поможет!

Лигурио. Да говори же, что там за чертовщина?

Каллимако. Все пошло прахом, я лечу в пропасть.

Лигурио. В чем дело? Отними руки от лица!

Каллимако. Разве ты не помнишь, что я сам пообещал Ниче помочь ему, тебе и Сиро схватить первого попавшегося забулдыгу и уложить его в постель к Лукреции?

Лигурио. Ну и что же?

Каллимако. Как что? Да раз я с вами, стало быть, не могу быть этим первым попавшимся. Если же меня с вами не будет, Нича сразу же заподозрит обман.

Лигурио. Ты прав. Но разве нет способа помочь беде?

Каллимако. Думаю, что нет.

Лигурио. Ерунда, найдется!

Каллимако. Ума не приложу.

Лигурио. Надо пораскинуть мозгами.

Каллимако. Если сейчас не придумаешь, я погиб.

Лигурио. Придумал.

Каллимако. Что именно?

Лигурио. Монах, который помогал нам до сих пор, поможет и в остальном.

Каллимако. Чем же он может помочь?

Лигурио. Мы все переоденемся. Монах изменит голос, лицо, платье. Я же скажу доктору, что это ты. Он поверит.

Каллимако. Ловко! Ну а я что буду делать?

Лигурио. Ты накинешь на плечи куцый дырявый плащ, возьмешь лютню и как ни в чем не бывало вынырнешь в нужную минуту из-за угла докторского дома, напевая песенку.

Каллимако. С открытым лицом?

Лигурио. Конечно. Будь ты в маске, он мог бы заподозрить неладное.

Каллимако. А он не узнает меня?

Лигурио. Не узнает: ты скривишь рожу, оскалишь зубы или оттопыришь нижнюю губу, зажмуришь один глаз. Ну-ка, попробуй.

Каллимако. Так?

Лигурио. Нет.

Каллимако. А так?

Лигурио. Еще сильнее.

Каллимако. Вот этак?

Лигурио. Теперь что надо. Хорошенько разучи эту гримасу. Дома у меня есть приставной нос, нацепишь его.

Каллимако. А что потом?

Лигурио. Как только ты появишься из-за поворота, мы на тебя накинемся, выхватим из рук лютню, сцапаем, завяжем глаза, завертим на месте, отведем в дом и уложим в постель к хозяйке. А уж дальше дело твоего разумения, как сможешь!

Каллимако. Лишь бы проникнуть в постель.

Лигурио. В постель-то ты проникнешь, а вот сможешь ли в нее вернуться — будет зависеть от тебя, а не от нас.

Каллимако. Как так?

Лигурио. А вот так: за ночь ты должен расположить ее к себе, а перед расставанием во всем ей открыться, признаться в обмане, выказав всю свою любовь, убедить ее в том, что она, не боясь огласки и сраму, может стать твоей подружкой, а решившись на скандальную огласку — твоим врагом. Не может быть, чтобы она с тобой не спелась и не пожелала, чтобы эта ночь не была последней.

Каллимако. Ты думаешь?

Лигурио. Тут и думать нечего. Не будем, однако, терять времени. Уже восемь. Кликни Сиро, пусть отнесет зелье, а ты ожидай меня дома. Я же пойду за монахом. Он переоденется, и мы с ним вернемся сюда, прихватим мессера и обтяпаем все остальное.

Каллимако. Молодец, Лигурио. Ступай!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Каллимако, Сиро.

Каллимако. Сиро!

Сиро. Что угодно вашей милости?

Каллимако. Поди сюда.

Сиро. Я тут.

Каллимако. Возьми из шкафа в моей спальне серебряный бокал, накрой его шелковым платком и принеси. Да смотри не пролей дорогой.

Сиро. Сию минуту.

Каллимако. Вот уже десять лет, как Сиро у меня, и все десять лет служил мне верой и правдой. Думаю, что и в этом случае на него можно положиться. Я хоть и не раскрывал ему моей уловки, но хитрая bestия, верно, уж и сам обо всем догадался. Пусть так, хлебом его не корми, только дай поучаствовать в какой-нибудь плутне.

Сиро. Вот бокал.

Каллимако. Отлично. Теперь живо к мессеру Ниче. Отдай ему зелье и скажи, что это лекарство жена его должна выпить сразу

после ужина. А еще скажи, что чем раньше она поужинает, тем лучше. Да не забудь прибавить, что мы ждем его на углу ровно в десять, как условились. А теперь — одна нога здесь, другая там.

С и р о. Бегу!

К а л л и м а к о. Постой! Если доктор пожелает, чтобы ты подождал его, то подожди и возвращайся с ним вместе. Если нет — возвращайся один. Да гляди, чтобы все было исполнено в точности.

С и р о. Все, как вы сказали.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

К а л л и м а к о, один.

К а л л и м а к о. Вот сижу, жду, когда придут Лигурио и монах, и думаю, сколь правы те, кто полагает ожидание тягостнейшим занятием. Уносясь в мечтах туда, где я могу оказаться через каких-нибудь два часа, и трепеща при мысли, что непредвиденный пустяк может погубить все мои надежды, я чувствую, как силы оставляют меня и тело мое сохнет. Случись это, нынешняя ночь станет для меня последней. Я либо утоплюсь в Арно, либо повешусь, выброшусь из окна, заколюсь кинжалом на пороге ее дома. Словом, наложу на себя руки, ибо без нее не жилец я на этом свете. Но вот, кажется, и Лигурио? Он самый. А с ним еще какой-то хромой горбун, не иначе как переодетый монах. Ох уж эта братия! Все на одно лицо! А вот еще кто-то к ним подошел. Похож на Сиро; верно, он уже отнес зелье и спешит домой. Подожду их тут, чтобы столкнуться окончательно.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

С и р о, Лигурио, Каллимако, Тимотео, переодетый.

С и р о. Кто с тобой, Лигурио?

Л и г у р и о. Один добрый человек.

С и р о. Он на самом деле хромой или прикидывается?

Л и г у р и о. Не твоего ума дело.

С и р о. Рожа у него пройдошливая.

Лигурио. Отстань, не липни! Скажи лучше — где Каллимако?
Каллимако. Я здесь и рад вас видеть.

Лигурио. Каллимако, да осади ты своего дурачка Сиро, он и так уже нагородил невесть сколько ненужной чепухи!

Каллимако. Послушай, Сиро, сегодня ты будешь делать все, что скажет Лигурио, таков мой приказ. И что бы ты ни увидел, ни услышал, ни расчухал этой ночью — держи язык за зубами, если только дорожишь моим добром, моей честью, моей жизнью и своим собственным благополучием.

Сиро. Будьте спокойны, ни гу-гу.

Каллимако. Отнес доктору бокал?

Сиро. Отдал прямо в руки.

Каллимако. И что же он тебе сказал?

Сиро. Что все будет исполнено в точности, как вы сказали.

Тимотео. Это Каллимако?

Каллимако. К вашим услугам. Можете располагать мною и всем моим имуществом, как своим собственным.

Тимотео. Охотно верю. Со своей стороны я готов сделать для тебя то, чего бы никогда не сделал ни для кого другого.

Каллимако. Труды ваши не пропадут даром.

Тимотео. Хватит с меня и доброго твоего отношения.

Лигурио. Оставим любезности и перейдем к делу. Мы с Сиро пойдем переодеваться. Ты, Каллимако, сейчас пойдешь с нами, а потом ступай и делай, что тебе надобно. Святой отец подождет нас здесь, мы мигом вернемся и уже все вместе пойдем за мессером Ничей.

Каллимако. Пошли!

Тимотео. Я вас жду.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Тимотео, один.

Тимотео. Вот уж правду говорят, что дурная компания до добра не доводит. Сколь часто люди попадают в беду — кто за то, что слишком покладист, кто за то, что слишком изворотлив. Господь свидетель, что я и не помышлял кого-нибудь обидеть или притеснить; тихо сидел в своей келье, читал требник, вел душе-

спасительные беседы с прихожанами. Так вот, надо же, стал у меня на пути этот пройдоха Лигурио; дал ему палец, а он и всю руку схватил. Влип же я в историйку! Одна надежда, что влипли в нее и многие другие. Вместе расхлебывать всегда легче. А вот и Лигурио со слугой.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Тимотео, Лигурио и Сиро, переодетые.

Тимотео. Ну как, дети мои?

Лигурио. Как мы выглядим?

Тимотео. Прекрасно.

Лигурио. Не хватает лишь мессера Ничи. Пойдем к его дому, уже начало десятого.

Сиро. Вон кто-то отворил дверь. Не разберу, он или слуга.

Лигурио. Он, он! Ха, ха, ха...

Сиро. Чего же тут смешного?

Лигурио. Да нет, ты только взгляни на него! Накинул кургузый плащик, эвон, вся задница наружу... Ну и чучело! На башке что-то вроде монашеской скуфейки, а еще шпажонку подвесил... Бормочет, вроде бы причитает. Не иначе приключилось что-нибудь с женой. Затаимся, послушаем.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Нича, переодетый.

Нича. И чего только не выкомаривала эта дурища! Служанку услала к матери, слугу в загородное имение. Тут она, впрочем, поступила разумно, а вот за то, что она, прежде чем улечься в постель, закатила истерику, похвалить никак не могу. Визжала: «Не хочу... Как же так... К чему вы меня принуждаете... Мама, мамочка...» И кабы мать не приструнила ее, она бы нипочем не согласилась улечься. Ах, затряси ее лихорадка! Конечно, стыдливость женщине к лицу, но уж не в такой мере. Всем нам задурила голову, куриные ее мозги! А ведь, поди, если б кто сказал в ее присут-

ствии: «Следовало бы повесить самую умную женщину Флоренции», она б мигом откликнулась: «А что я вам сделала плохого?» Ох, дура из дурищ! И все равно я знаю, что пусть и с бою, но крепость будет взята. И не такой я простак, чтобы не убедиться в этом собственными глазами... А между тем, кажется, я недурно вырядился. Ни один черт меня не узнает. Вроде бы кажусь повыше, пострейнее, моложе. Да передо мной в таком виде любая баба не устоит, да еще и денег за свою ласку не возьмет. Но где же наши?

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Лигурио, Нича, Тимотео, Сиро.

Лигурио. Вечер добрый, мессере.

Нича. Ой, кто это?

Лигурио. Не бойтесь, всего лишь мы.

Нича. Стало быть, вы все в сборе? Не признай я вас сразу, отдали бы вы моего клинка. Это ты, Лигурио? Ты, Сиро? А то — сам маэстро? Правильно?

Лигурио. Вы угадали.

Нича. А здорово наш маэстро вырядился. Да его главный сыщик Флоренции нипочем не признает.

Лигурио. Я заставил его засунуть в рот два ореха, чтобы изменить голос.

Нича. Ну и болван же ты!

Лигурио. Почему же я болван?

Нича. А мне не мог этого подсказать? Я бы тоже обзавелся орехами. А то ведь знаешь, как легко узнать человека по голосу.

Лигурио. Прошу, вот и на вашу долю.

Нича. Что это?

Лигурио. Восковой шарик.

Нича. Дай сюда... Фу, черт, мерзость какая! Чтоб ты сдох, шельмец!

Лигурио. Прошу прощения, я спутал маленько.

Нича. Дьявол тебя побери... экая гадость... из какого это дерьма?

Лигурио. Из алоэ.

Н и ч а. Будь ты проклят! Тьфу... Маэстро, а вы почему ничего не скажете?

Т и м о т е о. Лигурио обозлил меня.

Н и ч а. О! А голос вы лихо подделываете.

Л и г у р и о. Не станем терять время. Я буду вашим капитаном, слушай мою диспозицию. Тараним неприятеля «головой быка». Правым рогом будет Каллимако, левым — я, а между двух рогов помещаетесь вы, мессере. Сиро будет прикрывать нас с тылу. Боевой клич — «Святой Рогач».

Н и ч а. А что это за святой?

Л и г у р и о. Во Франции это самый почитаемый святой. А теперь — вперед! Исходная позиция вон на том углу! Чу! Я слышу лютню!

Н и ч а. Это он! Атакуем?

Л и г у р и о. Сперва вышлем разведку, чтобы точно установить, кто он. А там действуем согласно донесению разведки.

Н и ч а. Кто идет в разведку?

Л и г у р и о. Пойдет Сиро. Он знает, что нужно делать. Осмотрись, разведай и быстро сюда.

С и р о. Слушаюсь.

Н и ч а. Лишь бы не промахнуться. Вдруг это окажется какой-нибудь хилый или больной старикашка. Не пришлось бы нам завтра начинать все сызнова.

Л и г у р и о. Будьте покойны. Сиро такой ловкач, что не промахнется. Да вот он бежит сюда. Сиро, кого ты там обнаружил?

С и р о. Здоровенный детина, вы и представить себе не можете. Ему нет и двадцати пяти лет. Один, в коротеньком плаще, тренькает на лютне.

Н и ч а. Такой нам и нужен, если ты, понятно, разглядел его хорошенько. Но смотри, если что не так, все падет на твою голову.

С и р о. Все так, как я сказал.

Л и г у р и о. Пусть выйдет из-за угла, и тут-то мы на него и навалимся.

Н и ч а. Придвиньтесь ко мне, маэстро. Вроде мужик вы плечистый. Вот он!

К а л л и м а к о (*поет*). Пусть черт придет к тебе в постель. Раз уж мне прийти нельзя...

Л и г у р и о. Хватай! Отбери у него лютню!

К а л л и м а к о. Да что я вам сделал, люди добрые?

Н и ч а. А вот увидишь. Завязывай глаза, держи крепче!

Л и г у р и о. Крути его!

Н и ч а. Крутани еще разок! Еще! А теперь тащите его в дом!

Т и м о т е о. Дражайший мессере, с вашего разрешения пойду отдохнуть, голова трещит так, что вот-вот расколется. И если не потребуется какой помощи — до завтра.

Н и ч а. До завтра, маэстро. Надеюсь, что мы и сами управимся.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Т и м о т е о, один.

Т и м о т е о. Они скрылись в доме, а я вернусь в монастырь. Вы же, почтеннейшие зрители, не браните нас и приготовьтесь бодрствовать всю ночь, ибо действие комедии продолжается. Я займусь молитвой, Лигурио и Сиро сядут за трапезу, поскольку сегодня они еще ничего не ели, мессере будет бродить по дому, поглядывая за тем, чтобы все шло как задумано. А вот Каллимако и Лукреция спать не будут, потому как будь мы с вами на их месте, то мы бы не спали.

КАНЦОНА

О сладостная ночь,
 о тишина почная,
 когда влюбленным пылким не до сна!
 Кто может им помочь,
 блаженством наполняя,
 когда не ты, что любящим верна?
 Ты воздаешь сполна
 измученным влюбленным
 за долгое труженье.
 И в ледяной крови
 умеешь ты зажечь огонь любви!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Тимотео, один.

Тимотео. Всю ночь сна ни в одном глазу! Так хочется поскорее узнать, чем кончилась вся эта проделка. Чтобы убить время, чего я только не переделал: совершил утреннюю молитву, прочел житие, зашел в церковь и засветил потухшую лампаду, переменял покров на чудотворной Мадонне. Сколько раз просил я братию держать ее в чистоте! А еще удивляются, что благочестия все меньше и меньше. Я помню, когда у нас бывало до пятисот пожертвованных образков, а теперь и двадцати не наберется. А ведь сами кругом виноваты, что не сумели поддержать доброй славы наших чудотворных ликов. Всякий-то день, бывало, ходили мы после вечерни крестным ходом и каждую субботу пели акафисты. Сами заказывали новые образки, на исповеди подвигали прихожан на все новые и новые приношения. Нынче мы всё это забыли, а еще удивляемся, что рвение паствы охладело. Ох и безмозглая же у нас братия!.. Тс... слышу великий шум в доме мессера Ничи! Клянусь распятием, это они гонят взашей своего узника. Значит, я поспел вовремя. Видно, прозабавлялись до самого рассвета. Отойду-ка в сторону да послушаю, о чем они толкуют.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Нича, Каллимако, Лигурио и Сиро.

Нича. Бери его за эту руку, а я за ту. А ты, Сиро, придержи-вай его сзади.

Каллимако. Только не бейте!

Л и г у р и о. Не бойся и проваливай побыстрее!

Н и ч а. Ну, дальше не пойдём.

Л и г у р и о. И не надо, скатертью дорога. Давайте только раза два крутанем его, чтоб не знал, откуда он вышел. Верти его, Сиро!

С и р о. Вот так!

Н и ч а. Ну-ка, ещё разок!

С и р о. Извольте!

К а л л и м а к о. А моя лютня?

Л и г у р и о. Прочь, мошенник, катись отсюда! А будешь болтать — шею сверну.

Н и ч а. Все, удрал. Пошли переоденемся. Сегодня нам следует выйти из дому не поздно, дабы никто не заподозрил, что все мы провели бессонную ночь.

Л и г у р и о. Ваша правда.

Н и ч а. А ты вместе с Сиро поспеши к маэстро Каллимако и скажи ему, что дело обошлось как нельзя лучше.

Л и г у р и о. А что мы можем ему сказать? Ведь мы же ничего не видели. Вы помните, что, придя в дом, мы сразу же спустились в погребок выпить. А вы с тещей остались возиться с этим несчастным, и встретились мы только сейчас, когда вы нас кликнули помочь выпроводить его.

Н и ч а. И то правда. Тогда у меня есть что порассказать вам! Жена лежала в постели впотьмах. Сострата дожидалась меня на кухне. Я поднялся с этим лоботрясом наверх и, чтобы чего не проморгать, завел его в чуланчик возле столовой. Там мерцал маленький светильник, и потому лица моего он никак не мог разглядеть.

Л и г у р и о. Умно поступили.

Н и ч а. Я велел ему раздеться. Он было заупрямился, но я набросился на него с такой яростью, что он мигом сбросил с себя одежды и, думаю, готов был от страха не надевать их ещё тысячу лет. Морда у него гнуснейшая: нос крючком и на сторону, рот кривой, но тело — какого ты в жизни своей не видывал и не увидишь: белоснежное, гладкое, упругое. А уж об остальном даже не спрашивай!

Л и г у р и о. Тут уж, извините, вы дали промашку: надо было обследовать все досконально.

Н и ч а. Не держишь ли ты меня, случайно, за дурака? Уж коль запустил руку в квашню, так месить до дна! Да и надо же было убедиться, что он здоров: а вдруг какие на нем прыщи да язвы? Хорош бы я был, скажи?

Л и г у р и о. Еще бы!

Н и ч а. Убедившись, что он здоров как бык, я выволок его из чуланчика и отвел в полной темноте в спальню, уложил в постель и, прежде чем уйти, на ощупь удостоверился, что дело идет на лад. Я ведь, как ты знаешь, не из тех, кого можно провести на мякине.

Л и г у р и о. Словом, вы провернули все это дело с величайшей предусмотрительностью!

Н и ч а. И вот, после того как я все потрогал и пощупал, я вышел из спальни, запер дверь на ключ и присоединился к теще, которая грелась у огня, и с ней мы скоротали ночь в многообразных беседах.

Л и г у р и о. О чем же вы беседовали?

Н и ч а. О дурости Лукреции, о том, сколь проще было бы, если б она уступила сразу, а не закатывала истерики. Потом разговор перескочил на ребенка. Мне так и кажется, что я нянчу этого сладкого малышку на руках. Когда я услышал, что часы пробили пять часов и вот-вот должно рассвети, я пошел в спальню. И можете себе представить, что лишь с превеликим трудом я сумел растолкать этого стервеца.

Л и г у р и о. Охотно верю.

Н и ч а. Видать, губа у него не дура! Но я все же его растолкал, позвал вас, и мы выпроводили его.

Л и г у р и о. Стало быть, дело чисто обделано.

Н и ч а. А знаешь, кого мне жаль во всей этой истории?

Л и г у р и о. Кого?

Н и ч а. Этого несчастного малого. Ведь он должен вскоре умереть. Вот во что обошлась ему эта ночка!

Л и г у р и о. Вот еще! Пусть у него болит голова.

Н и ч а. И то верно. А я жду не дождусь увидеть Каллимако, чтобы порадоваться вместе с ним.

Л и г у р и о. Он выйдет через час. Однако уже совсем рассвело. Мы пойдем переоденемся. А вы?

Н и ч а. Я тоже пойду надену нарядное платье. Потом подниму жену, велю ей хорошенько вымыться и пойти в церковь совершить очищение. Хорошо бы и вам с Каллимако прийти в церковь. Надо же поблагодарить святого отца и вознаградить за содеянное добро.

Л и г у р и о. Лучше не скажешь. Можете на нас рассчитывать.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Т и м о т е о, один.

Т и м о т е о. Разговор мне понравился, особливо принимая во внимание редкостную глупость мессера Ничи. Всего же более радуют меня последние его слова. И так как они собираются ко мне, то больше торчать мне здесь нечего. Обожду-ка я их в церкви, где и стены помогут оценить мою добродетель повыше. Но кто это выходит вон из того дома? Похоже, что Лигурио, а с ним, верно, и Каллимако. Не хочу, чтобы они видели меня здесь, по сказанным выше причинам. А если даже они и не придут ко мне, я-то всегда смогу к ним зайти.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

К а л л и м а к о, Л и г у р и о.

К а л л и м а к о. Как я тебе уже сказывал, любезный Лигурио, поначалу мне было порядком не по себе, хоть и не скрою, что наслаждение я получил огромное. И все же дело казалось мне неладным. Потом же, когда я во всем открылся, объяснился в неслыханной своей любви, убедил, сколь счастливо и без боязни огласки, благодаря одной лишь глупости ее супруга, мы можем наслаждаться друг другом, клятвенно обещал жениться, лишь только Господь приберет его, она смягчилась. Правда и то, что,

отведав разницу между моими ласками и ласками своего мессера, между поцелуями молодого любовника и поцелуями старого хрыча, она, немного повздыхав, сказала: «Раз твоя хитрость и глупость моего мужа, простота моей матери и низость монаха побудили меня сделать то, чего бы я по доброй воле никогда не совершила, то я желаю думать, что все это было предначертано нам свыше, и потому я не вправе отвергнуть веление небес. Так будь же моим руководителем, моим защитником и полным моим хозяином. Ты мой отец, моя опора, единственное мое благо. И то, чего муж мой пожелал на одну ночь, пусть получит до конца своих дней. Ты сделаешься его кумом, сходишь сегодня утром в церковь, а оттуда придешь обедать вместе с нами, и в твоей воле будет приходить к нам и оставаться у нас сколько тебе захочется, и мы сможем проводить время вместе, не возбуждая подозренья». Услыхав эти слова, я едва не умер от наплыва чувств. Не мог высказать в ответ и малейшей частицы того, что чувствовал. Поверь, что я самый счастливый человек, какой когда-либо жил на свете. И если бы моему счастью не грозила ни смерть, ни время, я был бы блаженнее всех блаженных и праведнее всех праведников.

Л и г у р и о. Я безмерно рад твоему счастью. Теперь ты убедился, что все случилось именно так, как я тебе и предсказывал. Но что мы будем делать теперь?

К а л л и м а к о. Пойдем в церковь, ибо я обещал ей туда прийти. Она, Сострата и доктор будут нас ждать.

Л и г у р и о. Я слышал, как стукнула их дверь. Это они. Впереди мать и дочь, а позади Нича.

К а л л и м а к о. Пошли в церковь и там подождем.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Н и ч а, Лукреция, Сострата.

Н и ч а. Лукреция, ты сегодня какая-то шалая, а тебе, напротив, следует преисполниться благостности и богобоязненности.

Л у к р е ц и я. Что же, по-вашему, я должна делать?

Н и ч а. Во-первых, не огрызаться! Ишь распетушилась!

Сострата. Не удивляйтесь. Она немного возбуждена.

Лукреция. Что вы этим хотите сказать?

Нича. Пожалуй, мне следует пойти вперед, поговорить со святым отцом и попросить его, чтобы он встретил тебя в дверях и повел к молитве, ибо сегодня ты все равно что снова родилась на свет.

Лукреция. Чего же вы стоите?

Нича. Вон какая ты сегодня языкастая, а вчера и слова вымолвить не могла.

Лукреция. И все по милости вашей.

Сострата. Поспешите к святому отцу. Впрочем, можете не спешить. Вот он сам выходит из церкви.

Нича. Вижу.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Тимотео, Нича, Лукреция, Каллимако, Лигурио и Сострата.

Тимотео. Я вышел потому, что Каллимако и Лигурио предупредили меня, что мессере и дамы сейчас должны прийти.

Нича. *Bona dies**, святой отец.

Тимотео. Добро пожаловать. Благое вы сделали дело, да ниспошлет вам Господь хорошенького мальчонку.

Лукреция. Дай Бог.

Тимотео. Непременно пошлет.

Нича. Кажется, я вижу в церкви Лигурио и маэстро Каллимако?

Тимотео. Да, мессере.

Нича. Позовите их.

Тимотео. Идите сюда.

Каллимако. Храни вас Господь!

Нича. Маэстро, дайте руку моей жене.

Каллимако. С радостью.

Нича. Лукреция, вот кому мы обязаны, что у нас на старости лет будет надежная опора.

Лукреция. Сердечно благодарна ему и очень бы хотела, чтобы он стал нашим кумом.

* Добрый день (лат.).

Н и ч а. Благослови тебя Бог за эту мысль! И я хочу, чтобы он и Лигурио пришли сегодня отобедать с нами.

Л у к р е ц и я. Непременно.

Н и ч а. И я дам им ключ от нижней комнаты, что рядом с лоджией, дабы они в любое время могли прийти, ибо женщин у них в доме нет и живут они аки твари неухоженные.

К а л л и м а к о. Принимаю его с великой радостью и буду пользоваться им всякий раз, когда возникнет охота.

Т и м о т е о. А деньги на подаяния могу я получить?

Н и ч а. Заверяю вас, святой отец, сегодня же они будут вам доставлены.

Л и г у р и о. Но неужели никто не вспомнит о нашем Сиро?

Н и ч а. Пусть просит. Ничего не пожалею. А ты, Лукреция, — сколько grossов хочешь ты дать святому отцу за молитву?

Л у к р е ц и я. Десять.

Н и ч а. Ишь разорительница!

Т и м о т е о. А вы, мадонна Сострата, вроде бы помолодели.

С о с т р а т а. Это от радости!

Т и м о т е о. Пойдемте в церковь и там вознесем Господу должные моления, а после службы вы все отправляйтесь домой обедать. Вы же, зрители, не дожидайтесь нас, мы не вернемся: служба длинная, и я останусь в храме; они же через боковую дверь поспешат домой. Прощайте!

КЛИЦІЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

КЛЕАНДРО
ПАЛАМЕДЕ
НИКОМАКО
ПИРРО
ЭУСТАКЬО
СОФРОНИЯ
ДОРИЯ
ДАМОНЕ
СОСТРАТА
РАМОНДО

КАНЦОНА

Поистине прекрасен
подобный день, когда
мы в мир преданий благодарно входим,
и в каждом, кто согласен,
как мы, прийти сюда,
мы душу дружественную находим.
Мы век земной проводим
под сенью светлых рощ, в лесной дали,
и снова к вам пришли
мы, пастухи, и я, дриада,
петь о любви, в которой нам отрада.

Светла и беззаботна
пора, и край блажен,
где нашим песням эхо отвечало.
И мы сноем охотно
по ходу этих сцен
и, предваряя песнею начало,
хотим, чтобы звучала
она нежнее прежних в этот раз;
потом покинем вас
мы, пастухи, и я, дриада:
нас ждет любовь — всегдашняя отрада.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Паламеде, Клеандро.

Паламеде. Куда в такую рань?

Клеандро. А ты куда?

Паламеде. Да есть тут одно дельце...

Клеандро. Вот и у меня есть дельце... и уж так хотелось бы его уладить! А выйдет, нет — не поручусь.

Паламеде. Но дельце-то из тех, что уладить можно?

Клеандро. Наперед не скажу, но при великом усердии — можно.

Паламеде. Я, пожалуй, пойду. Тебе не до меня. Знаешь, когда кто в тягость, так уж лучше и с глаз долой. Ты, должно быть, примечал, что я и прежде старался не докучать тебе, видя дурное твое расположение.

Клеандро. Расположение — черт с ним. Только дело-то по-серьезнее: я влюблен.

Паламеде. Брось! Вот уж не подумал бы!

Клеандро. Паламеде, друг мой, ты и половины того не знаешь, что надобно б было знать. Я и прежде впадал в отчаянье, а нынче вовсе места себе не нахожу.

Паламеде. Как так?

Клеандро. То, что раньше скрывал я от тебя, теперь поведаю, ибо дошел я до крайней безнадежности и любая подмога мне будет впору.

Паламеде. Ох, коли раньше всякая встреча с тобой была мне в тягость, то нынче особливо буду тебя бежать, справедливо рассуждая: бойся трех сортов людей — певцов, стариков и влюб-

ленных. Попробуй, к примеру, заговорить с певцом: начнешь ему изливаться, полагая, что он тебя слушает, а у него в голове лишь до-ре-ми-фа- соль да в горле полощется какая-нибудь этакая песенка. Заговори со стариком — тоже ничего путного. Начнет таскать тебя по церквам, бить поклоны да бормотать «Отче наш». Влюбленные и того хуже. Ты к ним с разговором, а они не только тебя не слышат, будто поглощены невероятной тяжести работой, но еще на тебя же обрушат столько пеней и жалоб, что ты поневоле плюнешь на собственные невзгоды ипустишь их утешать... Если взять, к примеру, горемыку, влюбленного в уличную девку, то его всенепременно ждут всяческие утеснения и обиды... Словом, жалоб хоть отбавляй. Ежели кто влюблен в женщину порядочную, то, Боже! Тут тебе и ревность, и зависть, и подозрения... сотни и тысячи поводов для причитаний. Потому-то, милый мой Клеандро, я охотно побуду с тобой, когда я тебе в самом деле понадобится. Теперь же не прогневайся, — твои пени заставляют меня бежать.

Клеандро. Страсть свою я скрывал по изложенным тобою причинам. Не хотел, чтобы меня принимали за надоеду или же завлекали в ловушку. Мне хорошо ведомо, сколь много таких, кто под личиной участия выведывает тайны, дабы потом ими злоупотреблять. Ныне же, коль скоро судьбе заблагорассудилось поставить меня на край пропасти, я порешил тебе открыться. Отчасти отвести душу, отчасти в надежде на твою помощь в случае нужды.

Паламеде. Слушаю тебя и готов помочь, невзирая на все опасности и преграды.

Клеандро. Знаю, знаю, друг мой! Ты, полагаю, наслышан о девице, которая воспитана в нашем доме?

Паламеде. Видал ее. Откуда она родом?

Клеандро. А вот послушай. Лет двенадцать тому назад — ибо случилось это в 1494 году, когда по пути в Неаполь король Карл, во главе огромного войска, проходил через Флоренцию, — в нашем доме остановился дворянин из отряда монсеньора де Фуа по имени Бельтран де Гасконь. Отец мой приветил этого дворянина со всевозможным радушием. Видеть столь великую дружбу

между отцом и гостем было тем более удивительно, что в большинстве своем французские гости и хозяйева люто враждовали.

П а л а м е д е. Вам здорово повезло, ибо французы, бывшие на постое в нашем доме, причинили нам неисчислимое зло.

К л е а н д р о. Случалось и так! Но у нас все было иначе. Так вот, этот Бельтран отправился в Неаполь вслед за своим повелителем. А Карл хоть и захватил королевство Неаполя, однако ж вынужден был его оставить, ибо папа, император, венеицы и герцог Миланский соединились против него. Оставив часть своих людей в Неаполе, Карл устремился в Тоскану. Тут он узнал, что образовавшаяся против него лига собрала огромное войско на Таро, дабы преградить ему дорогу, когда он станет спускаться с гор. Карл рассудил не мешкать и в Тоскане не задерживаться. Потому-то решил он оставить в стороне Флоренцию и через Пизу и Понтремоли спуститься в Ломбардию. Бельтран, прослышав про движение вражеских войск и не ведая, как обернется дело, положил, по крайности, спасти любезную его сердцу девчурку, которая была с ним в Неаполе. Девчурке было лет пять, и была она прехорошенькая личиком и нрава что ни на есть самого кроткого. Так вот, девчурку эту препоручил он слуге отвезти к моему отцу, заклиная дружбой холить и лелеять ее. А там, Бог даст, он за ней придет. Знатного была она роду иль нет — он не писал. Сказал только, что зовут ее Клицией. Отец и мать, не имея других детей, кроме меня, сразу же ее возлюбили...

П а л а м е д е. Скажи лучше, что ты ее возлюбил!

К л е а н д р о. Постой!.. Возлюбили как свою собственную. Тогда минуло мне десять лет, и, как положено мальчишкам, я с первого взгляда к ней привязался. Привязанность эта крепла из года в год. Когда же ей стукнуло двенадцать, отец и мать не на шутку взволновались и стали за мной приглядывать. Оставаться с ней наедине я уже не мог. Не стану говорить, что подобные утеснения — а ведь известно, сколь желанен бывает запретный плод, — только подлили масла в огонь. Жизнь стала несносной, и, наверное, в аду я чувствовал бы себя стократ счастливее.

П а л а м е д е. Бельтран так и не присылал за ней?

К л е а н д р о. Больше о нем не было ни слуху ни духу. Быть может, погиб в битве на Таро.

Паламеде. Но признайся: чего бы ты хотел? Хотел бы на ней жениться или слюбиться не женись? Ведь сколько лет она у тебя под боком? Неужто ты не изыщешь способа добиться своего?

Клеандро. Знаешь, не стану от тебя таиться...

Паламеде. Говори.

Клеандро. Смешно и стыдно: отец сам в нее влюблен.

Паламеде. Никомако?

Клеандро. Он самый.

Паламеде. Как только попустил Господь!

Клеандро. Попустил, и все святые вкупе с ним!

Паламеде. Ну и ну! Пожалуй, я в жизни такого не слыхивал! И все это под одной крышей? Как же вы уживаетесь? Как можете смотреть в глаза друг другу? Мать знает об этом?

Клеандро. И мать, и домашние, и челядь. Все об этом только и судачат.

Паламеде. Скажи, как далеко, однако ж, зашли дела?

Клеандро. Как далеко? А вот изволь: отец, когда б он даже не был сам влюблен, все равно нипочем не отдал бы ее за меня, ибо скуп чрезвычайно, а за ней никакого приданого не водится. К тому же он сомневается в благородстве ее родителей. Я же, со своей стороны, готов жениться на ней, быть ей другом — словом, за получить в каком угодно качестве. Но обо всем этом толковать теперь напрасно. Скажу лучше, как обстоят дела.

Паламеде. Слушаю тебя со всевозможным вниманием.

Клеандро. Отец, который вот уж год как влюблен в нее, дабы утолить сжигающую его страсть, решил, что единственный выход — выдать ее за такого человека, который стал бы потом охотно делиться с ним своей женою, ибо добиваться своего до ее замужества казалось отцу делом бесчестным и греховным. С этой-то целью он и остановил свой выбор на Пирро, своем слуге. Порешив так, отец повел дело с такой великой осторожностью, что был уже на волосок от того, чтобы преуспеть, прежде чем кто-либо успел бы разгадать его замысел. Но моя мать, Софрония, заблаговременно заметила любовную склонность отца. И вот, подстрекаемая ревностью, она всеми правдами и неправдами пытается расстроить отцовскую уловку. Прежде всего она по-

добрала другого жениха, ругательски изругав затею с Пирро. В женихи она наметила Эустако, нашего управляющего. И хотя Никомако пользуется в доме куда большей властью, тем не менее изворотливость матери и общая наша поддержка, которую незаметно мы оказывали, заставили отца отложить брак Клиции с Пирро на несколько недель. Но Никомако упорно гнет свое, и вот сегодня вечером, вопреки всем стихиям, хочет прикончить дело свадьбой. Он уже облюбовал жильё Дамоне, что находится по соседству с нами; хочет его купить, обставить, открыть лавочку и обогатить Пирро.

П а л а м е д е. А тебе не все равно, кто заполучит Клицию — Пирро или Эустако?

К л е а н д р о. Как все равно? Да ведь Пирро самый большой мошенник, какого только можно сыскать во Флоренции; мало того что он решил поделить Клицию с моим отцом, — он еще и ненавидит меня, и ненавидел всегда. Нет, пусть лучше она достанется самому дьяволу. Вчера утром я написал нашему управляющему, чтобы он не мешкая приехал во Флоренцию. И странно, что он не объявился еще вчера вечером. Подожду его здесь, чтобы перехватить, едва он появится. А ты что собираешься делать?

П а л а м е д е. Пойду по своим делам.

К л е а н д р о. Путь добрый.

П а л а м е д е. Ну и тебе Бог в помощь, уж расстарайся как можешь. Потребуется моя помощь — скажи.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Клеандро, один.

К л е а н д р о. Правду сказал тот, кто сравнил влюбленного с солдатом. Военачальники хотят, чтобы их солдаты были молоды; женщины — чтобы их возлюбленные не были старыми. Грустно глядеть на старого солдата. Стократ грустнее — на дряхлого влюбленного. Солдаты боятся презрения своих начальников, влюбленные — презрения своих возлюбленных. Солдаты спят под открытым небом; влюбленные простаивают ночи под окнами.

Солдаты преследуют своих врагов до полного истребления; влюбленные — своих соперников. Солдаты в кромешной тьме, в лютую стужу бредут по грязи под дождем и при ледяном ветре завоевывать победу; влюбленные в таких же условиях с еще большим трудом пытаются завоевать свою возлюбленную. Ратное и любовное дела требуют тайны, мужества и веры; опасности в том и другом деле равны, и конец тоже часто бывает одинаков. Солдат умирает в яме, влюбленный — от отчаянья. Боюсь, что и меня ждет подобная участь. И это при том, что зазноба моя тут же, в доме, под боком, вижу я ее когда только захочу, ем за одним столом! А ведь от этого еще горше, ибо близок локоть, да не укусишь. Нужно, однако ж, поразмыслить, как помешать свадьбе; дальнейшее подскажет мне, как себя вести. Возможно ли, что Эустако не откликнулся и тотчас не приехал? Я просил его поспешить! А вот и он, наконец-то! Эустако! Эустако!..

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Эустако, Клеандро.

Эустако. Кто зовет меня? О, Клеандро!

Клеандро. Ты где замешкался?

Эустако. Приехал-то я еще вчера, но повидать тебя не мог, ибо, прежде чем получить твою записку, я получил письмо от Никомако с пропастью всяких поручений. Являться же к нему, не повидавшись с тобой, я не хотел.

Клеандро. И правильно поступил. Я послал за тобой, потому как Никомако настаивает на этой проклятой свадьбе с Пирро, которой, как тебе ведомо, противится моя мать. Противится же она не только потому, что хочет осчастливить Клицией человека, преданного дому, но и потому, что прочит ей человека более достойного. А уж скажу тебе прямо, между тобой и Пирро какое может быть сравнение? Ведь он порядочная дрянь!

Эустако. Спасибо на добром слове. И хотя, по чести сказать, у меня и в мыслях не было жениться, но ваше с матушкой желание я готов уважить. Не скрою притом, что наживать врага в

лице Никомако мне вовсе не улыбается, ведь хозяин-то, в конце концов, он.

Клеандро. Пусть это тебя не беспокоит, мы с матушкой тебя не оставим и вытащим из любой беды. А теперь я бы хотел, чтобы ты привел себя в порядок: жалкий крестьянский плащ висит на тебе мешком, шапка в пыли, сам ты оброс бородой. Сходи к цирюльнику, умойся, почисти платье — не то Клиция погонит тебя с глаз своих.

Эустакьо. А я не расположен прихорашиваться.

Клеандро. Ступай и делай то, что я тебе сказал. Затем отправься вот в ту церковку рядом и дожидайся меня. Я же схожу домой и поразведаю, чего там еще надумал отец.

КАНЦОНА

Кто не изведал, как
могуч Амур, немало ошибется,
когда назвать возьметса
первейшее среди небесных благ.
Он знать не может, как за шагом шаг
все дальше от безбедных дней уходят,
как, больше, чем себя,
другого любя,
надеждой сердце, трепетом изводят
и как не только в людях — и в богах
твой арсенал, Амур, рождает страх.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Никомако, один.

Никомако. Не пойму, в чем дело: с самого утра у меня в глазах какая-то чертовщина. Словно молнии какие-то... из-за них я и света Божьего не вижу, а еще вчера вечером мне казалось, что иголку в сене отыщу. Может, выпил лишнего? Ох, старость не радость. Хоть, впрочем, не так уж я стар, чтобы не поединоборствовать с Клицией. Можно ль так, без памяти, влюбиться? А всего хуже то, что жена, кажется, поняла, почему я хочу выдать Клицию за Пирро. Придется поизворачиваться, чтобы добиться своего. Пирро! Иди сюда! Скорее!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Никомако, Пирро.

Пирро. Я тут.

Никомако. Пирро, я хочу, чтобы ты обвенчался сегодня же вечером.

Пирро. Да я хоть сейчас под венец.

Никомако. Спешить не надо! Поспешешь — людей насмешишь, как говорят в народе. Следует повести дело так, чтобы дом не рухнул нам на голову. Сам видишь, что жена моя недовольна; Эустакьо тоже добивается руки Клиции, и Клеандро ему потворствует. Словом, против нас и Господь, и дьявол. Но ты не отчаивайся. Уж я-то на своем сумею настоять. Как бы там ни было, но

ты получишь ее наперекор всем им. Пусть ерепенятся сколько влезет.

П и р р о. Заклинаю вас Господом Богом, скажите, что я должен делать?

Н и к о м а к о. Никуда не отлучайся. Будь все время тут, начеку.

П и р р о. Буду, буду. Кстати, забыл вам сказать одну вещь.

Н и к о м а к о. Какую?

П и р р о. Эустако здесь, во Флоренции.

Н и к о м а к о. Как во Флоренции? Кто тебе сказал?

П и р р о. Мессер Амброджо, наш сосед по имению. Он сказал, что вчера вечером столкнулся с ним у городских ворот.

Н и к о м а к о. Как вчера вечером? Так где же он проторчал всю ночь?

П и р р о. Кто его знает!

Н и к о м а к о. Добро! Пойди и делай то, что я тебе велел. (*Оставшись один.*) Значит, Софрония послала за Эустако и этот бездельник предпочел уважить ее просьбу вместо того, чтобы следовать моим повелениям? А я ведь наказал ему уйму дел, которые, если их не сделать, могут привести меня к разорению. Как Бог свят, он мне дорого за это заплатит! Кабы я только знал, где он сейчас находится и что делает! А вот и Софрония выходит из дому. Интересно, куда она?

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Софрония, Никомако.

С о ф р о н и я (*сама с собой*). Пришлось запереть Клицию и Дорию в комнате. Надо оберегать девчонку и от сынка, и от муженька, и от других домочадцев. Все-то зарятся на нее.

Н и к о м а к о. Ты куда собралась?

С о ф р о н и я. К мессе.

Н и к о м а к о. И это в мясоед! Что же ты будешь делать постом великим?

С о ф р о н и я. Благие поступки равно уместны в пост и мясоед. По мне, так нужда в благих делах бывает особенно велика, когда

другие вершат зло. Вот почему, думается мне, мы, принимаясь за благое дело, начинаем с дурного конца.

Н и к о м а к о. Как? Как? А ты чего бы хотела?

Софрония. Не возбуждать дурных толков. Подумай, сколько трудов стоило нам воспитать в доме такую хорошую и пригожую девушку! А теперь разом взять и вышвырнуть ее на улицу. Ведь если прежде все нас хвалили за благой поступок, то нынче будут осуждать за то, что мы отдаем ее безмозглому бездельнику, который и прокормить-то ее не сможет!

Н и к о м а к о. Софрония, милая, ты несправедлива. Пирро молод, пригож собой, а если и не шибко грамотен пока, то ничего, подучится. Главное же — он любит ее. Словом, обладает тремя великими достоинствами, коими надлежит обладать мужу: молодостью, красотой и любовью к жене. Мне сдается, что дальше так продолжаться не может и какой-то выход следует найти. Если он голодранец, то это не беда, успеет еще нажить. Ведь он из тех, кто непременно разбогатеет, да и я не обойду его помощью, ибо, признаюсь тебе, я задумал купить молодоженам дом, в котором нынче живет Дамоне, наш сосед. Дом я, понятно, обставлю и в придачу — пусть это мне обойдется даже в четыреста флоринов — хочу еще...

Софрония. Ха, ха, ха!

Н и к о м а к о. Ты смеешься?

Софрония. Всякий бы на моем месте стал смеяться.

Н и к о м а к о. Смейся, смейся. А я вот на вас не посмотрю и оборудую им внизу лавчонку.

Софрония. Неужели ты столь необдуманно хочешь отобрать у собственного сына законную его долю и отдать ее тому, кто вовсе ее не заслуживает? Уж не знаю, что и сказать тебе. Сдается мне, что за всем этим кроется нечто совсем другое.

Н и к о м а к о. Что же тебе сдается?

Софрония. Когда б ты сам этого не знал — я б сказала. Ну уж коли ты сам знаешь — лучше промолчу.

Н и к о м а к о. Что же я знаю?

Софрония. Не придуривайся! Что тебя заставляет отдать девчурку этой дубине? Нешто с таким приданым нельзя сыскать партию получше?

Н и к о м а к о. Быть может, и можно, да побуждает меня поступить так, а не иначе любовь, которую я испытываю к ним обоим, ибо оба они воспитаны у нас в доме и обоих я хочу устроить возможно лучше.

С о ф р о н и я. Ну уж если на то пошло, то разве не воспитал ты Эустако, твоего управляющего?

Н и к о м а к о. Конечно, воспитал. Но как мог я выбрать его, такого неказистого, такого неуча? Да ему бы только свиней пастить! Если б мы отдали Клицию за него, она бы с горя умерла.

С о ф р о н и я. А с Пирро она помрет от нищеты. Сам знаешь, что тот мужчина больше ценится, который больше умеет. Вот Эустако, к примеру; он и по торговой части горазд, и к ремеслам способен, и приглядеть за чужим, да и за своим добром может. Словом, он из тех, кто всегда пробьет себе дорогу, да к тому же еще и при деньгах. А Пирро только бы по тавернам шляться да по игорным домам... такой лодырь и в раю подохнет с голоду.

Н и к о м а к о. А разве не сказал я тебе, что намерен дать ему денег?

С о ф р о н и я. А я разве не сказала тебе, чтобы ты гнал его прочь? Еще раз скажу, Никомако: ты тратил деньги на содержание девчурки, а я — силы на ее воспитание! А потому я тоже имею право решать ее судьбу. Если же ты будешь упорствовать, то я подыму такой шум и учиню такой скандал, что тебе не поздоровится и ты сгоришь со стыда. Иди и хорошенько подумай над моими словами!

Н и к о м а к о. Это еще что за новости? Ты что, сдурела? Теперь-то уж я во что бы то ни стало добьюсь своего и выдам Клицию за Пирро. Сегодня же вечером обвенчаем их... а нет — пусть лопнут твои глаза!

С о ф р о н и я. Ну, это еще бабушка надвое сказала.

Н и к о м а к о. Ах, ты еще болтать и пугать меня? Делай, что тебе сказано! Или ты думаешь, что я совсем ослеп? Не понимаю, к чему ты клонишь? Одно дело желать добра детям, но другое — прикрывать их бесчестье.

С о ф р о н и я. Чего ты мелешь? При чем тут бесчестье?

Н и к о м а к о. Уж лучше помолчи! Мы-то отлично понимаем друг друга! Поди, оба не вчера родились! Лучше уж давай кон-

чим дело любовно, ибо если мы оба будем лезть на рожон, то только станем посмешищем в глазах соседей.

Софрония. Это ты лезешь на рожон. А побрасываться девчуркой я не позволю. За нее я не то что дом переверну вверх дном, но всю Флоренцию.

Никомako. Эх, Софрония, Софрония, тот, кто прозвал тебя Софронией, впал в тяжкую ошибку! Ведь по-гречески это значит не более и не менее как «здравомыслящая». Но здравомыслия-то в тебе и вот настолечко нет!

Софрония. Ради всего святого, мне пора к мессе! Вернусь — тогда договорим.

Никомako. Обожди! Разве нет способа уладить это дело без того, чтобы нас приняли за сумасшедших?

Софрония. За сумасшедших нет, но за людей бесчестных — как пить дать.

Никомako. Но ведь кругом столько людей набожных, столько родственников! Обратимся к ним, пусть рассудят. Как скажут — так и поступим.

Софрония. Хочешь вынести домашние наши дрызги на площадь?

Никомako. Коли боишься родственников и друзей — давай обратимся к священнику. Ему мы объявим все как на духу и избежим огласки.

Софрония. К кому же обратимся?

Никомako. Как к кому? Понятно, к брату Тимотео, домашнему нашему исповеднику. Ведь он почти святой, да и по части чудес большой мастак.

Софрония. Каких это чудес?

Никомako. Вот те на! Да разве ты не знаешь, что его молитвами монна Лукреция, будучи бесплодной, понесла от мессера Ничи Кальфуччи?

Софрония. Эко чудо! Да для монаха обрюхатить женщину — раз плюнуть. Вот обрюхать ее монашка — дело другое!

Никомako. Послушай, жена, долго ты будешь молоть вздор и мне перечить?

Софрония. Сейчас я спешу к мессе, но заруби себе на носу: в свои домашние дела я не желаю никого посвящать!

Никкомако. Ну иди, иди. Буду ждать тебя дома. (*Оставшись один.*) Пожалуй, и в самом деле лучше никуда не отлучаться, не то они еще куда-нибудь запрячут Клицию.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Софрония, одна.

Софрония. Тот, кто знавал Никкомако год назад и видит его теперь, не может не поражаться, сколь переменился он за это время! Прежде он был сама рассудительность и спокойствие. Время свое проводил он в неустанных трудах: вставал спозаранку, шел в церковь, распорядился по дому; затем — если бывала нужда — отправлялся на площадь, на рынок, в присутственные места; если нужды в том не было — уединялся с кем-нибудь из сограждан для степенного разговора или шел к себе и погружался в деловые бумаги и счетные книги; после чего приятственно обедал в кругу семьи, а отобедав — занимался с сыном, наставлял его, рассказывал назидательные истории о доблестных мужах и при помощи многообразных примеров из античной и современной истории обучал его жизни; затем снова выходил из дома либо по делам, либо для честного и серьезного времяпрепровождения. Возвращался же всегда до вечерней молитвы. Немного посидев с нами возле камелька — если дело было зимой, — он направлялся в свою комнату и работал. А около девяти вечера все весело садились за ужин. Таковой его образ жизни являлся примером для всех домашних, и всякий устыдился бы не следовать его примеру. Так размеренно и приятно текла наша жизнь. Но с тех пор, как в голову ему вскочила эта напасть, он забросил все дела, имения стали приходить в упадок, торговля — хиреть. Стал поминутно на всех кричать, и безо всякой к тому причины; по тысяче раз на день куда-то бегают, сам не зная куда и зачем. Если заговариваешь с ним — не отвечает или отвечает невпопад. Слуги же, видя все это, открыто смеются над ним, сын перестал уважать отца. Всякий поступает, как ему Бог на душу положит... все пустились по стопам хозяина. Коли только Господь не смилостивится, то,

думаю, бедному нашему дому скоро наступит конец. Поспешу-ка я к мессе и припаду к ногам Спасителя нашего с жаркой молитвой. А вон и Пирро с Эустакьо ругаются на чем свет стоит. Добрые мужья для нашей Клиции, нечего сказать!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Пирро, Эустакьо.

Пирро. Ты зачем во Флоренции, бездельник ты этакий?

Эустакьо. Не твое собачье дело.

Пирро. Ишь начистился, словно ночной горшок.

Эустакьо. Безмозглая ты скотина! Не пойму, как это еще мальчишки не забросали тебя камнями!

Пирро. А вот посмотрим, у кого больше мозгов!

Эустакьо. Моли Бога, пусть продлит дни твоего хозяина, не то ходить тебе с сумой.

Пирро. Ты видел Никомако?

Эустакьо. А тебе что за дело?

Пирро. Узнаешь! Вертайся-ка ты, пока не поздно, в деревню, коли не хочешь, чтобы тебя выпроводили туда под стражей.

Эустакьо. Уж так мешаю тебе во Флоренции?

Пирро. Не так мне, как другим.

Эустакьо. Пусть других это и заботит.

Пирро. О твоем же благе пекусь, балда ты этакий!

Эустакьо. А почему ты ухмыляешься?

Пирро. Смотрю, хороший муж из тебя получится!

Эустакьо. Знаешь, не стыдно таскать суму рабочую, но если Клиция выйдет за тебя, ей придется таскать суму нищенскую. Пусть уж лучше Никомако утопил бы ее в этом вот колодце! По крайней мере бедняжка б враз умерла, не мучаясь.

Пирро. Ах, гнусная ты деревенщина, провонявшая навозом! И ты думаешь уместить паскудные свои телеса рядом с такой куколкой?

Эустакьо. А каково бы ей было с тобой? Ежели горестная судьба вручит ее тебе, то не пройдет и года, как она либо по рукам пойдет, либо с горя помрет. Впрочем, в первом случае ты будешь с ней заодно! Тебе ведь только этого и надо.

Пирро. Болтай, болтай! Смеется тот, кто смеется последний. Пойду-ка я лучше домой, не то разберет охота проломить тебе голову.

Э у с т а к ь о. А я вернусь в церковь.

Пирро. Вот-вот! Правильно! И не кажи оттуда носа, покуда находишься там в неприкосновенности.

КАНЦОНА

Сколько хороша любовь во цвете лет,
настолько не пристала
тому, кто пережил давно расцвет.

С годами власть Амура сообразна —
и в юношестве он премного чтим,
а старость редко не чужда соблазна.
Так что оставьте это молодым,
о старики, — они на вашем месте
Амуру больше чести
способны оказать, сомнений нет.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Никомако, Клеандро.

Никомако. Клеандро! Клеандро!

Клеандро. Отец!

Никомако. А ну-ка сюда! Не понимаю, какого дьявола торчишь ты все время дома? Тебе не стыдно позорить девчурку? Взять хоть теперь: карнавал, сверстники твои разгуливают в масках, играют, веселятся. А ты сиднем сидишь и даже признаков жизни не подаешь.

Клеандро. Не радуют меня такие развлечения, да и прежде не радовали. Мне больше по душе побыть одному, чем водиться со всякими компаниями. Нынче же особенно не хочу отлучаться... вижу, что вы дома, вот и хочу быть на всякий случай у вас под рукой.

Никомако. Ого, вот уж подходящий предлог надумал! Знаю, знаю, что ты сынок примерный! Но мне вовсе не нужно, чтобы ты вечно торчал тут под боком! У меня есть слуги, да еще управляющий, и потому утруждать тебя поручениями нет никакой нужды.

Клеандро. Господь с вами, отец! Какой же тут труд? Для меня это одно удовольствие.

Никомако. Удовольствие или нет — не знаю, но твердо знаю одно: твоя мать рехнулась и состояние наше пустит на ветер, это уж как пить дать!

Клеандро. Она или кто другой.

Никомако. Кто же другой?

Клеандро. Не знаю.

Никомако. И хорошо делаешь, что не знаешь. Но что думаешь ты о Клиции и о том, что творится вокруг нее?

Клеандро (*бормочет*). Кажется, понятно, куда вы клоните!

Н и к о м а к о. Чего ты бормочешь? Громче, ничего не понял!

К л е а н д р о. Да, право, не знаю, что и сказать.

Н и к о м а к о. А тебе не кажется, что твоя мать просто из кожи вон лезет, лишь бы не отдать Клицию Пирро?

К л е а н д р о. Не понял!

Н и к о м а к о. А я, между прочим, говорю ясно: ты принял сторону матери, и за этим что-то кроется! Скажи, однако ж, разве хорошо было бы Клиции с Эустако...

К л е а н д р о. Не знаю и не хочу знать.

Н и к о м а к о. Так что же, черт побери, ты знаешь?

К л е а н д р о. Только не это.

Н и к о м а к о. И тем не менее ты вызвал Эустако сюда, во Флоренцию, спрятал его от меня и всячески мешаешь свадьбе с Пирро. Но я засажу тебя в тюрьму вместе с Эустако, отдам Софронии ее приданое и выгоню вон! Я здесь хозяин, и пусть все это зарубят себе на носу! Хочу, чтоб свадьба состоялась сегодня же вечером! Надо будет — я и дом подпалю! Обожду здесь Софронию, посмотрю, не образумилась ли она. Клянусь честью, я не допущу, чтобы глупцы восторжествовали. Иди, и если хочешь себе и всему нашему дому добра, то попробуй уговорить мать. Пусть не перечит мне. Найдешь ее в церкви, а я буду ждать вас здесь. Если же повстречаешь этого негодяя Эустако — вели немедленно явиться ко мне, иначе плохо ему придется!

К л е а н д р о. Иду.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

К л е а н д р о, один.

К л е а н д р о. О, злосчастные влюбленные! Сколь часто горестные обстоятельства омрачают нам жизнь! Мне ведомо, что тот, кто, подобно мне, любит существо столь прекрасное, как Клиция, неизбежно обретает множество соперников, причиняющих неисчислимые муки! Но никогда еще я не слыхивал, чтобы соперником становился родной отец! Ведь в то время, как другие влюбленные юноши находили хотя бы частичное утешение и поддержку в своих отцах, я нахожу в своем лишь источник бед. Если мать и потворствует мне, то делает это не по душевной склонности, но всего лишь в пику

злостным умыслам отца. Открыто же признаться в своей любви я не могу, ибо мать сразу же сообразит, что сговорился я обо всем с Эустако по тем же причинам, что и отец с Пирро. А уж тут совесть не позволит ей продолжать потворство, и она все предоставит течению событий. Тогда — прощай надежды и да здравствует смерть!.. А вот и мать выходит из церкви. Попробую выведать у нее, что она такое задумала, чтобы расстроить козни старика.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Клеандро, Софрония.

Клеандро. Да хранит вас Господь!

Софрония. Клеандро, ты из дому?

Клеандро. Прямохонько.

Софрония. После моего ухода ты был все время дома?

Клеандро. Ни на секунду не отлучался.

Софрония. Где Никомако?

Клеандро. Дома. После всего случившегося он никуда не хочет отлучаться.

Софрония. Бог с ним! Посмотрим, кто кого перехитрит. Он тебе что-нибудь сказал?

Клеандро. Наговорил кучу гадостей. Кажется, в него сам бес вселился. Нас с Эустако он хочет упрятать в тюрьму, вам он хочет вернуть приданое и выгнать вон. А еще — грозитя поджечь дом. Мне он велел отыскать вас и попробовать склонить на эту свадьбу. Иначе, говорит, вам же будет хуже.

Софрония. А ты что скажешь?

Клеандро. Что могу я сказать? Я люблю Клицию как родную свою сестру и готов отдать все на свете, лишь бы она не досталась Пирро.

Софрония. Уж не знаю, как ты ее там любишь, но одно скажу тебе: когда б все дело заключалось в том, чтоб вырвать Клицию из рук Никомако и отдать тебе — я б не дрогнула. Однако, полагаю, Эустако не захочет отказываться от нее, а твоя любовь к невесте, которую мы тебе прочим, заставит тебя позабыть любовь к Клиции.

Клеандро. Вы, матушка, рассудили разумно. И тем не менее умоляю вас приложить все старания, чтобы расстроить свадьбу. И уж когда ничего другого не останется, как только выдать ее за Эус-

такъ, то согласиться. Но буде представится к тому возможность — всего лучше не спешить со свадьбой вообще. Она ведь совсем еще юная, и годы не подгоняют ее. А вдруг небеса возьмут да вернут ей родителей? И коли они окажутся людьми знатными, то навряд ли возрадуются тому, что вы выдали ее за слугу или деревенщину!

Софрония. Ты хорошо сказал. Я тоже так считаю, но прыть нашего старика сбивает меня с толку. Впрочем, я напридумывала уйму уловок, чтобы расстроить его козни, и, уж верно, хоть одна из них да сработает. Теперь же — пойду домой, ибо вижу Никомако, который высматривает кого-то у входа. А ты отправляйся в церковь и скажи Эустако, чтобы он не мешкая шел к нам и ничего не боялся.

Клеандро. Иду.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Никомако, Софрония.

Никомако. А, вот и жена возвращается! Попробую-ка я доброй шуткой добиться своего. Деточка моя, голубушка, неужто вид твоего муженька, твоей опоры и надежды, не возвеселит тебя? Побудь немного со мной.

Софрония. Оставьте, пусть меня!

Никомако. Постой, тебе говорю!

Софрония. Не хочу, ты пьян.

Никомако. Дай обнять тебя!

Софрония. Ты что, рехнулся?

Никомако. Рехнулся, лишь только потому, что слишком тебя люблю?

Софрония. Не хочу я твоей любви!

Никомако. Быть того не может!

Софрония. Ты что, убить меня хочешь, чудовище ты этакое!

Никомако. Нет, скажи правду!

Софрония. Так вот и скажи?

Никомако. Да посмотри на меня, сокровище мое!

Софрония. Не только вижу тебя, но и запах чую; нечего сказать — хорош!

Никомако (*в сторону*). Таки учуяла, стерва! Пусть будет проклят прощелыга, что меня опрыскал!

Софрония. Откуда, старый дурень, этот запах?

Никомако. Да проходил тут один продавец... я поздоровался с ним за руку, вот запах и пристал ко мне.

Софрония (*в сторону*). Так и знала, что вывернется, скотина! (*К Никомако.*) И тебе не стыдно за все то, что ты вытворяешь в нынешнем году? Вечно таскаешься с молодыми оболтусами, шляешься по тавернам, не вылазишь из сомнительных домов, где и женщины, и азартные игры, соришь деньгами направо и налево. Хороший пример подаешь ты сыну! Вот после этого и выходи замуж за таких красавцев!

Никомако. Уж, пожалуйста, жена, не вываливай мне на голову все мерзости зараз! Оставьте хоть что-нибудь на завтра! Но разве не разумно было бы, чтобы ты поступила по-моему, а не я по-твоему?

Софрония. Конечно, когда бы речь шла о вещах небесчестных.

Никомако. А чего бесчестного находишь ты в том, чтобы выдать замуж нашу девчурку?

Софрония. Ничего, если замужество это доброе.

Никомако. А чем же Пирро ей не ровня?

Софрония. Никак не ровня.

Никомако. Почему же?

Софрония. Я тебе уж объясняла почему.

Никомако. В таких делах я разбираюсь лучше. Ну, а если я сделаю так, что Эустако сам не захочет ее?

Софрония. А если я сделаю так, что и Пирро ее не захочет?

Никомако. Добро, по рукам! Ты поговори с Пирро, я — с Эустако. Кому из нас удастся уговорить — того и взяла.

Софрония. Согласна. Иду домой и поговорю с Пирро, а ты потолкуй с Эустако, который, вон видишь, выходит из церкви.

Никомако. Быть по сему.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Эустако, Никомако.

Эустако (*в сторону*). Поскольку Клеандро велел мне идти домой и ничего не бояться, то наущу-ка я на себя вид пободрее.

Никомако (*в сторону*). Хотел я изругать этого паршивца на все корки, да раз уж нужно просить — лучше поостерегусь. (*Зовет.*) Эустако!

Э у с т а к ь о. Хозяин!

Н и к о м а к о. Давно во Флоренции?

Э у с т а к ь о. Со вчерашнего вечера.

Н и к о м а к о. Однако ж ты не очень-то спешил объявиться!
Где ты пропадал?

Э у с т а к ь о. А вот слушайте. Еще вчера утром я почувствовал себя как-то скверно: болела голова, заложило горло, лихорадило. А поскольку отовсюду ползут слухи о моровой язве, то вот я и засомневался. Вчера вечером приехал я во Флоренцию, остановился на постоялом дворе; идти же к вам забоялся — вдруг заражу вас и ваших домашних. Но слава Богу, все обошлось, и сегодня я чувствую себя совсем здоровым.

Н и к о м а к о *(в сторону)*. А ведь придется притвориться, будто верю ему! *(К Эустакью.)* И разумно поступил, сын мой! Значит, теперь ты уже совсем излечился?

Э у с т а к ь о. Да, хозяин.

Н и к о м а к о *(в сторону)*. Излечиться-то, может, и излечился, да только не от плутней! *(К Эустакью.)* Очень, очень рад. Ты, поди, уже наслышан о распре между мной и женой из-за Клиции? Жена хочет выдать ее за тебя, я же прочу ее за Пирро.

Э у с т а к ь о. Значит, вы любите больше Пирро?

Н и к о м а к о. Как раз наоборот: я прочу ее за Пирро именно потому, что люблю тебя больше. Зачем тебе такая жена? Тебе тридцать восемь лет, и столь юная девица вовсе тебе не пара. Прожив с тобою несколько месяцев, она, как водится, подыщет себе парня помоложе, и ты начнешь страдать. А уж тогда какой от тебя прок? Я не смогу доверять тебе и буду вынужден прогнать. Ты же, лишившись места, впадешь в нищету и пойдешь по миру с протянутой рукой.

Э у с т а к ь о. На нашей грешной земле обладатель жены-красавицы не может обнищать; огнем и женой можно делиться с кем угодно, ибо чем сильнее пламя, тем лучше ты обогреваешься.

Н и к о м а к о. Значит, ты хочешь жениться на ней вопреки моей воле?

Э у с т а к ь о. Зато в угоду своей собственной.

Н и к о м а к о. Вон с глаз моих! Ступай в контору! *(В сторону.)* Ну не болван ли я был, когда понадеялся на благодарность

и учтивость этого мужлана? *(Вслух.)* Раз так, я поговорю с тобой иначе! Приготовь счета, вались к черту и знай, что стал злейшим моим врагом, а уж я постараюсь насолить тебе, как смогу.

Э у с т а к ь о. Лишь бы Клиция стала моей, а на остальное я чихал.

Н и к о м а к о. Виселица станет твоей!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Пирро, Никомако.

Пирро. Прежде чем я поступлю по-вашему, я лучше дам освежевать себя!

Н и к о м а к о *(в сторону)*. Дело идет на лад! Пирро преисполнен решимости. *(К Пирро.)* Что с тобой? С кем ты развоевался?

Пирро. С теми, с кем и вы воюете.

Н и к о м а к о. Что она сказала? Чего она хочет?

Пирро. Хочет, чтобы я отказался от Клиции.

Н и к о м а к о. А ты что ей ответил?

Пирро. Что я дам скорее себя четвертовать, чем откажусь.

Н и к о м а к о. Ты хорошо ответил.

Пирро. Ответил-то, может, и хорошо, да вот правильно ли я поступил — не знаю, ибо через это я заделался разом врагом супруги вашей, вашего сына и всех прочих домашних.

Н и к о м а к о. Вот уж не печаль! Знаешь, важно со Вседержителем поладить, а на его присных можно и чихнуть!

Пирро. Можно-то можно, да только коли вы помрете — присные мне попомнят.

Н и к о м а к о. Не бойся. Я отпишу тебе такую часть наследства, что присные не сумеют тебе напакостить. А если и пожелают, то законы и власти сумеют защитить тебя — лишь бы с твоею помощью я получил возможность насладиться Клицией.

Пирро. Ох, не верится! Уж так распалилась против вас супруга ваша.

Никомako. Чтобы покончить с распрями о том, кому достанется Клиция, я решил предоставить дело жребию. Тут уж и Софрония вынуждена будет смириться.

Пирро. А если Фортуна повернется к вам спиной?

Никомako. Будем уповать на Всевышнего. Он этого не попустит.

Пирро (*в сторону*). О, старый безумец! Он еще хочет, чтобы Господь споспешествовал ему в его гнусностях! (*Вслух.*) Но ведь и Софрония уповает на Бога?

Никомako. Пусть себе уповает, да только если выбор будет не в мою пользу, я уже подумал, как спасти дело. Пойди позови сюда Софронию и Эустако.

Пирро. Софрония! Хозяин зовет!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Софрония, Эустако, Никомako, Пирро.

Софрония. Я здесь! Какие-нибудь новости?

Никомako. Надо положить этому делу конец. Раз эти двое не могут прийти к соглашению, нужно, чтобы согласились мы с тобой.

Софрония. К чему такая настырность? То, что нельзя решить сегодня, мы сможем решить завтра.

Никомako. Нет! Я желаю покончить с этим сегодня же.

Софрония. Воля твоя. Оба соискателя тут налицо. Но интересно, как же ты собираешься все решить?

Никомako. А вот как: поскольку к соглашению мы прийти не можем, то давай предоставим все жребию.

Софрония. То есть как это жребию?

Никомako. А так: в одну сумку мы опустим бумажки с именами Эустако и Пирро, а в другую — бумажку с именем Клиции и чистую бумажку. Сначала пусть тащат бумажку с именем одного из них, и если тому, кто вытащит первым, достанется бумажка с именем Клиции, второй пусть уж наберется терпения. Хорошо придумано? Тебе не подходит?

Софрония. Почему же. Я согласна.

Эустако. Подумайте, что вы делаете!

Софрония. Я подумала и знаю, что делаю. Сходи домой, напиши имена на бумажках и принеси две сумки, и либо я избав-

люсь таким способом от всех хлопот, либо обреку себя на еще большие труды и тревоги.

Э у с т а к ъ о. Иду.

Н и к о м а к о. Значит, решено. Молись, Пирро, чтобы Всевышний ниспослал тебе удачу.

П и р р о. Ниспослал вам, хозяин.

Н и к о м а к о. Ты хорошо рассудил. Твоя удача будет для меня радостной наградой.

Э у с т а к ъ о. Вот сумки и билетки.

Н и к о м а к о. Дай сюда. Здесь что написано? «Клиция». А здесь? Пустышка. Отлично. Клади вот в эту сумку. А на этой бумажке? «Эустако». А тут? «Пирро». Сверни их и положи в другую сумку. Так, смотрите внимательно, чтобы не было никакого мошенничества.

С о ф р о н и я. Люди подозрительные хорошими не бывают.

Н и к о м а к о. Пустое! Знай, что только тот не бывает обманут, кто никому не верит. Так кто же будет тянуть жребий?

С о ф р о н и я. Сам определи!

Н и к о м а к о. Подойди сюда, сынок.

С о ф р о н и я. Нужно, чтобы это был невинный ребенок.

Н и к о м а к о. Невинный или нет, не знаю, я его не нянчил. Тащи из этой сумки билетик после того, как я произнесу молитву. О, пресвятая Аполлония, молю тебя и всех святых покровительниц браков ниспослать Клиции великую милость: пусть выйдет билетик с именем того, кто приходится нам более по вкусу. Теперь же, перекрестившись, тащи. Дай сюда! О, черт, я погиб! «Эустако»!

С о ф р о н и я. Что? Господи, соверши чудо! Непусти совершиться неправому делу!

Н и к о м а к о. Тащи другой. Дай мне! Пустышка! Я воскрес, мы победили! Пирро, ликуй! Эустако сгинул. Софрония, Господу стало угодно отдать Клицию Пирро, возжелай же этого и ты вместе с нами!

С о ф р о н и я. Я согласна.

Н и к о м а к о. Тогда пойд и распорядись о свадьбе.

С о ф р о н и я. Куда спешить? Разве нельзя обождать до завтра?

Н и к о м а к о. Нет, нет и нет! Разве не слышишь, что нет? Уж не измыслила ли ты еще какую-нибудь ловушку?

Софрония. Да ведь так спешат только животные! Разве не должна она сперва послушать венчальную мессу?

Никомako. Венчальная месса! Эка важность! Прослушает в другой раз. Разве тебе не ведомо, что отпущение грехов дается как тому, кто покается после, так и тому, кто покается до?

Софрония. Боюсь, что она еще и до обычных-то женских месячных не доросла!

Никомako. Ерунда! За ночь с мужчиной дорастет! Я желаю, чтобы ты нынче же вечером повела их и обручила. Мне начинает казаться, что ты не понимаешь меня.

Софрония. Сам веди ее, и да будет проклят этот час! Пошли в дом, и ты сам объявишь несчастной дочурке свою волю, хоть я и не думаю, что она, согласно обычаю, подарит тебе за эту добрую весть чулки!

Никомako. Достанет с меня и ее штанов. Пошли.

Софрония (*в сторону*). Пусть сам идет, а я поищу Клеандро. Быть может, он еще отыщет средство предотвратить беду.

КАНЦОНА

Кто женщине обиду
неволью или волью нанесет —
не вымолит себе прощенья тот.

Когда на землю женщина приходит,
ее душа полна
гордыни и не знает снисхожденья:
при помощи жестокости она
и лжи легко находит
любым своим желаньям утоленья;
и если ослепленье —
гнев или ревность — женщину ведет,
нет силы той, что эту превзойдет.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Клеандро, Эустакьо.

Клеандро. Возможно ли, что моя мать решилась столь безрассудным образом пожертвовать честью нашего дома?

Эустакьо. Все произошло именно так, как я тебе рассказал.

Клеандро. О, есть ли человек несчастнее меня? Есть ли судьба горестнее? Никто со мной не считается, свадьбу назначают без моего участия, все совершается по прихоти старика! О Фортуна, будучи женщиной, уж ты-то должна была охранить молодых! Ты же на сей раз приняла сторону стариков! Не стыдно ли тебе предписывать, чтобы столь прелестное личико целовано было зловонной пастью? Чтобы столь нежные ручки обвивались вокруг грязных телес? Ведь даже не Пирро, но Никомако — как полагаю я — будет владеть Клицией. Ты не могла, о зловредная Фортуна, нанести мне более тяжкого удара, отняв одним махом и возлюбленную, и богатство; ибо, если любовь эта будет длиться, Никомако оставит большую часть своего имущества Пирро, а не мне, законному наследнику. Ох, не хотел бы я повстречать сейчас Софронию! Иначе пришлось бы высказать ей все, что я думаю о безрассудном этом жребии.

Эустакьо. Ободришь, Клеандро, думается мне, что твоя мать поспешила в дом, дабы не допустить старую развалину до облюбованного им цветочка. Вот, кстати, и ваш отец вместе с Пирро, и оба так веселы.

К л е а н д р о. Ты, Эустакьо, беги домой, а я спрячусь тут и послушаю, что они там затеяли.

Э у с т а к ъ о. Бегу.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Никомако, Пирро, Клеандро.

Н и к о м а к о. О, сколь счастливо идут наши дела! Видал, как все они приуныли, в каком отчаянье жена? И все это меня несказанно радует; но стократ усилится мое блаженство, когда возьму я Клицию под руку, дотронусь до нее, поцелую, обниму. О, сладчайшая ночь! Когда же ты наступишь наконец? И всем этим я обязан только тебе! Я твой должник вдвойне!

К л е а н д р о (в сторону). О, старый безумец!

П и р р о. Охотно верю, однако ж не верится мне, что сегодняшней ночью вы добьетесь своего. Представится ли к тому случай?

Н и к о м а к о. Еще бы не представился! Ты только послушай, как складно все задумано.

П и р р о. Интересно!

К л е а н д р о (в сторону). А мне-то уж и подавно! Авось услышу такое, что мне поможет расстроить ваши козни.

Н и к о м а к о. Ты знаешь нашего соседа Дамоне? Ну, того, у которого я откупил дом в твою пользу?

П и р р о. Знаю, конечно.

Н и к о м а к о. Так вот: ты должен привести Клицию к Дамоне, пока он еще там живет и дом не освободил. В присутствии своих я скажу, чтобы ты привел свою нареченную в дом, где вам надлежит поселиться.

П и р р о. Ну, а что же произойдет потом?

К л е а н д р о (в сторону). Навостри уши, Клеандро!

Н и к о м а к о. Я повелел жене позвать Сострату, жену Дамоне, чтоб та помогла устроить свадьбу и убрать невесту. Дамоне я скажу, чтоб он приказал супруге все в точности так и исполнить. После свадьбы Сострата отведет Клицию к себе домой, уложит в постель и вернется к нам. Я же скажу своим, что побуду с Дамоне еще некоторое время в трактире, а Софрония и Сострата останутся у нас дома. Ты, оставшись наедине с Клицией, потушишь

свет и покрутишься по комнате, делая вид, что раздеваешься; а я в это время потихонечку шмыгну в спальню, разденусь и залезу в постель к Клиции. Ты же устроишься на диванчике и там притаишься. Перед рассветом я, под предлогом сходить по нужде, подымусь, оденусь, а ты займешь мое место в кровати.

Клеандро (*в сторону*). О, старый негодник! Как счастлив я, что проник в нечестивые твои замыслы! И сколь несчастлив ты, тайный замысел которого стал явным!

Пирро. Да, уж поистине вы решительно все предусмотрели. Но об одном все же нужно подумать всерьез: этой ночью вы должны так вооружиться, чтобы казаться молодцом, ибо сомневаюсь я, чтобы старость себя не выдала даже в темноте.

Клеандро (*в сторону*). Ну, с меня хватит услышанного. Пойду поищу мать.

Никомако. Я и это предусмотрел! Как другу тебе откроюсь: на ужин с Дамоне я заказал еду, подходящую случаю. Прежде всего я приму питье, замешанное на соке орхидей. Оно очень укрепляет мужскую силу и называется сатирионом.

Пирро. Какое чудное название!

Никомако. Зато питье чудодейственное! Оно способно омолодить не то что семидесятилетнего, вроде меня, но девяностолетнего старца. Выпив это снадобье, я поужинаю. Скромно, но с толком. Начну с салата из вареного лука, затем пойдет фасоль, сильно приправленная всякими специями.

Пирро. А это зачем?

Никомако. Как зачем? Да ведь лук, фасоль и специи, будучи еще к тому же горячими, обладают такой силой, что способны надуть паруса даже тяжелым генуэзским баркам. Напоследок же надо съесть крупного голубя, только не пережаренного, а так, чуть-чуть с кровью.

Пирро. Смотрите не повредите желудку, ибо пищу эту надлежит тщательно прожевывать. Вам же придется ее глотать, ибо я не вижу в вашем рту мощных клыков.

Никомако. За меня не бойся. Хоть во рту у меня и маловато зубов, зато челюсти крепче толедской стали.

Пирро. Значит, когда вы покинете Клицию и я залезу на ваше место, то мне не придется трудиться, ибо, надо полагать, бедняжка будет к тому времени уже сильно измучена?

Н и к о м а к о. А разве не лучше, если за тебя поработает твой хозяин?

П и р р о. Хвала Господу нашему за то, что он даровал мне супругу, с которой я не буду знать ни трудов, ни расходов по ее содержанию.

Н и к о м а к о. Иди домой, пригляди за приготовлениями к свадьбе, а я поговорю с Дамоне, который, как я вижу, выходит из дверей своего дома.

П и р р о. Иду.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Никомако, Дамоне.

Никомако. Наступил час, дорогой Дамоне, когда ты можешь доказать всю силу своей дружбы. Спешి освободить дом, пусть в нем не остается ни твоей жены, ни кого другого, ибо я желаю распорядиться так, как я тебе уже сказывал.

Дамоне. Чтобы угодить тебе, я готов на все.

Никомако. Я велел жене позвать твою Сострату, дабы она помогла в свадебных хлопотах. Проследи, чтобы Сострата шла не мешкая, едва только моя жена ее кликнет. Да еще накажи ей непременно захватить с собою служанку.

Дамоне. Положись на меня.

Никомако. Сейчас я отлучусь по делу, закажу все, что надо, и мигом буду обратно. Ты же подожди здесь Софронию и кликни свою жену. А вот и Софрония. До скорой встречи.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Софрония, Дамоне.

Софрония (*в сторону*). Понятно, для чего муженек мой просил вызвать жену Дамоне! Хочет всласть порезвиться в пустом доме! А, вот и сам Дамоне: о, зеркало Флоренции, доблестный муж, предоставляющий свой дом для столь бесчестного и позорного деяния! Но я разделаюсь с ними так, что им по гроб жизни будет стыдно самих себя. А сейчас вгоню-ка я в краску этого бесстыжего.

Д а м о н е (*в сторону*). Странно, что Софрония стоит там на месте и вроде вовсе не собирается звать мою жену. А, нет! Идет сюда. Да хранит тебя небо, Софрония!

С о ф р о н и я. И тебя тоже, Дамоне! Где твоя жена?

Д а м о н е. Сидит дома. Ждет, когда ты позовешь ее. Так просил твой муж. Позвать?

С о ф р о н и я. Нет, нет, не надо! Видно, у нее и своих-то дел по горло!

Д а м о н е. Да нет, ничем она не занята.

С о ф р о н и я. Пусть дома сидит, не хочу ее беспокоить. Позову, когда время приспееет.

Д а м о н е. А разве приготовления к свадьбе еще не начались?

С о ф р о н и я. Начались.

Д а м о н е. Значит, надо помочь?

С о ф р о н и я. Помощников и так хватает.

Д а м о н е (*в сторону*). Что же делать? Ну, попал я в передрагу, и все по милости этого обезумевшего старца, этого слезливого, беззубого слюнтяя. Зачем мне было соваться к Софронии с предложением жениных услуг, коли та в них вовсе не нуждается? Ведь теперь Софрония будет вправе думать, что этак я набиваюсь на ужин, будет презирать меня и считать лизоблюдом.

С о ф р о н и я (*в сторону*). Таки вогнала его в краску! Ишь как кутается в плащ по самые уши! А теперь разыграю моего старикашку! Вон он плетется с рынка. Подохнуть мне на месте, если этот нечестивец не закупил там всяческих снадобий для омоложения, да еще надушился в придачу!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Н и к о м а к о, Софрония.

Н и к о м а к о. Ну-с, снадобье куплено, мазь для укрепления телесной мощи тоже куплена... Правду говорят, что хорошо оснащенному пускаться в поход вдвое легче. Дьявол, вон жена стоит! Неужели она меня слышала?

С о ф р о н и я (*в сторону*). Все, все слышала. Хорошо, коли после всех твоих гнусностей я до утра доживу.

Н и к о м а к о. Ну как? Все в порядке? Сострату позвала на помощь?

С о ф р о н и я. Я-то позвала, как ты велел, да вот милый твой дружок — уж не знаю, что он ей напел в уши — сделал так, что она сказалась занятой.

Н и к о м а к о. Это вовсе меня не удивляет, ибо врожденная твоя грубость не позволяет тебе договориться даже с самонужнейшими тебе людьми.

С о ф р о н и я. А ты б хотел, чтобы я гладила Дамоне по щечке? Не умею я расточать ласки чужим мужьям! Иди и сам зови ее, раз уж тебе так по сердцу волочиться за чужими женами. Я же пойду домой готовить свадьбу.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дамоне, Никомако.

Д а м о н е. Пойду взгляну — не вернулся ли наш влюбленный с рынка. Да вот он собственной персоной стоит у входа. А я-то тебя ищу!

Н и к о м а к о. А я тебя, коварный ты друг! О чем мы с тобой договаривались? Хорошо же ты мне услужил!

Д а м о н е. Ты о чем?

Н и к о м а к о. Прислал ты свою жену? Очистил дом от челяди? По твоей милости мне остается только в гроб лечь.

Д а м о н е. Давай полезай в петлю! Не ты ли сказал, что твоя жена позовет мою?

Н и к о м а к о. Она и позвала, но Сострата не пожелала.

Д а м о н е. Все наоборот! Жена моя хотела пойти, да твоя не пожелала. И мало того, что не пожелала — еще и обманула меня, а тебе нажаловалась. Черт бы побрал и тебя, и эту свадьбу, и всех прочих заодно!

Н и к о м а к о. Но ты-то хочешь, чтоб она пришла?

Д а м о н е. Да, хочу, и, разрази их Бог, хочу, чтоб и она, и служанка, и кошка — все бы побыстрее вытряхивались из дома! Ты займись своими делами, а я поспешу к себе, и я не я, если моя супружница вмиг не вылетит из дому.

Н и к о м а к о. Вот это слова настоящего друга! Вот теперь наверняка все пойдет как по маслу! О Боже, что за грохот несется из моего дома?

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Дория, Никомако.

Д о р и я. Убивают, убивают! Бегите, спасайтесь! Отберите у нее нож! Спасайтесь! Софрония!

Н и к о м а к о. Что с тобой? Что случилось?

Д о р и я. Я погибла!

Н и к о м а к о. Как погибла?

Д о р и я. Я погибла и вы тоже!

Н и к о м а к о. Да скажи, что с тобой?

Д о р и я. Не могу! Я вся взмокла! Помашите на меня своим плащом!

Н и к о м а к о. А ну отвечай, что с тобой, если не хочешь, чтобы я проломил тебе голову!

Д о р и я. Сжальтесь, хозяин, не будьте злыднем!

Н и к о м а к о. Признавайся, что с тобой и что происходит в доме!

Д о р и я. Пирро вручил Клиции кольцо и пошел проводить нотариуса до парадной двери. И тут Клиция, укушенная уж не знаю какой мухой, хватает кинжал и, разъяренная, простоволо- сая, бросается с криком: «Где Никомако? Где Пирро?» Софро- ния, Клеандро, я и все, кто находился в доме, напрасно пытаемся остановить ее. Клиция забилась в угол и кричит, что хочет вас зарезать. Тут все перепугались и бросились врассыпную. Пирро удрал на кухню и спрятался там за корзину с каплунами. Меня же послали предупредить вас, чтобы вы ни в коем случае не шли домой.

Н и к о м а к о. Я самый несчастный на свете человек! А нельзя отнять у нее кинжал?

Д о р и я. Пока никак.

Н и к о м а к о. А кому она грозит?

Д о р и я. Вам и Пирро.

Никомако. Вот уж беда так беда! Заклинаю тебя, дочка, беги домой и ласковыми словами попробуй ее урезонить: пусть, дескать, выкинет дурь из головы и положит кинжал. В награду обещаю тебе подарить пару туфельек и шейный платок. Беги, спеши, моя радость!

Дория. Бегу. Но домой являйтесь не раньше, чем я позову.

Никомако. Страшно подумать, что за горе обрушилось на меня! Сколько бедствий стеснилось передо мной, дабы превратить счастливейшую заветную ночь в ночь самую черную, самую разнесчастную! Бросила она кинжал? Можно идти?

Дория. Нет! Подождите!

Никомако. О Господи, что-то меня еще ждет? Можно?

Дория. Можно. Только не входите в комнату Клиции. Не надо, чтоб она вас видела. Идите на кухню к Пирро.

Никомако. Иду.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Дория, одна.

Дория. Ох, и заморочили мы голову старику! Но то ли еще будет! Старикашка и Пирро от страха носа не кажут из кухни, в гостиной остались те, кто накрывает к свадебному ужину, в спальне — женщины, Клеандро и оставшаяся часть прислуги. Они переодевают нашего слугу Сиро в одежды Клиции, а ее выряжают в его одежды... Так Сиро сойдет за невесту. А чтобы старикашка и Пирро до поры до времени не раскрыли обман — обоих загнали на кухню под предлогом ярости, в которую впала Клиция. Вот уж шутка так шутка! А, пожаловали Никомако с Пирро!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Никомако, Дория, Пирро.

Никомако. Ты что тут делаешь, Дория? Клиция утихомирилась?

Дория. Да, хозяин, не только утихомирилась, но даже пообещала Софронии не выходить из вашей воли. Софрония, правда,

считает, что вам с Пирро покамест не следует показываться Клиции, боясь, как бы та снова не впала в бешенство. Когда же ее уложат в кровать — тогда уж дело за Пирро: не сумеет ее приручить — пусть пеняет на себя!

Н и к о м а к о. Софрония рассудила умно: так мы и поступим. Теперь поспеши домой, там, поди, все перепарилось и пережарилось. Пусть все садятся за стол, а мы с Пирро поужинаем у Дамоне. Как только кончите — пусть Клицию ведут в спальню к жениху. Поторопи их, Дория, уже девять часов пробило... этак в беготне и вся ночь пройдет.

Д о р и я. Ваша правда. Лечу.

Н и к о м а к о. Ты, Пирро, побудь здесь. А я зайду к Дамоне, пропущу глоточек. И не вздумай входить в дом, чтобы снова не разозлить Клицию. Если же что случится непредвиденного — лупи опрометью за мной.

П и р р о. Идите и не беспокойтесь, сделаю все, как вы велите. (Один.) Уж коли хозяин пожелал, чтобы я зараз остался и без жены, и без еды, — ничего не попишешь. Думаю я, однако ж, что и за целый год не может приключиться столько страстей, сколько приключилось их за один сегодняшней день. Боюсь только, что это еще не конец и самое страшное впереди, ибо смешки, которые я расслышал в доме, ничего доброго не предвещают. Но вон, я вижу, появился факел... Ага, значит, свадебный ужин кончился. Надо позвать старика. (Кричит.) Никомако! Дамоне! Сюда, скорее! Невеста идет!

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Никомако, Дамоне, Софрония, Сострата.

Н и к о м а к о. Вот и они. Пирро, быстро домой! Лучше, чтобы невеста тебя не видела. Ты, Дамоне, выйди дамам навстречу и затей с ними разговор.

С о ф р о н и я. О, бедная моя дочурка плачет, плачет, не переставая! Видишь, даже платка не отнимает от глаз.

С о с т р а т а. Ничего, завтра будет смеяться! Все невесты так поступают. Никомако! Дамоне! Да пошлет вам Господь доброй ночи!

Дамоне. И вам также. Вы, милые наши жены, отведите новобрачную в спальню и возвращайтесь сюда. Дальше о ней позаботится Пирро.

Сострата. Ну, с Богом, пошли.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Никомако, Дамоне.

Никомако. Ты заметил, какая она подавленная? И почему-то вдруг вытянулась? Не иначе, как туфли на каблуках сделали ее такой высокой.

Дамоне. Мне тоже показалась она крупнее, чем прежде. Никомако, друг мой, сколь счастлив должен быть ты! Ведь дело клонится к желанному концу. Уж постарайся, не ударь в грязь лицом. Иначе — пиши пропало.

Никомако. Будь спокоен, Дамоне! Я не оплошаю! Подкрепившись по особому своему рецепту, я чувствую себя прочнее стали... А вот возвращаются и наши женщины.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Никомако, Сострата, Софрония, Дамоне.

Никомако. Уложили ее в постель?

Сострата. Уложили, уложили.

Дамоне. Прекрасно. Теперь и мы приступим к делу. Ты, Сострата, иди спать к Софронии. Никомако же останется со мной.

Софрония. С Богом, и да ниспошлет он вам приятной ночи.

Дамоне. И вам такой же. Смотрите не поцарапайте друг друга!

Сострата. Нам-то бояться нечего! В отличие от вас, мужчин, мы безоружные, а вот вам советуем поостеречься.

Дамоне. Ну, мы пошли.

Софрония. Мы тоже. Ступай, ступай, Никомако, припади к вождеденному фонтанчику, да не напорись на острый краник.

КАНЦОНА

Приятно жить обманом!
Обман, невзгодам ты предел кладешь,
простор давая планам,
и горечи ты сладость придаешь.
Заблудших ты зовешь
на правый путь — и твой призыв по нраву.
Достоинства твои
обогащают божество любви.
И камни побеждаешь ты по праву,
и горы, и отраву.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дория, одна.

Дория. Вот уж никогда так не смеялась, да, верно, и не буду смеяться. Ночь напролет дом наш сотрясался от хохота. Софрония, Сострата, Клеандро, Эустако просто животики надорвали. Только и слышалось: «Вот Никомако входит в спальню, вот раздевается, вот пристраивается к новобрачной, вот натягивает паруса, вот дает “полный вперед”». И пока все это мелькало в нашем воображении, влетают Сиро и Пирро, и общее веселье усиливается стократ. Самое забавное было глядеть на то, как Пирро потешался над Сиро: казалось, никому еще в нынешнем году не выпадало на долю столько радости и веселья. Под утро хозяйка послала меня взглянуть, что поделывает старикашка, как переносит он свою незадачу. А вот и он, тут как тут, да еще вместе с Дамоне. Спрячусь и послушаю — авось еще посмеемся всласть.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дамоне, Никомако, Дория.

Дамоне. Ну и ночка была! Что там происходило? Ты как воды в рот набрал! Кто-то суетился, хлопал дверьми, вставал с постели, снова ложился — словом, ни минуты покоя! Я глаз не мог сомкнуть, тем более что комната моя находилась как раз под спальней. В конце концов мне это осточертело, я встал, вышел, и вот встречаю тебя здесь... а на тебе лица нет! Молчишь? Да ты и впрямь похож на мертвеца! Что происходит?

Н и к о м а к о. Братец ты мой, уж не знаю, куда и бежать, куда спрятаться от великого позора, которым я запятнал себя на старости лет. Я обещен до конца моих дней, и нет способов смыть это бесчестье, никогда уж не смогу я явиться на глаза жене, сыну, родным и слугам своим. Я сам искал этого бесчестья, и жена помогла мне его найти. Я уничтожен. Прискорбно мне и твое соучастие, ведь все будут знать, что и ты приложил руку к злосчастному этому делу.

Д а м о н е. Что случилось? Ты ничего не сломал?

Н и к о м а к о. Что я должен был сломать, по-твоему? Эх, кабы голову я себе сломал!

Д а м о н е. Так что же случилось? Почему ты не хочешь сказать?

Н и к о м а к о. Ух! Ух! Ух! Я так страдаю, что навряд ли сумею толком объяснить.

Д а м о н е. Не будь ребенком! Какого черта с тобой приключилось?

Н и к о м а к о. Ты знаешь, как все тщательно было продумано? Так вот, согласно задуманному, я пробрался в спальню и тихо разделся. Потом, воспользовавшись темнотой, я устроился рядом с Клицией, а Пирро улегся на кушетку.

Д а м о н е. Ну а дальше-то что?

Н и к о м а к о. Ух! Ух! Ух! Я придвинулся к ней, затем, как это принято у всех новобрачных, хотел положить ей руку на грудь. Она же своею рукой схватила мою руку и не позволила. Я хотел поцеловать ее, а она уперлась ладонью в мое лицо и оттолкнула назад. Тогда я решил навалиться на нее всем телом, но она, изловчившись, так саданула меня коленом, что чуть не поломала мне ребра. Когда же я удостоверился, что силой тут не возьмешь, я перешел к увещаниям и сладкими и нежными речами пытался склонить ее к сдаче: «О сладчайшая душа моя, зачем ты меня мучишь? О радость моя, почему не дашь ты мне добровольно то, что другие жены охотно дают своим мужьям?» Ух! Ух! Ух!

Д а м о н е. Уйми слезы!

Н и к о м а к о. Я так страдаю, друг мой, что не нахожу себе места и не могу сдержать слез... Напрасно я продолжал щебетать. Она не только не подавала малейших признаков приязни, но даже не отвечала мне. Видя такое ее отношение, я перешел к проклятиям и угрозам: мол, сделаю тебе то-то и скажу еще то-то. И тут

она, сжав в коленях ноги, дала мне пару таких пинков, что, не будь одеяла, я наверняка вылетел бы из постели на самую середину комнаты!

Д а м о н е. Быть того не может!

Н и к о м а к о. А вот, значит, может! Поступив таким образом, она перевернулась на живот и так прижалась к постели, что ее не свернули бы с места все подъемные машины, что заняты на постройке нашего главного собора. Я же, убедившись, что ни сила, ни угрозы тут не помогут, повернулся к ней спиной в надежде, что, быть может, к утру она сменит гнев на милость.

Д а м о н е. Вот это ты поступил разумно! Так ты должен был поступить с самого начала: не хочешь — не надо!

Н и к о м а к о. Обожди, я не кончил! Самое удивительное еще впереди. Притомившись от обиды и боли, я начал дремать. Как вдруг почувствовал какое-то колотье в боку, возле поясницы, — пять или шесть сильных таких ударов! Спросонья я завел туда руку и нащупал нечто такое твердое и острое, что заставило меня пулей выскочить из постели, ибо в ту же секунду вспомнил я о кинжале, которым Клиция грозила меня зарезать. Заслышав шум, спавший до тех пор Пирро проснулся. Я же, подстегиваемый не столько разумом, сколько страхом, велел ему сбегать за огнем, сказав, что Клиция приготовила кинжал и хочет нас зарезать. Пирро вмиг сбегал за светильником, и тут вместо Клиции мы увидели Сиро, моего слугу. Этот паршивец возлежал на постели совсем голый, давился от хохота и в знак полного презрения ко мне изображал рукой непотребные жесты.

Д а м о н е. Ха! Ха! Ха!

Н и к о м а к о. Эх, Дамоне, и ты еще смеешься?

Д а м о н е. Мне очень жаль, что все так произошло, но, право, нельзя удержаться от смеха.

Д о р и я (*в сторону*). А я пойду расскажу все хозяйке. То-то будет веселье.

Н и к о м а к о. Вот какая беда со мной стряслась, и, что самое скверное, все будут над ней потешаться, а мне остается только плакать. Даже слуги мои Пирро и Сиро, нисколько не стесняясь меня, то хохотали навзрыд, то говорили какие-то гадости. Потом, кое-как одевшись, поспешили куда-то, скорее всего к моей жене

и другим женщинам, и теперь, поди, хохочут все вместе. Итак, все надрывают животики и одному Никомако слезы.

Дамоне. Полагаю, ты не сомневаешься, сколь огорчительна мне вся эта история, ибо из-за твоей влюбленности и я был втянут в эти плутни.

Никомако. А можешь ты мне дать какой-нибудь совет? Ради Бога, хоть теперь не покидай меня!

Дамоне. Думаю — если, понятно, не подвернется счастливый случай, — ты должен целиком предать себя в руки Софронии. Скажи ей, что отныне и во веки веков она может поступать и с тобой, и с Клицией, как ей заблагорассудится. Ведь и ей тоже надо будет позаботиться о твоей чести, ибо, раз вы — муж и жена, любовью твой позор становится и ее позором. Вот, кстати, и сама Софрония. Иди, поговори с ней, а я пройду по улицам, загляну на рынок и послушаю, какие толки идут обо всем этом деле, и если что услышу, то уж постараюсь выгородить тебя как смогу.

Никомако. Прошу тебя.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Софрония, Никомако.

Софрония. Дория, служанка моя, сказала, что Никомако уже вышел из дому и вид у него самый прежалостный. Интересно, что-то теперь он мне скажет? А, вот он! Никомако!

Никомако. Чего тебе?

Софрония. Куда ты собрался в такую рань? Новобрачной-то ты хоть сказал два слова? Поинтересовался, как у них там получилось с Пирро?

Никомако. Понятия не имею.

Софрония. Кто же, если не ты, может его иметь? Разве не ты поставил вверх дном всю Флоренцию, чтобы добиться этой свадьбы? А теперь, когда дело сладилось, ты воротишь нос и выражаешь свое удивление!

Никомако. Оставьте меня в покое, не терзай!

Софрония. Это ты терзаешь меня! Подумать только: я же должна утешать его в том, в чем он должен был утешать меня! Да вдобавок ко всему еще и проявлять внимание к новобрачным! Видал, я, а не ты несусь им подарок.

Н и к о м а к о. Знаешь, хватит издеваться надо мной. Станет и того, что я натерпелся в течение всего этого года, того, что я натерпелся вчера и особенно сегодняшней ночью.

С о ф р о н и я. Никогда я над тобой не издевалась и не подшучивала. Это ты сам вынудил нас так поступить, ты сам привел дело к столь злополучному для тебя концу! Ведь это ты не устыдился, воспитав в своем доме девчурку, выдать ее замуж за нерадивого пройдошливого слугу с единственной целью, дабы он не мешал тебе с ней баловаться! Неужто ты полагал, что имеешь дело со слепыми, с людьми, которые не способны помешать задуманному тобою неправому делу? Признаюсь, что это я сплела всю эту сеть, ибо другого средства заставить тебя одуматься и отказаться от злого умысла уже не оставалось, кроме как накрыть тебя с поличным в присутствии множества свидетелей. Пеняй уж на себя, коли ничто, кроме публичного срама, не могло остановить тебя. И все же даже сегодня, если только ты одумаешься, возьмешься за ум и захочешь стать прежним Никомако, каким ты был год назад, можно еще все спасти. Мы тоже забудем этот случай, и никто ничего не узнает. Ибо, сам знаешь, стоит выйти огласке, как сплетням и пересудам конца-края не будет.

Н и к о м а к о. Софрония, дорогая, поступай так, как тебе будет угодно: я готов не выходить из твоей воли, лишь бы дело не получило огласки.

С о ф р о н и я. Если ты и в самом деле так решил, то будь покоен. Никто ничего не узнает.

Н и к о м а к о. Где Клиция?

С о ф р о н и я. Вчера, сразу после ужина, переодевшись в платье Сиро, она отправилась в монастырь.

Н и к о м а к о. А что говорит по этому поводу Клеандро?

С о ф р о н и я. Он рад, что свадьба расстроилась, но горюет, не видя возможности заполучить Клицию в жены.

Н и к о м а к о. Пусть теперь это тебя заботит. Я же, со своей стороны, не полагаю разумным женить их, прежде чем мы не узнаем про ее родителей.

С о ф р о н и я. Я с тобой согласна: сперва надобно узнать о ее родичах, да и у Клеандро может пройти охота жениться. Подождем. Пока же следует уничтожить ее помолвку с Пирро.

Н и к о м а к о. Делай как знаешь. А я пойду отдохну, ибо из-за этой проклятущей ночи я совсем не стою на ногах... к тому же я вижу Клеандро и Эустако, с которыми у меня нет охоты встречаться. Поговори с ними сама; скажи им о нашем с тобой решении. Хватит с них и того, что ихняя взяла, и пусть они об этом деле со мною больше не заговаривают.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Клеандро, Софрония, Эустако.

К л е а н д р о. Видал, как старик заспешил домой? Его, погнала Софрония. Вид у него прежалкий! Подойдем к ней и расспросим. Да хранит вас Господь, матушка! Что сказывает Никомако?

С о ф р о н и я. Бедняга пристыжен донельзя. Говорит, что впору хоть в петлю лезть, дал мне полную власть и хочет, чтобы впредь я всем распоряжалась по своему усмотрению.

Э у с т а к о. Значит, все в порядке? Я получу Клицию?

К л е а н д р о. Постой, не спеши! Этот кусочек не для тебя.

Э у с т а к о. Вот здорово! Теперь, когда наша взяла, я теряю ее, как Пирро?

С о ф р о н и я. Ни ты, ни Пирро не можете ее получить. Ни ты, Клеандро. Я так решила.

К л е а н д р о. Распорядитесь по крайней мере вернуть ее домой, чтобы я мог хотя бы видеть ее.

С о ф р о н и я. Вернется она или нет — я еще решу. А теперь мы с Эустако пойдем домой, ты же, Клеандро, подожди здесь Дамоне и расскажи ему, как обстоят дела.

К л е а н д р о. Стало быть, я снова внакладе?

С о ф р о н и я. Когда-нибудь и на твоей улице будет праздник.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Клеандро, один.

К л е а н д р о. Тогда, когда мне казалось, что я уже достиг гавани, злая судьба снова отшвыривает меня в бушующее море! Сперва я боролся с влюбленностью отца, теперь мне предстоит сразиться с

тщеславием матери. Прежде у меня был союзник — мать, теперь я остался один. А значит, просвет в этой вновь разбушевавшейся стихии для меня еще более сократился. Неужто я рожден лишь для того, чтобы не видеть счастья? С тех самых пор, как Клиция вступила на порог нашего дома, для меня нет иного наслаждения, как только думать о ней, ее лицезреть. Ведь истинно радостные дни в своей жизни я смог бы пересчитать по пальцам. Но кто это там идет? Дамоне? Он самый, но почему он так весел? Дамоне, что случилось? Какие новости? Откуда вдруг такая радость?

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дамоне, Клеандро.

Дамоне. Ничего более радостного, более приятного я не мог услышать!

Клеандро. В чем дело?

Дамоне. В город прибыл отец вашей обожаемой Клиции. Зовут его Рамондо, и человек он богатейший, неаполитанский дворянин, и приехал он только для того, чтобы разыскать дочь.

Клеандро. Ты-то откуда все это знаешь?

Дамоне. Я сам с ним говорил. Сомнений никаких.

Клеандро. Да я с ума сойду от радости, коли это и в самом деле так, как ты рассказываешь!

Дамоне. Я хочу, чтобы вы все услышали от него самого. Зови сюда Никомако и Софронию.

Клеандро. Софрония, Никомако! Идите сюда! Дамоне вас зовет!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Никомако, Дамоне, Софрония, Рамондо.

Никомако. Вот и мы! Есть добрые вести?

Дамоне. Слушайте: отец Клиции, Рамондо, неаполитанский дворянин, находится здесь, во Флоренции, и разыскивает дочь. Я сам его видел, говорил с ним и склонил — если ты, конечно, согласен — выдать дочь за Клеандро.

Н и к о м а к о. Если так, то я буду только рад. Но где же он?

Д а м о н е. Остановился в «Короне». Я сказал ему, чтобы он шел сюда. Вот он! Идет впереди, за ним слуги. Пошли ему навстречу.

Н и к о м а к о. Да хранит вас Бог, благородный рыцарь!

Д а м о н е. Рамондо, вот Никомако, а вот его жена. Это они с такой заботливостью вырастили твою дочь! А вот их сын; если захочешь — он может стать твоим зятем.

Р а м о н д о. Будьте счастливы, господа! Спасибо Создателю нашему, который явил мне милость свидеться перед смертью с дочерью и отблагодарить благородных людей, оказавших ей такое гостеприимство. Что касается сватовства, то что может быть приятнее того, чтобы дружба, заложенная добрым вашим отношением, закрепилась еще и родством?

Д а м о н е. Пошли в дом, там вы услышите от Рамондо трогательную повесть о потерянной и найденной дочери, а заодно отдадите распоряжения к счастливой свадьбе.

С о ф р о н и я. Пошли! А вы, зрители, можете расходиться, ибо сыграем мы свадьбу дома, не показываясь на улицу, и новая эта свадьба будет уже по всем правилам, а не так, как это случилось с Никомако!

КАНЦОНА

Нет, вы не прогадали,
достойные и чистые душой,
что мудрости земной,
столь тонкому учителю, внимали
и потому узнали,
как нужно жить, чем лучше пренебречь,
чтоб не лишиться рая;
но, все перечисляя,
мы долго бы вели об этом речь.
Да будут назиданья вам полезны
настолько же, сколь были вы любезны!

СКАЗКА

Черт, который женился

Архидьявол Бельфагор послан Плутоном в мир сей с предписанием жениться. Явившись сюда, он женится, но, не в силах вынести злопрания жены, предпочитает возвратиться в ад, нежели вновь соединиться с нею

В древних летописях флорентийских имеется рассказ некоего благочестивого мужа, жизнь коего прославлялась современниками его, о том, что в молитвенном восхищении узрел он, как неисчислимы души несчастных смертных, умерших в немилости Божией, шествуя в ад, все, или же большая часть их, плакались, что подверглись злополучной сей участи лишь по причине женитьбы своей. Сему Минос и Радамант вместе с другими адскими судьями дивились немало и, не придавая веры сим клеветам их на женский род, жалобы на который росли изо дня в день, вошли с соответствующим докладом к Плутону; он же положил, по зрелому рассмотрению сего дела вкупе со всеми князьями адскими, принять то решение, что признано будет наилучшим, дабы либо разоблачить сей обман, либо признать всю его истину. Итак, созвав их на совет, сказал им Плутон такое слово:

— Хотя, любезнейшие мои, по небесному предначертанию, непреложному вовеки волей судеб, владею я царством сим и в силу сего не обязан полагаться ни на какое суждение, ни небесное, ни земное, тем не менее, поскольку благоразумнее власть имущим подчиняться законам и уважать чужое суждение, положил я держать совет с вами касательно некоего дела, как могуще-

го навлечь позор на государство наше, коим должен я править. Ибо, поскольку все души людские, прибывающие в царство наше, говорят, что причиной тому жена, и поскольку сие представляется нам возможным, опасаемся, что, давая веру таким рассказам, можем мы быть оклеветаны в чрезмерной жестокости, не давая же — в недостатке суровости и в малой любви к справедливости. И поскольку в одних грехах виновны люди по легкомыслию, в других — по неправоте своей, и желая избежать обвинений в том, что может зависеть от того и от другого, и не находя к тому способа, созвали мы вас сюда, дабы советом своим помогли вы и послужили тому, чтобы царство сие как в прошлом существовало без позора, так и в будущем сохранялось бы таковым же.

Каждому из князей дело сие показалось важнейшим и труднейшим, но, решив единодушно, что истину открыть необходимо, разошлись они в суждениях относительно способа. Ибо одним казалось, что следует послать кого-то из них на землю, дабы в образе человеческого лично узнал он всю правду; многим же другим казалось, что можно обойтись без таких хлопот, принудив разные души разными муками открыть истину. Но так как большинство согласилось в том, что послать надлежит, то и склонились к такому мнению. И, не находя никого, пожелавшего бы добровольно взяться за сие дело, рассудили определить избранника жребием. Выпал он Бельфагору, ныне архидьяволу, в былое же время, до низвержения с небес, архангелу; хотя и неохотно брал на себя он сию повинность, однако, принужденный властью Плутона, согласился последовать решению совета и подчинился условиям, кои торжественно были тут установлены и состояли в том, чтобы немедленно было вручено отряженному с сим поручением сто тысяч дукатов, с коими должен был он явиться на землю, в образе человеческого вступить в брак и прожить с женой десять лет, а засим, притворившись умершим, вернуться обратно и по личному опыту доложить верховному начальству, каковы тяготы и неудобства супружеской жизни. Объявлено было ему еще, что в течение указанного времени он будет подвержен всем тем нуждам, всем тем бедам, коим подвержены люди, —

вплоть до нищеты, темницы, болезни и всяких иных несчастий, коим подпадают люди, — ежели только обманом или хитростью не освободится от них.

Итак, получив наказ и деньги, Бельфагор прибыл в мир сей и, в сопровождении конной свиты, с великой пышностью въехал во Флоренцию, каковой город предпочтительно пред всеми другими избрал для своего пребывания как наиболее подходящий, по его мнению, для помещения в рост денег. Приняв имя Родериго из Кастильи, он снял внаймы дом в предместье Всех Святых. Дабы предупредить излишние расспросы о своем происхождении и положении, он объявил, что, еще в юные годы выехав из Испании и направившись в Сирию, нажил все свое состояние в Алеппо, откуда поехал в Италию, намереваясь найти себе жену в странах более светских и более соответствующих требованиям гражданского общежития и собственному его душевному расположению. Был Родериго человек весьма красивый и на вид лет тридцати; с первых же дней он блеснул всем своим богатством и выказал столь образцовую светскость и твердость, что многие знатные граждане, имевшие много дочерей и мало денег, искали случай породниться с ним; изо всех остановил свой выбор Родериго на отменно красивой девушке, по имени Онеста, дочери Америго Донати, имевшего еще трех других дочерей. И хотя принадлежал он к весьма знатному роду и пользовался общим уважением во Флоренции, тем не менее, из-за многочисленной семьи своей, был он крайне беден.

Свадебный пир задал Родериго на славу, не забыв ничего из того, что требуется на таковых празднествах, будучи, по условиям, установленным для него при отбытии из ада, подвержен всем страстям человеческим. Он сразу вошел во вкус почестей и пышностей света и стал дорожить людскими хвалами, что ввело его в немалые расходы. Кроме того, не прожил он и нескольких дней со своей монной Онестой, как влюбился в нее превыше всякой меры и жить не мог, чуть только видел ее печальной и чем-либо недовольной. Вместе со знатностью и красотой своей принесла монна Онеста в дом к Родериго нрав столь строптивый, что самому Люциферу было бы далеко до нее; и Родериго, испытывавший

нрав их обоих, рассудил, что жена обладает тут превосходством. Но стала она куда еще строптивее, лишь только обнаружила всю любовь к себе мужа; решив, что может захватить полную власть над ним, она стала повелевать им без зазрения совести и не задумывалась грызть его грубыми и оскорбительными словами, когда в чем-либо был отказ ей от него, что причиняло Родериго несказанную тоску. И все же тесть, шурья, вся родня, брачный долг, а сверх всего — великая любовь к жене заставляли его сносить все терпеливо. Я уж не говорю об огромных расходах, которые делал он, дабы угодить ей, одевая ее в новые платья, и угодить ее прихоти поспевать за модой, которую город наш имеет обыкновение менять то и дело; не говорю, что был он вынужден, желая жить с ней в мире, помочь тестю выдать замуж других его дочерей, что стоило ему огромных денег. Засим, ради ее удовлетворения, ему пришлось снарядить одного шурина в торговую поездку на Восток с тонкими тканями, а другого — на Запад с плотными сукнами, да еще помочь третьему открыть золоточеканную мастерскую, на каковые предприятия истратил он большую часть своего состояния. Помимо того, во время карнавала и в День святого Иоанна, когда весь город, по древнему обычаю, предается празднествам и многие знатные и богатые горожане задают пиры на славу, монна Онеста, дабы не отстать от других дам, желала, чтобы ее Родериго превосходил всех роскошью своего гостеприимства. Все это, по указанным выше причинам, нес он покорно, и даже тягчайшее бремя не показалось бы ему тяжелым, лишь бы только принесло оно мир его дому и мог он спокойно дожидаться срока своего разорения. Но случилось обратное, ибо вместе с непосильными расходами нестерпимый характер жены причинял ему бесконечные беспокойства, и не находилось ни раба, ни слуги в его доме такого, чтобы не то что долгое время, а и несколько дней мог бы вытерпеть. Отсюда проистекали для Родериго тягчайшие затруднения, ибо он не мог найти себе верного и преданного раба, и, равно как и прочие слуги, даже те дьяволы, что сопутствовали ему в качестве его челяди, предпочли лучше вернуться в огонь преисподней, нежели жить в этом мире под ее владычеством.

В таких тревогах и беспокойствах своей жизни, растратив уже беспорядочными расходами и ту движимость, что у него сохранилась, Родериго стал жить надеждой на выручку, что ожидал с Запада и с Востока. Пользуясь все еще хорошим кредитом, дабы не уронить своего достоинства, он занял деньги под проценты, но, имея уже за спиной большие долги, требовавшие уплаты, он скоро попал на отметку тем, кто занимался подобными же денежными операциями. Когда дела его уже совсем висели на волоске, с Запада и с Востока пришли внезапно известия, что один из братьев монны Онесты проиграл все имущество Родериго, а другой, возвращаясь на корабле, нагруженном его товарами, и ничего не застраховавав, утонул вместе с ним. Не успели эти новости стать известными, как кредиторы Родериго, собравшись на совещание, рассудили, что он разорен, и так как обнаружиться это еще не могло, поскольку срок уплаты им еще не наступил, положили, что следует учинить за ним бдительное наблюдение, дабы, от слов к делу, не бежал он тайком. Родериго же, со своей стороны, не видя, чем помочь беде, и памятуя о своих обязательствах перед законами преисподней, решил бежать во что бы то ни стало. Однажды утром, сев верхом на лошадь, выехал он через ворота Пра-то, неподалеку от коих жил; не успела разнестись весть о его отъезде, как шум поднялся среди его кредиторов, которые не только потребовали скороходов у власти, но и сами всей толпой бросились его преследовать. Родериго не отъехал и на милю от города, как услышал за собой шум погони, и потому, рассудив, что ему несдобровать, решил, чтобы скрыть свое бегство, съехать с дороги и пуститься наудачу по полям. Но из-за множества канав, пересекавших всю местность, он не мог продолжать свой путь верхом и, оставив коня на дороге, побежал пешком с поля на поле, по виноградникам и камышам, коими изобилует эта местность, пока не достиг выше Перетолы хижины Джованни Маттео дель Брикка, арендатора земли Джованни дель Бене; по счастью, он застал дома Джованни Маттео, который задавал корм волам, и, назвав себя, обещал ему, что ежели он спасет его из рук врагов, преследующих его, чтобы уморить в темнице, то он обогатит его, в чем при прощании даст ему верное ручательство; в противном же слу-

чае согласен, чтобы он сам выдал его в руки врагов. Хотя и крестьянин, был Джованни Маттео человек храбрый и, рассудив, что не прогадает, согласившись его спасти, дал ему в том обещание; спрятавши его в навозной куче перед своей хижинкой, он прикрыл его камышом и соломой, заготовленными им на топливо. Не успел Родериго укрыться, как явились его преследователи и угрозами могли лишь добиться от Джованни Маттео, что видеть его он видал, только и всего.

Лишь только шум утих, Джованни Маттео, вытащив Родериго из убежища, где тот находился, потребовал от него исполнения данного слова. На что Родериго ответил:

— Брат мой, ты оказал мне великую услугу, и я желаю тебя всячески отблагодарить; а чтобы ты убедился в том, что я могу это сделать, скажу тебе, кто я такой.

И тут он рассказал ему все о себе самом, и об обязательствах, принятых им на себя при выходе из ада, и о своей женитьбе; а затем сообщил ему способ, каким намеревался его обогатить и состоявший в следующем: как только Джованни Маттео услышит о какой-либо бесноватой, пусть знает, что вселился в нее не кто иной, как он сам своею собственной персоной, и не выйдет из нее, пока тот не явится изгнать его, что даст ему случай потребовать любой платы от ее родителей. Порешив на том, они распростились, и Родериго пустился своей дорогой.

Прошло не много дней, как по всей Флоренции разнесся слух, что дочь мессера Амброджо Амедеи, выданная замуж за Буонайуто Тебальдуччи, одержима бесом. Родители применили все средства, какие в подобных случаях применяются: возлагали ей на голову главу святого Зиновия и плащ святого Иоанна Гуальбертийского, но все это вызвало лишь издевательства со стороны Родериго. И дабы каждому стало ясно, что болезнь девушки имела причиной злого духа и не была плодом фантастического воображения, он говорил по-латыни, рассуждал о философских предметах и разоблачал прегрешения многих; среди прочих разоблачил он грех одного монаха, который в течение более четырех лет держал в своей келье женщину, переодетую монашкой; все это вызывало всеобщее изумление. Был поэтому в большом горе мес-

сер Амброджо и, тщетно испытав все средства, потерял уже всякую надежду на ее излечение, когда Джованни Маттео явился к нему и пообещал исцелить его дочь, ежели он даст ему пятьсот флоринов на покупку имения в Перетоле. Мессер Амброджо принял условия; тогда Джованни Маттео, приказав прежде всего отслужить обедню, после разных обрядов, чтобы пустить пыль в глаза, наклонился к уху девицы и сказал:

— Родериго, вот я явился к тебе, чтобы ты сдержал свое обещание.

На что Родериго ответствовал:

— Превосходно, но сего недостаточно, чтобы обогатить тебя; посему, удалившись отсюда, я войду в дочь Карла, короля Неаполитанского, и не выйду из нее без твоего вмешательства. Потребуй себе тогда какого хочешь вознаграждения и больше уж не беспокой меня.

С этими словами он вышел из нее, на радость и удивление всей Флоренции.

Не прошло после того много времени, как по всей Италии разнесся слух о таком же происшествии с дочерью короля Карла; не получив никакой действительной помощи от монахов и прослышав о Джованни Маттео, король послал за ним во Флоренцию, и тот, прибывши в Неаполь, после нескольких мнимых обрядов исцелил ее. Но Родериго, прежде чем удалиться, сказал:

— Видишь, Джованни Маттео, я сдержал свое обещание обогатить тебя, и посему, расплатившись с тобой, я больше ничего тебе не должен. Итак, постарайся отныне не попадаться мне на пути, потому что ежели я тебя до сих пор благодетельствовал, то впредь тебе от меня не поздоровится.

Возвратившись во Флоренцию богатым-пребогатым, потому что получил от короля более пятидесяти тысяч дукатов, Джованни Маттео думал тихо и мирно наслаждаться своим богатством, не помышляя о том, чтобы Родериго чем-либо собирался повредить ему. Но мысли его были внезапно смущены пронесшимся слухом, что одна из дочерей Людовика VII, короля Французского, одержима бесом. Эта новость взволновала всю душу Джованни Маттео, сразу подумавшего о могуществе сего короля и о сло-

вах, сказанных ему Родериго. И действительно, не находя средства излечения дочери и прослышав о силе, какою обладал Джованни Маттео, король сперва просто послал своего скорохода за ним; но когда тот сослался на некоторое нездоровье, король был вынужден обратиться к Синьории, и та заставила Джованни Маттео повиноваться. Безутешный, отправился он в Париж и первым делом доложил королю, что все это так: ему случилось в прошлом излечить нескольких бесноватых, но это не значит, что он умеет или может исцелить всякую; ибо встречаются бесы столь упорные, что не боятся ни угроз, ни заклинаний, ни религиозных обрядов; но со всем тем он готов исполнить свой долг, если же его постигнет неудача, просит уж не взыскать и простить его. На что король, вознегодовав, ответствовал, что ежели он не исцелит его дочери, то будет повешен. Великая скорбь охватила Джованни Маттео; однако, собравшись с духом, велел он привести бесноватую и, наклонившись к ее уху, смиренно обратился к Родериго, напомнив об оказанном ему благодеянии и указав, какую проявит он неблагодарность, ежели не поможет ему в такой крайности. На что Родериго ответствовал:

— О вероломный негодяй! Как осмеливаешься ты предстать предо мною? Вздумал ты похвалиться, что ли, что разбогател с моей помощью? Вот покажу я тебе и каждому, как умею и я дарить и отнимать дареное по своей прихоти. Не уйти тебе отсюда, миновав виселицу.

Тут Джованни Маттео, не видя для себя выхода, решил попытать счастья другим путем и, велев увести одержимую, обратился к королю с такими словами:

— Государь, как доложил я тебе, бывают духи столь злобные, что с ними добром ничего не поделаешь, и сей один из таких, посему хочу я сделать последний опыт, и, ежели удастся он, ваше величество и я будем довольны, а не удастся — так предаю себя в твои руки и прошу лишь о сострадании к моей невинности. Прикажи посему на площади Богоматери Парижской построить большой помост, такой, чтобы разместить на нем всех твоих баронов и все городское духовенство, прикажи украсить помост шелками и парчой и соорудить посредине его алтарь; в ближайшее воскре-

сенье утром ты явишься туда с духовенством, вкуче со всеми твоими князьями и баронами, со всей королевской пышностью, в блестящих и роскошных одеяниях и, по совершении торжественной обедни, прикажешь привести бесноватую. Кроме сего, пусть с одной стороны площади соберутся не менее двадцати музыкантов с трубами, рогами, волынками, тарелками, кимвалами и всякими другими шумовыми инструментами и, как только я подниму шапку, громко заиграют на них и двинутся по направлению помоста. Все сие вместе с некоторыми другими тайными средствами, думаю, заставит удалиться сего духа.

Король тотчас же распорядился обо всем, и, когда наступило воскресное утро и помост наполнился важными особами, а площадь — народом и была отслужена обедня, одержимая была приведена двумя епископами в сопровождении многих придворных. Увидев такое количество собравшегося народа и такие приготовления, Родериго чуть не обомлел и сказал про себя: «Что еще выдумал этот негодяй? Думает он, что ли, запугать меня всей этой пышностью? Не знает он разве, что я довольно навидался и небесной славы, и адских ужасов? Достанется же ему от меня!» И когда Джованни Маттео приблизился и попросил его выйти вон, он сказал ему:

— Ого! Хороша твоя выдумка! Чего ты думаешь добиться всеми твоими приготовлениями? Думаешь ты, что ли, избежать этим моей власти и королевского гнева? Мужик проклятый, не миновать тебе виселицы!

И когда он продолжал поносить его упреками и бранью, Джованни Маттео решил не терять больше времени и подал знак шапкой; тотчас же все, отряженные на производство шума, заиграли на своих инструментах и, громыхая так, что небеса содрогнулись, двинулись к помосту. На такой шум Родериго наострил уши и, не понимая, что происходит, и весьма изумляясь, совсем растерявшись, спросил у Джованни Маттео, что сие означает. На что Джованни Маттео в полном смущении отвечал:

— Беда! Милый ты мой Родериго, ведь то жена твоя Онеста идет за тобой.

Нельзя и представить себе, какой переполох в голове Родериго вызвало одно упоминание имени его жены; так он переполо-

шился, что, и не задаваясь мыслью о том, возможно ли и допустимо, чтобы то была она, не думая о возражениях, в ужасе обратился в бегство, покинув девицу, и предпочел скорее вернуться в ад и отдать там отчет в своих действиях, нежели снова наложить на себя супружеское ярмо со всеми сопряженными с ним хлопотами, досадами и опасностями. Итак, Бельфагор, возвратившись в ад, поведал о всем том зле, что приносит с собой жена в дом мужа, а Джованни Маттео, который знал про то лучше самого дьявола, веселый вернулся домой.

СТИХОТВОРЕНИЯ

О НЕБЛАГОДАРНОСТИ

Меня, Джованни Фольки, Зависть гложет,
и я, в себе страдальца углядев,
еще сильнее бы мучился, быть может,

когда бы только струн моих напев,
которым Музы внемлют благосклонно,
глухими оставлял кастальских дев.

Не то чтоб верил я самовлюбленно,
что я лавровый получу венок
и покорю вершину Геликона:

я понимаю — этот путь далек,
и мне к заветной не взойти вершине,
затем что свой я знаю потолок.

И все-таки меня ведет поныне
желание сорвать листок-другой
с кустов, которых множество в долине.

Итак, пою, чтоб совладать с тоской,
чтобы к душе не подпустить невзгоды,
что бешено вослед бегут за мной.

О том, как я, служа, потратил годы,
хочу поведать, и о том, что бред —
в песке посеяв, уповать на всходы.

Когда — на подвиги людей в ответ —
у звезд и неба лопнуло терпенье,
Неблагодарность родилась на свет.

Ее, дочь Скупости и Подозренья,
вскормила Зависть, и сердца князей
и королей теперь ее владенья.

Там воцарив, сердца других людей
Неблагодарность яростно пятнает
слюною ядовитою своей.

Повсюду это зло себя являет,
кормилице неистовой под стать,
что все клыками злобными пронзает.

И если баловнем судьбы считать
себя сначала привыкает кто-то,
он скоро станет на судьбу пенять,

когда увидит, сколько пролил пота,
слугою разрываясь на куски,
и, чтобы горечь своего просчета

смягчить, запишется в клеветники
и ненависти волю даст излиться.
О, эти неумные стрелки!

В груди у них не сердце, а бойница,
где три стрелы, одна страшней другой,
всегда готовые в кого-то впиться.

Тот, кто настигнут первою стрелой,
приемлет в жизни лишь благоденья,
доволен благодавцем и собой.

Вторая гонит прочь воспоминанья
о благодавце, но при этом он
еще не стал предметом поруганья.

А человек, что третьей поражен,
как может благодетеля изводит,
неистовою злобой ослеплен.

Две первые по силе превосходит
последняя — смертельная — стрела,
что, в цель впиваясь, до костей доходит.

Живучей нет на белом свете зла:
бессмертен как-никак его родитель
и мать свой век еще не отжила.

Я повторяю, что любой правитель
отравлен им, но более стократ —
народ, коль скоро он и есть властитель.

Его с особой яростью разят
все три стрелы, хотя по всем приметам
святые вроде наверху сидят.

Другие зависти полны при этом,
и всюду им мерещится обман,
и уши их открыты всем изветам.

И добрый гражданин как истукан
стоит над тем порою, что взрастила
земля нежданно из его семян.

Италия покой и сон забыла,
как только сталь пунических мечей
пришельцев римской кровью напоила,

но муж божественный родился в ней,
ниспослан небом, — белый свет поныне
с тех пор не видывал таких мужей.

Еще мальчишкой в битве на Тицине
он грудью собственной прикрыл отца,
явив пример бесстрашия дружине.

Уже почти ни одного бойца
под Каннами у римлян не осталось,
но это не смутило храбреца.

Народ устал, отчизна исстрадалась,
и войско Рим в Испанию послал,
чтобы за все с врагами рассчиталось.

И как пред ним Сифакс не устоял,
так карфагенян дрогнули порядки,
и оказался битым Ганнибал.

Бежал великий варвар без оглядки
от италийских боевых знамен,
разбитый в пух и прах в последней схватке.

Оттуда вместе с братом Сципион
явился в Азию, где, как известно,
триумфа нового добился он.

И где бы ни бывал он, повсеместно
он доблести пример являл собой
и никогда не действовал бесчестно.

Какой язык воздаст ему с лихвой?
Откуда новый Сципион возьметсЯ?
О римляне, что знали век благой!

Немеркнущая слава полководца
для каждого с тех пор пример того,
какой она ценою достается.

До наших дней еще никто его
ни благородством не затмил, ни силой.
Нет, с ним сравнить нельзя ни одного

из тех, кто жив, и тех, кто взят могилой
в былые или в наши времена.
Однако Зависть зубы обнажила,

своей природе до конца верна,
и с той поры со Сципионом рядом,
где б ни был он, всегда была она.

Она его сверлила злобным взглядом,
натравливала на него народ,
и жизнь для Сципиона стала адом.

И он, поняв, куда злодейка гнет,
склонился к добровольному уходу,
решив, что он без Рима проживет.

Он понимал — его или свободу,
одно из двух утратить должен Рим,
но отплатил жестокому народу

и Риму завещанием своим:
он праху своему в гнездо родное
отрезал путь, чтоб отомстить живым.

Замкнулось для него кольцо живое
вдали от Рима, чей великий сын,
одно посеяв, он пожал другое.

Но Рим неблагодарный не один.
В неблагодарности ему далеко,
как от земли до неба, до Афин.

Они достойны большего упрека:
закон и тот не воздвигал преград
распространению этого порока.

В безумье впав, решил великий град,
что от добра добра искать не надо,
и не вперед пошел — пошел назад.

И участь Фокиона, Мильтиада
и Аристида смертным говорит
о том, какою может быть награда

за добрые деянья: кто убит,
кому изгнание, кому темница,
и всем на голову позор и стыд.

Достаточно великим оступиться,
чтоб тут же чернь забыла, впав в обман,
что на таких людей должна молиться.

Злословие и клевета — дурман:
поверит честный злему измышлению,
и в нем проснется истинный тиран.

Иной смекнет, что станет сам мишенью
неблагодарности, коль скоро он
и дальше плыть намерен по течению.

С подобной мыслью Цезарь сел на трон,
тираном был он злобным и жестоким,
но справедливым для своих времен.

Мы обратились к временам далеким,
однако наши тоже хороши,
о чем известно даже недалеким.

За помощь Баязет от всей души
с Ахмет-пашою вскоре рассчитался,
смерть в петле выбрав для Ахмет-паши.

Гонсальво с галлами как лев сражался,
но, заподозрен в помыслах худых,
с короной вице-короля расстался.

Немного средь владык найдешь таких,
что были бы к поэтам благосклонны,
которые описывают их.

Кто изменял нелепые законы,
изгнанье или смерть взамен нашел,
как тот, кто помогал спасти короны.

На помощь ты правителю пришел,
а этот трус дрожит, подозревая,
что сам ты метишь на его престол,

и страх слепой, его обуревая,
растет, другие чувства победив
и ничего тебе не предвещая

хорошего за добрый твой порыв,
и не дает покоя властелину,
покуда ты, неосторожный, жив.

И есть тебе за что ругать судьбину,
за что возненавидеть белый свет, —
конечно, если нож не всадят в спину.

Не умерла Неблагодарность, нет.
Держитесь, люди, от владык подале,
пока себе не причинили вред

и все, что вы нашли, не потеряли.

О ФОРТУНЕ

Джован Баттисте Содерини

Где взять слова, какие выбрать струны,
чтоб о Фортуне в песне рассказать,
о том, как все зависим от Фортуны

и, на себе неся ее печать,
вдруг начинаем видеть в мрачном цвете
то, что привыкли розовым считать?

Поверь, Джован Баттиста, нет на свете
страшней ее ударов ничего, —
запомни хорошенько строки эти.

Коварнейшее это существо
издревле сильных от природы било,
свое доказывая торжество,

и только исключительная сила
Фортуне может дать победный бой, —
иначе будет все, как прежде было.

Мои стихи вниманьем удостой,
и если не уснешь на середине,
удачным я сочту подарок свой.

И пусть, пока стихи еще в зачине,
Фортуна знает — речь о ней пойдет:
бессмысленно таиться от богини.

Я знаю, сколько у нее хлопот,
но я надеюсь, что она согласна
помочь тому, кто про нее поет.

По мнению большинства, она всевластна,
затем что рано или поздно всяк
поймет, насколько с ней шутить опасно.

Достойных ущемляя так и сяк,
она ничтожных двигает в титаны.
Не верь злодейке — попадешь впросак.

Она переустраивает страны
и, обирая праведных людей,
дает бесчестным набивать карманы.

Известная капризностью своей,
она возводит всякий сброд на троны,
и даже время подчинилось ей.

Не для Фортуны писаны законы:
кого-то обласкав, она потом
любимцу ставит бывшему препоны,

а тех, кто у нее под колесом,
она вконец расплющить не стремится,
всегда непостоянна и во всем.

Никто не знает, от кого родиться
она могла, однако не секрет,
что даже Зевс и тот ее боится.

Никто не натолкнется на запрет,
порог ее дворца переступая,
но выхода назад для многих нет.

Вокруг дворца всегда толпа густая:
со всех сторон к нему спешит народ,
увидеть нечто новое мечтая.

Хозяйка наверху пришельцев ждет
и как бы говорит «Любуйся мною»
любому, кто к дворцу ни подойдет.

Она двулика: то глядит с мольбою,
то, лик другой оборотив, грозна,
но может притвориться и слепую.

К входящим благосклонности полна,
выслушивая их, но смотрит косо
на тех, кто хочет выбраться, она.

В ее дворце вращаются колеса —
их ровно столько, сколько и путей
к тому, на что у смертных столько спроса.

И вздохи слышатся, и брань людей,
что испытали так или иначе
Фортуны власть, и чем они сильнее,

и чем влиятельней, и чем богаче —
тем яростней богино костерят,
когда не знают в чем-нибудь удачи,

виня ее впаад и невпаад,
а если все благополучно, что же,
себе успех присвоить каждый рад.

С Фортуной следует держаться строже,
и этому учиться надлежит
не у кого-нибудь — у молодежи.

Страх на полу поверженный лежит, —
и вот Раскаянье грозит войною,
и Зависть тоже мира не сулит.

И лишь Нежданность девушкой простою
расхаживает, мрачности чужда,
среди колес и шутит над толпою.

Колеса эти крутятся всегда:
по воле неба их, не уставая,
вращают дружно Праздность и Нужда.

Одна — для мира бич, зато вторая
все в равновесие приводит в нем,
терпением завидным обладая.

Обман и Ростовщичество вдвоем
блаженствуют, и Щедрость рядом с ними
надломленным глядится существом.

Уставясь вниз глазами пустыми,
сидят над входом Случай и Судьба,
рожденные к тому же и глухими.

Здоровье, слава, пышные хлеба —
награда, ну а если ты в опале,
болеи, не ешь, не разгибай горба.

Не ведают ни горя, ни печали
Фортуны баловни, но не везет
тем горемыкам, что в немилость впали.

Себе советчик наилучший тот,
кто колесо себе согласно воле
колдуньи этой древней подберет —

одно из множества колес, тем боле
что если ты противоречишь ей,
едва ли ты дождешься лучшей доли.

Но связывать надежд не стоит с ней,
не верь, что от ударов увернешься
и от ее клыкастых челюстей:

все хорошо, покуда ты несешься,
держась на тыльной части колеса,
но миг — и ты на полпути сорвешься.

Не вздумай уповать на чудеса.
Перевернешься вместе с ним? Пустое.
Тут новшеств не потерпят небеса.

Но если так, то самое простое —
менять колеса: сбросило одно —
не падай духом, облюбуй другое.

Однако смертным это не дано:
во власти некой силы неизменно
мы пребываем. Так заведено.

Все, что на свете существует, бrenно.
Вот почему, бессмертием горда,
Фортуна с нами держится надменно.

Коль скоро каждому нужна звезда,
любой Фортуны в звезды взять стремится,
подлаживаясь под нее всегда.

Она собой не на словах гордится, —
по стенам фрески яркие видны:
что ни стена — победная страница.

На фреске, что глядит с одной стены,
история Египта отразилась
во времена далекой старины,

когда Египта власть распространилась
на мир, и мир на свете воцарил,
пока внезапно все не изменилось:

Фортуне вдруг Египет стал немил,
и вот Ассирия на первом плане —
пока черед мидян не наступил.

Но персам уступили власть мидяне,
а персы грекам, чтоб затем и им
в немилость впасть, как все другие ране.

Недолго Мемфис был непобедим,
и Вавилон, и Троя, и Афины,
и Карфаген со Спартою, и Рим.

Когда-то это были исполины,
но в жертву их Фортуна принесла
врагам, о чем и говорят картины.

Здесь отразились громкие дела
прославленной Империи Священной,
что мир концом бесславным потрясла.

Как быстрый ток, могучий, дерзновенный,
все на своем пути, не зная сна,
сметает, исходя кипящей пеной,

меняя берега и профиль дна
и сотрясаться землю заставляя
там, где волну преследует волна, —

так и Фортуна, норы свой являя,
меняет ход вещей во все века,
его своим капризам подчиняя.

Узнаешь Цезаря издалека,
и Александр предстанет пред тобою
в обличье Цезарева двойника,

и станет ясно пред картиной тою,
что для Фортуны выше всех похвал,
кто с ней бесцеремонен, как с женою.

Но одному не довелось причал
желанный узреть, а другой до срока
у ног убитого врага упал.

Фортуна с ними обошлась жестоко,
чтоб наземь падать было им больней,
их вознеся высоко-превысоко.

Убийцей обезглавленный Помпей
и Кир покоятся с другими рядом,
при жизни возвеличенными ей.

Когда-нибудь ты провожал ли взглядом
орла, что мчится в вышине стремглав,
подхлестываемый жестоким гладом?

Ты видел, как он, высоту набрав,
о камне разбивает черепаху,
в полете когти острые разжав?

Так и Фортуна, вознеся, с размаху
швыряет злобно оземь свой улов,
безумно радуясь чужому краху.

Увидишь дальше ты, как из низов
она выводит в люди благосклонно,
чтоб жертву вниз швырнуть в конце концов,

как Мária она и Цицерона
то возвеличивать начнет опять,
то развенчает вновь бесцеремонно.

Недолго довелось торжествовать
счастливым и не довелось дожждаться,
чтоб колесо вращаться стало вспять.

А с тыльной стороны пустяк сорваться.

КАРНАВАЛЬНЫЕ ПЕСНИ

**Поют бесы,
изгнанные с неба**

Мы ангелами были, но изгнали
за гордость с неба нас,
и вот мы этот город ваш избрали,
где и царим сейчас,
поклонники разлада,
здесь, где во много раз
страшнее муки, чем в глубинах ада.

Мы постарались, чтоб войну, и голод,
и кровь весь мир узнал,
чтоб люди испытали жар и холод,

и к вам на карнавал
спешим сегодня снова,
начало всех начал,
любого зла извечная основа.

Не правда ли, премилая картина?
Плутон — и рядом с ним
прекраснейшая дама, Прозерпина.
Амур непобедим,
и он помог Плутону,
Плутон неутомим
и жить зовет по своему закону.

И радости влюбленных, и невзгоды
зависят испокон
от нас: и смех, и плач — одной природы.
Пусть каждый, кто влюблен,
предастся нашей воле:
не прогадает он,
а мы, противники добра, — тем боле.

**Поют, полные отчаянья,
влюбленные и дамы**

Влюбленные, отчаянью поверьте,
услыша скорбный глас:
в ужасную обитель, в бездну черти,
ликуя, тащат нас.
Мы были так несчастны, что сейчас
нам от возлюбленных бежать угодней
и спрятаться от них хоть в преисподней.

Мольбы в слезах, протянутые руки —
ничто не помогло:
им доставляли радость наши муки,
торжествовало зло.

И мы остыли, было — и прошло,
и кажется минувшее уроком
нам в новом рабстве, менее жестоком.

Д а м ы

Мы вас не меньше, не слабей любили,
но, охраняя честь,
обязаны, любя, таиться были,
нам оправданье есть.
Как можно это оскорбленьем счесть?
Но обречен на адские мученья,
в ком больше нетерпенья, чем терпенья.

Невыносимо расставаться с вами,
недуг неизлечим!
И музыкой и нежными словами
мы демонов смягчим,
мы будем петь за песней песню им,
чтоб вас на волю отпустили или
и нас в свои владенья прихватили.

В л ю б л е н н ы е

Вы опоздали с вашим состраданьем,
признаться вам должны.
Кто кается с подобным опозданьем,
не умалит вины.
Мы остаемся в лапах сатаны,
и нам забота ваша непонятна:
ведь мы избрали то, что нам приятно.

Д а м ы

Зачем, когда к любви мы понуждали
любезного дружка,
мы скромности в себе не побеждали?

Не пужно ждать, пока
несчастному в аду памнут бока:
повинную в мучениях другого
накажут небеса равно сурово.

Поют блаженные духи

Мы ангелы, мы духи
из горнего предела,
где ваши злоключения видны
и вечные разрухи,
когда ничтожный повод то и дело
становится сигналом для войны.
Неправых мы должны
призвать, чтобы оружие сложили
и мирно, как Всевышний учит, жили.

Лихие испытанья
влачащих дни земные,
несчастья, от которых жить невмочь,
и слезы и роптанья,
когда невзгоды злые
не отпускают, не уходят прочь,
и стоны день и ночь
не молкнут, крики боли и досады,
и каждый просит для себя пощады, —

сие противно Богу
и всем, кого наставил
он искру человечности беречь:
он к вашему порогу
сегодня нас направил
о правом гневе вас предостеречь,

тем более что речь
идет о Божьей пастве, — но, быть может,
ее исправить новый пастырь сможет.

Чужая воля рада
унизить край, в котором
законы родились для многих стран,
а вы в пылу разлада
дань платите раздорам,
что только облегчают вражий план.
И неспроста султан
оружие нетерпеливо точит:
завоевать просторы ваши хочет.

Обрушьте силу длани
на злого супостата,
чтоб защитить народ несчастный свой.
Не ссорьтесь, христиане, —
бедою рознь чревата,
опомнитесь и розни вековой
победный дайте бой:
в огонь, увы, лишь подливает масла,
в ком искра сострадания погасла.

Пускай не будет страха,
вражды и дикой злобы,
пускай уйдут жестокость, алчность, спесь,
чтобы восстать из праха
достоинству и чтобы
мир к первым дням своим вернулся днесь:
и честь пребудет здесь,
и людям, добродетель берегущим,
откроются пути к небесным кущам.

Поют пустыnnики

Смирeнные пустыnnики, монахи,
мы к вам спустились с гор,
затем что вам астрологи пророчат
великие, как мы узнали, страхи
и грозный приговор
погибели всему на свете хочет,
когда подлунной прочит
лихие времена:
чума, потоп, война,
землетрясeнья, бури, разорeньe
постигнут мир, как светопреставлeньe.

Гадатели в особенности склонны
предвидеть, что вода
покроет мир. Но успокойтесь, тише!
Коль скоро вам, любезнейшие жены,
приятно быть всегда
внизу, служа всему тому, что выше,
остаться без крыши
пусть ни одна из вас
не вздумает как раз
сейчас, перед началом карнавала.
Кто смотрит по-другому — смыслит мало.

Пусть это будет не вода, а слезы
тех, кто у вас в плену,
и пусть любовными пребудут войны,
землетрясeнья, разорeнья, грозы,
чтоб вам себе в вину
не ставить стрел, что ваших глаз
достойны, —
недаром мы спокойны,
Всевышнего любя,

за вас, как за себя.

К тому же кто воочью видел беса,
не придает ему большого веса.

Но если б за грехи воздать сурово
и мести мир обречь
хотело небо, воле Фаэтона,
чтоб все живое сжечь,
оно златую колесницу снова
доверило бы, как во время оно.
Огонь воде препона —
и вам не быть на дне:
пекитесь об огне,
хоть эта кара пострашнее будет,
коль скоро небо по проступкам судит.

Но если ложь вы примете на веру,
перебирайтесь к нам
и на горе справляйте новоселье,
чтоб жить в скитах по нашему примеру,
тем паче дождь горам
не страшен — он стекает вниз, в ущелье.
У нас царит веселье
не хуже, чем везде,
и можно о дожде
забыть: ведь тем, кто сверху взгромоздится,
внизу, под ними, не страшна водица.

**Поют торговцы
сосновыми шишками**

Всем шишкам шишки! Шишки просто чудо!
Орешки так и сыплются оттуда.

Поверьте, дамы, шишка — редкий плод:
ее ни град, ни ливень не проймет.

Любой орешек положите в рот —
и масло брызнет, словно из сосуда.

Едва успев на дерево залезть,
бросаем шишки вниз — по пять, по шесть,
а если кто еще захочет съесть,
чуть потерпи — и станет больше груды.

Иная просит муженька: «Вон ту!» —
и ловит шишку прямо на лету,
а пригласишь ее на высоту —
надует губки: что, мол, за причуда.

Есть вещи, может быть, и поважней,
но ты на шишки денег не жалея,
к себе покупку прижимай сильнее:
утащат шишку — то-то будет худо.

В одной орешков больше, чем в другой;
хозяйки, подходите за любой,
товар не залежится ходовой!
Коль денег нет, берите так покуда.

В терпенье нашем — торжества залог:
дабы орешек выскользнуть не мог,
нацеливай получше молоток —
и ядрами наполнится посуда.

Любовный пробуждая аппетит,
товар на вкус не хуже, чем на вид,
и перед ним никто не устоит:
нежнее не найти на свете блюда.

Поют заклинатели змей

Мы заклинаем змей, а если надо,
и от змеиного спасаем яда.

Мы от святого Павла род ведем,
неблизко, дамы, наш родимый дом,
но как не задержаться здесь при том,
что вашей чуткой ласке сердце радо?

У всех у нас внизу природный знак,
чем больше он, тем больший ты мастак,
и чтобы даме убедиться, как
щедра природа к нам, довольно взгляда.

Дабы из вас любая поняла,
что вам от наших змей не будет зла,
хотим, чтобы на пользу вам пошла
наука, нам известная измлада.

Попробуйте медянку распалить,
дразните, не давайте ей остыть, —
она покажет вам такую прыть,
что для нее и латы не преграда.

Угрюмый аспид — не змея: дракон.
И спереди, и сзади жалит он,
но спереди не так велик урон,
хотя и страх берет при виде гада.

У ящерицы этой вкус такой,
что дамы не смутят ее покой,
ей больше облик нравится мужской,
она у нас особенного склада.

Тут ящерки у нас припасены,
что нападают тайно со спины:
они сначала вроде не страшны,
а после — больно и берет досада.

А этот змей, как видите, растет,
сожми его — из пальцев ускользнет,
однако на поверку он не тот,
надолго не хватает в нем заряда.

Такой змее залечь всего милей
на травке или в ямке меж камней,
а этот бойкий исполинский змей
болото ищет — как-никак громада.

Присесть хотите — бросьте взгляд вокруг,
чтоб вам змея не причинила мук,
предательски набросившись, — а вдруг
поблизости змеиная засада!

Коль скоро змей хотите не робеть,
сие вино попить полезно впредь
и этот камень при себе иметь,
да не терять — беречь превыше клада.

Спасибо чарам, камню и питью,
теперь вы силу знаете свою
и чем крупнее встретите змею,
тем большей вам покажется награда.

СТРАМБОТТИ

1

Надеюсь — и надежда муку множит,
лью слезы — нет без этого ни дня,
смеюсь — но смех в душе звучать не может,
пылаю — но не увидеть огня,
что вижу, слышу, — все меня тревожит,
все болью новой мучает меня:

горю надеждою, смеюсь сквозь слезы,
что зрю и внемлю, — все полно угрозы.

2

У всех опасных тварей злой расчет:
змея в траве скрывается умело,
пчела скрывает жало в свой черед,
покуда на врага не налетела,
пантера морду спрятать предпочтет,
красивое показывая тело.
Твое лицо — лишь маска доброты:
в груди своей жестокость прячешь ты.

СОНЕТ

Когда бы миг не думать мне о вас,
я этот миг благословлял бы годы.
Сердечной бы не ведал я невзгоды,
когда бы вас признанием потряс.

Когда бы я, невольник ваших глаз,
мог верить вам, я б не желал свободы,
и в этом роца верит мне, чьи своды
внимали жалобам моим не раз.

Мы говорим: «Конец», — теряя сына,
богатство, трон, смотря былому вслед.
Всему бывает в свой черед кончина.

Увы, зачем родился я на свет!
Мне только плакать — вы тому причина,
и нет слезам конца, и веры нет.

К ДЖУЛИАНО ДИ ЛОРЕНЦО МЕДИЧИ

I

В колодках ноги, плечи вперехват
шесть раз веревкой толстой обмотали...
Про остальные умолчу детали.
Поэтов ныне чтут на новый лад!

Огромные, что бабочки, кишат
вши на стенах, и так, как здесь, едва ли
воняло после битвы в Ронсевале,
и на сардинских свалках меньше смрад.

Засовы громыхают беспрестанно,
как будто рядом ударяет гром
и ожил кратер близкого вулкана.

Одних выталкивают из хором,
других приводит злобная охрана,
а третьи вопиют под потолком.

Когда б еще притом
чуть свет священник не будил словами:
«Я к вам пришел, дабы молиться с вами».

Что ж, виноваты сами!
Пусть подышают в петле. В добрый час!
А я помилованья жду от вас.

II

Быть может, Музы к вам найдут подход,
божественным умиловивив пеньем,
и, вашим заручась расположеньем,
расплавят в сердце Джулиано лед.

Но что я слышу? «Кто меня зовет?» —
одна из Муз спросила с возмущеньем.
И я ответил ей с большим почтеньем,
однако мне она заткнула рот.

«Как смел ты именем чужим назваться?
Ты связан по рукам и по ногам,
и ты наверняка зовешься Даццо».

Я возразить хотел таким словам,
но мне она велела убираться,
безумцем обозвав, ко всем чертям.

И я взываю к вам:
удостоверьте, что и в самом деле
мне имя — Никколо Макьявелли.

К ДЖУЛИАНО ДИ ЛОРЕНЦО МЕДИЧИ

Я Вашему Великолепью шлю
немного дичи — скромный дар, не скрою, —
чтоб о себе, обиженном судьбою,
напомнить вам. Увы, за что терплю?

Коленопреклоненно вас молю:
тому, кто брызжет на меня слюною,
заткните глотку этою едою,
чтоб злую клевету свести к нулю.

Возможно, мне заметит Джулиано,
увидев дар, что я не прав и тут,
что тощий дрозд — не пища для гурмана.

Но ведь Макьявелли тоже худ, —
скажу в ответ, — однако, как ни странно,
наветчики меня со вкусом жрут.

Прошу не счесть за труд
ощупать птиц, и вы поймете сразу,
что лучше доверять рукам, чем глазу.

ЭПИГРАММА

Пьер Содерини жил на белом свете,
и вот душа его явилась в ад,
но тут Плутон вскричал: «Ступай назад,
в преддверье ада, где другие дети!»

ЗОЛОТОЙ ОСЕЛ

Глава I

Немало горя, муки и печали,
Ослон оборотясь, изведал я,
О чем и повествую. Но вначале

Читателям открою не тая,
Что голос мой — не Фебова рулада
Строка — не Геликонова струя,

Засим, что гармонического лада
Уж нет у стихотворцев, а ослон
Подобного тем более не надо.

И, написав свою поэму сам,
От ругани я не утрачу духа
И похвалам значенья не придам.

Уж если человеческое ухо
Не слышит голоса разумных нот,
Ослиное-то к ним тем паче глухо.

И пусть осла хозяин палкой бьет,
Ослиное упрямство только гаже:
Мол, сделаю как раз наоборот.

О том поговорим еще, пока же
Скажу: явил в обличии осла
Премного я и норова и блажи.

Хмельной воды напиться повела
Меня Сиена; ну, да что земная!
И Геликонова мне не мила!

Итак, обильем ругани и лая
Кому-то я и не потрафлю, чать.
Но небо, милости ниспосылая,

Да не наложит немоты печать!
Я, об ослиной говоря судьбине,
Хочу с одной побасенки начать.

Дом во Флоренции был — есть и ныне.
А в нем семья жила и отрок рос.
Отец и мать заботились о сыне.

Но доводил отца и мать до слез
Сыночек их, по улице гоняя.
И сею дурью занят был всерьез.

Не ведали родные шалопая,
Откуда на него и почему
Напасть необъяснимая такая.

И приглашали докторов к нему,
И голову ломали грамотеи.
Но был и им вопрос не по уму.

От каждой новой лекарской затеи
Наш недоросль, недуг не поборов,
По улице бежал еще быстрее!

Но наконец один из докторов
Пообещал родителям больного,
Что скоро будет их сынок здоров.

Нам мило утешительное слово.
И, зная, что недуг неизлечим,
Обманщикам мы кланяемся снова.

И снова надувательство простим,
И разоримся, но врачам заплатим:
Нам нездоровье — на здоровье им.

Ученым словом и ученым платьем
Целителя был убежден отец.
Так не поверили б друзьям и братьям.

И все стерпел безропотней овец,
И снес кровопусканье малолеток.
И признан исцеленным наконец.

Не знаю, силою каких таблеток
Иль волхвований исцелился сын,
Отцу же наш целитель молвил этак:

Пусть-де четыре месяца один
Не ходит сын. Пусть недреманным оком
За ним следят, разумных середин

Уча держаться. Если ненароком
Шаги ускорит, пусть уговорят,
Где лаской убеждая, где упреком.

И пролетели, стало быть, подряд
Благополучнейшие три недели.
Тихоню новоявленного брат

Повел гулять по улице Мартелли.
Спокойно отрок шествует, но вдруг
Глаза его куда-то поглядели —

И вырвался наш паинька из рук:
Пред улицею Ларга в нем на воле
Былой опять заговорил недуг.

И малого, спокойного дотолле,
Опять охота странная берет,
Не знаю, от того ли, от сего ли.

С цепи сорвался отрок-сумасброд,
Плащ бросил оземь, возопил: «А ну-ка,
Все прочь с дороги!» — и помчал вперед.

И покорились родичи без звука,
Коль врач с отцом бессильны и вдвоем.
Не помогли ни деньги, ни наука.

Так мы, хотим иль нет, а признаем:
Природу одурачивать — пустое.
Все ж стоит хозяйка на своем.

Мерещилось и мне, что уж давно я
Избавился от гнева и огня,
Живу спокойно, умника не строя,

Людей не осуждая, не браня.
И люди уж не чаяли подвоха —
Считали исцеленным и меня.

Но наша с вами такова эпоха,
Что даже благодушнейший добряк,
И тот бранится — до того все плохо.

И снова желчью мой язык набряк,
Увы, как ни креплюсь я! Столько злобы
В душе от незадач и передряг.

А впрочем, хоть ослы и твердолобы —
Уж в этом я им должное воздам, —
Но и ослов упорство не спасло бы.

Нет, пусть лягаются и тут и там,
Когда кругом так мерзостно и жутко!
А то не угодили б небесам.

Приблизьтесь к этому строптивцу, ну-тка!
Казалось бы: не грустен, не сердит,
А вот, поди же, презабавна шутка,

Которую готовит вам бандит:
Вы с ласкою к нему, а сей скотина
Для мерзости к вам зад оборотит.

Пока в домах приличных воедино
Ругают невоспитанность осла, —
Ослон изображенная картина

Рисуется неспешно, спрохвала.
Но торопись! Все Расскажи, страница,
Пока не закусил он удила.

А зложелатель — да посторонится!

Глава II

И вот уже, как водится в апреле,
Лучи живительные небо льет.
Они больную землю обогрели,

Прогнав метели, заморозки, лед.
И вот, блюдя охотничий обычай,
Уж и Диана меж лесных тенет

Со спутницами мчится за добычей.
И, продолжительней день ото дня,
Восходит солнце над главою бычьей.

И ослики гуляют, гомоня.
От них по всей округе суматоха.
Их долго не смолкает болтовня.

Известно: говорящих слышат плохо.
И потому-то громче трубача
И радостней иного пустобреха

Осел порой вопит и сгоряча
Кружится по двору иль по овину,
О чем-то полюбившемся крича.

Так, день земной пройдя наполовину,
Я очутился в сумрачном бору,
О коем вам поведать не премину.

Как очутился, сам не разберу.
Но знал: отсюда всяк оставь надежду
Убраться поздорову-подобру.

Во тьме кромешной, продираясь между
Цепляющихся сучьев и коряг,
Дрожал от страха я и рвал одежду.

И ужасал меня любой пустяк.
Но рог охотничий неумолимо
Вдруг прозвучал — и разум мой иссяк.

И, зеленея в очертаньях дыма,
Что твой мертвец, Курносая сама,
Помнилось мне, с косою проходит мимо.

Была, ей-богу, столь кромешна тьма
И грозны ветви, корневища, ели,
Что миг еще — и я б сошел с ума.

Я на ногах держался еле-еле.
И вновь помнилось: проблески лучей,
Как факелы, в чащобе заблестели.

И сей далекий свет, не знаю чей,
Не исчезал, но в яркой позолоте
Казался все сильней и горячей.

Я притаился в темноте напротив
И напряженно, как во глубь зеркал,
Смотрел, сомненьем душу озаботив.

Чудно́му шелесту, как он ни мал,
Под ветками безлиственного древа
Я, затаив дыхание, внимал.

Не помню, правда, справа то ли слева,
Но вот, являя обликом покой,
Вплыла прекрасная собою дева.

Держала огонь она одной рукой,
Который-то и виделся далече,
И рог охотничий — рукой другой.

А за красавицей — животных вече:
Подпрыгивали суслики у ног,
И ладились пернатые на плечи,

И волк, и лев, и серпа, и сурок
Участвовали в сем чудном спектакле.
И я хотел пуститься наутек.

И уж не знаю, право, так ли, сяк ли,
Но дал бы я отсюда стрекача,
Да с перепугу силы и иссякли.

Я не нашел в обратный мир ключа,
И к людям уводящую дорогу
Не осветила ни одна свеча.

Не ведал я, как быть, но, слава Богу,
Уже не ждал неведомого зла
И успокаивался понемногу.

Хотел идти к ней — но, тиха, светла,
Сама ко мне приблизилась красотка
И мне: «Добро пожаловать!» — рекла.

Непринужденно глянула и кротко.
Должно быть, приняла она меня
За брата или друга-одногодка.

И дружеская девы болтовня
Сознанье помраченное целила.
И я согрелся, словно у огня.

А дева молвила: «Какая сила
Тебя, скажи-ка, привела туда,
Где поселиться никому не мило?»

А я залился краской — вот беда!
Как будто и забыл я — кто я, где я.
И вновь опомнился не без труда.

Хотел ответить, о былом жалея,
Что суета убогих дум и дел
Вконец запутала меня, злодея.

Но не ответил. То бледнел, как мел,
То от стыда краснел до слез я снова
И все молчал, как будто онемел.

А дева засмеялась: «Право слово,
Не умирай от страха. Глянь: стою,
Не замышляя ничего дурного.

Но в сем необитаемом краю
Мои слова, сам убедишься, вещи.
Услышишь ты историю свою.

Здесь видится отчетливей и резче.
Итак, рассказу моему внимли.
Прелюбопытные услышишь вещи.

Когда владыкой неба и земли
Юпитер не был, с острова родного
Цирцею силы рока унесли.

Но меж людей не находила крова,
За злое волшебство свое молвой
Ославленная, и скиталась снова.

Но тут не сыщешь ни души живой.
Волшебница утешилась и вроде
В сем буреломе обрела покой.

И поселилась мирно на природе,
Дабы подале от мирских сует
О человеческом злословить роде.

Не ведает об этом царстве свет.
Сюда дорога для людей закрыта,
А кто вошел — назад дороги нет.

И в доме, от зенита до зенита,
Пастушки-девы, в их числе и я,
Цирцею охраняют, будто свита.

И вот еще комиссия моя:
По зарослям, расселинам, дорогам
Вожу зверей, питая и поя.

Но это попеченье — о немногом.
И я гуляю среди пещер и скал —
Всенепрременно с факелом и рогом,

Чтоб заплутавший кролик иль шакал,
О местонахожденье нашем судя,
По рогу иль огню, тропу сыскал.

И наперед тебе отвечу, буде
Захочешь знать, что за зверье вокруг:
Днесь — звери, ну а прежде были — люди,

Такие ж в точности, как ты, мой друг.
А не поверишь — погляди, как стадо
К тебе спешит угодливее слуг.

Оно приходу человека радо,
На задних лапках перед ним служа.
Твоей тоски, как лакомства, им надо.

Пришли они, как ты, и госпожа
Их палочкой волшебной превратила
Того — в медведя, а сего — в ежа.

Кто смотрит весело, а кто уныло.
И всякого в подобного зверька
Оборотить — волшебницына сила!

Ну, говорить достаточно пока.
Не то умрешь в придачу к прочим бедам.
Пригнись-ка и иди исподтишка.

По счастью, Цирцее ты неведом.
Со стадом, чтобы проскочить тайком,
Ступай безропотно за мною следом».

Согнулся, опустился я, как ком,
И, от натуги потный и багровый,
В компании с телянком и быком

Пошел на четвереньках за коровой.

Глава III

Оборотивши спину в темный купол,
Как зверь, я поспешал и неспроста
То поясницу, то макушку щупал.

По-прежнему ли маковка чиста?
И не растет ли у меня на теле
Щетина или кисточка хвоста?

И то сказать: признайтесь, неужели
Строптивую осанку поборов,
На четвереньках этак не пыхтели?

Так, целый час натуги и трудов —
И мы остановились. Меж валами
Лежал наполненный водою ров.

Его внезапно осветило пламя.
Но, факельный огонь хотя не гас,
Казалось, тьма сплошная перед нами.

Чу! Долетел с той стороны до нас,
Стоявших в ожиданье на дороге,
Как ветерок, прошелестевший глас.

Еще маячил факел, и в итоге
Я, поглядевши пристально вперед,
Узрел великолепные чертоги.

Под портиком виднелся пышный вход,
Но жердочка, положенная хило,
Нас вынуждала к переходу вброд.

Пустились вброд и серна, и кобыла.
И только дева легкая одна
По шаткому мостку переходила.

На берег выполз я, хлебнув снолна.
А рядом то ли стадо, то ли стая
За мною резво выбралась со дна.

И наша проводница дорогая
Препроводила, молчаливых, нас
И погасила свет, меня скрывая

От пристальных волшебницыных глаз,
И в темноте не понял я, откуда
Свистящий глас донесся в первый раз.

Не понимая, хорошо ли, худо,
Я на дворе просторном без деревьев
Остановился в ожиданье чуда.

Уж от усталости оцепенев,
Безропотные, потянулись звери
Куда-то поодаль, на спячку в хлев.

А дева подвела к укромной двери
Меня и в горницу ввела свою,
Явив гостеприимство в полной мере.

Она к огню придвинула скамью
И усадила, обо мне радея
И увидав, что я едва стою.

И отогрелся в неге и тепле я,
И с силами собрался уж почти,
Желая объясниться поскорее.

И начал я: «Мадонна, не сочти
Меня, с презреньем отвернувши очи,
За дурня, за невежу во плоти.

Пойми, я день оставил ради ночи
И очутился в сумрачном краю.
Подобная беда всего жесточе.

О да, ты сохранила жизнь мою.
Премного я обязан нашей встрече.
И это благодарно признаю.

Но ужас очутиться столь далече
У неизвестных и опасных врат
Лишил меня, мадонна, дара речи.

И вот теперь я огорчен и рад.
Тем огорчен, что испытал вначале,
Зато тобой обрадован стократ.

Я был во власти страха и печали
И, как слепой, смотрел в почную мглу.
Слова и крики в горле застревали.

Но наконец-то говорить могу.
За ласку, кров, радушие — за это,
Мадонна, я перед тобой в долгу.

Но песенка моя, быть может, спета.
Куда теперь дорога мне, скажи?
В пределы мрака иль, быть может, света?»

«Столь бед, гонений, клеветы и лжи,
Сколь видел ты, от века не видали
Ни древние, ни новые мужи.

Судьбою ты заброшен в эти дали.
Она одна виновница тому,
Что ты увидел и увидишь дале.

И, стало быть, ты понял, что во тьму
К Цирцее ты закинут волей рока.
Твой рок — противник счастью твоему.

С тобою поступает он жестоко.
Но да уйдут сомнения твои.
Да будет мысль ясна и зорко око.

Все жалобы и стоны затаи.
От звездного не отвращайся лика.
То всходят, то заходят звезд рои.

То так, то сяк. Сменяет клику клика.
То день, то ночь, то холода́, то зной.
Все движется от мала до велика.

То миром занятые, то войной,
Народы двери раскрывают настезь,
А после вал возводят крепостной.

Но избежать того не в вашей власти ж.
Вот почему ты страждешь и теперь
И муками себе рассудок застишь.

Вот почему твоя судьба, как зверь,
Пока лютует. Не перечь ей даром.
И обольщениям пустым не верь.

Она лютует в ослепленье яром,
Покамест не ушла ее пора.
Но будет все ж конец слезам и карам.

Настанет час, и сменятся ветра.
Ночь кончится, и день начнется снова.
И завтра будет лучше, чем вчера.

И для тебя оно на все готово.
И посмеешься ты тогда до слез
Над злоключеньями пережитого.

И ты его представишь как курьез,
И, руки в боки перед другом стоя,
Расскажешь о несчастьях не всерьез.

Но, прежде чем разыгрывать героя
И упиваться жизнью, надлежит
Принять тебе обличье иное.

Среди людей нечеловечий вид
Храня, от них тебе увидеть надо
Немало унижений и обид.

А потому я ныне в это стадо
Тебя приму и у лесных дорог
Пасти тебя премного буду рада.

Для человека повелитель — рок,
И для героя, и для шалопая.
Бывает он то милостив, то строг.

И вот он к нам тебя привел, желая
Тебе уроки днесь преподнести,
Курс хрюканья, и бляенья, и лая.

А потому отныне не грусти,
Но до конца будь мужественным, ибо
За все, что ныне тернишь на пути,

Судьбе однажды скажешь ты спасибо».

Глава IV

Покамест мне рассказывала дошша,
Сидел я, притулившись у огня,
Обескураженно и огорченно.

Потом ответил: «Небо не кляня,
Смиряюсь я с судьбиною убогой
И принимаю все, что ждет меня.

Но все ж, надежда, хоть чуток растрогай
И сладкими виденьями насыть.
Пошел бы к благу я любой дорогой.

И да прядут богини Парки нить
Моей судьбы, как пряли и дотолле.
Как пожелают, так тому и быть».

И вдруг прошли мучения и боли:
Ко мне прижалась дева и в уста
Поцеловала раз, и два, и боле...

«Сие, — она сказала, — неспроста.
Но в будущем опишутся поэтом
Твои хождения и маета.

Однако ж полно говорить об этом.
Ведь я уйду, едва отступит ночь,
Пасти зверей, тебе ж, по всем приметам,

Усталости и сна не превозмочь.
А заодно и закусить не худо.
Что ж, я тебя попотчевать не прочь».

И все взялось, неведомо откуда.
Уж крепкий стол придвинут к очагу.
А на столе и скатерть, и посуда.

И я отведать наконец могу
Изысканных курятин, и белужин,
И хлеба, и салата, и рагу.

Я сел за стол, нимало не сконфужен.
И с девою, но более один
Я уничтожил и вкуснейший ужин,

И золотистого вина кувшин.
В такую ночь могу до самой зори
Вкушать нектары солнечных долин.

«Утешимся. Разумный помнит: горе
С благополучьем ходит заодно.
Днесь — хорошо, да что-то будет вскоре?»

Но горе и на пользу нам дано.
Как снадобьем, порой им кровь согрета.
Но пить его не стоит, как вино.

Останемся же вместе до рассвета,
Пока не позвала меня заря
Пасти бесчисленное стадо это».

И, словом, утешались мы не зря,
Вино вкушая, поцелуи множа
И о приятном всяком говоря.

А после возлегла она на ложе,
Одежды сняв. И я меж простыней,
Как благоверный, растянулся тоже.

О Музы! Вы опишете живей!
А сей невзрачный, заурядный слог — он
Не скажет о возлюбленной моей.

Красавицы пышноволосой локон,
Отбившись от товарищей своих,
Казался светом солнечным из окон.

И был так нежен, и глубок, и тих
Огонь очей, и сами очи сини,
Что умолкает и тускнеет стих.

А я не забываю и поныне,
Задумавшись и грезя паяву,
О безупречном профиле богиши.

И оттеняющие синеву
Пушистые ресницы днем и ночью
Я буду прославлять, пока живу,

И не умерю болтовню сорочью!
А посик милой! Так прекрасен! Ох,
Прекраснее не увидеть воочью!

А ротик! И у многих он не плох,
Но отрицать попробуй-ка, посмей-ка:
Сей — сотворил собственноручно Бог!

И язычок, как розовая змейка
Меж совершенных зубок-жемчугов,
Как патока, поблескивает клейко.

А ветерок дыхания таков,
Что мнится — словно луговые дали,
Благоуханьем полнится альков.

А подбородок, шейка и так дале...
Забыли б вы все прелести менад,
Когда бы эту прелесть увидали!

Рассказывать ли далее подряд?
Ведь искренности публика не рада.
И не за ложь, за истину бранят.

Вестимо, откровенничать не надо,
Я в сем удостоверился давно,
Однако ж откровенье мне — услада.

А красота как доброе вино.
О тонкий стан, о шелковая кожа!
Подумаешь — и на душе хмельно.

Но, рядышком с красавицею лежа,
Не видел я подруги ниже плеч,
Боясь отбросить одеяло с ложа.

То холодел я, то горел, как печь,
Но не касался до прекрасной, в страхе
Напасти снова на себя навлечь.

Ронял я, изнывая, охи-ахи,
Но не решался перейти предел
И был как злоумышленник на плахе.

Лежал и шевелиться я не смел,
Как будто то не ложе, по могила.
И сам от страха был мертвецки бел.

Картина эта деву рассмешила.
И молвила она: «Велик твой страх.
Иль, может, я — великая страшила?»

Ты поначалу мчал на всех парах.
Иль из другого ты, быть может, теста?
Почто остановился и зачах?

Ты в это Богом проклятое место
За мной пришел, как в старину герой,
Летевший к Гере в Абидос из Сеста.

А вот теперь, как тяжелобольной,
Лежишь под одеялом, холодея.
Придвинься ближе и лицо открой».

Я прижимаюсь сиротливо к краю
И на подругу резвую свою
Сперва еще с опаскою взираю,

Затем, покамест так же на краю,
Оборотиться к деве я рискую.
И вот уже немного привстаю.

И придвигаюсь наконец вплотную.
И к вожделенному исподтишка
Протягиваю руку ледяную.

Едва ж коснулась красоты рука —
Тотчас почувствовал я: прелесть эта,
Как никогда, желанна и сладка!

И, новым ощущеньем обогрета,
Былое обрела душа моя
Достоинство и мужа, и поэта.

И, своего восторга не тая,
Я снова целовал ее и снова.
«Благословенны темные края, —

Сказал я ей, — где будет столько злого.
Пусть для меня отныне день погас.
Зато не стало на сердце покров».

И больше не было меж нами фраз.
Исчезло все в чарующем тумане.
Все огорчения забылись враз.

И наслаждений не было желанней
И поцелуев жарче. Наконец
Настал черед последних содроганий.

И я на ложе рухнул, как мертвец.

Глава V

На смену ночи приходило утро,
И звезды погасившая заря
Небесные оттенки перламутра

Уж покрывала цветом яштаря.
Глаза раскрыла милая паяда
И поднялась со вздохом, говоря:

«Мне непременно на рассвете надо,
К работе не выказывая спесь,
Вести в леса проснувшееся стадо.

А ты, голубчик, оставайся здесь.
Но не грусти и побори истому.
И все обдумай, рассуди и взвесь.

И, главное, не выходи из дому.
Беру тебя покамест на постой.
Не отзывайся зову никакому».

И вот сижу я в горнице пустой.
Я с неохотою покинул ложе.
Мечтаю с нетерпением о той,

Которая мне пыне всех дороже.
Страсть полыхает, как огонь, в груди,
И продирает, как мороз по коже.

Но в одиночестве сколь ни сиди,
Все скоро вновь покажется немило.
И ждешь со страхом: что-то впереди?

Не стало вновь ни куража, ни пыла.
Рассеялись мечтанья в пять минут.
Я призадумался совсем уныло.

И снова думы к прошлому текут.
И вот уж исчезаю, словно тень я,
А призраки приходят в мой закут.

Являются цари как привиденья.
И вижу, точно в дали голубой,
Историю их взлета и паденья.

И изумлен я общею судьбой,
Какая очень многими владела,
И долго рассуждаю сам с собой.

И понимаю ясно: то и дело
Приходит к своему пределу власть
Тогда, когда не ведает предела!

А в том вожде, кто уж не правит всласть,
Играют раздражение и злоба.
Кто сверг — тому от свергнутого пасть!

Один — у трона, а другой — у гроба,
Но, как невольник, так и господин,
Окажутся в одной упряжке оба.

И всяк, кто доживает до седин,
Наслышан о противоречьях этих.
Однако же не верит ни один.

И вот пример. Жил и в отцах, и в детях
У моря гордый венецейский лев.
Топил соседей, и других, и третьих.

Губил и королей, и королев.
И, возмечтав о собственном престиже,
Повергнут был, едва не околев.

И безрассуден честолюбец, иже
Глядит, как победитель на коне:
Стремясь все выше, падает все ниже.

Афины, Спарта, славные вполне,
Росли, пока других не побороли.
А поборовши, пали и оне.

Но жил себе укромно и на воле
Немецкий город. Он и ныне жив,
Заняв в округе пару миль, не боле.

И Генрих, флорентийцев обложив,
Не устрасил своею ратью града,
Не жаждавшего лавров и пажив.

А пыне уж Флоренция — громада,
Туда распространилась и сюда,
Сама ж — от мухи запереться рада!

И, стало быть, умеренность тверда,
И не тверда чрезмерность, хоть и яро
Кипит и покоряет города.

Всех безрассудных постигает кара.
Захочешь всё — не будет ничего.
Печальна участь, например, Икара.

Среди правителей лишь у того
Бывает совершенен путь и гладок,
Кто соблюдет закона торжество.

Без ссор, и передряг, и неполадок
Там воцарится благодать сама,
Где суть необходимость и порядок.

Но, коли нету здравого ума,
Не будут долговечными державы,
Где перемен сплошная кутерьма.

А вот еще: правители не правы,
К примеру, и в такой стране, в какой
Законы хороши, да плохи нравы.

Вспомним об истории мирской.
Молились все империи сначала
За здравие, потом за упокой.

Так, поднялась одна и прахом пала:
Была великим Нином собрана,
Потом погибла от Сарданапала.

Так создается доблестью страна,
И, пиршество устроив на покое,
На пиршестве и рушится она.

И, лишь урезанная вдвое, втрое,
Спасаясь от невольничьих оков,
Она проявит мужество былое.

Пришедшее — уйдет: закон таков.
И тут бессильны и борьба, и ковы.
Ведь сей закон — основа из основ.

Извечна смена доброго и злого.
Сперва добру наследовало зло,
Чтоб злу добро наследовало снова.

Вот говорят, что к краху привело
Иные города скотство людское.
Да, мненье убедительно зело.

Кричат, мол, славно государство, кое
Блюдет и строгий пост, и строгий нрав,
И граждане его — вот, мол, герои!

Однако же на деле будет прав
Ответствующий им, что, тем не мене,
Не набожность вершит судьбу держав.

Ведь, если жили в праздности и лени,
Так тем и навлекали массу бед,
Хоть падали во храме на колени.

Да, надобно молиться, спору нет.
Решительно правители не правы,
На веру наложившие запрет.

Коль в гражданах благочестивы нравы,
В стране порядок, а в порядке том
Живут благополучнейше державы.

Но, коль иной безумец и ведом
Мечтой, что жив лишь благочестьем этим,
И не латает рушащийся дом —

Найдет конец в нем и себе, и детям!

Глава VI

Пока, задумавшись о брешной славе,
Я в глубину истории залез,
Земное солнце закатилось въяве.

Да, въяве, по окружности небес,
Движенье завершая полукруга
И опускаясь за дремучий лес.

Издалеку уверенно, упруго
Донесся шаг упитанных кобыл.
Подходит с подопечными подруга.

А я сижу подавлен и уныл,
Как будто мучусь и на самом деле.
А об отраде начисто забыл!

Забыл я о прекрасной неужели?
Нет, глянул — снова потерял покой.
К красавице все мысли улетели.

Она погладила меня одной —
Другую же рукой к себе прижала.
И я сидел близ девы, как ручной.

Смущение вернулось поначалу,
Потом веселие взяло меня,
Поддержанное влагой из бокала.

И мы вдвоем, смеясь и гомоня,
Чесали языки, как кум с кумою,
И ужинали, сидя у огня.

Но говорит хозяйка с прямоотою,
Улыбчивых не опуская глаз:
«Идем со мной. Тебе секрет открою.

Приходит, — продолжает, — ныне час.
И снова я твоей вожатой буду.
Узнаешь, что имеется у нас.

Я приведу тебя туда, откуда
Увидишь сотоварищей былых.
Явлю тебе пример добра и худа».

Вновь на меня оцепененья стих
Нашел, но повелительницы, право,
Был глас успокоителен и тих.

И вывела меня наружу пава.
Царила ночь. Не близилась заря.
И мы пошли и повернули вправо.

И вот, себя куража и бодря,
Я вижу двери, сделанные просто,
Как будто в келейках монастыря,

Не выше человеческого роста
В проходе по обеим сторонам.
Обшивка будто грубая короста.

Дверь первую открыли. Тотчас к нам
Животные. За новой дверью — тоже.
Подруга молвит: «Объяснение дам.

Волшебница число животных множит
И здесь их сводит, судя по тому,
Насколь при жизни нравом были схожи.

И вот сюда заходишь, как в тюрьму,
К могучим львам, открыв задвижку эту.
Но я замка, пожалуй, не сниму.

В иных узревши благородства мету,
Цирцея им обличье льва дала.
Но флорентийцев среди этих нету.

И правда, благородные дела
Давненько родину твою не грели.
Живет она без света и тепла.

А вот другая дверь: в медвежьем теле
За ней рычат и скалятся теперь
Насильниками бывшие доселе.

Еще пройдем немного. Верь не верь,
Но рядом волки в атмосфере спертой.
И это волчья, сиречь — третья дверь.

А вот быки и буйволы когортой.
Цирцейной не минув кабалы,
Свирепые засели за четвертой.

За пятой те, кто на кормежку злы.
Обожрались они на вашем свете.
Былые лакомки теперь козлы.

Но полно. Бесконечны двери эти.
Не осмотреть зверинца до зари.
Зверьем забиты закуты и клетки.

А вот на эти двери посмотри.
Ведут они к слонам, пантерам, ланям.
Животные безвыходно внутри.

Пора нам восвояси часом ранним.
Однако же задержимся вот тут,
На эту дверь двустворчатую глянем.

И ты, пожалуй, не сочти за труд,
Хотя, конечно, этот запах гадов,
Узнай, какие звери здесь живут.

Не стану задавать тебе загадок.
Поведаю в подробностях, каков
В загоне установленный порядок.

Так, хищники всех видов и родов
От крокодила до гиппопотама
Закреты непременно на засов.

Но видишь двери перед нами прямо.
Тут позволяют выйти за порог.
Тут как бы ваша долговая яма.

И, стало быть, режим не очень строг.
И на площадке этой могут звери
Прогуливаться вольно, без морок.

Ты сможешь по одной такой вольере
Судить о многочисленных других.
По ней поймешь о прочих в полной мере.

И в этой же вольере, во-вторых,
Заключены не кто-нибудь, а те, кто
Был особенно знаменит и лих.

Теперь они бесчувственная секта.
Но приглядишь: был знаменит любой.
Узришь во всяком важного субъекта».

И повела в сторонку за собой.
И мы открыли дверь очередную.
И замер я пред новою гурьбой.

Узрел колосса я и обрисую:
Не виделось ему концов-начал —
Огромному гранитному статую.

Как на слоне когда-то Ганнибал,
Глядел он горделиво, разудало,
Несокрушимость камня выражал.

И примостились, как и подобало,
У каменных несокрушимых пог
Тот, и другой, и третий прихлебала.

Кто честолюбец, тот не одинок.
«Ты видишь: родина его — Гаэта.
Как извещает лавровый венок, —

Сказала донна, — за тщеславье это
Цирцея удостоила вельми
Сего аббата, якобы поэта —

В зверинце возвышаться над зверьми.
А по такому горе-корифею,
Какое тут собранье, сам пойми.

Но надобно спешить. Не то Цирцею,
С тобою загулявшись тут вдвоем,
Я обмануть сегодня не сумею.

Идем же далее. Ступай в проем
И в новый переход за мною выйди.
В одну-другую клеть еще зайдем.

Надеюсь, на меня ты не в обиде».

Глава VII

Мадонна резким сдвинула ударом
Задвижку, распахнула дверь, и мы
Порог переступили. И не даром.

Тут кто-то был. Послышались из тьмы
Загадочные в закуте зловонном,
Но явственные звуки и шумы.

Не знаю, бросился навстречу кто нам.
Освободила донна от пелен
Светильник, прикрываемый хитоном.

О небеса! Как был я изумлен!
Увидел я в пределах как бы зала
Зверей не пять, не десять, но мильон.

«Ты удивился, — спутница сказала, —
Увидевши не группу, но орду.
Действительно, животных здесь немало.

Четвероногих, и других найду.
Тут обитает и змея, и птица.
Вон, погляди, порхает какаду».

И разглядел я — живность суетится
У наших ног. Кого тут только нет!
Поверьте описанию очевидца!

Я, каюсь, — не ученый-зверовед,
Но рассказать хочу о многих разом
Животных с особенностью примет.

Вот, помнится, в углу, за дикобразом,
Лежала кошка, не ловя мышей,
Наказанная за ленивый разум.

А вот дракон, стоглав и кривошей,
Летал, кружил, то далеко, то близко,
Не мог угомониться, хоть убей.

Спала поодаль хитренькая лиска,
И тут же лаял бестолковый пес
На юный месяц, как на василиска.

А рядом самого себя до слез
Кусавший лев, рыча от боли глухо,
Вину за глупые советы пес.

А вот картина — общая поруха:
Животные за прошлые грехи
Сидели кто без глаза, кто без уха.

Теперь все стали смирны и тихи.
Всех больше было, помнится, баранов,
И кроликов, и прочей чепухи.

И вдруг увидел я, подальше глянув,
Что меж непривлекательных тетерь,
Окраской изумительно каштанов,

Красив и соразмерен, как ни мерь,
С приятностью, прошу прощенья, морды,
Сидит невиданный, изящный зверь.

Глаза его, презрительны и горды,
Блистают, но без злобы и угроз,
Оглядывая сборища и орды.

У зверя

Я увидал

Себя услужливостью наказав,
Всю залу обходил, как раб триклиний,
И перед каждым шею гнул жираф.

Но чванился узорчатостью линий
И словно говорил: «На всех плюю!» —
Павлин, распахивая хвост павлиний.

И чудо-юдо, помнится, свою
Диковинную спину изогнуло,
Дав место ворону и воробью.

Зверь иль не зверь стоял в углу сутуло.
Он показался мне, безрог, кургуз,
Ублюдком каракатицы и мула.

А вон — ишак. Он не терпел обуз,
Не подходи, мол, я тебе не кляча!
Он от безделья пухнул, как арбуз.

А тут и там, назойливо маяча,
Вынюхивала вдоль и поперек
Ищейка, за пронырливость незряча.

И под ногами был так мал хорек,
Что, бегая от края и до края,
От тумачков себя не уберег.

Во все углы влетая и влезая,
То лаяла, то делала апорт
Хозяина искавшая борзая...

Многообразие голов и морд
С годами подзабыв, поди попробуй
Теперь в подробностях писать рапорт!

Все ж вспоминаю: буйвол крутолобый
Набычивался, душу леденя,
И на меня тарачился со злобой.

А вот сама боялась, как огня,
Очами увлажненными блистая
Олениха, отпрянув от меня.

И вперемешку копошилась стая,
Но в одиночестве сидел беляк,
Напоминавший спесью горностая.

Мартышка же, кривляка из кривляк,
Сидела, точно вовсе без извилин,
Всех передразнивая так и сяк.

Веселая синица, мрачный филин,
И зверь вон тот, и пташечка вон та...
Но нет, я перечислить всех бессилён.

Вдали он слон, вблизи же — мелкота.
И часто по ошибке за Катона
Я принимал облезлого кота!

И в наше время, как во время оно,
Такие недоразуменья сплошь:
Летит, как сокол, сядет, как ворона.

Но как же я среди этих морд и рож
Без толмача по-волчьи, по-бараньи
Поговорю про истину и ложь?

Я снова был отчаянья на грани,
Но прошептали милые уста:
«Я обо всем подумала заране.

Мы в этом помещенье неспроста.
Ты погулял тут, подивился всяко.
Гляди-ка в направлении перста.

Вон, у корыта, экий раскоряка!»
И я узрел в посудине бурды
Огромного недвижимого хряка.

В сравненье с ним и жирные худы!
Не знаю, королем ли мясобоен
Назвать его, но весил он пуды.

И спутница рекла: «Будь смел, как воин,
Тогда вниманья этого «гуся»
Ты, несомненно, будешь удостоен.

Его послушай, впрочем, не прося,
Чтоб воротился он к привычкам старым.
И в этом суть, я полагаю, вся:

Его ведь не заманишь и нектаром
Стать человеком и уйти домой.
Но только время потеряешь даром».

И был обескуражен разум мой,
А донна без дальнейших разговоров
Меня ведет в потемки по прямой.

И вот к нам рыло поднимает боров.

Глава VIII

Он поднимает нехотя хлебало
От тошнотворного корыта; близ,
Сказать по правде, сильно в нос шибало.

Скотину облепляли грязь и слизь.
И около корыта море жижи
И нечистоты вонью разнеслись.

Я подошел из вежливости ближе.
«Словам твоим, — промолвил я ему, —
Да внемлет небо. Так моим внемли же!

Смотрю я на тебя и не пойму,
Какое до зловонной лужи дело
Людскому благородному уму?

На невидаль взираю обалдело.
Но в эти земли, временно видать,
Того, чьей благодати нет предела,

Меня к тебе прислала благодать,
Чтоб мудрости у твоего корыта
Мне, неучу, немного преподать.

Но радуйся: и шкуру, и копыта
Ты можешь наконец оставить. Я
Возьму тебя обратно. Дверь открыта».

Но мне без отговорок и вранья
Стойшая в блевотине и кале
Начистоту ответила свинья:

«Не знаю, ты пришел издалека ли,
Но я с тобой назад не побегу.
Напрасно вы засовы отмыкали.

Вот мой ответ. И больше — ни гу-гу.
К тому добавлю лишь, что вашей чаши
Испить не пожелаю и врагу.

А вы воображаете, что краше
Порядков ни во сне, ни наяву
Не может во вселенной быть, чем ваши!

Но ты меня послушай — и пlevу
Подобных заблуждений, как радетель
Об истине, я с глаз твоих сорву.

Признаю, правы те — отцы ли, дети ль,
Коль осмотренность им дорога
Как важная для жизни добродетель.

С ней отличаешь друга от врага,
Иначе обманули б, обобрали,
А то бы и наставили рога.

Что ж! Говорю, не будучи в запале,
Что с нашей осмотренностью мы,
Животные, ушли пачного дале.

К примеру, кто освободил из тьмы
И знаньем и люцерны, и цикуты
Образовал звериные умы?

И, ни бедой, ни хворью не согнуты,
Живем. И без боязни и возни
Меняем и стоянки, и закуты.

Да! В холоде разумнейше одни,
В тепле другие, ищем, где отрада.
Природа нам понятна и сродни.

Тогда как не от зноя, не от хлада,
Туда-сюда по свету мельтеша,
Вы рыщете, где надо и не надо.

И ваша надрывается душа,
Порвав необходимые оковы
Тепла и ласки ради барыша.

За золотом стремитесь далеко вы.
И к черту на куличики за ним,
Вы и туда отправиться готовы.

Мы лишь от непогод себя храним,
А вы и нег, и роскоши вкусили.
И погляди, как человек раним.

А не поговорить ли нам о силе?
Что скажем, коль начнем судить по ней?
Так что ж выносливее: люди или?..

Как дважды два понятно: не сильней
Вы ни гишпопотамов, ни тапиров.
И даже ни баранов, ни коней.

Да, ваш наряд узорчат и порфиоров,
А что до благородства, вот уж ой!
Герои вы, другому яму вырыв.

Как римляне, и старший, и меньшей,
Благотворившие не славы ради,
Мы, звери, вас прекрасней и душой.

И гордый лев мечтает о награде
За подвиг свой, а зла не вспомянет —
На злоумышленника и не глядя.

Иные звери рвутся из тенет,
Не уступая никаким оковам,
И гибель выбирают, но не гнет!

Ведь непонятно только бестолковым,
Что для животных гнет невыносим.
До нас и в вольнолюбье далеко вам.

Скажу о воздержании засим.
Ведь наше поклоненье и Венере
Разумнее. И тут мы не форсим.

В любви умеренны и строги звери.
А посмотри-ка, люди каковы.
Не помнят ни о здравье, ни о мере.

Поев порою мяса иль травы,
Легки мы и подвижны в промежутке.
А что и сколько лопаете вы!

О, до чего изощрены и жутки
Количеством и качеством харчи,
Которыми язвите вы желудки!

Нет, мало вам пекомого в печи —
Полезли в закрома и к океану.
Так кто умней, отсюда заключи.

А на счастливых и несчастных гляну —
Не знаю, что об этом скажешь ты,
Но я о вас заплачу и не спяну.

Живя без сплетен и без маеты,
Мы от природы доблестны, как люди,
А вы неблагородны, как скоты.

Да тут и спорить не о чем. А буде
Ты истины еще не видишь сей,
Ее я поднесу тебе на блюде.

У всех без исключения зверей —
Чутье, слух, зренье и другие снасти.
Чем оснащен двуногий фарисей?

Ну, осязаньем. Но от глаз не засти
И очевидность, что добро и то
У вас пособница порочной страсти.

А наше платье? Жадно нажито?
Нет, но закрыты мы от ветра или
От холода теплее раз во сто.

Ну, а у вас растительность на рыле,
А остальное вечно не путем.
Ни чешуя, ни мех вас не укрыли.

Родимся мы — спокойно и растем.
А ваша родилась и плачет кроха.
Не мило вам на свете и дитём.

И до последнего вопите вздоха.
Вам, плачущим недаром и не вдруг,
До гробовой доски живется плохо.

Природой, кроме пары жадных рук,
Вам дан язык — для вашего же блага.
Но, дуракам, вам и язык не друг.

Да, от природы ваше племя наго.
Но и фортуна не щедра к нему.
И для него не сделает и шага.

И я страстишек ваших не пойму,
В вас перемешанных единой кучей,
И вашему не поклонюсь уму.

Бессильный гад меж нами редкий случай,
А между вами чуть не все подряд.
Вы и слабее зверя и колючей.

Ответь: у тигров ли, у поросят,
У пеликанов, у слонов, у блох ли —
Кто был себе подобными распят?

Нет, пусть кажусь я апатичней рохли.
Ты о моем возврате не радей.
Давненько слезы у меня просохли.

Не верь, когда какой-то лицедей
Кричит, что жизнь ему отрада, дескать.
Отраднее, чем жить среди людей,

Со свиньями в хлеву помои трескать».

ПИСЬМА

Письмо к Риччардо Бекки от 9 марта 1498 года

Дабы получить полное представление, как Вы желали, о здешних событиях, связанных с братом, узнайте, что кроме двух проповедей, копия которых у вас уже есть, он произнес в масленичное воскресенье еще одну и после пространных излияний призвал всех своих сторонников собраться в день карнавала в монастыре Сан Марко — он заявил, что будет молить об очевидном знамении, если ранее явленные ему предсказания исходили не от Бога. Доминиканец сделал это, как говорят некоторые, чтобы крепче сплотить свою партию для защиты, ибо он опасался противодействия вновь сформированной Синьории, состав которой не был еще обнародован. Когда же в понедельник состав Синьории, о котором Вы, вероятно, хорошо осведомлены, был объявлен, он увидел, что две с лишним трети враждебны ему, а так как папа в своем бреве под угрозой интердикта требовал его выдачи и доминиканец боялся, как бы Синьория ему не подчинилась, то он решил, возможно, по совету друзей, прекратить проповеди у Святой Репараты и перебраться в Сан Марко. Поэтому в понедельник утром, со вступлением в должность новой Синьории, еще в церкви Святой Репараты он объявил, что во избежание беспорядков и ущерба для Божьего дела отправляется назад, так что пускай мужчины приходят слушать его в Сан Марко, а женщины пусть собираются у фра Доменико, в Сан Лоренцо. Итак, когда наш брат оказался дома, он стал проповедовать на удивление смело и продолжает в том же духе, ибо, страшась за свою судьбу и

ожидая от новой Синьории враждебных действий, а равно рассчитав, что его падение будет губительным для многих сограждан, он стал их запугивать, и на первый взгляд очень убедительно, всячески восхваляя своих последователей и черня противников. Тут он употребил все средства, чтобы ослабить враждебную партию и выставить преимущества своей; об этом я, как очевидец, расскажу несколько подробнее.

Первую проповедь в Сан Марко брат произнес на следующие слова Исхода: *«Но чем более изнуряли их, тем более народ умножился и увеличивался»*, и прежде чем он приступил к изъяснению этих слов, он указал причину своего возвращения, говоря: *«Благоразумие есть правильное постижение возможного»*. Далее он сказал, что все люди устремлены к той или иной цели: для христиан эта цель — Христос, для прочих людей прошлого и настоящего цель вытекает из их религии. Мы, будучи христианами, соизмеряем наши поступки с нашей целью — Христом, и, чтобы не уронить его высокого достоинства, должны благоразумно учитывать меняющиеся обстоятельства, так что когда... требуется положить жизнь за Христа, жертвовать ею, а когда следует укрываться, так и поступать, подражая тому, что мы читаем о Христе и о святом Павле. Так мы, добавил он, должны действовать и так мы действовали: когда необходимо было вступить в противоборство с безумием, мы так и сделали, например, в день Вознесения, ибо того требовали обстоятельства и честь Господня, теперь же, когда ради Господа нужно склониться перед гневом, мы уступили. После этого краткого вступления он выстроил две шеренги — в одной воинствующие под водительством Божьим, здесь он и его сторонники, в другой находятся приспешники дьявола, то есть его враги. И, приступив к более пространному изложению, он стал объяснять вышеприведенные слова Книги Исхода, говоря, что вследствие гонений умножение добрых людей происходит двояким способом: духовным и количественным; духовным, поскольку в несчастье человек обращается к Богу и укрепляется, приближаясь к движущему его, как теплая вода при поднесении огня становится еще горячее, ибо в нем заключается движущая сила ее тепла. Возрастают они также и числом, потому что существу-

ют три рода людей: праведные — это те, «кто следует за мной»; испорченные и закоренелые, то есть противники, и еще один тип людей, расточающих свою жизнь в удовольствиях: эти не упорствуют в дурных поступках, но не заботятся и о добрых делах, ибо не отличают одно от другого. Но поскольку деяния праведников и дурных отличаются друг от друга, «ибо противоположности при сопоставлении выступают резче», люди третьего типа распознают испорченность дурных и простодушие добрых, а так как по природе нам свойственно избегать зла и стремиться к добру, они примыкают к последним и сторонятся первых, почему в несчастье и умножается число праведных, число же дурных уменьшается, и «это тем более» и т. д. Я передаю все это вкратце, потому что эпистолярный стиль не терпит пространных речей. Затем, пустившись, по своему обыкновению, во всякие рассуждения, он заявил, желая уязвить своих противников и перебросить мостик к следующей проповеди, что вследствие наших распрей воздвигнется тиран, который разрушит наши дома и разорит весь город, но это не противоречит сказанному им, а именно что Флоренцию ждет процветание и господство над всей Италией, ибо тиран продержится недолго и будет изгнан; и на том он закончил свою проповедь.

На следующее утро, продолжая толкование Книги Исхода и дойдя до того места, где говорится, как Моисей умертвил египтянина, он объявил, что египтянин представляет дурных людей, Моисей же — проповедника, который умерщвляет таковых, разоблачая их пороки, и тут он сказал: «О египтянин, я поражу тебя насмерть», и вскрыл всю вашу подноготную, о попы, обращаясь с вами, как с падалью, на которую и псы не польстятся. Потом он прибавил (к этому он и вел), что хочет нанести египтянину дружкую тяжкую рану, и сообщил, что Бог открыл ему, будто во Флоренции некто намеревается установить тираническую власть и с этой целью строит козни и заговоры и хочет изгнать брата, отлучить брата, преследовать брата, а это и есть не что иное, как стремление к тирании; и что нужно соблюдать законы. И он столько наговорил, что на следующий день подверглось публичному обвинению одно лицо, которое столь же близко к тирании, как Вы к

небесам. Но затем, когда Синьория заступилась за доминиканца перед папой и когда он убедился, что врагов во Флоренции больше нечего бояться, тут он завел другую музыку, и если раньше пытался только сплотить свою партию, внушая ненависть к противникам и запугивая всех словом «тиран», то теперь, не упоминая больше ни о тиране, ни о преступных происках, призывает сохранить единство и настраивает всех против верховного понтифика, на которого обратил ныне свои злые укусы, отзываясь о нем как о самом последнем негодяе. Так он, по моему мнению, сообразуется с обстоятельствами момента и приукрашивает свое вранье.

Засим оставляю на Ваше суждение толки, которые ходят в народе, людские ожидания и страхи, ибо Вы человек благоразумный и можете судить о них лучше меня, потому что отлично осведомлены о наших настроениях, о состоянии дел и о намерениях папы, находясь там поблизости. Прошу Вас только об одном: коль скоро Вы не сочли за труд прочесть мое письмо, пусть Вам не покажется обременительным и ответить, каково Ваше мнение о нынешних обстоятельствах и настроениях с точки зрения здешних дел. *Будьте здоровы.*

Флоренция, 9 марта 1498

Ваш Никколо ди м(ессер) Бернардо Макьявелли

Письмо к Джованни Баттисте Содерини от сентября 1506 года («Фантазии, адресованные Содерини») (Перуджа)

Ваше письмо явилось передо мной в чужом обличье, но с первых же слов мне стало все ясно. Охотно верю паломничеству в Пьомбино, зная Вас, не сомневаюсь, однако, в ваших с Филиппо затруднениях, ведь одного из вас смущает недостаток света, а другого — избыток. Январь меня не беспокоит, лишь бы февраль не подвел. Я огорчен подозрениями Филиппо и в недоумении жду, чем это кончится. (А). Ваше письмо было кратким, но для меня — я читал его и перечитывал — оказалось длинным. Оно доставило мне удовольствие, потому что дало случай сделать то, к чему я никак не мог приступить и чего вы мне делать не советуете; только последнее, на мой взгляд, лишено всякого повода. Ваши слова уди-

вили бы меня, если бы судьба не дала мне понятия о многообразии и изменчивости вещей, так что я вынужден почти ничему не удивляться или признать, что ни чтение, ни опыт ничего мне не поведали о поступках и образе действий людей.

Я знаю Вас и знаю, какой ветер дует в Ваши паруса, и если бы даже можно было осуждать Вас за это (а осуждать нельзя), то я бы не стал, памятуя о том, в какие порты он Вас прибывает, на какие ступени возводит и какие может внушить надежды. Итак, разделяя воззрение большинства (в отличие от Вашего, где все — благоразумие), я вижу, что в делах важнее исход, которым они завершаются, а не средства, кои для этого используются. (Всякий руководствуется своею прихотью.) Ведь одного и того же добиваются разными способами, и различные действия ведут к одной цели; если я еще мог в этом сомневаться, то поступки нынешнего папы и их последствия убедили меня окончательно. (Б). Ганнибал и Сципион, оба выдающиеся военачальники, одержали бесчисленные победы: один из них, будучи в Италии, поддерживал единство в войсках жестокостью, коварством и неблагочестием, при этом он настолько привлек к себе народы, что они восстали против римлян. Другой добился от народа того же самого постоянством, милосердием и благочестием. (В). Но поскольку на римлян не принято ссылаться, скажем, что Лоренцо Медичи разоружил народ, чтобы удержать Флоренцию; мессер Джованни Бентивольо ради сохранения Болоньи вооружил его; Вителли в Кастелло и нынешний герцог Урбинский разрушили крепости в своих владениях, чтобы удержать их, а граф Франческо в Милане и многие другие строили крепости для безопасности. (Г). Император Тит в тот день, когда не был кому-нибудь благодетелем, считал свою власть под угрозой, другой увидел бы угрозу в тот день, когда сделал бы кому-либо приятное. (Д). Многие, семь раз отмерив и взвесив, успевают в своих замыслах. Нынешний папа, который действует всегда наобум, безоружный, случайно добивается того, что навряд ли удалось бы ему, действуй он по плану и с военной силой. Как показывают деяния всех вышеописанных и бесконечного числа прочих, кого можно привести в пример в прошлом и настоящем, они приобретали, усмиряли и теря-

ли царства по воле случая, и при неудаче иногда подвергался осуждению тот самый образ действий, который превозносили в дни успеха. (Е). Иной раз также, когда наступает конец длительному процветанию, причину ищут не в себе, а обвиняют небеса и расположение светил. Но отчего различные поступки иной раз одинаково полезны или одинаково вредны, я не знаю, хотя и хотел бы знать; однако, чтобы познакомиться с Вашим мнением, я позволю себе смелость высказать свое.

Полагаю, что как природа дала людям разные лица, так они получают от нее и разные ум и воображение, которыми руководствуется каждый. И поскольку, с другой стороны, изменчивы время и обстоятельства — тому, кто идет навстречу времени, все замыслы удаются *как по-писаному* и он процветает; напротив, несчастлив тот, кто отклоняется от времени и обстоятельств. Вследствие этого часто случается так, что двое, действуя по-разному, приходят к одинаковому результату, потому что каждый из них сталкивается с благоприятными для себя обстоятельствами, из которых складывается столько положений, сколько существует провинций и государств. Но так как времена и вещи и в целом, и в частностях подвержены изменениям, а люди не меняют ни своего воображения, ни образа действий, им то сопутствует удача, то их преследует невезение. И поистине, кто был бы настолько умен, чтобы постичь все времена и положения и приспособиться к ним, тому всегда везло бы или он избегал хотя бы неудач; тогда сбылась бы поговорка, что мудрый командует звездами и роком. Но поскольку таких мудрецов не видно, в силу людской близорукости и неумения подчинить себе собственную природу, судьба непостоянна и распоряжается людьми, она держит их под игмом. Для доказательства справедливости этого мнения я ограничусь вышеприведенными примерами, которыми я обосновал его, и пусть они дополняют друг друга. Новому правителю стоит основать свою репутацию на жестокости, коварстве и безверии в той провинции, где человечность, доверие и благочестие давно в избытке. Точно так же там, где некоторое время правили жестокость, коварство и безверие, пригодны человечность, доверие и религия, ибо как горечь воз-

мущает вкус, а сладости приедаются, так людям наскучивает добро, а зло причиняет страдания. Вот в чем причины, наряду с прочими, почему Италия простерлась перед Ганнибалом, а Испания — перед Сципионом; время и обстоятельства оказались благоприятными для образа действий каждого из них. Но в это же самое время человек, подобный Сципиону, не достиг бы такого успеха в Италии, а подобный Ганнибалу в Испании, как каждый из них в своей провинции.

А. Кто не умеет фехтовать, собьет с толку опытного фехтовальщика.

Б. Наконец, никому не давать советы и не пользоваться чужими советами, кроме общего совета каждому — следовать велениям души и действовать смело.

В. Людям наскучивает добро, а зло причиняет страдания; горечь противна вкусу, а сладость приедается.

Г. Искушать судьбу, она дружит с молодыми, и применяться к требованиям времени. Но нельзя и обладать крепостями, и не иметь их; нельзя быть сразу и жестоким, и милосердным.

Д. Когда судьба изнемогает, человек, семья, город переживают крах; удача в судьбе каждого основана на его образе действий и всегда обречена на истощение, в этом случае нужно вернуть ее другим способом.

Е. Сравнение с конем и удилами относительно крепостей.

**Письмо к Луиджи Гвиччардини
от 8 декабря 1509 года**

Досточтимому мужу и любезному брату Луиджи Гвиччардини в Мантую.

Прах побери, Луиджи, подумать только, как по-разному волею судьбы завершаются у людей одинаковые предприятия. Вы

переспали с той женщиной, и стоило появиться у Вас желанию, как Вы хотите повторить, а я после многодневного пребывания здесь за отсутствием супружеских утех стал неразборчивым и тут набрел на старуху, которая стирала мне белье. Она живет в полуподвале, куда свет проникает только через входную дверь. Однажды, когда я проходил мимо, она меня узнала и, обрадовавшись, пригласила заглянуть, посулив немалое удовольствие — якобы у нее была красивая рубашка на продажу. Я, как дурачок, ей поверил и, войдя, увидел в полумраке женщину с полотенцем на голове, закрывавшим лицо. Изображая застенчивость, она жалась в углу. Старая пройдоха подвела меня ближе, взяв за руку, и сказала. «Вот рубашка, которую я вам предлагаю, сперва испробуйте, а потом заплатите за нее». Как человек скорее робкий, я перепугался, но потом, оставшись наедине с этой женщиной и в темноте (потому что старуха сразу вышла и закрыла дверь), я овладел ею; и хотя оказалось, что у нее дряблые ляжки, влажное отверстие и зловонное дыхание, вследствие моего отчаянного желания все сошло. После этого, пожелав увидеть названный товар, я взял из очага горящую головню и зажег висевший наверху светильник. Едва он загорелся, факел чуть не выпал у меня из рук. О ужас! Уродство этой женщины было столь велико, что я чудом не испустил дух на месте. Сперва в глаза бросились лохмы волос, не черных и не седых, но с проседью, и хотя на макушке у нее была лысина, где свободно прогуливались одинокие вши, немногочисленные и редкие пряди достигали бровей, а в середине узкого и морщинистого лба была выжжена отметина, как будто ее заклеямили у рыночного столба. Вместо бровей были кустики волос, облепленных гнидами, из глаз один был выше, а другой ниже и меньше первого, они слезились и источали гной, веки были голыми, нос курносый; одна из сопливых ноздрей обрезана; рот был большой, как у Лоренцо Медичи, но кривой на одну сторону, и оттуда стекала слюнь — из-за отсутствия зубов она не могла сдерживать слюну. Верхнюю губу покрывали довольно длинные, но редкие волосы, вытянутый подбородок торчал немного кверху, на нем росла бородка, доходившая до основания шеи. Потрясенный, я растерянно взирал на это чудовище; заметив мое состояние, женщина хотела спросить: «Что с вами, сударь?», но, будучи кос-

ноязычной, не смогла произнести, и как только она открыла рот, оттуда пахнуло таким зловонием, что мой желудок не в силах был сдержать отвращение, вызванное оскорблением двух нежнейших чувств, которому подверглись их врата — глаза и нос, и меня тут же над ней стошнило.

И, оплатив той монетой, которую она заслужила, я вышел. Клянусь небом, я не верю, чтобы в нынешний приезд меня еще раз посетило желание здесь, в Ломбардии. Однако как Вы благодарите Господа в надежде вновь испытать такое удовольствие, так и я благодарю его, потому что меня теперь не пугает никакое разочарование.

Полагаю, что от этой поездки у меня останется немного денег, и по возвращении во Флоренцию я хотел бы пристроить их в какое-нибудь дельце. Хорошо бы устроить птичник, мне нужно для этого найти помощника. Я слышал, что Пьеро ди Мартино может тут пригодиться, узнайте, подойдет ли ему это, и сообщите мне; если он не возьмется, я подыщу кого-нибудь другого.

Здесьние новости вам перескажет Джованни. Кланяйтесь от меня Якопо и не забудьте о Марко.

Верона, 8 декабря 1509.

Письмо к Франческо Веттори от 9 апреля 1513 года

Светлейший посол!

И я сказал, заметив этот цвет:

«Как, я пойду, когда вождем и другом

Владеет страх, и мне опоры нет?»

Ваше письмо напугало меня сильнее пытки, и все Ваши предположения, что я расстроился, огорчают меня не из-за собственной персоны, ведь я приготовился относиться к неудачам с бесстрашием, но из-за Вас. Умоляю Вас последовать примеру других, которые пробивают себе путь хитростью и нахальством, а отнюдь не талантом и благоразумием; что касается новости относительно Тотто, она неприятна мне постольку, поскольку не-

приятна Вам. Впрочем, я об этом не думаю, и если невозможно его представить, отставьте; и предупреждаю раз навсегда, не принимайте близко к сердцу, о чем бы я ни просил, потому что неудачи не причиняют мне волнения.

Если Вам надоело рассуждать о политике, потому что происходящее часто развеивает все рассуждения и предположения, то Вы правы, ведь то же самое случается и со мной. Но, обращаясь к Вам, я вынужден морочить Вам голову воздушными замками, ибо волею судеб ничего не смыслю ни в производстве шерсти, ни в доходах, ни в убытках, и поэтому должен либо молчать, либо рассуждать о государстве. Если бы я мог выбраться с территории [республики], я бы тоже приехал спросить, дома ли папа; но среди стольких милостей моя по собственной беспечности пошла прахом. Подожду до сентября.

Я слышал, кардинал Содерини сильно обхаживает понтифика. Мне бы хотелось знать Ваше мнение, удобно ли написать ему письмо с просьбой, чтобы он ходатайствовал за меня перед Его Святейшеством, или лучше, если Вы окажете мне эту услугу, переговорив с кардиналом; а может быть, не следует предпринимать ни того, ни другого — я рассчитываю на Ваш ответ.

Вы позабавили меня, напомнив о коне; за него нужно будет платить, когда мне придет в голову, и никак не раньше.

Наш архиепископ, наверное, уже скончался, да хранит Господь души его и его ближних. *Будьте здоровы.*

Флоренция, 9 апреля 1513.

Никколо Макьявелли, в прошлом секретарь.

Письмо к Франческо Веттори от 29 апреля 1513 года

Йезус Мария!

Светлейший и высоко чтимый мною посол. В самые счастливые годы для меня не было большей радости, чем вникать в Ваши размышления, ибо я всегда находил в них нечто поучительное; представьте себе, насколько теперь, когда я лишился всех прочих благ, мне дорого Ваше письмо, которому недостает только

Вашего голоса и живого присутствия; и, читая его — а я прочел его несколько раз, — я забывал о своих бедствиях и, казалось, переносился к тем заботам, коим посвятил столько времени и впустую истраченных трудов. И хотя я закаялся отныне думать и рассуждать о государственных делах, чему свидетельством служат мой отъезд в деревню и уклонение от всяких бесед, тем не менее, чтобы ответить на Ваши вопросы, я вынужден нарушить свой обет, потому что долг той старинной дружбы, что связывает нас с Вами, для меня выше любых обязательств по отношению к другим людям, особенно памятуя о той чести, которую Вы мне оказываете в конце своего письма и которой я, по правде сказать, слегка возгордился, ведь *немалый почет — похвала достохвального мужа*. Боюсь, что Вы не найдете в моих высказываниях прежней остроты, чему извинение я вижу в том, что мысленно распростился с подобными делами и, кроме того, не знаком с подробностями сегодняшней политики. Вы понимаете, насколько можно судить вслепую о таких событиях; все, что я скажу, будет основываться на вашем рассуждении или на моих предположениях, и если они окажутся ошибочными, прошу меня простить по вышеуказанной причине.

Вам угодно знать мое мнение о мотивах, побудивших Испанию заключить перемирие с Францией, хотя, по-Вашему, оно не влечет за собой выгод, с какой стороны ни взглянешь; таким образом, раз поступки короля Вам представляются мудрыми и в то же время он, на наш взгляд, совершил ошибку, Вам остается предположить здесь некий великий замысел, пока непонятный ни Вам, ни кому-либо другому. Поистине, Ваше рассуждение в высшей степени тонкое и разумное, так что добавить к нему, по-моему, нечего. И все-таки, чтобы угодить Вам и не ударить в грязь лицом, я считаю нужным кое-что сказать. На мой взгляд, наибольшие подозрения связаны у Вас с предположением о благоразумии Испанца. По этому поводу замечу, что он всегда казался мне скорее хитрым и удачливым, чем мудрым и осмотрительным. Не стану разбирать все его дела, но его выступление против Франции и Италии, не дожидаясь поддержки Англии и даже без уверенности в этой поддержке, весьма безрассудный для государя

поступок, причем мне всегда казалось, несмотря на благополучный исход, что ради этого предприятия он без всякой нужды поставил на карту все свои владения. Я говорю «без нужды», потому что еще за год до этого он мог видеть, как после стольких оскорблений, нанесенных Франции папой, после нападков на ее друзей, после подстрекательства Генуи к восстанию, наконец, после вызова, брошенного Франции королем, когда он отрядил свои силы на помощь церкви для нападения на ее союзников, победившая Франция, изгнав и лишив папу воинства и получив возможность выдворить его из Рима, а Испанию из Неаполя, не стала этого делать, а склонилась к соглашению; так что Испания могла не бояться Франции, и нет смысла искать причину их союза в том, что Фердинанд хотел обеспечить за собой Неаполитанское королевство, ведь ясно было, что Франция слишком обессилена и нерешительна, чтобы угрожать ему. Если бы Испанец сказал: Франция тогда остановилась, потому что опасалась того-то и того-то, но в другой раз этих опасений может и не быть, то я ответил бы, что ее опасения всегда одни и те же, ибо папа никогда не захочет, чтобы Неаполь вернулся к ней, и всегда Франция должна опасаться, как бы папа и прочие державы не объединились против ее честолюбивых притязаний. А если кто-то скажет: Испания боялась, что если она не объединится с папой против Франции, папа в отместку объединится с Францией против нее, как человек неистовый и вспыльчивый, — вот почему она была вынуждена пойти на это, тогда я возражу, что Франция всегда охотнее пошла бы на союз с Испанией, чем с папой, если бы в то время вообще могла идти речь о таком союзе, как потому, что победа тогда была бы обеспечена, и притом бескровная, так и вследствие обид, нанесенных Франции именно папой, а не Испанией, — чтобы отомстить за них и угодить Соборной церкви, она легко оставила бы папу; итак, я думаю, что в тот момент Испания могла быть посредницей при заключении нерушимого мира или выгодного для себя договора. Однако король пренебрег всеми этими возможностями и вступил в войну, в ходе которой он рисковал потерять все свои владения в результате одного генерального сражения, что и случилось после битвы под Равенной, когда

он приказал Гонсальво отправиться в Неаполь, узнав о поражении, как будто королевство уже отложилось от него, а трон Кастилии заколебался. Ему и в голову не могло прийти, что швейцарцы посчитаются за него и помогут снова обрести утраченное влияние, как оно вышло на деле; итак, если Вы примете во внимание все его поступки и решения в этих обстоятельствах, то увидите, что испанский король наделен скорее хитростью и благосклонностью судьбы, нежели знанием или благоразумием, а когда я вижу, что человек допустил ошибку, то предполагаю, что он может их сделать тысячу; я никогда не поверю, чтобы за его теперешним поступком крылось нечто большее, чем видится, потому что я сужу не по званию и в таких делах полагаюсь не на авторитеты, а на разум. Таким образом, я заключаю, что Испания допустила ошибку в своих расчетах и, возможно, усугубила ее при исполнении.

Но оставим это и, сделав короля из мудрого осмотрительным, будем исходить из этого. Итак, опираясь на эту предпосылку, я скажу, что для установления истины мне нужно знать, было ли объявлено перемирие до известия о смерти понтифика и избрания нового или после, потому что это, пожалуй, не одно и то же; но так как я этого не знаю, то буду предполагать, что до этого. И вот, если я спрошу у Вас, что, по Вашему мнению, надлежало предпринять Испании в таком положении, то Вы мне ответите то же, о чем написали в своем письме: то есть, буде представится возможность, помириться с Францией, возвратив ей, для упрочения мира и устранения повода к войне, [Миланское герцогство]. На это я отвечу, что справедливости ради следует заметить, что король выступил против Франции в надежде нанести ей поражение с помощью папы, Англии и императора, которые на самом деле не оказали ему ожидаемой поддержки; а ведь от папы он ожидал больших денег; от императора какой-нибудь храброй выходки против французского короля; а от Англичанина, молодого, богатого и, разумеется, жаждущего славы, могучего подкрепления, раз уж он собрал войско, так что Франция, стесненная и в Италии, и у себя дома, была бы вынуждена принять его условия; но из всех этих затей ничего не вышло, ибо сначала он получал у

папы деньги, хотя и с трудом, в последнее же время тот не только отказал ему, но и строил козни, беспрестанно пытаюсь его погубить; император отделался лишь поездкой монсеньора Гуркского, негодованием и проклятиями; английский король прислал людей, неизмеримо худших, чем его собственные, так что не завоюй Испанец Наварру еще до выступления Француза, оба его отряда были бы посрамлены, впрочем, они и так вели себя постыдно, потому что один из них все время укрывался в зарослях Фуентераббья, а другой отступил в Памплону и с трудом оборонял ее. Таким образом, имея столько друзей, Испанец оказался в трудном положении и, не надеясь на лучшее, мог ежечасно ожидать худшего, ибо все они вели тайные переговоры с Францией, а так как последняя, в свою очередь, успешно несла бремя расходов, пришла к соглашению с венецианцами и могла положиться на швейцарцев, то испанский король почел за лучшее предупредить враждебные действия французского доступным ему способом, вместо того чтобы подвергаться опасности и идти на непомерные для себя затраты, а я знаю, что в Испании, судя по письмам оттуда, нет ни денег, ни возможности их собрать, королевское же войско состоит из одних новобранцев, которые к тому же проявляют непослушание; итак, я полагаю, что король намеревался покончить с войной в Испании и избежать расходов, потому что если бы на этот раз он уступил Памплону, то потерял бы Кастилию наверняка, а ему, разумеется, незачем так рисковать. Что касается обстановки в Италии, то с весьма твердым основанием он мог полагаться разве что на своих людей, но ни на папу, ни на швейцарцев, ни на императора не мог уповать сверх должного, лишь ожидая, что нужда научит папу и других итальянцев поступать правильно; и я думаю, что его соглашение с Францией не стало бы прочнее, отдай он ей герцогство, как, по-Вашему, ему следовало поступить — потому что он его не на дороге нашел, да и пользы в том не видно; ведь я думаю, Франция на это не пошла бы, к тому времени она уже договорилась с венецианцами и, не доверяя Испанцу с его армией, решила бы, что тот хочет не столько прийти к соглашению с ней, сколько расстроить ее договор с другими. Что до Испании, для нее такой поступок был бы

совершенно бесполезным, ибо могущество Франции в Италии усиливалось независимо от того, каким образом она заполучила бы герцогство. И если для его приобретения было достаточно испанского оружия, то для защиты потребовалось бы свое войско, и немалое, а оно насторожило бы Испанию и итальянцев не меньше, чем если бы прибыло захватить Милан силой; ведь клятвы и обещания в наши дни ничего не стоят. Так что с этой стороны Испания не была бы в безопасности, с другой же стороны, она шла на верную потерю, потому что мир с Францией мог быть заключен либо с согласия союзников, либо без него; но заручиться таким согласием казалось невозможно ввиду невозможности помирить между собой папу, Францию, венецианцев и императора, следовательно, мир с одобрения союзников был несбыточной мечтой. Итак, оставалось заключить его вопреки их противодействию, но это было к явной невыгоде монарха, ибо он таким образом увеличивал чужое могущество и сближался с королем, который при первом же удобном случае с полным основанием вспомнил бы скорее о старых обидах, чем о новых благодеяниях; одновременно он восстанавливал против себя всех правителей в Италии и вне ее, потому что сначала рассорил всех с Францией, а потом бросил бы их и тем нанес великое оскорбление. И потому, заключив этот мир (как, по-Вашему, ему следовало поступить), он обеспечивал величие Франции и ненависть союзников к себе, верность же Франции не обеспечивал, а на ней должны были бы покоиться теперь все его расчеты, раз уж он возвеличил ее и унижил других; но мудрые государи никогда, разве что под давлением необходимости, не отдают себя на произвол других. Итак, я заключаю, что самым надежным для себя он посчитал заключить перемирие, ибо с его помощью он указывает соратникам на их ошибку, не вызывая их упреков, и дает время расстроить это перемирие, предлагая его на их одобрение; при этом он устраняет угрозу войны из своих владений, но приводит снова в расстройство и замешательство дела в Италии, где он находит новый повод для беспорядков и камень преткновения; как уже сказано выше, он надеется, что необходимость вразумит каждого и что папе, императору и швейцарцам не по вкусу придется владыче-

ство венецианцев и Франции в Италии, поэтому, считает он, если они и не сумеют помешать Франции занять Ломбардию, то по крайней мере помогут ему не пустить французов дальше; а папа и вовсе будет вынужден всецело довериться ему, ведь можно полагать, что с венецианцами и их сторонниками папе не удастся прийти к соглашению относительно Романьи. Таким образом, при перемирии победа Франции представляется сомнительной, нет нужды полагаться на ее обещания, и не надо опасаться измены союзников; потому что император и Англия либо присоединяются к перемирию, либо нет: в первом случае они сочтут его выгодным и безопасным для всех; в противном случае они станут готовиться к войне и собирать большее войско, чем в прошлом году, чтобы во всеоружии выступить против Франции; в обоих случаях это соответствует замыслам Испании. Поэтому я полагаю, что цель короля заключалась именно в этом и что этим перемирием он думает либо заставить императора и Англию вести войну всерьез, либо, опираясь на них, покончить с ней к своей выгоде и не прибегая к оружию. Любое другое решение, то есть продолжение войны или заключение мира вопреки их желанию, таило в себе опасность для него; почему он и выбрал средний путь, который может привести и к войне, и к миру.

Если Вы внимательно следили за поступками этого короля, то перемирие не покажется Вам столь уж удивительным. Он достиг теперешнего величия, хотя сперва удача сопутствовала ему мало и редко, и все время ему приходилось покорять новые провинции и неверных подданных. А один из способов удержать вновь приобретенную власть, а также остановить колеблющихся или заронить в них опасения и нерешительность состоит в том, чтобы внушать большие ожидания и подогревать в людях любопытство к исходу новых предприятий и затей. Испанский король отлично знает и использует это средство, как можно судить по войне в Гренаде, набегам на Африку, вторжению в королевство и прочим его поступкам, в которых он не видит самоцели, потому что его цель не в том, чтобы одержать ту или иную победу или сделать то или иное приобретение, а в том, чтобы еще выше подниматься в глазах своих народов и благодаря многообразию начи-

наний держать их в постоянном ожидании; поэтому он принимается за множество дел и завершает их по подсказке судьбы и по велению необходимости; до сей поры удача и сила духа не изменяли ему. Мое мнение подтверждается разделом королевства Неаполитанского между ним и Францией, который должен был неминуемо привести к войне против нее с весьма сомнительным для короля исходом; он же не мог знать, что разобьет французов в Апулии, Калабрии и при Гарильяно. Но он довольствовался для затравки тем, что об этом заговорили, и понадеялся как-нибудь управиться с помощью везения или обмана — так оно и случилось. Подобным образом он всегда поступал и будет поступать, в чем можно будет убедиться в результате всех этих интриг.

Все мое рассуждение строилось на предположении, что папа Юлий был еще жив, но если бы король узнал о смерти папы и об избрании нового, он поступил бы точно так же, ибо если Юлию он не мог доверять вследствие его непостоянного, отчаянного, необузданного и прижимистого нрава, то теперешнему папе он не может доверять в силу ума последнего. И если у Испанца есть толика благоразумия, он не станет рассчитывать на некоторые благодеяния, оказанные тому еще в бытность его в *низшем ранге*, или на былые связи, потому что тогда будущий папа подчинялся, а теперь командует; тогда играл за других, теперь за себя; раньше в чужих интересах сеял смуту, теперь выступает миротворцем.

Письмо к Франческо Веттори от 26 августа 1513 года

Господин посол.

Ваше письмо от 20 числа устрало меня, ибо его построение, многообразие доводов и прочие качества так действуют на воображение, что я поначалу впал в замешательство и растерянность; и если бы при вторичном прочтении слегка не оправился, то, верно, был бы неспособен отвечать или написал бы о чем-нибудь другом. Но, привыкая к нему, я уподобился Лисе, которая впервые увидела Льва и чуть не умерла от страха; на другой раз она остановилась поблизости, а на третий завела с ним

разговор — так и я, в общении с Вашим письмом набравшись храбрости, отвечаю Вам.

Касательно положения дел в мире я прихожу к выводу, что нами управляют несколько государей, имеющих следующие врожденные и благоприобретенные качества: папа у нас умный, и поэтому он тяжел на подъем и осторожен; император непостоянен и изменчив; французский король спесив и робок; испанский король — скупец и скряга; английский король богат, жестокосерд и устремлен к славе; швейцарцы свирепы, победоносны и дерзки; мы здесь, в Италии, бедны, тщеславны и малодушны; что до прочих королей, я их не знаю. Таким образом, соразмеряя эти качества с делами, кои сейчас замышляются, нужно согласиться с братом, который повторял: *«Мир, мир, а мира не будет»*, и я вижу, что любой мир трудно будет заключить — что Ваш, что мой. Если Вам угодно считать, что мой труднее, я согласен, но хочу, чтобы Вы терпеливо выслушали мое мнение о тех пунктах, где я подозреваю у Вас ошибки, и о тех, где мне кажется, что вы наверняка ошибаетесь. Подозреваю я следующее: что Вы слишком рано посчитали французского короля ничтожеством, а английского короля великим монархом. Мне кажется несуразным, чтобы у Француза не набралось больше десяти тысяч пехоты, потому что в своей стране, даже без помощи немцев, он может набрать немало таких, которые если и уступят немцам, то не англичанам. Я вынужден так заключить, видя, что английский король со всем его неистовством, со всем его войском, со всей жаждой расколошматить, как говорят сиенцы, Француза, не взял еще Теруана, замка вроде Эмполи, берущегося с первого приступа, пока люди еще не остыли. Этого для меня достаточно, чтобы не бояться особенно Англии и не слишком принижать Францию. Я думаю, что медлительность французского короля намеренная и объясняется не робостью, а надеждой, что Англичанин не сумеет закрепить на его территории и с приближением зимы будет вынужден вернуться на свой остров или, оставшись во Франции, подвергнуться риску, ибо тамошние места болотистые и лишены растительности, так что его войско уже сейчас, наверное, терпит большие неудобства; поэтому я и считал, что папе и Испании не со-

ставит труда повлиять на Англию. Мое мнение, кроме того, подтверждается и нежеланием Франции отказаться от Собора, ведь если бы французский король был в стесненных обстоятельствах, он дорожил бы всякой поддержкой и старался бы ни с кем не ссориться.

Что Англичанин платит швейцарцам, я готов поверить, но удивительно, если он делает это через императора, ведь, по моему, тот предпочел бы дать денег своим, а не швейцарцам. У меня в голове не укладывается, как это император проявляет такую неосмотрительность, а вся остальная Германия такую беспечность, что позволяют так возвыситься швейцарцам. Но если на деле так оно и есть, то я уже не берусь дальше рассуждать, потому что это противно всякому человеческому разумению. Не пойму тоже, каким образом могло случиться, что у швейцарцев была возможность занять Миланский замок, но они этого якобы не захотели, ибо, на мой взгляд, получив его, они достигают своей цели, и им следовало так и поступить вместо того, чтобы идти завоевывать Бургундию для императора. Отсюда я заключаю, что вы совершенно ошибочно полагаете, будто швейцарцы внушают опасения в большей или меньшей степени. Я-то думаю, что их следует опасаться чрезвычайно; Каза — свидетель, как и многие мои друзья, с которыми я обычно беседую о политике, что я никогда не переоценивал венецианцев, *даже* во времена их высшего могущества, ибо для меня великое чудо состояло не в том, что они завоевали и удерживали обширные владения, а в том, что они не лишились их. При этом их крушение было еще слишком почетным, ибо французский король поступил так, как на его месте поступил бы какой-нибудь герцог Валентино или другой удачливый кондотьер, возвысившийся в Италии и собравший пятнадцатитысячное войско. Я исходил из того, что у венецианцев не было собственных солдат и полководцев. И по той же причине, по которой я не боялся их, я и боюсь теперь швейцарцев. Не знаю, что там пишет Аристотель о расколе республик, но я хорошо знаю, что может быть, бывает и было по логике вещей, помню, я читал, что лукумоны владели всей Италией вплоть до Альп, пока не были изгнаны из Ломбар-

дии галлами. Если не возвысились этолийцы и ахейцы, то это произошло не по их вине, а в силу временных обстоятельств, ибо над ними постоянно висела сперва угроза со стороны царя Македонии, своим могуществом преграждавшего им дорогу, а затем со стороны римлян; так что им помешала выступить на сцену сторонняя сила, а не недостаток храбрости. Ба! им не нужны подданные, потому что они не видят в том пользы; сейчас они так говорят, потому что пока ее не видят; но, как я уже говорил Вам по другому поводу, события развиваются постепенно, и часто необходимость побуждает людей к тому, чего они делать не собирались, а в обычае народов — не спешить. На сегодняшний день их данниками в Италии уже являются герцог Миланский и папа; и эти поступления они занесли в приход, так что не захотят их лишиться, а когда наступит время и один из источников иссякнет, они сочтут это за бунт и вмешаются, одержав же верх, пожелают обеспечить себя на будущее и для того наложат на покоренных еще кое-какие стеснения, так понемногу дело и пойдет. Не стоит полагаться также и на то оружие, которое, как Вы говорите, в один прекрасный день окажется полезным для Италии, — это невозможно. Во-первых, у итальянцев слишком много вождей и они разъединены, и не видно, кто мог бы их возглавить и объединить; во-вторых, это невозможно из-за швейцарцев. Вам следует понять, что наилучшее войско — это войско вооруженного народа, и противостать ему может только подобное же. Припомните воинства, покрывшие себя славой: вы найдете римлян, лакедемонян, афинян, этолийцев, ахейцев, орды заальпийцев и увидите, что великие подвиги совершали те, кто вооружил свои народы, как Нин ассирийцев, Кир персов, Александр македонцев. Единственный пример, когда великие дела творили разношерстные армии, — это пример Ганнибала и Пирра. Причина тому — необычайная доблесть вождей, обладавшая такой силой воздействия, что она так же воодушевляла и дисциплинировала эти смешанные войска, как бывает с народными ополчениями. Если Вы рассмотрите поражения Франции и ее победы, то увидите, что она брала верх в сражениях с итальянцами и испанцами, чьи войска

подобны ее собственным. Но теперь, когда она имеет дело с вооруженными народами, каковы швейцарцы и англичане, она проиграла и, боюсь, будет проигрывать и впредь. Для людей понимающих поражение французского короля было заранее предрешено, раз он не захотел иметь собственных солдат и разоружил свой народ, а это противоречит всем поступкам и обычаям, бывшим в заводе у благоразумных и великих, по общему мнению, людей. Впрочем, этот недостаток не был присущ прошлым правлениям, а только начиная с короля Людовика и поныне. Так что не надейтесь на итальянское оружие, будь оно однородным, как у [швейцарцев], или будь оно сборным и равноценным их войску. Что до расколов или разногласий, о которых Вы упоминаете, не думайте, что из них выйдет что-нибудь путное, пока у швейцарцев соблюдаются законы, а законы, надо полагать, некоторое время будут соблюдаться. Там не может быть вождей, имеющих сторонников, им неоткуда взяться, а вожди без сторонников легко укрощаются и немногого стоят. Если там кого-то казнили, это, видимо, какие-то пособники французов, пожелавшие выступить в их пользу в учреждениях власти или иным способом и обнаруженные; расправа с ними для государства не представляет большей опасности, чем когда здесь повесят изрядное число повинных в разбое. Я не думаю, чтобы швейцарцы основали империю, как у римлян, но они, пожалуй, могут стать вершителями судеб Италии в силу своего соседства и царящих в ней смут и раздоров; и так как меня это пугает, я желал бы им помешать, но если сил Франции на это неостанет, другого средства я не вижу и посему начну теперь же оплакивать вместе с Вами нашу гибель и рабство, которые наступят, может быть, не сегодня и не завтра, но, во всяком случае, в наши дни; этим Италия будет обязана папе Юлию и тем, кто ничего не предпринимает, если еще можно что-то предпринять, для ее спасения.

26 августа 1513.

Никколо Макьявелли, во Флоренции.

Письмо к Франческо Веттори от 10 декабря 1513 года

Светлейшему флорентийскому послу у верховного понтифика и своему благодетелю, Франческо Веттори, в Рим.

Светлейший посол. «Божья благодать ко времени приходит». Говорю так, потому что мне казалось, что я если не потерял совсем, то утратил Вашу благосклонность, ведь Вы мне не писали довольно давно, и я недоумевал относительно причины этого. Все, что приходило мне в голову, не заслуживало внимания, я мог разве что предположить, не воздерживаетесь ли Вы от переписки со мной, получив известие, что я плохо распоряжаюсь Вашими письмами; но я помню, что за вычетом Филиппо и Паголо никому их не показывал. Наконец, ко мне пришло от Вас письмо за 23 число прошлого месяца, из которого я, к своему удовлетворению, вижу, сколь спокойно и размеренно Вы исполняете обязанности своей службы, и я призываю Вас продолжать в том же духе, ибо кто забывает о своей выгоде ради выгоды другого, тот и свое потеряет, и от других благодарности не дождетя. А поскольку судьба любит распоряжаться по-всякому, нужно положиться на нее, не тревожиться и не искушать ее, в ожидании того времени, когда она и людям даст возможность действовать; тогда-то и Вам придется потрудиться и во все вникать, а мне распротиться с деревней и сказать: вот он я. Поэтому, желая оказать Вам равную услугу, я могу только описать в этом письме собственный образ жизни, и если Вы пожелаете обменять его на Ваш, охотно соглашусь.

Я сижу в деревне и со времени последних происшествий не провел во Флоренции полным счетом и двадцати дней. До сих пор занимался собственноручной ловлей дроздов. Поднявшись до света, я намазывал ловушки клеем, затем обходил их, нагруженный связкой клеток, как Гета, когда он возвращался из порта с книгами Амфитриона, и собирал от двух до шести дроздов. Так я провел весь сентябрь, а затем, к своему неудовольствию, лишился этого развлечения, хотя оно чересчур ничтожно и непривычно; и теперь расскажу, как я живу. Встаю я с солнцем и иду в лес, который распорядился вырубить; здесь в течение двух часов

осматриваю, что сделано накануне, и беседую с дровосеками, у которых всегда в запасе какая-нибудь размолвка между собой или с соседями. Я мог бы рассказать массу любопытных вещей, которые случились у меня из-за этих дров с Фрозино да Панцано и с другими. Фрозино, например, не говоря мне ни слова, забрал несколько поленниц, а расплачиваясь, хотел удержать с меня десять лир, которые он, по его словам, четыре года назад выиграл в крикку в доме Антонио Гвиччардини. Меня это порядком взбесило, и я собирался обвинить возчика, приехавшего за дровами, в воровстве; *однако* вмешался Джованни Макьявелли и помирил нас. Когда разразилась известная буря, Баттиста Гвиччардини, Филиппо Джинори, Томмазо дель Бене и еще кое-кто из горожан пожелали взять по одной поленнице. Я пообещал всем и одну отправил Томмазо, но до Флоренции дошла лишь половина, потому что ее составлением занимались он сам, жена, прислуга и дети, так что все это напоминало Габурру, когда он по четвергам вместе с подручными расправляется с быком. Тогда, размыслив, на ком можно заработать, я сказал остальным, что дров больше нет; причем все огорчились, особенно Баттиста, который причислил это к прочим последствиям поражения при Прато.

Выйдя из леса, я отправляюсь к источнику, а оттуда на птицеводный ток. Со мной книга, Данте, Петрарка или кто-нибудь из второстепенных поэтов, Тибулл, Овидий и им подобные: читая об их любовных страстях и увлечениях, я вспоминаю о своем и какое-то время наслаждаюсь этой мыслью. Затем я перебираюсь в придорожную харчевню и разговариваю с проезжающими — спрашиваю, какие новости у них дома, слушаю всякую всячину и беру на заметку всевозможные людские вкусы и причуды. Между тем наступает час обеда, и, окруженный своей командой, вкушаю ту пищу, которой меня одаривают бедное имение и скудное хозяйство. Пообедав, я возвращаюсь в харчевню, где застаю обычно в сборе хозяина, мясника, мельника и двух кирпичников. С ними я убиваю целый день, играя в триктрак и в крикку; при этом мы без конца спорим и бранимся и порой из-за гроша поднимаем такой шум, что нас слышно в Сан Кашано. Так, не гнушаясь этими тварями, я задаю себе встряску и даю волю своей

проклятой судьбе — пусть сильнее втоптывает меня в грязь, посмотрим, не станет ли ей наконец стыдно.

С наступлением вечера я возвращаюсь домой и вхожу в свой кабинет; у дверей я сбрасываю будничную одежду, запыленную и грязную, и облачаюсь в платье, достойное царей и вельмож; так должным образом подготовившись, я вступаю в старинный круг мужей древности и, дружелюбно ими встреченный, вкушаю ту пищу, для которой *единственно* я рожден; здесь я без стеснения беседую с ними и расспрашиваю о причинах их поступков, они же с присущим им человеколюбием отвечают. На четыре часа я забываю о скуке, не думаю о своих горестях, меня не удручает бедность и не страшит смерть: я целиком переношусь к ним. И так как Данте говорит, что «исчезает вскоре то, что, услышав, мы не затвердим», я записал все, что вынес поучительного из их бесед, и составил книжицу «*О государствах*», где по мере сил углубляюсь в размышления над этим предметом, обсуждая, что такое единоличная власть, какого рода она бывает, каким образом приобретается и сохраняется, по какой причине утрачивается. И если Вам когда-либо нравились мои фантазии, Вы и эту примете не без удовольствия, а государю, особенно новому, она может пригодиться, и я адресую ее Его Светлости Джулиано. Филиппо Казавеккья видел эту книжку; он может подробнее описать, что она собой представляет и какие мысли я провожу в ней, хотя я еще не кончил ее пополнять и отделывать.

Вы, светлейший посол, желали бы, чтобы я простился со здешней жизнью и приехал к Вам наслаждаться радостями Вашей. Я обязательно так и поступлю, но сейчас меня отвлекают некоторые дела, они займут у меня полтора месяца. Что внушает мне опасения, так это присутствие там Содерини, которых мне, приехав туда, пришлось бы навестить и говорить с ними. Не уверен, что по возвращении, направляясь домой, я не угодил бы в Барджелло, потому что хотя теперешнее правление покоится на прочном и безопасном основании, *все-таки* оно новое и в силу этого страдает мнительностью, тем более что здесь хватает умников, которые готовы засадить тебя в тюрьму, лишь бы уподобиться Паголо Бертини, а остальное — не их забота. Пожалуйста, войдите в мое положение, а я, через указанное время, непременно навещу Вас.

Я обсуждал с Филиппо, стоит ли подносить мою книжку или не стоит, и если подносить, то самому или послать ее через Вас. К тому, чтобы не подносить, меня склоняет опасение, что Джулиано ее даже и не прочитает, а этот Ардингелли присвоит себе честь моих последних трудов. К подношению же меня побуждает жестокая необходимость, ибо я разоряюсь и пройдет совсем немного времени, как я погрязну в жалкой нищете, не говоря о моем желании, чтобы эти синьоры Медичи вспомнили о моем существовании и поручили хоть камень в гору катить, потому что, если они и тут не обратят на меня внимания, мне придется пенять только на себя; а по прочтении этой вещи будет видно, что я не проспал и не проиграл в бирюльки те пятнадцать лет, которые были посвящены изучению государственного искусства, и всякий захочет использовать богатый опыт человека, готового им поделиться. Что касается моей верности, в ней не следует сомневаться, потому что, ранее всегда соблюдая верность, я не могу теперь вдруг научиться ее нарушать; и кто был верным и честным, как я, сорок три года, не изменит свою природу за один миг; свидетельство моей верности и честности — моя бедность.

Итак, мне хотелось бы познакомиться с Вашим мнением обо всем этом, и с тем себя препоручаю Вашему вниманию.

Будьте счастливы.

10 декабря 1513 г.

Никколо Макьявелли, во Флоренции.

Письмо к Франческо Веттори от 3 августа 1514 года

Вы, куманек, очень порадовали меня известиями о Вашей влюбленности в Риме и безмерно утешили мою душу, заполнив ее описанием своих восторгов и обид, которые всегда ходят друг за другом. А меня судьба забросила в такое место, где я поистине могу отплатить Вам тем же, потому что здесь, в деревне, я встретил существо столь милое, столь утонченное и привлекательное как врожденным благородством, так и своими качествами, что не нахожу достаточных слов ни для ее восхваления, ни для выражения любви. Как и Вы, я мог бы рассказать о зарождении этого

чувства, о том, в какие сети оно меня захватило, где сплело их, чем украсило; и Вы увидели бы, что это были сети, сплетенные Венерой на лоне цветов из золота, сети столь нежные и тонкие, что хотя черствое сердце могло бы разорвать их, я не решился, и пока блаженствовал в этих сладких тенетах, их слабые нити окрепли и стянулись прочными узами. Не подумайте, что Амур воспользовался своими обычными средствами, чтобы завлечь меня в ловушку; зная, что они тут непригодны, он прибегнул к невиданным уловкам, от которых я не сумел, да и не захотел уберечься. Довольно сказать, что на пороге пятидесяти лет меня не смущает солнечный зной, не останавливает трудная дорога и не страшит ночной мрак. Любая задача мне кажется по плечу, к любому желанию, *даже* чуждому и противоположному тому, что подобало бы мне, я приноравливаюсь. И хотя я вижу мучительность своего состояния, меня переполняет нежность как от созерцания этого редкостного и приятного создания, так и потому еще, что я отложил в сторону воспоминание обо всех своих печалях; и ни за что на свете не желал бы стать свободным, если бы и мог. Итак, я оставил помыслы о серьезных и великих делах, мне больше не доставляет удовольствия читать о событиях древности или рассуждать о современных, весь мой ум занят галантными похождениями, за что я благодарю Венеру и подвластный ей Кипр. Поэтому, если Вам случится писать о нежных чувствах, пишите смело, о прочих же предметах говорите с теми, кто больше ценит и лучше в них разбирается, ибо последние принесли мне одни огорчения, а первые лишь удовольствие и благо. Будьте здоровы.

Из Флоренции, 3 августа 1514 г.

Ваш Никколо Макьявелли.

Письмо к Франческо Веттори от 20 декабря 1514 года

Светлейший посол.

Вы задели меня за живое, так что если я утомлю Вас своей писаниной, скажите: провались я, что написал ему. Боюсь, что ответ, даваемый мною на Ваши вопросы, покажется Вам слишком сжатым в той части, которая относится к нейтралитету, а так-

же там, где я обсуждаю, чем может быть опасен победитель в случае, если потерпит поражение та сторона, к которой мы примкнем; ибо в обоих случаях следует рассмотреть много вопросов. Посему я снова взялся за перо, возвращаясь к этому же предмету. Что касается нейтралитета, одобряемого, по-моему, многими, то для меня он неприемлем, потому что я не припомню ни одного случая, которому я сам был свидетелем или о котором читал, чтобы нейтралитет был полезен, напротив, его последствия всегда губительны, ибо они ведут к верному поражению; и хотя причины этого Вам понятны еще лучше, чем мне, все же я Вам их напомним.

Вы знаете, что главная задача всякого государя состоит в том, чтобы избегать ненависти и презрения; *fugere in effectu contemptum et odium*; если он за этим следит, его дела будут в порядке. Это условие нужно соблюдать как в отношении союзников, так и в отношении подданных; если же государь *не избежал хотя бы презрения*, его песенка спета. На мой взгляд, среднее положение между двумя противниками — это не что иное, как способ заслужить ненависть и презрение, ибо из этих двоих одному всегда покажется, что ты обязан разделить его судьбу, благодаря ли оказанным им благодеяниям или старинной дружбе, и если ты не последуешь за ним, он затаит ненависть против тебя. Другой же, увидев твою робость и нерешительность, станет тебя презирать, и ты прослывешь сразу никчемным другом и безвредным врагом, так что, кто бы из них ни победил, он не задумываясь с тобой расправится. Эту мысль в двух словах выразил Тит Ливий, вложив ее в уста Тита Фламиния, который сказал ахейцам, когда Антиох убеждал их сохранять нейтралитет: *«В вашем положении ничто не может быть хуже; утратив достоинство и снисхождение, вы станете наградой победителю»*. К тому же в ходе войны у обоих противников неизбежно накапливается множество поводов возненавидеть тебя, ибо в большинстве случаев третий располагается в таком месте, что разными способами может помочь тому или другому, и вскоре после того, как война развязана, оказывается, что то решение, которое ты не захотел принять в открытую, когда оно сулило тебе благодарность одной из сторон, теперь ты вынужден вынашивать втайне, уже не надеясь

приобрести чью-то милость; и даже если ты его так и не примешь, оба будут убеждены, что ты встал на чужую сторону. Если судьба проявит благосклонность к нейтральному государю и во время войны не возникнет справедливых причин для ненависти к нему, то они обязательно появятся после ее окончания, ибо все обиженные и опасющиеся его прибегнут к покровительству победителя со своими жалобами и притязаниями. На возражение, что папа, вследствие уважения к его персоне и к церковной власти, находится в другом положении и для него всегда отыщется спасительный приют, я бы ответил, что этот довод заслуживает внимания и отчасти на него можно полагаться, но все же не следует уповать на это, а и напротив, по зрелом размышлении, не стоит даже и принимать его в расчет, чтобы тщетная надежда не склонила к дурному решению; ибо все случавшееся прежде, на мой взгляд, может произойти и теперь, а я знаю, что папам приходилось в свое время спасаться бегством, укрываться от преследования, прозябать на чужбине и подвергаться смертельным опасностям, как обычным светским властителям, и это было тогда, когда Церковь пользовалась гораздо большим духовным влиянием, чем сегодня. Итак, если Его Святейшество подумает о том, где находятся его владения, кто с кем воюет и у кого появится возможность воззвать к милости победителя, то я полагаю, что он не остановится на нейтралитете, а предпочтет примкнуть к той или иной стороне; таким образом, я не могу ничего добавить относительно нейтралитета и его продления по сравнению с прошлым разом, потому что выше все сказано.

Наверное, по письму, которое я написал Вам, кажется, что я склоняюсь на сторону Франции и что эта привязанность может далеко меня завести, а мне не хотелось бы, чтобы это было так, потому что я стараюсь всегда сохранять ясность суждения, особенно о таких вещах, и не увлекаться пустыми мечтаниями, как делают многие; если я и неравнодушен к Франции, мне кажется, тут нет ошибки, так что перечислю Вам еще раз свои мотивы, и это будет чем-то вроде подведения итогов написанного. Когда соперничают два властелина, чтобы узнать, кто победит, мало измерить силы одного и другого, нужно еще видеть, сколько способов одержать победу у каждого из

них. Я не нахожу у здешней стороны другого выхода, как только немедленно дать генеральное сражение, для Франции же годны и все остальные пути, как я подробно описал Вам. Вот первая причина, почему положение Франции кажется более основательным. Далее, если мне предстоит объявить себя союзником одного из противников и я вижу, что одному я принесу бесспорную победу, а для второго она и при моем участии останется сомнительной, по-моему, выбирать надо всегда бесспорное, отбросив любые обязательства, выгоды, опасения и все прочее, что мне мешает. Полагаю, что если папа присоединится к Франции, двух мнений быть не может, если к другим — исход очень сомнителен по указанным мною в прошлый раз причинам. Кроме того, все умные люди, когда могут не ставить на карту все свое достояние, так и поступают, а рассчитывая на худший результат, из двух зол выбирают меньшее; и поскольку повороты судьбы трудно предвидеть, они полагаются на удачу того, кому в худшем случае придется менее тяжело. Его Святейшество занимает «два поля», одно в Италии, другое во Франции. Присоединясь к Франции, он рискует проиграть одно из них, с ее противниками рискует двумя. Если он поссорится с Францией и та победит, ему придется разделить участь ее врагов и отправиться умирать от голода в Швейцарию, предаваться отчаянию в Германии или быть разоренным и проданным в Испании. Если же папа пристанет к Франции и потерпит поражение, то во Франции остается, как у себя дома, сохраняет целое царство, покорное себе, то есть власть папы, и дружбу государя, который тысячу раз может вернуть себе бывшее положение путем переговоров или войны.

Будьте здоровы, и тысячекратно Вам кланяюсь.

20 декабря 1514 г.

Никколо Макьявелли, во Флоренции

Письмо к Франческо Гвиччардини от 17 мая 1521 года

Сиятельному Господину Франческо Гвиччардини, доктору прав, достойнейшему и мною высоко чтимому губернатору Модены и Реджо.

Светлейший и глубокоуважаемый муж! Я был в нужнике, когда прибыл Ваш гонец, и как раз раздумывал о странностях

этого мира, стараясь представить, какого проповедника я выбрал бы для Флоренции, чтобы он был мне по вкусу, потому что в этом я хочу быть столь же упрямым, как и в других своих мнениях. А поскольку я никогда не упускал возможности быть полезным нашей республике если не делом, то словом, и если не словом, то хоть намеком, я не собираюсь упустить ее и на этот раз. Правда, я знаю, что, как и во многих других вещах, вступаю в противоречие с мнением своих сограждан: они желают проповедника, который научил бы их, как попасть в рай, а я хочу найти такого, чтобы он показал им дорогу к дьяволу; им желательно также заполучить мужа благоразумного, настоящего праведника, а мне — такого, чтобы он был большим сумасбродом, чем Понцо, большим ловкачом, чем брат Джироламо, большим лицемером, чем фра Альберто, ибо мне кажется чудесной выдумкой, достойной нашего славного времени, соединить в одном монахе все то, что мы наблюдали у нескольких; ведь, по-моему, это и будет правильный путь в рай: изучить дорогу в ад, дабы избегать ее. Помимо этого, видя, каким доверием пользуется негодяй, действующий под личиной благочестия, легко себе представить, чего достигнет достойный, если на деле, а не из притворства двинется по стопам св. Франциска. Итак, находя удачной свою затею, я решил взять Ровайо, и если он похож на других братьев и сестер, то все будет в порядке. Буду признателен, если в следующем письме Вы мне выскажете свое мнение.

Я пребываю здесь в праздности, потому что не могу выполнить поручение, пока не выбраны генерал и дефиниторы, и обдумываю тем временем, как бы заронить среди них семена смуты, чтобы они начали пинать друг друга своими деревянными туфлями, здесь или еще где; если я не свихнусь, думаю, что преуспею в этом и что совет и помощь Вашего Превосходительства были бы очень кстати. Поэтому было бы не худо, если бы Вы приехали сюда как будто развеяться или хотя бы в письме подсказали какой-нибудь ловкий ход, если же с этой целью Вы будете ежедневно присылать ко мне нарочного, как сегодня, то убьете сразу двух зайцев: во-первых, вы меня в чем-нибудь просветите, а во-вторых, поднимете меня в глазах домашних, учащая важные уве-

домления. Скажу Вам, что появление этого стрелка с письмом, с поклоном до земли и со словами, что он послан спешно, произвело здесь столько шуму и почтительной суеты, что все пошло вверх дном, и многие стали расспрашивать меня о новостях; я же, чтобы еще повысить свой авторитет, сообщил им, что императора ожидают в Тренто, что швейцарцы опять собираются на сейм и что французский король хотел приехать на свидание с нашим королем, но советники ему отсоветовали; так что все они стояли с непокрытыми головами и разинув рты; и теперь, пока я пишу, меня окружают несколько человек, которые дивятся тому, как долго я это делаю, и смотрят на меня, как на одержимого; а я, чтобы сильнее поразить их, иной раз застываю с пером в руке и надуваюсь, и тогда они еще больше раскрывают рты, но если бы они знали, что я Вам пишу, то удивились бы еще сильнее. Вашей Милости известна поговорка здешних братьев, что если кто утвердился в благодати, у дьявола нет больше власти искушать его. Поэтому я не боюсь заразиться лицемерием от этих монахов, ведь я, кажется, утвердился вполне.

Что касается вранья обитателей Карпи, то я сравнюсь со всеми ими, ведь я давно превзошел эту науку настолько, что не нуждаюсь даже в таком подручном, как Франческо Мартелли; потому что с некоторых пор никогда не говорю того, что думаю, и никогда не думаю того, что говорю, если же мне случается сказать правду, я скрываю ее под таким ворохом лжи, что ее и не сыщешь.

С губернатором я не говорил, потому что, раз уж я нашел себе пристанище, мне казалось это излишним. Правда, сегодня утром в церкви я имел случай полюбоваться им, когда он рассматривал живопись. Сложение его мне показалось удачным и наводящим на мысль о соразмерности части и целого, а также о том, что он кажется тем, что есть, и что его уродство не бред; и если бы под рукой у меня было Ваше письмо, я бы воспользовался случаем почерпнуть из этого источника. Впрочем, ничего не потеряно, и завтра я жду от Вас совета насчет моих дел с одним из этих солдат, только пусть скачет быстро и приезжает сюда весь взмокший, чтобы сразить всю команду; этим Вы окажете мне честь, и одновременно Ваши стрелки разомнутся, а для коней к лету это очень

полезно. Написал бы Вам еще, но не хочу напрягать воображение, чтобы во всей свежести сохранить его на завтра. Поручаю себя Вашей Милости, *да пребудет всегда в желанном здравии.*

В Карпи, 17 мая 1521 г.

Ваш покорнейш. Никколо Макьявелли,
посланник к братьям-миноритам.

Письмо к сыну от 2 апреля 1527 года

Моему дорогому сыночку Гвидо от Никколо Макьявелли.

Гвидо, дражайший мой сыночек, я получил твое письмо, которое меня очень порадовало, особенно известием, что ты выздоровел, ведь для меня ничего нет важнее этого; и если Господь продлит твои и мои дни, я надеюсь вырастить из тебя порядочного человека, коль скоро и ты приложишь необходимое старание; потому что кроме больших связей, которыми я располагаю, я завязал еще дружбу с кардиналом Чибо, и столь тесную, что сам удивляюсь; она пойдет тебе на пользу, но ты должен учиться. И раз ты не будешь теперь отнекиваться под предлогом болезни, потрудись выучиться словесности и музыке, ты ведь видишь, сколько почета доставляют мне мои слабые дарования. Итак, сынок, если ты захочешь меня утешить, а для себя добиться благосостояния и чести, будь прилежным и учись, потому что если ты сам себе поможешь, тебе станут помогать все.

Маленького мула, который взбесился, нужно лечить не так, как всех помешанных, а наоборот: тех всегда связывают, а я хочу, чтобы ты его развязал. Отдай его Ванджело и скажи, пусть ответит его в Монтепульяно, разнуздает и отпустит на все четыре стороны искать подножный корм и лечиться от бешенства. Место там раздольное, а животное маленькое, вреда оно никому не причинит; так без лишних хлопот будет видно, чем оно займется, а если выздоровеет, ты успеешь его вернуть. С другими лошадьми поступите, как велел Лодовико, за которого я благодарю Господа, что он выздоровел и продал лошадей; я знаю, что он правильно поступил, вернув деньги, но меня беспокоит и огорчает, что он не написал.

Кланяйся монне Мариетте и скажи ей, что я собирался выехать со дня на день, и теперь собираюсь; и никогда я так не хотел очутиться во Флоренции, как сейчас; но иначе поступить не могу. Скажешь только насчет слухов, которые ходят, чтобы она не тревожилась, потому что я буду у вас раньше, какая бы беда ни случилась. Поцелуй Баччину, Пьеро и Тотто, если он там; как бы я хотел знать, прошло ли у него с глазами. Не горюйте и тратьте меньше, чем могли бы; напомним Бернардо, чтобы он вел себя как следует, за последние две недели я написал ему два письма, а ответа не получил. Христос да хранит вас всех.

2 апреля 1527 г.

Никколо Макьявелли, в Имоле.

Письмо к Франческо Веттори от 16 апреля 1527 года

Сиятельному и мною чтимому Франческо Веттори. Во Флоренцию.

Светлейший и проч. монсеньор Дела Мотта был сегодня в имперском лагере по поводу заключения договора, который здесь составлен, и если он понравится Бурбону, тот должен остановить войско, но если двинет его, это верный знак, что он против; так что завтрашний день рассудит наши дела. Поэтому здесь решено, если он двинется завтра, настроиться на войну и оставить малейшие помышления о мире; а если не двинется, думать о мире и распротиться с мыслью о войне. Вот из чего вам следует теперь исходить, и если решится в пользу войны, отбросить все надежды на мир, с тем чтобы союзники поспешили выступить без оглядки, потому что пришло время не раздумывать, а действовать очертя голову, ведь отчаяние часто подсказывает средства, которые не под силу обнаружить свободному выбору. Эти люди идут сюда без артиллерии, перед ними труднопроходимая местность, так что если мы соединим слабые остатки нашей энергии с готовыми уже силами Лиги, то им придется со стыдом убраться отсюда или хотя бы умерить свои притязания. Я люблю мессера Франческо Гвиччардини, люблю мою родину больше, чем соб-

ственную душу, и с высоты того опыта, который мне дали шестьдесят лет, говорю вам, что навряд ли можно оказаться в более трудных обстоятельствах, чем теперь, когда мир насущно необходим, но от войны нельзя отказаться, и к тому же мы имеем дело с государем, который толком не способен добиться ни войны, ни мира. Низжайший Вам поклон.

16 апреля 1527 г.
Никколо Макьявелли, в Форли.

ПРИМЕЧАНИЯ

СОЧИНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ

О том, как надлежит поступать с восставшими жителями Вальдикьяны («Del modo di trattare i popoli della Vadichiana ribellati»)

Меморандум Макьявелли написан летом 1503 г. (начало июня — середина августа) и является откликом на события в Ареццо, где 4 июня 1502 г. вспыхнуло восстание против флорентийской власти, подавленное с помощью французских войск в августе того же года. Восстание было инспирировано Чезаре Борджа, который к этому времени овладел Романьей и стремился подорвать позиции Флоренции в Тоскане, не решаясь пока на открытую конфронтацию и на прямое вмешательство в дела соседней области (на волнения в Ареццо он воздействовал через своего кондотьера Вителлоццо Вителли).

Это небольшое сочинение Макьявелли резко выделяется в огромном массиве его официальной служебной переписки, и не только тем, что он дает в нем волю своей страсти к «излишне смелым умозаключениям», которые были не по душе высокопоставленным флорентийским чиновникам (друг и сослуживец Макьявелли Бьяджо Буонакорси специально просил его ими не увлекаться). Многие из «умозаключений» настоящего трактата стали спустя десять лет бессмертными афоризмами «Государя»: среди них и высказывание о необходимости во всяком деле идти до конца, и о том, что своих врагов нужно или привлекать к себе благодеяниями, или истреблять под корень, и о великом искусстве действовать в точно пойманный момент капризного времени. Но самое примечательное в этом меморандуме — методика. Здесь она впервые в творчестве Макьявелли принимает форму, которая кристаллизуется затем в его зрелых трактатах. Римской истории отводится роль хранительни-

цы абсолютного исторического опыта, которым надлежит поверять опыт текущей истории. Призыв учиться у истории был вполне банальным в начале XVI века, но старшие гуманисты, предшественники Макьявелли в деле ренессансной историографии, извлекали из этого учения смысл, по преимуществу нравственный, тогда как Макьявелли понимает школу истории как школу максимально эффективного политического действия: для любой реальной или гипотетической ситуации найдется римский прецедент, позволяющий безошибочно ее оценить и найти в ней единственно верную линию поведения. Конечно, в этом убеждении Макьявелли отразилась ренессансная вера в неизменность человеческой природы и ренессансное преклонение перед античностью, но никакого догматизма, никакого слепого подчинения авторитету здесь нет: Макьявелли не подчиняет настоящее прошлому, а извлекает из настоящего тот смысл, который из прошлого уже извлечен политическим гением римского народа и интеллектуальным гением римских историков. Дедукция и индукция, иначе говоря, здесь чуть ли не впервые выступают как две стороны единого метода исторического познания.

Настоящий русский перевод впервые опубликован в книге: Макиавелли Н. Сочинения. — М.-Л.: Academia, 1934, т. I.

С. 21. *Луций Фурий Камилл* — консул 338-го и 325 гг. до н.э., покоритель Лациума (Лация).

Ливий — Тит Ливий — римский историк (см. примеч. к с. 139).

...«*Отцы сенаторы...*» — Тит Ливий «История Рима», VIII, 13, 14—18.

Пед — древний город в Лациуме к востоку от Рима; *Астура* — река, остров и город в Лациуме; *Анциум* (Антий, ныне Порто д'Анцо) — город вольсков, древнеиталийского племени, обитавшего на юго-востоке Лациума на границе с Кампаньей.

С. 22. *Ланувийцы* — жители Ланувия, древнелатинского города на Альбанской горе, к юго-востоку от Рима; *арицины* — жители Ариции, города в Лациуме на Аппиевой дороге к юго-востоку от Рима; *номентаны* — жители Номенты (ныне Ментана), города в Лациуме к северо-востоку от Рима; *педаны* — жители Педы; *тускуланцы* — жители Тускула, города в Лациуме (ныне Фраскати); *велитерны* — жители Велитров (ныне Веллетри), города вольсков.

С. 23. *Ареццо* — город в Тоскане; *Вальдикьяна* — долина р. Кьяна.

Кортонна, *Кастильоне* (Фьорентино), *Борго* (Сан Сеполькро), *Фойано* (делла Кьяна) — небольшие города в области Ареццо.

С. 24. ...венецианцы подошли к Биббиене... — В 1498 г. венецианцы, которые поддерживали Пизу, осажденную флорентийским войском, вторглись в Тоскану и захватили Биббиену, городок в области Ареццо, надеясь, что флорентийцы снимут часть своих войск из-под Пизы.

Герцог Миланский — Лудовико Сфорца (1451—1508), по прозвищу Моро (от шелковицы или тутового дерева, изображенного на его гербе), захватил власть в Милане после смерти своего старшего брата, Галеаццо Мария, в 1476 г. и устранения своего племянника, Джан Галеаццо, в 1480 г.; призвал в Италию французского короля Карла VIII (см. примеч. к с. 64); позже стал врагом Франции, был лишен престола в 1498 г. Людовиком XII (см. примеч. к с. 26), на короткое время его вернул, но был взят французами в плен в 1500 г. В 1498 г. выступил на стороне флорентийцев.

Граф Рануччо (да Марчано) — флорентийский военачальник в 1498 г., остановивший продвижение венецианцев.

Паоло Вителли — флорентийский военачальник, сменивший на этом посту Рануччо да Марчано и казненный по обвинению в измене в 1499 г.

Чезаре Борджа (1476—1507) — с 1498 г. герцог Валентинуа (в итальянской транскрипции — Валентино), герцог Романьи с 1501 г. Сын папы Александра VI (см. ниже), он стал епископом в шестнадцать лет, кардиналом в восемнадцать, затем снял с себя религиозный сан, был назначен гонфалоньером церкви в 1499 г., захватил Романью, но смерть отца положила конец его честолюбивым замыслам, а избрание в 1503 г. папой Юлия II (см. примеч. к с. 32) лишило его всех завоеваний. Конец жизни провел в Наварре. Макьявелли наблюдал Борджа во время посольств к нему в июне и октябре 1502 г. и затем в Риме, после выборов Юлия II.

Кардинал Содерини — Франческо Содерини (1453—1524), брат Пьеро Содерини, пожизненного гонфалоньера Флоренции, епископ Вольтерры, кардинал с 1503 г. Он был главой посольства к Чезаре Борджа в июне 1502 г.

Папа — Родриго Борджа (1431—1503) — с 1492 г. папа Александр VI, скандально прославлен святокупством, любовными похождениями, отравлением своих политических противников. Вначале противник, затем сторонник французского присутствия в Италии, всеми средствами способствовал деятельности своего

сына, Чезаре Борджа, по «собирацию» итальянских земель вокруг Рима. По слухам, умер, отравившись ядом, приготовленным для его гостей.

Описание того, как избавился герцог Валентино от Вителлоццо Вителли, Оливеротто да Фермо, синьора Паоло и герцога Гравина Орсини

(«Descrizione del modo tenuto dal duca Valentino nello ammazzare Vitellozzo Vitelli, Oliverotto da Fermo, il Signor Pagolo e il duca di Gravina Orsini»)

Настоящее сочинение создано раньше, чем предыдущее, в январе 1503 г., но события, в нем описанные, относятся к более позднему времени: коалиция мелких итальянских тиранов, направленная против Чезаре Борджа, сложилась в конце сентября 1502 г., т.е. спустя месяц после подавления восстания в Вальдикьяне. Макьявелли был направлен флорентийским правительством к Борджа в октябре 1502 г. и получил инструкции вести себя крайне осторожно и никаких обязательств на себя не брать. Из донесений Макьявелли составила «Легация к герцогу Валентино», сравнение которой с настоящим «Описанием» показывает, как постепенно формировался в сознании и под пером автора образ безукоризненного государственного мужа. Путь от «Легации» к «Описанию» — это не только путь от хроники к истории, от эмпирического наблюдения к синтезу, но и путь от истории к литературе. Вполне понятно, что в «Описании» вырос уровень обобщения, проступила на поверхность логика событий, скрытая поначалу их стремительным течением, стало явным бывшее до поры тайным, но было бы ошибочным считать, что Макьявелли увлечен здесь только возможностями исторического анализа. Это не главная его цель, иной раз исторический факт ему просто мешает, и он от него отмахивается, главное для него — выверенность сюжета, продуманность идеи и убедительность образа. «Описание» — это первый подступ к «Государю», где литературные задачи уже полностью возобладают над историческими (в строгом смысле) и образ Чезаре Борджа еще дальше отодвинется от своего реального прототипа. Здесь этот разрыв пока еще невелик и атмосфера еще царит мажорная: Борджа на подъеме, в поединке государя с судьбой в очередной раз (один из последних) верх взял государь, драма еще не окрасилась в цвета трагедии.

Настоящий перевод впервые опубликован в кн.: Макиавелли Н. Сочинения. — М.-Л.: Academia, 1934, т. I.

С. 26. *Людовик* — Людовик XII (1462—1515) — король Франции с 1498 г., продолжил итальянскую политику Карла VIII (см. примеч. к с. 64), опирался в Италии на Флоренцию и на семейство Борджа.

...из-за мятежа в Ареццо... — См. «О том, как надлежит поступать с восставшими жителями Вальдикьяны».

Имола — город в Романье (Болонская область), захвачен Борджа в 1500 г.

Джованни Бендивольо (1443—1508) — правитель Болоньи, отлученный и изгнанный в 1506 г. папой Юлием II (см. примеч. к с. 34).

Вителли — знатный итальянский род; *Орсини* — римский княжеский род, борьба которого с родом Колонна на протяжении многих веков определяла политическую историю Рима. Ожесточенно преследовался Александром VI (см. примеч. к с. 24), возвратил свои позиции с Юлием II.

Маджоне — вилла Бальони (см. ниже) на берегу Тразименского озера.

Кардинал — Джованни Баттиста Орсини (ум. 1503), кардинал с 1483 г., отравлен Александром VI; *Паоло* — Паоло Орсини (ум. 1503), кондотьер на службе Пьеро Медичи, Венеции и Чезаре Борджа; *герцог Гравина Орсини* — Франческо Орсини (ум. 1503); *Вителлоццо Вителли* (ум. 1502) — правитель Читта ди Кастелло, кондотьер на флорентийской службе в 1498—1499 гг., затем на службе у Чезаре Борджа; *Оливеротто да Фермо* — Оливеротто Эуфредуччи (1475—1502), кондотьер на службе у Чезаре Борджа, овладел городом Фермо, убив своего дядю («Государь», VIII); *Джампаоло Бальони* (ум. 1520) — кондотьер, правитель Перуджи с 1500 г., изгонялся из нее Чезаре Борджа и Юлием II, обезглавлен по приказу Льва X; *мессер Антонио да Венаффо* (1459—1530) — профессор Сиенского университета, советник Пандольфо Петруччи; *Пандольфо Петруччи* (ок. 1450—1512) — правитель Сиены, изгнан оттуда Чезаре Борджа и возвращен французами в 1503 г.

...на собрании речь шла... — Съезд в Маджоне состоялся 9 октября 1502 г.

...у жителей Урбино, появилась надежда на перемены. — Урбино был завоеван Борджа в июне 1502 г.

С. 27. *Старый герцог* — Гвидобальдо да Монтефельтро — герцог Урбино в 1482—1508 гг., дважды уступал Урбино Чезаре Борджа в 1502—1503 гг., окончательно вернул власть после его падения.

...флорентийцы, ненавидевшие по разным причинам Вителли и Орсини... — Паоло Вителли (см. примеч. к с. 24) был казнен флорентийцами, а его брат, Вителлоццо, вместе с Орсини подготовил мятеж в Ареццо. Кроме того, Вителли и Орсини были тесно связаны с Медичи.

Фоссомброне — городок в Урбинском герцогстве.

...отряды герцога, которые и были разбиты Вителли и Орсини. — Немногочисленные отряды Чезаре Борджа были разбиты у Фоссомброне 17 октября 1502 г.

С. 28. *...заключил с ними мир...* — Чезаре Борджа, обманув Вителли и Орсини, заключил мир 28 октября 1502 г.

...даже породнился с Джованни... — Было условлено, что племянник Джованни Бентивольо, Костанцо, возьмет в жены Анджелу Борджа, племянницу Александра VI.

Чезена — город в Романье (область Форли).

С. 29. *Монсеньор ди Кандалес* — Жан де Фуа ди Кандалес — сын графа де Кандаль; он и Борджа были женаты на сестрах.

Дон Микеле (да Корелиа) — доверенное лицо Чезаре Борджа, которому он поручал самые «деликатные» миссии.

Монсеньор д'Эуна — Франческо де Лори (ум. 1506) — секретарь и генеральный казначей Александра VI.

С. 31. *...велел их удавить.* — Вителлоццо и Оливеротто были убиты в ночь с 31 декабря 1502 г. на 1 января 1503 г.

Кардинал Орсини, архиепископ Флорентийский — Ринальдо Орсини.

Мессер Джакомо ди Санта Кроче (ум. 1503) — один из помощников Александра VI в расправе над Орсини, казнен по его приказу.

...восемнадцатого января 1502 года. — Начало флорентийского года считалось не с Рождества, а с Благовещенья (25 марта).

Легация к Римскому двору («Legazione a Roma»)

18 августа 1503 г. папа Александр VI скоропостижно умер. Положение его сына Чезаре Борджа сразу обнаружило всю свою шаткость, тем более что он и сам заболел. На конклаве, открывшемся 16 сентября 1503 г., папой избирается под именем Пия III Фран-

ческо Тодескини Пикколомини, но 18 октября умирает и он. Воспользовавшись этим междуцарствием, поднимают голову старые враги Борджа — Орсини и Колонна. Герцогу едва удастся спастись. Венеция одно за другим прибирает к рукам его владения в Романье — Римини и Фаэнцу, готовится захватить Форли. В Южной Италии у Гарильяно стоят готовые к битве французские и испанские войска. В этот момент открывается новый конклав, и 23 октября Макьявелли выезжает в Рим в распоряжение кардинала Содерини с обычной для него миссией — информировать о происходящем флорентийское правительство.

В посланиях Макьявелли, составивших его «Легацию к Римскому двору» и бросающих свет на политическую катастрофу Чезаре Борджа, образ герцога весьма далек от того идеального государя, которым он предстанет через десять лет в самом знаменитом сочинении флорентийского секретаря. В его изображении чувствуется даже некоторый оттенок иронии. Но именно наблюдения, сделанные Макьявелли во время его римского посольства, дали ему тот исторический и человеческий материал, осмысляя который он будет строить если не самую проблемную, то самую драматическую главу «Государя» — седьмую. Сейчас же ему просто не до обобщений: послания написаны наспех, времени хватает лишь на то, чтобы отделить важную информацию от пустых слухов, достоверные сведения — от ложных. И разобраться в главном — в том, что насущно значимо для Флоренции: собирается ли новоизбранный папа выполнять обещания, данные Чезаре Борджа (благодаря которым он заручился его поддержкой), на кого, на Францию или Испанию, будет опираться Юлий II; с его ли ведома и благословения Венеция отхватывает от Романьи кусок за куском? И конечно, представить папе в выгодном свете политику флорентийской Синьории. Многие Макьявелли удалось: не в последнюю очередь усилиями флорентийских представителей при курии был заложен тот антивенсцианский курс Юлия II, который через несколько лет приведет к созданию Камбрейской лиги и поставит Венецию на грань катастрофы.

Настоящий перевод, в котором «Легация» представлена наиболее яркими отрывками, впервые опубликован в кн.: Макиавелли Н. Сочинения. — М.-Л.: Academia, 1934, т. I.

С. 32. ...отправлено через дель Бене... — Никколо дель Бене — Флорентийский купец.

Сан Пьетро ин Винкула — Джулиано делла Ровере (1443—1513) — сделал стремительную церковную карьеру при своем дяде Сиксте IV (см. примеч. к с. 34), который возвел его в сан кардинала-епископа Остии; с Александром VI (см. примеч. к с. 24) был во враждебных отношениях и во время его правления находился во Франции; 1 ноября 1503 г. избран папой римским под именем Юлия II после двадцатishестидневногo понтификата Пия III.

Кардинал д'Амбуаз, архиепископ Руанский — Жорж д'Амбуаз (1460—1510) — министр Людовика XII (см. примеч. к с. 26), возведен в кардиналы в сентябре 1498 г. Чезаре Борджа не делал на него ставку на конклаве, так как испанские кардиналы (их было больше десяти) ни за что не стали бы голосовать за француза.

Асканио — Асканио Мария Сфорца (1455—1505) — сын герцога Франческо Сфорца (см. примеч. к с. 59), кардинал, представлял в курии интересы Лудовико Моро (см. примеч. к с. 24).

Герцог — Чезаре Борджа, герцог Валентинуа (см. примеч. к с. 24).

...восемь часов вечера... — По современному счету времени около 2 часов ночи.

Конклавист — прислужник кардинала, заседающего в конклаве; конклависты, как и кардиналы, не имеют права выходить из помещения конклава до окончания выборов и обязуются молчать о том, что происходит на конклаве.

Санта Прасседе — Антонио Паллавичини (ум. 1507) — кардинал Санта Прасседе (кардиналы-священники и кардиналы-диаконы носят имена по римским церквам и капеллам, при которых числятся).

С. 33. *Савона* — город в Лигурии, место рождения Юлия II.

...решиться на такой расход без приказа я не могу. — Хотя Макьявелли узнал об итогах выборов одним из первых, его сообщение получили во Флоренции только через четыре дня. В Венеции об избрании Юлия II стало известно через сутки.

С. 34. *Сан Джорджо* — Раффаэлло Риарио (ок. 1460—1521) — племянник папы Сикста IV, кардинал Сан Джорджо ин Велабро с 1477 г.

Читерна — замок близ Перуджи, который достался Флоренции после смерти Александра VI.

Сикст — Франческо делла Ровере (1414—1484) — генерал францисканцев, папа под именем Сикста IV с 1471 г., известен своим nepoтизмом.

С. 35. *Джампаоло* — Джампаоло Бальони (см. примеч. к с. 26). После смерти Александра VI вновь овладел Перуджей и отдал свой отряд в распоряжение Людовика XII.

Моттино — генуэзец, капитан папского галерного флота.

С. 36. *...десять лет своего изгнания.* — Джулиано делла Ровере (см. примеч. к с. 32) находился во Франции с 1494 г.

...подтверждается брак... за префеттино. — Сведения Макьявелли не совсем точны. Брак между Фабио Орсини (сыном Паоло Орсини, убитого по приказу Чезаре Борджа) и Джироламой Борджа, единокровной сестрой Чезаре, был заключен еще в 1497 г. Лучшее информированный венецианский посланник говорил о планах женитьбы Джованни Борджа (которого Чезаре признал своим сыном, но которого многие считали сыном Александра VI) на племяннице папы. Ни этот брак, ни брак Луизы Борджа и Франческо Мария делла Ровере, сына римского префекта (префеттино), не состоялись.

С. 37. *Диониджо ди Нальдо* — капитан Бризигеллы, замка в Романье. Изменил Манфреди, когда они владели Фаэнцой, и перешел на сторону Борджа; в описываемое время, опасаясь их возвращения, поддерживал венецианцев.

Герцог Урбинский — Гвидобальдо да Монтефельтро, герцог Урбино в 1482—1508 гг.

Сан Северино — Федерико Сан Северино (1450—1516) — кардинал с 1492 г.

С. 39. *Синьор Оттавиано* — Оттавиано Фрегозо (1470—1524) — дож Генуи в 1513—1522 гг.

С. 45. *Кардинал Феррары* — Ипполито (1479—1520) — сын герцога Феррарского Эрколе I д'Эсте (1431—1505), кардинал с 1493 г.

...в Порто Венере или в Специю... — Города в Лигурии, на востоке Генуэзского залива.

...от герцога Феррарского... — См. выше.

С. 46. *...городами этими завладеют венецианцы.* — Флорентийское правительство, с одной стороны, панически боялось усиления Венеции (в послании Макьявелли от 15 ноября было прямо сказано, что Венеция стремится овладеть всей Италией), а с другой, питало стойкую ненависть к Чезаре Борджа (когда выдача пропуска Борджа вотировалась в Совете Восьмидесяти, то против было дано 90 голосов при 20 за).

С. 47. *Кардинал Эрина* — Франческо де Лори (см. примеч. к с. 29).

Государь («Il Principe»)

Самое знаменитое произведение Макьявелли, которому была суждена беспримерная и почти всегда скандальная слава, с которым связано само понятие «макьявеллизма» и которое породило в сознании потомков два несовместимых образа — коварного, беспринципного, жестокого политика и пламенного пророка национальной свободы, — это произведение создано в самом начале восьмилетней ссылки Макьявелли, в июле — декабре 1513 г. Сейчас почти единодушно признается, что Макьявелли начал писать «Государя», прервав работу над «Рассуждениями о первой декаде Тита Ливия», и даже указывается, в каком именно месте «Государь» вклинился в «Рассуждения». Это место — главы с XVI по XVIII первой книги, т.е. те главы, где Макьявелли рассуждает о «развращенных» народах и государствах. Такая тема не могла не связываться в сознании Макьявелли с наиболее очевидным примером политической «развращенности», которую он познал на собственном опыте и наблюдал своими глазами, — с современной Италией. Для человека с таким темпераментом, с такой одержимостью политикой, как Макьявелли, не было ничего естественнее душевного движения, заставившего его забросить на время высокую теорию ради теории прикладной, ради попытки создать из безнадежно прогнившего материала, каковым он сам его признал в «Рассуждениях», силу, способную воскресить политические организмы Италии и вернуть им здоровье. Эту силу, называемую им «доблестью», он конструирует в полном согласии с положением, выдвинутым в XVII главе первой книги «Рассуждений»: «Там, где человеческая материя... затронута разложением, не помогут никакие хорошие законы, разве что какой-нибудь единоличный правитель, прибегнув к чрезвычайному насилию, заставит их соблюдать и сделает упомянутую материю пригодной». Выход к проблематике «Государя» здесь очевиден, так же как очевидно единство политических убеждений Макьявелли: нет никаких оснований говорить о разноречивости двух трактатов, если уже в республиканских «Рассуждениях» итальянским городам-государствам отказано в народовластии как в реальной перспективе и единственной политической формой, способной затормозить процесс деградации, признано самодержавие. И при этом Макьявелли продолжает считать тиранию временной мерой, горьким, но

необходимым лекарством, надобность в котором отпадет, как только будет остановлено развитие болезни.

Это не значит, что разницы между трактатами нет вообще. Напротив, она весьма существенна. Концепция государственной жизни, как она представлена в «Рассуждениях», в «Государе» теряет полноту, органичность и многоплановость: из сферы политической жизнедеятельности полностью исключается народ; он утрачивает приданную ему «Рассуждениями» роль активного политического агента и выступает лишь в качестве материи, пассивно принимающей любую форму. Вся политическая энергия, равномерно распределенная автором «Рассуждений» по слоям и сословиям общества, здесь персонализируется и сосредоточивается в лице единовластного государя. Овладев государством, он гнет его напором своей воли и лепит из него свое подобие — в конечном счете государство совпадает с государем-демиургом, творцом, зодчим. Нелепо, конечно, предполагать, что автор «Государя» внезапно отрекся от сказанного им в первых семнадцати главах «Рассуждений». Этот резкий крен объясняется изменением установок и целей Макьявелли. В «Рассуждениях» современная политическая ситуация Италии рассматривалась им как безнадежно завершенная, в «Государе» он переступает через этот диагноз и пытается воздействовать на реальность так, как будто какие-то средства могут еще оказаться целебными. «Государь» — это не столько политическая теория, сколько политический акт. Это воззвание, если не сказать заклинание, попытка гальванизировать итальянский политический труп. И вполне понятно, что, перейдя границу, отделяющую теорию от практики, Макьявелли вынужден был ограничиться тем, что практика ему предоставляла: практика политического авантюризма, практика мелких и крупных итальянских тиранов. И Макьявелли строит из этого материала, хотя не раз обличал его негодность; из яда, отравившего Италию, он пытается извлечь лекарство, способное вернуть ее к жизни.

В каком-то отношении «Государь» — утопия, ибо Макьявелли приходится заглушать в себе сомнения в осуществимости своей программы, со всей определенностью высказанные в «Рассуждениях». Но вместе с тем Макьявелли не поддался иллюзии, не закрыл глаза на действительность, ибо при всей той беспримерной энергии, с которой он выстраивает идеальный образ государя, он ни на минуту не забывает о его идеальности и не пытается выдать мечту за реальность. До конца подавить сомнения ему не удалось, и они

тайно следуют за развитием его идей, образуя наиболее глубокий и менее всего заметный пласт трагического в «Государе». Наиболее же очевидный его пласт представлен картиной политической деятельности, которая происходит на грани предельного риска, где каждый поступок должен быть единственным и где любой неверный шаг оказывается шагом в пропасть. Смыкаются две эти линии возрастающего трагического напряжения во второй части XXV главы, когда не выговоренные до тех пор сомнения выходят на поверхность и одновременно выясняется, что фортуна, эта беспощадная соревнительница князей, обитает не в надмирных высотах, а в глубине человеческой природы, в той ее темной, неподвластной контролю и расчету неизменности, которая препятствует человеку, сколь угодно мудрому и доблестному, во всех случаях сообразовывать свой образ действий с состоянием времени. Эта концепция судьбы вполне рационалистична, ибо отрицает наличие какой-либо непознаваемой силы и предполагает картину мира, во всех его деталях соизмеримого с человеком, но в то же время она трансцендентность, снятую на уровне космоса, воспроизводит на уровне личности, утверждая власть одной части души (неизменной психологической структуры) над другой (волей и разумом).

Понятие доблести, которое Макьявелли так виртуозно конструировал, оказывается скомпрометированным, и в этом нет ничего неожиданного, к этому вела вся логика трактата, балансировавшего на тонкой грани между беспощадным реализмом и безоглядой идеализацией. Напряжение должно было как-то разрешиться, и оно выливается в удар такой силы, от которого Макьявелли не может оправиться и вынужден, заканчивая главу, воззвать к инстинктам, к неукротимому натиску молодости, к случайному сочетанию природных особенностей — и это после того, как он на протяжении всего трактата искал для своей доблести абсолютные основания, способные лишить случай всякой власти над человеком. Но закончить свою политическую акцию такой сомнительной нотой Макьявелли никак не может, и поэтому финальный апофеоз по необходимости переворачивает исходную установку трактата, приписывая времени те исключительные качества, груза которых не выдержала доблесть.

Подкосила ее именно все нараставшая сублимация, а вовсе не то право на зло, которое Макьявелли дал своему государю. Тут для него нет ни проблемы, ни трагедии. Вернее сказать, трагедия стоит у истоков зла: это трагедия риска, изначально присущего любому

деянию, — его можно уменьшить, лишь отказавшись от представления о добре и зле как об абсолютных категориях и приняв их относительность, признав их укорененность в конкретной жизненной ситуации. Политика не отделяется у Макьявелли от морали, она полностью ее поглощает, не остается такой области, которая была бы независима от политики и, с другой стороны, по отношению к которой политика могла бы утверждать свою автономность. Политика всеобъемлюща и превращает в свое орудие любую мыслимую ценность. Такая постановка вопроса позволяет говорить о Макьявелли как о первом политическом мыслителе нового времени, но эта вполне справедливая характеристика не должна заслонять иного аспекта его главного произведения — художественной природы «Государя», для которой диалектика политики и морали имеет не первостепенное значение. Художественность «Государя» создается не только его стилем (а стиль в «Государе» есть, хотя совершенно отсутствует риторическая украшенность), но и пронизывающим его трагическим сюжетом, в котором можно выделить и экспозицию, и завязку, и кульминацию, и катастрофу, и просветленный хоровой финал. В XVI веке в Италии имелись незаурядные трагедии, но «Государь» — единственная, достигающая почти шекспировской силы.

«Государь» неоднократно переводился на русский язык: Ф. Затлером и Н. Курочкиным в XIX веке (с немецкого и французского в 1869 г.), С. Роговиным (1910), М. Фельдштейном (1934), К.А. Тананушко (1999), М.А. Юсимом (2002). Настоящий перевод впервые издан в кн.: Макиавелли Н. Избранные сочинения. — М.: Художественная литература, 1982.

С. 58. *Никколо Макьявелли — его светлости Лоренцо деи Медичи.* — Посвящение трактата относится ко времени между сентябрем 1515-го и сентябрем 1516 г. Лоренцо Медичи (1492—1519) — сын Пьеро Медичи, племянник Льва X, номинальный правитель Флоренции с 1513 г., герцог Урбино с 1516 г.

С. 59. *Франческо Сфорца (1401—1466)* — знаменитый кондотьер. Амброзианская республика, образовавшаяся в Милане после смерти последнего Висконти (Филиппо Мария, в 1447 г.), назначила его главнокомандующим в войне с Венецией, но он, заключив с венецианцами союз, повернул оружие против Милана и захватил в нем власть в 1450 г.

...*Неаполитанское королевство для короля Испании.* — Испанский король, Фердинанд II Католик (см. примеч. к с. 102—103), 11 нояб-

ря 1500 г. в Гренаде заключил с Людовиком XII (см. примеч. к с. 26) договор о разделе Неаполя, с помощью французов в 1501 г. отобрал королевство у правившего им своего кузена Федерико I Арагонского (см. примеч. к с. 66), а затем изгнал из него и французов в 1502–1504 гг.

...ибо подробно говорю о них в другом месте. — См. «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», кн. I.

С. 60. *У нас в Италии примером тому может служить герцог Феррарский...* — Речь идет об Эрколе I д'Эсте (см. примеч. к с. 45) и Альфонсе I д'Эсте (1505–1534). Эрколе в войне с Венецией в 1482–1484 гг. понес территориальный ущерб, а Альфонс, приняв участие в войнах Священной Лиги на стороне Франции в 1510–1512 гг., чуть было не лишился герцогства.

Папа Юлий — см. примеч. к с. 32.

...исстари правил в Ферраре. — Род д'Эсте владел Феррарой с 1209 г.

С. 61. *...в первый раз Франция сдала Милан... и не изгнали ее войска из пределов Италии...* — Первый раз Людовик XII послал войска в Италию в феврале 1499 г. (его род по женской линии восходил к правителю Милана Джан Галеаццо Висконти), захватил Милан в сентябре, но вскоре против французов вспыхнуло восстание, и Людовико Моро (см. примеч. к с. 24) смог на короткое время вернуть себе власть. Второй раз Франция потеряла Милан, потерпев поражение под Равенной в апреле 1512 г., где ее противником были войска Священной лиги.

Так, мы знаем, обстояло дело в Бретани, Бургундии, Нормандии и Гаскони... — Нормандия была присоединена к Франции Филиппом II Августом в 1204 г., Гасконь — Карлом VII в 1453 г., Бургундия — Людовиком XI в 1477 г., Бретань — при Карле VIII (см. примеч. к с. 64) в 1491 г. как приданое его жены.

С. 62. *...именно так поступил с Грецией турецкий султан... если бы не перенес туда свою столицу.* — Османы переправились в Европу в 1357 г. и постепенно захватили весь Балканский полуостров, который Макьявелли называет Грецией.

С. 63. *...римлян в Грецию призвали этолийцы...* — Поводом к I Македонской войне (215–205 гг. до н.э.) была помощь, оказанная Филиппом V (см. примеч. к с. 128), царем Македонии, Карфагену. В этой войне римляне опирались на Этолийский союз (политическое объединение государств Средней Греции, основано в 370 г. до н.э.),

тогда как Ахейский союз (основан в 280 г. до н.э.) поддерживал Филиппа.

С. 63—64. *Римляне привлекли на свою сторону ахейцев и этолийцев...* — Римляне получали поддержку от Этолийского союза во время II Македонской войны (200—197 гг. до н.э.) против Филиппа V, но, победив в ней, никак этолийцев не вознаградили. Затем Этолийский союз выступил на стороне Антиоха III Великого (242—187 до н.э.), царя государства Селевкидов с 223 г. до н.э., и способствовал его вступлению в Грецию в 192 г. до н.э. После поражения Антиоха в 189 г. до н.э. Филипп V и Ахейский союз, поддерживавшие римлян в этой войне, также никаких выгод не обрели. Этолийский союз был распущен в 167 г. до н.э.

С. 64. *Я буду говорить не о Карле...* — Карл VIII (1470—1498) — король Франции с 1483 г., вел войны в Италии в 1494—1495 гг.

С. 65. *Король Людовик вошел в Италию благодаря венецианцам...* — Венеция рассчитывала расширить свои материковые владения, по соглашению в Блуа в апреле 1499 г. ей должна была отойти Кремона.

...Генуя покорилась... — Генуя перешла под прямое начало Франции, в нее был назначен французский губернатор; *...флорентийцы предложили союз...* — Флоренция обязалась оказывать поддержку Людовику XII в Ломбардии и Неаполе с тем, что он поможет ей овладеть Пизой.

Маркиз Мантуанский — Франческо Гонзага (1466—1519) — победитель Карла VIII при Форново; *дом Бендивольо* — Джованни Бендивольо (см. примеч. к с. 26); *графиня Форли* — Катерина Сфорца Риарио (1463—1509), правившая Имолой и Форли после смерти мужа, Джироламо Риарио, в 1488 г.; *властители Фаэнцы*. — Асторре Манфреди (1488—1502), ставший правителем города в тринадцатилетнем возрасте после гибели отца, удушен в Риме по приказу Чезаре Борджа; *Пезаро* — Джованни Сфорца (1466—1510), правитель Пезаро, первый муж Лукреции Борджа; *Римини* — Пандольфо Малатеста (1475—1534), последний представитель этой династии; *Камерино* — Джулио Чезаре да Варано, удушен вместе с сыновьями после взятия города Чезаре Борджа в июне 1502 г.; *Пьомбино* — Якопо IV д'Аппиано (ум. 1510).

...отдали под власть короля две трети Италии. — Венецианские приобретения были на самом деле весьма внушительны (Крема, Кремона, Бергамо, Брешиа), тогда как Людовику XII досталась остальная часть Миланского герцогства.

...так что ему пришлось самому явиться в Италию... — Людовик XII приехал в Италию в июле 1502 г., но причиной его приезда были не угрозы Тоскане со стороны Чезаре Борджа, а необходимость готовиться к войне с Испанией.

...домогаясь Неаполитанского королевства... — По соглашению в Гренаде (см. примеч. к с. 59) Людовику XII должен был достаться титул неаполитанского короля вместе с северной частью королевства, а Фердинанду II Католику — титул герцога Апулии и Калабрии вместе с этими областями.

С. 66. *...который мог стать его данником...* — Федерико I Арагонский (1452—1504) — король Неаполя в 1496—1501 гг.; лишенный престола, получил от Людовика XII титул графа Менского.

...не посягнул на венецианские владения. — Людовик XII вступил в Камбрейскую лигу 10 декабря 1508 г. и, разбив венецианцев при Аньяделло 14 мая 1509 г., завладел Брешией, Бергамо, Кремоной.

...расторжение королевского брака... — Людовик XII развелся с Иоанной Французской, сестрой Карла VIII, и женился на его вдове, Анне Бретонской. Папское разрешение на развод было доставлено королю лично Чезаре Борджа 12 октября 1498 г.

С. 66—67. *...кардинальскую шапку архиепископу Руанскому...* — См. примеч. к с. 32.

С. 67. *...то я отвечу на это в той главе...* — «Рассуждения», кн. I, гл. XVIII.

Я говорил об этом в Нанте с кардиналом Руанским... — Имеется в виду первое посольство Макьявелли во Францию в ноябре 1500 г.

Александр Великий... в несколько лет покорил Азию... — Александр Македонский (356—323 до н.э.) покорил Азию в 334—327 гг. до н.э.

...кроме тех, что навлекали на себя собственным честолюбием. — В результате войн семерых преемников Александра Македонского (диadoхов) его империя распалась на одиннадцать царств.

С. 68. *Санджаки* — административные единицы турецкой империи.

С. 69. *...к государству Дария...* — Дарий III Кодоман — царь Персии в 336—330 гг. до н.э., последний представитель династии Ахеменидов.

В Испании, Франции, Греции... вспыхивали восстания... — Имеются в виду восстания кельтиберов в 195—179 гг. до н.э., кельтиберов и лузитанов в 155—154 гг. и 149—133 гг. до н.э., восстание Верцингеторикса в Галлии в 53—52 гг. до н.э., а также антиримская позиция Этолийского союза во время войны с Антиохом Великим (см.

примеч. к с. 63—64) и Ахейского союза во время трех Македонских войн, завершившихся аннуляцией греческих свобод в 146 г. до н.э.

С. 70. *Пирр* (318—272 до н.э.) — царь Эпира с 295 г. до н.э., вел войны в Италии в 280—275 гг. до н.э. и Сицилии в 277—276 гг. до н.э., ценой огромных потерь одержал в них ряд тяжелых побед («пиррова победа»), но в итоге утратил все им завоеванное.

Спартанцы удерживали Афины и Фивы, создав там олигархию... — После победы в Пелопоннесской войне в 431—404 гг. до н.э. Спарта установила в Афинах правительство тридцати тиранов в 404—403 гг. до н.э.; в Фивах проспартанское правительство существовало в 382—379 гг. до н.э. и было свергнуто Пелопидом и Эпаминондом.

Римляне, чтобы удержать Капую, Карфаген и Нуманцию, разрушили их... — Капуя в действительности не была разрушена, за то, что она поддерживала Ганнибала, римляне лишили ее всех муниципальных привилегий, конфисковали общественную и частную собственность, казнили отцов города в 211 г. до н.э.; Карфаген был разрушен после III Пунической войны в 146 г. до н.э.; Нуманция, город в древней Кельтиберии (Северная Испания), разрушена в 133 г. до н.э.

...чтобы не потерять всю Грецию, вынуждены были разрушить в ней многие города. — Разрушены были Фивы в 167 г. до н.э., Коринф в 146 г. до н.э., многие города были разграблены.

С. 71. *...как сделала Пиза...* — Пиза была куплена Флоренцией у Висконти в 1405 г., взбунтовалась в 1494 г. и вновь была подчинена в 1509 г.

С. 72. *Моисей* (XIII в. до н.э.) — полулегендарный израильский законодатель; *Кир* — Кир II Великий (ок. 600—529 до н.э.) — царь в древней Персии в 558—530 гг. до н.э.; *Тезей* (XII в. до н.э.) — мифический герой и царь Афин.

Ромул (VIII в. до н.э.) — легендарный основатель Рима.

...мидяне — расслаблены и изнежены от долгого мира. — В Мидии мир длился сорок лет, до 560 г. до н.э.

С. 73. *Джироламо Савонарола* (1452—1498) — доминиканский монах, религиозный оратор, один из вождей и организаторов Флорентийской республики после изгнания Медичи в 1494 г., вызвал своими обличениями и призывами к церковной реформе ненависть Римской курии, был отлучен от церкви в 1497 г. и сожжен 23 мая 1498 г.

С. 74. *Гиерон Сиракузский Младший* (ок. 306—215 до н.э.) — сиракузский стратег, затем тиран с 265 г. до н.э., союзник карфагенян в I Пунической войне. Сведения о нем Макьявелли берет у греческого историка Полибия (ок. 200 — ок. 120 до н.э.; «Всеобщая история», VII, 8).

...«для царствования ему недоставало лишь царства». — Цитата из «Всемирной истории» (XXIII, 4) Юстина, латинского историка, жившего во II в.

...в Греции... куда Дарий назначал правителей... — Персидская империя была разделена на двадцать сатрапий, в число которых входили греческие города в Малой Азии (Иония) и близ Дарданелл.

...добивались провозглашения себя императорами... — «Рассуждения», кн. I, гл. XIX.

С. 75. ...воспротивились бы как герцог Миланский, так и венецианцы... — Лудовико Моро поддерживал свою племянницу Катерину, графиню Форли, и своего родственника Джованни Сфорца (см. примеч. к с. 65), а Венеция сама стремилась к захвату Романьи.

С. 76. *Орсини, Колонна*. — См. примеч. к с. 26.

...захватил Романью... взяв Фаэнцу, двинул их на Болонью... — Чезаре Борджа овладел Романьей в ноябре 1499-го — апреле 1501 г.; 25 апреля 1501 г. покорил Фаэнцу; 30 апреля 1501 г. Чезаре Борджа захватил Болонский замок, но вынужден был замириться с Джованни Бентивольо, так как Людовик XII отнесся неодобрительно к этому предпрятию.

...после взятия Урбино... — Герцогство Урбинское покорилось Чезаре Борджа в июне 1502 г.

С. 76—77. *Орсини... собрались на совет в Маджоне...* — Об этом заговоре см. «Описание того, как избавился герцог Валентино от Вителлоццо Вителли, Оливеротто да Фермо, синьора Паоло и герцога Гравина Орсини».

С. 77. *Рамиро де Орко* (де Лорква, ум. 1502) — мажордом Чезаре Борджа, затем наместник Романьи, был обвинен в связи с заговорщиками Маджоне и в спекуляции продовольствием.

С. 78. ...герцог стал высматривать новых союзников... — В 1503 г. в разгар франко-испанской войны за Неаполь Александр VI вступил в переговоры с Испанией, которые были прерваны его смертью.

...успел захватить Перуджу и Пьомбино и взять под свое покровительство Пизу. — Пьомбино Чезаре Борджа завладел 3 сентября 1501 г., Перуджей — 6 января 1503 г. и вел переговоры о том, чтобы

ему была отдана синьория в Пизе. Флоренция оказывалась в клещех.

С. 79. ...*Романья дожидалась его больше месяца...* — Александр VI (см. примеч. к с. 24) умер 18 августа 1503 г., а Юлий II добился от Чезаре Борджа приказа губернаторам городов Романьи о сдаче в декабре.

В дни избрания Юлия II... — Джулиано делла Ровере, в прошлом враг Борджа, чтобы заручиться голосами испанских кардиналов, обещал Чезаре сохранение поста гонфалоньера церкви и подтверждение прав на Романью. (О событиях, связанных с избранием Юлия II, см. «Легацию к Римскому двору».)

...он говорил мне... — Макьявелли был в Риме с 23 октября по 18 декабря 1503 г.

С. 80. *Сан Пьетро ин Винкула* — будущий Юлий II; *Колонна* — Джованни Колонна (ум. 1508) — кардинал с 1480 г., апостолический пронотарий; *Сан Джорджо* — Раффаэлло Риарио — см. примеч. к с. 34; *Асканио* — Асканио Сфорца — см. примеч. к с. 32.

С. 81. *Агафокл* (ок. 361—289 до н.э.) — тиран Сиракуз с 317 г. до н.э. (Юстин, XXII).

Гамилькар Карфагенский (ум. 309 до н.э.) — карфагенский военачальник, воевал в Сицилии в 319—313 гг. до н.э.

С. 82. *Оливеротто из Фермо* (Оливеротто да Фермо) — см. примеч. к с. 26.

Паоло Вителли — см. примеч. к с. 24.

Вителлоццо — см. примеч. к с. 26.

С. 83. ...*а Оливеротто провозгласил властителем города.* — Захват Фермо произошел 26 декабря 1501 г.

С. 86. *Набид* (Набис) — царь Спарты (ок. 205—192 до н.э.), противник Ахейского союза, выступал вначале на стороне Филиппа Македонского и римлян, затем переметнулся на сторону Антиоха III. Осажденный в Спарте римлянами, был вынужден принять их условия мира в 195 г. до н.э. (Тит Ливий, XXXIV, 22—40).

...как обманулись Гракхи в Риме... — Тиберий Семпроний Гракх (162—133 до н.э.) — народный трибун в 133 г. до н.э., инициатор демократической земельной реформы, убит патрициями; Гай Семпроний Гракх (154—121 до н.э.) — народный трибун в 123 г. до н.э., продолжил дело брата и так же, как он, погиб в бою с оптиматами. (Также см. «Рассуждения», кн. I, гл. XXXVII.)

Джорджо Скали — один из вождей пополанов во время восстания чомпи во Флоренции в 1378 г.; обезглавлен в 1382 г.

С. 88. *Города Германии...* — В самой Германии Макьявелли не был, во время своего посольства к Максимилиану I Габсбургу (см. примеч. к с. 293) в январе — июне 1508 г. он посетил Швейцарию и Тироль.

С. 89. *...удалось изгнать его из Италии и разгромить венецианцев...* — В 1508 г. Юлий II вошел в антивенецианскую Камбрейскую лигу и добился от Венеции возврата захваченных городов Романьи; изгнал французского короля, возглавив 5 октября 1511 г. Священную лигу.

С. 90. *...как это было при защите Феррары...* — Речь идет о «соляной» войне 1482 г., в которой на стороне Феррары выступили Неаполь, Флоренция, Милан, Мантуя, Урбино и затем Сикст IV, вначале союзник венецианцев. Война завершилась в 1484 г. Баньольским миром, по которому Венеции отошли область Полезина и город Ровиго.

Сикст — см. примеч. к с. 34.

...задумал присоединить Болонью... — Юлий II вступил в Болонью 11 ноября 1506 г.

С. 91. *Его святейшество папа Лев...* — Джованни Медичи (1475—1521) — сын Лоренцо Великолепного (1449—1492), папа с 1513 г. под именем Льва X.

С. 92. *...удалось захватить Италию с помощью куска мела.* — Квартирьеры мелом отмечали дома, отведенные под постройку. По сообщению французского историка Филиппа де Коммина (ок. 1446 — ок. 1511), выражение это принадлежит Александру VI.

А кто говорил, что мы терпим за грехи наши, сказал правду... — Слова Савонаролы (см. примеч. к с. 73) в проповеди, произнесенной 1 ноября 1494 г., когда Карл VIII приближался к Флоренции.

С. 92—93. *...Карфаген, каковой чуть не был ими захвачен...* — После окончания I Пунической войны (264—241 гг. до н.э.) карфагенские войска были отправлены на родину из Сицилии и, не получив жалованья, восстали. К ним присоединились ливийские племена, и восстание было подавлено лишь после долгой и ожесточенной войны (241—237 гг. до н.э.).

С. 93. *...фиванцы пригласили Филиппа Македонского возглавить их войско...* — Филипп II (382—336 до н.э.) — царь Македонии с 356 г. до н.э., возглавлял фессалийцев и фиванцев во время III Священной войны ок. 354 г. до н.э., но затем выступил против Фив и покорил их в 346 г. до н.э.

...по смерти герцога Филиппа... — Филиппо Мария Висконти, герцог Миланский (1412—1447) — последний представитель династии Висконти. Амброзианская республика, образовавшаяся в Милане после смерти герцога, продержалась два с половиной года, с 13 августа 1447 г. до 27 февраля 1450 г., после чего власть перешла к Франческо Сфорца (см. примеч. к с. 59).

...разбив венецианцев при Караваджо... — Битва произошла 15 сентября 1448 г.

Сфорца, его отец, состоя на службе у Джованны... оставил ее безоружной, так что... она бросилась искать заступничества у короля Арагонского. — Муцио Атендоло Сфорца (1369—1424) — кондотьер на службе у неаполитанского короля Владислава и его сестры и наследницы Джованны (Иоанны) II (1414—1435), в 1420 г. перешел к папе Мартину V (1368—1431). В 1421 г. Иоанна усыновила и объявила наследником Альфонса V Арагонского (ок. 1396—1458).

Джованни Аукута — сэр Джон Хоквуд — англичанин, кондотьер, воевавший в Италии в 1361—1393 гг. вначале на службе у Висконти, затем с 1377 г. — у Флоренции.

Браччо (да Монтоне) — Андреа Фортебраччо (1368—1424) — кондотьер, служивший папе и Альфонсу Арагонскому.

С. 94. Карманьола — Франческо Буссоне, граф Карманьола (ок. 1380—1432) — кондотьер, служивший у Висконти, затем ставший венецианским военачальником; разбил миланские войска при Маклодио 11 октября 1427 г., завоевав для Венеции Брешию и Бергамо, в 1431—1432 гг. безуспешно пытался овладеть Лоди и Кремоной; обвинен в измене и казнен.

Бартоломео да Бергамо — Бартоломео Коллеони (1400—1475) — кондотьер, служивший у венецианцев в 1431, 1437—1441, 1448 гг. и у Висконти в 1442 г., проиграл битву при Караваджо.

Роберто да Сан Северино (1418—1487) — кондотьер на службе у Франческо Сфорца и Лудовико Моро, венецианский военачальник в «соляной» войне (см. примеч. к с. 90).

Граф ди Питильяно — Никколо Орсини (ум. 1510) — венецианский военачальник в войнах против Камбрейской лиги.

Как оно и случилось при Вайла... — При Вайла (или Аньяделло, место в Северной Италии близ Лоди) 14 мая 1509 г. венецианские войска потерпели поражение от войск Камбрейской лиги.

Альбериго да Конио — Альбериго да Барбиано, граф Конио (граф Кунио, ум. 1409) — кондотьер на службе у папы Урбана VI (1378—1389), Неаполя, Джан Галеаццо Висконти.

...предали поруганию швейцарцы. — Швейцарцы выиграли сражения у итальянских наемных войск при Новаре в 1500 г. и Равенне в 1512 г.

С. 95. ...в военных действиях против Феррары он увидел, чего стоят его наемники... — Юлий II способствовал учреждению Священной лиги (см. примеч. к с. 89) после того, как Альфонс д'Эсте вернул себе Феррару и вынудил папу в 1510 г. оставить Болонью.

С. 96. ...при Равенне... — 11 апреля 1512 г. французы разбили соединенные силы папы и испанцев, но гибель их полководца, Гастона де Фуа, и неожиданное подкрепление, полученное противником, вынудили их оставить Романью и Ломбардию.

Флорентийцы... двинули против Пизы десять тысяч французов... — В июне 1500 г. Людовик XII дал флорентийцам восемь тысяч швейцарских и гасконских солдат.

Император Константинополя... призвал в Грецию десять тысяч турок... — Иоанн VI Кантакузен (ок. 1293—1383), император Византии в 1347—1355 гг., борясь за престол с Иоанном V Палеологом (1332—1391), обратился в 1353 г. за помощью к османскому султану Орхану.

С. 97. ...рассказ из Ветхого Завета... — См. Первая книга Царств, 17:38—40.

Карл VII... приказал образовать постоянную конницу и пехоту. — Карл VII (1403—1461), король Франции с 1422 г., при котором закончилась Столетняя война, учредил в 1445 г. так называемые ордонансовые роты, кавалерийские корпуса, вместе с пехотой «вольных стрелков» составившие ядро постоянной армии. Его сын, Людовик XI (1423—1483), король с 1461 г., отменил набор вольных стрелков, заменив их швейцарскими пехотинцами.

...воевать против швейцарцев французы не могут... — Имеется в виду поражение французов при Новаре в июне 1513 г.

С. 98. ...«Нет ничего более шаткого...» — Тацит (ок. 58 — ок. 117) «Анналы» (XIII, 19), перевод А.С. Бобовича.

С. 99. ...дети его... из герцогов стали частными лицами. — Речь идет о Лудовико Моро, но можно считать, что Макьявелли предсказал судьбу другого сына Франческо Сфорца, Массимилиано, который вернул себе герцогство с помощью Священной лиги в 1512 г., но вновь утратил его после победы 13 сентября 1515 г. французского короля Франциска I (1494—1547) при Мариньяно.

Филопемен (ок. 252—183 до н.э.) — восьмикратный стратег Ахейского союза (Тит Ливий, XXXV, 28; Плутарх «Филопемен», IV).

С. 100. ...*Александр Великий подражал Ахиллу, Цезарь — Александру, Сципион — Киру.* — Плутарх «Александр», VIII; Курций Руф «История Александра», IV, 6, 29; Светоний «Жизнь двенадцати цезарей. Божественный Юлий», 7; Цицерон «К брату Квинту», I, 8—23.

...*жизнеописание Кира, составленное Ксенофонтом...* — Имеется в виду «Киропедия»; Ксенофонт (ок. 430 — после 355 до н.э.) — греческий историк и писатель, ученик Сократа, автор «Анабасиса», «Греческой истории», «Домостроя» и др. сочинений.

С. 102. *Нынешний король Франции...* — Имеется в виду Людовик XII.

С. 102—103. *Нынешний король Испании...* — Имеется в виду Фердинанд II Католик (1452—1516) — король Арагона с 1479 г., Сицилии с 1468 г., Кастилии в 1479—1504 гг., Неаполитанского королевства с 1504 г. Фактически был первым королем объединенной Испании, основы которой положил его брак с Изабеллой Кастильской. Ревностно защищал католицизм, за что ему с королевой Изабеллой папой Александром VI в 1494 г. был пожалован титул «Католических королей».

С. 104. ...*флорентийский народ... позволил разрушить Пистойю.* — Флорентийцы не препятствовали партийной борьбе в 1501—1502 гг., которая вылилась в ряд беспорядков и убийств.

«*Молодо царство у нас...*» — Вергилий «Энеида», I, 563—564, перевод С.А. Ошерова.

С. 105. *Что можно объяснить только его нечеловеческой жестокостью...* — Тит Ливий, XXI, 4, 9.

С. 106. *Его войска взбунтовались в Испании...* — Описываются события 206 г. до н.э. (Тит Ливий, XXVIII, 24).

Фабий Максим — Квинт Фабий Максим (ок. 275—203 до н.э.), прозванный Кунктатором («медлителем»), — пятикратный консул, диктатор 221-го и 217 гг. до н.э., обязанный прозвищем своей тактике в борьбе с Ганнибалом.

...*Сципион не вступился за локров...* — Локры Эпизеферийские («западные»), город на юге Калабрии (в Бруттии), был разграблен пропретором Сципиона Квинтом Племинием.

Недаром кто-то в Сенате... сказал... — Тит Ливий, XXIX, 21, 11.

С. 108. *Один из нынешних государей...* — Имеется в виду Фердинанд II Католик (см. примеч. к с. 102—103). Ср. его характеристику в письме Макьявелли к Веттори от 29 апреля 1513 г.

С. 111. *Мессер Аннибале Бендивольо... явились к нему во Флоренцию и вверили ему власть...* — Аннибале Бендивольо был убит 24

июня 1445 г. Баттистой Каннески, и ему наследовал Санти Бентивольо (1426—1462), сын Эрколе, двоюродного брата Аннибале. «Нынешним» мессером Аннибале Макьявелли называет Аннибале II Бентивольо (1469—1540), правившего Болоньей в 1510—1512 гг. и утратившего власть после битвы при Равенне.

...парламент с его полномочиями. — Французские Генеральные штаты были впервые созваны в 1302 г. Филиппом IV Красивым (1268—1314).

С. 112. *...что содержится в жизнеописании императоров...* — Речь идет об «Истории от кончины божественного Марка» римского историка Геродиана (ок. 170 — ок. 240), известной Макьявелли в латинском переводе Анджело Полициано.

Марк-философ — Марк Аврелий (121—180) — римский император с 161 г., философ-стоик; *Коммод* — Луций Элий Аврелий Коммод (161—192) — император с 180 г., задушен по приказу его любовницы, Марции; *Пертинакс* — Публий Эльвий Пертинакс (126—193) — император в январе — марте 193 г., пытался поднять авторитет Сената, убит преторианцами через восемьдесят семь дней после вступления на престол; *Юлиан* — Марк Юлиан Север Дидий — император в 193 г., отказался выдать преторианцам обещанный денежный подарок и убит ими спустя шестьдесят шесть дней после вступления на престол; *Север* — Луций Септимий Север Аврелий Антонин (146—211) — император со 193 г., провозглашен императором иллирийскими легионами после смерти Пертинакса, боролся за власть с Дидием, Песценнием Нигером (см. ниже), Альбином, провел несколько победоносных войн с Парфией, умер, воюя в Британии; *Антонин Каракалла* — Марк Аврелий Антонин Каракалла (188—217) — император с 211 г., вначале вместе с братом Гетой, которого он убил через год; воевал в Галлии, на Дунае, в Египте, в Сирии, где и убит Макрином; *Макрин* — Марк Опеллий Макрин (164—218) — император с 217 г., провозглашенный восточными легионами после убийства Каракаллы; убит своими солдатами после заключения позорного мира с Парфией; *Гелиогабал* — Секст Варий Авиций Гелиогабал (204—222) — император с 218 г., провозглашен императором в Сирии, реальная власть принадлежала его матери и бабушке, пытался избавиться от своего двоюродного брата и преемника, Александра Севера, после чего убит вместе с матерью преторианцами; *Александр* — Марк Аврелий Север Александр (208—235) — император с 222 г., от его имени правила его бабушка вместе с двумя его советниками, Ульпианом и Павлом; убит своими солда-

тами на Рейне во время войны с германцами; *Максимин* — Гай Юлий Вер Максимин Фракийский (172—238) — император с 235 г., в юности пастух, затем кавалерийский офицер; убит своими солдатами.

С. 114. *Славония* (Иллирия) — римская провинция на Балканах.

Песценний Нигер — Гай Песценний Нигер — сирийский легат, убит в 195 г.

Альбин — Децим Клавдий Альбин, римский военачальник, провозглашен императором после смерти Пертинакса, покончил жизнь самоубийством после поражения от Септимия Севера в 197 г.

С. 117. *...государство султана египетского...* — Имеется в виду государство мамлюков, основанное в 1250 г. и присоединенное к Турции в 1517 г.

С. 119. *...когда Италия находилась в относительном равновесии...* — Макьявелли говорит о сорока годах от Лодийского мира в 1454 г. до вступления в Италию Карла VIII в 1494 г.

...а затем и все они, осмелев, отпали от венецианцев. — Речь идет о городах Италии — Брешиа, Верона, Виченца, Падуя и др.

Пандольфо Петруччи — см. примеч. к с. 26.

С. 120. *Никколо Вителли... в Читта ди Кастелло* — Никколо Вителли (ум. 1497) — отец Паоло и Вителлоццо, кондотьер, правитель Читта ди Кастелло, изгнанный оттуда Сикстом IV в 1474 г. и возвращенный флорентийцами в 1482 г.

...Бентивольо, вернувшись в Болонью... — Речь идет о событиях 1511 г. (см. примеч. к с. 111).

С. 121. *Граф Джироламо* — Джироламо Риарио — правитель Имолы и Форли, племянник Сикста IV, пал от руки заговорщиков 14 апреля 1488 г.

...но впоследствии и ей не помогли крепости... — Восстание в Форли вспыхнуло 15 декабря 1499 г., Чезаре Борджа вошел в город 19 декабря и 21 декабря взял замок.

...война за Гренаду... — Завоевание Гренады продолжалось двенадцать лет, с 1480 по 1492 гг.; ее взятие завершило Реконкисту (VIII—XV вв.).

С. 122. *...изгнал марранов...* — Марраны — мавры и евреи, принявшие христианство, были изгнаны из Испании в 1501—1502 гг.

...он захватил земли в Африке... вступил в войну с Францией. — Фердинанд Арагонский в 1509 г. оккупировал североафриканское побережье от Орана до Триполи; в 1512 г. захватил Наварру.

Мессер Бернабо да Милано — Бернабо Висконти (ум. 1385) — после смерти архиепископа Джованни Висконти в 1354 г. правил

Миланом вместе с братьями, Маттео II и Галеаццо II, с 1378 г. стал единовластным правителем; отравлен племянником, Джан Галеаццо.

С. 123. ...«Что до решения...» — Тит Ливий, XXXV, 49, 13.

С. 124. ...если нет возможности уклониться от союза, как обстояло дело у флорентийцев... — Флорентийцы не решились открыто стать на сторону Людовика XII и в то же время не поддерживали Священную лигу. Эта неопределенная позиция привела в итоге к падению республики.

С. 125. *Антонио да Венафро* — см. примеч. к с. 26.

...умы бывают трех родов... — Тит Ливий, XXII, 29, 8.

С. 126. *Отец Лука* — Лука Ринальди, епископ Триеста (1500–1502) — доверенное лицо и посол императора Максимилиана I (см. примеч. к с. 293).

С. 128. *Филипп Македонский* — Филипп V (221–179 до н.э.), царь Македонии — воевал с римлянами в 215–205 гг. до н.э. (I Македонская война) и в 200–197 гг. до н.э. (II Македонская война) и в результате утратил все свои внемакедонские владения.

Тит Квинций Фламинин (ум. 175 до н.э.) — победитель Филиппа V при Киноскефалах в 197 г. до н.э.

С. 131. ...воссоединить под своей властью Неаполитанское королевство... — Фердинанд II Католик стремился получить портовые города Апулии, которые с 1495 г. были в руках Венеции.

С. 133. ...и Церкви, глава коей принадлежит к вашему дому... — Имеется в виду Лев X Медичи (см. примеч. к с. 91).

«Ибо та война справедлива, которая необходима...» — Тит Ливий, IX, 1, 10.

...море расступилось... манна небесная выпала на землю... — Знаменья, сопровождавшие исход израильтян из Египта.

С. 134. *Таро* — битва при Форново на реке Таро между войсками Карла VIII и антифранцузской коалиции в 1495 г.; *Алессандрия* — город в Ломбардии, взятый французами в 1499 г.; *Капуя* — взята и разграблена французами в 1501 г.; *Генуя* — сдалась французам в 1507 г.; *Вайла* — см. примеч. к с. 94; *Болонья* — сдалась французам в 1511 г.; *Местри* (Местре) — местечко близ Венеции, сожженное испанцами перед битвой при Ла Мотта 7 октября 1513 г.

С. 135. *Доблесть ополчится на неистовство...* — Цитата из канцоны Франческо Петрарки (1304–1374) «Моя Италия».

Рассуждения о первой декаде Тита Ливия («Discorsi sopra la prima deca di Tito Livio»)

Согласно наиболее авторитетной в современной науке точке зрения, «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» были написаны в 1513—1517 гг., причем в период написания XVII—XVIII глав первой книги работа была прервана на несколько месяцев (июль — декабрь 1513 г.), отданных созданию «Государя». «Рассуждения» состоят из трех книг, в первой из которых анализируется внутреннее устройство Римской республики, во второй — ее внешняя политика и в третьей — роль, принадлежащая в римской истории ее героям. Эта композиция трактата довольно точно соответствует динамике идей Макьявелли, его целям и установкам, меняющимся с течением времени, истории его надежд и разочарований. Первая книга, и в особенности ее начальные восемнадцать глав, — это вершина политической мысли Макьявелли, синтез его наиболее конструктивных идей о природе и функциях государства. Во второй книге пафос научного конструирования резко идет на убыль, уступая место анализу (вернее сказать, обличению) причин, приведших Италию к современному Макьявелли состоянию политического маразма. Система идей, выработанная в первой книге, здесь практически ничем не обогащается, но и никакую конкретную политическую перспективу, никакую картину возможного в будущем возрождения инвектива, обращенная к итальянским правителям, здесь (в отличие от «Государя») даже не намечает — атмосфера, господствующая во второй книге, проникнута абсолютной безнадежностью, которую только усугубляет сравнение с идеалом римской государственной мудрости, используемое исключительно в полемических целях. В третьей книге напряжение политической мысли и политической страсти ослабевает, в ней нет того организующего начала, которое сообщало целостность первым двум частям трактата: Макьявелли лишь добавляет отдельные штрихи к уже завершеному произведению и ведет к концу третью книгу без особого вдохновения.

Народ в «Рассуждениях», по сравнению с «Государем», из пассивного материала превращается в активного и полноправного участника политической жизни, в гаранта жизнеспособности и стабильности государственного организма. В соответствии с этим перестраивается и концепция государства, которое более не отождествляется с волей и разумом правителя, а понимается как материализация

коллективной воли. Однако было бы неверным противопоставлять «Государя» «Рассуждениям» как теорию тирании — теории народовластия. Приверженность Макьявелли республиканскому строю объясняется вовсе не идеологическими соображениями и не стремлением отстоять попранные абсолютизмом гражданские права и свободы. Его позиция сугубо прагматична или, если угодно, научна. Политическая свобода созидает такой государственный организм, в котором имеются пути и средства самовыражения для всех существующих социальных сил, политическое рабство сводит государство к самовыражению его главы. Первый вариант значительно более устойчив, действен и жизнеспособен, нежели второй. Макьявелли ратует не за республику (или, наоборот, за монархию) как изначально, принципиально и постоянно наилучшую форму правления, а за наиболее эффективный государственный строй, прекрасно сознавая, что рецептов на все времена не существует и что в разных исторических условиях таким строем может оказаться как республиканский, так и монархический. Например, при той политической обстановке, которая сложилась в современной ему Италии, гарантировать хоть какую-то нормальную жизнедеятельность государства может только самодержавие.

В Риме условия были иные, там народа не коснулось развращение, он был искренне и глубоко религиозен. Хорошо известно, с какой ненавистью Макьявелли относился к католицизму и к католической церкви, этой, с его точки зрения, язве на теле Италии, но его отношение к религии этим не исчерпывается. Древнеримскую религию, в частности, он считает одним из главных факторов, способствовавших преуспеванию республики. При этом вопрос ее истинности или ложности его совершенно не занимает, религия для него — форма регламентации и освящения системы общественных ценностей и связей. Религия укоренена в сфере частного права и составляет необходимую моральную основу для государственного строительства и для функционирования государственных учреждений. Религия — это та область, где смыкаются личное и социальное, нравственность и политика, «добрый» порядок и «добрый» закон. Впрочем, полностью устранить антиномию этих понятий Макьявелли не удастся: закон, иначе говоря — государственное право, все равно остается продуктом индивидуальной акции и дается обществу извне, как бы это общество ни было добронравно, религиозно и свободно. Движения вверх, от здоровой социальности к здоровой государственности, Макьявелли себе не представляет: политическая активность

народа ограничивается сохранением и защитой институтов общественной свободы, введенных по воле единоличного законодателя. Полностью преодолеть концепцию «Государя», концепцию формообразующей активности, являющейся неотчуждаемым достоянием правителя, Макьявелли не смог, но это не его личный предел, не внутренний изъян его теоретических построений, — это предел исторический, поставленный перед ним эпохой окончательного краха итальянского муниципального республиканства.

«Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» полностью переведены на русский язык в XIX веке (под ред. Н. Курочкина, 1869). Настоящий перевод впервые опубликован в кн.: Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Государь. — М.: РОССПЭН, 2002.

С. 136. *Дзаноби Буондельмонти (1491—1527) и Козимо Ручеллаи (1495—1519)* — флорентийцы, друзья Макьявелли, оба республиканцы, участники собраний в Садах Ручеллаи (Козимо — племянник их основателя Бернардо Ручеллаи), противники режима Медичи (Дзаноби был замешан в заговоре 1522 г.).

С. 137. *Гиерон Сиракузский* — см. примеч. к с. 74.

Персей Македонянин — царь Македонии (179—168 до н.э.) — вел против римлян III Македонскую войну, потерпел поражение при Пидне, умер в плену.

С. 139. *...тех книг Тита Ливия, которые не были отняты у нас суровым временем...* — Тит Ливий (59 до н.э. — 17 н.э.) — римский историк, автор «Истории Рима от основания города», из 142 двух книг которой до нас (и до Макьявелли) дошло 35 — с первой по десятую и с двадцать первой по сорок пятую, освещающие события соответственно с основания Рима до 293 г. и с 219-го по 167 г. до н.э.

С. 140. *...Афины... были основаны по настоянию Тезея...* — Плутарх «Тезей», 24.

...вторая явилась пристанищем... — По традиции основание Венеции возводится к середине VI в., ко временам нашествия на Италию лангобардов.

С. 141. *...Александр основал Александрию.* — Александр Македонский (см. примеч. к с. 67) основал Александрию в 332—331 гг. до н.э. в Египте.

Подобным образом была основана Флоренция... — Флоренция берет начало от колонии римских воинов-ветеранов, основанной в 59 г. до н.э. при Юлии Цезаре.

...занимают города... как... Моисей... — Моисей по повелению Бога поделил землю Ханаанскую между коленами израилевыми (Четвертая книга Моисеева, Числа, 34).

...обживают новые, как было с Энеем. — Эней, мифический предок римлян, основал Лавиний.

С. 142. *...разгромлено турецким султаном Селимом...* — Селим I Грозный (1467—1520) — османский султан с 1512 г., присоединил к своим владениям Египет и Сирию в 1517 г.

Динократ — Дейнократ (ум. ок. 250 до н.э.) — архитектор Александра Македонского, строитель храма Артемиды Эфесской. Макьявелли опирается в своем рассказе на римского архитектора Витрувия (I в. до н.э.), автора трактата «Десять книг об архитектуре».

С. 143. *Нума* — согласно легенде, второй царь Рима, которому приписывалось установление основных законов и введение религиозных обрядов.

Ликург — легендарный царь и законодатель Спарты.

С. 144. *...они соблюдались более восьмисот лет...* — Плутарх («Ликург», 29) говорит о пятистах годах.

...благодаря событиям в Ареццо... — После восстания в Ареццо (см. меморандум «О том, как надлежит поступать с восставшими жителями Вальдикьяны») во Флоренции была введена должность пожизненного гонфалоньера; после взятия Прато испанцами в 1512 г. к власти во Флоренции вернулись Медичи.

...авторы, писавшие о республиках... — В данном случае и вообще в этой главе Макьявелли следует за «Всеобщей историей» Полибия (VI, 3—4), который, в свою очередь, опирается на Платона и Аристотеля. Учение о трех формах государственного устройства восходит к софистам.

С. 147. *Солон* (ок. 640—560 до н.э.) — афинский государственный деятель и поэт, будучи наделен в 594 г. чрезвычайными полномочиями, реформировал государственное устройство, разделив всех граждан на четыре группы по имущественному цензу и противопоставив аристократическому ареопагу Совет Четырехсот.

Писистрат (ок. 600—528 до н.э.) — установил в Афинах тиранию в 561 г., но сохранил конституцию Солона; в 527 г. передал власть своим сыновьям Гиппию и Гиппарху. Гиппий, изгнанный в 510 г., был последним из афинских тиранов; реформы, проведенные Клисфеном после его изгнания, укрепили положение афинского демоса. Поражение в Пелопоннесской войне в 404 г. привело к установлению в Афинах олигархического режима, который, однако,

вскоре пал, демократия была восстановлена и продержалась до второй половины следующего века, когда Афины вошли в сферу влияния Македонии.

С. 149. *...после изгнания из Рима Тарквиниев...* — К аристократическому роду Тарквиниев из одноименного этрусского города принадлежали римские цари Тарквиний Древний и Тарквиний Гордый; изгнание Тарквиния Гордого в 507 г. до н.э. положило конец царской власти в Риме.

...был учрежден трибунат... — Трибунат был установлен в Риме в 490 г. до н.э. Народный трибун — должностное лицо, охранявшее права плебса; он мог наложить вето на постановления магистратов и Сената, имел право созывать народное собрание.

С. 150. *...все плебеи уходят из Рима...* — Впервые в 494 г. до н.э., переговоры с ними закончились учреждением должности народных трибунов. В дальнейшем плебеи повторяли подобные демонстрации; всего римская традиция насчитывает их пять (см. также примеч. к с. 229).

С. 150. *...как говорит Туллий...* — Цицерон «О дружбе», XXV, 95, вольный пересказ.

С. 151. *...народные трибуны не удовольствовались... они перешли к цензорам, претору и всем остальным должностям городского управления...* — В 367 г. до н.э. был принят закон Луция Секстия, по которому один из двух консулов должен избираться из плебеев. В 356 г. до н.э. плебей был впервые избран диктатором (Гай Марций Рутул), в 351 г. — цензором (он же), в 337 г. — претором (Квинт Публий Филон).

Марий — Гай Марий (157—86 до н.э.) — римский полководец, вождь популяров, семь раз избиравшийся консулом, победитель царя Нумидии (совр. вост. часть Алжира) Югурты, тевтонов и кимвров, вел гражданскую войну с оптиматами во главе с Суллой (138—78 до н.э.).

В первом случае во всем следует подражать Риму... — Макьявелли повторяет суждение историка Полибия (VI, 50).

С. 152—153. *...Марк Менений... Марк Фульвий...* — У Макьявелли неточности в именах: Тит Ливий (IX, 26) говорит о Гае Мении и Марке Фолии. Описываются события 314 г. до н.э., времен II Самнитской войны (327—304 гг. до н.э.).

С. 154. *Спартой управляли царь и небольшой сенат.* — Во главе Спарты стояли два царя, власть которых была ограничена пятью ежегодно выбираемыми эфорами и народным собранием, избирав-

шим герусию (ее Макьявелли называет сенатом), куда входили 28 старейшин и оба царя.

...правителей стали называть дворянами, а остальных — попо- ланами. — В 1142 г. из старинного народного собрания Венеции выделился особый орган, Совет мудрецов, впоследствии преобразованный в Большой совет и присвоивший себе прерогативы высшей власти (выборы дожа и других магистратов, законодательная деятельность). В 1297 г. состоялось так называемое «закрытие» Большого совета: членство в нем было объявлено наследственным, что окончательно закрепило оформление в Венеции наследственного нобилитета и структуры аристократической республики.

С. 156. *Так произошло и в Спарте...* — По итогам Пелопоннесской войны (431—404 гг. до н.э.) Спарта завладела гегемонией в Греции; мятеж в Фивах во главе с Пелопидом (ок. 410—364 до н.э.) произошел в 379 г.; гегемония Спарты была окончательно сломлена после поражения при Левктрах в 371 г.

...потеряла все в одном сражении. — Имеется в виду битва при Вайла (см. примеч. к с. 94).

С. 158. *...случай с Кориоланом...* — Гней Марций Кориолан — победитель вольсков, изгнанный из Рима после истории, пересказанной Макьявелли (Тит Ливий, II, 34—35); с войском вольсков осадил Рим, и только уговоры матери и жены заставили его отступить.

С. 159. *Франческо Валори* (ум. 1498) — гонфалоньер справедливости в 1497 г., сторонник Савонаролы (см. примеч. к с. 73), убит клеветами Медичи.

Пьеро Содерини (1452—1522) — избранный в 1502 г. пожизненным гонфалоньером, возглавлял правительство Флоренции до реставрации Медичи в 1512 г.

Восемь судей — высшая судебная комиссия во Флоренции.

С. 160. *...обратиться еще к одному, изображенному Титом Ливием...* — Тит Ливий, V, 33. Макьявелли здесь, как и повсюду, не только модернизирует географические и этнические названия (Кьюзи вместо Клузия, Ломбардия вместо Цизальпинской Галлии, тосканцы вместо этрусков, французы вместо галлов), но и несколько искажает сам рассказ.

...перед доблестью Фурия Камилла... — Марк Фурий Камилл — пятикратный диктатор, прославился как полководец в сражениях с эквами и вольсками; в 391 г. до н.э. был обвинен в растрате или хищении государственных денег и удалился в изгнание; разбил в 390 г. до

н.э. галлов, захвативших Рим, и удостоился титула «второго основателя Рима».

...подобные почести и слава возмущали Манлия Капитолина... — Марк Манлий Капитолийский — защитник Капитолия (отсюда прозвище) во время захвата Рима галлами, консул 392 г. до н.э., в 384 г. осужден патрициями и казнен (Тит Ливий, VI, 14–16; «Рассуждения», кн. III, гл. VIII).

С. 161. *...назначить диктатора...* — Диктатором в 385 г. до н.э. был Авл Корнелий Косс.

С. 163. *Вся эта история... привела к крушению республики.* — Флорентийское войско во главе с Джованни Гвиччардини осаждало Лукку в 1430–1433 гг. и было разбито отрядом Никколо Пиччинино, направленным к Лукке миланским герцогом. На следующий год к власти во Флоренции пришел Козимо Медичи (см. примеч. к с. 208, а также Макьявелли «История Флоренции», кн. IV, гл. XXIV–XXV).

...погубил своего брата... дал согласие на смерть Тита Тация Сабина... — Согласно римской легенде, Ромул убил своего брата Рема; вел войну с царем сабинян Титом Тацием, после заключения мира разделил с ним власть. Об убийстве Тита Тация жителями Лавиния Тит Ливий говорит, что Ромул «перенес случившееся легче, нежели подобало» (I, 14).

С. 165. *Агид (Агис) IV* — правил в 244–241 гг. до н.э.; пытался осуществить раздачу земельных владений знати безземельным спартамцам и вернуть Спарту к порядкам, установленным Ликургом.

...убившими его спартанскими эфорами... — Эфоры — пять высших должностных лиц, выбиравшихся сроком на один год. Заговор против Агиса возглавил его соправитель Леонид II, поддержанный эфорами.

Клеомен — Клеомен III (ум. 219 до н.э.) — царь Спарты в 235–222 гг. до н.э., продолжил реформы Агиса IV, реорганизовал армию, перестроил систему воспитания по образцу Ликурга, ликвидировал должность эфоров и герусию, в 222 г. при Селласии был разбит войсками Македонии и Ахейского союза.

С. 166. *...скорее Сципионом, нежели Цезарем...* — Сципион (см. примеч. к с. 611) выступает как образец республиканских добродетелей, Цезарь — как ниспровергнувший республиканский строй.

...скорее Агесилаем... нежели... Дионисием... — Агесилай II — царь Спарты в 399–361 гг. до н.э., идеальный правитель в изображении Ксенофонта и Плутарха; Тимолеон (ум. 337 до н.э.) — командующий

коринфским отрядом, свергнувшим тиранию Дионисия Младшего, почитался греками как освободитель Сицилии; *Дион* (409—354 до н.э.) — ученик Платона, пытался воплотить его теорию государства на Сицилии, боролся за власть с Дионисием Младшим; *Набид* — см. примеч. к с. 86; *Фаларид* — тиран Агригента (570—555 до н.э.), чья жестокость вошла в поговорку; *Дионисий* — Дионисий Старший, тиран Сиракуз (405—367 до н.э.), или его наследник Дионисий Младший (367—344 до н.э.), прославившийся своей жестокостью.

С. 167. *...правители которой носили его имя...* — Когномен Гая Юлия Цезаря превратился в официальный титул римских императоров («цезарь», «кесарь»).

...к их высказываниям о Катилине. — Луций Сергий Катилина (108—62 до н.э.) — организовал заговор для овладения единоличной властью; после разоблачения заговора Цицероном бежал из Рима, пал в бою с правительственными войсками. Резкие высказывания о Катилине принадлежат Цицерону и Саллюстию.

...сколько хвалы расточают Бруту... — Марк Юний Брут (85—42 до н.э.) — один из организаторов убийства Цезаря, потерпел поражение в войне с Октавианом и Антонием, покончил жизнь самоубийством. Плутарх изобразил его как образец республиканских добродетелей.

...императоры, жившие по закону... — *Тит* Флавий Веспасиан — император в 79—81 гг., *Марк Кокцей Нерва* — 96—98 гг., *Марк Ульпий Траян* — 98—117 гг., *Публий Элий Адриан* — 117—138 гг., *Антонин Пий* — 138—161 гг., *Марк Аврелий* — 161—180 гг. Титу высокую характеристику дают Светоний и Тацит, Нерве — Плиний Младший и Тацит, Траяну — Плиний Младший, Марку Аврелию — Геродиан, им всем — авторы жизнеописаний цезарей, Евтропий и Аврелий Виктор.

...Калигулу... и других преступных императоров... — Гай Юлий Цезарь Калигула — император в 37—41 гг., *Нерон* — 54—68 гг., *Авл Вителлий* — 69 г. «Преступность» этих императоров изобличали Светоний и Тацит. К числу «преступных императоров» римскими историками первых двух веков н.э. причислялись еще Тиберий и Домициан.

...из двадцати шести императоров... только десять умерли своей смертью... — В действительности императоров было 28, но Макьявелли не учитывает соправителя Марка Аврелия Луция Вера (отравившегося по ошибке) и соправителя Каракаллы Гету (убитого). Убиты были Калигула, Клавдий, Гальба, Вителлий, Домициан, Ком-

мод, Пертинакс, Дидий Юлиан, Песценний Нигер, Альбин, Каракалла, Макрин, Гелиогабал, Александр Север, Максимин (т.е., не считая Максимиана, 14, но к ним Макьявелли, очевидно, причисляет покончивших с собой Нерона и Отона); умерли своей смертью Август, Тиберий, Веспасиан, Тит, Нерва, Траян, Адриан, Антонин, Марк Аврелий, Септимий Север. (См. также примеч. к с. 112.)

Гальба — император в 68—69 гг. Тацит дает ему в целом положительную характеристику («История», I, 49), хотя и оговаривается, что «он скорее был лишен пороков, чем обладал достоинствами».

Север — Септимий Север (см. примеч. к с. 112). Современники говорили о нем, что ему надо было бы вообще не родиться на свет — так он был жесток, или, если уж родился, то не умирать — так он был полезен для государства.

С. 170. *...множество граждан собралось на сходку...* — Тит Ливий говорит не о «множестве граждан», а о нескольких знатных юношах (XXII, 53).

...действительно отказался от обвинения. — Этот случай произошел в 362 г. до н.э. (Тит Ливий, VII, 4—5). Будучи впоследствии консулом во время одной из Латинских войн, Тит Манлий Торкват осудил на смерть своего сына за неповиновение приказу — имя его сделалось символом древнеримских традиций дисциплины.

...измыслил свою дружбу с нимфой... — Эгерия, нимфа источника, по легенде, возлюбленная и советчица Нумы Помпилия.

С. 171. *Не часто доблесть...* — Данте Алигьери «Божественная комедия» («Чистилище», VII, 121—123).

С. 172. *...брат Джироламо Савонарола...* — См. примеч. к с. 73.

...гадателей и гаруспиков... — Авгурь (зд. «гадатели») гадали по поведению птиц, гаруспики — по внутренностям животных.

С. 173. *...знаменитые оракулы...* — Имеются в виду святилище Аполлона на острове Делос со знаменитым оракулом, оракул египетского бога Аммона в Ливийской пустыне. Это божество почиталось также в Спарте и греческих Фивах, отождествлялось с римским Юпитером.

...случай с римскими солдатами... — Этрусский город Вейи был взят Камиллом в 396 г. до н.э. после десятилетней войны (Тит Ливий, V, 22).

С. 174. *...изгнала из Италии лангобардов...* — Германское племя лангобардов вторглось в Италию в 568—572 гг. Лангобардское королевство занимало почти весь север Италии (кроме Лигурии, Ве-

неции и земель, подвластных Равеннскому экзархату) и часть юга. В 751 г., когда лангобардский король Айстульф занял Равенну и двинулся на Рим, папа римский Стефан II обратился за помощью к королю франков Пипину Короткому. Окончательно королевство лангобардов разгромил в 773—774 гг. сын Пипина Карл Великий (король франков в 768—814 гг., император с 800 г.).

...обескровила венецианцев... потом прогнала французов... — Речь идет о Камбрейской и Священной лигах (см. примеч. к с. 89).

С. 175. *...учредил должность трибунов с консульской властью...* — Имеется в виду должность военных трибунов, учрежденная в 399 г. до н.э. (Тит Ливий, V, 13—14).

...в этот год необыкновенно разлились воды озера Альбано... — Тит Ливий, V, 15—16.

С. 176. *Трибун Терентилл задумал внести новый закон...* — Гай Терентий Гарса, народный трибун в 462 г. до н.э., предложил пересмотреть закон о консульской власти (Тит Ливий, III, 9).

...о чем будет рассказано в своем месте ниже... — «Рассуждения», кн. I, гл. XXXIX.

Сивиллины книги — книги предсказаний. По преданию, первые три книги были проданы куманской Сивиллой Тарквинию Древнему, в дальнейшем к этим книгам были прибавлены прорицания тибуртинской Сивиллы и др. Сивиллины книги хранились особой жреческой коллегией в храме Юпитера Капитолийского, ими пользовались до V в.

...некий Аппий Эрдоний, собрав... 4000 человек... захватил Капитолий... — Тит Ливий (III, 15) говорит о двух с половиной тысячах восставших. Их предводитель зовется у него Аппием Гердонием, консул, возглавивший штурм Капитолия, — Публием Валерием.

...назначили Тита Квинкция... — Луций Квинций Цинциннат — консул в 460 г. до н.э., диктатор в 458 и 439 гг. до н.э.

...«Однако захватившего нынешний век...» — Тит Ливий, III, 20, 5.

С. 177. *Консульские комиции.* — Имеется в виду либо куриатский комиций (народное собрание во главе с консулом), либо сменивший его центуриатский комиций (собрание, выбиравшее консулов и голосовавшее вносимые консулами законопроекты).

...цыплятники устраивали свои гадания... — Такой способ гадания применялся главным образом на войне: полководцы брали в поход клетку со священными курами и особого служителя пуллария.

...в его решающей битве с самнитами... — Битва произошла в 293 г. до н.э. во время III Самнитской войны (Тит Ливий, X, 49).

С. 178. *Противоположным образом поступил Анний Пульхр...* — Публий Клавдий Пульхр проиграл сражение в 249 г. до н.э. (Цицерон «О природе богов», II, III, 7).

С. 178—179. *«И уже не могли они удержаться...»* — Тит Ливий, X, 13, 14—15.

С. 179. *Самниты решились на последнюю попытку...* — Эта клятва, как и птицегадание, предваряет сражение при Аквилонии в 293 г. до н.э. (Тит Ливий, X, 38).

«Ведь не гребнями поражают врага...» — Тит Ливий, X, 39, 12.

С. 181. *...умертвить сыновей Брута...* — Луций Юний Брут — легендарный основатель Римской республики, приговорил к смерти своих сыновей, замешанных в заговоре с целью восстановить в Риме царскую власть (ср.: «Рассуждения», кн. III, гл. III).

С. 182. *Клеарх* — тиран Гераклеи Понтской в 364—352 гг. до н.э.

С. 184. *...даже если был истреблен весь императорский род...* — Нерон был последним римским императором, связанным родством с Юлием Цезарем.

...достаточно было взять с народа клятву... — Брут «заставил граждан присягнуть, что они никого не потерпят в Риме царем» (Тит Ливий, II, 1, 9).

...даже суровому Бруту со всеми восточными легионами... — Легионы, которые размещались в Македонии и Сирии, находились в управлении республиканцев.

...после смерти Филиппо Висконти... — См. примеч. к с. 93.

С. 185. *Так было в Фивах...* — В годы правления Пелопида (см. примеч. к с. 156) и Эпаминонда (ок. 418—362 до н.э.), особенно после битвы при Левктрах в 371 г. до н.э., Фивы играли в Греции доминирующую роль, их влияние пошло на убыль после битвы при Мантинее в 362 г. до н.э., в которой Эпаминонд погиб, и было окончательно сломлено в 339 г. македонцами. В своих оценках Макьявелли близко следует за Полибием («Всеобщая история», VI, 43).

С. 186. *...закон о прелюбодеяниях...* — В республиканском Риме существовало право наказания в частном порядке (вплоть до убийства прелюбодеев), законы Августа предусматривали изгнание и денежный штраф.

...закон против роскоши... — Например, Оппиев закон (принят в 215 г. до н.э.). Он ограничивал число женских золотых украшений,

запрещал носить разноцветную одежду, ездить по городу в повозках и т.п.

...против властолюбия... — Например, Петелиев закон (принят в 358 г. до н.э.) против подкупа избирателей.

С. 188. *...я уже говорил, как в таком случае поступил Клеомен...* — «Рассуждения», кн. I, гл. IX.

Тулл — Тулл Гостилий — третий из легендарных царей Рима, начал римскую экспансию, разрушил Альба Лонгу, победил сабинян.

С. 189. *Соломон* — третий царь Израильско-Иудейского государства, сын Давида, изображенный в Библии как величайший мудрец.

Ровоам — сын и преемник Соломона, при котором Израильское царство разделилось; Ровоаму сохранили верность только два колена из двенадцати.

Баязет — Баязид II (1447—1512) — османский султан в 1481—1512 гг., сын Мухаммада II Завоевателя, отец Селима I Грозного (1467—1520), который сверг отца в 1512 г. и завоевал Египет и Сирию.

Давид — царь Израильско-Иудейского государства, в Библии (книга Царств) изображен как воитель.

С. 190. *Анк* — Анк Марций — четвертый легендарный царь Рима, внук Нумы. Ему приписывают культовые нововведения и строительные работы. Победил и переселил в Рим латинов. Его характеристика у Макьявелли восходит к Титу Ливию (I, 32, 4): «Анк, однако, был схож нравом не только с Нумою, но и с Ромулом».

...сколько им управляли цари. — По Титу Ливию (I, 60, 3), цари управляли Римом 244 года.

...Филипп Македонский и Александр Великий. — Филипп II завоевал Фракию и Фессалию, установил контроль над Центральной Грецией (см. примеч. к с. 93); владения Александра, его сына и наследника, простирались от Дуная, Египта и Кавказа до Инда.

С. 191. *...английский король напал на Францию...* — Генрих VIII (1491—1547) в 1513 г. нанес французам поражение при Гингате.

С. 192. *Пишущий об этом...* — Плутарх «Пелопид», 17.

...«Тулл на битву сограждан // Двинет праздных своих». — «Энеида», VI, 813—814.

Римский царь Тулл и царь Альбы Меттий... — Тит Ливий, I, 24—26.

...попытался обмануть римского царя... — Гостилий Меттий отступил во время битвы. По приказу Тулла его разорвали колесницами (Тит Ливий, I, 27—28).

С. 194. ...*Ганнибал перешел через горы... римляне ожидали его... на равнине Арецо...* — Во время II Пунической войны Ганнибал перешел Альпы и нанес римлянам поражение при Тицине и Требии в 218 г. до н.э.; в следующем году, перейдя Апеннины, он разбил римлян у Тразименского озера («на равнине Арецо»).

Гораций — Гораций Коклес — легендарный герой Рима, во время штурма города этрусским царем Порсенной в одиночку отстоял мост через Тибр. Награжден участком земли, который можно опашать плугом за день (Тит Ливий, II, 10, 12).

С. 195. *Муций Сцевола*. — В ходе войны с Порсенной пытался его убить, схваченный и отданный на пытку, положил руку в огонь. Награжден полем (Тит Ливий, II, 13, 5).

...*история Манлия Капитолина*. — В награду за спасение каждый из воинов принес Манлию по полфунта полбы и по кварте вина (Тит Ливий, V, 47, 8). См. также «Рассуждения», кн. I, гл. VIII.

С. 196. *Ликторы* — должностные лица при высших магистратах в Риме; перешли от царей к консулам вместе с другими внешними знаками власти (курульное кресло и окаймленная пурпуром тога).

Жрец-царь — не обладал властью и не мог быть должностным лицом, в его обязанности входило принесение жертв в определенные дни.

С. 197. ...«*Алчущих исполнил благ...*» — Евангелие от Луки, 1:53.

Пишущий о нем... — Юстин, VIII, 5, 7.

...*род Бентивольо*. — Первый представитель этого рода правил Болоньей с 1401 г.

Джампаоло Бальони — см. примеч. к с. 26.

С. 198. *Вдумчивые наблюдатели...* — Сам Макьявелли был среди тех, кто сопровождал папу в этом походе; в Перуджу папа вступил 13 сентября 1506 г.

С. 199. *Марий* — см. примеч. к с. 151.

Сулла — Луций Корнелий Сулла (138—78 до н.э.) — победив в гражданской войне со сторонниками Мария, проявил по отношению к ним крайнюю жестокость. Объявив себя диктатором (впервые в истории без ограничения срока), провел реформы, направленные против традиционных демократических установлений (в частности, ограничил права народных трибунов).

Писистрат — см. примеч. к с. 147.

Остракизм — голосование посредством подсчета голосов на черепках, появилось в Афинах в конце VI в. до н.э.

Коллатин — Луций Тарквиний Коллатин — муж Лукреции, обещенной Секстом Тарквинием, один из вождей восстания против царской власти, один из двух первых римских консулов, изгнан из Рима, ибо «имя носил неугодное гражданам» (Тит Ливий, II, 2, 3).

Публий Валерий Попликола — консул после изгнанного Коллатина; вызвал недовольство римлян тем, что начал строить дом на вершине Велиева холма (у Макьявелли «на Целиевом холме»).

С. 200. «...Всегда легче воздать за зло, чем за добро...» — Тацит «История», IV, 3.

...Когда войско провозгласило Веспасиана... — Первыми это сделали легионы, стоявшие в Египте в июле 69 г., затем к ним присоединились все остальные восточные легионы, в том числе стоявшие в Сирии (где наместником был Муциан) и в Паннонии (где находился Антоний Прим). Войска Вителлия были разбиты в октябре того же года под Кремоной, Рим был взят штурмом в декабре. Макьявелли в изложении этих событий опирается на Тацита («История», II—IV), который, однако, ничего не сообщает о смерти Антония Прима. Последнее, что о нем сказано: «постепенно уважать его перестали и даже начали презирать, хотя, казалось, он по-прежнему окружен дружеским расположением» (IV, 80).

С. 201. *Гонсальво Ферранте* — Гонсальво Фернандес де Кордова (1453—1515) — испанский полководец, в 1503 г. изгнавший французов из Неаполя; был отстранен от командования королем Фердинандом II Католиком в 1507 г. и фактически подвергся опале.

...только один пример неуважения к заслугам, связанный со Сципионом... — Речь идет об обвинении Сципиона в расхищении денег (см. примеч. к с. 612).

...Кориолана и Камилла... — См. примеч. к с. 158, 160.

С. 202. *Катон* — Марк Порций Катон Старший (234—149 до н.э.) — римский писатель и государственный деятель, стремился к реставрации древней строгости нравов, выступал против Сципиона, начиная со времен II Пунической войны и даже после его смерти, добился осуждения его брата Луция.

С. 205. *Можно привести случай, когда оплошность не была невольной.* — Это поражение военные трибуны Марк Сергий Фидена и Луций Вергиний Эсквилин потерпели в 402 г. до н.э. (Тит Ливий, V, 8). В качестве наказания каждого приговорили к уплате «десяти тысяч тяжелых ассов» (V, 12, 1).

...самый яркий пример связан с Варроном... — Гай Теренций Варрон — консул в 216 г. до н.э., потерпев поражение от Ганнибала при

Каннах, спасся бегством. О том, как он был встречен в Риме, см. Тит Ливий, XXII, 61, 14.

Когда Папирий Курсор хотел казнить Фабия... — В 325 г. до н.э. Луций Папирий Курсор, двукратный диктатор, пятикратный консул, отлучился для птицегаданий в Рим, запретив вступать в бой с противником без его приказа. Нарушивший его запрет Квинт Фабий Максим (впоследствии пятикратный консул и диктатор) разбил самнитов, но вынужден был бежать в Рим и отдался на суд сначала Сенату, а затем народному собранию, был помилован Папирием по просьбе римского народа. Его отец Марк Фабий Амбуст (трехкратный консул, диктатор), обращаясь к народному собранию, говорил, что раньше даже тех, кто губил войско, карали только лишением имущества (Тит Ливий, VIII, 33, 17—18).

С. 206. *...достаточно было уже кормить своих детей...* — Тит Ливий, II, 9, 6.

...законы... об обращении к плебсу... — Т.е. закон, разрешающий обращаться к народу с жалобами на магистратов (Тит Ливий, II, 8, 2).

С. 207. *...соседи собрали против римлян сорок народов... римляне решили избрать диктатора...* — По Титу Ливию (II, 18, 3), собрались тридцать городов. Диктатора в чрезвычайных обстоятельствах назначал консул по постановлению Сената на срок не больше шести месяцев.

С. 208. *Козимо де Медичи (1389—1464)* — глава крупного банка, изгнан в 1433 г. своими злейшими врагами Альбицци, вернулся из изгнания в следующем году и в течение тридцати лет оставался фактическим правителем Флоренции, не обладая никакими официальными титулами; известен своим меценатством. Аргументы против изгнания или убийства Козимо Медичи Макьявелли вкладывает в уста Никколо да Уццано (ум. 1432) в своей «Истории Флоренции» (кн. IV, гл. XXVII).

...свидетельствует Цицерон... — «Письма к близким», XVI, 11.

С. 211. *...не созывая более представительного собрания.* — Совет Десяти, нечто вроде верховного суда, в ведение которого входила безопасность и забота о нравах, созданный в 1310 г., мог действовать без санкции Большого совета и Сената.

«Пусть консул следит...» — Формула постановления Сената, которым консул наделялся чрезвычайными полномочиями.

С. 212. *...избрание десяти граждан... для составления законов...* — Речь идет о десяти патрициях, избранных в 451 г. до н.э. для составления свода законов (так называемые Законы двенадцати таблиц)

и наделенных консульской властью. Их полномочия, сначала одно-годовые, были продлены на второй год; свергнуты в результате народного восстания.

С. 212–213. *...под влиянием честолюбивого Аппия.* — Имеется в виду Аппий Клавдий; его любострастие стало причиной народного восстания.

С. 213. *...как будет показано в рассуждении о названных децемвирах.* — «Рассуждения», кн. I, гл. XL.

Римляне назначили консулами Марка Фабия и Г. Манлия... — Консулы 480 г. до н.э.

...погиб Квинт Фабий... — Тит Ливий, II, 46, 4.

С. 215. *...переворачивало город вверх дном.* — Макьявелли близко следует суждению Тита Ливия (II, 41, 3).

В аграрном законе... — Закон Гая Лициния и Луция Секстия об ограничении земельных владений 500 югерами (1 югер = 2519 кв. м.) был предложен в 375 г. до н.э. и принят спустя десять лет. Законы о наделении плебеев землей также встречали ожесточенное сопротивление землевладельцев (Тит Ливий, III, 1).

С. 216. *...плебс предпочитал скорее ожидать наделов в Риме...* — Тит Ливий, III, 1, 7.

Анциум — см. примеч. к с. 22.

...до Гракхов аграрный закон пребывал как бы в состоянии спячки... — Закон, проведенный Тиберием Гракхом (см. примеч. к с. 86), восстанавливал часть закона Лициния — Секстия об ограничении личной доли в общественном земельном фонде; кроме того, предполагалось изъятие излишков земли у крупных землевладельцев и распределение их среди безземельных. Предложения Гая Гракха в части земельного законодательства касались основания колоний.

Помпей — Гней Помпей Великий (106–48 до н.э.) — победитель Митридата Евпатора, член первого триумvirата, в гражданской войне с Цезарем, в которой потерпел поражение, представлял партию оптиматов.

С. 217. *Однажды в Риме разразилось моровое поветрие...* — Тит Ливий, III, 6.

С. 218. *...герцог Валентино захватил Фаэнцу...* — См. примеч. к с. 76.

С. 219. *...еще два схожих примера...* — Договор, согласно которому Франция обещала Флоренции вернуть Пизу, отделившуюся в 1494 г., был подписан 19 октября 1499 г. Пизу удалось вернуть только в 1509 г. О восстании в Ареццо см. «О том, как надлежит поступать с восставшими жителями Вальдикьяны».

С. 220. *После девяносто четвертого года...* — Речь идет об окончании итальянской кампании Карла VIII (см. примеч. к с. 64).

С. 221. *Первым, кто попытался издать подобный закон...* — Описываются события 462 г. до н.э.; законопроект народного трибуна Гая Терентилия Гарса не прошел (Тит Ливий, III, 9). Должность трибунов с консульской властью, отличавшихся от консулов только численностью коллегии и отсутствием права на триумф, была учреждена в 445 г. и существовала до 367 г. Консулат, однако, не был отменен: в зависимости от военной ситуации в этот период избирались как консулы (22 раза), так и трибуны с консульской властью (51 раз).

С. 222. *...остановиться на событиях, связанных с учреждением децемвирата...* — См. «Рассуждения», гл. XXXV и примеч. к ней.

...решено послать Спурия Постумия... — Спурий Постумий Альб, Авл Манлий и Публий Сульпиций Камерин были посланы в Афины в 454 г. до н.э. (Тит Ливий, III, 31, 8).

...до этого его считали жестоким гонителем плебеев. — Ср.: «У власти стоял любимец народа Аппий, который так переменял свой нрав, что из жестокого и беспощадного гонителя плебеев сумел стать угодником толпы, ищущим ее благосклонности» (Тит Ливий, III, 33, 7).

С. 223. *...не больше двенадцати ликторов...* — Двенадцать ликторов полагалось консулам (Макьявелли продолжает близко следовать тексту Тита Ливия — III, 33, 8).

...«Недаром этот гордец ведет себя так скромно». — Тит Ливий, III, 35, 6.

«Он же обратил препятствие себе на пользу». — Тит Ливий, III, 35, 9.

...«Аппий сбросил маску и показал свое истинное лицо». — Тит Ливий, III, 36, 1.

С. 224. *...«ожидая проблесков свободы оттуда...»* — Тит Ливий, III, 37, 1.

...«потому, что они из отвращения к настоящему...» — Тит Ливий, III, 37, 3.

«Эти дары развращали молодежь...» — Тит Ливий, III, 37, 8.

...особенно Валерий и Гораций... — Луций Валерий Потит и Марк Гораций Барбат (Тит Ливий, III, 39, 2–3).

С. 226. *Набид* — см. примеч. к с. 86.

Король Фердинанд — Фердинанд II Католик — см. примеч. к с. 102–103.

С. 227. *...на примере Квинта Фабия...* — Квинт Фабий Вибулан — трехкратный консул. Макьявелли воспроизводит оценку, данную ему Титом Ливием (III, 41, 8—9).

С. 229. *...отправились на Священную гору.* — Очередной «уход» плебеев, в этот раз на гору на берегу Аниена в трех милях от Рима (см. примеч. к с. 150).

Тит Ливий говорит... — III, 50, 16.

...«Осуждая жестокость, вы впадаете в еще большую»... — Тит Ливий, III, 53, 7, неточно.

С. 230. *...Виргиний призвал Аппия к защите от обвинений...* — Луций Вергиний тем временем был избран народным трибуном.

...приговорила к смерти за государственное преступление... — Они обвинялись в попытке государственного переворота в интересах Медичи.

С. 231. *...тут вмешался трибун Марк Дуиллий...* — Тит Ливий, III, 59, 1—2.

С. 232. *Тит Ливий... изъясняет причины этих беспорядков...* — III, 65, 7—11.

...«все дурные примеры появились из хороших начинаний». — Саллюстий «О заговоре Катилины», LI, 27.

С. 233. *...«Исход выборов показал...»* — Тит Ливий, IV, 6, 11.

С. 234. *...«Где теперь сыщешь даже в одном человеке...»* — Тит Ливий, IV, 6, 12.

...еще один любопытный пример, показанный в Капуе... — По Титу Ливию (XXIII, 2—4), Пакувий Калавий стремился не к примирению плебеев со знатью, а к тому, чтобы подчинить Сенат себе и простому народу. Капуя вскоре после этой истории отложилась от Рима и предалась Ганнибалу.

С. 235. *...когда городские правители были изгнаны из Флоренции...* — Изгнание Медичи произошло 9 ноября.

С. 237. *...при утверждении должности цензоров...* — По Титу Ливию (IV, 8), должность цензора утверждена в 443 г. до н.э. Цензоры избирались из числа бывших консулов, эта должность считалась вершиной политической карьеры в республиканском Риме. Первоначально в их обязанности входила лишь перепись населения и классификация граждан по разрядам; затем к этому добавился надзор за нравами и управление государственным имуществом и государственным бюджетом.

...удалили Мамерка из Сената... — Эмилия Мамерка перевели в низшую категорию римских граждан. По Титу Ливию (IV, 24), закон Мамерка был принят в 434 г. до н.э.

С. 238. *...эти обязанности поручались чужеземцу... которого называли капитаном...* — В итальянских коммунах, в том числе во Флоренции, в XII в. консульский строй был постепенно смещен властью подеста (глава судебной и военной власти, избиравшийся сроком на полгода или год из числа иногородних грандов). Капитан народа — первоначально магистрат, представлявший интересы цехов и командовавший народным ополчением; постепенно взял на себя функции подеста, оставив последнему лишь некоторые административные и судебные обязанности.

С. 238–239. *...Десятью гражданами...* — Совет Десяти (см. примеч. к с. 211).

С. 239. *Совет Сорока* — высший уголовный и гражданский суд Венеции, образованный в 1179 г., формировался из членов Большого совета.

Совет приглашенных — возник в 1297 г., ведал внешней политикой и экономикой, в XIV в. переименован в Сенат.

Когда консулами в Риме были... — Тит Квинций Цинциннат и Гней Юлий Мент были консулами в 431 г. до н.э. (Тит Ливий, IV, 26).

С. 240. *...выдавать общественное жалованье воинам...* — До 406 г. до н.э. воины несли службу за собственный счет (Тит Ливий, IV, 59, 11).

С. 242. *...в положение Туллия...* — После убийства Цезаря Цицерон (Туллий) выступил против Марка Антония (знаменитые четырнадцать филиппик) и поддержал Октавиана (будущего императора Августа). Против Антония были направлены войска консулов, Гая Вибия Пансы и Авла Гирция; в битве при Мутине в апреле 43 г. до н.э. оба погибли. Антоний и Октавиан пришли к соглашению (второй триумвират), Цицерон был осужден на смерть (Аппиан «Гражданские войны», III, 50 — IV, 19).

С. 243. *...половина его жителей переселилась в Вейи.* — Тит Ливий, V, 24–25 (о Вейях см. примеч. к с. 173).

С. 244. *Данте говорит по этому поводу в своем рассуждении «О монархии»...* — Данте говорит в «Пире» (I, XI): «они (простолюдины, лишенные «различающего зрения») часто поют за здоровье собственной смерти и за упокой собственной жизни».

...сговор государей против Венеции... — Имеется в виду Камбрейская лига.

Фабий Максим — см. примеч. к с. 106.

...начальнику конницы Фабия... — Речь идет о Марке Минуции. По словам Ганнибала, которые приводит Тит Ливий (XXII, 29, 6), он в этот день победил Минуция, но был побежден Фабием.

Варрон — см. примеч. к с. 205.

С. 245. *Марк Центенний Пенула* — Тит Ливий, XXV, 19.

Никий (до 469—413 до н.э.) — афинский стратег, выступал за прекращение Пелопоннесской войны, несмотря на нежелание, был избран командующим морской экспедицией на Сицилию, потерпел поражение, осаждая Сиракузы, казнен. Пелопоннесская война продолжалась еще десять лет и закончилась поражением Афин.

Когда Сципион сделался консулом... — Это произошло в 205 г. до н.э. (Тит Ливий, XXVIII, 40—44).

...можно привести в пример и наш город... — Эрколе Бендивольо (1459—1508), кондотьер на службе Флоренции, и Антонио Джакомини, комиссар Флоренции в войне против Пизы, разбили 17 августа 1505 г. у Сан Винченцо отряд синьоров средней Италии во главе с известным кондотьером на службе Венеции Бартоломео д'Альвиано (1455—1515).

С. 246. *...«Но лишь увидят...»* — Вергилий «Энеида», I, 151—152, перевод С.А. Ошерова.

...Монашествующих и Озлобленных... — Речь идет о партиях сторонников (иначе называвшихся «плаксами») и противников Савонаролы.

С. 247. *Паолоантонио Содерини* (1448—1453)... кардинал Франческо (см. примеч. к с. 24) — братья Пьеро Содерини.

...решение Сената относительно обета, данного Камиллом... — Сенат освободил плебеев от десятины, достав деньги из казны, а недостающую сумму выручили матроны, пожертвовав свои украшения (Тит Ливий, V, 23, 25).

С. 251. *Лоренцо Медичи Старший* (1449—1492) — неофициальный правитель Флоренции, внук Козимо, поэт и меценат, прозванный Великолепным. Старшим он назван здесь, чтобы отличить его от внука, которому Макьявелли посвятил «Государя».

С. 252. *Палаццо Веккьо* — резиденция флорентийской Синьории.

...перед нашествием французов на Рим... — Тит Ливий, V, 32, 6.

...как утверждают некие философы... — Цицерон «О дивинации», I, XXX, 64.

...«Ожесточенная толпа сразу превратилась...» — Тит Ливий, VI, 4, 5.

С. 253. *...после смерти Виргинии ушел из Рима...* — «Рассуждения», кн. I, гл. XLIV.

...«Вскорости, когда опасности уже не было...» — Тит Ливий, VI, 20, 15.

С. 254. ...*Гиеронима, племянника Гиерона...* — Гиерон II, царь Сиракуз (270—215 до н.э.) — союзник римлян в I и II Пунических войнах. Его преемник Гиероним в 215—214 гг. до н.э. перешел на сторону карфагенян и был убит заговорщиками.

...«Такова природа толпы...» — Тит Ливий, XXIV, 25, 8.

С. 255. ...*Александр о Клите...* — Клит — друг и приближенный Александра Македонского, был убит им на пиру в 328 г. до н.э. Плутарх сообщает о мгновенном раскаянии Александра («Александр», 51—52).

...*Ирод о Мариамне.* — Ирод Великий, царь Иудеи в 40—4 гг. до н.э., приказал убить свою жену Мариамну в 29 г. до н.э., заподозрив ее в покушении на свою жизнь. О раскаянии Ирода пишет Иосиф Флавий («Иудейские древности», XV, 7, 7; «Иудейская война», I, 22, 5).

С. 258. *Деметрий* (336—283 до н.э.) — царь Македонии в 294—287 гг. до н.э., прозванный Полиоркетом («осаждающий город»), завоевал Афины в 307 г. до н.э. После поражения при Ипсе в 301 г. Афины отказались его принять (Плутарх «Деметрий», 30).

С. 258—259. *Помпей... убит по приказу последнего.* — После поражения при Фарсале. Птолемея, бежавшего в Рим от своих восставших подданных, восстановил на египетском престоле не Помпей, а Антоний в 57 г. до н.э.; к тому же этот Птолемей и убийца Помпея — отец и сын.

С. 259. ...*князя Неаполитанского королевства...* — Неаполитанские бароны, взявшие сторону французов во время итальянского похода Карла VIII.

Сагунт — город в Испании. В нарушение договора между Карфагеном и Римом вступил с последним в союзнические отношения; взят Ганнибалом в 218 г. до н.э. после восьмимесячной осады — это стало началом II Пунической войны.

...*подобное предложение сделал афинянам Фемистокл.* — Фемистокл (524—459 до н.э.) — организатор морского могущества Афин, победитель персов при Саламине, обвинен в государственной измене и бежал в Персию. У Плутарха («Фемистокл», 20) речь идет о кораблях союзников — Афины в таком случае получали полную гегемонию на море.

Аристид (ум. ок. 468 до н.э.) — политический противник Фемистокла, в качестве стратега участвовал в битвах при Марафоне и

Платеях, вошел в историю как образец справедливости и неподкупности.

С. 260. *...можно сослаться на Валерия Корвина...* — Марк Валерий Корвин (Корв) — шестикратный консул, неоднократно диктатор и интеррекс, был впервые избран консулом в 348 г. до н.э. в возрасте двадцати трех лет (Тит Ливий, VII, 26, 12).

...«наградой не знатности, а доблести». — Тит Ливий, VII, 32, 14.

С. 266. *Многие, и в том числе Плутарх...* — Плутарх «О Фортуне римлян» (Moralia, XLIV).

...построили Фортуне больше храмов... — Введение культа Фортуны, богини счастья, случая и удачи, связывается с царем Сервием Туллием. Легионы, корпорации, ремесленные коллегии, фамилии и отдельные лица посвящали ей храмы и алтари.

С. 267. *...если рассмотреть по порядку войны, которые они вели...* — Эквы, жившие к востоку от Рима, были в целом покорены еще до войны с галлами; с вольсками, населявшими юг Лациума, римляне сразу после сожжения Рима галлами вели упорную многолетнюю войну в 389—377 гг. до н.э., еще до окончания которой отдельные латинские города то и дело отделялись от Латинского союза и их приходилось покорять. С самнитами, населявшими центральную и южную часть Апеннин, римляне впервые столкнулись в середине IV в. до н.э. и вели с ними три кровопролитные войны в 343—341, 327—304, 298—290 гг. до н.э. Сразу после окончания I Самнитской войны вспыхнула война с латинами в 340—338 гг. до н.э. Война с этрусками (которых Макьявелли здесь и повсеместно называет тосканцами) велась в 312—308 гг. до н.э., когда II Самнитская война еще не закончилась. Пирр, царь Эпира (см. примеч. к с. 70), вел войны в Южной Италии в 280—275 гг. до н.э., самниты взяли его сторону. I Пуническая война длилась с 264-го по 241 г. до н.э. Цизальпинские (обитавшие на территории современной Ломбардии) галлы, или кельты (у Макьявелли французы), на протяжении III века до н.э. регулярно вступали в конфликты с Римом; соединившись с трансальпинскими, перешли в 225 г. до н.э. через Апеннины и были разбиты при Теламоне, близ города Популонии. В 222 г. до н.э. со взятием Медиолана сопротивление италийских кельтов было сломлено. Войны с лигурами, населявшими западную часть Северной Италии, велись начиная с 238 г. до н.э., но окончательно Лигурия была покорена только при Августе. II Пуническая война велась с 218-го по 201 г. до н.э.; с Македонией было три войны — 211—205, 200—197, 171—168 гг. до н.э.; Антиох III Великий (242—187 до н.э.),

царь государства Селевкидов с 223 г. до н.э., был разбит при Фермопилах в 191 г. до н.э. и Магнезии в 190 г. до н.э.

С. 269. *...в нашем трактате о владениях государей...* — «Государь», III. *...благодаря капуанцам они вошли в Самниум... и эдуям — во Францию.* — Капуя добровольно отдалась под власть Рима в 343 г. до н.э., после чего началась I Самнитская война. *Камерин*, город в Юго-Восточной Умбрии, согласился принять римское войско, преследующее этрусков, в 310 г. до н.э. (Тит Ливий, IX, 36). *Мамертинцы*, жители сицилийского города Мессаны, осажденного сиракузцами, обратились за помощью к римлянам в 264 г. — с конфликта между Римом и Карфагеном из-за Мессаны началась I Пуническая война. *Сагунт* — см. примеч. к с. 259. Столкновение *Массиниссы* (ок. 240—149 до н.э.), царя массилиев, с Карфагеном дало римлянам повод для начала III Пунической войны. На *этолийцев* (Этолийский союз) римляне опирались, чтобы нейтрализовать Македонию, союзницу Карфагена во II Пунической войне. *Эвмен II*, царь Пергама в 197—159 гг. до н.э., — союзник римлян во время войны с Антиохом III Великим, принимал участие в битве при Магнезии. *Жители Массилии* (совр. Марсель), притесняемые заальпийскими лигурами, призвали римлян на помощь в 154 г. *Эдуи*, кельтское племя, жившее в Средней Галлии, помогали римлянам во время завоевания Южной Галлии в 122—121 гг. до н.э.

...одна страна, изобилующая вольными городами... — Имеется в виду Германия.

С. 270. *Порсенна* — этрусский царь Клузия, осадил Рим после изгнания из него царей.

...пока ими станет управлять царь... — Тит Ливий, V, 1, 6.

С. 271. *...трактат Ксенофонта «De Tyrannide».* — Имеется в виду трактат Ксенофонта (см. примеч. к с. 100) «Гиерон».

Гиероним — см. примеч. к с. 254.

...один случай... во время Пелопоннесской войны... — Эта история, случившаяся в 427 г. до н.э., рассказана Фукидидом («История», IV, 46—48). *Коркира* (совр. Корфу) — остров в Ионическом море.

С. 273. *...удивительная вещь, о которой свидетельствует также Тит Ливий...* — Тит Ливий (X, 31) говорит о сорока шести годах Самнитских войн, считая с 343 г. до н.э., с начала I Самнитской войны.

...вплоть до консульства Папирия Курсора... — Папирий Курсор стал консулом в 293 г. до н.э.

С. 274. *Тит Ливий... в разделе о войне с Ганнибалом...* — XXIII, 41—42.

С. 275. *«Рим между тем с разрушением Альбы растет»*. — Тит Ливий, I, 30, 1.

...при шестом царе... — Имеется в виду Сервий Туллий, учредивший ценз (о численности римских граждан). См. Тит Ливий, I, 44, 2.

...чужеземцы не общались со спартанцами... — Плутарх «Ликург», 27.

С. 276. *...кожаные деньги...* — У Плутарха речь идет о железных деньгах.

...как только против нее восстали Фивы... — См. примеч. к с. 156.

...они собирали союз... — Сохранились сведения о трех этрусских союзах, каждый из двенадцати городов — в собственно Этрурии, в Кампании и в долине По.

...поступали в Греции ахейцы и этолийцы. — Имеются в виду Ахейский и Этолийский союзы.

С. 277. *...они основали колонию... и назвали ее Адрией...* — Тит Ливий, V, 33, 7.

...под предводительством своего вождя Белловеза. — Тит Ливий, V, 34.

С. 278. *...объединились, чтобы отомстить ему за обиды...* — Союзническая война (90—88 гг. до н.э.), в которой против Рима выступило большинство италийских племен (кроме этрусков и умбров) и по итогам которой ими было завоевано право римского гражданства.

С. 280. *...тот стал укорять его в жадности и коварстве...* — Речь идет о переговорах, завершивших II Македонскую войну (Тит Ливий, XXXII, 34, 5).

Швабский союз — союз между городами и государями Германии, организованный императором Максимилианом I в 1488 г.; действовал до 1533 г.

С. 281. *Григорий* — Григорий I Великий (ок. 540—604) — папа римский с 590 г. К языческой культуре относился неодобрительно, но обвинения в планомерном уничтожении ее материальных следов необоснованны.

С. 282. *Диодор Сицилийский* (ок. 90—21 до н.э.) — автор «Исторической библиотеки» в 40 книгах (сохранились кн. 1—5 и 11—20), включавшей историю Египта, Ассирии, Индии и Мидии.

С. 284. *...после осады Вей...* — Осада Вей завершилась в 396 г. до н.э.

С. 285. *...что по-нашему составляет...* — Макьявелли не дописал фразу «...немногим больше гектара». Тит Ливий (V, 30, 8) говорит о семи югерах.

С. 286. ...*Саллюстий в конце своей «Югуртинской войны»*... — Речь идет о кимврах, германском племени, которых Саллюстий называет галлами, а Макьявелли вслед за ним французами («Югуртинская война», 114).

...как было сказано выше... — «Рассуждения», кн. II, гл. IV.

...было перебито более 200 тысяч французов. — Речь идет о битве при Теламоне (см. примеч. к с. 267). Число павших галлов сильно преувеличено.

Третья война... — Германское (а не кельтское) племя кимбров и присоединившиеся к ним тевтоны двинулись на юг ок. 120 г. до н.э., нанесли римлянам два тяжелых поражения в 113 и 105 гг. до н.э., были разбиты Гаем Марием (тевтоны в 102 г. до н.э. при Аквах Секстиевых, кимбры в 101 г. до н.э. при Верцеллах).

...готами, вандалами и проч... — Восточногерманское племя вандалов, пройдя Галлию и Испанию, захватило Северную Африку и в 455 г. разграбило Рим; готы основали варварские королевства в Испании и Италии.

С. 287. *Моисей назвал Иудеей...* — В Пятикнижии страна, в которую Моисей ведет евреев, именуется землей Ханаанской. Иудея — название более позднее.

...пример маврузиев... — Маврузиями римляне называли жителей Мавритании. Прокопий Кесарийский (ок. 500 — после 565) — византийский историк, описавший войны, которые вел полководец императора Юстиниана Велизарий (505—565) против вандалов, персов и остготов.

...«Мы, маврузии, беглецы от Иисуса-разбойника, сына Навина». — Прокопий Кесарийский «Война с вандалами», II, 10, 22. Иисус — библейский Иисус Навин, вождь Израиля, преемник Моисея.

С. 288. *...как поступали Эней... и прочие.* — Эней основал Лавиний, заключив союз с царем Латинном и вступив в брак с его дочерью; Дидона основала Карфаген, купив землю у царя Ярбы; Массилию основали фокейцы, следуя прорицанию оракула.

Скифия — область обитания кочевых племен у Черного моря, на Дону, Днепре и Дунае.

...самниты... нападая на сидицинов, а затем на кампанцев... — Сидицины — оскское племя, обитавшее в Кампании (Тит Ливий, VII, 29—31).

С. 289. *...жителей Мессины в Сицилии...* — См. примеч. к с. 269.

...флорентийцы с королем Робертом Неаполитанским... — В июне 1313 г. Флоренция, которой угрожали войска Генриха VII, обрати-

лась за помощью к Роберту Анжуйскому (1278—1343), королю Неаполя с 1309 г., и он назначил своего викария в Тоскану.

Каструччо — см. сочинение Макьявелли «Жизнь Каструччо Кастракани из Лукки».

С. 290. *Такое суждение выносит Квинт Курций по поводу войны между Антипатром...* — Квинт Курций Руф (I или II в.), автор «Истории Александра Великого», упоминает о восстании против македонцев спартанского царя Агиса, рассказывает о его битве с Антипатром (ум 319 до н.э.), наместником, а затем преемником Александра в Македонии, но ничего не говорит в связи с этим о деньгах (и кроме того, битва при Мегалополе, в которой погиб Агис, состоялась в 331 г., а Александр умер в 323 г. до н.э.).

С. 291. *...герцог Карл...* — Карл Смелый, герцог Бургундии в 1467—1477 гг. — потерпел ряд поражений от войск Швейцарской лиги в 1476 г.; погиб при осаде Нанси.

...папа и флорентийцы не затруднились бы... разгромить Франческо Марию... — Франческо Мария делла Ровере (1490—1538), герцог Урбинский в 1504—1516 гг. — в феврале 1517 г. вновь овладел герцогством и удерживал его против войск Льва X до сентября.

Лидийский царь Крез показал афиняну Солону... — О беседе Солона с Крезом, последним царем Лидии в 560—547 гг. до н.э., сообщают многие античные писатели (например, Геродот и Плутарх); вариант Макьявелли наиболее близок к приведенному Лукианом («Харон», 12).

...масса французов нахлынула в Грецию... — Имеются в виду галаты. Птолемей Керавн, царь Македонии в 281—279 гг. до н.э., погиб в битве с ними (Юстин, XXV, 1—2).

...венецианцы потеряли все свои владения... — Это произошло после битвы при Аньяделло в 1509 г.

С. 292. *...например, с Гасдрубалом...* — Брат Ганнибала, привел из Испании ему на помощь дополнительные войска, погиб в битве у Метавра в 207 г. до н.э., где ему противостояли консулы Марк Ливий Салинатор и Гай Клавдий Нерон (Тит Ливий, XXVII, 48). *Марка* — область в Средней Италии (Макьявелли, как всегда, модернизирует географические и этнические названия).

...Перикл советовал афинянам... — Перикл (ок. 495—429 до н.э.), пятнадцатикратный стратег Афин. О бедности пелопоннесцев он говорит у Фукидида («История» 141, 3—5).

...для войны необходимы три вещи... — Тит Ливий, IX, 17, 3.

...сидицины попросили выступить на их стороне... — «Рассуждения», кн. II, гл. IX.

С. 293. ...«Помощь сидицинам со стороны кампанцев...» — Тит Ливий, VII, 29, 5

...на них напали папа и неаполитанский король... — Это произошло после заговора Пацци и расправы с заговорщиками (папа — Сикст IV, неаполитанский король — Фердинанд I, король Франции — Людовик XI).

Максимилиан — Максимилиан I Габсбург (1459—1519) — император Священной Римской империи с 1493 г. В целом политик скорее удачливый, укрепивший престиж и сферу влияния императорской власти; характеристика, данная ему Макьявелли, объясняется его действиями в Италии, не слишком успешными (потеря Милана) и отчасти непоследовательными.

Подобным образом поступили тарентинцы... — Описываются события 321 г. до н.э., вскоре после унижительного поражения римлян от самнитов в Кавдинском ущелье (Тит Ливий, IX, 14, 1—2).

С. 294. ...совет, который дал Крез Киру... — Геродот «История», I, 207. Томирис, царица массагетов (народность, обитавшая на берегах Каспийского моря), победила Кира Великого (см. примеч. к с. 72) в 530 г. до н.э.

...Ганнибал доказывал... только в Италии... — Тит Ливий, XXXIV, 60, 3—4.

Ссылаются еще на Агафокла... — Агафокл — см. примеч. к с. 81. В 310 г. до н.э. Агафокл перенес войну с Карфагеном в Африку. На пример Агафокла ссылается у Тита Ливия (XXVIII, 43, 21) Сципион, защищая свой план высадки в Африке.

С. 295. ...двинулись походом на Сицилию... — См. примеч. к с. 245.

...об Антее, царе Ливии... — Геракл победил Антея на пути к саду Гесперид (одиннадцатый подвиг).

Неаполитанский король Фердинанд — Фердинанд I, король Неаполя в 1458—1494 гг. Альфонс — Альфонс II, сын и наследник Фердинанда, потерпев поражение от Карла VIII, отрекся от престола в 1495 г. в пользу своего сына Фердинанда II.

С. 296. ...под покровительство короля Роберта Неаполитанского. — После поражения от Кастракани под Альтопашо в 1325 г. флорентийцы в очередной раз обратились за помощью к королю Неаполя и приняли в качестве синьора его сына, герцога Калабрийского.

С. 296—297. ...флорентийцы отважились потревожить герцога Миланского... — В 1391—1402 гг. Флоренция вела тяжелую войну с герцогом Милана Джан Галеаццо Висконти (см. ниже).

С. 297. ...*для защиты своих очагов от французов...* — См. примеч. к с. 267. По периодикам (кратким изложениям) к Титу Ливию (кн. XX не сохранилась), римское войско насчитывало 30 тысяч человек.

Кимвры разбили в Германии римское войско... — Римляне потерпели поражение в 105 г. до н.э. при Аравсионе (Южная Галлия).

С. 298. *Ксенофонт в биографии Кира...* — Имеется в виду «Киропедия», II, IV.

Киассар — царь Мидии в 625—585 гг. до н.э.

Джован Галеаццо — Джован (Джан) Галеаццо Висконти (1351—1402), отравив в 1385 г. Бернабо Висконти, завладел Миланом.

С. 298—299. *Латины не замечали надетого на них ярма...* — Тит Ливий, VIII, 2—5. Луций Анний Сетин потребовал, чтобы один консул выбирался из латинов.

...*«Если даже теперь, при видимости раноправного союза...»* и т.д. — Тит Ливий, VIII, 4, 2.

С. 300. ...*«Отказав римлянам в войске...»* — Тит Ливий, VIII, 4, 7—10.

С. 301. ...*«Главное, думаю, не в том, что говорить...»* — Тит Ливий, VIII, 4, 1—2.

С. 302. ...*пока Аполлонид... не выступил с... речью...* — Тит Ливий, XXXIV, 28.

...*«За этот короткий путь нам придется дорого заплатить римлянам».* — Тит Ливий, VIII, 11, 4.

...*во время похода... Людовика XII...* — Речь идет о походе 1199 г.

Лудовико — см. примеч. к с. 24.

С. 303. ...*в одной из глав выше...* — «Рассуждения», кн. I, гл. XXXVIII.

...*один из консулов покончил с собой, а второй пожертвовал своим сыном.* — Битва произошла в 340 г. до н.э. у подножия Везувия; консул Публий Деций Мус пожертвовал собой во исполнение пророчества (чей полководец падет, тот народ одержит победу); консул Тит Манлий Торкват приговорил своего сына, вступившего в бой в нарушение приказа, к смерти («Манлиева расправа» — см. также примеч. к с. 419). (Тит Ливий, VIII, 6—10).

С. 304. ...*римское войско делилось на три главные части...* — Макьявелли довольно близко к тексту пересказывает Тита Ливия (VIII, 8). Более подробно свои излюбленные тактические идеи он излагает в диалоге «О военном искусстве» (кн. III).

С. 305. ...*«Дело дошло до триариев»...* — Тит Ливий, VIII, 8, 11.

В сражении при Равенне... — См. примеч. к с. 96.

...господин де Фуа... — Гастон де Фуа (1489—1512) — герцог Немурский.

С. 306. *При Санто Реголо...* — Битва состоялась 21 мая 1498 г.

С. 308. *...при взятии Брешии...* — В апреле 1512 г. Брешиа восстала против французов и перешла венецианцам в феврале.

С. 311. *После графа Лудовико...* — Лудовико Пико делла Мирандола (1472—1509), сражался на стороне Эрколе д'Эсте.

Герцог Немурский — Луи д'Арманьяк (1473—1503) — вице-король Неаполя, пал в битве с испанцами.

С. 312. *...турецкий султан победил персидского шаха и египетского султана...* — Имеются в виду завоевания Селима (см. примеч. к с. 142) соответственно в 1514-м и 1516—1517 гг.

...по их битве с латинами у Регилланского озера... — У Регилланского (Регилльского) озера в 499 г. до н.э. римляне разбили латинов, поддерживавших изгнанных Тарквиниев (Тит Ливий, II, 20).

С. 313. *...«Лучше бы они выдали их мне связанными!»* — Тит Ливий, XXII, 49, 3.

С. 314. *Их войско стояло лагерем под Сорой...* — Речь идет о войне римлян с самнитами в 314 г. до н.э. У Тита Ливия не Сора, а Саттикула (IX, 22).

С. 315. *Красс и Марк Антоний проделали многодневные походы по территории парфян...* — Красс был убит в сражении с парфянами в Северо-Восточной Месопотамии в 53 г. до н.э.; Марк Антоний совершил безуспешный поход против парфян в 36 г. до н.э.

...швейцарцы вступили под Миланом в борьбу с французским королем Франциском — Битва состоялась в 1515 г. при Мариньяно.

Марк Регул Аттилий — консул 267 и 256 гг. до н.э. Во время своего второго консульства нанес поражение флоту карфагенян в Южной Сицилии и высадился в Африке, где потерпел поражение и был взят в плен. По римской легенде, после пяти лет плена был отправлен в Рим для переговоров о мире, но в речи перед Сенатом посоветовал мир не заключать; исполняя данное слово, вернулся в Карфаген и был казнен.

С. 316. *Во времена Филиппо Висконти...* — Филиппо Мария Висконти (1392—1447) — последний миланский герцог (с 1412 г.) из этой династии. Битва при Арбедо произошла 5 июля 1422 г.

Карманьола — см. примеч. к с. 94.

С. 317. *Лукулл, располагая немногими пехотинцами...* — Луций Лициний Лукулл (ок. 117—56 до н.э.) — римский полководец; будучи проконсулом Киликии и Азии в 74—70 гг. до н.э., нанес пораже-

ние царю Понта Митридату VI, в 69 г. до н.э. разгромил армянского царя Тиграна Великого (ок. 95 — ок. 55 до н.э.). По Плутарху («Лукулл», 26—27), Лукулл выставил десять тысяч пехотинцев против ста пятидесяти тысяч у Тиграна.

С. 318. *Фрибур* — находился под Габсбургами с 1277-го по 1452 г.

С. 319. *...войны... между швейцарцами и герцогом Австрийским...* — Формирование швейцарской конфедерации (кон. XIII — кон. XIV в.) происходило на фоне и в процессе постоянных войн с Габсбургами, которые признали независимость конфедерации только в 1389 г. Были войны и позже, в том числе с императором Максимилианом I, т.е. во времена самого Макьявелли.

С. 320. *...«Капуя уже тогда была городом...»* — Тит Ливий, VII, 38, 5.

Ювенал, Децим Юний (ок. 60 — после 127) — римский поэт, автор сатир.

...«распространились роскошь и обжорство...» — Ювенал, VI, 291—292.

С. 321. *...в другом своем сочинении...* — «Государь», XII.

...римляне дважды разбили войско самнитов... — Описываются события 343 г. до н.э. (Тит Ливий, VII, 32—38).

...где речь пойдет о заговорах. — «Рассуждения», кн. III, гл. VI.

С. 322. *...на жителей Реджо...* — Об этом случае с жителями Реги рассказывает Полибий (I, 7).

С. 323. *...первый претор, когда-либо назначенный римлянами...* — По Титу Ливию (IX, 20), назначение префектов в Капую относится к 318 г. до н.э.

...«уже не только римское оружие...» — Тит Ливий, IX, 20, 10.

С. 324. *...французы неоднократно занимали Геную...* — Это происходило в 1401 г. при Карле VI и в 1507 г. при Людовике XII. В 1513 г. дожем был избран Оттавиано Фрегозо, в 1515 г. он уступил город французам, получив от них должность губернатора.

...добровольно перешла Пистойя. — В 1401 г. Пистойя окончательно перешла под власть Флоренции.

С. 325. *...как это будет показано подробнее в своем месте.* — «Рассуждения», кн. III, гл. XVI.

...как претор Нумиций подействовал на латинов... — Луций Нумизий Цирцеин (Тит Ливий, VIII, 11, 5—9).

...когда французский король Франциск I выступил в поход на Милан... — Излагается расстановка сил в преддверии битвы при Мариньяно (см. примеч. к с. 315). Франциск I (1494—1547) — король

Франции с 1515 г., военные успехи которого в начале царствования сменились неудачами (потеря Милана в 1523 г., поражение от имперских войск под Павией в 1525 г.).

С. 327. *«В Лациуме все складывалось так...»* — Тит Ливий, VIII, 13, 2.

С. 327—328. *Латины были разгромлены... сперва Манлием Торкватом, а затем Камиллом...* — Тит Манлий Торкват — см. примеч. к с. 303; Камилл — см. примеч. к с. 21.

С. 328. ...*«Бессмертные боги облекли вас такой властью...»* — Тит Ливий, VIII, 13, 14—18; ср. примеч. к с. 21.

С. 329. ...*приговором, который они вынесли привернатам.* — Привернаты восстали против Рима в 330 г. до н.э. Приверн — город вольсков в Лациуме.

С. 330. ...*«Какого, по его мнению, наказания заслуживают привернаты?»* — Здесь и далее цит. по: Тит Ливий, VIII, 21.

С. 331. ...*прислушаться к мнению того старика... покрыв позором...* — Старик — отец самнитского полководца, Геренний Понтий; позор заключался в том, что в 321 г. до н.э. сдавшихся римлян прогнали под ярмом (Тит Ливий, IX, 2—6). Подробнее см. «Рассуждения», кн. III, гл. XL—XLII.

...Пизу... следует держать с помощью крепостей. — «Государь», XX.

С. 332. ...*«уразоренных остается оружие»...* — Ювенал, VIII, 124.

...«и негодование находит оружие»... — Вергилий «Энеида», I, 150.

С. 333. ...*выстроил крепость в Милане...* — Имеется в виду крепость Порта Джовиа или замок Сфорца, восстановленный в 1450 г.

С. 334. *Урбинский герцог Гвидобальдо* — см. примеч. к с. 27.

...сын Федериго... — Федериго III да Монтефельтро (1422—1482) — герцог Урбинский с 1474 г., кондотьер, победитель венецианцев у Молинелло в 1467 г.

...папа Юлий построил там крепость... — Крепость Порта Гальера была заложена в феврале 1507 г.

Никколо да Кастелло — Никколо Вителли (см. примеч. к с. 120).

...построил самую мощную из всех доныне известных крепостей... — Крепость Капо ди Фаро была построена в 1507 г. в течение нескольких месяцев, снесена в 1514 г. *Оттавиано Фрегозо* — см. примеч. к с. 39. В 1515 г. генуэзские изгнанники, поддержанные миланцами и швейцарцами, пытались безуспешно свергнуть Оттавиано Фрегозо.

С. 335. ...*укажет на Таранто в античные времена или на Брешию...* — Фабий Максим взял Таранто (Тарент) в 209 г. до н.э. (Тит Ливий, XXVII, 15). Брешиа — «Рассуждения», кн. II, гл. XVII.

С. 336. ...когда один афинянин спросил некоего спартанца... — Такой вопрос и ответ неоднократно встречается у Плутарха (например, «Изречения спартанцев», 55).

С. 337. ...по поступку Франческо Марии... осаждая Урбино... — Описываются события 1517 г. (см. примеч. к с. 291).

...Сенат послал против них... — События 480 г. до н.э. (Тит Ливий, II, 45).

С. 338. ...как я говорил в другом месте... — «Государь», XX.

...Филиппо Висконти неоднократно вступал с Флоренцией в войну... — Имеются в виду войны 1424, 1430, 1436, 1440, 1446 гг. (см. также примеч. к с. 316).

С. 339. ...полководец персов Габад простоял... под Амидой... — Габад (Кавад), шах Ирана в 488—531 гг.; Амида — город в Верхней Месопотамии (Прокопий Кесарийский «Война с персами», I, VII, 16—19).

С. 340. ...о чем будет рассказано в своем месте... — «Рассуждения», кн. III, гл. VI.

...в городе вспыхнули волнения... — События 342 г. до н.э. (Тит Ливий, VII, 41, 3).

...командиром отряда, составленного из рабов... — Тиберий Гракх добился освобождения рабов, призванных к оружию после поражения при Каннах (Тит Ливий, XXIV, 14).

...«Едкие остроты...» — Неточная цитата из Тацита, «Анналы», XV, 68.

С. 341. ...Ганнон... советовал воспользоваться этой победой... — Тит Ливий, XXIII, 12—13.

...Тирская республика... — Квинт Курций Руф «История Александра Македонского», IV, 2—4 (по Курцию, Александр осаждал Тир семь месяцев).

С. 342. Когда Ганнибал... покинул Италию... — Это произошло в 203—202 гг. до н.э. (Тит Ливий, XXX).

С. 343. ...трех Фабиев... — Речь идет о трех сыновьях Марка Фабия Амбуста (Тит Ливий, V, 35—36).

С. 344. ...«в нарушение права народов»... — Тит Ливий, V, 36, 6.

Одним из его придворных был Павсаний... — Юстин, IX, 6.

С. 345. ...Камилл, который один мог противостоять этому несчастью, был сослан... — Марк Фурий Камилл — см. примеч. к с. 160. «Однако над Римом тяготел рок: ...даже Марка Фурия, единственного смертного, который мог отвратить беду, удалили из города» (Тит Ливий, V, 32, 7).

С. 346. ...«Вот до какой степени ослепляет людей судьба...» — Тит Ливий, V, 37, 1.

С. 347. ...уже начали отвешивать требуемое количество... — Галлы запросили тысячу фунтов золота (Тит Ливий, V, 48, 8). С этим эпизодом связана знаменитая фраза: «горе побежденным», сказанная галлом, положившим на весы в добавление к гилям свой меч.

С. 348. ...чтобы жизнь римлян не была выкуплена за деньги. — Тит Ливий, V, 49, 1.

...платит дань швейцарцам и королю Англии. — Французский король платил швейцарцам согласно Фрибургскому трактату 1516 г., Англии — по договору 1514 г.

С. 350. ...англичане в 1513 году напали на него... — «Рассуждения», кн. I, гл. XXI.

...вопрос, заданный карфагенянином Ганноном... — «Рассуждения», кн. II, гл. XXVII.

С. 351. ...его зять и дядя Александр Эпирский... — Александр I Молосс, царь Эпира, муж сестры Филиппа Македонского; погиб в Лукании в 326 г. до н.э. (Тит Ливий, VIII, 24).

...а также на афинянина Фемистокла... — Фемистокл (см. примеч. к с. 259) бежал не к Дарию, к тому времени умершему, а к Артаксерксу. По Плутарху, отравился, поскольку не хотел помогать царю воевать против эллинов.

С. 352. ...Новый Карфаген в Испании... — Город был захвачен римлянами в 210 г. до н.э.

С. 353. ...Сципион... напал в Африке на Утику и не смог взять ее — после сорокадневной осады (Тит Ливий, XXIX, 35, 12).

...пример являет Палеполь... — Палеполь и Неаполь были сначала сдвоенным городом. Римляне взяли Палеполь, державший сторону самнитов, в 326 г. до н.э. (Тит Ливий, VIII, 25—26).

С. 354. ...капитолийские гуси... — Своим гоготом гуси выдали галлов, намеревавшихся ночью захватить Капитолий.

Арат Сикионский (271—213 до н.э.) — стратег Ахейского союза, победитель спартанцев при Селласии. Макьявелли, видимо, опирается на характеристику, данную Арату Плутархом («величайший искусник вести тайные переговоры и скрытно склонять на свою сторону тиранов и города» — «Арат», 10).

С. 355. Когда консул Фабий одержал победу над тосканцами... — Это произошло в 310 г. до н.э. (Тит Ливий, IX, 35—36).

С. 357. «...что ежедневно вбирает в себя нечто...» — Этот медицинский афоризм взят из средневекового латинского перевода Авиценны.

С. 358. ...но и сделали их трибунами. — «Рассуждения», кн. II, гл. XXVIII.

С. 359. ...смерть сыновей Брута... и обвинение Сципионов. — О сыновьях Брута см. «Рассуждения», кн. I, гл. XVI; децемвиры были не казнены, а изгнаны (см. кн. I, гл. XXXV, XL); всадник Спурий Мелий, раздавая хлеб, привлекал к себе плебеев и был убит по подозрению в стремлении к царской власти (Тит Ливий, IV, 13—15); о Манлии см. кн. I, гл. VIII; о сыне Манлия Торквата — кн. I, гл. XI; о Папирии Курсоре — кн. I, гл. XXXI; об обвинении Сципионов — кн. I, гл. XXIX.

...люди, управлявшие Флоренцией с 1434 по 1494 год... — Имеются в виду Медичи — от Козимо Старшего до Пьеро.

...деятельность Горация Коклеса... Регула Аттилия... — О Горации Коклесе и Сцеволе см. «Рассуждения», кн. I, гл. XXIV; консул 278 г. до н.э. Гай Фабриций Лусцин выдал царю Пирру изменника, который обещал отравить царя; о Деции см. кн. II, гл. XVI, его сын повторил подвиг отца; о Регуле см. кн. II, гл. XVIII.

С. 360. ...появились двое Катонов, промежуток от Марка до них и от одного из них до другого... — Марк Регул казнен ок. 250 г. до н.э.; Катон Старший выбран цензором в 184 г., умер в 149 г. до н.э.; Катон Младший покончил самоубийством в 46 г. до н.э.

Св. Франциск (ок. 1181—1226) и св. Доминик (1170—1221) — основатели нищенствующих орденов.

С. 361—362. ...поведение Юния Брута, притворившегося скудным... — Тит Ливий, I, 56, 7—8; ...по его истолкованию Аполлонова оракула... — I, 56, 10—12; ...заставил присутствующих поклясться... — I, 59, 1—2.

С. 363. ...стремление сыновей Брута вернуть другое правитель-ство... — Сторонники Медичи стремились вернуть власть Медичи.

С. 364. Тарквиний Приск ошибался... — Тарквиний Древний был избран на царство в обход сыновей Анка Марция, которые устроили покушение на него; *Заблуждение Сервия Туллия*... — Сервий Туллий выдал своих дочерей за сыновей Тарквиния Древнего, но и его постигла та же судьба.

С. 365—366. ...принуждая его к механическому труду... — Простолюдины особенно тяготились «устройством мест для зрителей в цирке и рытьем подземного Большого канала» (Тит Ливий, I, 56, 2).

С. 366. Тимoleon Коринфский, Арат Сикионский — см. примеч. соответственно к с. 166 и 354.

С. 367. ...людям следут почитать прошедшее... — Тацит («История», IV, 8) вкладывает эти слова в уста известного доносчика и обвинителя.

...достаточно говорилось выше. — «Рассуждения», кн. II, гл. XXXII.

С. 367—368. ...обсудив этот вопрос в другом месте. — «Государь», XIX—XXI.

С. 368. Оно вооружило Павсания... — «Рассуждения», кн. II, гл. XXVIII.

Пандольфо — Пандольфо Петруччи — см. примеч. к с. 26. О заговоре против него рассказано подробнее ниже, в той же главе.

...*Пацци против Медичи*... — В 1478 г. был убит брат Лоренцо Великолепного Джулиано, сам Лоренцо с трудом спасся, заговорщиков казнили, папа Сикст IV вступил с Флоренцией в войну. Подробнее об этом заговоре см. ниже в данной главе и в «Истории Флоренции» Макьявелли (кн. VIII).

...*против Фаларида, Дионисия и других*... — См. примеч. к с. 166.

С. 369. ...«К зятю Цецеры немного нисходит царей...» — Ювенал, X, 112—113.

С. 370. ...*заговор Перенния против Коммода*... *Сеяна против Тиберия*. — О заговоре префекта претория Перенниса см. Геродиан «История», I, 9; *Плавциан* (Плавтиан) — префект претория при Септимии Севере, его дочь император выдал за своего сына, будущего Каракаллу (см. Геродиан, III, 10—12, и ниже в данной главе); *Луций Элий Сеян* казнен в 31 г.

...*Якопо ди Аппиано против мессера Пьера Гамбакорти*... — Якопо Аппиани (ок. 1322—1398) предательски убил в 1392 г. Пьеро Гамбакорти, синьора Пизы с 1362 г., и захватил власть в городе.

...*некий Коппола*... — Франческо Коппола, граф ди Сарно (1420—1487), возглавивший так называемый «заговор баронов» в 1485—1486 гг. против короля Неаполя Фердинанда I.

С. 372. ...*во время заговора Пизона против Нерона*... — Это произошло в 65 г. (Тацит «Анналы», XV, 49—59).

...*раб, который потом на них донес*. — Тит Ливий, II, 4, 5.

...*так поступил Димм*... — Квинт Курций Руф («История Александра», VI, 7) датирует эту историю бактрийским походом.

С. 373. ...*в связи с заговором против Гиеронима*... — См. Тит Ливий, XXIV, 4—7, а также примеч. к с. 254.

С. 374. *Нелемат, не в силах выносить тиранию Аристотима, властителя Эпира*... — Макьявелли путает Нелемата с Эллаником, а

Эпир с Элидой, тираном которой был Аристотим в 272 г. до н.э. (Юстин, XXVI, 1).

Некий волхв... и... Вортан... — История взята у Геродота (III, 70—78). Маг (т.е. член мидийской жреческой касты) Смердис захватил власть после смерти Камбиса III, выдав себя за его брата. Вортан — у Геродота Отан.

...для расправы с Набидом... — Тит Ливий, XXXV, 34—36; а также примеч. к с. 86.

С. 376. *Среди первых друзей и приближенных императора Коммода...* — Марция, префект претория Лет и спальник императора Элект пытались отговорить Коммода, желавшего предстать перед римлянами в одеянии гладиатора (Геродиан, I, 16—17).

С. 377. *Император Антонин Каракалла...* — Геродиан, IV, 12—14.

С. 378. *Кардинал Сан Джорджо* — Раффаэлло Риарио — см. примеч. к с. 34.

Когда Марий был захвачен... они послали раба... — По Плутарху («Марий», 38), убить Мария вызвался не раб, а солдат из варваров.

С. 379. *Против царя Фракии Ситалка...* — Ситалк, царь Фракии, не имеет к этому сюжету никакого отношения. Предположительно Макьявелли спутал его с тираном Коринфа Кипселом, о попытке убийства которого в младенчестве похожую историю рассказывает Геродот (V, 92).

Против герцога Феррарского Альфонса сговорились два его брата... — Фердинандо, родной брат Альфонса I д'Эсте, и Джулио, побочный. Заговор был раскрыт в 1506 г., менее заметные его участники казнены, Фердинандо и Джулио приговорены к пожизненному заключению.

...«сам он также собрался с духом...» — Тит Ливий, XXXV, 35, 18.

С. 380. *Сестра Коммода Люцилла...* — Геродиан, I, 8.

...Антонио да Вольтерра... сказал: «Ах, изменник!» — Антонио Маффеи, апостолический секретарь, убит сразу после провала заговора Пацци (см. примеч. к с. 368). Макьявелли в «Истории Флоренции» о его словах ничего не сообщает.

...в разных странах. — У Геродиана (III, 12, 1) — в разных зданиях.

...против тиранов Афин Диокла и Гиппия. — Юстин (II, 9), на которого Макьявелли опирается, спутал Диокла с Гиппархом, убитым в 514 г. до н.э. Гиппий, его старший брат, изгнан в 510 г. до н.э.

Жители Гераклеи Хион и Леонид — устроили заговор в 352 г. до н.э. (Юстин, XVI, 5).

Клеарх — «Рассуждения», кн. I, гл. XVI.

С. 380—381. ...заговор, предпринятый Пелопидом... закончился успешно... — Помощника заговорщиков звали Хароном, число правителей Фив (полемархов) — три (Плутарх «Пелопид», 7—12, а также примеч. к с. 70).

С. 381. ...когда Брут и его сообщники хотели убить Цезаря... — Плутарх «Брут», 16.

С. 382. ...убил герцога Миланского... — Галеаццо Марию Сфорца убили в 1476 г.

...убили своего правителя графа Джироламо... — Джироламо Рарио — см. примеч. к с. 121; ...мадонна Катерина... — дочь герцога Миланского (см. примеч. к с. 65).

С. 383. Всякий читал о заговоре Катилины... — Саллюстий «О заговоре Катилины», 31; 45—46, а также примеч. к с. 167.

С. 384. Ганнон, стремясь установить тиранию... — Описываются события, происходившие ок. 350 г. до н.э. (Юстин, XXI, 4).

...когда афинянин Писистрат победил мегарцев... — Война против Мегары была в 565 г. до н.э., тирания Писистрата установилась в 561 г. до н.э. (Плутарх «Солон», 30).

Некоторые из первейших граждан Фив... — «Государь», V, а также примеч. к с. 70.

С. 385. ...как случилось во время покушения на Коммода... — Геродиан, I, 17, 8—11.

...оставили два легиона для охраны Капуи... — Макьявелли ссылался на этот рассказ Тита Ливия (VII, 38—41) в кн. II, гл. XXVI «Рассуждений».

Рутилий — Гай Марций Рутил, консул 342 г. до н.э.

С. 386. ...так было с герцогом Афинским и Гульемо де Пацци. — Готье VI де Бриенн, герцог Афинский (1305—1356), выбран правителем Флоренции в 1342 г., в следующем году свергнут. Гульельмо де Пацци был флорентийским комиссаром в Вальдикьяне в 1501 г.

Второй принадлежит Диону Сиракузскому... — Плутарх «Дион», 54—57, а также примеч. к с. 166.

С. 388. Выше мы уже обсуждали вопрос о том, что дурной гражданин... — «Рассуждения» кн. I, гл. XXXIV; кн. III, гл. VI.

...примерами Спурия Кассия и Манлия Капитолина. — Спурий Кассий — консул 486 г. до н.э. (Тит Ливий, II, 41). Манлий Капитолийский — «Рассуждения», кн. I, гл. VIII и примеч. к с. 160 (Тит Ливий, VI, 11—20).

С. 389. ...«такой конец обрел муж...» — Тит Ливий, VI, 20, 14.

С. 391. ...*Фабий этому сильно противился...* — Фабий Максим — см. примеч. к с. 106 (Тит Ливий, XXVIII, 40—42).

С. 392. *Уже упоминавшийся несколько раз Пьеро Содерини...* — Ср. «Рассуждения», кн. I, гл. LII; кн. III, гл. III.

Папа Юлий II... — Ср. «Рассуждения», кн. I, гл. XXVII.

«Диктатор Гней Сульпиций затягивал войну против галлов...» — Тит Ливий, VII, 12, 11, с изменениями.

С. 394. ...*атакованный римлянами, Филипп решил не давать сражения...* — Филипп V — см. примеч. к с. 128 (Тит Ливий, XXXII, 9—12).

С. 395. ...*он решил попытать счастья в битве...* — Имеется в виду битва при Киноскефалах в 197 г. до н.э.

Гней Сульпиций — Гай Сульпиций Петик, пятикратный консул, интеррекс в 356 и 351 гг. до н.э., диктатор в 358 г. до н.э. во время войны с галлами.

С. 396. ...*близ швейцарского города Мората...* — Имеется в виду Муртен близ Фрибура. Карл Смелый (см. примеч. к с. 291) потерпел здесь поражение в 1476 г.

...судьба французского войска, осадившего Новару... — «Рассуждения», кн. II, гл. XVII.

...если бы Аппий Клавдий не указал способ... — Аппий Клавдий Красс, внук децемвира (Тит Ливий, IV, 48).

С. 397. *В 1483 году вся Италия поднялась против венецианцев...* — Речь идет о так называемой соляной войне.

...часть Феррары. — Полесина.

...Франция противостояла всему миру... — Лига 1495 г. против Карла VIII распалась с выходом из нее Испании в 1497 г.

...по участи венецианцев в восьмом году. — Речь идет о Камбрейской лиге. Юлий II, захватив венецианские владения в Романье, в начале 1510 г. подписал с Венецией мирный договор.

С. 400. ...*совсем недавно Флоренция...* — Имеются в виду мир с Испанией и возвращение Медичи в 1512 г.

...то же самое приключилось с Крассом... — Плутарх «Красс», 27—31.

Отчаявшись, послы вернулись в Самниум, и тут Клавдий Понтий... — События 321 г. до н.э. Не Клавдий, а Гай Понтий.

...«Война справедлива...» — Тит Ливий, X, 1, 10. Ту же цитату Макьявелли приводит в «Государе» (XXVI).

Войско, возглавляемое Гаем Манилием... — Об этом сражении 380 г. до н.э. Макьявелли упоминал в «Рассуждениях», кн. I, гл. XXXVI. По Титу Ливию (II, 47, 6—8), не Гай Манилий, а Гней Манлий.

С. 401. *Войска вольсков и эквов однажды вторглись в римские пределы.* — Это происходило в 431 г. до н.э.

...«Идите со мной...» — Тит Ливий, IV, 28, 5.

Камилл... чтобы никто не трогал разоружившихся врагов... — Тит Ливий, V, 21, 13—14.

Когда Кориолана изгнали из Рима... — См. примеч. к с. 158.

С. 402. *В этом месте Тит Ливий замечает...* — Тит Ливий, II, 39, 2.

...когда оба командира погибли... — Публий Корнелий Сципион и Гней Корнелий Сципион Кальв погибли ок. 211 г. до н.э.

Когда Цезарь отправлялся в Испанию... — Светоний «Божественный Юлий», 34.

Когда Лукулл... он был вовсе не искушен в военном деле... — Плутарх («Лукулл», 7) пишет прямо противоположное: Лукулл за короткое время из негодного войска сделал превосходное.

С. 403. *Римляне из-за недостатка в людях вооружили множество рабов...* — «Рассуждения», кн. II, гл. XXVI.

Квинций стал громко кричать... — Тит Квинций Капитолин Барбат, шестикратный консул; битва, о которой здесь говорится, происходила в 468 г. до н.э. (Тит Ливий, II, 64, 6).

С. 404. *Несколько лет назад Перуджа разделилась...* — Описанная Макьявелли попытка переворота относится к 1495 г.

С. 405. *...можно сослаться на... Гая Сульпиция, который вооружил всех обозников...* — Гай Сульпиций — см. примеч. к с. 397 (Тит Ливий, VII, 14, 7—8).

Это удалось царю Индии в битве с Семирамидой... — Диодор Сицилийский «Историческая библиотека», II, 16; Семирамида (IX—VIII вв. до н.э.) — царица Ассирии.

Диктатор Мамерк сражался с фиденатами... — Эмилий Мамерк выиграл битву с фиденатами в 426 г. до н.э.

С. 406. *...«Уничтожьте Фиденых же огнем...»* — Тит Ливий, IV, 33, 5.

...«Трое трибунов с консульской властью...» — Тит Ливий, IV, 31, 2.

...он послал войско под Пизу... — Макьявелли был свидетелем этой осады и ссылается на ее опыт неоднократно.

Джованбаттиста Ридольфи — избран гонфалоньером после падения Содерини и возвращения Медичи.

С. 407. *...римляне послали против эквов Квинция...* — Имеется в виду Квинций, о котором говорилось в предыдущей главе, и его четвертое консульство в 446 г. до н.э.

...«Наилучший способ ведения великих дел — это поручить всю полноту власти одному лицу». — Тит Ливий, III, 70, 1, но Макьявелли меняет смысл на противоположный.

С. 407—408. ...у греческого историка Фукидида... — «История», VI, 8—14.

С. 408. *Никий* — Макьявелли приводил в пример Никия в «Рассуждениях», кн. I, гл. LIII.

Алкивиад (ок. 450—404 до н.э.) — афинский стратег во время Пелопоннесской войны, дважды обвинялся в государственной измене.

С. 409. ...*Павлу Эмилию* было несколько раз отказано в консульской должности... — Луций Эмилий Павел (228—160 до н.э.), в 168 г. до н.э. одержал победу над македонским царем Персеем при Пидне. Как следует из Тита Ливия (XXXIX, 32), он неудачно претендовал на консульство в 185 г. до н.э., но впервые был избран консулом в 182 г. до н.э., задолго до III Македонской войны.

Антонио Джакомини — см. примеч. к с. 245.

С. 410. *Клавдий Нерон* — Гай Клавдий Нерон. В Испании он был обманут в 211 г. до н.э. (Тит Ливий, XXVI, 17, ср. также Фронтин «Военные хитрости», I, 5, 19). *Гасдрубал*. — О битве у Метавра, где погиб Гасдрубал, см. примеч. к с. 292. Клавдий Нерон действительно совершил в 207 г. до н.э. дерзкий переход, оставив Ганнибала, но слова, которые цитирует Макьявелли, принадлежат другому консулу этого года, Марку Ливию Салинатору (Тит Ливий, XXVII, 40, 9), обиженному на римский народ за обвинение в растрате денег из военной добычи.

С. 411. *Фиванец Эпаминонд* говорил... — У Эпаминонда таких изречений не найдено.

...как случилось с *Брутом* и *Кассием*... — Имеется в виду битва при Филиппах (Плутарх «Брут», 42—43).

...при *Санта Чечилия*... — При Мариньяно в 1515 г.

Такая же путаница произошла в лагерях римлян и эквов. — На самом деле битва была между римлянами и вольсками в 423 г. до н.э. (Тит Ливий, IV, 39).

С. 413. ...при наступлении войны снарядили две армии... — События 471 г. до н.э. (Тит Ливий, II, 58—60).

...говорит: «При управлении многими людьми страх наказания действеннее, чем послушание». — Единственное место у Тацита, близкое лексически, по смыслу противоположно: «Угодливость по от-

ношению к принцепсу... оказались сильнее установленных законами наказаний и устрашений» («Анналы», III, 55).

С. 414. *Манлий Торкват* — двукратный диктатор, трехкратный консул («Рассуждения», кн. II, гл. XVI и кн. III, гл. XXII).

...в другом нашем сочинении. — «Государь», XVII.

С. 415. *Когда Камилл со своим войском находился близ города фалисков...* — События 394 г. до н.э. (Тит Ливий, V, 27).

...великодушие Фабриция... — См. примеч. к с. 359.

...его молодую и прекрасную жену. — Как рассказывает Тит Ливий (XXVI, 50), благодарный юноша привел в помощь Сципиону полторатысячный отряд конницы.

...особенно много потрудился Ксенофонт... — «Киропедия», passim.

С. 417. *...он был вынужден отчасти прибегнуть к той жестокости...* — Сципион казнил зачинщиков и главарей мятежа (Тит Ливий, XXVIII, 24–29).

С. 418. *...был вынужден покончить с собой.* — Изгнанный по настоянию Рима из Карфагена Ганнибал отправился сначала в Сирию к Антиоху III Великому, а после его поражения — к вифинскому царю Пруссию. Отравился, когда римляне стали требовать его выдачи.

Манлий Торкват — см. выше; *Валерий Корвин* — см. примеч. к с. 260.

С. 419. «*Манлиева расправа*» — Тит Ливий, VIII, 7, 22.

...как он вел себя в поединке с французом... — Этой победе над галлом, с которого Манлий сорвал ожерелье, он обязан своим прозвищем (Торкват — «ожерельный»). О защите отца см. «Рассуждения» кн. I, гл. XI.

...«Без твоего приказа никогда не вышел бы я биться...» — Тит Ливий, VII, 10, 2.

С. 420. *Один разумный человек говорил...* — «Царь должен владеть вооруженной силой, и она должна быть настолько значительной, чтобы царь, опираясь на нее, оказывался сильнее каждого отдельного человека и даже нескольких человек, но слабее массы граждан» (Аристотель «Политика», 1386b).

С. 421. *...«Не было полководца ближе воинству...»* — Тит Ливий, VII, 33, 1–2.

С. 422. *...Ливий утверждает, что победу одержала бы та сторона, чьим консулом был Манлий.* — Тит Ливий, VIII, 10, 8.

...правление Публиколы. — Макьявелли ошибается, называя вместо Корва Публиколу (оба Валерии).

С. 423. *...то ли заточив в тюрьму, то ли расправившись с ним.* — Предположительно речь идет о венецианском флотоводце Витторе Пизани, заключенном в тюрьму после поражения от генуэзцев в 1379 г., но затем при новой угрозе со стороны Генуи возвращенном к командованию.

...«солдатам его доблесть была ненавистна, но они восторгались ею». — Тит Ливий, V, 26, 8.

С. 424. *Тит Ливий называет несколько причин этой ненависти...* — Тит Ливий, V, 23.

С. 425. *...он настоял на избрании новых консулов.* — Луций Квинций Цинциннат отказался от продления полномочий в 459 г. до н.э. (Тит Ливий, III, 21).

Первым, чьи полномочия были продлены... — Впервые продлили срок консульства Квинту Публилию Филону в 327 г. до н.э. (Тит Ливий, VIII, 23, 11–12).

С. 426. *В другом месте мы уже говорили...* — «Рассуждения», кн. I, гл. XXXVII.

Когда консул Минуций был со своим войском осажден эквами... — Это произошло в 458 г. до н.э.

...«Об этом полезно послушать тем...» — Тит Ливий, III, 26, 7.

С. 427. *...во времена Марка Регула... чтобы ему разрешили возвратиться для приведения в порядок своего имени...* — См. «Памятные события и изречения» (IV, 4, 6) римского историка Валерия Максима (I в. до н.э. — I в. н.э.). О Регуле см. примеч. к с. 315.

...Павел... подарил своему зятю серебряную чашу... — Валерий Максим, IV, 4, 9; о Павле Эмилии см. примеч. к с. 409.

С. 428. *В городе Ардее возникла распря...* — События 443 г. до н.э. (Тит Ливий, IV, 9–10).

...обида, нанесенная Виргинии... — «Рассуждения», кн. I, гл. XL.

...Аристотель называет злодеяния... — «Политика», 1311a-b, 1314b.

С. 429. *Пятнадцать лет назад, как и сегодня, в этом городе было две партии...* — В 1301–1302 гг.; Макьявелли, следовательно, писал эту главу в конце 1516-го — начале 1517 г.

С. 430. *Пистойю следует удерживать с помощью партий...* — «Государь», XX.

С. 431. *Об этом свидетельствует Бьондо...* — *Historiarum ab inclinatione romani imperii*, Basuleae, 1559, p. 337. Флавио Бьондо (1392–1463) — римский гуманист, автор нескольких сочинений по истории Рима и Италии.

В 1502 году, когда были утрачены Арецо... — См. «О том, как надлежит поступать...».

Мардзокко — флорентийский геральдический лев.

Спурий Мелий — см. примеч. к с. 359.

С. 433. *...римские послы, которые везли в дар Аполлону...* — Римские послы направлялись в Дельфы.

...попали к липарийским пиратам... — Липары — острова в Тирренском море.

С. 434. *...«Тимасифей... сумел внушить благоговение черни...»* — Тит Ливий, V, 28, 4.

...«Что государь творит...» — Макьявелли цитирует «Представление о святых Иоанне и Павле», единственное произведение Лоренцо Медичи в жанре «священного представления».

Камилл, который в это время был трибуном с консульской властью... — Это было в 386 г. до н.э.

...«Они не думали, что умаляют свои права...» — Тит Ливий, VI, 6, 7.

С. 434–435. *...он назначил Квинта Сервилия... Люция Квинкция... велел Горацию... Корнелию...* — Речь идет о товарищах Камилла по должности — Квинт Сервилий Фидена, Луций Квинкций Цинциннат, Луций Гораций Пульвилла, Сервий Корнелий Малугинский.

С. 435. *...три раза был диктатором...* — До 386 г., о котором идет речь, Камилл был диктатором три раза, всего же — пять.

С. 436. *Моисей... был вынужден перебить бесчисленное множество людей...* — Людей, отступивших от Завета и сотворивших кумира, «и пало в тот день из народа около трех тысяч человек» (Исход, 32:28).

С. 437. *...«Диктаторская власть никогда не придавала мне духа...»* — Тит Ливий, VI, 7, 5.

С. 438. *...они были разгромлены в третий раз...* — На самом деле в четвертый; до Канн были Тицин, Требия и Тразименское озеро.

...как мы уже говорили выше... — «Рассуждения», кн. II, гл. XXX.

...когда Антиох отправил к Сципиону посольство... — Имеется в виду кампания 190 г. до н.э., в которой Публий Сципион Африканский был легатом при своем брате Луции Корнелии Сципионе.

...«Будучи побежденными, римляне не теряют присутствия духа...» — Тит Ливий, предположительно XXXVII, 45, 12, но цитата неточная.

Противоположным образом вели себя венецианцы... — Излагаются события, связанные с многократно упоминаемой Макьявелли битвой при Аньяделло в 1509 г. Папе Венеция уступила все свои

владения в Романье, Испании — порты в Апулии, Брешиа и Бергамо перешли на сторону противника. Под спасшимся проведителем Макьявелли имеет в виду одного из командующих венецианскими войсками Никколо Орсини графа Питильяно.

С. 440. *Камилл, как мы уже говорили...* — См. предыдущую главу. *...«Пусть каждый сделает, чему он научен и к чему он привык».* — Тит Ливий, VI, 7, 6.

С. 441. *Против римского народа взбунтовались две его колонии...* — События 383 г. до н.э. (Тит Ливий, VI, 21).

После первой войны карфагенян с римлянами... — См. примеч. к с. 92—93. В изложении событий и их оценке Макьявелли следует за Полибием (I, 65—88). *Гасдрубал* к этой истории отношения не имеет (у Полибия — Гескон). Вожаками Полибий называет беглого римского раба *Спендия* и ливийца *Мато* (Матоса).

С. 442. *Клавдий Пульхр* — «Рассуждения», кн. I, гл. XIV.

Аппий Клавдий — внук децемвира.

С. 442—443. *...«Они теперь насмеваются над священнодействиями...»* — Тит Ливий, VI, 41, 8.

С. 443. *...где римляне потерпели поражение от французов.* — Речь идет о сражении с галлами в 390 г. до н.э.

Диктатор — Тит Квинций Цинциннат.

...«Смотри, полагаясь на счастье, они стали у Аллии!..» — Тит Ливий, 29, 1—2, сокращенно.

...на примере сражения двух консулов Манлиев... — Не консулов, а трибунов с консульской властью в 379 г. до н.э.

...«Только доблесть воинов...» — Тит Ливий, VI, 30, 6, искаженно.

...прием, использованный Фабием... — Квинт Фабий Максим Руллиан в 310 г. до н.э. (Тит Ливий, IX, 37, 6).

С. 444. *...как Манлий... защитил своего отца...* — «Рассуждения», кн. I, гл. XI.

С. 446. *...защита отца... и клятва...* — Тит Ливий, XXI, 46, 7; о клятве см. «Рассуждения», кн. I, гл. XI.

...он вернул отцу его дочь, а мужу — супругу... — «Рассуждения», кн. III, гл. XX.

С. 447. *...речь Фабия Максима...* — Тит Ливий, XXIV, 8.

...турецкий султан Селим... выступил в Персию... — в 1514 г.

С. 448. *Первый плебей, избранный консулом...* — Луций Секстий в 366 г. до н.э. (Тит Ливий, VI, 42, 9). Первый консул из плебеев, который вел войну, — Луций Генуций в 362 г. (Тит Ливий, VII, 6, 8).

С. 449. ...случиться, как с друзьями македонского царя Персея... — Этого эпизода нет ни у Тита Ливия, ни у Плутарха.

...в начале битвы французы сильнее мужей... — Тит Ливий, X, 28, 4.

С. 451. ...при наказании начальника конницы... — «Рассуждения», кн. I, гл. XXXI.

...«Исчезает почтение к людям и почитание богов...» — Тит Ливий, VIII, 34, 8—10.

...«Этот поединок имел важное значение для исхода всей войны...» — Тит Ливий, VII, 11, 1, сокращенно.

С. 452. ...отправлен римлянами с войском против самнитов... — События 343 г. до н.э.

...«чтобы их не пугали неведомая война и неиспытанный враг». — Тит Ливий, VII, 32, 5.

С. 453. Филипп Македонский... покинул... многие из своих владений... — Тит Ливий, XXXII, 13, 6—9.

...предложив им защищаться, как только смогут. — Тит Ливий, XXIII, 5.

...поступить подобно Марию... — Плутарх «Марий», 16.

С. 454. ...«Пусть каждый видит...» — Тит Ливий, VII, 32, 10—13.

С. 455. ...римлянин Гракх... — См. примеч. к с. 340.

С. 456. ...Ксенофонт сообщает... — «Киропедия», II, IV, 25—29.

...на примере Публия Деция, военного трибуна в войске консула Корнелия... — Авл Корнелий Косс, избранный консулом вместе с Валерием Корвом, на которого Макьявелли постоянно ссылается в предыдущих главах.

...«Видишь, Авл Корнелий, ту вершину над врагами?..» — Тит Ливий, VII, 34, 4.

С. 457. ...«Публий Деций, военный трибун...» — Тит Ливий, VII, 34, 3.

...«Ступайте за мною...» — Тит Ливий, VII, 34, 14—15.

С. 458. ...на Перуджинском озере... — На Тразименском.

...поджег рога обозного скота. — Хитрость с быками позволила Ганнибалу ускользнуть из ловушки (в промежутке между Тразименской битвой и Каннами — Тит Ливий, XXII, 16—17).

...в Кавдинском овраге... — «Рассуждения», кн. II, гл. XXIII.

...«который друзей не создаст, а врагов не уничтожит». — Тит Ливий, IX, 3, 12.

С. 458—459. ...римский легат... сказал... — Тит Ливий, IX, 4, 8—16.

С. 459. ...предложил не соблюдать заключенный в Кавдии мир консул Спурий Постумий... — Тит Ливий, IX, 8—12.

С. 460. ...обсуждено нами в трактате *De Principe*... — «Государь», гл. XVIII.

С. 461. ...Флоренция помышляла призвать в Италию императора... — Речь идет о походе в Италию для коронации Рупрехта Пфальцского, потерпевшего поражение в 1401 г. при Брешии от Джан Галеаццо Висконти и вернувшегося в Германию.

Так же они поступили в старину с тосканцами... — События 299 г. до н.э. (Тит Ливий, X, 14, 6–10).

С. 462. Когда на самнитов двинулось римское войско... — Это произошло в 295 г. до н.э.

...«Они возобновили войну...» — Тит Ливий, X, 16, 5

С. 462–463. Такой прием в наше время успешно использовали... — На действия папы Юлия II в отношении Бендивольо Макьявелли ссылается неоднократно (например, «Рассуждения», кн. I, гл. XXVII); о мятеже в Брешии см. «Рассуждения», кн. II, гл. XVII; маркиз Мантуанский — Франческо Гонзага; сын маркиза — Федерико Гонзага; ...два пути: один, очень длинный и неудобный... — путь через герцогство Миланское.

С. 463. Римские консулы Деций и Фабий... — Квинт Фабий Максим Руллиан и Публий Деций Мус сражались с самнитами и галлами в 295 г. до н.э. (Тит Ливий, X, 28–29).

С. 465. ...когда один из Аппиев сделался цензором... — Аппий Клавдий Цек стал цензором в 312 г. до н.э.; отказался слагать цензорство в 310 г. до н.э. (Тит Ливий, IX, 33–34).

Консул Марций сражался со своим войском против самнитов... — Гай Марций Рутул сражался с самнитами в 310 г. до н.э. (Тит Ливий, IX, 39).

Фабий — вышеупомянутый Квинт Фабий Максим Руллиан.

С. 466. Легат Фульвий остался командовать римским войском... — События 302 г. до н.э. (Тит Ливий, X, 4). Консул — диктатор Марк Валерий Максим (но он успел вернуться к войску).

...его ворота открыты и никем не охраняются. — Тит Ливий, V, 39, 1–3.

С. 467. ...римские женщины устроили заговор... — Это произошло в 331 г. до н.э. Тит Ливий (VIII, 18) не дает никаких объяснений этому заговору.

Заговор Вакханалий — тайный оргиастический культ, раскрытый и разгромленный в 186 г. до н.э. (Тит Ливий, XXXIX, 8–19).

Они были высланы в Сицилию... — Тит Ливий, XXV, 6.

С. 468. ...Квинт Фабий, который был тогда цензором... — Тит Ливий, IX, 46, 14–15.

Жизнь Каструччо Кастракани из Лукки («La vita di Castruccio Castracani»)

«Жизнью Каструччо Кастракани» завершается вынужденный досуг Макьявелли, его «болдинская осень», растянувшаяся на восемь лет: «Жизнь» написана в июле — августе 1520 г., а в ноябре Макьявелли возвращается на государственную службу в скромной должности историографа. Можно подумать, что жизнеописание знаменитого кондотьера предвосхищает новый этап творчества Макьявелли, прошедший под знаком его последнего шедевра — «Истории Флоренции» (1525). Однако это не так — летом 1520 г. Макьявелли меньше всего был историком. Биография герцога Лукки совершенно фантастична, в ней, конечно, есть и реальные факты, но не меньше, если не больше, вымысла: сражений, которые не происходили, людей, которых не существовало. История присутствует в этом сочинении Макьявелли на тех же правах и в той пропорции, в которых она присутствует в историческом романе. По своему пафосу, по своему идейному строю «Жизнь Каструччо Кастракани» принадлежит творческой эпохе «Государя» — новелла рассказывает о том же идеальном правителе, о котором рассказывал трактат, только зовут его на этот раз не Чезаре Борджа, а Каструччо Кастракани. Герцог Лукки, так же как гонфалоньер церкви, соединяет в себе силу льва с хитростью лисицы; ведет политическую игру, не заботясь о спасении души; умеет быть великим во зле; никогда не упускает из виду главной цели, выбирая самый прямой к ней путь, хотя бы и обильнее всего политый кровью; яростным напором воли подчиняет себе государство, превращая его в послушный и пассивный материал, которым распоряжается с артистическим своеволием. И с неуклонной верностью собирает под свою руку разрозненные земли Италии. Так же как у герцога Валентино, у Каструччо один достойный противник — судьба, которую он бьет и гонит, не давая передышки, покоряя ее своей молодой силой, а она, отступая, огрызается, наносит удары исподтишка и, поймав Каструччо в момент рассеянного наслаждения триумфом, берет его врасплох. Так же как у Чезаре Борджа, судьба отняла у Каструччо главное — время, чтобы окончательно ее подчинить, и победила его единственным оружием, против которого у него не было защиты, — смертью. Единоборство человека с судьбой является истинным сюжетом этого произведения Макьявелли, стилизо-

ванного под античное жизнеописание, но на деле ближе всего напоминающего античную трагедию рока.

Настоящий русский перевод впервые опубликован в книге: Макиавелли Н. Сочинения. — М.-Л.: Academia, 1934, т. I.

С. 469. *...дорогие Дзаноби и Луиджи...* — Дзаноби Буондельмоти, друг Макьявелли, меценат, ему же посвящены «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия»; Луиджи Аламанни (1495—1566) — флорентийский лирический и эпический поэт, комедиограф.

С. 470. *Они его окрестили и назвали именем своего отца — Каструччо.* — Весь рассказ о рождении Каструччо вымышлен Макьявелли и стилизован под жизнеописание Агафокла Диодора Сицилийского и «Киропедию» Ксенофонта. В действительности Каструччо родился в 1281 г. в семье Джерио (Руджеро) Кастракане из богатого рода Антельминелли, его матерью была Пучча дельи Стреги. В 1300 г. он надолго покинул Лукку, так как его семейство было изгнано черными гвельфами и переселилось в Анкону, где его отец вскоре умер.

С. 471. *...дворянин из рода Гуиниджи, по имени мессер Франческо...* — Франческо Гуиниджи, как и его сын Паголо, помещены не в свое время. В 1308 г. все члены рода Гуиниджи, богатых купцов и банкиров, были изгнаны из Лукки. Заметную роль в политической жизни города они начинают играть только в конце XIV — первой половине XV в., когда Франческо Гуиниджи в 1384 г. посмертно провозглашается отцом отечества, а Паголо Гуиниджи (ум. 1432) становится правителем Лукки (1400—1430 гг.).

С. 472. *На помощь им Висконти Миланским был послан Франческо Гуиниджи.* — Когда Каструччо было восемнадцать лет, т.е. ок. 1300 г., в Милане правил Маттео I Висконти (1255—1322). В начале XIV в. Каструччо действительно служил Висконти (кроме того, у правителя Вероны Кангранде делла Скала). В 1310 г. присягнул императору Священной Римской империи Генриху VII.

Вернулся в Лукку Каструччо... — Каструччо вернулся 25 апреля 1314 г., однако не из военной экспедиции, а из изгнания.

С. 473. *...Джорджо дельи Опици...* — Род Опици (Обици) возглавлял в Лукке партию черных гвельфов. Семья Кастракани была изгнана в 1300 г. из Лукки как раз вследствие убийства одного из Обици.

...у викария короля Роберта Неаполитанского... — См. примеч. к с. 289.

Угуччоне делла Фаджола (ок. 1250–1319) — предводитель тосканских гибеллинов, государь Пизы в 1313–1316 гг., после свержения получил от Кангранде делла Скала должность подесты в Виценце в 1317 г.

С. 474. *Губернатор был изгнан.* — Имеется в виду Джерардо да Сан Лупидио, викарий Роберта Анжуйского. Переворот в Лукке произошел 14 июня 1314 г.

С. 475. *Поражение было полное, и потери гвельфов огромны.* — Битва при Монтекатини 29 августа 1315 г., в которой на стороне Флоренции приняли участие войска Болоньи, Сиены, Губбио, Пистойи, Перуджи, а на стороне Угуччоне — тосканские гибеллины и подкрепление от Висконти, происходила совершенно иначе, чем это описано Макьявелли. Не флорентийцы захватили Монтекатини, а Угуччоне его осадил, завладев Луккой; в день битвы он не был болен и лично командовал войсками; Каструччо был в сражении на вторых ролях; убито было около двух тысяч гвельфов и взято в плен полторы тысячи.

С. 476. *...повод для наказания Каструччо.* — Причиной ареста Каструччо в действительности было недовольство Угуччоне его самоволием: он расправился с несколькими людьми, не имея на то приказа Угуччоне.

...сына своего Нери, которого он назначил перед тем синьором Лукки... — Нери был назначен синьором вместо старшего сына Франческо, павшего при Монтекатини.

...пизанцы восстали с оружием в руках... — Это произошло 10 апреля 1316 г.

Граф Гаддо делла Герардеска. — После восстания подестой Пизы стал Франческо Пико делла Мирандола, а Гаддо был избран военачальником. Власть в городе ему досталась только в 1320 г.

...к синьорам делла Скала. Там он и умер в бедности. — Угуччоне отправился к Кангранде делла Скала (1291–1329), правителю Вероны с 1312 г., покровителю Данте. Умер Угуччоне не в бедности.

С. 477. *...был избран начальником вооруженных сил города сроком на один год.* — В июне 1316 г. Каструччо избрали сроком на шесть месяцев, спустя этот срок — еще на год, а по истечении его — на десять лет.

...в короткое время завладел всей Луниджаной... — Замки в Гарфаньяне и Луниджане были захвачены Каструччо в 1320–1321 гг.

Народ в торжественном собрании провозгласил его государем. — Каструччо провозгласили государем 26 апреля 1320 г.

Король римский Фридрих Баварский... — Фридрих, герцог Австрийский (1286—1333) — в 1314 г. избран римским королем врагами Людовика Баварского (1287—1347), императора Священной Римской империи в 1328—1346 гг., разбит и пленен последним в 1322 г., затем исполнял роль его местоблюстителя во время пребывания Людовика в Италии.

...сделал своим викарием в Тоскане. — На самом деле Каструччо сделал викарием не Фридрих Австрийский (Красивый), а Людовик Баварский в мае 1328 г.

...король сделал Каструччо синьором Пизы... — Это произошло 29 апреля 1328 г.

С. 479. *...заключены в тюрьму и преданы смерти.* — Заговор произошел в 1321 г., и Стефано ди Поджо стоял во главе его. Макьявелли вновь вдохновляется в своем рассказе Диодором Сицилийским и строит образ Каструччо по Агафоклу и Чезаре Борджа.

С. 480. *Вслед за тем город был занят без дальнейшего сопротивления.* — Все подробности рассказа о взятии Пистойи вымышлены Макьявелли. На самом деле Каструччо был впущен в Пистойю 5 мая 1325 г. Филиппо Тедичи, за что тот получил дочь Кастракани в жены и несколько тысяч золотых.

...отсутствие папы, находившегося в Авиньоне. — Речь идет о так называемом авиньонском пленении пап в 1309—1377 гг. В описываемое время папой римским был Иоанн XXII (1316—1334).

С. 481. *«Он будет тем, чем захочет Бог».* — И эти девизы, и избрание Каструччо сенатором Рима — истинная правда, но весь сюжет римского эпизода вымышлен Макьявелли. Каструччо сопровождал Людовика IV Баварского во время его итальянского похода, в октябре 1327 г. осаждал вместе с ним Пизу, после взятия которой получил титул герцога Лукки 17 ноября 1327 г., присутствовал на коронации Людовика 17 января 1328 г. в Риме, после чего был пожалован титулом римского сенатора и графа Священного Латеранского дворца.

...вернули городу свободу. — Это произошло 27 января 1328 г.

...он усиленными маршами прибыл в Лукку. — Получив известие о взятии Пистойи флорентийцами, Каструччо отправился из Рима в Тоскану, в феврале овладел Пизой (в апреле Людовик утвердил его власть), осадил Пистойю и взял ее 3 августа.

С. 484. *...каждый старался спастись как только мог лучше.* — Сражение при Серравалле, как и описанное ниже сражение при Фучеккио, — плод фантазии Макьявелли, который слил в этих двух вымышленных битвах некоторые реальные факты, относящиеся к

битве при Альтопашо в сентябре 1325 г. Описание сражений имеет целью пропаганду излюбленных тактических идей Макьявелли.

...сражались вместе с флорентийцами. — При Альтопашо на стороне Флоренции действительно сражались неаполитанские подкрепления (шестьсот французов и двести немцев), а среди взятых в плен были Брунеллески и делла Тоза.

...бега лошадей, женщин легкого поведения и мужчин. — Исторический факт (4 октября 1325 г.).

Но заговор был обнаружен... — Попытка заговора во Флоренции имела место в апреле 1325 г.

...отправил во Флоренцию сына своего Карла... — После поражения при Альтопашо правителем Флоренции был избран в декабре 1325 г. сын Роберта Анжуйского, Карл Калабрийский.

С. 485. *...и многим знатным гражданам приказал отрубить головы.* — Заговор Ланфранки относится к октябрю 1325 г., составлен он был в интересах Каструччо.

Выступив с этим войском в начале мая 1328 года... — Выступление флорентийцев следует отнести к июню 1325 г., так как дальнейший рассказ не очень точно воспроизводит события от первого взятия Пистойи в мае 1325 г. до битвы при Альтопашо.

С. 488. *У флорентийцев было убито 20 231 человек, у Каструччо — 1570.* — Вымышленная битва при Фучеккио — это все та же битва при Альтопашо с принадлежащей Макьявелли тактической картиной сражения и сильно завышенными цифровыми показателями.

С. 489. *«...я не хотел жениться...»* — Каструччо был женат на Пине Стреги и имел девять детей — эта цифра принадлежит Никколо Тегрими, сочинение которого («Жизнь Каструччо Антельминелли Кастракани герцога Луккского», 1496) служило для Макьявелли основным источником.

С. 490. *И умер, оставив всем, кто слышал о нем, счастливую память о себе...* — Каструччо умер от лихорадки 3 сентября 1328 г.

...вплоть до Паголо, его правнука. — См. примеч. к с. 471.

С. 491. *Сохранилось много остроум...* — Подавляющее большинство нижеследующих изречений заимствовано из Диогена Лаэртского («Жизнь Аристиппа, Биона, Аристотеля, Диогена»).

С. 494. *...за исключением Буонтуро.* — Буонтуро Дати — луккский пополан, прославленный своим взяточничеством. Ср.: «Там лишь Бонтуро не живет на взятки» (Данте «Ад», XXI, 41).

С. 495. *...он умер в том же возрасте, что и они.* — Каструччо было сорок семь лет (а не сорок четыре), когда он умер, Филиппу Македонскому — сорок шесть, Сципиону — пятьдесят два.

СОЧИНЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ

Мандрагора («Mandragola»)

Пьеса «Мандрагора» создана в период вынужденного политического бездействия Макьявелли: реставрация Медичи в 1512 г. лишила его места секретаря второй флорентийской канцелярии, и только в сентябре 1520 г. он получает новую должность — государственного историографа. Эти восемь лет, поневоле отданные досугу, стали самыми плодотворными в жизни Макьявелли: именно в это время написаны «Государь», «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», «Бельфагор», «Золотой осел». В то же восьмилетие родилась «Мандрагора», но это единственный бесспорный факт в неразрешенном до сих пор вопросе датировки комедии. Из всех существующих датировок наиболее вероятно начало 1518 г., однако прямыми историческими подтверждениями и эта дата не располагает.

Не менее запутанна и история первых постановок. Точно известно, что «Мандрагору» играли, и с огромным успехом, в 1522 г. в Венеции. В 1520 г. готовилось ее представление в Риме, при дворе Льва X, но описаний спектакля до нас не дошло. Нет никаких известий и о флорентийской постановке, хотя можно предполагать, что комедией украсили празднества по случаю бракосочетания Лоренцо ди Пьеро Медичи в 1518 г.

«Мандрагора» располагается у истоков ренессансного театра и ренессансной комедии. Всего несколькими годами опередил Макьявелли Лудовико Ариосто, вписавший в марте 1508 г. представлением своей «Комедии о сундуке» первую страницу в историю жанра. Но как ни молода была комедия к моменту создания «Мандрагоры», ей уже удалось достичь заметных художественных результа-

тов, и уже определились основные проблемы, которые предстояло решать комедиографам XVI в.: освоение и модернизация сюжетного и стилового наследия античной комедийной классики, драматизация национальной комической традиции, которая до той поры существовала в повествовательной — новеллистической по преимуществу — форме.

Макьявелли блестяще решает обе эти задачи. Он отказывается от традиционных сюжетных моделей и выбирает совершенно оригинальную фабулу, но в то же время вводит в свой художественный язык чуть ли не весь жанровый диапазон римской классики: он не только ассимилирует стилистику Теренция, в чем уже однажды себя испытал (Макьявелли принадлежит перевод «Девушки с Андроса»), но и постоянно играет реминисценциями римской элегии, эпоса (Лукреций), истории (фра Тимотео, укрощая Лукрецию, «цитирует» Тита Ливия), жизнеописания (в сюжете комедии воспроизводится эпизод из Светония). Вся эта система реминисценций упрятана очень глубоко, а не выступает на поверхность, как у Ариосто, и оттого сам принцип подражания классике, жизненно важный для литературы Возрождения, приобретает в «Мандрагоре» невиданную органичность.

Не менее органично воспринят «Мандрагорой» и дух комических новелл Боккаччо: Макьявелли не только воспроизводит сюжетные мотивы «Декамерона» (например, день III, новелла 6), не только создает виртуозную вариацию на тему «розыгрыша» — излюбленную тему ренессансной новеллистики, не только воскрешает в своем мессере Ниче постаревшего и утратившего обаяние наивности Каландрино, но — и это главное — отводит разуму ту же, что и у Боккаччо, роль организатора и демиурга, властно овладевающего событиями и превращающего тяжелую инерцию действия в свободную игру интриги.

Однако Макьявелли не ограничивается переводом комического мира Боккаччо на язык драматургии — он постоянно его опровергает, предлагая зрителю подойти к комедии с ключом «Декамерона» и тут же захлопывая перед ним дверь. Каллимако появляется в первой сцене во всем традиционном декоруме героя любовной новеллы, образцового любовника, которому обеспечены сочувствие и солидарность публики тем большие, чем ближе герой к своему предначертанному жанровыми канонами триумфу. Но каждый новый шаг все сильнее дискредитирует этот привычный образ: Лигурио отнимает у Каллимако роль организатора и вообще выбрасыва-

ет его из действия, в кульминационный момент интриги отправляя его гулять по Флоренции; тот же Лигурио заставляет его явиться к возлюбленной в шутовской маске; и наконец, Лукреция, вместо того чтобы покорно склониться перед победителем, окончательно отбирает у него инициативу и берет его судьбу в свои руки.

Макьявелли не просто переставляет акценты в традиционной сюжетной схеме — он развенчивает положительный персонаж, сам его принцип и вносит тревожное напряжение в мирный контакт зрителя со сценой. «Мандрагора» опрокидывает всякий автоматизм восприятия, обескураживая зрителя целой системой идеологических и эстетических провокаций. Он уже лишен привычной возможности идентифицировать себя с первым любовником; он уже не знает, как ему расценить Лигурио, совершенно утратившего нормативные приметы образа «паразита», гипертрофированный культ чрева в частности; он не без тайного негодования замечает, что традиционная партия шута отдана не лишенному респектабельности горожанину, который возымел дерзость сохранить вполне различимое социальное лицо. И брат Тимотео тоже заставляет задуматься, он тоже не вмещается в привычные границы антиклерикальной сатиры. Так и остается непонятным, где в нем кончается сознательный цинизм и где начинается наивность, воспитанная религиозным формализмом. Мало этого, само его положение в структуре комедии двусмысленно: с одной стороны, он является необходимым орудием интриги и всецело действием поглощен, с другой, он критикует действие и свое место в нем с позиции постороннего, измеряет и регулирует его ритм, делится своими наблюдениями со зрителями, иной раз чуть ли не покидает сцену и не смешивается с публикой в зале, так что зритель в конце концов начинает подозревать, что эта смесь врожденной нравственной атрофии и благоприобретенной склонности к святотатству мыслится автором как его, зрителя, точка зрения. И окончательно его сбивает с толку Лукреция, которой он заранее отвел в пьесе роль пассивной жертвы и которая вдруг выказывает ошеломляющую способность к оценке ситуации и к ее использованию, круто пересматривая свои взгляды, захватывая инициативу и выдвигаясь на место центрального персонажа комедии. Исходная ситуация по достижении финала переворачивается: Лукреция не следует покорно за колесницей триумфатора, а сама ведет его на поводке.

Тот факт, что в «Мандрагоре» последовательно оспаривается и опрокидывается целая система устойчивых идеологических и эс-

тетических нормативов, позволяет говорить о ее связи с «карнаваль-ной» традицией в литературе, выявленной М.М. Бахтиным. Неда-ром перу Макьявелли принадлежат «Карнавальные песни» и «Зо-лотой осел», и не случайно в последних сценах комедии так настой-чиво звучит мотив смерти и воскресения («...сегодня ты все равно что снова родилась на свет... а вчера и слова вымолвить не могла»). В этом плане «Мандрагора» предстает драмой вечно обновляющейся молодости (ср.: «...вы привили новый росток к старому дереву»), что связывает ее с мифотворчеством «Государя»: фортуна, как замеча-ет Макьявелли в этом сочинении, покоряется молодым.

«Мандрагора» неоднократно и не без основания рассматрива-лась в контексте политических и историко-философских идей Ма-кьявелли. Однако она не столько иллюстрирует в бытовом плане рецепты «Государя», сколько опирается на общие для всего творче-ства Макьявелли антропологические принципы, в частности на принцип динамического равновесия внутренней и внешней приро-ды, души и судьбы. Способность перестраивать свое поведение со-образно с логикой объективных обстоятельств оказывается доступ-на в комедии одной Лукреции, все действие «Мандрагоры» с этой точки зрения организуется как испытание «мудрости» героини (цен-тральное понятие макьявеллиевского учения о человеке), ее готов-ности к метаморфозе. Все остальные персонажи навеки срослись со своими социальными и бытовыми масками.

«Мандрагора» несколько раз переводилась на русский язык: А.Н. Островским (изд. 1923), А.В. Амфитеатовым (1914), Н. Ракинтю (1924), А.Г. Габричевским (1934). Настоящий перевод впервые опу-бликован в кн.: Макиавелли Н. Избранные сочинения. — М.: Худо-жественная литература, 1982.

С. 499. *Мандрагора* — растение из семейства пасленовых, корень которого имеет форму человеческого тела. Мандрагора широко ис-пользовалась в магической и медицинской практике, ей приписы-вались целебные и смертоносные свойства, о ее способности стиму-лировать плодородие писал еще Авиценна.

С. 501. *Канцона* — написана вместе с четырьмя стихотворными интермедиями для намечавшегося представления комедии в Фаэн-це на карнавале 1526 г. Представление не состоялось, так как его инициатор, Франческо Гвиччардини, в то время губернатор Рома-ньи, был отозван в Рим.

С. 506. ...*королю Карлу угодно было...* — Карл VIII — см. примеч. к с. 64.

...*нескончаемым итальянским войнам...* — См. более подробно примеч. к с. 556.

С. 510. *Сан-Филиппо, Порретта, Вилла* — курортные места недалеко от Флоренции, знаменитые минеральными источниками.

Веррукола — гора к востоку от Флоренции.

С. 522. *Сервиты* (слуги Марии) — католический орден, основанный во Флоренции в 1240 г. и канонизированный папой Бенедиктом XI в 1304 г.

С. 524. ...*турок нагрянет в этом году в Италию?* — Страх перед турецким нашествием стал повсеместным после падения Константинополя в 1453 г. В 1518 г. папа римский распорядился ввести специальные службы для отвлечения турецкой опасности. Некоторые исследователи видят здесь намек на это событие и основание для датировки комедии.

С. 527. *Как сказала жаба бороне.* — Намек на сюжет басни, в которой жаба, поплатившись за свое любопытство ободранной спиной, заявила бороне: «Уходи и не возвращайся».

С. 528. ...*подобно некоему герою рыцарских романов...* — Уджьери Данезе (Датчанин), персонаж рыцарских романов, которому в одном из его приключений приходится залепить уши смолой.

С. 531. *В Библии сказано...* — Бытие, 9:30–38.

...*молитву ангелу Рафаилу...* — Весьма вольный намек на Благовещенье (Евангелие от Луки, 1:28–38). Используются также мотивы книги Товита, где с помощью ангела Рафаила невеста главного героя освобождается от власти демона, погубившего семерых ее мужей (ср. с ядом мандрагоры).

Клиция («Clizia»)

Пьеса «Клиция», одно из последних произведений Макьявелли, написана в начале 1525 года и поставлена в доме Якопо Фальконетти, по прозвищу Форначайо, на празднестве по случаю окончания срока его изгнания из Флоренции 13 января 1525 года. Постановку оформлял Бастиано да Сан Галло, о чем упоминает в своих «Жизнеописаниях» Вазари.

Сюжет своей комедии Макьявелли взял у Плавта: начиная с четвертого явления третьего акта, «Клиция» довольно близко следует

за плавтовской «Касиной». Однако буквальные переводы в «Клиции» — редкость; сохраняя общий порядок перипетий, Макьявелли существенно корректирует плавтовскую образную систему, не увлекается безудержной языковой игрой и остается равнодушным к прославлению чрева. И, что главное, он резко меняет интонацию, сообщая комедии отчетливый меланхолический колорит.

Смех «Клиции» лишен беззаботности, потому что это смех над собой: имя героя легко прочитывается как анаграмма имени автора — *Ник-кол-о Мак-ьявелли*, а любовные безумства почтенного старца пародируют страстное увлечение Макьявелли певицей Барбарой Раффакани Салютати, захватившее его на закате жизни. Но дело не только в бытовом автобиографическом подтексте — в комедии чувствуется усталость человека, убедившегося в иллюзорности большинства своих надежд, в непосильности поднятого груза, в прочности ненавистного порядка. Агрессия, полемический задор, риск «Мандрагоры» в «Клиции» исчезают: она реставрирует тот респектабельный этический универсум, над которым первая комедия безжалостно издевалась. В какой-то степени «Клиция» — отречение от «Мандрагоры», но отречение не безусловное, не лишенное оговорки и оставляющее простор для маневра. Хотя конформистский порядок, олицетворенный Софронией и ее подручными, Клеандро и Эустако, в конце концов торжествует и возвращает в свое лоно блудного сына, Никомако, он все же остается эстетически скомпрометированным: его победа омрачается трагическими нотками, зазвучавшими в финале комедии.

Если «партия», возглавляемая Софронией, безлика, компактна, составлена из традиционных комедийных типов, не углубленных какой-либо оригинальной характерологией, то образ Никомако никак не исчерпывается традиционной маской похотливого старика. Из монолога его супруги (II, 4) мы узнаем, что он сам недавно был сторонником порядка, более того — был его образцом, и если теперь он так круто с ним порвал, то причины нужно искать не столько в нем самом, сколько в ущербности прежнего образа жизни. Конечно, в уклонении от него Никомако есть и глубокий архетипический подтекст (постоянно обыгрываемые попытки омоложения), но главное здесь — сквозная макьявеллиевская тема активного контакта с судьбой, невозможного без постоянной смены внутренних регистров, без готовности к переходу из области возвышенного и серьезного в область низкого и комического. Обрести свободу Никомако не удастся, он не рассчитал ни сил сопротивления, ни собственной

слабости и подвергается закономерному осмеянию. Однако и в последних сценах комедии в монолитность смеха вкрадываются трагические нотки, и зритель уходит, недоумевая, над чем он смеялся: над трагедией состарившейся Лукреции или над фарсом о мессере Ниче, решившем испробовать себя в роли Каллимако. Образ Никомако раздваивается между двумя этими полюсами мира характеров «Мандрагоры».

Настоящий перевод впервые опубликован в кн.: Макиавелли Н. Избранные сочинения. — М.: Художественная литература, 1982.

С. 555. *Монсеньор де Фуа* — Жан де Фуа (ум. ок. 1500), граф Нарбонны, во время итальянского похода Карла VIII (см. примеч. к с. 64) командовал отрядом в 50 копьеносцев.

С. 556. *...захватил королевство Неаполя...* — Карла VIII призывали в Неаполь беженцы, которые покинули город, спасаясь от репрессий, введенных Фердинандом I после так называемого «заговора баронов» (см. примеч. к с. 370). Карл воспользовался этим предлогом, надеясь вернуть наследство анжуйской династии, и завоевал Неаполитанское королевство с легкостью, вошедшей в пословицу.

...папа, император, венецианцы и герцог Миланский соединились против него. — Антифранцузский союз был заключен в Вероне 31 марта 1495 г. Войско коалиции во главе с Франческо Гонзага, маркизом Мантуи, вынудило Карла VIII оставить Неаполь. 6 июля 1495 г. под Форново произошло сражение (здесь битва на Таро), в котором ни одна из сторон не получила решительного перевеса, но тем не менее ночью Карл начал отход в Пьемонт, откуда вернулся во Францию. Он скончался от удара 7 апреля 1498 г. в разгар приготовлений к новому походу в Италию.

...через Пизу и Понтремоли спуститься в Ломбардию. — Из Пизы Карл пошел на Сарцану, Апеннины преодолел по Чизанскому перевалу и оказался в 30 км от Форново-ди-Таро, где его поджидало неприятельское войско.

С. 577. *...пресвятая Аполлония...* — Аполлония — проverbsиальное имя сводницы.

С. 579. *О Фортуна, будучи женщиной, уж ты-то должна была охранить молодых!* — Ср.: «Государь», XXV.

С. 581. *Сатирион* — экстракт одного из видов орхидеи, возбуждающий чувственность.

Сказка. Черт, который женился («Favola»)

«Сказка», как она озаглавлена в рукописи, или «Бельфагор», как ее нередко называют, создана в тот период активного творческого досуга, которым стали для Макьявелли годы, проведенные в имении близ Сан Кашано. Она написана до 1520 г. — более точными датировками наука не располагает. Сюжет «Сказки» немолод (тематическая оригинальность ренессансной новелле вообще не свойственна): зародившись в Индии, он через арабский Восток проникает в Европу, где фиксируется в средневековых латинских текстах и до Макьявелли доходит во французском переводе.

«Сказка» осталась единственным новеллистическим опытом Макьявелли, хотя к этому жанру он явно был равнодушен и работать в нем умел: свидетельством тому — многие страницы жизнеописания Каструччо Кастракани и «Истории Флоренции», блестящие комические зарисовки в письмах. Макьявелли был, видимо, рассказчиком виртуозным: крупнейший итальянский новеллист XVI в. Маттео Банделло возводит одну из своих новелл к рассказу, которым Макьявелли привел в восхищение Джованни Медичи делле Банде Нере, знаменитого кондотьера. В своей единственной новелле Макьявелли с присущим ему остроумием разрабатывает мизогинический («женоненавистнический») мотив, который безудержно на самые разные лады варьировался средневековой и ренессансной литературой. Однако не в очередной, пусть и предельно изящной вариации на традиционную тему соль и смысл «Бельфагора»: сатира на женский нрав, совладать с которым не под силу и черту, организует повествование лишь в его поверхностном слое. Комизм ситуации здесь, как и в «Мандрагоре», маскирует невеселое мироощущение автора, и за его смехом прячется язвительный и горький сарказм. Макьявелли отводит своему архидьяволу ту роль, которую Вольтер в свое время даст Простодушному: роль пробного камня для царящего в мире зла. Бельфагор не столько проверяет «клевету на женский род», сколько вызывает на себя концентрированный удар человеческой хитрости и коварства, притягивая его, как магнитом, своей наивностью и привычкой к джентльменским правилам игры. Черту не внове оказываться в дураках — в сказках он, собственно, другого положения и не знает, — но здесь он не столько обманут, сколько затравлен: женой, родственниками, кре-

диторами, всем жизненным укладом, к которому он не может приспособиться и которому ему нечего противопоставить. Для черта адом оказывается земля, а ад кажется раем. Плутон вместе со всей своей державой безнадежно отстал от жизни, проглядев, что зло давно покинуло его царство и переселилось на землю.

«Сказка» Макьявелли образовала некоторую сюжетную традицию, ее использовали венецианский новеллист Джованфранческо Страпарола (ок. 1480 — ок. 1558, «Приятные ночи»), немецкий поэт Ганс Сакс (1494—1576, шванк «О том, как черт женился на старухе»), Жан де Лафонтен (1621—1695), английский драматург Джон Уилсон («Бельфагор, женитьба дьявола», 1690). Автор первого перевода на русский язык (1824) предположительно идентифицируется с М.П. Погодиным. Настоящий перевод впервые опубликован в кн.: Макиавелли Н. Сочинения. — М.-Л.: Academia, 1934, т. I.

С. 598. *Бельфагор* — в греческом переводе Библии (Септуагинта) так зовется бог моавитов и мадианитов (в русском синодальном переводе — Ваал-Фегор). Иероним (347—420) считал Бельфагора иудейским эквивалентом римского бога плодородия и сладострастия Приапа, а Исидор Севильский (560—636) в своих «Этимологиях» интерпретировал это имя как образ нечестия.

С. 602. *Перетолла* — местечко в 6 км от Флоренции.

С. 604. ...с дочерью короля Карла... — Карл (1226—1285) Анжуйский, брат короля Франции Людовика IX Святого, граф Прованса с 1246 г., неаполитанский король с 1265 г.

...одна из дочерей Людовика VII... — Описка Макьявелли или сознательный анахронизм. С Карлом, королем Неаполя, может быть связан только Людовик IX, французский король в 1226—1270 гг. Людовик VII правил Францией в 1137—1180 гг.

Стихотворения («Rime»)

Поэзии принадлежит в творчестве Макьявелли отнюдь не главная роль, большим поэтом он не был: и со складом его характера, и со складом его ума поэтическому вдохновению ужиться было трудно. Впрочем, какой-то стороной своей весьма неоднозначной личности он тягу к поэзии ощущал: после первых юношеских попыток он постоянно к ней возвращался и в зрелые годы, и в старости, и

загруженный сверх сил государственными делами, и угнетенный тяжким обвинением, и увлеченный становлением своих истинных шедевров. Здесь не обошлось и без самообмана: Макьявелли явно переоценивал свои возможности стихотворца и жестоко обиделся, когда Лудовико Ариосто пропустил его имя, перечисляя известнейших современных поэтов в «Неистовом Орландо». Потомки согласились с Ариосто и притязания Макьявелли на место в первом ряду поэтической когорты отвели за полной их несостоятельностью.

Если вычеркнуть стихотворения Макьявелли из итальянской литературы, то большого урона это ей не причинит, но образ великого флорентийца в нашем сознании серьезно исказится и утратит какие-то немаловажные черты. Прежде всего станет однобоким наше представление о генезисе историко-философских идей Макьявелли. Как рождался и оттачивался концептуальный аппарат «Государя» и «Рассуждений», нам известно из официальных донесений, легаций, деловых писем, но это чисто интеллектуальный процесс, лаборатория мысли, постепенно набирающей силу. Каковы были человеческие предпосылки этого могучего становления идей, отсюда узнать невозможно. Рассказывает о них дидактическая поэзия Макьявелли, несмотря на свою сухость и отвлеченность. В этом жанре Макьявелли дебютировал в 1504 г., написав первое «Десятилетие» (второе написано ок. 1514 г.) — стихотворный компендиум итальянской истории за десять лет и первый опыт синтетического осмысления современной истории, подготавливающий виртуозную историческую аналитику «Государя» и «Рассуждений». В несколько ином плане написаны четыре капитоло (капитоло — небольшая поэма в терцинах, которая в течение XIII — XVI вв. постепенно меняла свою первоначальную дидактико-политическую тематику на сатирическую и бурлескную): «О неблагодарности» (1507—1512), «О судьбе» (кон. 1512 — нач. 1513), «О тщеславии» (ок. 1516), «О случае» (после 1516). Первые два предшествуют «Государю», и Макьявелли как будто нащупывает в них структуру глав своего будущего трактата и его метод, сочетающий дедукцию и индукцию: общие положения тут же иллюстрируются конкретным историческим материалом, черпая в нем энергию для своего дальнейшего развертывания, а сам этот материал, попав в поле тяготения отвлеченной мысли, приобретает обобщенно-символический характер. Конечно, этот новаторский стиль Макьявелли здесь пока едва намечен и лишь

с помощью ретроспекции угадывается за вполне традиционными приемами поэтической морализации — точно так же и его идейное новаторство едва различимо в ставших почти ритуальными жалобами на коварство фортуны и неблагодарность сильных мира сего. Однако то, что для менее смелого мыслителя так и осталось бы формальным литературным шаблоном, для Макьявелли становится жизненно важной проблемой: доставшаяся ему по наследству тема судьбы разрешается в поиски реальных сил, которые способны судьбе противостоять, — так рождается сюжет «Государя». Капитоло доносят до нас память о критическом моменте этого процесса — о начале перерождения традиции, воспринятой с небывало острым личным интересом.

Помимо дидактической поэзии Макьявелли уделял внимание поэзии бурлескной и любовной. Наименее удачна последняя, беспощадно оголяющая все дефекты скромного дарования, однако и здесь у Макьявелли есть свои успехи: он сумел кое-что сказать о своей душе в страстном косноязычии *страмботто* (стихотворение в одну строфу, обычно октаву, во Франции носившее сатирический характер и приобретшее любовный после перемещения в XIV в. на итальянскую почву). Для Макьявелли с его склонностью к иронии, рискованным двусмысленностям, язвительному и желчному остро словию более благодарным материалом был бурлеск, блестящие образцы которого он создал и в своих письмах. Среди поэтических опытов в этом жанре выделяются шесть карнавальных песен, демонстрирующих не только мастерское владение диалектикой текста и подтекста, но и живую заинтересованность Макьявелли праздничной хроникой Флоренции.

Кроме специально оговоренных, переводы всех остальных стихотворений впервые опубликованы в кн.: Макиавелли Н. Избранные сочинения. — М.: Художественная литература, 1982.

О неблагодарности

Первый из четырех капитоло Макьявелли написан после 1507 г. и до реставрации Медичи во Флоренции в сентябре 1512 г.

С. 608. *Джованни* ди Симоне деи *Фольки* (ум. 1518) — друг Макьявелли, обвиненный, как и он, в заговоре против Медичи, умер в заключении.

Геликон — гора в Беотии, приют муз и Аполлона.

С. 610. *Тот, кто достигнут первою стрелой...* — О двух первых типах неблагодарности Макьявелли прочитал у Сенеки («О благодеяниях», III, I), о третьем — у Валерия Максима (V, III, 3).

С. 611. *Италия покой и сон забыла...* — Здесь и далее Макьявелли перечисляет основные события жизни Публия Корнелия Сципиона Африканского Старшего, черпая материал у Тита Ливия. Сципион родился ок. 235 г. до н.э. в период между I (264—241 до н.э.) и II (218—201 до н.э.) Пуническими войнами; во время битвы с Ганнибалом на Тицине в 218 г. спас своего отца; после поражения римлян при Каннах в 216 г. был одним из тех, кто остановил начавшуюся панику и покончил с призывами к эвакуации Рима; был послан в Испанию в 210—209 гг., где положение римлян стало катастрофическим и где погибли в сражениях с карфагенянами в 211 г. его отец и дядя, и уже к 206 г. полностью очистил ее от карфагенских войск; в Африке он победил нумидийского царя Сифакса в 203 г. и битвой при Заме в 202 г. победоносно закончил II Пуническую войну; в Азии он воевал вместе с братом, Луцием Корнелием Сципионом, и разбил при Магнезии в 190 г. Антиоха III Великого; после этой победы заключил с Антиохом мир, по которому Риму отходила вся Малая Азия, но был обвинен народными трибунами в расхищении денег, добытых во время войны с Антиохом, и вынужден удалиться из Рима на свою виллу в Литерно, где и умер в 183 г., завещав не хоронить свое тело в Риме.

С. 613. *Фокион* (397—317 до н.э.) — афинский полководец, стратег и оратор, победитель ряда сражений в войне с Македонией; был обвинен в предательстве и приговорен выпить яд.

Мильтиад (ок. 550 — ок. 489 до н.э.) — афинский полководец, победитель персов при Марафоне в 490 г., обвинен в злоупотреблении общественным доверием, умер после вынесения обвинительного приговора.

Аристид (ок. 540 — ок. 467 до н.э.) — афинский полководец и государственный деятель, один из организаторов Делосского союза, участвовал в битвах при Марафоне и Платеях в 479 г., был подвергнут ostracism и умер в бедности.

С. 614. *Ахмет-паша-Гедук* (ум. 1482) — турецкий военачальник, возглавлял войска Баязида II (1447—1512) во время его войн с братом и был по его приказу убит вскоре после восшествия Баязида на престол Османского султаната.

Гонсальво — см. примеч. к с. 201.

О Фортуне

Второй капитоло Макьявелли написан в конце 1512-го — начале 1513 г. К проблеме судьбы он вернется, значительно углубив ее, в «Государе» (XXV) и в «Рассуждениях» (кн. II, гл. XXIX и кн. III, гл. IX).

С. 615. *Джован (Джованни) Баттиста Содерини (1484—1528) — брат Пьеро Содерини, пожизненного гонфалоньера Флоренции (см. примеч. к с. 159), бежавший, как и все это семейство, после возвращения во Флоренцию Медичи.*

С. 620. *...Фортуне вдруг Египет стал немил... — Египет был завоеван персами в 525 г. до н.э., у которых его отобрал Александр Македонский в 332 г. до н.э., от наследников Александра, Лагидов, он перешел к римлянам в 31 г. до н.э., и, наконец, его захватили арабы в 642 г.; Ассирия, включавшая в себя одно время большую часть Западной Азии, была разрушена мидянами в 605 г. до н.э.; ...пока черед мидян не наступил... — Мидийское царство прекратило свое существование и уступило место персидскому после переворота, осуществленного Киром Великим в 556—550 гг. до н.э.; ...но персам уступили власть мидяне... — Персидское царство, в свою очередь, пало под ударами Александра Македонского в 334—330 гг. до н.э. Созданная им держава распалась сразу после его смерти, а собственно Греция стала римской провинцией в 146 г. до н.э.*

Недолго Мемфис был непобедим... — Мемфис — столица Египта в период Древнего царства в III тыс. до н.э., с основанием Александрии в 332—331 гг. до н.э. начинает хиреть и окончательно разрушается арабами. Вавилон знал много возвышений и унижений, окончательно исчез с исторической сцены, когда Селевк I основал новую столицу в 300 г. до н.э. Упадок Афин датируется поражением в Пелопоннесской войне в 404 г. до н.э. Карфаген был разрушен после III Пунической войны в 146 г. до н.э. Упадок Спарты начинается тридцатью годами позже, с возвышением Фив. Последний император Рима, Ромул Августул, был лишен трона в 476 г.

С. 621. *...у ног убитого врага упал. — Юлий Цезарь (102 или 100—44 до н.э.) был заколот у статуи Помпея, своего противника в борьбе за власть в Риме.*

Гней Помпей Великий (106—48 до н.э.) — римский государственный деятель и полководец, побежден Цезарем и предательски убит людьми Птолемея XIII.

Кир (424—401 до н.э.) — сын персидского царя Дария II, погиб, сражаясь за трон со своим братом Артаксерксом.

С. 622. *Марий* — см. примеч. к с. 151. Гай Марий дважды изгнан из Рима Суллой.

Марк Туллий *Цицерон* (106—43 до н.э.) — римский политический деятель, оратор и философ, был убит по приказу Марка Антония.

Карнавальные песни

Поют бесы, изгнанные с неба. Написана ок. 1506.

Поют, полные отчаянья, влюбленные и дамы. Написана ок. 1514.

Поют блаженные духи. Написана ок. 1513.

С. 626. *...новый пастырь...* — Лев X, избранный папой римским 11 марта 1513 г.

Чужая воля рада // унижить край... — Макьявелли имеет в виду франко-испанскую войну 1513 г.

...султан // оружие нетерпеливо точит... — Имеется в виду Селим I Грозный (см. примеч. к с. 142).

Поют пустычники. Написана ок. 1524.

Поют торговцы сосновыми шишками. Написана, видимо, еще при жизни Лоренцо Медичи Великолепного (1449—1492), который сам писал в том же жанре и карнавальную культуру Флоренции всячески поощрял (см. также примеч. к с. 251). Настоящий перевод впервые опубликован в кн.: Европейские поэты Возрождения. М.: Художественная литература, 1974 (Б-ка всемирной литературы).

Поют заклинатели змей. Время написания то же, что и у предыдущей песни.

С. 630. *Мы от святого Павла род ведем...* — Павел Фиванский (III—IV вв.) — по традиции, первый христианский отшельник. «Шарлатаны» (заклинатели змей) считали его своим покровителем, а своей родиной — горный скит, который называли «домом Павла».

Страмботти. Время создания обоих страмботти неизвестно.

Сонет. Предположительно датируется 1514 г.

К Джулиано ди Лоренцо Медичи. I и II стихотворения написаны между февралем и мартом 1513 г., когда Макьявелли находился в заключении по обвинению в заговоре против Медичи.

С. 633. *Джулиано Медичи* (1479–1516) — герцог Немурский, третий сын Лоренцо Великолепного.

Ронсеваль — место в Пиренеях, где в 778 г. баски разбили арьергард Карла Великого (742–814). Ронсевальская битва легла в основу множества поэтических сюжетов (в том числе «Песни о Роланде»). Макьявелли скорее всего имеет в виду описание побоища, сделанное флорентийским поэтом Луиджи Пульчи (1432–1487; «Моргант», XXVII, 56).

...и на сардинских свалках меньше смрад. — Сардиния поименована среди самых нездоровых мест Италии еще Данте («Ад», XXIX, 48–51), но, возможно, Макьявелли имеет в виду одноименное место под Флоренцией, где обдирали скотину.

«Я к вам пришел, дабы молиться с вами...» — Молились за приговоренных к смерти, возможно, за руководителей заговора Агостино Каппони и Пьеро Паоло Босколи.

С. 634. *Даццо*, Андреа — посредственный флорентийский литератор, ученик канцлера Марчелло Вирджилио.

К Джулиано ди Лоренцо Медичи.

(«Я Вашему Великолепию шлю...»). Написан вскоре после освобождения из тюрьмы в марте 1513 г. Перевод впервые опубликован в кн.: Европейские поэты Возрождения. М.: Художественная литература, 1974 (Б-ка всемирной литературы).

Эпиграмма

Датируется по смерти Пьеро Содерини 13 июня 1522 г. В других произведениях Макьявелли отзывался о пожизненном гонфалоньере Флоренции более благожелательно, но мнение, высказанное о нем в «Рассуждениях» (например, кн. III, гл. III); т.е. уже после падения его режима, по смыслу совпадает с настоящим.

Золотой осел («Asino d'oro»)

Эта незаконченная аллегорическая поэма в терцинах написана Макьявелли после реставрации Медичи в 1512 г. и скорее всего после «Государя». Автор упоминает ее в том самом письме к Луиджи Аламанни от 17 декабря 1517 г., из которого нам известно о его обиде на Ариосто, не включившего Макьявелли в список современных поэтов, данный им в «Неистовом Орландо». Единственным источником текста является первоиздание 1549 г.

Согласно первоначальному замыслу, следы которого сохранились в поэме, Макьявелли предполагал дать широкую сатирическую картину современных нравов, воспользовавшись повествовательным приемом, который он нашел у Апулея. С Апулеем, однако, сохранившийся фрагмент связан только этим не успевшим осуществиться планом (превратить героя-повествователя в осла) и названием. Почти сразу же, во второй главке, рассказ сворачивает на другой путь и в нем явственно проступают темы и ситуации «Божественной комедии»: блуждание в сумрачном лесу, встреча с проводником, сошествие в ад. Путь этот проторен многими, и задолго до Макьявелли: так же, по дантовской модели, писал своего аллегорического «Ворона» Боккаччо. Правда, сам ад на дантовский не очень похож; мы неожиданно оказываемся в десятой песни гомеровской «Одиссеи», у волшебницы Цирцеи, и герой, ни в кого еще не превратившись, смотрит, каким звериным обликом может обернуться человек. Зачем ему теперь превращаться в осла, что он еще может увидеть, как совместить повествовательные маршруты Апулея, Данте и Гомера (к которым прибавляется и модель, данная плутарховским диалогом), не очень ясно и, видимо, было не ясно и автору. Поэтому Макьявелли и оборвал поэму на восьмом капитоло, успев, правда скороговоркой, назвать некоторые из своих любимых тем: о невозможности идти против своей природы, о соотношении доброго порядка и доброго закона, вообще о том, как живет и как умирает государство, — не слишком убедительно связав эти размышления с сюжетной ситуацией.

Настоящий перевод впервые опубликован в кн.: Макиавелли Н. Избранное. — М.: Рипол Классик, 1999.

С. 636. ...*Что голос мой — не Фебоварулада...* — Т.е. не соотносим ни с покровителем поэзии (Фебом-Аполлоном), ни с источником поэтического вдохновения, который находился на горе муз Геликоне.

С. 637. *Хмельной воды...* — Вода из одного сиенского источника считалась способной свести с ума.

С. 641. *...Восходит солнце над главою бычьей.* — Солнце в созвездии Тельца (апрель — май).

Так, день земной пройдя наполовину... — Игра реминисценциями из начала «Божественной комедии» Данте (в оригинале другими, но близкими).

С. 644. *Цирцея* (Кирка) — в греческой мифологии волшебница, обитающая на острове Эя среди лесов в роскошном дворце. Людей, попавших на остров, превращает в животных.

С. 655. *...как в старину герой...* — В греческой мифологии Леандр, живший в Абидосе на азиатском берегу Геллеспонта, каждую ночь переплывал пролив, чтобы увидиться со своей возлюбленной Геро, жившей на другом берегу в Сесте.

С. 658. *...Повергнут был, едва не околев.* — К катастрофе, постигшей в начале XVI в. венецианскую политику территориальной экспансии, Макьявелли неоднократно возвращался в своих сочинениях (например, «Рассуждения», III, XXXI).

С. 659. *Афины, Спарта... пали и оне.* — «Государь», V, капитоло «О Фортуне».

...Немецкий город... — Макьявелли высоко ценил гражданское устройство немецких городов, которому посвятил особое сочинение. Ср. также «Государь», X; «Рассуждения», кн. I, гл. LV; кн. II, вступление; гл. XIX и др.

И Генрих, флорентийцев обложив... — Имеется в виду неудачная осада Флоренции в 1312—1313 гг. императором Генрихом VII.

С. 660. *...Была великим Нином собрана...* — Нин — легендарный основатель Ассирийского царства; *Сарданапал* — последний царь Ассирии, считался образцом нечестия и распутства.

С. 666. *«...родина его — Гаэта...»* — Речь идет о Гаэтано Барабалло, по прозвищу аббат из Гаэты, известном своими смехотворными притязаниями на великий поэтический дар. В 1514 г. в Риме при Льве X готовился его пародийный триумф, в течение которого он должен был восседать на слоне и венчаться венком из капустных листьев. Церемония не состоялась, так как слон испугался большого стечения людей.

«...Какое тут собранье, сам пойми...» — По некоторым предположениям, имеется в виду ватиканская курия.

С. 667. *Поверьте описанью очевидца!* — Смысл нижеследующих аллегорий остается неясен. Скорее всего звери символизируют итальянские и иноземные государства, представленные при папском дворе. Строки с 52-й по 57-ю опущены в первоиздании, по-видимому, из-за слишком откровенных политических намеков.

ПИСЬМА («Lettere»)

До нас дошло, не считая официальных реляций, около восьмидесяти писем Макьявелли и в два раза больше писем к нему. К некоторым постоянным адресатам письма Макьявелли вообще не сохранились: например, к другу и сослуживцу Бьяджо Буонакорси, с которым Макьявелли поддерживал оживленную переписку все время своей службы республике (ответных писем Бьяджо дошло тридцать восемь). Самые крупные и по объему, и по значению массивы корреспонденции относятся в десятые годы к переписке с Франческо Веттори (изнывавшего от безделья в Риме — должность флорентийского посла при флорентийском папе никаких дел не предполагала), в двадцатые — к переписке с Франческо Гвиччардини (благодаря которому Макьявелли вновь занялся государственными делами).

Письма Макьявелли, даже когда они деловые, остаются частными: они писались не для публикации и без оглядки на какие-нибудь риторические и литературные нормы, а часто даже и на нормы приличия. Письма Петрарки, скажем, ориентированные на определенную модель (Цицерон) и на широкую аудиторию, показывают нам автора таким, каким он хотел казаться, — письма Макьявелли представляют его таким, каким он был. Это не значит, что нужно безоговорочно доверять всему, что было им написано: гротескно-скабрезная сцена, воссозданная в письме к Луиджи Гвиччардини, вовсе не обязательно имела место в действительности — слишком в ней много примет комизма, традиционного для низовых литературных жанров. Но в том, что находит подтверждение в остальном творчестве великого флорентийца, сомневаться не приходится: к примеру, в даре виртуозного политического аналитика (см. письма к Веттори

от 29 апреля и 26 августа 1513 г.), в даре тонкого и ироничного наблюдателя (письмо к Бекки), в непревзойденном комическом даре (письмо к Франческо Гвиччардини). Мы встретим среди писем и черновик будущего «Государя» (письмо к Содерини). Мы увидим и такого Макьявелли, о котором бы без писем и не догадывались: нежного и заботливого мужа и отца (письмо к сыну), пылкому любовника (к Веттори от 3 августа 1514 г.), — или знали бы много хуже: не кабинетного аналитика, а человека действия, готового отдать за родину душу (к Веттори от 16 апреля 1527 г.). И наконец, в самом знаменитом письме (к Веттори, 10 декабря 1513 г.) мы увидим все это вместе: увидим Макьявелли и в кругу семьи, и за столом в трактире, и в азарте работы, и в пылу пустяшной перебранки, и смеющегося над собой, и раздумывающего над судьбами народов и государств.

Впервые перевод этой подборки писем опубликован в кн.: Средние века, 1997, вып. 60.

С. 681. *Риччардо Бекки* — флорентийский посол в Риме.

...с братом... — Джироламо Савонарола (см. примеч. к с. 73).

Сан Марко — доминиканский монастырь во Флоренции, настоятелем которого был Савонарола.

...вновь сформированной Синьории... — В новом составе Синьории (высший исполнительный орган во Флоренции), вступившем в должность 1 марта 1498 г., четверо из восьми приоров были враждебны Савонароле, а пятый колебался.

...папа в своем бреве под угрозой интердикта... — Папа Александр VI (см. примеч. к с. 24) в своем послании от 26 февраля под угрозой отлучения от церкви (интердикта) потребовал от флорентийской Синьории доставить Савонаролу в Рим либо держать его в заключении.

Святая Репарата — флорентийский собор или Санта Мария дель Фьоре (строился с XIII в., купол 1420—1436 гг., архитектор Ф. Брунеллески).

Фра Доменико — Буонвичини да Пеша, из ближайшего окружения Савонаролы.

С. 682. *...на следующие слова Исхода...* — Исход, 1:12 (цитаты зд. и далее в оригинале на латинском).

«Благоразумие есть правильное постижение возможного» — Фома Аквинский «Сумма теологии», II, 2, 47, 2.

...о святом Павле. — Павел бежал от преследований из Дамаска.

...в день Вознесения... — В этот день в 1497 г. на Савонаролу во время проповеди в соборе напали сторонники враждебной ему партии.

С. 683. ...*Моисей умертвил египтянина...* — защищая от побоев израильтянина (Исход, 2:11—12).

С. 684. ...*когда Синьория заступилась за доминиканца перед папой...* — 3 марта Синьория отвергла требования папы.

Джованни Баттиста Содерини — см. примеч. к с. 615.

...*явилось передо мной в чужом обличье...* — Письмо было написано другой рукой и подписано другим именем.

Филиппо ди Банко — друг Макьявелли.

(А) — буквы отсылают к примечаниям, которые Макьявелли делал на полях (здесь — в конце письма).

С. 685. ...*нынешнего папы...* — Юлий II (см. примеч. к с. 32).

Ганнибал и Сципион... — Ср. аналогичное их сопоставление в «Рассуждениях», кн. III, гл. XXI.

Лоренцо Медичи — см. примеч. к с. 251; *Джованни Бендивольо* — см. примеч. к с. 26; *Никколо Вителли* — «Государь», XX, там же размышления о полезности крепостей с теми же примерами; *нынешний герцог Урбинский* — Гвидобальдо да Монтефельтро — см. примеч. к с. 27; *граф Франческо* — Франческо Сфорца — см. примеч. к с. 59.

Император Тит. — «Когда однажды за обедом он вспомнил, что за целый день никому не сделал хорошего, то произнес свои знаменитые слова: “Друзья мои, я потерял день!”» (Светоний «Тит», 8).

С. 686. *Полагаю, что как природа дала людям разные лица...* — В данном абзаце чуть ли не впервые формулируется одно из основных положений антропологии Макьявелли (ср.: «Государь», XXV; «Рассуждения», кн. III, гл. IX).

С. 689. *Якопо* — Гвиччардини.

Франческо Веттори (1474—1539) — один из ближайших друзей Макьявелли. В 1513—1515 гг. был флорентийским послом при папском дворе.

И я сказал... — Данте «Ад», IV, 16—18.

Ваше письмо напугало меня... — Имеется в виду письмо от 30 марта 1513 г.

...*новости относительно Тотто...* — Макьявелли просил Веттори содействовать тому, чтобы его брат Тотто получил какую-нибудь должность при дворе вновь избранного папы Льва X.

С. 690. *Если бы я мог выбратъся с территории...* — Макьявелли не имел права покинуть территорию Флорентийской республики.

Кардинал Содерини — см. примеч. к с. 24.

Наш архиепископ... — Козимо Пацци, архиепископ флорентийский.

С. 691. *...мой отъезд в деревню...* — Макьявелли отбывал ссылку в своем имении Сант Андреа.

...перемирие с Францией... — Это произошло 1 апреля 1513 г.; год был для Франции в военном отношении катастрофическим: поражение от швейцарцев под Новарой и от англичан при Гингате.

Испанец — испанский король Фердинанд II Католик (см. примеч. к с. 103).

С. 692. *...победившая Франция...* — Имеются в виду первоначальные успехи французского оружия в войнах против Священной лиги и бесполезная победа под Равенной в 1512 г.

...папа... как человек неистовый и вспыльчивый... — Юлий II, ко времени написания письма уже умерший (см. примеч. к с. 32).

...угодить Соборной церкви... — В 1511 г. Людовик XII пытался созвать в Пизе собор духовенства, враждебного Юлию II. Папа проклял собор и со своей стороны созвал 3 мая 1512 г. V Латеранский собор, продолжавшийся до 1517 г. Флоренция стала для него государством, согласившимся терпеть на своей территории собрание мятежного духовенства.

С. 693. *Гонсальво* — см. примеч. к с. 201.

...испанский король наделен скорее хитростью... нежели... благо-разумием... — Ср. характеристику, данную Фердинанду II в «Государе», XXI.

...до известия о смерти понтифика и избрания нового... — Юлий II умер 21 февраля, Лев X был избран 11 марта 1513 г.

Император — Максимилиан I — см. примеч. к с. 293.

Англичанин — Генрих VIII (1491–1547), король Англии с 1509 г.

С. 694. *Монсеньор Гуркский* — Ланге фон Велленбург (1468–1540), секретарь императора Максимилиана.

...если бы на этот раз он уступил Памплону... — Французы в декабре 1512 г. предприняли наступление в Наварре, захлебнувшееся под Памплоной.

С. 695. *...с согласия союзников...* — по Священной лиге.

С. 696. *...к соглашению относительно Романьи.* — О ситуации в Романье см. «Легацию к Римскому двору» и примечания.

...как можно судить по войне в Гренаде... — См. примеч. к с. 121.

...вторжению в королевство... — Речь идет о вторжении в Неаполитанское королевство в 1503 г.

С. 697. *...разделом королевства Неаполитанского...* — См. примеч. к с. 59.

...при Гарильяно... — Битва, в которой французы были разбиты Гонсальво Кордовским, состоялась в 1503 г.

...я уподобился Лисе... — 10-я басня основного эзоповского сборника.

С. 698. *...с братом...* — См. примеч. к с. 681.

«Мир, мир, а мира не будет»... — Ср. Книга пророка Иезекииля, 13:10.

С. 699. *...отказаться от Собора...* — См. примеч. к с. 692.

Каза — Филиппо Казавеккья, друг Макьявелли.

Не знаю, что там пишет Аристотель... — На «*Политику*» Аристотеля ссылался Веттори в письме от 20 августа.

Лукумоны — этрусские старейшины, стоявшие во главе двенадцати союзных государств Этрурии.

С. 700. *...этолийцы и ахейцы...* — Имеются в виду Этолийский и Ахейский союзы (см. примеч. к с. 63).

Нин — см. примеч. к с. 660; *Кир* — см. примеч. к с. 72; *Пирр* — см. примеч. к с. 70.

С. 701. *...начиная с короля Людовика...* — Речь идет о Людовике XI («Государь», XIII, а также примеч. к с. 97).

С. 702. *«Божья благодать...»* — неточная цитата из «Триумфа вечности» Петрарки (13).

Филиппо — Казавеккья; *Паголо* — Паголо (Паоло) Веттори, брат Франческо.

...со времени последних происшествий... — Т.е. заключения в тюрьму и высылки из Флоренции.

...как Гета, когда он возвращался из порта с книгами Амфитриона... — В элегической комедии Виталия Блуаского «Амфитрионеида» (XII в.), вольной переделке плавтовского «Амфитриона», герой и воин Плавта превратился в школяра. Макьявелли пользовался итальянским переводом.

С. 703. *Когда разразилась известная буря...* — События, связанные с реставрацией Медичи (к ним же отсылает и упоминание о поражении от испанцев при Прато в августе 1512 г.). Политические намеки, содержащиеся в этом рассказе, до конца не ясны.

...кто-нибудь из второстепенных поэтов... — Важный штрих для характеристики литературных вкусов Макьявелли. Итальянцы на первом плане, что для ренессансных предпочтений далеко не очевидно, и ладно уж Тибулл (римский лирический поэт I в. до н.э.), но Овидия (43 до н.э. — ок. 18 н.э.) никакой гуманист точно не стал бы называть второстепенным поэтом.

Сан Кашано — место под Флоренцией неподалеку от имени Макьявелли.

С. 704. *...Данте говорит...* — Данте «Рай», V, 41–42.

«О государствах» — «Государь» (первое упоминание, в оригинале название по-латыни).

Джулиано — Джулиано Медичи — см. примеч. к с. 633. «Государь» был первоначально посвящен Джулиано, после его смерти посвящение изменено.

Содерини — братья Пьеро и Франческо — см. примеч. к с. 24 и 159.

Барджелло. — В итальянских коммунах, в том числе во Флоренции, резиденция (и название должности) магистрата, исполнявшего полицейские функции.

Паголо Бертини — по контексту, ярый сторонник Медичи.

С. 705. Пьетро Ардингелли — секретарь Льва X.

С. 706. *Кипр* — в греческой мифологии место рождения богини любви.

...ответ, даваемый мною на Ваши вопросы... — В письме от 3 декабря Веттори спрашивал Макьявелли, кого поддерживать папе в противостоянии Франции и Венеции, с одной стороны, и императора, Испании и Швейцарии, с другой. Макьявелли в ответном письме от 10 декабря дал развернутый ответ, особенно подчеркивая опасность нейтралитета. Сейчас он вновь возвращается к этому вопросу.

С. 707. *...fugere in effectu...* — Так называется XIX гл. «Государя».

...выразил Тит Ливий... — Эту же цитату Макьявелли приводит в «Государе», XXI. *Тит Фламинин* — см. примеч. к с. 128; *Антиох* — см. примеч. к с. 267.

С. 709. *...у здешней стороны...* — Речь идет об антифранцузской коалиции.

Франческо Гвиччардини (1483–1540) — историк и писатель, друг Макьявелли и его покровитель в 20-е годы, в 1516–1524 гг. губернатор Модены.

С. 710. *...какого проповедника я выбрал бы для Флоренции...* — В мае 1524 г. Макьявелли наконец-то поручили дело: надо было по-

ехать в Карпи, где собрался генеральный капитул францисканцев, и добиться ответа, какие францисканские монастыри в Тоскане входят во флорентийскую епархию, а какие нет. Уже само по себе поручение для Макьявелли достаточно нелепое, но к этому прибавилось еще одно: цех шерстяников просил Макьявелли договориться с братом Джованни Гвальберто по прозвищу Ветролом (Ровайо) о том, чтобы он приехал во Флоренцию читать на Великий пост проповеди. Гвиччардини в письме от 17 мая говорил, что это все равно, что поручать известному содомиту подыскать кому-нибудь невесту.

Понцо — противник Савонаролы; *брат Джироламо* — Савонарола; *фра Альберто* — либо персонаж новеллы «Декамерона» (IV, 2), либо Альберто да Орвието, также из числа противников Савонаролы.

Св. Франциск — см. примеч. к с. 360.

С. 711. *...императора ожидают в Тренто...* — Императором в это время уже был Карл V (1500—1558), французским королем — Франциск I (см. примеч. к с. 325).

Губернатор — епископ Теодоро Пио.

С. 712. *Кардинал Чибо* — папский легат в Болонье.

...а для себя добиться благосостояния и чести... — Сын Макьявелли Гвидо стал духовным лицом, но не остался чужд и занятиям словесностью (перевел, например, одну комедию Теренция). Сохранилось ответное письмо Гвидо: Тотто лучше, хотя он до конца еще не поправился; мула на пастбище пока не отправили — не подросла трава; монна Мариетта шлет мужу пару рубашек, пару полотенец и четыре платка; сам же Гвидо обещает выучить к приезду батюшки наизусть первую книгу «Метаморфоз» Овидия.

С. 713. *Монна Мариетта* — жена Макьявелли; *Баччина* (Бернарда) — дочь; *Пьеро, Тотто, Бернардо* — сыновья, Тотто — грудной и был на попечении кормилицы.

Письмо... от 16 апреля 1527 года. — Предпоследнее из дошедших до нас писем Макьявелли (последнее — тому же адресату через два дня).

Дела Мотта — капитан имперского войска.

Бурбон — Карл III, герцог Бурбонский, по прозвищу коннетабль Бурбон (1490—1527), последний представитель старшей ветви Бурбонского дома, участник битв при Аньяделло и Мариньяно; рассорившись с Франциском I, перешел на службу к им-

ператору Карлу V (см. выше), командовал его войсками в Италии, убит при взятии Рима.

Лига – Коньякская лига создана 22 мая 1526 г., в ней для противодействия Карлу V объединились Франция, папа, Милан, Венеция и Флоренция. Макьявелли, в мае того же года назначенный проведитором по укреплениям Флоренции, постоянно выступал с планами организационных и военных мероприятий, много ездил (это письмо, как и предыдущее, написано во время трехмесячной поездки в Модену, Парму, Болонью, Имолу и Форли, в критический момент кампании, когда коннетабль Бурбон двинулся на Рим). Макьявелли вернулся во Флоренцию 22 апреля, а 7 мая Рим был взят.

С. 714. *...мы имеем дело с государем...* – Климент VII (1478–1543) – папа римский с 1523 г., представитель, как и его предшественник, семейства Медичи, и поэтому объединявший в своих руках власть в Риме и Флоренции. Его нерешительность во время кампаний 1526–1527 гг. привела к разгрому Рима имперскими войсками и падению режима Медичи во Флоренции.

М.Л. Андреев

Содержание

М.Л. Андреев. Слово и дело Никколо Макьявелли 5

СОЧИНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ

О том, как надлежит поступать с восставшими жителями Вальдикьяны. *Перевод под редакцией А.К. Дживелегова* 21

Описание того, как избавился герцог Валентино от Вителлоццо Вителли, Оливеротто да Фермо, синьора Паоло и герцога Гравина Орсини. *Перевод под редакцией А.К. Дживелегова* 26

Легация к Римскому двору. *Перевод под редакцией А.К. Дживелегова* 32

Государь. *Перевод Г.Д. Муравьевой* 58

Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. *Перевод М.А. Юсима* 136

Книга первая 138

Книга вторая 262

Книга третья 357

Жизнь Каструччо Кастракани из Лукки. *Перевод под редакцией А.К. Дживелегова* 469

СОЧИНЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ

Мандрагора. *Перевод Н.Б. Томашевского* 499

Клиция. *Перевод Н.Б. Томашевского* 551

Сказка. Черт, который женился. *Перевод под редакцией А.К. Дживелегова* 598

Стихотворения. <i>Перевод Е.М. Солоновича</i>	608
О неблагодарности	608
О Фортуне	615
Карнавальные песни	622
Поют бесы, изгнанные с неба	622
Поют, полные отчаянья, влюбленные и дамы	623
Поют блаженные духи	625
Поют пустычники	627
Поют торговцы сосновыми шишками	628
Поют заклинатели змей	629
Страмботти	631
Сонет	632
К Джулиано ди Лоренцо Медичи	
I	633
II	633
К Джулиано ди Лоренцо Медичи	634
Эпиграмма	635
Золотой осел. <i>Перевод Е. Кассировой</i>	636
ПИСЬМА. Перевод М.А. Юсима	679
ПРИМЕЧАНИЯ	715

Литературно-художественное издание

Макьявелли Никколо

Сочинения исторические и политические
Сочинения художественные
Письма

Сборник

Ответственная за выпуск О.М. Тучина

Редактор Е.В. Панова

Художественные редакторы О.Н. Адаскина, И.А. Сышкова

Компьютерная верстка: В.А. Смехов

Технический редактор О.В. Панкрашина

Младший редактор Е.А. Лазарева

Подписано в печать с готовых диапозитивов 20.02.04.

Формат 60 × 90^{1/16}. Усл. печ. л. 51,5.

Тираж 8 000 экз. Зак. № 56.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

ООО «Издательство АСТ»

667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

НФ «Пушкинская библиотека»

129110, Москва, Напрудный пер., д. 15

Электронные адреса:

WWW.PUSHKIN.OSI.RU

E-mail: pushkin@osi.ru

ISBN 5-17-021264-X

9 785 170 212644

ОАО «Санкт-Петербургская типография № 6».

191144, Санкт-Петербург, ул. Моисеенко, 10.

Телефон отдела маркетинга 271-35-42.